

Э.Г. ЗАДОРЖНЮК

ОТ КРУШЕНИЯ
ПРАЖСКОЙ ВЕСНЫ
К ТРИУМФУ
«БАРХАТНОЙ»
РЕВОЛЮЦИИ

Из истории
ОППОЗИЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
В ЧЕХОСЛОВАКИИ
(АВГУСТ 1968 – НОЯБРЬ 1989 Г.)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES

E.G. ZADOROZHNYUK

FROM THE COLLAPSE OF
THE PRAGUE SPRING
TO THE TRIUMPH OF
THE «VELVET»
REVOLUTION

ON THE HISTORY OF
THE OPPOSITION MOVEMENT
IN CZECHOSLOVAKIA
(AUGUST 1968 - NOVEMBER 1989)

MOSCOW «INDRIK» 2008

Э.Г. ЗАДОРЖНЮК

ОТ КРУШЕНИЯ
ПРАЖСКОЙ ВЕСНЫ
К ТРИУМФУ
«БАРХАТНОЙ»
РЕВОЛЮЦИИ

Из истории
ОППОЗИЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
В ЧЕХОСЛОВАКИИ
(АВГУСТ 1968 – НОЯБРЬ 1989 г.)

МОСКВА «ИНДРИК» 2008

Рецензенты:

кандидат исторических наук Ю.А. Щербакова
кандидат исторических наук А.С. Стыкалин

Задорожнюк Э.Г.

От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии (август 1968 — ноябрь 1989 г.). — М.: «Индрик», 2008.

ISBN 978-5-91674-009-7

Данная работа — первое в отечественной историографии научное исследование, посвященное истории чехословацкого оппозиционного движения и его важнейшей составляющей — диссидентства; анализируются основные формы и направления оппозиционной деятельности; прослеживаются перипетии формирования широкого спектра противостоявших «режиму нормализации» независимых инициатив и структур; дана их типология и эволюция программных установок; зафиксирована смена парадигмы оппозиционной деятельности — переход от политической активности к концепции «неполитической политики».

В приложении представлены избранные документы основных составных частей чехословацкого оппозиционного движения.

Для историков, политологов, преподавателей, студентов.

The book is the first in Russian historiography investigation, devoted to the history of the Czechoslovak opposition movement and its important component — dissidents; the main forms and directions of the opposition activity are analysed; peripeteia of the creation of the wide spectrum of the independent initiatives and structures, which were in opposition to «regime of normalization», is considered; their typology and evolution of the program's directions is given; replacement of the paradigm of opposition work — transition from political activity to the conception of «antipolitical policy» is fixed.

Selected documents of the main components of the Czechoslovak opposition movement are represented in appendix.

For the historians, specialists of political sciences, teachers, students

ISBN 978-5-91674-009-7

© Задорожнюк Э. Г., текст, 2008

© Издательство «Индрик», 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА 1. ЧЕХОСЛОВАЦКОЕ ОППОЗИЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ «НОРМАЛИЗАЦИИ».	
АВГУСТ 1968 г. — АВГУСТ 1969 г.	21
§ 1. Противостояния осени 1968 г.	21
§ 2. Эскалация сопротивления	45
§ 3. Протестное движение в апреле–августе 1969 г.: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ.....	63
ГЛАВА 2. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ И ЕЕ ТОТАЛЬНОЕ ПОДАВЛЕНИЕ. АВГУСТ 1969 г. — 1972 г.	82
§ 1. Движение революционной молодежи	84
§ 2. Социалистическое движение чехословацких граждан	92
§ 3. Чехословацкое движение за демократический социализм.	120
§ 4. Репрессии против оппозиции: масштабы и результаты	130
ГЛАВА 3. АНТИНОРМАЛИЗАЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ. НАЧАЛО 1970-х — СЕРЕДИНА 1980-х гг.	138
§ 1. Переход к новым формам протеста	138
§ 2. Хартия 77 и ее цели.....	180
ГЛАВА 4. ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ ОППОЗИЦИЯ В ПРЕДДВЕРИИ «БАРХАТНОЙ» РЕВОЛЮЦИИ: ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СТРУКТУР И РОТАЦИЯ ЦЕЛЕЙ.....	216
§ 1. Первые шаги по консолидации чехословацкой оппозиции	216
§ 2. На рубежах прямого противостояния	242
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	296
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	302
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	432
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.....	433

CONTENTS

INTRODUCTION	7
CHAPTER 1. OPPOSITIONAL MOVEMENT AT THE EARLY STAGE OF «NORMALIZATION». AUGUST 1968 — AUGUST 1969.....	21
§ 1. THE AUTUMN 1968 CONFRONTATION	21
§ 2. ESCALATION OF RESISTANCE.....	45
§ 3. PROTEST MOVEMENT IN APRIL–AUGUST 1969: TENDENCIES OF DEVELOPMENT.....	63
CHAPTER 2. THE SOCIALIST OPPOSITION AND ITS TOTAL SUPPRESSION. AUTUMN 1969 — 1972.....	82
§ 1. MOVEMENT OF REVOLUTIONARY YOUTH	84
§ 2. SOCIALIST MOVEMENT OF THE CZECHOSLOVAK CITIZENS.....	92
§ 3. CZECHOSLOVAK MOVEMENT FOR THE DEMOCRATIC SOCIALISM.....	120
§ 4. REPRESSION AGAINST OPPOSITION: SCALES AND RESULTS.....	130
CHAPTER 3. ANTINORMALIZATION MOVEMENT. BEGINNING OF THE 1970 — MIDDLE OF THE 1980 YEARS.....	138
§ 1. TRANSITION TO THE NEW FORMS OF PROTEST	138
§ 2. CHARTA 77 AND ITS AIMS.....	180
CHAPTER 4. OPPOSITION AT THE THRESHOLD OF THE «VELVET» REVOLUTION: DIFFERENTIATION OF STRUCTURES AND ROTATION OF GOALS	216
§ 1. THE FIRST STEPS FOR THE CONSOLIDATION OF THE CZECHOSLOVAK OPPOSITION.....	216
§ 2. ON THE BORDERLINE OF DIRECT CONFRONTATION.....	242
CONCLUSION.....	296
SUPPLEMENT	302
LIST OF ABBREVIATIONS.....	432
INDEX OF NAMES	433

ВВЕДЕНИЕ

Оппозиционное движение в Чехословакии на протяжении заключительного 20-летнего периода ее истории как социалистической страны — феномен для анализа предельно сложный. Это вызвано в первую очередь тем, что рассматриваемое движение носило нелинейный характер и отличалось большими и малыми подъемами и спадами, а также тем, что в качестве ведущих в нем выступали силы разной идейно-политической направленности, между которыми могли возникать (и возникали!) весьма непростые отношения. Так что цельная его история — задача скорее поставленная, чем решенная, даже в рамках чешской и словацкой (а до 1993 г. чехословацкой) историографии.

Следует подчеркнуть, что указанное оппозиционное движение имеет в хронологическом плане достаточно четко фиксируемые индикаторы: от 21–22 августа 1968 г. по 17 ноября 1989-го. Термин «нормализация», появившийся еще в злосчастном для судеб страны Московском протоколе 26 августа 1968 г., стал обозначением для открыто провозглашенного и последовательно проводившегося стремления нового руководства КПЧ решительно дистанцироваться от инициированных Пражской весной попыток реформирования советской модели социализма. Однако и этот термин наполнялся в разные исторические отрезки отмеченного двадцатилетия неодинаковыми смыслами: т. е. «нормализация» конца 1968 г. и даже 1969 г. никак не похожа на «нормализацию» весны 1971 г., а последняя — на таковую после 1985 г. Общим для них всех было признание политического доминирования КПЧ, но и здесь можно обнаружить ряд парадоксов. Один из них заключается в том, что поначалу большинство КПЧ в идеологическом плане ориентировалось на «социализм с человеческим лицом»; будучи оттесненными с властных позиций, коммунисты-реформаторы маркировались даже официально противоречивыми названиями: то как «правый оппортунизм», то как «левый ревизионизм», при этом критика их отступничества сводилась к прямолинейному призыву вернуться непонятно к какой «норме».

Весьма трудно разобраться также в разных по генезису и целям составных частях чехословацкого оппозиционного движения; эта задача, несмотря на обилие материалов, еще в значительной мере не решена, а во многом и не поставлена в отечественной и зарубежной историографии. На наш взгляд, этому препятствуют некоторые идеологические барьеры, поскольку представители разных направлений (и даже фракций) оппозиционного движения стремились и сегодня еще стремятся монополизировать в статьях и мемуарах свое место в нем, игнорируя другие направления.

В принципе историю данного движения предельно схематично можно представить в виде своеобразной параболы: на точке первого его взлета были мощные протестные движения против ввода в Чехословакию войск стран Варшавского договора и работа XIV Высочанского съезда КПЧ, а на точке второго — массовые демонстрации в Праге, а затем и во всей стране, положившие начало «бархатной» революции в Чехословакии. При этом надо учесть некоторое отставание от революционных преобразований в ряде других стран «социалистического содружества».

Между этими датами и проходил с разными степенями интенсивности многовекторный процесс так называемой нормализации. Указанный термин, как следует из документов, впервые был употреблен в Москве в августе 1968 г. скорее в качестве некой метафоры. Но после прошедшего в апреле 1969 г. пленума ЦК КПЧ его применяли уже для обозначения последовательного жесткого политического курса. Многозначность тут не подлежит сомнению, но смысл трактовок в ходе реализации упомянутого курса прояснялся с течением времени довольно четко: любая оппозиция режиму «нормализации» — не что иное, как контрреволюция. Соответственно и противостоявшие этому режиму силы трактовали последний как неостановимую деградацию власти, хотя альтернативы «нормализации» выдвигались совсем разные, иногда полярные*.

* Предельно жестко лозунг собственно «нормализации» был провозглашен в декабре 1970 г. в документе «Уроки кризисного развития в партии и обществе после XIII съезда КПЧ»; курс на нее во многом исчерпался лишь к середине 1980-х годов, к моменту начала перестройки в СССР. В целом термин «нормализация» можно обозначить период, характеризовавшийся: а) присутствием советских войск на территории ЧССР; б) доминированием во властных структурах КПЧ; в) преследованием оппозиции; г) замороженностью национально-государственного вопроса; д) просоветской внешней политикой; е) жесткой идеологической и умеренной культурной цензурой. В этом плане «мягкая» нормализация охватывает периоды с августа 1968 по апрель 1969 г., а также с 1985 до второй половины 1989 г., а «жесткая» — с апреля 1969 примерно по 1985 г.

В целом наше исследование оппозиционного движения ориентировано на выявление соотношения внешних и внутренних факторов в деятельности оппозиции. Ее история показывает, что предпосылки в ЧССР для интенсификации оппозиционного движения наличествовали на всем протяжении рассматриваемого периода, то есть с августа 1968 г. до ноября 1989 г., но своеобразными «пусковыми механизмами» движения служили мощные внешние факторы.

Характерные примеры: оппозиция отреагировала на 1973-й, а затем на 1975 год, когда в Хельсинки был подписан Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), точечными выступлениями, которые продолжались вплоть до 1977 г. Важным стимулом ее деятельности стал и 1981 год, знаменовавшийся появлением «Солидарности» в соседней Польше, не говоря уже о ключевой дате — 1985 г., когда в СССР начался противоречивый, но в международном плане весьма значимый перестроечный процесс.

Выявление этих моментов показывает, что в общем во взаимодействии внешних и внутренних факторов первые оказывали едва ли не определяющее влияние на возникновение новых форм и способов оппозиционного движения. Это неудивительно, поскольку Чехословакия, находясь в центре Европы, по-живому реагировала на любые геополитические, идеологические и т. д. сдвиги, начиная от поисков новых форм взаимодействия между конфронтирующими частями Европы (и Америки) и заканчивая трансформациями самой идеи социализма. То есть страна выступала неким сейсмографом не только уже наступивших, но и созревавших политических сдвигов на политическом пространстве Европы, являясь местом новых импульсов в развитии социалистических, националистических, либеральных или других воззрений. Часто неформальные движения, ориентировавшиеся на ту или иную идею, не носили массового характера (как, например, в Польше), не приводили к внутренним сдвигам в рамках правящих партий (как в Венгрии). Тем не менее они весьма значимы для истории оппозиционного движения в рамках региона в целом.

Важным является также выявление соотношения мифического и реального наполнения тех или иных движений. Оппозиционное движение в Чехословакии приобрело массовый характер лишь ко времени «бархатной» революции 1989 г., в то же время его лидеры и на предыдущих этапах зачастую стремились представить ту или иную протестную структуру в качестве мощной политической силы. Более того, они претендовали на преемственность старых идеологических постулатов (опираясь во многом на свою историческую память, например, на идею «социализма с человеческим лицом») или на создание принципиально новых. В этом особо преуспели хартисты и, в частности, В. Гавел: его идеи «неполитической

политики», «власти безвластных», выраженные в форме броских оксюморонов, активно входили в лексикон мировой политической идеологии. Лишь дальнейшие события показали, что разговоры о подобном «наличии отсутствия» политики, стремления к власти и т.п. как раз и являлись способом достижения последней (а в чем-то, согласно довольно злому, хотя и спорному мнению английского исследователя Дж. Кина, даже формой изощренного макиавеллизма); об этом, в частности, свидетельствует и успешная государственная карьера Гавела.

В данной связи актуальной можно считать такую интерпретацию документов, которая позволяет выявить наполненность оппозиционного движения реальными устремлениями и сугубо мифологическую составляющую в нем. Это особенно важно для Чехословакии, которая, как уже указывалось, являлась своеобразным сейсмографом политических и идейных сдвигов на европейском континенте. Можно сказать, что подобная задача не ставилась ни отечественными, ни зарубежными — чешскими, словацкими, западноевропейскими и американскими — исследователями.

Есть еще одно важнейшее обстоятельство, которое требует внимательного прочтения документов оппозиционного движения, включая его диссидентскую составляющую. Испытав в своем развитии немалое воздействие советской перестройки и последующих демократических преобразований в СССР, это движение привело к власти силы, выбравшие путь антисоветизма, а в дальнейшем и русофобии. Внешним проявлением подобного оборота дел стало отсутствие контактов на высшем уровне между РФ и Чешской Республикой на протяжении более чем десяти лет ее существования, когда встреча президентов двух государств состоялась лишь в марте 2006 г. — при мощном идейном противодействии первого президента Чехии. Эта беспрецедентная лакуна побуждает рассмотреть оппозицию под тем углом зрения, в какой мере она ориентировалась на состояние советско-чехословацких, российско-чехословацких, а в перспективе — российско-чешских и российско-словацких отношений. Поразительным является то, что как за «грехи» Советского Союза, явные и вымышленные, так и за пропагандируемые другими силами идеи социализма и коммунизма ответственность возлагалась как раз на РФ, которая уже встала на путь демократизации — со всеми достижениями и издержками этого пути. Внимательный анализ документов позволяет бросить новый взгляд и на данный парадокс.

Естественно, что в работе особое внимание уделяется заключительным годам истории оппозиционного движения в стране. Как показывают документы, в это время к оппозиции можно с большими основаниями причислить и небольшую группу коммунистов в рамках

правлящей партии. Но важнее другое: в 1988–1989 гг. готовились — не всегда по инициативе диссидентов — всплески массовых антирежимных манифестаций, которые определили новые приоритеты оппозиционного движения в целом. На поверхности они не носили политического характера и связывались со второстепенными, на первый взгляд, поводами. Но по сути это был запрос именно на политическую политику с целью изменения властных отношений — ключевого, как известно, момента любой революции.

Носителем крепнувших настроений против «режима нормализации», а в дальнейшем и соответствующих действий, выступило студенчество. Ему оказались одновременно и широкими, и тесными цели, выдвигаемые диссидентами, а главное, сомнительным выступало то обстоятельство, что диссиденты чаще апеллировали к зарубежным СМИ, чем выдвигали проекты преобразования общества с опорой на внутренние силы. Создавалось даже впечатление, что готовая взорваться студенческая масса руководствуется установками анархизма и власти улицы, но внимательное рассмотрение документов показывает, что это не так. Факты свидетельствуют, что скорее в рамках студенческого движения, а не среди различных оппозиционных и диссидентских групп отфильтровывались конструктивные политические идеи, которые сыграли важную роль в реализации коренных социальных изменений, произошедших после 17 ноября 1989 г. Их анализ — задача отдельного исследования.

Как уже отмечалось, история чехословацкого оппозиционного движения — не линейный процесс наращивания протестного потенциала: в одни моменты оно развивалось более интенсивно, в другие — сдерживалось. Может, в силу этих крайне идеологизированных противостояний по данной теме имеется мало обобщающих работ как в чешской, так и в словацкой историографии, хотя материалов и очерков по разным его проявлениям, группам и лидерам выпущено достаточно много. Они, правда, практически не известны отечественному читателю, отсюда еще одна задача данного труда: познакомить с ними современного исследователя, да и любого читателя, интересующегося историей Чехословакии.

Вплоть до конца 1980-х гг. советскими учеными по вполне понятным причинам давались не всегда адекватные и во многом субъективные и конъюнктурно ограниченные оценки не только оппозиции, но и характера развития ЧССР в годы «нормализации» в целом. Эти проблемы совершенно не вписывались в идеологизированную догматическую парадигму КПСС. Мало что говорили об оппозиционном движении и чехословацкие исследователи; многие же партийно ангажированные публицисты освоили фактически один прием: разоблачение «отступников» и «отщепенцев».

Конец 1980-х годов вполне естественно пробудил внимание к «белым пятнам» истории Чехословакии, включая проблему взаимоотношения власти и оппозиции в 1968–1989 гг. Так, в работах отечественных специалистов наконец получила адекватное отражение история Пражской весны¹. Однако следующий после ее крушения период не сразу попал в поле внимания отечественных исследователей, что, собственно, и послужило главным побуждением обращения к проблеме. Интерес к ней ограничивался рассмотрением лишь отдельных аспектов: в ключе персоналогии публицистами Ф. Пирошко и А. Дидусенко²; в рамках литературоведения — С.В. Никольским³; в историческом жанре — В.А. Колесниковым⁴ и автором этих строк⁵.

Что касается зарубежной историографии, там сложилась принципиально иная картина. Представители чехословацкой эмиграции и западные специалисты начали интенсивно работать над проблематикой чехословацкой оппозиции еще с начала 1970-х гг. — в разгар «нормализации», т. е. фактически в момент зарождения антинормализационного движения. Именно в это время весомый вклад в изучение истории социалистической политической оппозиции периода 1968–1972 гг. внесли И. Пеликан, а также Я. Каван и Я. Даниел, создавшие для этого солидную документальную базу. Бывший директор Чехословацкого телевидения (1963–1968 гг.) И. Пеликан выпустил в 1973 г. в Париже документальное издание «Говорит Прага»⁶; в 1974 г. в ФРГ опубликован его же сборник документов «Социалистическая оппозиция в Чехословакии»⁷, а два года спустя англоязычная версия этой книги увидела свет в Лондоне⁸.

В 1976 г. Я. Каван и Я. Даниел издали в Лондоне подборку документов о социалистической оппозиции в Чехословакии, которая тогда же была переведена на русский и польский языки⁹. Упомянутые работы, документальные разделы которых предваряются обстоятельными вводными частями, разнятся не только по содержанию, но и по степени доступности. Так, если книги Пеликана можно найти в чешских и словацких библиотеках, то труд Кавана и Даниела не проник за чехословацкий «железный занавес» в свое время, а сегодня его трудно обнаружить в Чехии и в Словакии по другой причине: отпугивает уже не второе, а первое слово в его названии. По крайней мере, ни в одной из работ чешских и словацких историков ссылки на Кавана и Даниела не отыскиваются. Между тем данное раритетное издание дает ответы на ряд вопросов, которые остаются в историографии дискуссионными, позволяет дополнить отдельными фрагментами общую картину развития антирежимного движения в ЧССР в 1968–1975 гг.

К этому ряду работ, начиная с 1970-х гг., примыкает книга Г. Голан¹⁰, а с конца отмеченного десятилетия — и труды В. Кусина, ограничивавшего свои исследования периодом 1968–1977 гг.¹¹. Примечательным в них является, во-первых, то, что исследователь рассматривал оппозиционное дви-

жение в Чехословакии в сопоставительном ключе с его аналогами в других странах «социалистического содружества», а во-вторых, провел их классификацию и выделил девять видов оппозиционной активности¹². И в последующие годы западная историография периодически пополнялась новыми работами, посвященными отдельным (хронологическим либо тематическим) аспектам проблемы¹³.

Важный вклад в изучение диссидентского движения, в первую очередь Хартии 77, внес в годы вынужденной эмиграции известный чешский историк В.Пречан¹⁴, основавший в Шейнфельде-Шварценберге (ФРГ) Чехословацкий центр независимой литературы, фонды которого после «бархатной» революции были перевезены им в Чешскую Республику. В Добржиховице под Прагой с середины 1990-х гг. функционировал основанный В. Пречаном Чехо-Словацкий документальный центр, фонды которого в начале XXI в. были переданы Национальному музею в Праге, и остается надеяться, что в ближайшем будущем они станут доступными для исследователей. Вызывают огромный интерес и теоретические разработки В. Пречана; можно утверждать, что он, безусловно, является ведущей фигурой в историографии оппозиционного движения в Чехословакии в целом, а также относительно его этапа, связанного с появлением Хартии 77.

Значительный интерес представляют труды канадского ученого Г. Скиллинга¹⁵, обосновывающие, в частности, типологизацию оппозиционного движения в Центральной и Юго-Восточной Европе с выделением четырех его категорий. Это, во-первых, «интегральная оппозиция», которая выступала в качестве непримиримого оппонента сложившейся системы; во-вторых, «фракционная оппозиция» внутри правящей коммунистической партии, представлявшая идеологические разночтения, но не отрицавшая при этом саму систему; в-третьих, «базовая оппозиция», которая также не отвергала систему, но позиционировала себя оппонентом основного политического курса; в-четвертых, «специфическая оппозиция», выступавшая против тех или иных конкретных направлений политики правящего режима¹⁶.

В этом же ключе работал и американский исследователь Ф. Бергурн, предложивший три формы оппозиционной активности. Первые две («фракционную» и «секторальную») автор характеризует как внутрисистемную лояльную оппозицию. Название третьей — «подрывная» — говорит само за себя, а сторонники данной антисистемной категории протестной деятельности нацеливались на свержение существующего строя¹⁷. Фактически же, по словам Р. Тёкеша, данные формы олицетворяли реформистский и революционный методы трансформаций¹⁸. Сам Тёкеш различал три типа протестного движения: «морально-абсолютистский» (писатели-нонконформисты); «инструментально-

прагматический» (часть правящей элиты, выступавшей за «косметический ремонт» системы с целью упрочения своих позиций) и радикальный, именуемый автором «анатомическо-воинственным» («anatomic-militant»), приверженцы которого руководствовались религиозными и национальными мотивами, отрицая коммунистический режим как навязанный насильно¹⁹.

Не только такие мэтры из числа историков, как В. Пречан²⁰ и М. Отагал²¹, но и другие чешские и словацкие специалисты²² неоднократно обращались к различным аспектам чехословацкого антинормализационного движения в ряде своих работ (статьи, доклады, предисловия к сборникам документов о деятельности оппозиции). В вышедшей в свет в Праге в 1994 г. монографии «Оппозиция, власть, общество» М. Отагал представил свой взгляд на историю оппозиции в Чехословакии, обозначив ее начальной точкой 1969 год²³. И все же наиболее детально разработанной остается вплоть до настоящего времени диссидентская составляющая чехословацкого оппозиционного движения, в том числе отдельные аспекты истории Хартии 77.

Анализ состояния изучения проблемы «нормализации» в 1969–1989 гг. дается в историографической работе М. Отагала «Нормализация 1969–1989: состояние исследования»²⁴, вышедшей в свет в Праге в 2001 г. Охватывая такие темы, характеризующие ключевые стороны оппозиционного и диссидентского движения, как «эмигрантская литература», «диссидентство», «Хартия 77», «самиздат», она избавляет от необходимости останавливаться на детальной характеристике зарубежной литературы и дает возможность сосредоточиться на исследованиях, публиковавшихся после выхода в свет труда Отагала.

Конец XX — начало XXI столетия открыли новый этап в чешской и словацкой историографии: переход к более детальному освещению отдельных периодов и различных фракций оппозиционного движения. К числу работ такого рода можно отнести исследования и документальные публикации чешских и словацких авторов В. Пречана²⁵, З. Млынаржа²⁶, И. Пернеса²⁷, К. Пацнера²⁸, Й. Мадры²⁹, Я. Цугры³⁰, Я. Пажоута³¹, П. Блажека³², М. Отагала³³, М. Ванека³⁴, Я. Цисаржовой³⁵, М. Марушиака³⁶, М. Барновского³⁷, Р. Лесняка³⁸, Я. Шимуличка³⁹, Н. Кметя⁴⁰ и др. К этому же времени относятся попытки сравнительного анализа оппозиционного движения в странах Центральной Европы⁴¹, первые шаги историков Центральной и Западной Европы в изучении чехословацкой оппозиционной проблематики⁴², а также совместные коллективные труды специалистов центральноевропейских стран по указанной тематике⁴³.

В целом можно сказать, что чешские и словацкие историки за период после 17 ноября 1989 г. не только создали документальную базу⁴⁴, но и

добились значимых «прорывов» в изучении истории как оппозиционного движения, так и его диссидентской составляющей. Более того, создана солидная основа, которая позволяет идти дальше в изучении проблемы, хотя ее целостное осмысление еще далеко от своего завершения. В связи с этим автору приходилось решать проблему терминологического и содержательного соотношения понятий «оппозиция» * и «диссидентство» **, а также уточнять их определения. Поскольку подописка и подтекст диссидентства в Чехословакии, несмотря на провозглашавшуюся им «неполитическую политику», в конечном счете являлись политическими, представляется методологически корректным его включение в более широкий термин — оппозиционное движение.

Несколько слов о документальном приложении. При отборе документов для него автор руководствовался следующим принципом — проиллюстрировать эволюцию чехословацкого оппозиционного движения, так сказать, наглядно: от листовок конца 1960-х гг. до программных документов основных оппозиционных структур второй половины 1980-х гг.

Таким образом, главная цель книги — опираясь на неопубликованные и опубликованные документы, а также достижения зарубежной историографии, дать общую картину чехословацкого оппозиционного движения, включая его важнейшую составляющую — диссидентство, представить периодизацию этого движения, проанализировать узловые характеристики и траектории развития последнего, открыть логику его эволюции. Как уже отмечалось, в данном ракурсе проблема еще не стала предметом внимания и тем более изучения отечественных историков.

Автор не претендует на исчерпывающие ответы на все вопросы, связанные с историей антирежимного движения в Чехословакии в период «нормализации», считая возможным дать его общий очерк, имея в поле зрения те задачи, которые ставили перед собой и частично решали лидеры Пражской весны, вынужденно ставшие оппозицио-

* Оппозиция (от лат. *oppositus* — противопоставление), противодействие, сопротивление какой-либо политике, чьим-либо действиям, взглядам. Это партия или группа, выступающая вразрез с мнением большинства или с господствующим мнением, выдвигающая альтернативную политику, иной способ решения проблем (напр., парламентская оппозиция, внутрипартийная оппозиция).

** Диссиденты (от лат. *dissidium* — несогласие) — инакомыслящие, активно использующие неформальные способы протеста в борьбе против господствующей идеологии. В разных формах они выступают за соблюдение прав и свобод человека и гражданина (правозащитники), против преследования инакомыслящих, за что подвергаются репрессиям, а также тюремным заключениям по сфабрикованным обвинениям со стороны властей.

нерами, а также те трансформации, которые происходили с другими кругами его участников вплоть до 17 ноября 1989 г. Рассматриваемая в таком ракурсе история антинормализационного движения — предпосылка взвешенного решения задачи анализа причин и движущих сил «бархатной» революции — одного из ключевых событий в истории послевоенной Чехословакии, закончившейся через три года распадом единого государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: *Новопашин Ю.С.* Вторжение в Чехословакию как воплощение классового подхода // Политические кризисы и конфликты 50–60-х гг. в Восточной Европе. М., 1993; Он же. Вторжение в Чехословакию в 1968 г. как воплощение практики «классового подхода» // Славяноведение. 1993. № 1; *Пихоя Р.Г.* Чехословакия 1968 г. Взгляд из Москвы. По документам ЦК КПСС. На перепутье между политическими и военными методами // Новая и новейшая история. 1995. № 1; *Мусатов В.Л.* Предвестники бури. Политические кризисы в Восточной Европе (1956–1981). М., 1996; Он же. Советский Союз и Пражская весна 1968 г. // Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. М., 2005. Т. 2; *Волков В.К.* Инстинкт самосохранения: советская партократия и «пражская весна» // Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. М., 1997; *Латыш М.В.* «Пражская весна» 1968 г. и реакция Кремля. М., 1998; *Стыкалин А.С.* «Пражская весна» 1968 года и позиция Венгрии // Славяноведение. 1998. № 5; Он же. Новое свидетельство о роли советского фактора в чехословацких событиях 1968 года (К выходу в свет мемуаров генерала А.М. Майорова) // Славяноведение. 2001. № 1.
- 2 *Пирошко Ф.* Штрихи к портрету Вацлава Гавела, избранного 29 декабря 1989 г. президентом Чехословакии // За рубежом. 1990. № 5; *Дидушенко А.* Триумф и трагедия Вацлава Гавела // Новое время. 1992. № 28.
- 3 *Никольский С.В.* Быть или казаться? О драматургии Вацлава Гавела // Иностранная литература. 1990. № 7.
- 4 *Колесников В.А.* Трансформация политической и конституционно-правовой системы Чехо-Словакии (80-е — начало 90-х гг.). Воронеж, 2001.
- 5 *Задорожнюк Э.Г.* Вацлав Гавел: Драматургия президентства // Кентавр. М., 1995. № 5; Она же. Чешская Республика // Центральноевропейские страны на рубеже XX–XXI вв. (Общественно-политические аспекты развития): Справочное издание. Новосибирск, 2003; Она же. Словацкая Республика // Там же; Она же. Политический портрет президента-драматурга Вацлава Гавела // Политические лидеры и стратегии реформ в Восточной Европе. М., 2003; Она же. На пути к «бархатной» революции: противостояние «властных» и «безвластных» в Чехословакии // Славяноведение. 2004. № 3; Она же. Конфронтация «режима нормализации» и оппозиции в Чехословакии в конце 1980-х годов XX века // *Środkowoeuropejskie studia polityczne. Poznań*, 2004. № 1; Она же. Путь к «бархатной» революции // Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. М., 2005. Т. 2; Она же. Чешско-словацкие отношения: от «режима нормали-

- зации» 1969 года к «бархатной» революции 1989 года // Новая и новейшая история. 2005. № 6; Она же. Почему не устояло в 90-е гг. XX в. единое чехословацкое государство? // Власть—общество—реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. М., 2006; Она же. Хартия 77: уроки тридцатилетней истории // Свободная мысль. 2008. № 2.
- 6 Pelikán J. Ici Prague. L'opposition intérieure parle. Paris, 1973.
- 7 Pelikán J. Sozialistische Opposition in der ČSSR: Analyse und Dokumente des Widerstandes seit dem Prager Frühling. Frankfurt a.M, Köln. 1974.
- 8 Pelikán J. Socialist Opposition in Eastern Europe: the Czechoslovak example. London, 1976.
- 9 Socialist Opposition in Czechoslovakia. Assembled Documents. 1973–1975 / Eds. J. Kavan, J. Daniel. London, 1976; Социалистическая оппозиция в Чехословакии. Подборка документов. 1973–1975 / Под ред. Я. Кавана и Я. Даниела. Перевод с английского. London, 1976; Socjalistyczna Opozycja w Czechoslowacji: Dokumenty. 1973–1975 / Eds. J. Kavan, J. Daniel. London, 1976.
- 10 Golan G. Reform Rule in Czechoslovakia: Dubcek Era. 1968–1969. Cambridge, 1973.
- 11 Kusin V.V. From Dubček to Charta 77: A Study of «Normalization» in Czechoslovakia. 1968–1978. Edinburgh, 1978; Idem. Challenge to Normalcy: Political Opposition in Czechoslovakia. 1968–1977 // Opposition in Eastern Europe / Ed. R.L. Tökés. London, 1979.
- 12 Kusin V.V. Typology of Opposition // Soviet Studies. 1973. 1. S. 125–129.
- 13 См., например: Williams K. The Prague Spring and its Aftermath. Czechoslovak politics 1968–1970. Cambridge, 1997; Tücker A. Fenomenologie a politika. Od Jana Patočky k Václavu Havlovi. Olomouc, 1997; Idem. The Philosophy and Politics of Czech Dissidence from Patočka to Havel. Pittsburgh, 2000.
- 14 Kniha Charty: Hlasy z domova 1976–1977 / Ed. V. Prečan. Köln, 1977; Prečan V. Die sieben Jahre von Prag 1969–1976. Briefe und Dokumente aus der Zeit der «Normalisierung». Frankfurt am Main, 1978; Vývoj Charty: Záznam z konference ve Franken / Eds. V. Prečan, P. Tigríd. Köln, 1981. См. также: Prečan V. V kradeném čase. Výběr studií, článků a úvah z let 1973–1993. Praha; Brno, 1994. S. 603–615.
- 15 Skilling H.G. Czechoslovakia's Interrupted Revolution. Princeton, 1976; Idem. Charter 77 and Human Rights in Czechoslovakia. London, 1981; Idem. Samizdat and an Independent Society in Central and Eastern Europe. London, 1989. См. также: Civic Freedom in Central Europe. Voices from Czechoslovakia / Eds. H.G. Skilling, P. Wilson. London, 1991.
- 16 Skilling H.G. Opposition in Communist East Europe // Regimes and Oppositions / Ed. R.A. Dahl. New Haven and London, 1973. P. 92–94; Idem. Background to the Study of Opposition in Communist Eastern Europe // Political Opposition in One-Party States. London, 1972. P. 76–79.
- 17 Barghoorn F.C. Factional, Sectoral and Subversive Opposition in Soviet Politics // Regimes and Oppositions... P. 39.
- 18 Tökés R.L. Varieties of Soviet Dissent: An Overview // Dissent in the USSR. Politics, Ideology and People / Ed. R.L. Tökés. Baltimore; London, 1975. P. 18.
- 19 Ibid. S. 13–19; см. также: Povolný M. Charta 77 a československá opozice // Charta 77. 1977–1989. Od morální k demokratické revoluci. Dokumentace / Ed. V. Prečan. Scheinfeld-

Schwarzenberg, Bratislava, 1990. S. 150; *Blažek P.* Opozice a odpor. K typologii nesouhlasu s komunistickým režimem v Československu 1968–1989 // II. Kongres českých politologů. Praha, 2003. S. 261–270.

20 *Ten Years of Charter 77.* Hannover, 1986 / Ed. by V. Prečan; *Charta 77. 1977–1989. Od morální k demokratické revoluci...*; *Prečan V.* Nezávislá literatura a samizdat v Československu 70. a 80. let. Praha, 1992; *Idem.* V krazeném čase...; *Idem.* Lid, veřejnost, občanská společnost jako aktér Pražského jara // *Proměny Pražského jara.* Sborník studií a dokumentů o nekapitulantských postojích v československé společnosti 1968–1969. Brno, 1993. S. 13–36; *Idem.* Opětovné vynoření občanské společnosti: nezávislé občanské aktivity v komunistickém Československu 70. a 80. let // *Česká a slovenská společnost v období normalizace.* Bratislava, 2003 и др.

21 *Otáhal M.* První fáze opozice proti tzv. normalizaci (1969–1972) // *Dvě desetiletí před listopadem 89.* Praha, 1993; *Idem.* K některým otázkám dějin «normalizace» // *Soudobé dějiny.* 1995. Č. 1; *Idem.* K některým problémům výzkumu tzv. normalizace // *Československo po sovětské okupaci 1968.* Olomouc, 1997; *Idem.* K některým otázkám dějin takzvané normalizace v českých zemích // *Za svobodu a demokracii. Odpor proti komunistické moci.* Praha, 1999.

22 *Štefanský M.* Invázie, okupácia a jej dôsledky // *Slovenská spoločnosť v krízových rokoch 1967–1970.* Zv. III. Bratislava, 1992; *Prokš P.* Konec jednoho experimentu. Krize a pád totalitního režimu v Československu 1968–1989. Jinočany, 1993; *Bárta M.* Pokus o záchranu reformního programu // *Československo roku 1968: počátky normalizace.* D. 2. Praha, 1993; *Belda J.* Konečná fáze likvidace obrodného procesu // *Československo roku 1968: počátky normalizace...*; *Čarnogurský J.* Videné od Dunaja. Bratislava, 1997; *Barnovský M.* Vedenie KSČ a KSS — od nástupu M. Gorbačova po November 1989 // *November 1989 na Slovensku.* Súvislosti, predpoklady a dôsledky. Štúdie a úvahy. Bratislava, 1999; *Idem.* Sovietská «perestrojka», vedenie KSČ a ľavicové opozičné prúdy // *Cesty k novembriu 1989.* Aktivity Alexandra Dubčeka / Eds. I. Luluha et al. Bratislava, 2000; *Idem.* Dubček Alexander, komunistický a ľavicový politik // *Aktéri jednej éry na Slovensku. 1948–1989* / Eds. J. Pešek at al. Prešov, 2003; *Šulc Z.* Psáno inkognito: doba v zrcadle samizdatu 1968–1989. Praha, 2000; *Benčík A.* Requiem dla Praskiej Wiosny. Wrocław, 2002; *Idem.* Cesta k normalizaci // *Přísné tajemství!* Praha, 2003. Sv. 6; *Marušiak J.* Nezávislé iniciativy na Slovensku v rokoch normalizácie // *November 1989 na Slovensku...*; *Jechová. K.* Lidé Charty 77. Praha, 2003; *Barnovský M., Pešek J.* V zovretí normalizácie. Cirkvi na Slovensku v rokoch 1969–1989. Bratislava, 2004; *Vítězové? Porážení?* Životopisná interview. D. I–II / Eds. M. Vaněk, P. Urbášek. Praha, 2005; *Mocní? A bezmocní?* Politické elity a disent v období tzv. normalizace. Interpretáční studie životopisných interview / Ed. M. Vaněk. Praha, 2006; *Charta 77. Od obhajoby lidských práv k demokratické revoluci. 1977–1989.* Praha, 2007.

23 *Otáhal M.* Opozice, moc, společnost. 1969–1989. Příspěvek k dějinám «normalizace». Praha, 1994.

24 *Otáhal M.* Normalizace. 1969–1989. Příspěvek ke stavu bádání. Praha, 2002. Смысл данного историографического анализа, по словам М. Отагала, заключался в следующем: «внести вклад в первую картину достигнутых результатов при разработке исто-

рии нормализации и обратить внимание на белые пятна. Хотя уже была проделана часть работы, сегодняшние результаты являются лишь отдельными камешками мозаики, цельное полотно которой пока еще только создается. Тем не менее эта стадия позволяет чешским историкам предпринять попытку, например, издания очерков по истории оппозиции, компартии, социальной и экономической истории, а также изучения позиций и поведения отдельных слоев населения. Подобного рода работы могли бы составить основу обобщающего труда». Ibid. S. 101.

25 *Prečan V.* Nezávislá literatúra a samizdat v Československu 70. a 80. let. Praha, 1992; *Idem.* V kradeném čase...; The Democratic Revolution in Czechoslovakia: Its Precondition, Course and Immediate Repercussions. 1987–1989. Briefing Book / Eds. V. Prečan, D. Paton. Prague, 1999; Praha–Washington–Praha. Depeše velvyslanectví USA v Československu v listopadu a prosinci 1989 / Ed. V. Prečan. Praha, 2004.

26 *Mlynář Z.* Problémy politického systému. Texty o roce 1968, normalizaci a současné reformě v SSSR. Köln, 1987.

27 *Pernes J.* Od demokratického socialismu k demokracii. Nekomunistická socialistická opozice v Brně v letech 1968–1972. Brno, 1999.

28 *Pacner K.* Osudové okamžiky Československa. Praha, 1997.

29 *Madry J.* Sovětská okupace Československa, jeho normalizace v letech 1969–1970 a role ozbrojených sil. Praha, 1994.

30 *Cuhra J.* Skrytý zápas: Stát, katolická církev a mládež v druhé dekádě normalizačního režimu // Ostrůvky svobody / Ed. M. Vaněk. Praha, 2002.

31 *Pažout J.* Hnutí revoluční mládeže 1968–1970. Edice dokumentů. Praha, 2004.

32 *Blažek P.* PARAF (Paralelní Akta Filozofie). Vydávání samizdatového časopisu. 1985–1989. Praha, 2006.

33 *Otáhal M.* Podíl tvůrčí inteligence na pádu komunismu. Brno, 1999; *Idem.* Studenti a komunistická moc v českých zemích. 1968–1989. Brno, 2003.

34 *Vaněk M.* Zelené mládí: Ekologické aktivity mladé generace v osmdesátých letech // Ostrůvky svobody...

35 *Cysařová J.* Koordinační výbor, tvůrčí svazy a moc: 1968–1972: nekapitulantské postoje české tvůrčí inteligence a mechanismy moci KSČ / Ed. J. Váchová. 2003.

36 *Marušiak J.* Nezávislé iniciatívy na Slovensku...

37 *Barnovský M.* Sovietská «perestrojka», vedenie KSČ a l'avicové opozičné prúdy; *Idem.* Dubček Alexander, komunistický a l'avicový politik; *Barnovský M., Pešek J.* V zovretí normalizácie. Cirkvi na Slovensku v rokoch 1969–1989. Bratislava, 2004.

38 *Lesňák R.* Listy z podzemia. Kresťanské samizdaty 1945–1989. Bratislava, 1998.

39 *Šimulčík J.* Čas svitania: Sviečková manifestácia 25 marca 1988. Prešov, 1998; *Idem.* Katolícka cirkev a nežná revolúcia 1989. Prešov, Bratislava, 1999.

40 *Kmeť N.* Slovenská opozícia za normalizácie // Česká a slovenská společnost v období normalizácie. Liberec, 2001.

41 *Vilímek T.* Srovnání vývoje, specifických odlišností a podobností opozice v ČSSR a NDR 1968–1989 // Bolševismus, komunismus a radikální socialismus v Československu. Sv. II / Eds. Z. Kárník, M. Kopeček. Praha, 2004.

42 Pernal M. Karta 77 // Więź 1. Warszawa, 1990; *Idem*. «Nieznormalizowani». Opozycja polityczna w Czechosłowacji w latach 1968–1977 // Więź 2. Warszawa, 1993; Kołodziej M. Od Praskiej Wiosny do Aksamitnej Rewolucji. Opór społeczny i opozycja w Czechosłowacji w latach 1968–1989 — zarys problematyki // Studia i materiały z dziejów opozycji i oporu społecznego / Ed. Ł. Kamiński. Wrocław, 1998; Perzi N. Die Sozialistische Opposition in der ČSSR vom Prager Frühling bis zur Charta 77 // Reflexionen über das Jahr 1968 / Ed. K. Kaiserová. Ústí n. L., 1999; Pauer J. Charta 77. Moralische Opposition unter den Bedingungen der Diktatur // Samizdat. Alternative Kultur in Zentral- und Osteuropa. Die 60er bis 80er Jahre / Ed. W. Eichwege. Bremen, 2000; Andrlé V. Czech Dissidents: A Classically Modern Community // Biographical Research in Eastern Europe / Eds. R. Humphrey et al. Burlington, 2003; Blehova B. Der Fall des Kommunismus in der Tschechoslowakei. Wien, 2006.

43 Česká a polská historická tradice a její vztah k současnosti / Ed. D. Hrodek. Praha, 2003; Česká a polská samizdatová literatura. Opava, 2004.

44 Charta 77. 1977–1989...; Hledání naděje 1978–1987. Výběr z ineditních sborníků. Praha, 1993; Svědectví o duchovním útlaku 1969–1970. Dokumenty. Praha, 1993; Čas Demokratické iniciativy 1987–1990. Sborník dokumentů. Praha, 1993; Hnutí za občanskou svobodu 1988–1989. Sborník dokumentů. Praha, 1994; Sekuritas imperii. Sborník k problematice bezpečnostních služeb. D. 1–3, 4 (sv. I–III). Praha, 1994–1998; Nezávislá skupina České děti 1988–1989. Dokumenty. Praha, 1995; Občanská společnost 1967–1970. Emancipační hnutí uvnitř Národní fronty 1967–1970. Dokumenty. D. 2. Sv. 1 Praha; Brno, 1995; Mezinárodní souvislosti československé krize 1967–1979. Červenec–srpen 1968. Dokumenty. D. 4. Sv. 2. Praha; Brno, 1996; Obroda. Klub za socialistickou přestavbu. Dokumenty. Praha, 1996; Tůma O. a kol. Srpen' 69. Edice dokumentů. Praha, 1996; Mezinárodní souvislosti československé krize 1967–1970. Září 1968 — květen 1970. Dokumenty. D. 4. Sv. 3. Praha; Brno, 1997; Hanáková J. Edice českého samizdatu. 1972–1991. Praha, 1997; Gruntorád J. Informace o Chartě 77: 1978–1990: članková bibliografie. Brno, 1998; Vedení KSČ o disentu a opozici. Dokumenty z ledna 1986 — října 1989. Praha, 1999; Hlasy občanské společnosti. 1987–1989. Výběr z textů a dokumentů. Praha, 1999; Československá cesta k demokracii. Chronologie události 1985–1989. Praha, 1999; Chronologie zániku komunistického režimu v Československu 1985–1990. Praha, 1999; November 1989 a Slovensko: chronológia a dokumenty (1985–1990). Bratislava, 1999; Komunistická strana Československa. Kapitulace (srpen–listopad 1968). Dokumenty. D. 9. Sv. 3. Praha; Brno, 2001; Komunistická strana Československa. Normalizace (listopad 1968 — září 1969). Dokumenty. D. 9. Sv. 4. Praha; Brno, 2003; Charta 77: Dokumenty 1977–1989 / Eds. B. Císařovská, V. Prečan. Sv. 1–3. Praha, 2007 и др.

**ГЛАВА 1. ЧЕХОСЛОВАЦКОЕ ОППОЗИЦИОННОЕ
ДВИЖЕНИЕ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ
«НОРМАЛИЗАЦИИ».
АВГУСТ 1968 г. — АВГУСТ 1969 г.**

§ 1. Противостояния осени 1968 г.

Началом важного этапа оппозиционного движения можно считать дни 21–22 августа 1968 года, когда в Чехословакию вошли войска пяти государств Организации Варшавского договора (ОВД), чтобы предотвратить дальнейшее продвижение к «социализму с человеческим лицом», и когда на следующий день ведущая политическая сила страны — КПЧ — осудила это вторжение. Фактически в оппозиции оказалась вся страна и большая часть ее руководства, что побудило в первую очередь Москву искать опору на новые силы внутри партии и государства.

Чехословацкое общество после 21 августа 1968 г. определенно выражало свое негативное отношение к «интернациональной помощи», оказанной Чехословакии странами-участницами ОВД. С самого первого дня в стране начались бурные массовые протесты против ввода войск. Население не согласилось с оккупацией, что проявлялось на каждом шагу: отказ предоставлять вошедшим в страну военнослужащим какую-либо информацию либо же предоставление фальшивой информации, ликвидация дорожных указателей и табличек с названиями улиц в городах, надписи на стенах и даже нежелание давать воду солдатам¹.

Что касается представителей высших государственно-политических структур, то 22 августа депутаты Национального собрания Чехословакии обратились к правительствам и парламентам пяти стран-членов Варшавского договора с категорическим протестом против вторжения и требованием немедленного вывода из страны иностранных войск². В тот же день в 10 часов утра по инициативе пражского горкома партии начал работу (без словацких делегатов) чрезвычайный XIV (Высочанский) съезд КПЧ³. В его работе приняли участие 1219 из 1543 избранных делегатов, которые избрали новый центральный комитет партии и приняли целый ряд обращений, воззваний и посланий, адресованных народам социалистической Чехословакии, словацкому

народу и словацким коммунистам, молодым людям Чехословакии⁴. «Вы уже знаете, — говорилось в Обращении ко всему народу и молодежи, — что единодушное мнение делегатов съезда совпадает с вашим. Мы требуем вывода оккупационных сил из нашей страны и освобождения всех наших представителей, восстановления суверенитета нашей республики. Нам крайне необходима ваша помощь. Поэтому мы обращаемся к вам с тем, чтобы довести эту борьбу до победного конца»⁵. Из-за чинившихся препятствий большинству словацких делегатов не удалось приехать в Прагу. С этого момента, как утверждает чешский историк О. Кашпар, стали проявляться различные подходы чешской и словацкой ответственности к событиям августа 1968 г.⁶ Работа избранного на съезде нового ЦК КПЧ проходила под лозунгом: «Мы отвергаем оккупацию, настаиваем на выводе иностранных войск; наше оружие — всеобщая забастовка»⁷. Одним из беспрецедентных примеров выражения протеста представителями коммунистической элиты внутри страны явилось Обращение делегатов к международному коммунистическому и рабочему движению⁸. «Мне представляется, — писал позднее бывший секретарь ЦК КПЧ З. Млынарж, — что XIV съезд КПЧ, состоявшийся 22 августа 1968 года, сыграл чрезвычайно положительную роль в дальнейшем развитии событий. Благодаря созыву этого съезда, КПЧ как политическая партия сохранила определяющее влияние на сознание большинства населения»⁹. Съезд осудил агрессию и потребовал вывода иностранных войск, возвращения руководителей страны к своим конституционным обязанностям, особо настаивая на соблюдении норм международного права, включая положения Варшавского договора, не требуя выхода ЧССР из него.

Съезд лишил каких-либо полномочий промосковскую консервативную группу, не оставив за ее представителями ни одной должности во вновь избранных органах. Национальное собрание и правительство открыто заявили о своем признании решений Высочанского съезда КПЧ. Складывалось впечатление, что партия коммунистов как политическая сила продолжает действовать в русле прежнего курса Пражской весны. Съезду на несколько дней «удалось создать видимость однозначной политической победы реформаторских сил в ситуации, когда на деле они потерпели полное поражение»¹⁰. Находившиеся в те дни с визитом в Югославии члены чехословацкого правительства (О. Шик, И. Гаек, Ф. Власак и Ш. Гашпарик) также выступили с заявлением, в котором выразили свой протест против вторжения в страну иностранных войск¹¹.

Кремль, как известно, не исключал силового решения вопроса о власти в стране, ориентируясь на формирование «революционного рабоче-крестьянского правительства». В связи с этим он пошел на чрез-

вычайные меры: изоляцию протестующей части чехословацкой правящей элиты, настроенной на продолжение эксперимента «социализма с человеческим лицом». Уже 21 августа первый секретарь ЦК КПЧ А. Дубчек и его единомышленники окружным путем — через Польшу — были доставлены на советскую территорию.

В ситуации тотального неповиновения чехословацкого общества и международного давления Москве пришлось отказаться от своих первоначальных планов и пойти на переговоры с официальными представителями — в том числе и интернированными — чехословацкого государства. В предельно сжатом виде сценарий выглядел следующим образом: 23 августа в Москву вылетел президент ЧССР А. Свобода. Сразу же после его приезда начались переговоры, завершившиеся подписанием документа, который вошел в историю под названием «Московский протокол»¹². Перипетии, связанные с этим документом, достаточно детально изложены в отечественной литературе¹³.

Отметим, что в конце концов чехословацкая делегация капитулировала перед прессингом советских лидеров, которые навязали ей свой ультимативный проект документа. 26 августа 1968 г., т. е. через 4 дня после начала работы Высочанского съезда в Праге, в Кремле состоялось последнее совместное заседание советского руководства и чехословацкой делегации по окончательной редакции Московского протокола¹⁴. Несмотря на достигнутые в предшествующие дни договоренности по всем пунктам представленного советской стороной текста, члены чехословацкой делегации неожиданно предприняли отчаянные попытки некоторого смягчения формулировок документа и даже внесения в него ряда поправок. Это, как представляется, можно считать не только проявлением гражданского мужества, но и своего рода формой протеста части партийно-государственной элиты Чехословакии уже не внутри страны, а за ее пределами — в стенах Кремля. Следует отметить, что Дубчек во время первой беседы с ним «кремлевской четверки» (А. Брежнев, Н. Подгорный, А. Косыгин и Г. Воронов) категорически опровергал обвинения в адрес процесса реформ, отрицал обоснованность интервенции, назвав ее серьезной политической ошибкой и трагедией не только для Чехословакии, но и для всего международного рабочего движения, отстаивал Высочанский съезд, отказывался вести переговоры и принимать какие-либо решения без участия других членов чехословацкого руководства и требовал их освобождения¹⁵. Крайней же формой протеста в Москве можно назвать категорический отказ члена президиума ЦК КПЧ, председателя Национального фронта ЧССР (НФ ЧССР) Ф. Кригеля поставить под Московским протоколом свою подпись¹⁶. Выражением более смягченных форм протеста явились попытки скорректировать некоторые уже согласованные с совет-

скими лидерами положения документа, которые предприняли Г. Гусак, А. Дубчек и О. Черник.

Так, А. Дубчек пророчески спрогнозировал развитие ситуации в ЧССР в ближайшем будущем, открыто перечислив возможные последствия «интернациональной помощи» следующим образом: «Необходимо, чтобы и вы (т. е. советские лидеры. — Э. З.) реально смотрели на положение в нашей стране и в партии. Это очень губительно сказывается на жизни народов. Нанесен сильный удар как по мышлению, так и по чувствам нашего народа. Мы говорим открыто, что считаем ваш шаг (то есть введение войск — Э. З.) серьезной ошибкой, которая принесет огромный ущерб нашей партии и международному коммунистическому движению. Это факт, и я говорю об этом только потому, что следует задуматься над тем, как выйти из этой ситуации, которая вообще не имеет поддержки народа, партии, подрывает дружбу и формирует объективную основу для антисоветских выступлений (курсив мой. — Э. З.)». «Не следует ожидать, — продолжал он, — что эти последствия будут преодолены в короткие сроки. Это будет длительная и напряженная работа. Президиум ЦК поэтому находится в очень сложном положении... Вот почему хотел бы попросить вас с пониманием относиться к работе, поскольку нам предстоит действовать в очень сложных условиях. Прошу терпения и понимания, *ведь это ранило саму душу нашего народа* (курсив мой. — Э. З.). Эта работа займет длительный период времени. Говорят, например, об антисоветских выступлениях. Да, но резолюции с несогласием принимаются повсеместно. Это ставит нас в очень плохое положение...»¹⁷. Тем самым он, во-первых, прямо указал на главную причину формирования оппозиции в стране, а во-вторых, дал понять, что часть самой КПЧ в тогдашнем составе потенциально входила в ее ряды.

В Москве впервые был запущен в оборот термин «нормализация» и прозвучали различные его интерпретации. Как следует из стенограммы переговоров чехословацкой делегации с советским руководством в Кремле, председатель правительства О. Черник пытался уточнить сроки пребывания в ЧССР войск стран ОВД. «Мы просим, — отметил он, — чтобы вы нас правильно поняли: для президиума ЦК и для нашей партии, решающее значение имеют действия стран членов ВД в решении вопроса о пребывании войск. Заверяем вас, что мы будем действовать таким образом, чтобы наш народ понял важность вопроса. Мы можем себе представить всю серьезность положения. Нам понятно и международное значение этой проблемы. Просим, чтобы в наше соглашение (имеется в виду Московский протокол. — Э. З.) были внесены такие поправки, которые явятся выражением надежды на максимально организованные дальнейшие действия. В первую очередь следующее: на базе упрочения и консолидации отношений в ЧССР будет проведен

постепенный вывод войск. Для нормализации обстановки чрезвычайно важным является то, чтобы партийные и государственные органы приступили к работе, то есть чтобы были освобождены здания и аппарат, чтобы войска постепенно выводились из городов и отдельных пунктов, чтобы в партии восстановилась нормальная жизнь. Это мы считаем важным вопросом...»¹⁸. Тем самым в содержание термина «нормализация» вкладывался конкретный смысл, сводившийся к следующему: «нормализация» может начаться лишь после вывода — хотя и «постепенного» — войск из ЧССР. Прозвучавший в выступлении Черника термин «консолидация отношений» * в стране в иерархии приоритетов также занимал второе после вывода воинских частей место.

Необходимо подчеркнуть, что советское руководство трактовало термин «нормализация» принципиально иначе, не ограничивая пребывание своих воинских частей на чехословацкой территории какими-либо временными рамками. Так, Л. Брежнев уже 10 сентября 1968 г. недвусмысленно заявил О. Чернику, который, видимо, продолжал настаивать на прозвучавшей в Москве интерпретации «нормализации», что «нынешняя линия» чехословацкого руководства расходилась с московскими переговорами. «Необходимо, — заявил он, — чтобы ЦК и правительство дали ясно понять, что вступление войск явилось вынужденной мерой, вызванной активностью антисоциалистических элементов... *нормализовать положение значит сохранить завоевания социализма и выступить против реакции* (курсив мой. — Э. З.). Однако сейчас выясняется, что нормализовать положение якобы значит вывести из страны союзнические войска»¹⁹. Заметим, что это «якобы» длилось в стране более 20 долгих лет...

И все же 26 августа 1968 г. 9 представителей с советской (Л. Брежнев, Н. Подгорный, А. Косыгин, Г. Воронов, А. Кириленко, Д. Полянский, М. Суслов, А. Шелепин, П. Шелест) и 19 — с чехословацкой стороны (Л. Свобода, А. Дубчек, Й. Смирковский, О. Черник, В. Биляк, Ф. Барбирек, Я. Пиллер, Э. Риго, Й. Шпачек, О. Швестка, М. Якеш, Й. Ленарт, Б. Шимон, Г. Гусак, А. Индра, З. Млынарж, М. Дзур, Б. Кучера, В. Коуцки) подписали Московский протокол²⁰. Тем самым, по словам чешского историка Я. Навратила, «была поставлена точка на так наз. послеянварской политике и положено начало процессу нормализации»²¹. И — можно добавить — процессу становления крайне широкой оппозиции вторжению в ЧССР войск пяти стран-участниц ОВД.

Секретный Московский протокол состоит из 15 пунктов, главное содержание которых сводилось к следующему: аннулирование собрав-

* В дальнейшем термин «консолидация» диверсифицировался и указывал на «консолидацию политических отношений», «консолидацию экономических отношений и др. См.: *Komunistická strana Československa... D. 9. Sv. 4. S. 213–215, 217.*

шегося в условиях советской оккупации нелегального Высочанского съезда КПЧ; согласие на пребывание на чехословацкой территории союзных войск со смутной перспективой их ухода в случае успеха «нормализации»; снятие «чехословацкого вопроса» с обсуждения в Совете Безопасности ООН; созыв пленума ЦК КПЧ по «нормализации»; прекращение деятельности политических клубов и организаций возрождавшейся социал-демократической партии; усиление органов МВД и госбезопасности; недопущение репрессий в отношении содействовавшей интервенции просоветской группы. Предпоследним, 14-м пунктом, оговаривалось, что контакты между ведущими представителями КПСС и КПЧ после 20 августа, как и содержание проходивших переговоров следует считать «строго конфиденциальными»²².

Вторым пунктом Московского протокола четко фиксировалось время проведения внеочередного XIV съезда КПЧ: «*после нормализации* (курсив мой. — Э. З.) положения в партии и стране»²³. Определение «после нормализации» выглядит весьма расплывчато и достаточно странно. Здесь нужно вспомнить, что, в соответствии с согласованной позицией чехословацкой стороны на переговорах в Кремле и ее концепцией «нормализации», партийный съезд следовало провести после вывода из страны иностранных воинских частей. Реформаторской части чехословацкого руководства в конце августа, наверное, сложно было предвидеть, что как раз безотлагательность созыва партийного съезда станет не только одним из самых популярных требований набравшего силу протестного движения, но и одним из камней преткновения, из-за которого она проиграет одно из важнейших сражений с консерваторами. Опытные советские партаппаратчики прекрасно понимали, что тактика затягивания съезда и парламентских выборов, а в конечном счете выигрыш во времени — один из важнейших методов укрепления позиций консервативной части руководства КПЧ. В случае же попыток реформаторов добиваться работы съезда в ближайшем будущем, когда еще не был распылен их потенциал, Кремль всегда мог указать на несоблюдение «достигнутых договоренностей», а также на обязательства неукоснительного соблюдения Московского протокола.

В третьем пункте документа шла речь о проведении в ближайшие 6–10 дней объединенного заседания пленума ЦК КПЧ и Центральной контрольно-ревизионной комиссии, в повестку дня которого намечалось включить обсуждение вопросов нормализации положения в стране, актуальные вопросы партийной и государственной жизни, совершенствования работы партийных и государственных органов, экономические проблемы и проблемы жизненного уровня населения. На пленуме предполагалось также поднять вопрос и о смещении с постов тех лиц, деятельность которых «не отвечала интересам обеспечения руководящей

роли рабочего класса и коммунистической партии, решениям январско-го и майского пленумов ЦК КПЧ (1968), интересам укрепления позиций социализма в стране и дальнейшего развития отношений ЧССР с братскими странами социалистического содружества»²⁴. Таким образом, вольно или невольно предполагалась комбинация совершенно иного рода: под «нормализацией» подразумевался не столько вывод войск и затем съезд КПЧ, сколько невывод войск и проведение пленума ЦК КПЧ с постановкой вопроса об избавлении от несогласных.

Московским протоколом зафиксирован ряд моментов, сыгравших позднее решающую роль в судьбе оппозиционного движения в стране. Во-первых, это пассажи документа о «непримиримой борьбе против контрреволюционных сил» (пункт 1), что, собственно, и создавало «идеологическую» основу борьбы с оппозиционным (на тот момент во многом гипотетическим) движением в стране. Во-вторых, советская сторона выдвинула условие, заранее согласованное с президентом Л. Свободой: возвращение на свои посты всех руководителей партии и государства лишь при условии объявления недействительными решений чрезвычайного XIV (Высочанского) съезда. Тем самым в ряды оппозиции могли зачисляться и коммунисты, продолжавшие поддерживать решения этого съезда. В ходе кадровых перемен «здоровые силы» не должны пострадать, «нездоровых» же пока оставляли в покое. Согласие было получено, а советское руководство потребовало предоставить ему гарантии выполнения договоренностей в Чиерне над Тиссой и Братиславе о борьбе с антисоциалистическими силами и о контроле над СМИ. Без этого, как заявили советские лидеры, союзные войска из страны не уйдут.

Почему дезавуированию решений Высочанского съезда уделялось столь важное внимание? Причина заключается в полном неприятии Москвой «социализма с человеческим лицом», что автоматически — хотя и с некоторым временным интервалом — переводило его приверженцев в ряды оппозиционеров. Но ведь они были в своей стране, более того, представляли собой ее руководство. Оставалось найти причины нелегитимности не столько самого съезда, сколько деклариовавшейся им линии.

В протоколе констатировалась готовность представителей КПЧ немедленно провести ряд мер с целью упрочения власти трудящихся и позиций социализма (пункт 4). В связи с этим особо подчеркивалось значение следующих шагов: овладение СМИ, которые следует полностью поставить на службу делу социализма; прекращение деятельности различных групп и организаций, занимавших антисоциалистические позиции; запрещение деятельности «антимарксистской социал-демократической партии». Для реализации этих целей, говорилось в документе, в ближай-

шие дни будут приняты соответствующие «эффективные действия»²⁵. Массированное наступление на реформаторов, ориентировавшихся на «социализм с человеческим лицом», развернулось, таким образом, по всему фронту.

Чешские авторы в ряду «смягченных положений» перечисляют следующие: тезис о выводе войск по завершении «временного» пребывания, продолжительность которого зависела от хода «нормализации», а также о поддержке советской стороной политической линии январского и майского пленумов ЦК КПЧ, хотя об одобрении Программы действий периода Пражской весны ничего не говорилось. Чехословацкая сторона могла тем самым представлять общественности Московский протокол как «итог компромисса»²⁶. В дальнейшем Кремль требовал неукоснительного и беспрекословного выполнения пунктов протокола, который, несомненно, служил не только одним из факторов сохранения оппозиции, но и важнейшим побудительным мотивом ее действий.

Датируя начало периода «нормализации» днем подписания Московского протокола, можно, на наш взгляд, говорить о мягком варианте «нормализации», который продолжался с 26 августа 1968 г. до апрельского (1969 г.) пленума ЦК КПЧ. Существенной чертой этого периода явилось то, что оппозиция во всех срезах общества действовала легально, хотя против ее радикальных действий власти уже начинали использовать силовые (полицейские) методы борьбы. Смещение А. Дубчека и приход к власти в апреле 1969 г. Г. Гусака положили начало более жесткому варианту «нормализации», а применительно к оппозиции — новому этапу ее деятельности: переходу к исключительно нелегальным формам протеста²⁷.

Что касается позиции граждан, то они в публичных выступлениях выражали последовательное несогласие с оккупацией, протестуя против политики уступок, которую избрало, как они утверждали, дубчечковское руководство. Шло нарастание критики тех лидеров Пражской весны, которые отходили от ее идеалов и ориентировались на Москву. Правда, и граждане, и коммунисты могли пока что легально выражать свою позицию. При этом целью протестных акций являлось не смещение руководства Дубчека, а давление на него, чтобы оно отказалось от политики уступок и продолжило взятый после января 1968 г. курс на реформы.

Таким образом, в августе 1968 г. на свет появились два взаимоисключающих документа — решения XIV Высочанского съезда КПЧ и Московский протокол, которые послужили мощным импульсом ускорения дифференциации в рядах высшего чехословацкого партийно-государственного руководства. Но и в обществе размежевание также проходило по линии принятия или непринятия этих решений. Интернированные лидеры ЧССР вернулись в страну, связанные подписанным

(кроме Кригеля) в Кремле документом. Однако тот минимум уступок, который удалось отстоять чехословацкой делегации в Москве, являлся совершенно недостаточным для умиротворения и успокоения общества. С этого момента берет начало трагический зазор между реформаторской частью партийного руководства, связанного Московским протоколом, с одной стороны, и большей частью чехословацкого общества, зазор, который неотвратимо и постоянно увеличивался.

Линии разлома внутри руководства КПЧ уже в конце лета 1968 г. стали проявляться все рельефнее. Политика компромисса, или «меньшего зла», как ее тогда называли, продолжалась — надо было соблюсти декорум. Несогласие с действиями Дубчека выражали отдельные лица и внутри КПЧ. Следующим шагом в переориентации партии и страны в целом на «нормализацию» явился пленум ЦК КПЧ, проходивший 31 августа 1968 г.²⁸ Один из представителей радикального крыла реформаторов, член ЦК КПЧ, а в будущем один из основателей действовавшей в ЧССР нелегальной структуры «Социалистическое движение чехословацких граждан»²⁹ Я. Шабата категорически заявил: «Нормализация должна быть обусловлена выводом войск, а не их присутствием»³⁰. Тем самым он настаивал на концепции «нормализации», которую часть чехословацкого руководства пыталась отстоять на переговорах в Кремле. Шабата требовал опираться на 9/10 народа и продолжать вместе с ним начавшийся в ходе Пражской весны курс на реформы. Он далее подчеркнул, что Московский протокол, противоречивший действительности, нельзя проводить в жизнь. Аналогичную позицию занимали Ф. Кригель, Э. Гольдштюкер, О. Шик, И. Свитак³¹.

Однако их начали все активнее вытеснять с лидирующих позиций, на которые претендовали просоветские политики В. Биляк, А. Индра и др., т. е. так называемые «здоровые силы», зачастую именовавшиеся в народе «предателями». Странники консервативного уклона требовали неукоснительного следования рекомендациям Кремля³².

Тактика уступок Дубчека под давлением Москвы также вела не только к расколу партии, но и к протестам в обществе. Наиболее мощно этот протест выражали студенты и рабочие предприятий. Эти слои общества, получившие в Московском протоколе наименование «контрреволюционные силы», продолжали акции протеста: на 23 августа была объявлена одночасовая (с 12.00 до 13.00) всеобщая забастовка в знак протеста против вторжения, а 26 августа — забастовка протеста против продолжавшейся оккупации³³.

И неудивительно, что «прицельный огонь» по оппозиции начался почти сразу после августа. Одним из шагов на пути к реализации «нормализации» явилось закрытие пользовавшихся популярностью журналов «Репортер» и «Политика». Консерваторы в руководстве КПЧ

по принципиальным соображениям и убеждениям требовали расправы с протестовавшими журналистами. Что касается реформаторских сил в руководстве КПЧ, то они, связанные положениями Московского протокола, объективно вынуждены были действовать заодно с консерваторами. Не был связан обязательствами по реализации положений Московского протокола лишь Ф. Кригель, не поставивший, как уже говорилось, под ним своей подписи.

3–4 октября в Москве состоялась встреча представителей пяти государств ОВД, на которой обсуждался вопрос о подготовке к подписанию 18 октября Договора о временном пребывании в ЧССР советских войск³⁴. В ее рамках прошли переговоры А. Дубчека, Г. Гусака и О. Черника с советским руководством³⁵. По словам З. Млынаржа, чехословацкая делегация «вернулась из Москвы с новыми условиями капитуляции, выходящими за рамки Московского протокола». В частности, она согласилась с пребыванием советских войск на территории ЧССР в течение неопределенного времени, а также дала согласие на отсрочку на неопределенный срок созыва съезда КПЧ. Кроме того, она приняла к сведению точку зрения Политбюро ЦК КПСС на Программу действий КПЧ как на «ошибочный документ»³⁶.

«Новые условия капитуляции», несомненно, в очередной раз всколыхнули общество, в котором развертывалась ожесточенная борьба против начинавшейся «нормализации». Самое сильное недовольство проявляли студенты и рабочие. Активность студентов нельзя назвать случайной: уже в ходе Пражской весны они являлись важнейшим составным звеном движения за реформы. После августа 1968 г. вместе с профсоюзами и частью интеллигенции студенчество становилось главным субъектом протестного движения. Нужно также иметь в виду, что процесс резкой активизации студенчества продолжался во всем западном мире, особенно во Франции³⁷.

И все же студенчество оказалось далеко не единодушным в своем протесте. Как уже отмечалось, проходившие внутри партийного руководства разломы экстраполировались и на чехословацкое общество в целом. Одним из примеров нарастающей дифференциации и поляризации явилось собрание 565 студентов и представителей так наз. низшего звена «здоровых сил», состоявшееся 9–10 октября 1968 г. в Доме просвещения в Праге (округ Либень). На нем была принята резолюция в поддержку сотрудничества с находившимися в Чехословакии иностранными войсками³⁸. Разумеется, такого рода собрания готовились правящими силами консервативной направленности, но более половины тысячи одних только представителей — цифра внушительная и, по всей видимости, многие из них позже служили делу «оздоровления», «консолидации» и «нормализации» не за страх, а за совесть.

В качестве ответной реакции коллектив педагогического факультета и Высшей школы земледелия г. Чешские Будеёвице направил 7 ноября 1968 г. в ЦК КПЧ «Открытое письмо». В нем выражались поддержка «прогрессивных сил ЦК КПЧ во главе с Дубчеком», осуждение «раскольнической деятельности фракционных групп» и обеспокоенность их активизацией³⁹. Конечно, данное письмо выражало волю большинства, а может, и подавляющего большинства студенчества, но — не абсолютно всего. Следует заметить, что все же не письма стали главной формой протеста в рассматриваемый период.

Характерно, что в «Открытом письме» частично получили отражение те установки, которые несколько позднее, в самом конце 1968 — начале 1969 г. войдут в тексты договоров Союза студентов высших учебных заведений Чехии и Моравии с профсоюзами заводов, предприятий и научных учреждений: незаконность и ошибочность военного вмешательства пяти социалистических стран, а также требование созыва в кратчайшие сроки съезда коммунистической партии Чешских земель. Открыто выраженная непримиримость с вводом иностранных войск на территорию суверенного государства усугублялась строптивостью второго требования. Мало того, что требовался немедленный и безотлагательный созыв партийного форума — это само по себе входило в противоречие с Московским протоколом, — предполагалось проведение не просто съезда, а съезда пока еще вообще не существующей коммунистической партии Чешских земель. Напомним, что в итоге она так и не была создана⁴⁰.

Между резолюцией и письмом прошел тревожно ожидавшийся властью 28 октября юбилей единого чехословацкого государства. Он связывался еще и с двумя трагическими датами в истории Чехословакии — 1938 и 1948 гг., поэтому на массовых демонстрациях протесты против присутствия иностранных войск звучали очень громко. Опасавшиеся эскалации массовых студенческих протестов Л. Свобода, А. Дубчек и О. Черник вынуждены были в качестве своего рода превентивной меры обратиться 26 октября к чехословацкой молодежи с посланием, предостерегавшим от радикализации, которая могла привести к нежелательным и опасным последствиям⁴¹.

Реакция на события 28 октября властей и общества совершенно различна. Власти, хотя и реформаторские, которые возглавлял Дубчек, применили дубинки, а общественность, не парализованная Московским протоколом, выражала солидарность с манифестантами. Так, 31 октября в Праге собрался актив писателей, который принял Соглашение о солидарности. Этот документ, который в последующие дни обсудили некоторые творческие союзы, рассматривался в качестве платформы совместных действий культурного и гражданского фронтов. Суть его сводилась к следующему: никто не может преследоваться за свои убеж-

дения и взгляды⁴². Тем самым недовольная часть общества в преддверии прогнозирувавшегося «закручивания гаек» властями приступила к выработке превентивных мер и со своей стороны.

Между тем октябрьский разгон демонстрантов не снизил накала протестных настроений в чехословацком обществе. 6–7 ноября в Праге, Братиславе, Брно, Чешских Будеевицах и других городах началась новая волна демонстраций студентов, против которых полиция снова применила силовые средства: дубинки, слезоточивый газ и брандспойты⁴³. По словам главы правительства О. Черника, «вышедшие на улицы 8 тыс. человек начали строить баррикады»⁴⁴; в одной только Праге полиция задержала 176 чел.⁴⁵.

На фоне эскалации массовых протестов началась подготовка к очередному ноябрьскому пленуму ЦК КПЧ, на котором должна была «произойти решающая проба сил, выяснение соотношения реформаторской и консервативной фракций в высшем эшелоне партии»⁴⁶. В ходе подготовки к пленуму ЦК КПЧ для Кремля стало ясно, что с командой Дубчека общий язык найти будет трудно. Это следует из указаний, которые Политбюро ЦК КПСС направило 11 ноября находившемуся в Праге заместителю министра иностранных дел В.В. Кузнецову и послу СССР в ЧССР С.В. Червоненко к беседе с А. Дубчеком по проекту документов пленума⁴⁷. В Москве считали, что решения ноябрьского пленума ЦК КПЧ должны послужить основой активизации борьбы за упрочение социалистического строя⁴⁸.

В условиях присутствия советских войск, легализованного советско-чехословацким Договором о временном пребывании советских войск на территории ЧССР от 18 октября 1968 г. в ходе «нормализации», по-другому и быть не могло. Вряд ли удивительным считалось то, что после ноябрьского пленума продолжится открытая борьба двух политических платформ: сторонников демократии («правые», «правые оппортунистические силы») и приверженцев реставрации политической системы по советской модели («левые», «здоровые марксистско-ленинские силы») ⁴⁹. Ожидалось другое: если в первый лагерь придут немногие лица, потерпевшие поражение, то во второй придут те, кто считался победителями.

Решительная позиция молодежи расходилась с установками не только консервативной части партийно-государственного аппарата, но и с позицией коммунистов-реформаторов, которые находились под жестким прессингом Москвы. Чрезмерно активные протестные действия молодых людей в их планы не входили и входить не могли, поскольку они квалифицировались Московским протоколом как контрреволюционные. Именно поэтому активизация молодежи не оставалась без внимания высшего государственного руководства.

Примечательной чертой данного периода можно назвать то, что после подавления октябрьских и ноябрьских протестов студентов власти решили изменить тактику (не исключено, что под давлением коммунистов-реформаторов в партийно-государственном руководстве) и в целях исключения в дальнейшем подобного рода инцидентов решили пойти на диалог с ними.

Первая встреча председателя ЦК НФ ЧССР Э. Эрбана, сменившего на этом посту Ф. Кригеля, с членами президиума Союза студентов высших учебных заведений Чехии и Моравии состоялась 12 ноября 1968 г. На ней Эрбана проинформировали о создании в Праге Комитета действий студентов, который намеревался в ближайшие дни осуществлять координацию и руководство студенческим движением в Праге. В качестве одной из ближайших акций Комитета называлась подготовка к 17 ноября — Международному дню студентов. Согласно планам Комитета действий, студенты намеревались отметить эту памятную дату — 29-ю годовщину подавления студенческой манифестации гитлеровцами — траурным шествием.

Из текста документа трудно судить о реакции Эрбана относительно студенческих планов. Похоже, он не стал брать лично на себя ответственность за подобного рода акции, пообещав организовать прием представителей студенчества высшим руководством ЧССР⁵⁰. И, действительно, уже на следующий день, 13 ноября 1968 г., такая встреча состоялась. В ней приняли участие представители Союза студентов высших учебных заведений Чехии и Моравии, а также некоторых других чехословацких молодежных организаций, функционеров комитета КПЧ по высшему образованию и представители высшего партийно-государственного руководства. О ее серьезности свидетельствует не только место проведения (Пражский Град), но и состав участников переговоров со стороны руководства партии и государства (Свобода, Дубчек, Черник, Смирковский, Эрбан, Пелнарж). Председатель Союза студентов М. Дымачек изложил свое видение политической ситуации в стране, а затем представители высшего руководства ответили на вопросы студентов. На встрече, в частности, обсуждался и вопрос о проведении студентами 17 ноября памятной акции в Международный день студентов.

Как и следовало ожидать, отношение высших руководителей партии и государства (в том числе и коммунистов-реформаторов) к акции 17 ноября явилось однозначно отрицательным, хотя аргументация ими высказывалась различная. «Знаю, — сказал А. Дубчек, — что это будет не просто торжественный акт, но и выражение отношения к политической обстановке. Мы не можем считать это акцией в нашу поддержку»⁵¹. При этом Дубчек руководствовался следующими мотивами: студенческая организация не обладает достаточным опытом, чтобы не

допустить выхода ситуации из-под контроля, предотвратить провокации и кровопролитие. Он выступил против публичных акций, поскольку «это не путь решения ситуации». Публичные выступления, по его словам, можно легко использовать в провокационных целях; они «могут вызвать тысячу вопросов, которые заведут в тупик международные переговоры»⁵².

Можно предположить, что А. Дубчек опасался ответных жестких мер со стороны союзников по ОВД. Говоря о поступавших в органы высшей партийной и государственной власти резолюциях различных представителей общественности, он отметил, что «высоко их ценит» и что они служат ему «моральной поддержкой». Вместе с тем Дубчек советовал более взвешенно подходить к перечню вносимых в них требований. Так, идея организации общенародного обращения к правительству о безотлагательном начале переговоров о немедленном выводе войск из Чехословакии считалась нереальной, и народ, как подчеркнул Дубчек, «прекрасно это понимает»⁵³. В этом случае он, скорее всего, высказывал свою реакцию и на «Открытое письмо» студентов от 7 ноября.

Черник в свою очередь пообещал, что в ЧССР уже никто не будет брошен в тюрьму по политическим мотивам. Вместе с тем он высказал следующее предостережение: против участников антигосударственных акций будут приниматься меры в соответствии с действующим законодательством⁵⁴.

На встрече студенты подняли вопрос и о создании советов трудящихся (заводские советы или рабочие советы, как их еще называли) на предприятиях. В ответ Дубчек заметил, что данный вопрос не проработан до конца из-за недостатка времени, не возразив против необходимости его окончательного решения. Тем самым из-за дефицита времени (а не по принципиальным соображениям) формирование рабочих советов временно блокировалось. Предполагалось снова вернуться к этой проблеме на пленуме ЦК КПЧ в декабре 1968 г. Получалось, что столь волновавший молодежь вопрос о заводских (рабочих) советах не закрывался окончательно и это не могло не вселять определенные надежды. Диалог, как тогда казалось, состоялся и даже стал приносить свои плоды, тем более, что студенты не поднимали на встрече вопрос о своем намерении проводить забастовки ни в ближайшем, ни в отдаленном будущем.

Впрочем, далеко не все студенты были довольны итогами встречи. Это, в частности, отразилось в тексте Соглашения о солидарности студентов, профессоров и работников вузов, подготовленном через два дня после беседы с лидерами государства Союзом студентов Чехии и Моравии 15 ноября 1968 г.⁵⁵ Более того, уже ближайшие дни показали, что диалог с властью оказался всего лишь очередной иллюзией столь

необходимого для общества консенсуса и вовсе не студенческая позиция послужила детонатором разраставшегося конфликта.

14–17 ноября 1968 г. прошёл пленум ЦК КПЧ. Руководство и Дубчек настроились на серьезные усилия по выработке приемлемой для всех фракций КПЧ платформы. Подготовку проекта резолюции поручили Й. Шпачеку и З. Млынаржу, которые предприняли «последнюю попытку очертить рамки, в пределах которых сохранялась бы хоть какая-то возможность проводить реформаторский курс». Однако подготовленный ими текст в целом виде в окончательную версию резолюции так и не вошел. Накануне пленума, в ночь с 15 на 16 ноября, Дубчек, Гусак и Черник, не поставив в известность остальных членов ЦК, отправились из Праги в Варшаву на консультацию к Брежневу, который в те дни в качестве гостя присутствовал на V съезде ПОРП. В результате из проекта резолюции исчезли фрагменты текста, которые могли хоть как-то поставить под сомнение «обоснованность» военной интервенции, и добавлены фразы об опасности «правого оппортунизма» в рядах КПЧ⁵⁶.

После бурных дебатов пленум принял резолюцию, которую А. Дубчек считал «выходом из критической ситуации, возникшей после августа». «Я убежден, — писал А. Дубчек в октябре 1974 г. — что ноябрьская резолюция 68-го года, в отличие от выводов январского, апрельского и майского пленумов ЦК КПЧ, которая возникла как следствие августа, была ближе всего к возможности политического объединения абсолютного большинства партии и общества и давала возможность вывести партию из нового кризиса, который вызвали, как это сегодня уже ясно, фракционеры, желающие с помощью военного вмешательства аннулировать сами основы январской политики ЦК КПЧ (курсив в оригинале. — Э. З.)»⁵⁷.

Резолюция, называемая Я. Каваном и Я. Даниелом «компромиссной»⁵⁸, не оправдывала вторжение иностранных войск в ЧССР, но и не признавала существование контрреволюции, критиковала догматические сектантские силы, которые пытались повернуть развитие вспять, к периоду до января 1968 г. Вместе с тем она признавала наличие антисоциалистических элементов, которые якобы были обнаружены в печати, клубах и различных организациях. Она еще поддерживала Программу действий, но уже назвала ее «рабочим документом»⁵⁹.

Пленум санкционировал учреждение нового временного органа — исполкома Президиума ЦК КПЧ, а также образование Бюро ЦК по Чешским землям во главе с Л. Штроугалом, которое, по словам Я. Мехиржа, явилось одним из главных инструментов первой фазы «нормализации». В начале 1970-х гг. Бюро руководило проведением чисток рядов КПЧ, так наз. «проверок»⁶⁰.

Появление чешского партийного Бюро, как представляется, явилось частичным ответом на раздававшиеся все громче в обществе

требования создания чешской компартии и, надо полагать, одним из демонстративно-формальных шагов на пути его реализации.

Любопытна оценка ноябрьской резолюции чешских издателей многотомной публикации документов. «Если московский протокол, — пишут Й. Вондрова и Я. Навратил, — как прямой продукт вторжения вынужден был в своей окончательной версии учесть спонтанное сопротивление чехословацкого народа оккупации, сохранив тем самым определенное пространство для политического маневра, то ноябрьский пленум ЦК КПЧ, проходивший под впечатлением от заключенного в октябре чехословацко-советского договора о пребывании определенного контингента советских войск на территории Чехословакии „в течение неопределенного времени“, а также принятая на нем резолюция — после предшествующей ревизии советского генерального секретаря — свели это мнимое пространство практически к минимуму»⁶¹. В этом выводе смущает, пожалуй, одно: «сведение к минимуму» политического пространства, которое сами же авторы называют «мнимым».

В любом случае, часть Московского протокола, формулировавшая цель борьбы с «контрреволюцией», едва ли давала какое-либо пространство для политического маневра сторонникам А. Дубчека, оно скорее, предоставлялось «здоровым силам» в рядах высшего эшелона политической власти. И этим пространством для маневра они умело воспользовались на ноябрьском пленуме ЦК КПЧ. Именно под их давлением пленум принял резолюцию, из которой исчезли «программные принципы и цели Программы действий КПЧ — сутью новой политики должна была стать „послеянварская политика“, очищенная от деформаций послеянварского периода»⁶².

В дискуссиях в дальнейшем уточнялось и содержание термина «нормализация», которая более уже не связывалась непосредственно с выводом советских войск, а трактовалась как «продолжение послеянварской политики с твердым социалистическим курсом»⁶³.

Позиции приверженцев Дубчека ослабевали. Одна их часть сблизилась с радикально-демократическим крылом (Смрковский, Шпачек, Млынарж), вторая (Черник, Гусак, Свобода) примкнула к представителям промосковской политики и заняла «реалистическую линию». Дубчеку приходилось постоянно лавировать между ними, но в итоге он постепенно оказывался в изоляции⁶⁴.

Таким образом, ноябрьский пленум наглядно продемонстрировал нараставший разлом внутри ЦК КПЧ: в знак протеста против политики уступок ушел со своего поста секретаря ЦК КПЧ З. Млынарж, что, несомненно, значительно ослабляло силы реформаторов. Тем более что в созданный на пленуме исполком президиума ЦК КПЧ вошли Г. Гусак,

Ш. Садовский, Л. Свобода, О. Черник, Л. Штроугал, Э. Эрбан и только два сторонника реформ — А. Дубчек и Й. Смирковский.

Компромиссные решения ноябрьского пленума заставили студентов снова инициировать новый политический кризис. Через 24 часа после пленума ЦК КПЧ студенты всех вузов Чехии и некоторых высших учебных заведений Словакии начали забастовку в знак протеста против оккупации⁶⁵. Активность достигла пика 18 ноября 1968 г., когда они объявили о начале трехдневной забастовки, в которой приняли участие десятки тысяч студентов. Студенческая забастовка не выходила за пределы вузов на улицы и не превратилась в манифестацию, не представляя такой угрозы политической стабильности, как события 28 октября. Партии удалось «повлиять на студентов в том плане, чтобы они соблюдали порядок и не допускали каких-либо стихийных действий»⁶⁶. Высокопоставленный работник ЦК КПЧ информировал советских представителей, что «со стороны многих рабочих, особенно на заводах ЧКД в Праге, проявлялись симпатии к студенческой забастовке и дело шло к прямой поддержке студентов. Лишь под большим давлением рабочие заводов ЧКД отказались от своего намерения устроить демонстрацию в Праге в знак солидарности с бастующими студентами»⁶⁷.

Требования бастовавших изложены в документе «Десять пунктов» (его называли «Студенческой десяткой»), провозглашенных Союзом студентов вузов Чехии и Моравии⁶⁸. Основой политики в нем провозглашалась Программа действий КПЧ, принятая в апреле 1968 г. (по сути — продолжение реформ Пражской весны), отрицалась «кабинетная политика» и содержалось требование взаимного обмена информацией между обществом и властью (по сегодняшней терминологии — Public Relations). Бастовавшие требовали ограничения полугодием цензуры в СМИ; свободы собраний и объединений; гарантии свободы деятельности в сфере науки, литературы и культуры; соблюдения правовых норм для граждан; продолжения создания заводских советов трудящихся в качестве органов заводского самоуправления; свободы выезда за рубеж; отказа в сфере внешней политики от участия в акциях, противоречивших чувствам чехословацкого народа, Хартии ООН и Всеобщей декларации прав человека; отставки с руководящих постов тех, кто «утратил доверие» и кому «так и не удалось четко и ясно объяснить свою позицию»⁶⁹. Характерно, что призыва к крайне популярному в обществе выводу войск из ЧССР документ не содержал, что, видимо, свидетельствует о следовании наказу, который студенты не так давно получили от Дубчека. Вместе с тем в него было внесено требование о рабочих советах.

В историографии существуют различные оценки этого документа. Так, польская исследовательница М. Колодзей полагает, что участ-

ники ноябрьской забастовки позиционировали себя общественно-политической силой и добивались права на участие в политической жизни⁷⁰. Чешский историк Я. Пажоут, напротив, называет эти требования «умеренными»⁷¹. Действительно, в документе нет прямых протестов против оккупации, не содержатся в нем и призывы к выводу войск. То есть, можно сказать, что он фактически составлялся в русле установок руководства Дубчека, в какой-то мере коррелируя с Московским протоколом. В свою очередь Каван и Даниел называли его «программой-минимум», а забастовку — протестом против оккупации⁷².

В любом случае ноябрьская забастовка студентов явилась выражением протеста, который указывал на высокий уровень политического сознания общества. «Студенческая десятка» отражала настроения всей общественности, и рабочие сразу же стали доказывать важность ее положений действиями. На предприятиях прошли рабочие собрания, которые приняли «Десять пунктов» в качестве своей программы. Рабочие устраивали встречи с бастующими студентами, оказывали им финансовую помощь и предупреждали власти, что на любую попытку сломить студентов они ответят забастовкой. Символически свою поддержку они подтвердили получасовым перерывом в работе, фабричными гудками и т. д.⁷³ В Чехии почти повсеместно стали создаваться забастовочные комитеты, трансформируясь в рабочие советы. Позднее, в январе 1969 г., предпринималась попытка создать центральный орган рабочих советов, но власти поняли, что это движение становится опасным, и расформировали советы.

На заседании 19 ноября президиум правительства, обсудив вопрос о положении в вузах, назвал студенческую забастовку акцией, не способствовавшей процессу консолидации в стране⁷⁴. Такая оценка показала, что государственные власти, включая реформаторскую их часть, не поддерживали крайних методов борьбы. В тот же день на совещании первых секретарей окружных и краевых комитетов КПЧ, посвященном итогам ноябрьского пленума, Л. Штроугал напомнил об обещании студентов почтить 17 ноября память жертв фашистской расправы мирным траурным шествием. Однако, по его словам, студенты изменили свои первоначальные планы и приняли иное решение — провести трехдневную забастовку. Требования «Десяти пунктов», по словам Штроугала, сформулированы таким образом, что «со многими из них можно согласиться». «Однако, — продолжал он, — забастовка названа оккупационной, что, разумеется, имеет особый акцент, акцент политический...». Инициаторы забастовки, продолжал Штроугал, представляют дело таким образом, что данная акция проводится в поддержку послеянварской политики и прогрессивного ядра партии. «Мы знаем, — утверждал он, — что трехдневная забастовка с названием оккупационная проводится не в поддержку данной линии. Фактом

является то, что в последние часы мы получаем информацию о том, что студенты приходят на заводы, требуют конкретной поддержки этой студенческой забастовки, все более остро реагируют на ноябрьскую резолюцию и оказывают определенное давление — причем давление не малое — на определенное политическое развитие, которое должно проходить у нас после ноябрьского пленума»⁷⁵.

Такого рода заявления фиксировали тот момент, что КПЧ постепенно теряла авторитет, который она приобрела после января 1968 г., что она расходилась с обществом⁷⁶, а альтернативные голоса звучали уже глуше.

Однако пламя протестов разгоралось с новой силой, и власти предприняли очередную попытку диалога со студентами на высшем государственном уровне. 27 ноября⁷⁷ с представителями Союза студентов высших учебных заведений снова встретился председатель ЦК НФ Э. Эрбан. На ней лидер студентов М. Дымачек назвал прошедший пленум ЦК КПЧ «ноябрьским компромиссом», поскольку руководящие посты заняли те, кому «студенты не доверяют». Далее он акцентировал внимание на манифестационном характере забастовки, проводившейся в знак протеста против опасности консолидации доянварских сил⁷⁸. Но одно дело встреча до забастовки или тому подобной акции, и другое — после нее. Конструктивный диалог давался с трудом.

Эрбан, как следует из протокола переговоров, пытался объяснить: то, что делает партия — «не компромисс, а выход из реальных, а не иллюзорных условий»⁷⁹. Один из представителей студентов назвал студенческий документ «Десять пунктов» «программой-минимум», пояснив, что изначально положения документа формулировались более жестко, в частности в нем содержался пункт о выражении недоверия Дубчеку⁸⁰. Эти две позиции содержали вектор компромисса, и вывод Эрбана относительно того, что надо сделать возможным участие студентов в активной политике, совпадал — хотя бы формально — с тем, что Дымачек со своей стороны предложил «конструктивное использование нашей (т. е. студенчества. — Э. З.) политической силы»⁸¹.

В целом студенческую забастовку можно трактовать двояко. С одной стороны, даже в условиях «нормализации» она продолжала массовое движение протеста под лозунгом «социализма с человеческим лицом». С другой — ее можно считать первым выражением формирующейся оппозиции. И в этом ракурсе ее результаты превзошли ожидания тех, кто до января 1968 г. и в ходе Пражской весны стремился заложить основы постоянного сотрудничества студентов и рабочих. В то же время преследования бастующих знаменовали начало конца массовых движений протеста на легальной основе.

После забастовки в ноябре 1968 г., фактический неуспех которой студенты восприняли как крушение надежд на «социализм с челове-

ским лицом», студенческое движение подверглось дифференциации. Часть студентов охватило чувство безнадежности и бессилия, что обусловило возникновение как пораженческих, так и радикальных настроений. Приверженцы радикальных мер заняли по отношению к руководству А. Дубчека жесткую позицию, отказавшись от Программы действий КПЧ как программы выхода из кризиса. Именно на этой базе несколько позднее сформировалось оппозиционное нелегальное Движение революционной молодежи. Эстафета же массовых протестов к концу 1968 г. перешла к профсоюзам.

16–19 декабря 1968 г. в Праге во Дворце съездов состоялся учредительный съезд Чешского профсоюза рабочих металлообрабатывающей промышленности, решительно потребовавший продолжения инициированных в дни Пражской весны реформ, в том числе курса на самоуправление. Съезд поддержал предложения о номинации Й. Смрковского на пост председателя Федерального собрания ЧССР (ФС ЧССР), которое, согласно Закону о федерации, находилось в стадии формирования. В качестве гостя на съезде выступил он сам, а его кандидатуру уже поддержали студенческие организации и союзы творческой интеллигенции. Предостерегающий голос делегатов съезда профсоюза рабочих-металлистов, представлявшего 900 тыс. членов, зазвучал особенно громко.

Знаменательный факт в оппозиционном движении этого времени — Договор о сотрудничестве Чешского профсоюза рабочих металлообрабатывающей промышленности и Союза студентов вузов Чехии и Моравии⁸². Договор одобрили 1200 делегатов съезда (воздержались 17 чел.)⁸³. Для студентов же он значил признание общесоциальной весомости своего движения.

По договоренности со студентами профсоюз приступил к подготовке забастовок протеста⁸⁴. Весь северо-восточный угольный бассейн принял решение начать 28 декабря забастовку, которая должна послужить сигналом присоединения остальных. Но после переговоров профсоюза с премьером О. Черником забастовка была отложена. Протесты общественности все же не прошли напрасно, они заставили власти по крайней мере идти на компромиссы, признавая законность ряда требований.

Таким образом, Чешский профсоюз рабочих металлообрабатывающей промышленности 19 декабря 1968 г. принес оппозиционному движению первый конкретный результат сотрудничества со студентами: начало всенародной кампании в поддержку кандидатуры Й. Смрковского на пост председателя ФС ЧССР. В распространявшемся в самиздате Открытом письме в адрес депутатов Национального собрания ЦК Чешского профсоюза рабочих-металлистов заявил: «Если не будет принято во внимание предупреждающий голос почти миллионной организации работников металлообрабатывающей промышленности, мы полны ре-

шимости начать забастовку». Рабочие получили поддержку представителей 330 тыс. работников строительной промышленности, 200 тыс. крестьян, 180 тыс. железнодорожников, профсоюза работников печати и других. Кампанию поддержал и Координационный комитет творческих союзов⁸⁵. Декабрьские дни тем самым ярко продемонстрировали вектор дальнейшего развития протестного движения — солидарные действия студентов, рабочих и интеллигенции.

21 декабря состоялась еще одна встреча представителей Союза студентов вузов Чехии и Моравии с О. Черником и Э. Эрбаном. Студенты изложили свои взгляды на политическую ситуацию, прокомментировав основное содержание своего договора с Чешским профсоюзом металлостов⁸⁶, который для высшего эшелона власти представлялся не только неприемлемым, но и побуждавшим к нестабильности.

Проходившие в стране события заставили консерваторов мобилизовать свои силы и готовиться к контрнаступлению. Выступивший 25 декабря по радио и телевидению Г. Гусак заявил, что в соответствии с Законом о федерации пост председателя федерального парламента должен занять словак. В свою очередь, Чешский профсоюз металлостов спустя два дня еще раз повторил требования резолюции своего съезда и напомнил властям об угрозе забастовки в поддержку своего кандидата — Й. Смирковского.

Противостояние властей (довольно жестких) и оппозиционных сил (постоянно укреплявшихся) интенсифицировалось, и разрешение кризиса под бдительным оком Москвы путем устранения реформаторских сил из руководства партии и государства стало неизбежным. Но и оппозиционеры не собирались сдавать свои позиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Подробнее см.: Pecka J. Proměny Pražského jara ve světle pramenů spontánní povahy // Proměny Pražského jara... S. 39–52. 1 октября 1968 г. академический Институт истории под ред. М. Отагала и В. Пречана выпустил книгу «Семь пражских дней», которая получила известность как «Черная книга» с изложением хроники событий, включавшей множество заявлений организаций, предприятий и отдельных граждан с выражением протестов против вторжения. См.: Sedm pražských dnů. 21.–27. Srpen 1968. Dokumentace. 2 vyd. Praha, 1990.

2 См.: Приложение. С. 302–303. Подробнее см.: Cigánek F. Postavení a role parlamentu v srpnových dnech 1968 // Proměny Pražského jara... S. 123–164.

3 Подробнее см.: Skilling H.G. Czechoslovakia's Interrupted Revolution. Princeton, 1976. P. 764–772.

4 Подробнее см.: The Secret Vysocany Congress. Proceedings and Documents of the Extraordinary Fourteenth Congress of the Communist Party of Czechoslovakia 22 August 1968 / Ed. J. Pelikán. N. Y., 1972. P. 88–95.

- 5 Sedm pražských dnů...
- 6 См.: *Kašpar O.* Stručný přehled dějin a kultury Českých zemí a Slovenska. Pardubice, 1997. S. 183.
- 7 The Secret Vysocany Congress... P. 95.
- 8 См.: Приложение. С. 303–304.
- 9 *Млынарж З.* Мороз ударил из Кремля М., 1992. С. 219.
- 10 Там же. С. 220.
- 11 Czechoslovakia 1968–1969. Chronology, Bibliography, Annotation / Eds. Z. Hejzlar, V.V. Kusin. N. Y.; London, 1975. P. 80. Следует отметить, что уже 2 сентября президент А. Свобода принял отставку О. Шика с поста заместителя председателя правительства ЧССР.
- 12 Komunistická strana Československa. Kapitulace (srpen–listopad 1968). D. 9. Sv. 3... S. 11.
- 13 См.: *Латыш М.В.* Указ. соч. С. 281–291.
- 14 Стенограмму заседания см.: *Mezinárodní souvislosti... D. 4. Sv. 2. S. 265–280.*
- 15 *Benčík A.* Rekviem za Pražské jaro. Praha, 1998. S. 196.
- 16 См.: *Helešic F.* Dr. František Kriegel jediný, kdo v Moskvě nepodepsal // *Sanquis.* 2000. № 7; *Kupka J.* Ten, který nepodepsal // *Češi na cestě stoletím. Český Těšín,* 2001. 2 сентября 1968 г. Ф. Кригель смещен с поста председателя НФ ЧССР, вместо него избран Э. Эрбан.
- 17 *Mezinárodní souvislosti... D. 4. Sv. 2. S. 267.*
- 18 *Ibid.* S. 266.
- 19 *Ibid.* D. 4. Sv. 3. S. 39, 41.
- 20 Текст Московского протокола см.: *Mezinárodní souvislosti... D. 4. Sv. 2. S. 271–274.* Впервые опубликован: *Benčík A., Domanský J.* 21. srpen 1968. Praha, 1990. S. 116–120.
- 21 *Navrátil J.* Historický úvod // *Mezinárodní souvislosti... D. 4. Sv. 2. S. 7.*
- 22 *Латыш М.В.* Указ. соч. С. 282; *Mezinárodní souvislosti... D. 4. Sv. 2. S. 274.*
- 23 *Mezinárodní souvislosti... D. 4. Sv. 2. S. 272.*
- 24 *Ibidem.*
- 25 *Ibid.* D. 4. Sv. 3. S. 39, 41.
- 26 Komunistická strana Československa. Kapitulace (srpen–listopad 1968). D. 9. Sv. 3... S. 12.
- 27 В зарубежной научной литературе существуют различные мнения относительно стартовой точки процесса «нормализации» и его содержания. См.: *Benčík A.* Utajovaná pravda o Alexandru Dubčekovi. Drama muže, který předběhl svou dobu. Praha, 2001. S. 33–34; *Tůma O.* Společenské a politické souvislosti termínu normalizace // *Věda v Československu v období normalizace (1970–1975). Sborník z konference / Ed. A. Kostolán.* Praha, 2002. S. 17–18; *Havelka M.* První diskuse o tzv. normalizaci: polemika Václava Havla a Milana Kundery 1968–1969 // *Ibid.* S. 38; *Maňák J.* Proces tzv. normalizace a horní vrstva byrokracie v Československu v roce 1970 // *Bolševismus, komunismus a radikální socialismus v Československu / Eds. Z. Kárník, M. Kopeček.* Sv. 5. Praha, 2005. S. 241; *Košický P.* Obete okupácie 1968 // *Moc versus občan. Úloha represie a politického násilia v komunizme.* Bratislava, 2005. S. 209; *Petraš J.* Období normalizace z pohledu politických elit // *Moc versus občan... S. 191; Doskočil Z.* Duben 1969. Anatomie jednoho mocenského zvratu. Brno, 2006. S. 7, 27.
- 28 Подробнее см.: *Латыш М.В.* Указ. соч. С. 285–288.

- 29 Подробнее см.: *Skilling H.G. Czechoslovakia's Interrupted Revolution...* S. 804–807.
- 30 *Ibid.* S. 806.
- 31 *Bárta M. Pokus o záchranu reformního programu // Československo roku 1968. D. 2. Počátky normalizace. Praha, 1993. S. 11.*
- 32 Подробнее см.: *Латыш М.В. Указ. соч. С. 285–287.*
- 33 *Czechoslovakia 1968–1969...* P. 81, 84.
- 34 18 октября 1968 г. Национальное собрание ратифицировало Договор о временном пребывании в ЧССР советских войск: 228 депутатов проголосовали «за», 10 — воздержались, «против» проголосовали 4 депутата (Ф. Кригель, В. Прхлик, Ф. Водслонь и Г. Секанинова-Чакртова). См.: *Ibid.* P. 98.
- 35 Подробнее см.: *Mezinárodní souvislosti...* D. 4. Sv. 3. S. 116–150.
- 36 См.: *Млынарж З. Указ. соч. С. 279.* Млынарж утверждал, что на переговорах в Москве Черник отошел от всех согласованных договоренностей по вопросу о постепенном выводе советских войск. «Несмотря на то, — писал он, — что было твердо оговорено держаться за положения Московского протокола о полном выводе советских частей, Черник первым дал согласие на другую формулировку, которая затем была внесена в Договор о пребывании советских войск в Чехословакии, подписанный 18 октября 1968 г., и узаконивший размещение 100 тыс. советских солдат на неопределенное время». Там же. С. 277.
- 37 В мае 1968 г. Францию охватила всеобщая забастовка, объявленная крупнейшими профсоюзами, в которой участвовало более 10 млн. рабочих и служащих во многих районах страны. Фактический контроль над крупными предприятиями перешел в руки забастовщиков и их комитетов. Это не могло не оказывать воздействия и на студентов Чехословакии, также поддерживавшихся рабочими.
- 38 См.: *Občanská společnost 1967–1970. Emancipační hnutí uvnitř Národní fronty 1967–1970. Dokumenty / Eds. J. Pecka, J. Belda, J. Hoppe. Praha; Brno, 1995. D. 2. Sv. 1. S. 200.*
- 39 Текст резолюции см.: *Ibidem.*
- 40 См.: *Власть–общество–реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. М., 2006. С. 280–281.*
- 41 *Czechoslovakia 1968–1969...* P. 99.
- 42 *Občanská společnost...* D. 2. Sv. 1. S. 404. Pozn. 2.
- 43 *Czechoslovakia 1968–1969...* P. 101.
- 44 *Občanská společnost...* D. 2. Sv. 2. S. 102.
- 45 *Czechoslovakia 1968–1969...* P. 101.
- 46 *Латыш М.В. Указ. соч. С. 356.*
- 47 См.: *История Чехии и Словакии в XX веке...* Т. 2. С. 218.
- 48 Там же. С. 219.
- 49 См.: *Komunistická strana Československa...* D. 9. Sv. 4. S. 8–9.
- 50 *Občanská společnost...* D. 2. Sv. 2. S. 105. Pozn. 1.
- 51 *Ibid.* D. 2. Sv. 2. S. 100.
- 52 *Ibidem.*
- 53 *ibid.* S. 100–101.
- 54 *Ibid.* S. 102.

- 55 Ibid. D. 2. Sv. 1. S. 402–403.
- 56 Млынарж З. Указ. соч. С. 281.
- 57 См.: Приложение. С. 345.
- 58 Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 40; см. также: Czechoslovakia 1968–1969... P. 103. На компромиссный характер ноябрьской резолюции указывает и А. Остры. См.: *Ostrý A. Československý problém*. Köln, 1972. S. 193.
- 59 Подробнее см.: Млынарж З. Указ. соч.; см. также: Социалистическая оппозиция в Чехословакии....
- 60 Подробнее см.: *Měchýř J. O novodobých dějinách Československa. (Několik informací, poznámek a úvah o uplynulých sedmdesáti letech)*. Praha, 1991. S. 84.
- 61 Komunistická strana Československa... D. 9. Sv. 3. S. 7
- 62 Ibid. S. 8.
- 63 Ibid. Úvod.
- 64 Ibid. S. 17.
- 65 Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 40. Подробнее о студенческой забастовке см.: *Občanská společnost... D. 2. Sv. 1. S. 402–417*.
- 66 Цит. по: Латыш М.В. Указ. соч. С. 365.
- 67 Там же.
- 68 Документ опубликован в: *Proměny Pražského jara... S. 217. Pozn. 4.*
- 69 См.: *Pažout J. Sběrka Ivana Dejmal — významný pramen k dějinám československého studentského hnutí v šedesátých letech dvacátého století // Sborník archivních prací. 2003. Č. 2. S. 169–170*; до этого опубликовано в комментарии в: *Občanská společnost... D. 2. Sv. 2. S. 93. Pozn. 2.*
- 70 *Kołodziej M.* Op. cit. S. 99.
- 71 *Pažout J.* Op. cit. S. 7.
- 72 Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 40.
- 73 Там же. С. 41–42.
- 74 *Občanská společnost... D. 2. Sv. 1. S. 512.*
- 75 *Komunistická strana Československa... D. 9. Sv. 4. S. 46.*
- 76 Ibid. Úvod. S. 8.
- 77 В сборнике документов *Občanská společnost... D. 2. Sv. 1* на с. 513 говорится, что встреча состоялась 28 ноября.
- 78 *Občanská společnost... D. 2. Sv. 2. S. 103.*
- 79 Ibid. S. 104.
- 80 Ibidem.
- 81 Ibidem.
- 82 *Občanská společnost... D. 2. Sv. 1. S. 198–199.*
- 83 Ibid. S. 199. Pozn. 9.
- 84 *Madry J.* Op. cit. S. 26.
- 85 Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 44.
- 86 *Občanská společnost... D. 2. Sv. 1. S. 515.*

§ 2. ЭСКАЛАЦИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ

1 января 1969 г. в ЧССР вступил в действие конституционный Закон о федеративном устройстве государства, составной частью которого являлось преобразование Национального собрания в Федеральное собрание ЧССР с двумя палатами — Палатой депутатов и Палатой национальностей. Принцип равноправия, согласно закону, обеспечивался паритетным представительством чехов и словаков во всех центральных органах федерации общегосударственного значения. Закон удовлетворил требования словаков и «пригасил» их оппозиционные настроения.

В рамки Закона о федерации вполне укладывалось требование Гусак о равномерном распределении четырех высших политических и государственных постов и его предложение кандидатуры словака на пост председателя ФС ЧССР. Но в сложившейся в стране ситуации политический подтекст рокировок был очевиден: пост председателя Национального собрания занимал Й. Смирковский. Цель маневра — отстранение этого коммуниста-реформатора с высшего государственного поста, что автоматически лишало его и членства в исполкоме Президиума ЦК КПЧ, фактически являвшегося высшим органом политической власти в стране. Понятно было и то, что смещение Смирковского существенно подрывало позиции Дубчека¹. В актив можно было отнести решение о статусе двух государствообразующих наций, что сопровождалось спадом оппозиционных настроений в Словакии. Во всяком случае, одна часть страны — по крайней мере формально — оказалась умиротворенной.

Таким образом, новый 1969 год предвещал усложнение политической борьбы внутри страны уже не только по намечавшейся линии интенсификации антинормализационного движения, но и по линии представлявшейся решенной проблемы чешско-словацких государственно-правовых отношений.

Что касается противостояния студентов и поддерживавших их рабочих, а также правящих сил в Чехословакии, то ни Рождественские, ни новогодние праздники не разрядили обстановку и покоя не сулили. В связи с этим власти в очередной раз решили пойти на диалог со студентами. 3 января 1969 г. в здании президиума федерального правительства в Праге Г. Гусак в присутствии председателя словацкого правительства Ш. Садовского и его заместителей П. Цолотки и С. Фалтяна встретился с делегацией президиума Союза студентов вузов Чехии и Моравии во главе с М. Дымачеком². На встрече, длившейся два с половиной часа, велся, по словам Гусака, «открытый разговор» о политических вопросах, включая и оставшуюся нерешенной проблему о председателе ФС

ЧССР. Участие в переговорах Гусака со студентами исключительно словацких государственных лидеров нельзя назвать случайным. Сделав выбор в пользу П. Цолотки, он решил, во-первых, познакомить студентов с потенциальным кандидатом на высший пост в ФС ЧССР, а во-вторых, воспользоваться случаем для зондажа студенческой реакции. Но этим нажим на студентов не ограничился, он ощущался и в прозвучавшем в словах Гусака предостережении в случае неповиновения студентов: «Могут прийти войска, могут наступить исключения, аресты»³. Тем самым он проецировал реакцию властей на возможные протестные акции конкретными примерами ответных действий.

Того же 3 января 1969 г., через несколько часов после приезда в Прагу советской делегации, Президиум ЦК КПЧ выступил с заявлением, в котором в резкой форме осудил всю кампанию протеста и особенно угрозу забастовки. Одновременно Смрковский, Дубчек, Свобода и Черник направили рабочим-металлистам письмо, призывавшее их проявить понимание и предупреждавшее о трагических последствиях, которые их предзабастовочная активность может иметь для судеб всего государства. В том же тоне через два дня по телевидению выступил Смрковский и просил рабочих не бастовать ради него. Разумеется, он прекрасно понимал, что данная акция — это по большому счету протест против оккупации. Но дни его пребывания в высших эшелонах власти были уже сочтены. 7 января 1969 г. Президиум ЦК объявил о выдвижении на пост председателя ФС ЧССР П. Цолотки.

Казалось, решение найдено, однако власти, проигнорировав популярные среди населения требования, по-прежнему опасались взрывной реакции общества. К тому же команда А. Дубчека во избежание осложнений в отношениях с СССР пыталась не допустить срыва выполнения обязательств, зафиксированных Московским протоколом. Именно поэтому 8 января 1969 г. в своем выступлении по телевидению Дубчек призвал граждан покончить с угрозами добиваться реализации своих требований с помощью забастовок и призвал их соблюдать порядок и дисциплину. В то же время консервативные силы, воспользовавшись ситуацией, активизировали выпады против послеянварской политики и лидеров Пражской весны — Й. Смрковского, Ф. Кригеля, О. Шика, Э. Гольдштюкера и др. Со временем указанная тенденция только усиливалась, а поскольку оппозиционное движение с ярко выраженными тенденциями к сплоченности становилось слишком опасным для режима, он решил покончить с ним, пока это еще было возможно. Ставка при этом делалась на «здоровые силы» в партии.

Давление консерваторы развернули на всех направлениях. Так, 9 января после продолжительных дебатов с представителями власти делегация Центрального совета Чешского профсоюза рабочих-металлистов отказа-

лась от своего решения начать забастовку. Взамен лидеры профсоюза получили следующее обещание: Смирковский выставит свою кандидатуру на пост председателя ФС ЧССР на очередных парламентских выборах. Создавалось впечатление, что руководители забастовки удовлетворились тем, что их выслушали, а представители власти — что с ними посчитались. Спад оппозиционного движения к наступлению весны представлялся неотвратимым: шла речь лишь о тактике отступления⁴.

Но пока что это, действительно, оказалось всего лишь впечатлением. Рабочие на заводах не одобряли усиливавшуюся линию на компромисс, принятую их профсоюзными лидерами. Не случайно именно в эти дни рабочее движение самоуправления достигло наибольшего размаха. 9–10 января 1969 г. в Пльзени на заводах им. Ленина собралась общечешская конференция комитетов рабочего самоуправления, представлявших 16 предприятий. Она избрала Координационный комитет, представлявший 200 из существовавших 500 советов предприятий, приступивший к формированию Центрального общечешского совета самоуправления, т. е. Центрального совета рабочих. Уместно отметить, что соответствующий опыт позже использовала польская «Солидарность», деятельность которой оказалась гораздо более длительной, активной и в конечном итоге успешной.

Под давлением нарастающего протестного движения в развернувшейся 14 января на заседании Президиума ЦК КПЧ дискуссии наконец были поставлены вопросы о дате проведения выборов в представительные органы и созыв съезда КПЧ. А. Дубчек сообщил, что работа по подготовке съезда ведется и что вместе с О. Черником они даже внесли предложение о проведении выборов на основе единого списка кандидатов. Информация Дубчека о готовившемся съезде, проведение которого принципиально блокировалось Московским протоколом, едва ли добавляло ноты оптимизма в настроение консервативной фракции в высших коридорах власти. Вместе с тем она вселяла надежды на определенные встречные движения властей.

Дискуссия с новой силой разгорелась через два дня, на очередном пленуме ЦК КПЧ. Пленум, работа которого проходила 16–17 января 1969 г., отличался боевой атмосферой, поскольку среди выступавших преобладали представители двух полярных течений — реформаторского и консервативного. На нем, в частности, продолжалось обсуждение даты выборов в представительные органы и проведения съезда КПЧ. Р. Черны предложил проект постановления, один из пунктов которого гласил: пленум ЦК КПЧ не позднее конца первого полугодия 1969 г. должен заняться определением сроков внеочередного съезда КПЧ и съезда партии Чешских земель⁵. Второй пункт предложенной Черны резолюции констатировал настоятельность: во-первых, прове-

дения пленума ЦК компартии Чешских земель, в котором должны принять участие члены ЦК КПЧ — граждане Чешской Социалистической Республики; во-вторых, вынесения на пленум отчета о деятельности нынешнего Бюро ЦК по Чешским землям⁶.

Эти предложения реформаторы настойчиво ставили на повестку, руководствуясь Законом о федерации. Консерваторы, в свою очередь, взяли на вооружение тактику обходных маневров: не допустить созыва съезда и проведения парламентских выборов. Р. Балоушек выступил с критикой систематического оттягивания выборов и съезда КПЧ, указав, что в этом случае «на политику в дальнейшем могут оказывать влияние лица, исчерпавшие моральный и политический кредит»⁷. «Центральному комитету партии и президиуму, — продолжал он, — следует осознать, что члены партии уже не желают быть лишь пассивными исполнителями политики центрального комитета, но что они намерены стать соавторами во всех сферах политики партии, что они не хотят лишь — как это было в прошлом — стереотипно выполнять поставленные высшими партийными органами задачи, не проверяя лично их правильность. Они хотят быть соавторами этой политики, чтобы в будущем не отвечать перед собой и обществом в целом за деформации в партии и обществе»⁸.

Однако «здоровые силы» в КПЧ попытались использовать попытки сторонников реформ выйти за рамки Московского протокола для эскалации борьбы против «правых». Коммунисты-реформаторы заняли «круговую оборону» и отказались квалифицировать политическую активность общества как деятельность антисоциалистических сил, высказались за максимальную свободу информации, по крайней мере, в сфере внутренней политики. Они выступали за расширение демократических элементов в обществе, пытаясь не довести до критической точки разрыв между КПЧ и прогрессивными течениями. Однако в резолюцию пленума эти требования внести не удалось, а консервативная фракция в партии сделала очередной шаг на пути своей консолидации. Итоги пленума продемонстрировали все более усиливавшиеся расхождения во взглядах представителей различных внутрипартийных течений.

Постепенно общество охватывало чувство безнадежности, неожиданно прерванное 16 января — в первый день работы январского пленума ЦК КПЧ — 21-летним студентом Яном Палахом, который в центре Праги публично сжег себя. Попытки саможжения предпринимались 20 января в Пльзени (Я. Главаты) и 22 января в Брно (М. Малинка). 25 февраля поступок Палаха на Вацлавской площади в Праге повторил учащийся средней школы Я. Зайиц. Режим оказался в новом кризисе, который А. Дубчек назвал «самым серьезным после августа»⁹.

Спонтанная реакция общественности, выразившаяся в демонстрации нескольких сот тысяч человек, вынудила правительство опублико-

вать письмо Палаха с его призывом к забастовке. В нем он активно защищал послеянварские завоевания, хотя выдвигавшиеся им требования (отмена цензуры и запрещение издававшегося режимом коллаборационистского журнала «Зправы») выглядели намного скромнее.

Примечательно, что в запале полемики члены ЦК не отреагировали на поступок Палаха в резолюции пленума. И это можно считать показателем снижения влияния реформаторов в высших эшелонах власти. Январские жертвы наряду с мощным откликом на эти события со стороны рабочих и студентов заставили руководство КПЧ и правительство отреагировать новыми призывами к порядку. В этот раз их проводником стал главным образом президент Л. Свобода, который в своем выступлении по телевидению 20 января пообещал защищать «все демократические свободы» и одновременно предостерегал перед опасностью разрастания пожара, ценой которого могут стать тысячи невинных жертв¹⁰.

Вышедшие на улицы в знак солидарности с Палахом студенты ожидали, что руководство КПЧ или, по крайней мере, его реформаторская часть их поддержит, но этого не произошло. С данного момента, как пишет Колодзей, дороги студентов и партийных реформаторов начали расходиться. В связи с этим усугублялась дифференциация и среди студентов.

Дубчеховское руководство не столько не хотело, сколько не могло изменить свою политику: оно было вынуждено (если не сказать — обречено) выполнять данные в Москве обязательства. Руководители партии и государства, даже настроенные наиболее радикально, не хотели и уже не могли изменить свою политику. Это чувствовалось и в речи Смирковского, с которой он обратился к студентам в Брно, произнесенной через два дня после самосожжения Палаха. С одной стороны, он признал, что студенты «в последнее время установили контакты с рабочим классом. Это великое дело, это очень важно. Но ведь что может случиться? Если вы пойдете на эти действия, как решили... то может случиться, что на наших улицах снова появятся танки. При этом не исключены провокации и может произойти большое кровопролитие. Тогда конец всем надеждам...». Речь распространялась студенческой службой печати и информации, чтобы показать: надежде на поддержку власти наступает конец.

Председатель правительства О. Черник в своем выступлении на республиканском съезде (большинство его делегатов — сторонники послеянварской политики) чешских профсоюзов 21–23 января 1969 г. подобным же образом попытался проанализировать сложившееся положение. Тем не менее делегаты съезда приняли резолюцию, в которой требовали ухода в отставку всех политиков, не имевших морального права занимать свои высокие посты и утративших доверие граждан.

Они более последовательно, чем члены партии, требовали проведения в кратчайшие сроки выборов в высшие органы власти, ратовали за полную реализацию гражданских свобод, закрепленных в конституции. Это означало отмену цензуры и других ограничений прав граждан.

Тем не менее и профсоюзы, и студенты снова и снова утверждались во мнении, что Дубчек и реформаторское течение в партии не намерены вести последовательную борьбу за идеалы Пражской весны, и обвиняли руководство страны в том, что послеавгустовская политика ведет к предательству провозглашенных ими же идеалов. «Мы опасаемся, — писали студенты ФФ КУ в Праге, — что в этих условиях окончательно исчезает наша надежда, что когда-либо в будущем мы найдем с этим руководством (т. е. дубчековским) общий язык»¹¹.

29–31 января 1969 г. состоялась учредительная сессия федерально-го парламента, поставившая точку над «i» в борьбе за пост председателя федерального законодательного собрания. Хотя на ней председателем ФС ЧССР избрали словака П. Цолотку, все же Й. Смирковский получил пост председателя Палаты депутатов; председателем Палаты национальностей стал Д. Ганес. Противостояние власти и общества завершилось очередным компромиссом, а набравшие мощь антиреформаторские силы пока еще вынуждены были прислушиваться к мнению «народа» и не рисковали решать спорные вопросы силовыми методами.

Тем более, что к началу 1969 г. уже давали себя знать заложенные основы сотрудничества студентов и рабочих. Появление нескольких студенческо-рабочих комитетов весной 1968 г., в период Пражской весны, считалось крупным успехом. В течение же января 1969 г. они возникали практически во всех чешских городах, функционируя на уровне факультет-завод. Постепенно складывалось ежедневное сотрудничество, что и предусматривалось договорами, заключенными между Союзом студентов и отдельными профсоюзами, которые демонстрировали единство студентов и рабочих против политики уступок и компромиссов.

Репрезентативным в этом плане стал договор от 23 января 1969 г. Союза студентов вузов и Чешского профсоюза работников печати. В нем подчеркивался факт активности рабочего класса и молодежи; со-держалось требование реализации идеи Закона о социалистическом предприятии как основе дальнейшего демократического развития, а также протест против концентрации «власти и информации в руках узкой группы ведущих представителей»¹².

Договор Союза работников энергетической промышленности выражал обеспокоенность сторон возобновлением «доянварского» деления граждан на партийных и беспартийных. Политика ведущей партии в государстве, как отмечалось в документе, должна быть приемлемой для большинства населения, независимо от партийной при-

надлежности — так, как это было после января 1968 г. В договоре, заключенном Союзом студентов высших учебных заведений и Чешским профсоюзом работников в области проектирования и инженерной деятельности, подчеркивалось обязательство «предоставить защиту при преследовании за свободное выражение мыслей в научной, учебной, педагогической и общественной деятельности, за выражение политического убеждения или при преследовании из-за социального происхождения»¹³. В его преамбуле упоминалась трагическая гибель Я. Палаха и добавлено: «мы сознаем и нашу ответственность за этот поступок чистого и невинного человека, разбудившего сознание нашего народа...»¹⁴. В договоре Союза студентов высших учебных заведений с Чешским профсоюзом работников горной промышленности, геологии и газовой промышленности ставился акцент на сотрудничестве в социальной и профессиональной областях.

В целом тексты практически всех договоров, выражавшие поддержку ноябрьской трехдневной забастовки студентов, выходили за рамки требований студенческого документа «Десять пунктов» и наполнялись качественно новым содержанием, включая политические требования: проведение парламентских выборов, немедленный созыв съезда коммунистической партии Чешских земель (требование периода Пражской весны), восстановление суверенитета ЧССР и вывод иностранных войск. Звучали призывы вести борьбу всеми средствами против преследования отдельных граждан или групп, которые своими действиями выражали волю большинства народа¹⁵. Студенты часто помогали собираться рабочим разных заводов. В итоге возникла неформальная связь вне официальной профсоюзной структуры. Подобного рода неформальные организации нельзя было уничтожить решением или запретом. В конце января 1969 г. существовало более 120 заводских советов, которые представляли около 890 тыс. занятых¹⁶. И, скорее всего, именно рабочие, которые приобрели такой опыт, помогали возникновению в дальнейшем нелегальной партии Рабочих Советов¹⁷. В начале 1969 г. президиум Союза студентов вузов учредил даже специальную секцию по связям с рабочими.

Прозвучавшие на заседании Президиума ЦК КПЧ 14 января и на январском пленуме ЦК КПЧ предложения о необходимости проведения в ближайшее время съезда КПЧ и выборов в представительные органы вызвали серьезную обеспокоенность Кремля. Брежнев и Косыгин уже 23 января 1969 г. в письме Дубчеку и Чернику обратили внимание на то, что события в Чехословакии после смерти Палаха приобрели «опасный политический характер», поскольку в ряде выступлений звучали требования немедленного проведения выборов в государственные органы, продолжения работы XIV съезда и созыва съезда чешских коммунистов¹⁸. Фактически часть требований, которые как

раз блокировались Московским протоколом, признавалась приемлемой или допустимой только после «нормализации» положения в стране. Создание же чешской компартии вообще не допускалось¹⁹.

Что касается позиции других стран Варшавского договора, то максимально критическая позиция ГДР и Польши по отношению к «социализму с человеческим лицом» получила широкую известность. Весьма примечательно сообщение из более толерантной Венгрии, направленное из Будапешта в МИД ЧССР чехословацким посольством 27 января. В нем утверждалось, что развитие событий в Чехословакии в последнее время «вызывает значительную нервозность и беспокойство в ВНР». «Венгерское руководство, — говорилось в документе, — выражает опасения, что продолжавшийся в ЧССР в течение длительного времени политический кризис может привести к активизации некоторых политических сил в Венгрии, в первую очередь в кругах венгерской интеллигенции, неконформистские взгляды которых до настоящего времени удавалось сдерживать благодаря взвешенной практической политике венгерского руководства»²⁰. Фактически принимались меры против возможного проникновения «чехословацкой заразы» в Венгрию, где «пламя контрреволюции» было уже однажды погашено в октябре 1956 г. Действительно, войска введены, а оппозиция не только не прекращала своей деятельности, но на ряде направлений даже активизировала ее. В связи с этим намечалось усиление общего интереса всех пяти стран Варшавского договора решить чехословацкую проблему как можно быстрее²¹.

Одно из побуждений к этому — непрекращавшиеся массовые демонстрации в Праге и других городах страны. Несмотря на увещевания властей, 25 января тысячи людей пришли проводить в последний путь Я. Палаха, а в ходе прошедшей на следующий день в столице демонстрации полиция арестовала 199 чел.²². С момента начала советской оккупации она представляла самую масштабную публичную акцию и трудно было уйти от ощущения, что она — не последняя.

Что касается руководства КПЧ, то и здесь ситуация выглядела достаточно напряженной. 5 февраля 1969 г. принимается проект постановления Президиума ЦК КПЧ* по реализации итогов январского пленума, который предназначался для ежегодных собраний членов партии. Документ носил компромиссный характер, фиксируя следы нестихавшей непримиримой борьбы двух внутривнутрипартийных фракций — реформаторской и консервативной.

Проект не обошел стороной ни забастовку студентов, ни «Десять пунктов», ни активность профсоюзов. В нем говорилось, что после но-

* Текст окончательной версии постановления публикаторам найти не удалось. См.: *Komunistická strana Československa...* D. 9. Sv. 4. S. 219.

ябрьского пленума наметилась тенденция объединить студенчество «в общей политической акции в качестве общественной силы» (из констатации заявления Комитета действий студентов пражских вузов), поддержанная другими организациями, в том числе и некоторыми профсоюзами²³. «Обнажилась, — указывалось в документе, — весьма серьезная проблема, связанная с молодым поколением, в первую очередь вузовским студенчеством. Ее глубокие причины коренятся в ошибках и деформациях прошлых лет, однако нельзя недооценивать и влияние чуждых и неправильных взглядов, которые проникают в молодежную среду и в студенческое движение». Вопреки фактам в проекте постановления и ряде других партийных документов утверждалось, что большинство студентов приближается к позициям КПЧ, однако некоторые лица или небольшие группы стремятся втянуть учащуюся молодежь на путь конфликта с партией и государством²⁴. «Мы считаем необходимым, — подчеркивалось в документе, — усилить политическое влияние партии на студенческое движение, повысить ответственность вузовских преподавателей и сотрудников, в первую очередь коммунистов, на студентов, призвать их к ответственности и взвешенности, активно содействовать тому, чтобы в студенческом движении возобладали разумные интересы и взгляды, которые сможет разделить большая часть студентов. Нельзя допустить, чтобы и в дальнейшем Союз студентов вузов, если он намерен выступать политически и защищать интересы студентов, находился вне Национального фронта и не подчинялся дисциплине»²⁵. Тем самым партийная политика по отношению к Союзу студентов становилась все более жесткой, а его участь в определенной степени предрешенной. Все же данные пассажи документа нельзя назвать полной победой консерваторов, хотя вектор дальнейших действий по отношению к оппозиции выстраивался в нем уже достаточно определенно.

В документе в очередной раз поднимался вопрос о съезде КПЧ, проведение которого, как отмечалось в нем, является «центром обоснованного интереса коммунистов и беспартийных». «Поэтому, — подчеркивалось в проекте, — в качестве первоочередной задачи мы требуем вести подготовку к проведению съезда в соответствии с уставом партии, хотя открыто заявляем о *нереальности и невозможности немедленного его проведения* (курсив мой. — Э. З.)»²⁶. В отличие от предшествующих партийных форумов, на которых по данному вопросу проходила свободная дискуссия и никаких конкретных, а тем более категорических решений не принималось, в проекте предпринята попытка напомнить об оформленных на этот счет Московским протоколом обязательствах чехословацкой стороны. Внесенная в проект постановления весьма причудливая формула отразила противоречивость ситуации: шла речь о необходимости проведения съезда, но утверждалось и мнение против его

немедленного созыва. Можно вычислить, что за постановкой вопроса о немедленном съезде скрывались «правые», т. е. реформаторское крыло руководства, за положением же о невозможности его быстрого проведения — «здоровые силы», собственно консервативное крыло. В первую очередь, их намечавшимися лидерами утверждалось, что партия «не может позволить себе идти на выборы, пока не добьется сплоченности своих рядов и такой консолидации общества, которые смогут гарантировать их результаты». Лишь после этого можно рассчитывать и на проведение «выборов в высшие представительные органы в следующем году после съезда партии, который представит политическую, организационную и программную базу для участия партии в выборах»²⁷.

Подобная стратегия исходила из того, что съезду предстояло стать не предпосылкой «нормализации», а ее итогом, результатом «успешного решения задач», не расходившихся с этой стратегией. «Ультиматумы», отмечалось в документе, приведут к «возникновению нового кризиса». Далее демагогически утверждалось, что «нет причин создавать вокруг вопроса о сроках проведения выборов атмосферу нервозности и давления, которые в реальности лишь осложнили бы их подготовку»²⁸.

Оппозиции был послан сигнал: если съезд и состоится, то лишь под диктовку «здоровых сил», которые все еще находились в стадии «консолидации» и какой они примут вид — оставалось только догадываться. Зато существование такой оппозиции, которая могла бы влиять на сроки созыва съезда и, более того, настаивать на уже становившемся крамольным требовании создания чешской компартии, проведения выборов и т. п., уже не предполагалось.

Проект постановления от 5 февраля 1969 г. не обошел и ряда конкретных вопросов. Говорилось, что решения декабрьского пленума, нацеленные на экономическую сферу, тормозились кампанией вокруг Й. Смирковского; осуждались попытки использовать чувства, вызванные трагическим актом Яна Палаха; отвергалась пропаганда забастовок и других открытых форм протеста. Подчеркивалось, что в Словакии появились попытки злоупотребления в политических целях религиозными чувствами людей²⁹. Тем самым в партийном документе невольно отражалась картина широкого социального недовольства в стране, а также имелись обобщенные суждения о том, что ситуация может усугубляться.

Проект указывал на «большую опасность» лозунгов «о так наз. народном движении», о «всенародном движении в защиту демократического социализма», которые появились в связи с ноябрьской забастовкой студентов. Забастовка, утверждалось в документе, «вылилась в стремления заключать политические соглашения о координированных действиях различных организаций вне существующей политиче-

ской системы, выносить эти платформы на предприятия, организовывать в их поддержку публичные собрания и акции, выступая на них против партии и ее политики»³⁰. Взяв эти названия из оппозиционных органов печати («Репортер», № 4/1969 и «Листы», № 4/2), документ зафиксировал и момент «первой фазы перехода от спонтанности к определенной организованности, а затем, несомненно, и от акций оборонительных к наступательным». В частности, подчеркивалась опасность лозунга «профсоюзы без коммунистов»³¹, а также то, что события после гибели Палаха свидетельствовали об организованных и скоординированных акциях общегосударственного масштаба³². Собственно, этого как раз больше всего и опасались власти.

Наконец, в проекте постановления констатировалось, что многие выступления «исходят из концепций, которые имеют иные идейно-политические корни, нежели марксистско-ленинская концепция построения социализма». Это зазвучало как предостережение не только сторонникам «социализма с человеческим лицом», но также и тем, кто «прятал» за этим лицом, образно говоря, «вражескую личину».

Указанные трактовки показывают, какой характер стали приобретать задачи политической «консолидации», в ходе которой предполагалось формировать необходимые политические предпосылки для проведения общегосударственного съезда партии, съезда ее чешской национально-территориальной организации и выборов. Документ включал и другие подобного рода требования, что говорило о сохранении некоторого влияния коммунистов-реформаторов. Консерваторы пока еще не решались окончательно выхолостить из него реформаторские веяния, но свою линию обозначили с достаточной определенностью. Документ свидетельствовал, что уже к весне 1969 г. инициативы Дубчека и других коммунистов-реформаторов были обречены на неудачу, а оппозиция в рамках легальности — на отступление и поражение. Их противниками разыгрывалась карта угрожающего кризиса и превращения оппозиции в некое пугало.

Тем более что солидарность рабочих и студентов начинала приобретать угрожающий для власти характер. Вполне объяснимо, что уже в марте 1969 г. Бюро ЦК по Чешским землям выразило обеспокоенность ростом числа договоров и координационных комитетов. По мере упрочения «режима нормализации» договоры начали все чаще принимать оборонительный характер. В постановлении общего собрания представителей пражских заводов и студентов от 16 апреля 1969 г. в пункте 3 говорится: «В случае преследований кого-либо из представителей рабочих и студенческого движения, прогрессивных политиков, журналистов, работников культуры и науки рабочие и студенты будут выступать вместе в их защиту»³³.

Вместе с тем в ряде договоров стали проявляться и моменты отступления. Так, некоторые профсоюзы изъяли из текста Договора с профсоюзами металлообрабатывающей промышленности ряд самых радикальных формулировок³⁴. В частности, исчезло упоминание об успешном сопротивлении народа Чехословакии вторжению и требование прекратить политику уступок внешнему давлению.

Можно сказать, что период до смещения Дубчека и прихода к власти Гусака характеризовался не только легальными формами сопротивления, но и готовностью высших властей к диалогу с оппозиционной настроенной частью общества, в первую очередь со студентами. Как следует из документов, готовность идти на подобный диалог демонстрировали не только коммунисты-реформаторы (Дубчек и др.), но и Гусак со своими приверженцами (Цолотка и др.).

Еще в январе 1969 г. профсоюзы включились в подготовку закона о предприятии, важнейшей составной частью которого явилось определение полномочий советов трудящихся (заводских или рабочих советов). К марту 1969 г. их количество достигло 500³⁵. Однако Черник отказался от данного им ранее обещания представить проект закона не позднее конца первого квартала 1969 г. Участники проходившего 4–7 марта 1969 г. VII * съезда профсоюзов в принятой резолюции открыто выразили несогласие с изменением этих сроков. Съезд принял следующие документы: Хартию чехословацкого профсоюзного движения с требованием продолжения намеченных Программой действий экономических реформ; Программу Революционного профсоюзного движения, а также документ «К вопросу о советах трудящихся», в котором намечались перспективы развития системы самоуправления на предприятиях. Кроме этого на профсоюзном съезде его делегаты — рабочие-металлисты приняли проект письма, которое адресовалось советским профсоюзам, а также предпринимались попытки выдвижения кандидатуры Й. Смирковского на пост председателя Центрального совета Революционного профсоюзного движения Чехословакии³⁶.

Дискуссия на съезде носила ярко выраженный политический характер, а большинство его делегатов безоговорочно поддержало послеянварский курс на демократизацию. Обвинения Гусака и его приверженцев в адрес «антисоциалистических сил», которые якобы злоупотребляли гражданскими свободами, были признаны несостоятельными. Профсоюзы внесли в резолюцию съезда пункт о расширении гражданских прав, чтобы «каждый трудящийся мог свободно выражать свои взгляды». В связи с этим предполагалась защита СМИ со

* В хронике сборника документов (Občanská společnost... S. 508) говорится, что 4–7 марта 1969 г. состоялся VIII съезд профсоюзов, в других источниках он проходит как VII съезд. См.: Czechoslovakia 1968–1969... P. 119.

стороны общества и требование предоставления реальной свободы журналистам в их деятельности. Хартия чехословацкого профсоюзного движения в качестве политического инструмента борьбы в защиту демократии утвердила право на забастовку. Студенты могли гордиться: многие их пожелания и предложения принимались рабочими в качестве своих. Председателем ЦСП был избран К. Полачек, державший дистанцию от «здоровых сил» в КПЧ.

Естественно, что Москву и «здоровые силы» внутри КПЧ такая смычка учащихся и трудящихся не могла не настораживать. Кремль посылал сигналы о том, что забастовки в странах социализма — анахронизм, а если они возможны при «социализме с человеческим лицом», то таковой тоже надо отправить в прошлое.

Важно отметить внимание к событиям весны 1969 г. и со стороны Запада. Так, уже в ходе работы VII съезда профсоюзов федеральный министр внутренних дел Я. Пелнарж, со ссылкой на оценки положения в Чехословакии сотрудника госдепа США, предложил 4 марта Президиуму ЦК КПЧ предпринять решительные действия. Их необходимость диктовалась тем, что в Чехословакии «СССР не допустит дальнейшего роста сопротивления и эвентуально снова вмешается»³⁷, Америка же этому воспрепятствовать не сможет. Действительно, если были введены войска, то не для наблюдения же за тем, что происходит, а для того, чтобы происходило так, «как надо». Политической воле народа и части высшего руководства тем самым ставились очевидные жесткие пределы.

Что касается съезда, то его делегаты закрепили в резолюции истинную волю профсоюзов, которые они представляли. Однако, резонно замечает Й. Мадры, они не продумали, как создать систему гарантий, чтобы и после съезда эту волю при всех обстоятельствах могли уважать избранные руководители профсоюзов всех уровней. По всей видимости, отсутствием гарантий обуславливалось относительно быстрое отступление профсоюзов с занятых позиций. Следует заметить, что позже польская «Солидарность» учтет этот отрицательный чехословацкий опыт.

История в конце концов доказала нереальность политических намерений группы коммунистов-реформаторов вокруг Дубчека. «Однако, — как справедливо подчеркивает Мадры, — она не подтверждает наличия у них капитулянтских позиций, не свидетельствует она и о чрезмерной их политической наивности и эгоизме»³⁸. Это так, но, скорее всего, союз профсоюзов и партии оказался куда более сложным, чем представлялось в дни Пражской весны.

Москва с начала года пристально наблюдала за тем, что происходило в Праге зимой 1969 г., посылая импульсы о том, что из Кремля холодом будет веять и весной, и летом этого года. Действительно, число «неожиданностей» было близко к исчерпанию. Поэтому информация

о действиях всех высших чехословацких органов поступала в Москву в течение нескольких часов.

Все же в марте 1969 г. А. Дубчек предпринял еще одну попытку под лозунгом укрепления единства партии внести предложение о датах проведения съезда и выборов на повестку дня ЦК КПЧ. 24 марта 1969 г. на заседании исполкома Президиума ЦК КПЧ он представил план политических действий, в соответствии с которым ЦК КПЧ должен принять в ближайшее время решение о датах съезда и выборов³⁹. Не исключено, что Дубчек предпринимал эти шаги под давлением не только улицы, но и стремительно терявшей влияние в обществе реформаторской фракции.

Коммунисты-реформаторы, выступая против уличных акций, в то же время призывали к спокойствию и порядку, правомерно полагая, что излишний радикализм общественных движений повредит их делу. Такая двойственность не могла не вести к их ослаблению и аннигиляции как политической силы.

Складывалась ситуация, когда борьба в рамках КПЧ и в обществе за продолжение реформ велась параллельным курсом, а коммунисты-реформаторы не могли ее возглавить в принципе. Им пришлось встать на путь уступок, но иного и не было дано. Если в период Пражской весны КПЧ поднимала общество на реализацию ее идей и являлась их инициатором, если после августа 1968 г. реформаторы в КПЧ вели борьбу с консерваторами и большая часть общества их поддерживала, то с зимы 1969 г. соотношение сил между ними кардинально изменилось. И хотя общество в значительной своей части добивалось, чтобы реформаторы продолжали возглавлять движения протеста, то они объективно сделать этого уже не могли, будучи связаны Московским протоколом, а главное — находившимися в стране иностранными войсками. Тем самым время с зимы и до апреля 1969 г. можно назвать периодом сопротивления на не всегда пересекавшихся курсах, но все еще в рамках легальных форм протеста.

Реформаторы открыто выступали в ЦК, а силы сопротивления — открыто в обществе (забастовки и др.). Но наращивание консервативных сил в руководстве КПЧ и необходимость принимать репрессивные меры на улицах и площадях знаменовали собой спад оппозиционного движения на всех уровнях. С февраля партийные документы начали открыто клеймить «антисоциалистические силы» и др., реформаторы вытеснялись за рамки руководства и рано или поздно тоже должны были трансформироваться в «контрреволюционеров в чистом виде». Вместо диалога с инакомыслящими намечался безальтернативный курс на непримиримую борьбу с ними, который продолжался вплоть до 17 ноября 1989 г.

Все же потенциал протестного движения не был исчерпан. Более того, создавшийся активный блок студентов, рабочих и интеллигенции к вес-

не 1969 г. являл собой взрывную силу большой мощи, сам факт которого вызывал дрожь у консерваторов — представителей «режима нормализации». И потому не стало неожиданностью, когда массовая демонстрация против вторгшихся в страну иностранных войск, спонтанно начавшаяся в марте после победы хоккеистов ЧССР над советской командой в Швеции, мгновенно использовалась советским руководством в качестве предлога для подавления «социализма с человеческим лицом».

21 марта 1969 г., после первой победы чехословацкой команды, около двух тысяч человек, скандировавших антисоветские лозунги, собрались на Вацлавской площади, но это была лишь слабая прелюдия. 28 марта — после второй победы — в течение получаса Вацлавскую площадь заполнили уже 150 тыс. чел. В целом в отчетах МВД ЧССР назывались 69 городов, на улицы которых вышли более 500 тыс. чел.; в Братиславе число демонстрантов достигало 20 тыс. чел. и в других 13 словацких городах — 7400 чел.⁴⁰. Сотни тысяч людей совершенно спонтанно отреагировали на ситуацию, сплотившись буквально в течение всего нескольких минут. Реакция общества носила взрывной характер, и никто не мог дать гарантии, что для подобной реакции не найдется сугубо политических поводов.

Характерно, что именно в этот день советский посол в Праге С. Червоненко попросил аудиенцию у А. Дубчека и провел зондаж о планах руководства КПЧ. На встрече Дубчек сообщил ему, что главными в повестках дня пленумов ЦК КПЧ в апреле и июне 1969 г. станут вопросы упрочения единства партии (в том числе вопрос о съезде), экономические вопросы (в том числе создание советов трудящихся) и др.⁴¹. Тем самым Дубчек в очередной раз поднимал как раз те проблемы, против немедленного решения которых выступала Москва, стремившаяся, напротив, как можно больше оттянуть их на неопределенное время. Это уже вызывало не только беспокойство чехословацких консерваторов, но и раздражение Кремля. И едва ли не в часы беседы возник повод для того, чтобы Москва перешла к действиям. Причем повод вдвойне оскорбительный: известно трепетное отношение большей части руководства ЦК КПСС к своим хоккеистам — национальной гордости СССР.

События застали врасплох чехословацкое партийно-государственное руководство, которое не столько победа, сколько резонанс от нее далеко не обрадовали. На этом фоне стала неизбежной необходимость коренных изменений в чехословацком руководстве с августа 1968 г., которые наступили столь же неожиданно, как и военная интервенция семью месяцами ранее. На своем чрезвычайном заседании, которое состоялось 30 марта, Политбюро ЦК КПСС приняло решение использовать «хоккейные» события для завершения силового политического переворота в Чехословакии⁴². Предостерегающая передовая статья в органе ЦК КПСС газете

«Правда» от 31 марта 1969 г. отрицала осторожные объяснения этих событий чехословацким правительством и оценила их как контрреволюционный акт, направляемый из-за рубежа при поддержке Й. Смирковского. Большой нелепости трудно было придумать: возможная победа советской хоккейной сборной подобным же образом могла трактоваться и как акция, направляемая из-за рубежа, то есть из Москвы.

Дело в другом: потенциал оппозиции при оккупации достигал критической массы, и следовало определяться с соотношением этих двух феноменов, начальные слова для обозначения которых начинались на одну букву.

Действительно, к разгару весны 1969 г. укрепилась неформальная связь между активными рабочими, которые действовали вне официальной профсоюзной структуры, и студентами, не стремившимися к «консолидации». Подобного рода неформальные структуры выступали, как реально действовавшие «параллельные полисы» — если вспомнить более позднюю метафору В. Бенды; их нельзя было уничтожить решением или запретом, а рабочие и студенты в их рамках приобретали опыт создания независимых структур. Повышала свою активность нестуденческая молодежь, религиозные круги, женские и другие организации; устрашающе начали выглядеть даже такие безобидные организации, как, скажем, Союз филателистов и др.

Сформировавшийся активный блок студентов, рабочих и интеллигенции, а также поддерживавших их общественных сил стал весной 1969 г. предметом устрашения не только Москвы, но и представителей правящего режима, а в какой-то мере и ряда реформаторов. Спонтанно возникшая демонстрация в одной только Праге стала ожидаемой неожиданностью. Ясно, что и она, и возможные ее повторения не могли не содержать выступлений против оккупации. Демонстрация использовалась советским руководством как предлог вбить последний гвоздь в гроб «социализма с человеческим лицом» и сменить партийное руководство в КПЧ. Это почувствовали оппозиционные силы, которые были поставлены перед фактом пленума ЦК КПЧ как некоего исторического фатума.

15 апреля 1969 г., за день до пленума, студенты вузов в г. Чешские Будеёвице приняли документ «Отношение к современной политической ситуации перед предстоящим пленумом ЦК КПЧ», в котором осудили нападки на основные гражданские права и поворот в направлении к периоду 1950-х гг.⁴³ Оно выразило царивший в обществе дух настороженности от неизбежных изменений в сторону жесткой «нормализации» без соблюдения каких-либо легальных процедур. Однако подобного рода акции по существу уже ничего изменить не могли.

На третий день работы начавшегося 17 апреля 1969 г. пленума ЦК КПЧ А. Дубчек был смещен со своего поста, а его место занял Г. Гусак, ко-

того Москва избрала в качестве инструмента для реализации своих планов. В ходе пленума ЦК КПЧ советские части были приведены в состояние боевой готовности⁴⁴, но общество и репрезентовавшее его оппозиционное движение на крайние меры и даже протестные акции так и не пошло.

Большая часть историков справедливо считает, что основные цели политики «нормализации» Гусак сформулировал еще до апреля 1969 г., считая достаточным для их достижения изгнать несколько сот человек из партии, ввести цензуру, арестовать «нарушителей порядка» и др. Тем самым, по его убеждению, решалась задача ликвидации политической оппозиции, главным образом наиболее опасной ее части внутри КПЧ. В дальнейшем следовало сделать невозможным новое формирование оппозиции в руководстве КПЧ и в низших органах партии; полностью подчинить контролю СМИ. Предполагалось также отнять у гражданской оппозиции возможность легального публичного влияния и подчинить центральные органы общественных организаций и некоммунистических партий руководству КПЧ посредством НФ. Но счет «коммунистов под подозрением» пошел, как показало будущее, на сотни тысяч, а аресты, раз начавшись, больше не заканчивались.

Вряд ли предвидели масштабы будущих преследований и лидеры реформаторского крыла КПЧ. А следовало бы предвидеть: масштабы «чисток» в СССР в 1930-е гг. и в странах Восточной Европы в 1950-х места иллюзиям не оставляли. Может быть, в адрес их нерешительности относятся наполненные горечью слова известного чешского историка В. Пречана о том, что исходной точкой «нормализации», процесса «восстановления порядка» явилась капитуляция лидеров Пражской весны, «малодушная и капитулянтская политика, растранившая успех августовского общенародного движения сопротивления против советского решения чехословацкого вопроса»⁴⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Madry J.* Op. cit. S. 26.

2 *Komunistická strana Československa...* D. 9. Sv. 4. S. 194, 199. Pozn. 5.

3 Цит по: *Madry J.* Op. cit. S. 27.

4 Возраставшие опасения режима вызвала и интеллигенция, которая, несмотря на постоянное вмешательство цензуры, сумела удержать максимально возможный уровень правдивости в СМИ, особенно в печати. Отдельные профсоюзы работников культуры создали в конце августа 1968 г. Координационный комитет творческих союзов, который регулярно выражал поддержку интеллигенции, деятелей искусств и науки действиям студенчества и рабочих. Все же интеллигенция столь мощным актором оппозиционного движения, как первые и вторые, не стала.

5 *Komunistická strana Československa...* D. 9. Sv. 4. S. 161.

- 6 Ibid. S. 161–162.
- 7 Ibid. S. 168.
- 8 Ibidem.
- 9 Golan G. Reform Rule in Czechoslovakia: Dubcek Era. 1968–1969. Cambridge, 1973. P. 258.
- 10 Цит по: *Madry J.* Op. cit. S. 28.
- 11 *Bárta M.* Op. cit. S. 44.
- 12 Текст Договора см.: *Občanská společnost... D. 2. Sv. 2. S. 105–106.*
- 13 Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 284–285.
- 14 Там же. С. 285.
- 15 Там же. С. 284.
- 16 *Bárta M.* Op. cit. S. 22.
- 17 Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 291–297.
- 18 Цит. по: *Madry J.* Op. cit. S. 38.
- 19 См.: *Власть–общество–реформы... С. 285–293.*
- 20 *Madry J.* Op. cit. S. 41.
- 21 Ibidem.
- 22 *Czechoslovakia 1968–1969... P. 115.*
- 23 *Komunistická strana Československa... D. 9. Sv. 4. S. 210.*
- 24 Ibid. S. 215–216.
- 25 Ibid. S. 216.
- 26 Ibid. S. 213.
- 27 Ibid. S. 214.
- 28 Ibidem.
- 29 Ibid. S. S. 210.
- 30 Ibid. S. S. 211.
- 31 Ibidem.
- 32 Ibidem.
- 33 Цит. по: *Občanská společnost... D. 2. Sv. 1. S. 199. Pozn. 1.*
- 34 Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 283.
- 35 *Madry J.* Op. cit. S. 37.
- 36 *Komunistická strana Československa...D. 9. Sv. 4. S. 439. Pozn. 9.*
- 37 *Madry J.* Op. cit. S. 40.
- 38 Ibid. S. 37.
- 39 Ibid. S. 38.
- 40 Ibid. S. 42.
- 41 Ibid. S. 41.
- 42 Ibid. S. 45.
- 43 *Občanská společnost... D. 2. Sv. 1. S. 520.*
- 44 Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 48.
- 45 См.: *Prečan V. Lid, veřejnost, občanská společnost... S. 13–37.*

§ 3. ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ В АПРЕЛЕ–АВГУСТЕ 1969 г.: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Изменение политики, которая стала реализовываться после апрельского пленума, а также принятые на нем персональные изменения были отвергнуты некоторыми политиками-реформаторами, их не приняло и большинство населения. Однако публично мало кто решался на проявление протеста; лишь мелкие группы, снова главным образом студенты, попытались организовать забастовку в поддержку А. Дубчека. Она прошла лишь на некоторых факультетах и не могла уже ни на что повлиять. Среди студентов ширились чувства беспомощности и упадочнические настроения, замечалось доминирование прагматизма и уход от любой идеологии.

Вскоре закрылись девять еженедельных и ежемесячных журналов, которые выходили в общей сложности тиражом примерно полмиллиона экземпляров. Творческие союзы по этому поводу совместно заявили следующее: «Нападки на свободу слова — это нападки на всю культуру... По своему опыту мы знаем, что культура — это кровь народа, а тело с перерезанными сосудами умирает. Под угрозой не только культура. Удушением свободы слова ставятся под угрозу все человеческие права и все гражданские свободы. Нас можно заставить замолчать, но никогда нельзя принудить произнести то, чего мы не думаем...»¹.

Что касается большинства граждан, то они решения апрельского пленума правильно восприняли как конец реформаторским устремлениям. Это вызвало массовые ощущения безысходности, депрессии и смирения, ослабило решимость оппозиционных кругов публично выражать свою точку зрения. Резко снизилось количество протестных листовок и резолюций на предприятиях и в вузах. Оппозиционное движение обрекалось на нелегальное положение, и к этому надо было привыкать после дыхания свободы в период Пражской весны.

Формирование подобного движения в нелегальном статусе осложнялось тем, что правительству удалось стабилизировать экономическое положение. В итоге «режим нормализации» заключил с большинством населения негласный «общественный договор»: некоторые его слои использовали растущее число материальных благ в обмен на аполитичность. Одним из проявлений этого стала теневая экономика и так наз. халупарская субкультура: общественная активность переносилась на дачи (по-чешски — «халупы») — аналоги кухонь для диссидентов в СССР.

По существу благоприятное экономическое положение не давало импульса к массовым выступлениям, в отличие от экономической нестабильности в Польше. В Чехословакии оппозиция формировалась и действовала поэтому в значительно более сложных и тяжелых условиях. Ни одна

социальная группа или класс не стали ее массовой опорой, даже будучи естественным союзником. Ее ядро и главную силу призваны были составлять интеллектуалы, которых более всего затронула политика «нормализации». В Чехословакии не возникло массового оппозиционного рабочего движения, причин для выступлений не имели крестьяне, экономическая стабилизация не привела к выступлениям технократов и менеджеров, да и церковь (особенно в Чехии) не стала ни политической, ни моральной опорой оппозиции². Правда, этого нельзя утверждать относительно католической церкви в Словакии, которая нелегко шла на компромиссы и которая в это время лишь начинала набирать протестный потенциал.

Оппозиционное движение оказалось ограниченным отдельными группами граждан, политически активных еще в период Пражской весны. Тем не менее и они составляли для формировавшегося нового центра власти серьезное препятствие в реализации политики «режима нормализации». Поэтому власти прилагали немало сил для их ликвидации.

Особую тревогу вызывал упоминавшийся выше блок студентов-рабочих-интеллигенции. Если поздней осенью 1968 г. студенческо-рабочие комитеты, возникавшие повсеместно, наладили связи факультет-завод, если в договорах, заключенных между Союзом студентов и отдельными профсоюзами, выражалась необходимость единства действий студентов и рабочих против политики уступок и компромиссов, если студенты часто помогали собираться рабочим разных заводов для обсуждения своих проблем, то в мае 1969 г. это единство получило новые — и, как оказалось, остаточные импульсы к укреплению.

Профсоюзные комитеты ряда крупных заводов, студенческие организации, творческие коллективы историков, философов, журналистов, юристов и рабочих в мае 1969 г. поставили свои подписи под призывом «Не смеем молчать!». Он заканчивался словами: «Мы не смеем молчать, если не хотим отдать нашу страну целиком во власть тех, кто сегодня ставит на карту будущее социализма в Чехословакии»³. Призыв в виде листовки распространялся главным образом студентами в самиздате, но явился неприятным сюрпризом перед проходившим в июне 1969 г. в Москве Совещанием коммунистических и рабочих партий. «Чехословацкий вопрос», содержание которого к тому моменту связывалось с подавлением Пражской весны, на нем, естественно, не рассматривался. По умолчанию все признали, что «социализму с человеческим лицом» оставалось жить недолго, хотя круги от этой попытки его воплощения пошли весьма широкие. В Москве, однако, не удалось добиться решения теоретических и политических вопросов, связанных с событиями 1968 года. «Одна группа коммунистических и рабочих партий, — пишет Мадры, — продолжала „деликатную критику“ советской оккупации Чехословакии, другие использовали демонстрации в августе 1969 года для под-

тверждения правильности советской оценки чехословацких событий 1968–1969 гг. как контрреволюционных»⁴.

И все же май 1969 г. стал месяцем не нарастания протеста, а его упадка. Так, в апреле протесты против прихода к власти Гусака и его команды отправили 84 организации и учреждения, а после майского пленума ЦК КПЧ, который исключил из партии Кригеля и других реформаторов, ЦК КПЧ получил лишь 2 протеста. Правда, 57 протестов адресовались президенту Л. Свободе с наивной верой, что он будет добиваться справедливости⁵. Но начинала действовать апатия. И если новому лидеру КПЧ «открыто и прямо выражал поддержку лишь небольшой процент населения, то тех, кто также открыто встал на путь политической борьбы с его режимом, было еще меньше. Граждане понимали, что правительство становится чуждым для них, но они почти не реагировали на это. При Дубчеке люди еще верили, что своей критикой они смогут повлиять на изменение плохого решения, при Гусаке же они уже считали свои протесты лишними и небезопасными, заняв позицию недовольного молчащего большинства»⁶.

В этих условиях чехословацкая оппозиция оказалась организационно раздробленной. Так, делегаты VII съезда профсоюзов в марте 1969 г. декларировали взаимную солидарность и решимость отстаивать гражданские права, но уже 21 апреля президиум Центрального совета профсоюзов практически безоговорочно поддержал новое партийное руководство.

Против нового политического курса выступила Чешская федерация локомотивных бригад, объединявшая 23 тыс. членов. После своего заседания 29–30 апреля она совместно с Союзом работников монтажных организаций стремилась побудить к совместному выступлению все профдвижение. В ответ на это Совет профсоюзов Словакии потребовал от МВД запретить деятельность данных союзов на словацкой территории⁷. Большинство же профсоюзов «благоразумно» уходило от подобного рода противостояний.

Еще в первые дни после апрельского пленума начали забастовку студенты сельскохозяйственных вузов в Праге и Чешских Будеёвицах, а также химико-технологический и философский факультеты в Праге. Появились плакаты: «Мы против социализма с гусиной кожей!»⁸. Однако в этот раз ни один завод не поддержал забастовку студентов, а к маю протестные настроения и вовсе утихли. В последние весенние месяцы 1969 г. Союз студентов высших учебных заведений стал мишенью нападков всех, кто не без основания опасался его бескомпромиссной позиции, отказа уступить и постоянного подчеркивания необходимости единства действий на уровне факультет-завод.

В самом студенческом движении стали проявляться противоречия. Президиум Союза студентов вузов, который организовал акции в

поддержку Смирковского и демонстрацию в день похорон Палаха, теряя влияние. Он собрался 28 апреля в Оломоуце и принял ряд документов оппозиционного характера. В ответ на это власти усилили давление на студентов, пытаясь с целью установления контроля над Союзом ввести его под контроль Национального фронта. Когда в Оломоуце на голосование поставили вопрос о вхождении в НФ, «за» проголосовал 71 его делегат, а 70 — против. Тем самым даже в условиях становившейся все более жесткой «нормализации» необходимые две трети голосов набрать не удалось, и раскол в движении студентов оставался весьма симптоматичным фактом. К началу мая из 65 факультетских студенческих организаций «за» вхождение в НФ выступили 32 — та же половина с перевесом в один голос; последние при поддержке аппарата КПЧ начали формировать свои руководящие органы⁹.

Дезинтеграция не обошла стороной и творческую интеллигенцию. Союз чешских журналистов встал на путь покаяния, в то время как Союз чешских писателей продолжал твердо отстаивать свои позиции. На заседании 22 апреля его руководство заявило о поддержке Координационного комитета и редакции издания «Листы», протестовало оно и против запрещения журнала «Культурни живот» в Словакии.

Власти отреагировали на эти протесты ужесточением мер. Так, к концу апреля 1969 г. была проведена замена главных редакторов почти всех партийных печатных органов, а журнал «Политика» запрещался. На телевидении не по своей воле ушло все руководство главной редакции теленовостей и создана цензурная «группа редакторов контрольной службы»; аналогичные меры коснулись и радио. 6 мая Президиум ЦК КПЧ принял решение, направленное против печатных изданий общественных организаций: в течение 10 дней предполагалось сменить редакторов в изданиях «Праце», «Млада фронта», прекратить издание «Студентске листы», «Репортер», «Листы», «Мы 69», «Пламене», «Свет в образах». 14 мая правительство окончательно отменило их регистрацию.

Памятуя «хоккейную баталию», «режим нормализации» опасался спонтанных демонстративных акций, поэтому было принято решение не проводить традиционные первомайские демонстрации и студенческие маевки (майялесь). Тем не менее 1 мая 1969 г. в Праге собралось около 2 тыс. человек, а в ночь с 8 на 9 мая в знак протеста против вторжения срывались советские флаги. Хотя и эти акции возникали стихийно, они не принимали массового характера. По верному утверждению Й. Мадры, коммунисты-реформаторы, добровольно отказавшись от руководства широким народным движением, перешли к тактике индивидуальной обороны своей прежней политики и непубличным протестам против преследования отдельных людей¹⁰. Демонстрации со срыванием флагов страны, освободившей Чехословакию от фашизма, представлялись им чрез-

мерными. В то же время некоммунистическая оппозиция оказалась не готовой взять на себя руководство антинормализационным движением. В связи с этим можно признать справедливым утверждение, что «военные угрозы оккупационных войск, полицейские меры, ограничение информации после введения цензуры и ликвидация ряда журналов и угрозы ответственности за публичное проявление неконформистской позиции диаметрально изменили политическую атмосферу общества»¹¹.

Победа фракции Г.Гусака, таким образом, явилась важной вехой, значимой и для развития антинормализационного движения в стране. Важно при этом подчеркнуть, что определенная часть коммунистической и некоммунистической оппозиции считала Гусака наиболее приемлемой фигурой на ближайший период¹². Постепенно нараставшая критика, сопротивление политике уступок, которую избрало руководство А. Дубчека, лишалось многих возможностей: общество уже не могло выражать свое мнение публично, а коммунисты — в партийных органах. Можно было говорить о провале капитулянтской политики партийного руководства и еще в большей мере об отходе от послеянварского курса. Оппозиция внутри легальных структур прекращала свое существование¹³.

29–30 мая 1969 г. состоялся первый после смещения с партийного Олимпа А. Дубчека пленум ЦК КПЧ, на котором с докладом об основных задачах партии выступил Г. Гусак. «Сегодня, — подчеркнул он, — по прошествии шести недель, мы можем твердо сказать, что большая часть партии и общества поняли смысл этого шага и одобрили линию апрельского пленума»¹⁴. Стратегический курс в партийном докладе выстроен достаточно жестко и бескомпромиссно. В нем определялась генеральная линия — «консолидация отношений внутри партии», которая в свою очередь являлась главной в преодолении кризисных явлений в чехословацком обществе¹⁵. Возвращаясь к событиям осени 1968 г., лидер партии особо отметил, что ноябрьская резолюция пленума ЦК КПЧ не стала основой консолидации партии и общества и остановился на причинах этого явления. «Отсутствие единства в центральном комитете, — подчеркнул он, — и его [исполнительных] органах, отход от ленинских принципов в работе партии, нерешительность и неуверенность руководства по-прежнему предоставили большое поле деятельности для антисоциалистических, правооппортунистических сил, оставив основную часть средств массовой коммуникации в их руках». Период конца 1968 — начала 1969 г., по его словам, был наполнен «деструктивными попытками антисоциалистических и оппортунистических сил, неоднократно приводивших государство на грань катастрофы». В конце марта эти силы перешли в новое наступление, а их акции в большинстве случаев носили «явно контрреволюционный характер»¹⁶. Цели преодоления подобного рода явлений сформулированы следующим образом: «Имен-

но поэтому необходимо в кратчайшие сроки политически изолировать те силы, которые вносят в партию и общество разруху, а их объективные цели вступают в непримиримое противоречие с нашими социалистическими целями. Только так можно преградить путь непрекращающейся череде кризисов, стихийных анархических акций с непредсказуемыми последствиями»¹⁷. Гусак считал неизбежным начало «крупной политической борьбы, которую необходимо вести с целью завершения процесса консолидации нашей партии и государства»¹⁸. Антиреформаторы привычно оперировали в своих выступлениях уже становившимися традиционными терминами: «антисоциалистические элементы», «правооппортунистические силы», «оппортунистические элементы», «контрреволюционеры» и др.

Все еще остававшиеся в составе ЦК КПЧ сторонники реформ в очередной раз попытались направить обсуждение сложнейших проблем общегосударственного значения в русло диалога. Выступивший на пленуме Ф. Кригель утверждал, что для руководства партии и правительства не является тайной усиление негативной реакции населения — как членов партии, так и беспартийных. «Ускоряются темпы, — заметил он, — ведущие к изоляции партии от населения, изоляции руководства от рядовых членов, к превращению партии из морально-политической руководящей силы в институт почти исключительно силовой»¹⁹. Разумеется, такого рода речи уже не могли пройти бесследно. Тут же объявили перерыв, после чего Гусак внес предложение об исключении не только из ЦК, но и из партии (135 голосов — «за», 12 — «против», 12 — воздержались) Кригеля, выступление которого квалифицировалось как «открытая антипартийная платформа»²⁰. Против репрессивной политики выступил и Ф. Водслонь, но его, а также К. Косика, Ф. Павличека, К. Павлиштика, О. Шика тоже вывели из состава ЦК КПЧ. Вскоре началось устранение отдельных представителей чехословацкой оппозиции в КПЧ на уровне среднего и низшего звеньев, превращавшееся уже в массовые чистки — сначала в вооруженных силах, а затем и в других ведомствах и организациях.

Подводя своего рода итоги пленума, а на деле укрепляя новую линию, Г. Гусак выступил на партийном активе в Высочанах 31 мая 1969 г. Его выступление оказалось наполненным выпадами против «правых сил», т. е. сторонников реформ, а также заводских советов трудящихся. После майского пленума и партийного актива движение еще больше загонялось вглубь, не теряя при этом своей протестной составляющей. В ответ 2 июня представители 15 заводов, преимущественно относившихся к ЧКД, приняли резолюцию, в которой выразили свое несогласие с тем, что происходит на политической сцене государства²¹. Критика майского пленума ЦК КПЧ содержалась и в принятой в Кладно 6 июня совместной резолюции актива профсоюзных лидеров при участии пред-

ставителей ряда предприятий. В ней отмечалось: для защиты послеянварской политики профсоюзы полны решимости использовать все средства, что подразумевало и всеобщую забастовку²².

Рабочие Новой Гуты им. К. Готвальда в Остраве создали на 12 июня 1969 г. профактив с участием студентов и представителей Координационного комитета творческих союзов. На новые попытки объединения рабочих и интеллигенции незамедлительно отреагировал министр внутренних дел Й. Гроссер, издавший 19 июня приказ о роспуске Союза студентов вузов Чехии и Моравии²³.

Не было спокойно и на другом фронте — творческом. 10 июня 1969 г. В. Гавел на съезде чешских писателей высказался в поддержку деятельности в НФ ЧССР при условии, что для членов Союза писателей станут обязательными лишь постановления, принимавшиеся с их согласия. На нем выступил и будущий лауреат Нобелевской премии поэт Я. Сайферт, выразивший неприятие политики «нормализации». Следует подчеркнуть, что съезд собрался в атмосфере явных и открытых попыток партийной олигархии ликвидировать разрозненные очаги оппозиции. Итоги съезда, в том числе и повторное избрание Сайферта его председателем, общество воспринимало с большим интересом и рассматривало их в качестве импульса к новой борьбе. Однако она так и не разгоралась.

В ответ на запрещение Координационного комитета и Союза студентов вузов оппозиция, сама ставшая объектом нападок, уже не могла реагировать лишь резолюциями или словами протеста, не рискуя потерять доверие общества. Настало время проверки их умения привлекать и вести широкие слои при проведении забастовок и демонстраций, отвечать на действия действиями. Однако выяснилось, что на всех руководящих уровнях (с незначительными исключениями — творческие союзы, руководство локомотивных бригад) политическая оппозиция оказалась практически бессильной и вела лишь словесные сражения²⁴.

В знак протеста несколько заводов спонтанно решили провести 24 июня короткую (в течение 15 минут) забастовку при участии около 3 тыс. человек. И она, и принятая заводскими профсоюзами резолюция показали: рабочие и профсоюзные массы на заводах не одобряли усилившегося курса на компромисс, принятый их Центральным советом. Примечательно, что забастовка состоялась в знак протеста против запрещения Союза студентов вузов, Общества защиты прав человека, восстановления цензуры, преследования прогрессивных журналистов и исключения из ЦК КПЧ коммунистов-реформаторов. Рабочие и интеллигенция снова выступили заодно, хотя и не столь масштабно, как ранее.

В забастовке принимали участие несколько ведущих предприятий в районах Прага-9, Прага-4 и Прага-8. В их числе: ЧКД-Дукла — главный завод, ЧКД-Дукла-НИИ инженеров, ЧКД-Тяга, ЧКД-Локомотивы,

ЧКД-Компрессоры, ЧКД-Полупроводники, ЧКД-снабжения, ЧКД-завод-поставщик, Ремонтные мастерские-обл.-Прага, Промстрой — завод строительства предприятий и устройств водного хозяйства, Национальное предприятие Прага и др. Полную поддержку забастовке протеста официально выразил и секретариат Объединенного комитета профсоюзов Чехословацкой Академии наук, который обязался информировать о забастовке все научно-исследовательские институты ЧСАН. Однако некоторые институты (Институт физиологии ЧСАН, Кабинет по греческим, римским и латинским научным исследованиям, Научно-исследовательский Институт этнографии и фольклористики ЧСАН, Институт археологии ЧСАН, Институт микробиологии ЧСАН и др.) сами присоединились к забастовке²⁵.

Кроме поддержки бастующих заводов Союз студентов вузов получил огромное количество выражений солидарности по телефону от самых разных предприятий чехословацкой промышленности. По далеко не полной информации, забастовку поддержали — независимо от пражских предприятий — несколько заводов металлообрабатывающей промышленности в областях Наход-Кладно, Градец Кралове и Острава. Только в Находском районе остро сформулированную резолюцию протеста подписали по меньшей мере 14 предприятий²⁶.

Листовка «Тезисы забастовки» с описанием мотивов забастовки, которую подписали представители всех участвовавших в ней заводов, а также резолюция, которую 27 июня приняло общее собрание председателей профкомов филиалов ЧКД в Праге, представлявших примерно 50 тыс. членов профсоюза, критиковали Центральный совет профсоюза рабочих-металлистов за то, что он не выступил публично с осуждением мероприятий, приведших к такому виду протеста. Провозглашалась необходимость защиты независимости профсоюзов от политических партий и государственных органов. Листовка и резолюция распространились рабочими и студентами в самиздате в конце июня 1969 г.

Однако многие партийные органы, включая и те, где в то время оставались еще на своих местах сторонники реформаторского движения, решительно осудили забастовку. Например, в заявлении партбюро Пражского городского совета говорилось о «самозванных организаторах на заводах, которые, в противоречии с ясно выраженными точками зрения представителей высших профсоюзных органов, партийных комитетов и руководства предприятий, попытались злоупотребить недостаточной информированностью трудящихся, чтобы вызвать беспорядки и нанести урон усилиям партии по консолидации политической и хозяйственной ситуации...»²⁷.

В ответ на забастовку Г. Гусак 26 июня 1969 г. на совещании ведущих секретарей КПЧ открыто выступил против советов трудящихся (заводских советов), в которые, по его словам, проникли «правые оп-

портунистические элементы»²⁸, причем с той же убедительностью он мог говорить, к примеру, и о «левых ревизионистах». Тем самым, наконец, участь внутривнутрипартийных оппозиционеров была решена. «Тому, — заявил Гусак, — кто занимает явно враждебные позиции, нечего делать в рядах партии»²⁹, что в переводе означало: они лишатся своих постов, должностей, званий...

Таким образом, июньская забастовка не носила массового характера, но резонанс от нее получился весьма заметным: она свидетельствовала, что ростки Пражской весны в апреле 1969 г. полностью не вымерзли, а «нормализация» проходила отнюдь не «нормальными» темпами. Действительно, прошло немногим более недели и снова возник вопрос о забастовке. 2 июля собрались члены Центрального совета Чешского профсоюза металлостроителей, которые выступили против политики нового партийного руководства и введения цензуры. Они потребовали немедленного вывода из Чехословакии советских войск и выступили с угрозой начала всеобщей забастовки в поддержку Закона о предприятии³⁰.

Требование забастовки поддержал заводской комитет ЧКА, к которому присоединились еще 4 завода. При этом организаторы стремились не только провести всеобщую забастовку, но и призывали граждан выйти на улицы. В ответ партийные органы предприняли контрмеры, усилив и без того интенсивную антизабастовочную деятельность. В итоге против забастовки выступили все общезаводские комитеты КПЧ, директорский корпус, а на ряде предприятий и профсоюзные органы.

Того же 2 июля студенческие активисты 34 факультетов собрались на философском факультете Карлова университета. Большинство из них осудило роспуск Союза студентов вузов. Согласно информации, которую получил Президиум ЦК КПЧ, студенческие лидеры начали подготовку к нелегальной деятельности и неформальной организации контактов между факультетами³¹. Эти силы не могли не поддержать забастовку, но все же активисты — это не массы. Громкой акции не состоялось, а ее угроза лишь усилила линию на «нормализацию». Гусаку еще раз пришлось заявить на собрании партийной группы при Центральном совете профсоюзов 9 июля: занимавшие «враждебные» партии позиции не могли занимать руководящие посты в профдвижении³². Снова прозвучали определения «враг», «оппозиционер», «деструктивный элемент», а то и «антикоммунист», «контрреволюционер» и др.

По мере приближения августа тон выступлений лидеров правящего режима становился еще более жестким и непримиримым. Оппозиционное движение готовилось к годовщине вторжения исподволь. Так, с середины июня 1969 г. в Чехословакии появились листовки с призывами к политическим акциям протеста, а в первой половине августа МВД выявило уже 138 различных их видов. Самой распространенной стала листовка «До-

рогие сограждане», включавшая уже становившиеся традиционными 10 пунктов — инструкции, как себя вести в августовские дни: игнорировать транспорт, бойкотировать прессу, культурные мероприятия, торговые заведения, начать всеобщую забастовку, включить сирены и фары. Лишь в Праге зафиксирована отправка 880 писем от отдельных лиц и целых коллективов; начиная с 5 августа органы госбезопасности перехватили 116 писем, адресованных в зарубежные представительства в Чехословакии.

В другой листовке «Призыв ко всей молодежи» (до 21 августа 1969 г.) прямо говорилось: «В период растущего полицейского террора нельзя действовать прежними методами, т.е. легально работать в официальных организациях. Современные условия не позволяют вести классическую партизанскую войну, однако зрелость наших людей позволяет вести иные, зачастую намного более эффективные формы сопротивления, в чем мы уже убедились в августе прошлого года. Пока что нужно исключить открытое столкновение»³³. Еще одна листовка, под которой стояла подпись «Группа рабочих и студентов», включала десять пунктов, которые надо было выполнить, чтобы отметить «день позора» — первую годовщину оккупации. В ней звучали призывы не пользоваться городским транспортом, не приобретать журналы и газеты, не покупать ничего в магазинах, не ходить в этот день в кафе, рестораны, кино, театры и т. д. Предлагалось возложить венки на места гибели жертв оккупации и в памятных местах народной освободительной борьбы, в 12.00 приостановить работу на 5 минут, на заводах включить гудки и сирены, автомобилистам остановиться, зажечь фары и включить сигнализацию. Почти по всей стране, а особенно в Праге, граждане так и поступили. Как указывали наблюдатели, в день 21 августа 1969 г. восстановилась атмосфера единства, солидарности и решимости августа 1968 г.

Август 1969 года можно считать началом перехода к нелегальным формам активности оппозиции. Знаковым в этом плане выступает манифест «Десять пунктов», символически датированный 21 августа 1969 г. (он, как листовки «Призыв ко всей молодежи» и «Дорогие сограждане», также включал 10 позиций)³⁴. По словам Г. Скиллинга, манифест циркулировал нелегально в Чехословакии и публиковался за рубежом³⁵. Манифест, который адресовался представителям власти (ФС ЧССР, ЧНС, федеральному правительству, правительству ЧСР и ЦК КПЧ), подписали 10³⁶ ведущих интеллектуалов³⁷. Подписавшие — Р. Баттек, Л. Пахман, Я. Тесарж, Л. Кинцл, Л. Когоут, М. Лакатош, И. Непраш, Й. Вагнер, Л. Вацулик, В. Гавел — со всей определенностью заявили, что они не хотят обращаться к нелегальным формам борьбы. Манифест осуждал Московский протокол, а присутствие советских войск в стране квалифицировал как «повод для волнений»³⁸.

В преамбуле документа констатировалось, что в 1968 г. под угрозой был поставлен не социализм, а позиция функционеров, которые двадцать лет трезвонили о нем. Не был использован предоставленный правительству шанс доказать, что социализм — это не запреты, диктат и недостатки, а ориентация на обеспечение прав человека, на построение в экономическом и нравственном отношениях развитого общества. «Наши стремления, — говорилось в ней, — не расходились с давними идеалами социалистического движения, которые ставили во главу угла право на свободу народа и человека, отрицали сверхдержавное насилие, тайную дипломатию и кулуарную политику»³⁹.

Подписавшие манифест требовали от государственных органов начать переговоры о выводе советских войск, пересмотреть результаты «чисток» после апреля 1969 г., отменить запрет гражданских организаций, ликвидировать цензуру⁴⁰. Документ уделял особое внимание ключевой проблеме власти — положению КПЧ в ее структуре, призывал к отказу от роли КПЧ как организации власти, стоявшей над остальными государственными органами. В манифесте подчеркивалось, что руководящая роль компартии может быть обеспечена лишь в том случае, если она заслужит доверие общества.

Авторы манифеста настаивали далее на ратификации и реализации международных конвенций по правам человека, которые ЧССР подписала в октябре 1968 г. Заметим, что это произошло лишь шесть лет спустя, когда они стали частью преамбулы Хартии 77. Тем самым еще в середине 1969 г. документ определил главные тенденции развития чехословацкого антинормализационного движения в перспективе, когда акцент ставился на борьбе за права человека на основе существующих законов.

Важнейшей по рангу считалась проблема выборов в местные и высшие органы государственной власти «в соответствии с таким избирательным законом, который будет способствовать совершенствованию социалистической демократии». «В законе, — декларировалось в манифесте, — должно отражаться право петиционных комитетов граждан выдвигать своих собственных кандидатов, а также способ отзыва их со своих постов. Выборы, которые будут походить на выборы предшествующего периода, мы заранее отвергаем и участия в них принимать не будем». Этим пассажем манифест обозначил отношение оппозиции к предстоящим парламентским выборам 1971 г.

Важное место в документе занимала проблема федеративного устройства государства с предостережением против формального подхода к решению этой сложной задачи. Что касается экономики, то в документе выдвигалось требование об издании закона о социалистическом предприятии, который передавал бы право принятия решений

по производственным вопросам специалистам; рабочие же могли оказывать влияние на распределение прибылей и капиталовложения.

Главное, чем отличался манифест — это попытка ответить на вопрос: что делать? Подписавшие его демонстрировали свою лояльность и во многом дистанцировались от нелегальных форм борьбы, подчеркивая, что отрицание не является их программой. Напротив, они призвали сограждан, чтобы каждый на своем участке честно работал, а для защиты прав использовал существующие институты. Именно поэтому в заключительной части документа они решительно отвергли возможные обвинения в антисоциалистических действиях и антисоветских позициях. При этом они еще раз повторили формулировку своего положительного отношения к модели социализма, соответствующей высокоразвитой стране. Конечно, эта декларация вряд ли успокоила власть имущих, но выглядит она вполне искренней.

Таким образом, манифест *впервые* — в рамках стран социалистического содружества в целом — обратил внимание на проблематику гражданских прав и выразил сомнение в соблюдении «режимом нормализации» законов. Определенную гарантию решения этих проблем подписавшие манифест видели в ратификации международного Соглашения о правах человека и гражданина и Договора об экономических, социальных и культурных правах. Естественно, что ориентация на такого рода документы корректировала позиции многих коммунистов, уже испытывавших жесткое давление — и даже «мороз от Кремля».

Можно утверждать, что авторы манифеста «Десять пунктов», с одной стороны, предложили обществу программу социализма с «человеческим лицом» (хотя Дубчека среди подписавшихся не было). Но, с другой стороны, важное место в их требованиях заняли проблемы прав человека и гражданина, признававшиеся хотя бы формально и режимом. Новым даже не в тактике, а в стратегии оппозиционного движения (причем в рамках всего «социалистического содружества») явилось то, что для достижения своих целей авторы манифеста «Десять пунктов» планировали использовать средства и методы протеста, допустимые в рамках существовавших законов⁴¹.

Авторы манифеста констатировали, что их стремление «соответствует прежним идеалам социалистического движения, которое вело борьбу за право на свободу народа и человека», и заявили о поддержке такой формы социализма, «которая может иметь успех в развитых странах». Таким образом, они поддерживали Программу действий, отвергая при этом советскую модель социализма.

Несмотря на то, что авторы объявили себя сторонниками социализма и не считали его изжившим себя, документ представляет собой определенный сдвиг, поскольку ставил акцент на права человека и гражданина. Они требовали ратификации конвенций о гражданских, экономических,

социальных и культурных правах. Для достижения этих целей они намеревались использовать все легальные средства, фактически отказавшись, однако, от политических методов борьбы. В качестве программы движения граждан предлагалось решение их непосредственных интересов. «И в условиях отсутствия политической свободы, — подчеркивалось в манифесте, — цивилизованный народ может противостоять тем, что практическими действиями неполитического характера будет отстаивать свой стиль жизни, свою жизненную философию, свой характер. Мы можем, к примеру, хотя и с трудом, но все же постепенно улучшать свои жилища и свои места обитания, оздоравливать жизненную и рабочую среду, сводить к минимуму ущербы, рачительно распорядиться тем, что имеем. Мы можем проводить время так, как это устраивает нас и уж во всяком случае не того, с кем его мы не хотим проводить. Мы можем умножать и культивировать свои увлечения и интересы. Мы знаем, что вопрос о нашем положении не можем решать только мы, потому что мы не центр вселенной и не его главная движущая сила. Бывают времена, когда просто-напросто надо выстоять и твердо стоять на достигнутом. Мы будем стремиться к этому, будучи убежденными в том, что развитие остановить невозможно»⁴². В этих формулировках, как полагает М. Отагал, можно обнаружить зародыши «неполитической политики», которая явилась характерным подходом определенной части антинормализационного движения — диссидентства — к решению актуальных проблем общества в более поздний период⁴³. Уместно, на наш взгляд, добавить, что ранее идеи в подобном русле высказывал экс-коммунист, бывший член ЦК КПЧ, секретарь областного комитета КПЧ в Брно Я. Шабата, в будущем один из основателей нелегальной оппозиционной структуры Социалистического движения чехословацких граждан (СДЧГ). «Есть только одно, — утверждал он еще в январе 1969 г. — радикальное решение: избавиться от политики. Поэтому представление об обществе, которым правят моральные принципы, непременно связано с проектом общества, организованного неполитически (курсив мой. — Э. З.). Движение, которое борется за это, — самое радикальное политическое освободительное движение...»⁴⁴. Здесь, как представляется, важно указать не на ранжирование идей по иерархии, а уяснить намечавшиеся уже в самом начале 1969 г. возможные тенденции развития антинормализационного движения в будущем.

Манифест вызвал неоднозначную реакцию. Так, представители радикальных левых студентов называли авторов «Десяти пунктов» либерально настроенной партийной интеллигенцией, выражавшейся языком периодического издания «Литерарнелисты» из «безвозвратно ушедшего 1968 года». Стержнем этой критики и пунктом расхождения стало отношение к «режиму нормализации». По мнению студентов, с ним уже нельзя идти на диалог, но его надо радикально отвергнуть и вести против него борьбу.

Они утверждали, что подписавшие манифест заняли к режиму конформистскую позицию, так как стремились «действовать конструктивно и вести политическую борьбу в рамках институтов»⁴⁵. Часть левых студентов даже называла манифест вариантом сталинско-бюрократической системы. Однако это был голос далеко не всего студенчества.

«Режим нормализации» небезосновательно опасался последствий августовских акций протеста и принял меры для их предотвращения. Все же 19 августа⁴⁶ прошли первые столкновения с особыми подразделениями, которых полгода специально обучали для борьбы с демонстрантами. Полиция действовала жестоко, даже не имея огнестрельного оружия (оно имелось только у офицеров). По сообщению одного из работников аппарата КПЧ, «утром 20 августа в предместья Праги вошли две танковые дивизии... Они умышленно были размещены так, чтобы их видели все. В Праге были выставлены отряды пограничной охраны у почты, радио, центрального телефонного узла и так далее». 21 августа бронетранспортеры перегородили Прагу. В 13 часов, когда на Вацлавской площади находилось больше 120 000 людей, был отдан приказ очистить площадь. Были вызваны танковые части, чтобы ликвидировать баррикады⁴⁷.

Протестные акции граждан достигли кульминации 21 августа, когда рабочие поддержали проходившие демонстрации на улицах Праги, где большинство жителей игнорировало городской транспорт⁴⁸. Выручка на трамваях снизилась в сравнении с предшествующим днем на 55%, магазины были полупустыми. Большая часть работников добиралась на работу пешком, соблюдая при этом порядок и дисциплину. На рабочих местах проходили бурные дискуссии, но забастовки, организованные частью функционеров первичных профорганизаций, носили частичный и кратковременный характер⁴⁹. В целом временные несостыковки и территориальная раздробленность акции снижали ее эффективность.

В первой половине дня верхнюю часть Вацлавской площади заполнили несколько тысяч человек, которые еще до прихода вооруженных сил успели произнести совместную присягу «Верными останемся!» и исполнить государственный гимн. В акции должны были принять участие и коллективы ряда заводов (ЧКД, Авиа и др.), которые намеревались присоединиться к демонстрантам после завершения рабочего дня. Однако власти приняли решение заблокировать подходы к Вацлавской площади подразделениями Народной милиции и армии, а также грузовиками, чтобы не допустить рабочих в центр Праги. Тем самым демонстрантам не удалось объединиться с рабочими, что негативно сказалось на дальнейшем развитии событий. «Нет сомнения, — утверждает Й. Мадры, — что без вмешательства вооруженных сил пражская демонстрация стала бы столь же масштабной, как и во время мартовской победы хоккеистов»⁵⁰. Демонстрантов разгоняли дубинками, водометами,

слезоточивым газом, группы молодежи в ответ бросали камни и палки, перегораживали улицы урнами и стройматериалами, с рельсов были сдвинуты пять трамваев. Количество раненых увеличивалось, а на Лондонской улице был застрелен тринадцатилетний подросток.

После полудня демонстрация рассеялась, а к 22 часам полиция разогнала крупные группы, задержав 849 чел. Похоже развивались события в Брно, несколько тысяч человек приняли участие в демонстрациях в Либереце, Братиславе, Гавиржове и др. чехословацких городах. В Словакии помимо Братиславы около 100 молодых людей собралось в Жилине. В целом в республике получили ранения 436 представителей вооруженных сил (из них 27 тяжелые), 5 демонстрантов и 1 военнослужащий погибли, 33 демонстранта ранены, из них четверо получили тяжелые ранения⁵¹.

Эти трагические события не могли не привлечь внимания мировой общественности. Еще до начала демонстраций граждане и организации призывали направлять письма протеста в ООН против оккупации Чехословакии с требованиями проведения свободных выборов под эгидой международных организаций, что превращало положение в Чехословакии в международную проблему, которая вскоре получила соответствующее определение — «чехословацкий вопрос»⁵². Поддержать демократические силы призывались и отдельные страны, в частности США. Но, как пишет Мадры со ссылкой на мнение американских дипломатов в Берлине, там предпочитали «умиротворенную» Чехословакию, чтобы можно было вести успешные переговоры с Советским Союзом⁵³. В шифровке, отправленной чехословацким дипломатом из Берлина в июле 1969 г., в частности, говорилось: «Ряд американских дипломатов по всей видимости придерживается мнения, что чехословацкий народ, а порой и чехословацкие правящие круги недооценивают и не понимают, что советское правительство стоит перед проблемами иного уровня, нежели многие государства, что оно не может отступить от нормализации и допустить существенное ослабление своих сил, своей сферы влияния и что именно решение этих проблем осложняет советскому руководству дальнейшие переговоры о важных мировых проблемах»⁵⁴. Погибших со счета можно было и списать...

При всей абстрактности и гипотетичности такого предположения, в нем имелась доля истины: подписанный 1 июня Договор о нераспространении ядерного оружия и ряд готовившихся к подписанию документов в определенной степени санкционировали доминирование двух «сверхдержав» с примерно равным военно-стратегическим потенциалом, между которыми Чехословакия вряд ли в то время могла служить яблоком раздора.

Все же подавление «социализма с человеческим лицом», brutальная расправа с демонстрантами в городах Чехословакии обернулись демонстрациями во многих городах западных государств. Так, американские

СМИ уделяли Чехословакии все большее, а после кульминации политических протестов в августе 1969 г. — исключительное внимание. Но власти продолжали занимать сдержанную позицию.

В Вашингтоне на демонстрацию собралось всего 250 чел. Согласно депеше от 27 августа 1969 г., отправленной из чехословацкого посольства в США, официальные лица на развитие событий в ЧССР «никак не реагировали». Согласно сообщению, это объяснялось «стремлением поддержать диалог с СССР о важных международных вопросах и не подвергать себя обвинениям, что США якобы пытаются оказать влияние на развитие событий в Чехословакии. По нашей информации, администрация официально дистанцировалась от публичных демонстраций...»⁵⁵.

США не поддержали и несмелые попытки вынести «чехословацкий вопрос» на обсуждение Совета Безопасности ООН, а президент Р.Никсон, выступая в ООН 19 сентября, ни словом не обмолвился о Чехословакии⁵⁶.

В прошедшей в Оттаве демонстрации приняли участие около 1 тыс. чел., а ее представителей приняли в МИД Канады, которое выступило с осуждением вторжения иностранных войск в Чехословакию. В Великобритании «Комитет 21 августа» принял антиоккупационное заявление, которое подписали 11 депутатов, а в демонстрации в Лондоне приняли участие около 700 чел. Демонстрации нескольких десятков человек проходили перед чехословацкими представительскими органами в Вене, Риме, Париже, Сиднее и Боготе. В целом же официальные власти на Западе реагировали на положение в ЧССР не столько для того, чтобы способствовать решению этого вопроса, сколько затем, чтобы успокоить общественное мнение в своих странах⁵⁷.

Августовские события подтвердили, что пришедшее в апреле к власти руководство могло укрепить свои позиции лишь с использованием насилия. Оно и приоткрылось вести борьбу с политическими противниками не политическими, а исключительно административными и силовыми методами. «Режим нормализации» окончательно отказывался от попыток диалога с оппозицией.

Подавление демонстрантов вооруженной силой, по мнению О. Фелцмана, завершило легальную стадию активизации гражданского общества, положило конец попыткам истинной демократизации общественных отношений. Это стало «неким символическим ключом, запирающим общество в длительную двадцатилетнюю нормализационную летаргию. Разбуженный страх эффективно деполитизировал общество»⁵⁸.

С учетом самого разного рода факторов линия на подавление оппозиционного движения в Чехословакии выглядела безальтернативной. В ходе ее осуществления действия «режима нормализации» отличались завидной оперативностью. Усилилось давление на рабочие советы, последовали запреты организационных структур (Координационный комитет

творческих союзов, Общество прав человека, Союз студентов вузов). С этого момента становилось очевидным, что оппозиционная деятельность внутри легальных организаций невозможна, а ряд активистов приступил к подготовке к переходу на нелегальное положение.

Уже 24 августа 1969 г. Черник оценил политическую ситуацию в стране после событий 19–21 августа как «политическую победу нового руководства партии в борьбе против правых и антисоциалистических сил»⁵⁹. Практические меры не заставили себя долго ждать. 19 сентября Министерство внутренних дел заявило о предании суду 260, арестованных в ходе демонстрации в Праге. 25 октября 50 ее участников предстали перед судом в Усти над Лабой, а 28 ноября открылся судебный процесс над 173 демонстрантами в Либерце⁶⁰.

Месяц спустя, на пленуме ЦК КПЧ 25 сентября 1969 г., Гусак сформулировал политику нового этапа борьбы с «правыми и контрреволюционными силами». Во-первых, он выполнил советское требование переоценки развития в Чехословакии после января 1968 г., объявив его катастрофическим; во-вторых, предложил аннулировать постановление Президиума ЦК КПЧ от 21 августа 1968 г., осуждавшее вторжение войск, квалифицировав его как интернациональную помощь; в-третьих, внеочередной Высочанский съезд оценивался как нелегальный и недействительный. Тем самым создались политические предпосылки для устранения самых известных оппозиционных групп из КПЧ, которые были связаны с этим съездом и наиболее последовательно вели борьбу за демократизацию общества. Таким образом, выполнения требований Московского протокола можно было уже требовать открыто.

Главный итог сентябрьского пленума ЦК КПЧ — одобрение основных базовых тезисов будущего документа «Уроки кризисного развития в партии и обществе после XIII съезда КПЧ» и начало политических чисток на широком фронте по примеру самого ЦК, откуда после исключения или отставок пришлось уйти 29 коммунистам-реформаторам. Наступавший 1970 год ознаменовался работой январского пленума ЦК КПЧ, положившего начало массовым чисткам в партии и обществе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 48.
- 2 *Kusin V.V. Challenge to Normalcy...* P. 38.
- 3 См.: Социалистическая оппозиция в Чехословакии...
- 4 *Madry J. Op. cit. S. 122.*
- 5 *Ibid. S. 69.*
- 6 *Ibidem.*
- 7 *Ibid. S. 71.*

- 8 Ibidem.
- 9 Ibidem.
- 10 Ibid. S. 72.
- 11 Ibid. S. 73.
- 12 Органы госбезопасности отмечали позицию Гавела, считавшего Дубчека «лириком и мечтателем», которому не доставало твердой руки; Гусака же Гавел считал единственным, кто имеет твердую концепцию и может вывести народ из кризиса. Так же Гусака оценивал и В. Черны. См.: *Madry J.* Op. cit. S. 74.
- 13 *Otáhal M.* Opozice, moc, společnost... S. 14.
- 14 *Komunistická strana Československa...* D. 9. Sv. 4. S. 418.
- 15 Ibid. S. 425.
- 16 Ibid. S. 417.
- 17 Ibid. S. 419.
- 18 Ibid. S. 418.
- 19 Ibid. S. 454.
- 20 Ibid. S. 455. Pozn. 3.
- 21 *Madry J.* Op. cit. S. 82.
- 22 Ibid. S. 83.
- 23 В августе 1969 г. МВД ЧССР, изменив формулировку обоснования этого действия, окончательно подтвердило первоначальное решение министра. В эти тяжелые для Союза студенты месяца он получил самую большую поддержку от профсоюза работников металлообрабатывающей промышленности, а также в прессе. См.: Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 286.
- 24 *Madry J.* Op. cit. S. 84.
- 25 Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 286.
- 26 Там же. С. 287.
- 27 Там же. С. 287.
- 28 *Občanská společnost...* D. 2. Sv. 1. S. 523.
- 29 *Rudé právo.* 1969. 28.VI.
- 30 *Madry J.* Op. cit. S. 84.
- 31 Ibid. S. 83.
- 32 *Rudé právo.* 1969. 15.VII.
- 33 *Pažout J.* Op. cit. S. 52–53.
- 34 Опубликован в: *Proměny Pražského jara...* S. 282–289; См. также: *Občanská společnost 1967–1970. Sociální organismy a hnutí Pražského jara / Eds. J. Pecka, J. Belda, J. Hoppe.* Praha–Brno. D. 2. Sv. 2. Praha; Brno, 1998.
- 35 *Skilling H.G.* Czechoslovakia's Interrupted Revolution... S. 821.
- 36 Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 52.
- 37 Распространявшаяся в самиздате в августе 1969 г. Декларация идеологической комиссии Революционной социалистической партии (Чехословакии) также содержала 10 пунктов: Там же.
- 38 *Skilling H.G.* Czechoslovakia's Interrupted Revolution... S. 821.

- 39 См.: Приложение. С. 313.
- 40 Там же. См. также: *Skilling H.G. Czechoslovakia's Interrupted Revolution...* S. 821.
- 41 *Otáhal M. První fáze opozice...* S. 20.
- 42 См.: Приложение. С. 317.
- 43 *Otáhal M. Opozice, moc, společnost...* S. 15–16.
- 44 Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 39.
- 45 *Pelikán J. Socialist Opposition in Eastern Europe...* P. 33.
- 46 Интересна оценка документа Вацуликом, подписавшим его. В 1990 г. он заявил, что уже тогда четко понимал, что «эта акция не имеет смысла, что она не будет иметь никакого эффекта. Прошел год, ситуация стала иной, если говорить по-марксистски, наступил «спад революции», но и без марксизма каждый чувствовал, что с этого момента словесные заявления будут иметь лишь цену почетного заявления... Вплоть до манифеста „Несколько фраз“ продолжался период, когда „Десять пунктов“ были просто бессмысленны. Чтобы быть более точным: они имели смысл как заявление о позиции тех, кто их подписал. И ничем более» (*Proměny Pražského jara...* S. 310). Эта жесткая оценка рисует ситуацию, когда манифесты уже не могли расшевелить общество для каких-то действий или общественного проявления недовольства. И все же они имели значение не только для подписавших. Они одновременно демонстрировали, что многие граждане не смирились с наступившей «нормализацией».
- 47 См.: Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 52.
- 48 *Madry J. Op. cit. S. 110.*
- 49 *Ibidem.*
- 50 *Ibid. S. 111.*
- 51 *Ibid. S. 113.*
- 52 Он не сходил с полос западных СМИ вплоть до 17 ноября 1989 г., со временем менялась наполненность «чехословацкого вопроса», его содержание.
- 53 *Madry J. Op. cit. S. 96.*
- 54 Цит по: *Ibid. S. 96–97. Pozn. 193.*
- 55 Цит. по: *Ibid. S. 121.*
- 56 *Ibidem.*
- 57 *Ibid. S. 122.*
- 58 *Felcman O. Počátky ostré etapy normalizace // Československo roku 1968. D. 2. Počátky normalizace. Praha, 1993. S. 75.*
- 59 Цит. по: *Madry J. Op. cit. S. 114.*
- 60 *Czechoslovakia 1968–1969...* P. 138, 143, 146.

ГЛАВА 2. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ И ЕЕ ТОТАЛЬНОЕ ПОДАВЛЕНИЕ. АВГУСТ 1969 г. — 1972 г.

Одержавшая победу антиреформаторская часть КПЧ приступила к жесткой расправе с представителями внутривластной оппозиции, начав свою деятельность с чисток, которые вскоре стали массовыми. Перевес получили так называемые «здоровые силы», то есть представители консервативно-догматического течения, были аннулированы как ошибочные партийные решения и документы периода Пражской весны.

Это послужило причиной двойного смещения центров оппозиционного движения: во-первых, от легальных форм к нелегальным, а во-вторых, от идеологии «социализма с человеческим лицом» к идеологии прав человека. С весны 1969 г. данные тенденции лишь начинали проявлять себя, а в дальнейшем стали доминирующими. В 1970 г. наряду с идеалами Пражской весны на первый план стали выходить общедемократические требования.

Точкой отсчета указанных смещений можно считать уже упоминавшийся Манифест «Десять пунктов» от 21 августа 1969 г. Одни из подписавших его еще оставались членами партии, другие — уже нет, хотя и не считали себя антикоммунистами, третьи, отрицая руководящую роль КПЧ, выступали в поддержку социализма без сектантства и догматизма. Одни хотели действовать легальными методами, требуя от правительства начать переговоры о выводе советских войск, осуждали чистки после апреля 1969 г. Другие, отказываясь от политических требований, обосновывали необходимость борьбы за права человека, свободы в сфере культуры и др. Это можно считать зародышем «неполитической политики», которая стала преобладающей для диссидентства как неотъемлемой составной части чехословацкого антинормализаторского движения на более позднем этапе¹. Третьи же допускали и возможность нелегальных форм оппозиционной деятельности. Именно они в дальнейшем занимали лидирующие позиции в движении в период с августа 1969 по 1972 г.

«Режим нормализации» использовал демонстрации в августе 1969 г. в качестве предлога для оправдания не-

обходимости издания нового, так называемого чрезвычайного закона, который обогатил чешскую юридическую практику двумя нововведениями: ссылкой и высылкой². Правящий режим не допускал, чтобы недовольные граждане могли легально выражать свои взгляды, и поэтому оппозиция должна была уйти в подполье.

Адресаты получили Манифест 12 сентября 1969 г. и достаточно жестко прореагировали на него. Против подписавших началось судебное расследование. Л. Пахман, Р. Баттек и Я. Тесарж были заключены в тюрьму и в течение нескольких месяцев находились под арестом. В обвинительном приговоре говорилось, что они «из-за враждебного отношения к социалистическому общественному строю и государственному строю республики вели подрывную деятельность против их общественного и государственного строя и их международных интересов».

По словам И. Пеликана, после подавления Пражской весны преобразования в КПЧ имели еще один фатальный итог: они по существу положили конец «историческому этапу в развитии социалистической оппозиции в рамках коммунистической партии»³. В КПЧ не сформировалось — в отличие от польской и венгерской компартий — вплоть до ноября 1989 г. серьезное реформаторское течение, которое могло вести борьбу за изменение политики «нормализации», ввергнувшей страну в глубокий кризис. Попытки реформировать систему тем самым переместились к оппозиции вне компартии; более того, они неизбежно нацеливались против руководства КПЧ.

Проверки затронули те слои общества, которые вели борьбу за реформаторский курс и поддерживали Дубчека в борьбе против представителей консервативного течения. К ним относились в первую очередь интеллектуалы и студенты — духовная элита нации, включая часть членов КПЧ, которые вели борьбу за структурные реформы социализма и за его последовательную демократизацию⁴.

Следует подчеркнуть, что репрессии затронули в основном Чешские земли⁵; в Словакии в 1969–1972 гг. известными стали лишь 2 политических процесса. Режим решился на проведение в Словакии в силу специфики развернувшегося здесь процесса «нормализации» политики, смягченной иллюзорным решением «национального вопроса», «адресных репрессий», в Чешских землях воплощался принцип репрессий всеохватывающих⁶.

В целом же в проверках правящий режим реализовал один из принципов своей политики «разделяй и властвуй». С одной стороны, возник слой привилегированных, к которому относились главным образом представители номенклатуры, с другой — неравноправные граждане, которые за свою общественную ангажированность в 1968 г. заплатили потерей многих прав и свобод. Между двумя полюсами находилось по-

давяющее большинство населения, которое хотя не являлось единым, однако именно от него зависел успех или крах политики «нормализации». Вышеуказанный принцип реализовали политические лидеры и в отношениях между чехами и словаками, которым «нормализация» — правда, лишь по видимости — принесла ряд выгод⁷.

§ 1. Движение революционной молодежи

Разнородность оппозиции прослеживается при создании одной из ее нелегальных организованных структур — Движения революционной молодежи (ДРМ); она проявлялась на всех основных этапах его деятельности. С учетом того, что в дальнейшем оно послужило опорой и для ряда диссидентских структур, ему следует уделить особое внимание.

ДРМ является типичным движением в плане аккумуляции различных протестных сил в самые трудные для оппозиции времена; аналогичные структуры просматривались и в других странах региона — достаточно вспомнить Комитет защиты рабочих (КОР), возникший в 1976 г. в Польше. Необходимо отметить, что первые шаги на пути к формированию организации левых сил в Чехословакии относятся еще к лету 1968 г., когда после отмены цензуры в марте 1968 г. возникло небольшое по количественному составу Объединение революционной левой, издававшее «Информационные материалы». Оно приняло программу и направило ее руководству КПЧ еще во время подготовки к XIV съезду КПЧ, проведение которого планировалось в сентябре 1968 г. В ней, в частности, утверждалось: «Социализм на развитом уровне надо понимать как систему общественного самоуправления производителей. Советы самоуправления, таким образом, будут создавать основу такой системы, которая позже заменит государство во всех его теперешних функциях»⁸.

В документе отмечалось, что обеспечение демократии для всего общества невозможно без создания органов самоуправления трудящихся. Эти органы должны отвечать целому ряду требований, в частности, они «не должны стать лишь органами экономического самоуправления или только совещательными органами заводского руководства». «Они, — указывалось в документе, — должны превратиться в нечто большее, стать выражением собственного отношения между средствами производства и теми, кто производит, т. е. рабочими, что является основным условием социализма. Трудящиеся должны иметь собственный контроль над результатами своего труда, и именно они должны определять их общественное потребление»⁹. Документом декларировалась гарантия права на забастовку и возможность создавать забастовочные фонды. Таким образом, Объединение революционной левой попыталось в период до вторжения в страну иностранных войск наметить векторы возмож-

ного пути реализации «социализма с человеческим лицом», включая принцип самоуправления.

ДРМ не являлось исключительно студенческим, хотя и выросло из студенческих протестов, охвативших в 1968 г. весь мир. «Бунт молодежи», «конфликт поколений», «красный май», «кризис общества потребления», «кризис цивилизации» — таковы названия, характеризовавшие активность студенчества Франции, когда в полной мере проявились его нонконформистские позиции, которые получили определенный резонанс и в Чехословакии.

Как уже указывалось, после забастовки в ноябре 1968 г. студенчество стало дифференцироваться гораздо интенсивнее, чем раньше. Одну его часть охватила апатия, в другой генерировались радикальные течения. Одно из них и оформилось как ДРМ, учредительное собрание которого состоялось еще 2 декабря 1968 г. в клубе студенческого общежития Карлова университета «Ветрник» в Праге¹⁰. Проект идейной платформы организации представил П. Ул, а после учета ряда замечаний его приняли 2 декабря 1969 г. под названием «Учредительный манифест ДРМ». В нем, в частности, говорилось: «Движение революционной молодежи открыто всем молодым людям независимо от их политической принадлежности, если они разделяют принципы этого манифеста». (Текст манифеста см. в Приложении.) В манифесте выражалась поддержка идей Троцкого («перманентная революция», «мировая революция»), провозглашалось сотрудничество с другими оппозиционными силами Восточной Европы и левыми радикалами на Западе, а также с революционным движением третьего мира.

Первоначально организацию предполагалось назвать «Лига левой молодежи»¹¹, а О. Тума считает, что ДРМ в целях конспирации скрывалось под названием «Революционная социалистическая партия»¹². ДРМ объединило около 100 молодых людей, в основном студентов, позже в его состав вошли интеллектуалы; рабочие составляли меньшинство. Но в 1969 г. ДРМ уже представляло организованную силу сопротивления режиму, во многом характеризовавшуюся *переходным статусом* от легального к нелегальному движению.

В течение всего периода истории деятельность ДРМ ограничивалась Прагой. На встречах студенты и рабочие устраивали дискуссии по книгам таких авторов, как Троцкий, Мао Цзедун, Че Гевара, М. Джи-лас и др., периодически выпускали листовки и заявления о политической ситуации. Самая многочисленная ячейка ДРМ находилась на философском факультете Карлова университета (П. Шустрова, Я. Сук, Я. Башта, В. Корчиш, Э. Черны и др.). Хотя значительное влияние на ДРМ оказывали идеи так наз. новой левой, которая являлась идейной платформой радикального левого протестного движения на Западе,

оно отличалось своей спецификой, сводящейся к акценту на революционном потенциале рабочих — таковой на Западе уже не был в чести.

Однако с самого начала деятельности в рядах ДРМ наблюдались разногласия по целому комплексу вопросов. Так, в противовес разработанному П. Улом «Воззванию идеологической секции Революционной социалистической партии (Чехословакии)» другие члены ДРМ (Башта, Шустрова, Шремер, Сук и др.) предложили документ, который в количестве нескольких тысяч распространялся в виде листовки под названием «Призыв ко всем молодым».

Врезюме идейных тезисов под названием «Программное заявление РСРП (Чехословакии)», в разработке которого активное участие принимали П. Ул и Я. Сук, можно обнаружить следы различных идеологических установок. Ул, неоднократно посещавший Францию, уже с середины 1960-х гг. поддерживал контакты с ведущими тамошними троцкистами. Именно по его инициативе ДРМ издавало сборник полемических текстов «Бюрократия — нет, революция — да» (конец мая 1969 г.). В нем публиковались тексты Л. Троцкого, Н. Бухарина, М. Джиласа, М. Михайловича, а также тексты самих Сука и Ула. В сборнике можно найти также отрывки из «Открытого письма», написанного в 1965 г. поляками Я. Куронем и К. Модзелевским — будущими организаторами КОР.

Принципиально важным при характеристике всего набора идейных позиций ДРМ надо считать отказ ее членов от программы коммунистов-реформаторов периода Пражской весны. Так, уже в «Воззвании идеологической секции» (до 21 августа 1969 г.) говорилось: «Мы не верим в Программу действий КПЧ — мы знаем, что она гуманна, что она была написана с самыми лучшими намерениями и что с ней мы можем во многом согласиться, но мы осознаем, что это программа либерального крыла в руководстве КПЧ и что его цели должны столкнуться (в августе 1968 мы все это видели) с интересами международной бюрократии во главе с кремлевскими властителями. Августовская интервенция показала: эта программа не является истинной, потому что она нереализуема. Мы уже не верим в систему, в которой руководство (хотя и столь гуманное, каким являлось руководство Дубчека) принимает решения за трудящихся без них самих, поскольку лишь сами трудящиеся имеют право принимать решения о своей судьбе»¹³. Можно утверждать, что под подобным заявлением позже подписались бы и хартисты, и другие диссидентские круги некоммунистической ориентации.

Приверженцем данной явно анархо-синдикалистской установки с элементами классического анархизма являлся А. Махачек, а сторонником насильственного свержения бюрократическо-централизованной системы, т. е. «революции сверху», стал Э. Черны. Подобная идеоло-

гическая аморфность выглядела не столь значимой на фоне того, что именно члены ДРМ декларировали необходимость активного сопротивления. Использование насильственных методов, учитывая наличие в стране «огромного военного потенциала противника», выглядело малоэффективным, поэтому, по их мнению, более результативным стало пассивное сопротивление.

В августовские дни 1969 г. ДРМ выпустило большим тиражом три листовки, призывавшие к сопротивлению. Две из них были подписаны от имени «Революционной социалистической партии (Чехословакии)». Группа распространила также несколько тысяч листовок «Всем, всем, всем», призывавших к акциям протеста. ДРМ подчеркивало, что борьбу против сталинизма нельзя вести только в одной стране, что это международная проблема и поэтому они устанавливали связь с подобными группами в Польше и, главным образом, на Западе.

Идеологической платформой ДРМ можно считать разработанную П. Улом «Декларацию идеологической комиссии Революционной социалистической партии (Чехословакии)» (август 1969 г.). Она содержала анализ сложившегося в стране положения и предлагала стратегию борьбы против «режима нормализации»¹⁴. В ней, в частности, говорилось, что борьба с «политическим террором» Гусака должна становиться, не теряя своей массовости, все более организованной, что следует выработать программу действий в рамках заводов и учреждений, что пора перестать верить в мир легальности, поскольку бюрократия пользуется законами в собственных интересах и против интересов народа. Крайне важным считался призыв идти на нарушение этих «антинародных законов» и солидаризироваться с трудящимися соседних «стран народной демократии», народами СССР; французскими и итальянскими рабочими и студентами, угнетаемыми народами Африки и Латинской Америки. «Пусть вашей программой, — провозглашалось в Декларации — на ближайшее время будет следующее: 1. Сохранять и поддерживать народную активность... 2. Сохранять позиции КПЧ в профсоюзных комитетах и на рабочих местах. 3. Создавать небольшие нелегальные группы на основе строгой конспирации... проводить совместные акции... создавать программу будущего социалистического общества. Возникающие организации, несмотря на различия в концепциях, должны были бы объединиться в Фронт народного сопротивления...»¹⁵.

Конечно, данная Декларация трудно идентифицируемой идеологической комиссии Революционной социалистической партии (Чехословакии), распространявшаяся в самиздате в конце августа 1969 г., предназначалась скорее для внешнего употребления, чем для мобилизации внутренних сил страны. Но прозвучала она достаточно громко, ставя амбициозную задачу объединения оппозиционных сил во Фронт народного сопротивления¹⁶. Однако даже самая умеренная актив-

ность в данном направлении все пристальнее отслеживалась «властными». Поэтому лишь до августа 1969 г. ДРМ действовало открыто, после чего перешло на нелегальное положение.

В ряде своих установок ДРМ принципиально отрицало даже парламентскую демократию. В принятом в ноябре 1969 г. документе «Программное заявление Революционной социалистической партии (Чехословакии)» утверждалось, что путь к реабилитации социализма следует видеть в системе самоуправления, которая должна охватить все сферы общественной жизни. Данная система «исключает парламентаризм и тайную дипломатию. Политические партии имеют только идеологическую функцию; в свободной дискуссии предлагаются различные концепции и программы»¹⁷. Трудовые коллективы должны иметь право принимать решения о средствах производства при посредничестве советов трудящихся. Создание советов трудящихся обусловлено необходимостью координации деятельности свободных индивидов на предприятиях и территориальных единицах. Бюрократии можно избежать посредством введения контроля, ротации членов советов и их включения в трудовой процесс.

13 октября 1969 г. газета «Руде право» сообщила о существовании «нелегального Манифеста Чехословацкой революционной социалистической партии, составленного Улом и его соратниками». И хотя название движения центральным органом КПЧ дано в искаженном виде, ни у кого не вызывало сомнений, что его участники подвергнутся самой суровой расправе. Уже в начале декабря 1969 г. органы госбезопасности арестовали 7 главных представителей ДРМ, а к марту 1970 г. — еще 12. В марте 1971 г. состоялся процесс над 17 членами ДРМ (П. Ул, С. Плогштедт, Я. Башта, Я. Фролик, П. Шустрова, И. Деймал, Я. Сук и др.)¹⁸. После пребывания под следствием более года их обвинили в «подрыве существующего строя» и приговорили к срокам заключения от 1 до 4-х лет. Даже прокурор не смог опровергнуть утверждения обвиняемых, что они выступали не против социализма, а против бюрократии и что их идеалом является всенародное социалистическое самоуправление¹⁹. Суд над членами ДРМ стал первым крупным политическим процессом в Чехословакии после августовской оккупации, а сроки оказались весьма большими: главный обвиняемый П. Ул осужден на 4 года лишения свободы.

Цель судебного процесса — вызвать страхи сломить какое-либо сопротивление общества, которое в своем большинстве поддерживало реформы. Наряду с массовыми чистками он должен был способствовать консолидации правящего режима. О процессе говорили как о «целенаправленном ударе против студенчества, которое новыми держателями власти обоснованно считалось одной из наименее надежных частей общества»²⁰.

Свою борьбу ДРМ проигрывало, считает Отагал, не потому, что было раскрыто и осуждено, а потому, что его самоотверженность и активность уже не находили соответствующего отклика в обществе. И все же эту борьбу нельзя назвать напрасной. Она явилась одним из первых проявлений несогласия с оккупацией; при этом характерно, что ключевую роль в нем сыграли студенты. С другими оппозиционными группами ДРМ объединяло сходство в критике бюрократического социализма²¹.

Аресты членов ДРМ вызвали широкий протест на Западе. Это были первые акции международной солидарности, которые в дальнейшем продолжались постоянно. Еще до суда над лидерами движения в их поддержку выступили те политические деятели, которые в полной мере их идеалов не разделяли. В середине декабря 1970 г. в Западном Берлине создана «Инициативная группа по освобождению чехословацких товарищей». Под петицией поставили свои подписи 35 известных европейских социалистов и коммунистов, в том числе Ж.П. Сартр, посещавший Прагу еще 30 ноября 1968 г.

26 ноября прошел крупный митинг в Париже, на котором обсуждалось положение в ЧССР и звучали протесты против репрессий. На нем выступил главный редактор журнала «Листы» И. Пеликан. В акции принимала участие и группа чехословацких троцкистов, которая сформировалась в 1970 г. в Париже как Чехословацкая группа Организационного комитета восточноевропейских коммунистов при Международном комитете по реконструкции IV Интернационала. С ноября 1970 г. она издавала журнал «Пролетарий», в котором публиковались материалы о расправах властей с оппозицией в ЧССР и об акциях солидарности с преследуемыми. В журнале резкой критике подвергалась ФКП за непоследовательность выступлений против «режима нормализации» в ЧССР и даже Объединенный секретариат IV Интернационала, сторонники которого клеймились как «ренегаты троцкизма». Ему ставилось в вину избирательное отношение к преследуемым: выделение «правильных революционеров» (т. е. членов ДРМ) и остальных политзаключенных, к которым они не проявляли ни малейшего интереса.

Кульминация кампании протестов пришлась на период после вынесения приговоров. Газета «Монд» опубликовала 17 марта 1971 г. Заявление 17 французских интеллектуалов (Ж.П. Сартр, Симона де Бовуар и др.), протестовавших против процесса, который, по их мнению, инсценировали после полицейской провокации. Процесс они называли проявлением сталинизма²². 9 марта с протестом к чехословацкому правительству обратились три депутата западногерманского бундестага, а 17 марта против него выступила бельгийская Лига в защиту прав че-

ловека. В ряде американских и европейских городов (Нью-Йорк, Рим, Западный Берлин, Вашингтон, Берн и др.) прошли манифестации в защиту членов ДРМ²³.

Конечно, политические силы, организовавшие демонстрации, занимали далеко не ведущие посты, а меры в защиту осужденных принимались отнюдь не на государственном уровне. И все же «режим нормализации» уяснил, что любое его репрессивное деяние отслеживается самым тщательным образом и не останется без внимания западной общественности ни в настоящем, ни в будущем.

ДРМ стало одной из первых независимых групп — жертв «режима нормализации». Все же преследования ее членов не прошли безнаказанно — западная общественность взяла под пристальное наблюдение протестное движение в Чехословакии. Протест внутри страны — преследования — протест извне: по такому алгоритму начала развиваться большая часть структур чехословацкого антиинформационного движения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Proměny Pražského jara... S. 282–289.
- 2 Закон должен был оставаться в силе только до 31 декабря 1969 г., но впоследствии выяснилось, что он «оправдал себя» и поэтому срок его действия продлевается. По иронии судьбы под этим законом стоит подпись А. Дубчека, который в тот период временно исполнял обязанности председателя ФС ЧССР.
- 3 Pelikán J. Op. cit. S. 36; см. также: Otáhal M. Opozice, moc, společnost... S. 20.
- 4 Belda J. Konečná fáze obrodného procesu // Československo roku 1968. D. 2. Počátky normalizace... S. 95.
- 5 Подробнее см.: Cuhra J. Trestní represe odpůrců režimu v letech 1969–1972. Praha, 1997; Maňák J. Čistky v Komunistické straně Československa. 1969–1970. Praha, 1997.
- 6 Kmet' N. Op. cit. S. 186.
- 7 Otáhal M. Opozice, moc, společnost... S. 21.
- 8 Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 35.
- 9 Там же. С. 34.
- 10 Я. Кавани и Я. Даниел пишут, что ДРМ создана осенью 1968 г. См.: Там же. С. 49.
- 11 См.: Pažout J. Op. cit. S. 8.
- 12 Я. Кавани и Я. Даниел утверждают, что речь идет о двух организациях. См.: Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 49.
- 13 Pažout J. Op. cit. S. 48–49.
- 14 Ibid. S. 12.
- 15 Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 50.
- 16 Цит. по: Там же. С. 50. Распространялась в самиздате в августе 1969 г., а позднее опубликована: Les textes de l'opposition révolutionnaire («Cahiers Rouge Spécial»).

François Maspéro. Paris. P. 23–29; на чешском языке полностью публикуется в: *Týma O. a kol.* Op. cit. S. 45–49; *Pažout J.* Op. cit. S. 46–51.

17 См.: *Pažout J.* Op. cit. S. 75.

18 См.: *Týma O. a kol.* Op. cit. S. 49. Pozn. 1; см. также: *Otáhal M.* První fáze opozice... S. 16–19.

19 Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 54.

20 *Pažout J.* Op. cit. S. 29. Менее 20 лет спустя выяснилось, что цель была намечена верно, но поразить ее не удавалось. Так, среди подписавших Хартию 77 можно найти имена бывших членов ДРМ: И. Деймал, Я. Сук, В. Корчиш, П. Шремер, Я. Башта и др.; они же стали заметными фигурами и в ходе «бархатной» революции. Поэтому в целом данное движение можно считать средой зарождения или своего рода «инкубатором» диссидентства.

21 *Otáhal M.* První fáze opozice... S. 19.

22 *Pažout J.* Op. cit. S. 111. Pozn. 1, 2.

23 *Suhra J.* Mezinárodní ohlasy... S. 12–13.

§ 2. СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ГРАЖДАН

Укрепив свои властные позиции, новое руководство сосредоточило внимание на компартии, в которой видело главный инструмент наведения порядка в стране. Пленум ЦК КПЧ в январе 1970 г. принял «Письмо ЦК КПЧ всем первичным организациям и членам партии по обмену членских билетов КПЧ», положившее начало проверкам, целью которых являлась чистка партии от всех «враждебных, ревизионистских и правых элементов», восстановление единства партии на основе марксизма-ленинизма, возрождение и упрочение руководящей роли партии, ее дееспособности и революционной боевитости.

Основой проверок, коснувшихся полумиллиона человек, являлась оценка позиций и деятельности каждого отдельного члена партии. По итогам собеседований в выдаче партбилетов отказано 326 817 членам, т. е. 21,67% всех членов, исключено было 67 147 — 4,45%, а членство приостановлено 259 670 членам — 17,22%. Если взять во внимание уменьшение членов в период 1968–1969 гг., т. е. до начала проверок, то КПЧ в целом оставили 473 731 членов, или 28% общего ее числа¹ — население большого европейского города! В число исключенных входили те, кого можно считать «молчаливыми оппозиционерами».

Идеологическая платформа чисток формулировалась в принятом в декабре 1970 г. документе «Уроки кризисного развития в партии и обществе после XIII съезда КПЧ», в котором излагалась развернутая программа «нормализации». В нем содержалась критика общественного развития во второй половине 1960-х гг., излагались «постоянные и неизменные ценности» социализма, отказ от которых причислялся к антисоциалистическим и контрреволюционным действиям. Его постулатами объявлялись: 1) руководящая роль в обществе рабочего класса и его авангарда компартии; 2) социалистическое государство как инструмент диктатуры пролетариата; 3) марксистско-ленинская идеология и ее пропаганда всеми СМИ; 4) общественная собственность на средства производства и плановое ведение экономики; 5) принципы пролетарского интернационализма и их последовательное воплощение во внешней политике, особенно в отношениях с СССР. Согласно «Урокам», именно сомнение в правильности этих принципов привело в 1968–1969 гг. к подрыву существующих устоев, «острой опасности контрреволюции», а «интернациональная помощь» союзников создала для коммунистов «прочный тыл» для ведения борьбы против антисоциалистических, контрреволюционных и правых сил.

Приверженцы Пражской весны изгонялись отовсюду. Массовые чистки затронули не только руководящие партийные структуры, насильственная смена кадров велась в государственных, профсоюзных и молодежных организациях. В партийных организациях создавалось так

наз. «здоровое ядро»; оно сверху донизу, от руководства партии до первичных организаций, проводило проверку членов партии, разделив их на три категории: «проверенных», вычеркнутых за пассивность и, наконец, исключенных «правых оппортунистов». Против них стал действовать «запрет на профессии», их заставляли отказываться от своих убеждений. Некоторые виды деятельности им вообще запрещались, а дети подвергались дискриминации при поступлении в вузы, у них отбирались загранпаспорта, их лишали воинских званий.

В учреждениях, НИИ и организациях культуры проверке подвергались также и беспартийные. Несогласие с «интернациональной помощью», оказанной в августе 1968 г., имело для них такие же последствия, как и для исключенных коммунистов. Многие представители культуры и общественных наук покинули страну, а оставшиеся нередко работали истопниками, сторожами, дворниками и др.

Кадровые чистки позволили в короткие сроки устранить из политической жизни страны представителей «ревизионизма», «правого оппортунизма» и кого угодно еще. В итоге коммунисты-реформаторы остались за бортом, что сыграло негативную роль в последующем историческом развитии государства. Чистки навсегда выхолостили руководство КПЧ от внутрипартийной оппозиции, отныне она могла формироваться в Чехословакии только на внепартийной основе, а импульсы радикальных преобразований уже не могли идти сверху, а только снизу.

Укреплению режима способствовало и возвращение к проверенным методам изоляции и запугивания. Железный занавес снова действовал, как и до 1968 г., поездки на Запад были ограничены, как и импорт зарубежной периодики, книг, кинофильмов, возобновилось глушение «подстрекательских» радиостанций.

СМИ, которые сыграли исключительно важную роль в 1968 г., подвергались «нормализации» с особой тщательностью. Предварительная цензура, хотя и не была восстановлена, но система личной ответственности редакторов и следовавшие за этим суровые санкции сделали свое дело. СМИ реформаторского направления отслеживались и закрывались.

После 1968 г. «режим нормализации» отвергал само понятие «реформа», допуская лишь «дальнейшее совершенствование» уже существующего социалистического строя. Тем самым подавлялась любая попытка решить как старые, так и новые проблемы, которые несла с собой стремительно менявшаяся экономическая и международная обстановка в 1970-е и 1980-е гг.

Все же динамика экономического развития пока позволяла наряду с использованием резервов и ограничением инвестиций в модернизацию производства поддерживать относительно высокий по меркам СЭВ жизненный уровень. Правда, все более увеличивался зазор в производитель-

ности труда и стандартах потребления между даже относительно зажиточным населением Чехословакии и гражданами Западной Европы.

Основой идеологии и пропаганды режима уже не являлся коммунизм как социальная утопия, а реальные социальные ценности: гарантированная работа, бесплатное здравоохранение и образование, дешевое жилье и дотации на основные продукты питания — даже за счет замедления темпов экономического роста. Нарождавшийся средний класс добавлял к этому автомобиль, дачу («халупу») или садовый участок, отпуск у моря в «соцстранах»; довольство обеспечивалось и рабочим. Представители высшей номенклатуры кроме удовлетворения от обладания властью пользовались особыми местами отдыха, закрытыми медучреждениями, покупали импортные товары в спецмагазинах, имели иные привилегии.

«Режим нормализации» оказался неспособен на динамичное развитие, что в исторической перспективе означало все большее отставание от Западной Европы. Однако он не был и настолько невыносим, чтобы давать основания к каким-то радикальным выступлениям, подобным, например, периодически повторявшимся на предприятиях соседней Польши.

Закрытый советский блок с собственной системой цен и торговых отношений защитил ЧССР от нефтяного шока 1970-х годов, но одновременно содействовал продолжению разбазаривания энергии, сырья и человеческого труда. Самые современные отрасли — электроника, биотехнология, информатика — находились в забвении, а также в зависимости от эмбарго Запада на экспорт новейших технологий.

Индустриализация Словакии продолжалась, как и прежде, но преимущественно путем развития металлургии, крупных химических предприятий и, как и в предшествующие годы, легкой промышленности с ассортиментом и качеством, рассчитанным преимущественно на восточноевропейский рынок. Между тем новые тенденции общемирового экономического развития связывались с рационализацией структуры производства и ресурсопотребления, которая обходила стороной чехословацкую экономику. Она продолжала развиваться в условиях замкнутого пространства СЭВ и подпитываться инъекциями со стороны СССР в форме поставок по заниженным ценам топливно-сырьевых товаров и оплаты по завышенным ценам готовой продукции. Как следствие — экономика Чехословакии шла по пути изыскания новых путей по наращиванию материальных ресурсов, в первую очередь ускоренного развития энергетических отраслей (включая участие ЧССР в разработке месторождений на территории СССР).

Вследствие этой стратегии темпы роста отраслей группы «А» превысили во второй половине 1970 г. аналогичный показатель по группе

«Б» в 1,9 раза (в разгар индустриализации в 1950-е годы это превышение составило 1,5%). Сдерживался переход на ресурсосберегающие технологии, консервировалась техническая отсталость. Усиливалась тенденция к снижению конкурентоспособности на мировом рынке чехословацкой продукции, прежде всего машиностроительных отраслей.

В последующие два десятилетия Чехословакия из «практики социалистического строительства» более не выпадала. Страна полностью вернулась к административно-командной системе управления экономикой, добиваясь, однако, определенного прогресса в социально-экономической сфере, а точнее — формального благополучия. Все же обеспечение опережающих темпов роста тяжелой индустрии оставалось приоритетом экономической политики, что все более входило в противоречие с возможностями и потребностями современного народнохозяйственного развития, характеризующегося уже постиндустриализмом. В Чехословакии (как и в ГДР) люди жили лучше, чем в соседних странах социалистического содружества, однако страна все больше отставала по уровню жизни от государств Запада.

Внутренняя стагнация при внешнем благополучии, источники которого иссякали, во многом определяла характер оппозиционного движения в 1970-е гг. Оппозиция переставала быть массовой и исключительно просоциалистической, однако, несмотря на жесткие и часто жестокие репрессии, не свернула своей активности. Более того, ее идеологический спектр становился более широким. Это видно на примере двух организационно оформленных оппозиционных структур — Социалистического движения чехословацких граждан (СДЧГ) и Чехословацкого движения за демократический социализм (ЧДДС).

После чисток главной силой оппозиции стали исключенные функционеры и активные деятели периода Пражской весны. Возник ряд нелегальных организаций, из которых наиболее значимым явилось Социалистическое движение чехословацких граждан (СДЧГ)². К 28 октября 1970 г. оно выпустило манифест, а на рубеже января и февраля 1971 — «Малую программу действий СДЧГ»³.

Программой СДЧГ стала линия на «социализм с человеческим лицом», которая базировалась на основных постулатах Программы действий КПЧ периода Пражской весны. В разработке манифеста приняли участие экс-коммунисты, прежде всего бывший член ЦК КПЧ и секретарь областного комитета в Брно Я. Шабата, с которым тесно сотрудничали историки М. Гюбл и Я. Тесарж.

Как уже отмечалось, этот важный сегмент оппозиционного движения продолжал ориентироваться на идеи «социализма с человеческим лицом». Но он испытал не меньшее давление, чем ДРМ. Таким образом, основой оппозиции стали те группы неполноправных гражд-

дан, которые более всего были затронуты «режимом нормализации», то есть интеллектуалы, в основном ранее состоявшие в рядах КПЧ, а также часть вузовской молодежи. Значительную и важную часть составляли бывшие коммунистические функционеры, которые в период Пражской весны составили опору руководства Дубчека. Его ведущие представители отошли на задний план, а главной силой сопротивления против «режима нормализации» стала «вторая гарнитура».

Однако экс-коммунисты ни в организационном, ни в идейном планах не составляли единое целое, дифференцированно реагируя на сложившиеся в стране условия. Из общего числа исключенных и «вычеркнутых» из рядов КПЧ в оппозиционное движение включился лишь небольшой процент. И. Пеликан выделил три группы экс-коммунистов, по-разному реагировавших на сложившуюся в стране ситуацию. Одна из них отрицала идею организованного оппозиционного движения и — с учетом международных условий — рассматривала КПЧ как платформу, на которой можно вести борьбу за обновление социализма. Однако после проведенных чисток и принятия «Уроков», когда лидеры «режима нормализации» дали ясно понять, что не допустят никаких реформ, эта альтернатива оказалась нереальной. Их оппоненты — представители второй группы — полагали, что в КПЧ нет места для внутренней оппозиции. Они не считали сложившиеся в стране условия приемлемыми для формирования внутреннего оппозиционного движения и советовали дожидаться перемен прежде всего в СССР. Третья группа поддерживала их аргументацию относительно отсутствия условий для политической борьбы внутри партии. В целом же она занимала принципиально иную позицию, полагая необходимой «концентрацию акций вне партии». Именно они полагали, что организованная оппозиция «абсолютно необходима» для оказания давления на руководство КПЧ⁴. Как утверждает И. Пеликан, сторонники организованной оппозиции рассматривали две альтернативы развития в стране антинормализационного движения. Часть сторонников первой из них склонялась к мысли основания новой нелегальной компартии, однако перевес негативных аспектов этой идеи заставил от нее отказаться⁵. Следует отметить, что попытка такого рода предпринималась еще в сентябре 1969 г. и закончилась провалом. Тогда группа коммунистов выступила с «Призывом к марксистам Чехословакии» о создании нелегального Союза коммунистов Чехословакии. По мнению М. Отагала, «Призыв» являлся, скорее всего, единственным документом, который не нашел отзыва ни в обществе, ни у большинства активных экс-коммунистов⁶.

Вторая альтернатива базировалась на идее социалистического движения, поскольку термин «движение» предполагал отсутствие

жестко структурированной организации, какой являлась партия с ее иерархией, централизацией и строгой дисциплиной. Таким образом, заметная часть экс-коммунистов склонялись к идее создания организованного оппозиционного движения, подчинявшегося единому «интеллектуальному центру, который будет определять политический курс движения и выступать с практическими инициативами, предоставляя группам, которые могли бы свободно формироваться на предприятиях и в местностях, полную автономию в реализации общей программы»⁷. Тем самым центр, по замыслу экс-коммунистов, имел бы возможность распространять программу и издавать общие директивы, в частности листовки, а также выходившие в «самиздате» публикации. Любая группа или даже индивидуум, заявившие о своей поддержке программы, могли действовать, исходя из местных условий, и избирать соответствующие методы для ее реализации. Социалистическая оппозиция остановилась на данной структуре, поскольку учитывала наличие ряда оппозиционных течений, которые было чрезвычайно сложно интегрировать в единую организацию. «Следовательно, — подчеркивает И. Пеликан, — более целесообразным являлось предоставление каждой группе или течению идеологической и организационной свободы, чтобы каждая из них смогла внести свой вклад в достижение общей цели»⁸. Чехословацкая оппозиция отвергла создание «авангарда коммунистической партии» и поддержала различные формы организации не по причине «фундаментальной враждебности к концепции авангарда», а в целях обеспечения эффективности своей деятельности⁹.

Данная альтернатива реализовалась в СДЧГ, идейные установки которого, как уже отмечалось, строились на программных положениях Пражской весны и которое должно было опираться на социалистическую базу в обществе. По мнению инициаторов его создания, она все еще оставалась сильной, а «человеческое лицо» социализма не превратилось в достояние лишь истории.

Ядром СДЧГ явились группы, которые возникли в Праге и Брно. В Праге важную роль сыграли историк Я. Тесарж (арестован осенью 1969 г. в связи с манифестом «Десять пунктов») и М. Гюбл, бывший ректор Высшей политической школы ЦК КПЧ и член ЦК КПЧ, избранного Высочанским съездом. Правда, в апреле 1969 г. Гюбл поддержал избрание Гусака генсеком, но вскоре стал активно выступать против «режима нормализации». В 1970 г. он издал публикацию «Сообщения», в которой комментировал внутри- и внешнеполитическое положение, критиковал представителей правящей КПЧ. В конце 1970 г. Гюбл подготовил и распространял с другими сотрудниками нелегальный ежемесячник «Факты — замечания — события», который по содержанию являлся продолжением первого издания.

В Брно группу СДЧГ представляли Я. Шабата, К. Чейка, А. Черны, К. Фридрих, З. Пржихрыл и А. Русек. И в этом случае речь шла о свободном объединении людей, которых связывала дружба; иногда они подписывались как «Коммунисты в оппозиции»¹⁰.

Первое программное заявление — манифест СДЧГ, получивший широкое распространение, — появилось 28 октября 1970 г. к 52-й годовщине основания Чехословакии. В нем группа экс-коммунистов отождествляла себя с реформаторскими идеями Пражской весны. «Мы, — подчеркивалось в документе, — отвергли социализм бюрократического аппарата и социализм гуляша, потому что ни один, ни другой не спасает человека от отчуждения, которое терзает людей на Востоке и на Западе. Сегодняшняя власть создаваемой ею реальностью отбрасывает социалистические идеалы, хотя маскирует бюрократическую диктатуру с социалистической терминологией. Движение против этого не надо создавать. Оно существовало и существует... Власть уничтожает целые области науки. Она заставила молчать культуру. Она связала профсоюзами инициативу организаций молодежи, женщин и т. д. Она ликвидировала Советы трудящихся. Власть возвращает народное хозяйство к централизму, который уже однажды терпел крах...»¹¹.

Участники движения подчеркивали, что все это угрожает не только гражданам ЧССР, но «тормозит прогрессивное развитие всего восточного блока». «Социалистическое движение чехословацких граждан, — указывалось в манифесте, — ведет политическую борьбу за социалистическую, демократическую, независимую и свободную Чехословакию, суверенную во внутренней и внешней политике, в поисках путей собственного развития и удовлетворения жизненных чаяний и нужд своих граждан»¹².

«Главной европейской проблемой» в манифесте названа Германия. В документе дана следующая трактовка целей СДЧГ в сфере внешней политики: «Развитие в последнее время — в первую очередь советско-западногерманский договор — подтвердило правильность наших внешнеполитических позиций в 1968 г. Мы по-прежнему убеждены, что в Западной Германии не все реваншисты и договор о чехословацко-западногерманских отношениях возможен без отказа с нашей стороны от каких-либо принципов. Взаимопонимание и установление дипломатических отношений между ЧССР и ФРГ, границы которых являются одновременно и границами двух военно-политических блоков, способствовало бы значительному улучшению климата в Европе и явилось важным шагом на пути к европейскому миру». «Неестественную и вредную блоковую политику, — декларировалось в манифесте, — можно устранить лишь договоренностью всех государств Варшавского договора, Атлантического пакта и нейтральных стран. Внешняя политика Чехословакии должна поддерживать все шаги, направленные

к этой цели: двусторонние и многосторонние пакты о ненападении и отказ от применения силы, соглашение о безатомной зоне и о зонах с ограниченным использованием оружия (или же совсем без оружия), в частности на границах обоих блоков, соглашение о выводе войск с чужих территорий»¹³. Конечно, политический вес группы, выпустившей манифест, был не столь уж велик. Но апелляции к идеям «социализма с человеческим лицом» во внешнеполитическом аспекте могли быть услышаны за рубежом.

Что касается СССР, то СДЧГ считало необходимым преодолеть отрицательное отношение, даже ненависть, которую испытывало к нему большинство чехословацких граждан. «Чехословакия, — говорилось в документе, — не оккупирована советским народом или народами Советского Союза. Хотя сегодняшнюю ситуацию создали не мы, и мы сами не в силах ее изменить. Это может сделать прежде всего нынешнее или будущее руководство СССР, когда оно поймет, что 21 августа 1968 г. и последствия этого надо исправить, когда оно осознает, что ценен лишь такой союзник, который в содружестве с СССР не испытывает угрозу собственного суверенитета, а, напротив, его уважение, а в случае необходимости — и его защиту. Мы будем постоянно давать понять СССР, что дружба и добрососедские отношения не обеспечиваются воинскими частями и властью группы малоспособных и отмеченных печатью прошлого людей, но только существованием государства свободных граждан, которые не могут быть заинтересованы ни в чем ином кроме добрососедства и равноправных союзнических отношений»¹⁴. В то же время СДЧГ не называло конкретные силы, на которые следовало опираться с целью восстановления этой дружбы.

СДЧГ предприняло попытку сформулировать свою концепцию социализма: «Мы знаем, чего хотим: политическую социалистическую систему, в которой будут партнерами политические и неполитические организации, общественное и заводское самоуправление, институционально закрепленный контроль над властью, основные свободы, включая свободу вероисповедания, сформулированные в том числе и в Декларации прав человека, ратифицированной и этим государством»¹⁵. Национализация названа в манифесте «огосударствлением»; выдвинуто требование введения реальной коллективной собственности в промышленности и ее передачи заводским советам трудящихся. СДЧГ высказалось за равноправие чехов и словаков, напомнив при этом, что смысл федерации поставлен под угрозу «режимом нормализации»¹⁶. Отказавшись от террористических насильственных действий и саботажа, движение отдавало приоритет борьбе «политической и позитивной».

Будущее ЧССР, как полагали авторы манифеста, неразрывно связано с мировым развитием, однако именно от граждан зависит, как они

воспользуются той или иной ситуацией. «Действовать, — подчеркивалось в манифесте, — может каждый гражданин... Будем терпимы, будем помогать преследуемым... Солидарность всегда была нашим самым сильным оружием. Будем бороться за каждую мелочь. В этой борьбе будем собираться дома, на работе, там, где это только возможно... Это наше обращение может помочь в этой борьбе. Будем распространять его всеми доступными средствами»¹⁷. Следовательно, политика «малых дел» занимала далеко не последнее место в спектре программных установок СДЧГ.

Ключевыми словами манифеста, на наш взгляд, являются следующие: «Мы работаем над подготовкой новой комплексной программы. Отправной ее точкой пусть как минимум служит нам „Программа действий КПЧ“ от апреля 1968 г., материалы 14 съезда*, дискуссии о политической системе, о хозяйственной реформе, о заводских советах трудящихся, которые были напечатаны в газетах и журналах в то время, когда мы друг друга понимали»¹⁸. Авторы документа призывали изучать эти мысли, «сравнивать их с меняющейся политической ситуацией, напоминать о них в личных беседах и пытаться проводить их в жизнь в рамках существующих организаций»¹⁹. Важнейшей, как представляется, можно назвать часть документа, в которой утверждалось, что «не существует лишь альтернатива капитализм — бюрократический социализм, но также и иные возможные модели социализма». «В конце концов, — заявляло СДЧГ, — ни одна из основных коммунистических партий Западной Европы не ориентируется сегодня на монолитный, а на плюралистический гражданский социализм, на партнерство политических и отраслевых структур, функционирующих автономно и без опеки».

Тем самым манифест, во-первых, ставил задачу интеграции разрозненных сил оппозиции, а во-вторых, в качестве идейной платформы сплочения предлагал установки Пражской весны — программу «социализма с человеческим лицом». В дальнейшем работа велась по линии реализации положений манифеста от 28 октября, составивших впоследствии основу «Малой программы действий СДЧГ», которая, по замыслу ее авторов, и должна была явиться интегрирующим началом разобщенного чехословацкого оппозиционного движения.

Представляет интерес еще один документ, который СДЧГ выпустило к годовщине образования Чехословакии, — манифест СДЧГ «Социализм. Свобода. Суверенитет»²⁰. Это, по-видимому, одна из версий манифеста СДЧГ от 28 октября 1970 г. Но не исключено, что это черновой, рабочий вариант основного документа движения, который, во-первых, подвергался переработке и поэтому имеет некоторые струк-

* Имеется в виду нелегальный Высочанский XIV съезд КПЧ.

турные и смысловые отличия; во-вторых, датирован октябрём 1970 г., то есть без указания дня принятия; в-третьих, составлен в популярном стиле. Тем не менее в нём сохранились все акценты, связанные с ориентацией на демократический социализм, и отражены все постулаты манифеста от 28 октября.

В манифесте, в частности, утверждалось: «В настоящее время бюрократическая диктатура маскируется социалистической фразеологией, отбрасывая социалистические идеалы. Ее зависимая политика серьезно угрожает и вредит развитию нашего государства. Большое количество лучших людей покидает свои посты, квалифицированные специалисты ушли из научно-технической сферы, хозяйство возвращается к централизму, который неоднократно терпел поражение. Бюрократическое самоуправление подавляет культуру и науку, сковывает деятельность молодежи и других общественных организаций и союзов. На руководящие посты ставятся люди, которые могут быть использованы только для предательства и деструкции, умеют лишь одно: поддерживать все, что помогает удержать самую примитивную диктатуру. При такой ситуации дальнейший прогресс социалистического движения становится крайне необходимым. Все это вызовет невиданный кризис, который не в состоянии будет разрешить настоящий режим». «Мы не хотим, — подчеркивалось в документе, — казарменный социализм, который осуждали еще основатели социалистического движения Маркс и Ленин. Отбрасываем всю ложь о том, что движение с 1968 года было направлено на поворот к капитализму и присоединение республики к Западному блоку. Так могут агать лишь люди злобные или ограниченные диктаторы, которые не могут понять, что существует еще другая возможность, нежели насильно насаждаемый догматический социализм, о котором еще следует подумать, социализм ли это. За эту возможность борются колоссальные силы мирового движения „левых“ и рабочее революционное движение. Основные коммунистические партии западных держав решили в пользу плюралистического социализма, т.е. такой социалистической и политической системы, при которой партнерство с другими партиями основано на равноправии, где политические и общественные организации действуют автономно без указаний. Мы тоже хотим такой политической системы, потому что мы социалисты и находимся в той стране, которая попыталась осуществить этот социализм. У нас есть обязанности по отношению ко всему международному социалистическому и антиимпериалистическому движению продолжать начатое дело. Только таким путем мы достигнем организации хозяйства, которое бы покончило с производством для производства, с беспорядками в промышленности и внешней торговле, с общей безответственностью. В развитии хозяйства должны воплощаться интересы всего общества. Глупо и бессмысленно нас обвинять в бесплановости. Мы вы-

ступаем против бюрократической дезорганизации хозяйства, которую называют планированием. Еще более глупой является клевета о том, что мы выступаем против национализации. Национализация была выдающимся событием освободительного движения, но потом оказалось, что это была не национализация, т. к. промышленность была передана не трудящимся, а центральной бюрократии, превратившись в оплот бюрократической власти консервативных сил. Нашей целью является передача промышленных предприятий управлению избранных рабочих, так как только они могут провести принципиальные политические и экономические реформы. Послеянварское развитие определило направление этих реформ. Мы хотим использовать как положительный, так и отрицательный опыт этого развития. Хотим разработать программу, основывающуюся не только на теории, но и на практике»²¹.

В манифесте приводились обоснования необходимости борьбы против правящего режима: «Настоящее правительство шаткое и неустойчивое, не владеет аргументами, поэтому часто бывает грубым и суровым. Незаконно осуждает людей, держит их в тюрьме, позабыв все законы. Судьба историка Яна ТЕСАРЖА, бывшего посла Рудольфа БАТТЕКА* и шахматиста Лудека ПАХМАНА является позорным примером этой практики... Правительство может менять на руководящих постах деятелей, но не может ликвидировать членов. Оно боится свободных граждан, не может вести бесконечную борьбу с населением. Не может до бесконечности продолжать массовые чистки лиц. Если оно хочет удержаться, то должно претворять в жизнь и положительную программу, делая к этому шаги, а это дает возможность насаждать прогрессивное мышление и принципы. Бюрократическое правительство не решает само все вопросы»²². Главное условие борьбы за реализацию изложенных в манифесте установок — сплочение всех граждан с акцентом на солидарности. В нем, как и в манифесте от 28 октября, затрагивались и некоторые аспекты советско-чехословацких отношений²³, а также более глобальные международные проблемы.

В целом анализ документа показывает, что пафос объединяющего начала в нем, в отличие от манифеста от 28 октября, несколько приглушен, а на первый план вышли проблемы интерпретации демократического социализма. Следует подчеркнуть, что многие из вышеприведенных положений содержала формировавшаяся идеология еврокоммунизма.

В период между манифестом от 28 октября 1970 г. и «Малой программой действий СДЧГ» (рубеж января–февраля 1971 г.) СДЧГ выпустило листовку, посвященную событиям конца 1970 г. в Польше. В листовке, датированной 21 декабря 1970 г., подчеркивалось, что движение

* В оригинале — Ватек.

польского народа — это ответ на политику тех, кто ничего из прошлого не забыл и ничему новому не научился, тех, «которые всегда хотят снова и всюду идти путем, уже столько раз ведшим к новым кризисам и потрясениям». Эти слова звучали предостережением новому польскому руководству страны и партии. Фактически же ее можно трактовать и как обращение к чехословацким властям.

Еще более «прозрачными» явились слова листовки, характеризовавшие лидера польских коммунистов. «Гомулка, — говорилось в ней, — который в октябре 56-го года осудил стрельбу в рабочих, пришел сейчас к тому, что сам дал приказ стрелять в них. Поляки показали нам пример того, что можно бороться и победить и в условиях бюрократического беззакония, и в ситуации, которая кажется безвыходной...»²⁴. Листовка как бы утверждала: движение протеста в Чехословакии не задавлено.

Вокруг манифеста СДЧГ от 28 октября сразу же развернулась дискуссия²⁵. Группа, подписавшаяся «Коммунисты», отвергла форму движения, поскольку, по их мнению, игнорировалась партийная принадлежность, а также мировоззрение бывших членов КПЧ, не уделялось внимание определению и обеспечению ее руководящей роли в будущем. Другие же группы считали документ программой демобилизации позитивных сил, так как его авторы якобы открыто поддерживали «режим нормализации». Истина, по-видимому, заключалась в том, что тем немногим политикам, которые настраивались на волну подобного рода заявлений, оказалось весьма непросто расстаться с иллюзиями относительно потерянного «реформистского» прошлого, а элементов нового видения ситуации они не предлагали. Подобного рода декларации и споры вокруг них свидетельствовали, что дефицит идей способствовал созданию атмосферы духовного гнета в стране не в меньшей мере, чем прямые репрессии.

Вскоре была подведена черта под дискуссиями оппозиционных групп, изложивших свои выводы в январе–феврале 1971 г. в документе под названием «Малая программа действий СДЧГ», состоявшей, по словам В. Кустина, из семи разделов и включавшей около 8000 слов²⁶. В нашем распоряжении имеется третья версия²⁷ «Малой программы действий СДЧГ», автором которой являлся Я. Шабата²⁸. И. Пеликан назвал документ одним из самых интереснейших документов чехословацкой социалистической оппозиции. Он же впервые заметил, что проект являлся не более чем основой для дискуссий и предназначался для дальнейшей доработки²⁹. Позднее программа распространялась выборочно среди отдельных групп и людей для отзывов³⁰. В ней содержится упоминание о том, как восприняли программное заявление две группы: «Коммунисты» и «Рабочие — легально избранные деятели

КПЧ». На основании этих материалов в документе содержится попытка доказать сближение различных точек зрения, поскольку группа «Коммунисты» изменила свое отрицательное отношение к манифесту СДЧГ, обосновывая это своей ошибочной оценкой «центристского» руководства Гусака³¹.

Как следует из текста, в «Малой программе действий СДЧГ» (третья версия), включавшей преамбулу и десять разделов (февраль 1971 г.), основное внимание уделено тактическим и организационным вопросам. «Программные политические принципы, — уточняется в преамбуле, — в данном, носящем в основном тезисный характер проекте освещаются лишь частично. Следовательно, „Малая программа действий“ не является политической программой в полном смысле этого слова, как не является она и программой действий. Отсюда ее рабочее название: „малая программа действий“»³². «Однако, — говорится далее в проекте, — это не значит, что социалистическая оппозиция не нуждается во всесторонне разработанной программе, обоснованной политически и тактически. Напротив: ее потребность сегодня является уже крайней необходимостью. Мы хотим выразить это также и тем, что решились разработать и вынести на обсуждение текст, на который возложена лишь единственная функция: ускорить созревание условий, от которых зависит формирование направляющей политической силы, которая выступила бы с репрезентативной программой и которая как действительно репрезентативная сила могла бы эту программу представлять»³³. Главная цель «Малой программы действий СДЧГ» виделась автору проекта в следующем: документ должен стать прежде всего «основой для будущих переговоров, от которых следует ожидать дальнейшую концентрацию оппозиционных сил»³⁴. Таким образом, проект, в обсуждение которого планировалось вовлечь максимальное количество антинормализационных структур, мог стать платформой объединения противостоявших правящему режиму сил.

События 1968–1970-х гг., констатировалось в проекте, привели к «фактическому распаду доянварской КПЧ на две противоположные партии». Однако, как следует из текста, и в «партии исключенных» (из КПЧ в целом было исключено около 500 тыс. чел., т. е. треть всех членов партии, а «Малая программа СДЧГ» вышла на пике чисток) происходит, несмотря на сближение и взаимную терпимость, некоторая дифференциация. В документе подчеркивалось: «Хотя процесс дифференциации перешел из крайне динамичной фазы в гораздо более статичный период, но он и сегодня далек от завершения. Наряду с различиями более-менее второстепенными (вытекающими из нивелирования тактических различий, условий социальной среды, национальных различий — Словакия — или же из локальных различий

и различий между поколениями) на первый план выходит специфический политический фактор: желание или нежелание продолжать политическую деятельность в совершенно иных, изменившихся условиях. Иными словами: вопросу как действовать предшествует вопрос — надо ли вообще развивать оппозиционную политическую работу. В этом отношении действуют не только личные факторы, но и факторы идеологического характера (понятие легальности здесь фигурирует на первом месте)»³⁵.

Авторы документа позиционировали себя последователями движения за демократическое возрождение социализма. «Инициативные группы, — отмечалось в первом разделе проекта, — которые объединились в рассуждениях о дальнейших действиях социалистической оппозиции, конституировались в радикальном сопротивлении политике великодержавной нормализации и бюрократической консолидации. Из этого их генезиса совершенно естественно вытекает и их генеральная политическая ориентация: они ведут борьбу за социалистическую альтернативу господствующему социализму „бюрократического аппарата“ (манифест СДЧГ). Они — преемники послеянварского движения за демократическое возрождение социализма, цели которого отражены в Программе действий ЦК КПЧ от апреля 1968 г.: имеется в виду новая демократическая модель социализма, отвечающая чехословацким условиям...»³⁶.

Эти инициативные группы пришли на смену послеянварскому движению — движению периода Пражской весны, которое распалось и уже более не существовало в качестве «организованной силы». Однако идеи демократического социализма, «социализма с человеческим лицом» по-прежнему оставались живы. Тем самым распад сложившихся в ходе Пражской весны структур поставил перед «авангардными социалистическими силами» актуальный вопрос: заполнить вакуум, возникший в результате распада послеянварского движения как организованной силы. Стратегическая цель СДЧГ заключалась в стремлении к системе, требовавшей радикальных, революционных (структурных) изменений. С одной стороны, сложность заключалась в том, что данная цель не давала сама по себе ответ на вопрос — какая сила проведет подобного рода изменения, а с другой, как констатируется в документе, «настойчивость в отстаивании послеянварских целей привела к рождению новой авангардной ориентации». В этой связи в проекте подчеркивалась настоятельность формирования «нового политического авангарда социализма». На данном историческом отрезке времени, как отмечалось во втором разделе проекта, нельзя было говорить о существовании руководящей политической структуры оппозиционных сил в полном смысле слова. «Однако, — констатировалось в

документе, — с одной стороны, существуют инициативные группы, которые стремятся ко все более тесному сплочению, а с другой — имеется *потенциальный руководящий политический слой* (выделено в оригинале. — Э. З.), который представляет достаточно весомую основу для относительно быстрого конституирования требуемой руководящей структуры»³⁷. Данный слой представляют «несколько десятков тысяч лиц, которые — в результате общего политического развития и своего идеологического и личного генезиса — являют собой солидарный корпус (*solidární těleso*), который, как можно обоснованно предполагать, является потенциальным авангардом оппозиции, т.е.: речь идет о силе, отдельные части которой (группы и отдельные лица) способны развивать *самостоятельную* (выделено в оригинале. — Э. З.) инициативу и сформироваться во все более организованное идеологическо-политическое образование»³⁸. Данный «потенциальный корпус функционеров», по мысли автора, могли составить «лица с естественным политическим авторитетом и престижем и со значительным опытом политической, организаторской и идеологической работы».

Программой акцентировалось существование СДЧГ, которое, по мнению ее составителей, может развиваться в «новый политический авангард социализма». Движение, как в ней указывалось, должно состоять из трех слоев: «инициативной группы» (то есть тех, кто уже отличился активностью), включавшей несколько тысяч чел.; «потенциальной лидирующей политической страты» (она названа в документе «элитой» и «корпусом функционеров») из нескольких десятков тысяч чел.; «базовых членов», количество которых достигало несколько сотен тысяч человек³⁹. В этой связи в документе указывалось на нецелесообразность и иллюзорность стремления превратить «данный солидарный корпус в организацию с традиционно иерархической структурой, некую партию „ленинского типа“, либо же — в худшем случае — некий аналог жестко централизованной партии сталинского типа». Автором делалась ставка на «самые лучшие традиции недогматического и небюрократического способа развития неформальных связей»⁴⁰.

В третьем разделе развивается мысль о потенциальном политическом авангарде как о структуре, включавшей десятки тысяч человек. В связи с этим возник вопрос о «специфической руководящей структуре или же ведущей составной части авангарда, о некоем „авангарде авангарда“». При этом предлагалось не трактовать «авангард авангарда» как своего рода авторитарный центр, как центр в бюрократическом смысле слова⁴¹. Это не означало, что «авангард авангарда» не должен выполнять функции небюрократического центра, т.е. центрального очага активности, роль которого заключалась в «координации спонтанно пробуждающихся к политической активности сил, и

одновременно интенсивно и планомерно пробуждать к жизни все потенциальные очаги политической активности во всех важнейших центрах — городах и заводах». Опорными пунктами этого руководящего слоя назывались инициативные группы, которые уже сформировались как самостоятельные очаги активности. При этом ни одна из них не исключалась из рамок социалистической оппозиции при условии принятия ими социалистической — антикапиталистической — программы. «Малая программа СДЧГ» декларировала: «Провозглашением принципа „плюрализма“ оппозиции мы хотели наметить исходную точку решения уже возникшей реальной проблемы: т.е. вопроса о сотрудничестве различных коммунистических и социалистических (немарксистских, некоммунистических, но ни в коем случае не антикоммунистических) идейных политических течений и их представителей. Проблема не только в отношениях между коммунистами и некоммунистами, но и в отношениях между коммунистами (внутри коммунистических рядов)»⁴². Для плюралистической концепции в документе используется термин «союз авангардных сил», который предполагал тенденцию к единству, интеграции, конвергенцию, но не дивергенцию. «Тем самым союз авангардных сил, — подчеркивается в проекте, — не является продуктом вольного и временного („тактического“) объединения разнородных сил, а динамическим образованием, в котором углубляется сотрудничество относительно однородных сил и течений из различных относительно разнородных среды, слоев и групп»⁴³.

Союз авангардных сил не является силой, которая формируется «рядом со своим естественным тылом, стоит над самыми широкими слоями общества и над отдельными идеологическо-политическими течениями, но внутри всех этих составных частей и слоев. Только так новый политический авангард может выполнять функции, которые ему как *авангарду* (выделено в оригинале. — Э. З.), как руководящей политической структуре надлежит исполнять; авангардность не является привилегией или монополией какой-либо закрытой группы, которая обладает „патентом на знание“, а продуктивной, конструктивной и позитивной политической деятельностью, базирующейся на общих целях социалистической программы».

Таким образом, СДЧГ отрицало принцип руководящей роли партии, дистанцируясь от «традиционных представлений о жестко централизованной и идейно монолитной революционной организации». Вместе с тем движение поддерживало идею «союза авангардных сил», считая слой исключенных из КПЧ функционеров, с учетом их политического опыта и идеологического и персонального генезиса, потенциальным авангардом, то есть некоей руководящей силой. По мнению В. Кусина, такой подход как раз и совпадал с одним из тезисов лени-

низма, когда политические акторы распределялись по следующим категориям: массы, партия и руководство⁴⁴. Особенно наглядно данный ленинский тезис проявился в оформлении организационного руководства движения. «Авангард авангарда» — такова, по мысли авторов «Малой программы действий СДЧГ», первая иерархическая ступень центра действий по координации сил оппозиции. Таким образом, внутренняя противоречивость документа очевидна, на что позднее обратил внимание и М. Отагал⁴⁵.

Экс-коммунисты считали необходимым сотрудничество с социалистами некоммунистической (немарксистской) ориентации⁴⁶. Как отмечалось в проекте, сотрудничество со всеми этими течениями «следует считать в связи с тезисами о значении союза авангардных сил необходимой предпосылкой развития нового политического авангарда»⁴⁷. Чехословацкая социалистическая оппозиция создавалась как неформальное движение, из которого «нельзя исключить ни одну группу, которая принимает социалистическую (антикапиталистическую) программу... Было бы неправильным, а, пожалуй, и невозможным, пытаться достичь однородной структуры, которая нивелировала бы идеологические различия». Более того, настоятельно подчеркивалось, что «коммунистов и социалистов объединяет борьба за демократический социализм, то есть их объединяет оппозиция бюрократическому социализму». В программе ставился акцент на развитии связей между отдельными инициативными группами и поддержана плюралистическая концепция, поскольку в категорию «социалистической оппозиции» ими зачислялись не только сторонники социализма (антикапитализма), каждая из которых являлась составной частью нового авангарда, но и несоциалистические течения.

Вместе с тем самой многочисленной и самой собранной частью оппозиции СДЧГ считало десятки тысяч исключенных деятелей КПЧ и сотни тысяч бывших простых членов партии. В качестве потенциальных союзников подразумевалась и та часть членов и деятелей КПЧ, которая «осталась в партии по договоренности с исключенными и намерена работать в оппозиционном духе».

Шестой раздел содержит представления СДЧГ о главной движущей силе революционных перемен: «В соответствии с рациональной (а не доктринерской) традицией революционного социализма мы видим ее в массах индустриальных производителей, сконцентрированных на крупных предприятиях в городах, прежде всего в рабочих массах»⁴⁸. СДЧГ поэтому рекомендовало сосредоточить усилия на агитации на крупных заводах. Такую задачу ставили перед собой и другие группы⁴⁹, которые как раз в атмосфере социального (классового) напряжения, глубокой деморализации и апатии достигали большего или меньшего успеха. Именно на этой части

общества рекомендовалось сконцентрировать внимание всех авангардных сил и разработать для данного «сектора» конкретный план действий. СДЧГ предложило три пункта подобного рода плана, который, как подчеркивается в проекте, «представлен лишь схематично». В первую очередь речь шла о необходимости объединения самых разнообразных частичных и специфических интересов различных групп трудящихся с всеобщим политическим движением. Далее следовал неполный перечень задач: защита самых разнообразных прав трудящихся; защита от посягательств на зарплату; забота о безопасной и здоровой среде; критика назначаемых и неспособных органов; критика беспорядков в организациях и в сфере управления в целом; борьба за профсоюзную демократию и демократическое представительство в целом; борьба за экономическую реформу в ее частичных и глобальных аспектах; стремление к формированию демократических органов типа советов трудящихся или заводских советов и т. д. (пункт «а»). Пункт «б» включал следующие положения: использование легальных организаций (профсоюзные и общественные организации, а также коммунистическая партия), организационные связи между предприятиями, конференции, совещания, коллективные договоры — любые переговоры и акции, с помощью которых можно отстаивать реальные интересы трудящихся перед интересами бюрократическими. В документе поднята проблема отношений между рабочими и технической интеллигенцией (в первую очередь между рабочими и хозяйственным аппаратом). В целом же акцент ставился на необходимости теснейшего союза рабочих и технической интеллигенции (проведение различий между бюрократами, бюрократией и представителями технической интеллигенции; борьба против деления на касты и цеховой ограниченности, против бюрократической тактики «разделяй и властвуй» (пункт «в»))⁵⁰. Седьмой раздел затрагивал проблематику союзников рабочего движения: крестьянское и молодежное движения, профессиональные организации интеллигенции; девятый раздел касался общих принципов организационной деятельности и ее специфических аспектов⁵¹.

Наконец, в десятом разделе СДЧГ определило международные аспекты оппозиционной деятельности в Чехословакии: «Все же принципиально следует исходить из того, что движение за демократическое возрождение социализма является движением международным. Однако в разных странах оно находится на различных уровнях и имеет совершенно иные аспекты в „советском“ лагере и в капиталистических государствах»⁵². С этой точки зрения считалось важным решить вопрос об отношении к эмиграции. Поскольку не все чехословацкие эмигранты являлись социалистами, рекомендовалось предпринимать «как можно более осторожные шаги в развитии политического сотрудничества», что, однако, исключало «взаимную изоляцию». Необходимыми

считались: признание чехословацкой оппозиции западноевропейскими левыми, а также поддержка чехословацкой партийной (коммунистической) оппозиции западноевропейскими коммунистами⁵³.

Таким образом, выстроенная в «Малой программе действий СДЧГ» многоступенчатая иерархическая структура («авангард авангарда» — «союз авангардных сил» — «десятитысячный актив» — «сотни тысяч политически ангажированных» — «самые широкие слои населения») представляет собой скорее теоретико-стратегическую заявку на весьма и весьма отдаленное будущее, нежели конкретную программу действий в жесточайших условиях «режима нормализации». Разумеется, разработка терминологических представлений о руководящих органах оппозиционного движения являлась важной составной частью деятельности СДЧГ и вносила весомый вклад в копилку ее теоретических разработок.

В то же время в условиях крайней разобщенности оппозиции и развязанной правящим режимом «охоты» за ее представителями более целесообразной, как представляется, могла стать концентрация внимания на менее амбициозных планах, в частности на политике «малых дел». Тем более, что категория «сотни тысяч политически ангажированных», которой оперировало СДЧГ, и даже термин «десятитысячный актив», который, судя по программе, мог не только включиться в оппозиционное движение, но и возглавить его, выглядят явно мифическими. По большому счету «Малая программа действий СДЧГ» носила достаточно аморфный характер, поскольку интегрировала политические установки нескольких групп с огромными претензиями, но с весьма ограниченными возможностями.

Наряду с теоретическими разработками необходимой формы деятельности «Малая программа действий СДЧГ» называла распространение изданных за рубежом публикаций и текстов, выпуск трудов и сборников, в первую очередь самиздата (восьмой раздел). Примечательно, что «авангард авангарда», т. е. изначально узкий круг ведущих оппозиционеров, обеспечивал себе право контролировать нелегальные издания документов всех видов, отражавшие политические взгляды движения. Составители программы заявляли, что содержание таких документов должно «регулярно проверяться и оцениваться, чтобы убедиться, что все программные, теоретические, аналитические и полемические действия тесно увязывались с нуждами движения».

Во исполнение этого пожелания с января 1971 г. начал регулярно выходить «Политический ежемесячник: факты, события, заметки»⁵⁴. В нем печаталась подробная информация о ситуации в КПЧ, о событиях в мировом коммунистическом движении, публиковались результаты анализов экономического положения, заявления СДЧГ, открытые письма делегатам готовившегося XIV съезда КПЧ и др.

В это время в самиздате выходили издания других нелегальных структур. Так, бюллетень «Из-за завесы цензуры» давал подробную информацию из зарубежных стран, включая социалистические, а также из Латинской Америки и Африки. Редакция ставила своей задачей «сообщать о том, о чем чехословацкие средства массовой информации умалчивают. У нас нет другой программы, чем поиски правды. Мы призываем вас участвовать в этом»⁵⁵. Подготовка и распространение указанных изданий и явилось тем самым «малым делом», которое вызывало большую тревогу «режима нормализации», постоянно отчитывавшегося перед Кремлем о состоянии дел в стране.

В целом программные документы чехословацкого социалистического оппозиционного движения подвергались «режимом нормализации» остракизму. Так, позднее, в ходе судебных процессов летом 1972 г. партийная печать представляла «Малую программу действий СДЧГ» как «программу, нацеленную на постепенную ликвидацию социалистической системы» и на «открытое введение буржуазной демократии». По убеждению представителей «режима нормализации», программа преследовала цель «оторвать Чехословакию от содружества социалистических стран, навязать ей нейтралитет и привязать ее внешнюю политику исключительно к западным капиталистическим государствам в рамках так называемой средневропейской солидарности»⁵⁶.

В мае 1971 г. КПЧ созвала XIV съезд (внеочередной XIV съезд, проходивший на заводе в Высочанах в августе 1968 г., она объявила незаконным по договоренности в Москве тогда же). Были полностью восстановлены принципы руководящей роли партии и централизованного планового, командно-административного управления экономикой, что в дальнейшем получило правовое оформление в Законе о народнохозяйственном планировании, вступившем в действие с 1971 г.

Накануне съезда наметились признаки активизации оппозиции. Так, в начале мая в самиздате, а несколько позднее в качестве приложения к «Политическому ежемесячнику» вышло письмо, адресованное съезду и подписанное «Делегаты внеочередного XIV съезда КПЧ». В письме, названном «Не можем больше молчать», делегаты, среди прочего, говорили о незаконности готовившегося съезда⁵⁷. Отмечалось, что двоемыслие в нумерации съездов свидетельствует о чувстве неуверенности партийных властей. В мае же 1971 г. появилась и листовка, названная «Отношение к одному съезду», подписанная «Рабочие и рабочие функционеры партии и профсоюзов». Ее авторы дистанцировались от правящей группы КПЧ, которая, как подчеркивалось, привела к тому, что партия потеряла доверие и свою естественную руководящую роль, а после чисток перестала быть партией рабочих. Высочанский съезд назван в листовке последним легальным съездом КПЧ⁵⁸.

Явно рабочее происхождение имеет и листовка, подписанная «Рабочие — легально избранные деятели КПЧ». В ней констатировалось, что с помощью иностранных войск власть в Чехословакии захватила «догматическо-бюрократическая клика, которая беспощадно подавляет все права и демократические свободы граждан», поддержку которых она потеряла. Политика «нормализации» неблагоприятно отразилась на рабочих, поэтому подписавшие листовку считали своей обязанностью объединить все силы в борьбе за проведение тайных выборов в профорганизациях, соблюдение предписаний о безопасности труда и закона о труде, против снижения заработных плат. Однако экономика страны, как уже отмечалось, была в то время уже до определенной степени стабилизирована и данная программа тоже не произвела никакого действия⁵⁹.

Одновременно свое обращение «Моя точка зрения» в адрес съезда направил один из организаторов СДЧГ, бывший член ЦК КПЧ и секретарь обкома КПЧ, близкий сотрудник Я. Шабаты А. Черны. Он указал на некоторые ошибки послеянварского партийного руководства, в частности, на его нерешительность и непоследовательность, а также осуждал компромисс как основной метод разрешения кризиса. С критикой правящей партии Черны обращался к делегатам XIV съезда, названного им квазилегитимным, надеясь, что в партии, а возможно, и среди делегатов остались те, кто мог бы его понять. Он проводил разделительную линию между «партией прошлого» и «партией будущего», представленной на этом съезде, состоявшемся два года назад в Высочанах. При этом Черны был убежден, что ко второй партии потенциально принадлежат не только коммунисты, которые стоят вне рядов партии, но и многие члены «нормализованной» КПЧ связывали с этим свои упования на будущие перемены⁶⁰.

Черны, как один из представителей радикальных реформаторов, делал ставку на «партию будущего». «Партия будущего, — отмечал он, — еще не организована, у нее еще нет названия, но у нее есть два качества, которые никто не может отнять: критическое мышление и сила солидарности. Партия прошлого имеет власть, имеет средства, с помощью которых она может обманывать, запугивать, покупать и разделять, но она не может помешать тому, что это обернется против нее самой... Она вынуждает людей объединяться против страха, потому что она объявляет врагами тех, кто ими не является... Она движется в заколдованном кругу обещаний, которые не может выполнить»⁶¹. Как видно из обращения, сила «партии будущего» на тот момент заключалась в отрицании «партии прошлого», а не в наличии какой-либо конструктивной программы.

XIV съезд КПЧ констатировал в своей резолюции: «Консолидация партии и общества позволяет нам в последующий период посвятить все

наши силы дальнейшему укреплению и развитию социалистического общества». Он подвел черту под кризисным периодом в истории партии и страны и взял курс на построение в ЧССР зрелого социализма. «Режим нормализации» получил полноценное благословение, а протестующие голоса оказались заглушенными.

Следующим важным помимо XIV съезда КПЧ шагом в упрочении «режима нормализации» стали парламентские выборы, проведение которых намечалось на ноябрь 1971 г. Осенью 1971 г. подготовка к выборам вступила в решающую фазу. В это время над СДЧГ уже нависла угроза ареста и преследований. За какие же «преступления»? Как выстраивалась линия реальных действий и устрашающих убеждений накануне выборов в ФС ЧССР, ЧНС и СНС? Какова суть программных положений СДЧГ в их реальном выражении? Ответы на данные вопросы можно получить при анализе выпущенных СДЧГ документов осенью 1971 г. Важно отметить, что это не «манифесты на экспорт», а реальные обращения к гражданам страны.

16 сентября 1971 г. в качестве приложения к «Политическому ежемесичнику» вышло Обращение СДЧГ, в котором содержался призыв заявить о своем сопротивлении тому, что происходит: бойкотировать готовившиеся ноябрьские выборы, вычеркивать в предложенных бюллетенях кандидатов, навязываемых «режимом нормализации». Обращение поддержали другие оппозиционные группы, которые договорились, сократив текст, сделать из него листовку и распространить ее по всей республике во время предвыборной кампании.

Эту листовку, озаглавленную лишь обращением «Граждане!», подписали шесть групп социалистической оппозиции в следующей последовательности: Чехословацкое движение за демократический социализм, Движение гражданского сопротивления (чешская секция), Движение гражданского сопротивления (словацкая секция), Коммунисты в оппозиции, Революционное движение Яна Палаха⁶², Социалистическое движение чехословацких граждан⁶³. Листовка призывала граждан использовать свое законное право и либо отказаться от участия в голосовании, либо же вычеркивать из списков официальных кандидатов. Надо отметить, что в числе подписавших листовку упоминается еще одна оппозиционная структура, представлявшая брненских социалистов, — Чехословацкое движение за демократический социализм (ЧДАС), о которой речь пойдет ниже. Хотя социалисты из Брно подписали листовку, а один из их лидеров М. Шилган принимал активное участие в ее распространении, все же они полагали, что требования бойкота выборов в условиях «режима нормализации» обречены на провал.

Я. Каван и Я. Даниел утверждают, что листовка распространялась во всех крупных городах Чехии и Моравии 9 ноября 1971 г. и явилась,

по их словам, «первой массовой акцией социалистической оппозиции, в которой участвовало несколько различных групп, коммунисты и некоммунисты»⁶⁴. Позднее, в ходе судебного расследования, по утверждению прокурора, листовка распространялась по всей республике в течение 24-х часов в количестве около 72 тыс. экземпляров. Но данная совместная акция не имела бы успеха без помощи многочисленных людей, готовых принять участие в ее тиражировании и распространении. Некоторых из них позже арестовали и после многомесячных допросов приговорили к различным срокам тюремного заключения, другим удалось избежать преследований.

Партийное руководство пыталось представить оппозицию как отдельных «отщепенцев», пойманных на месте преступления и оставленных всеми приверженцами; их предполагалось «справедливо наказать». Однако оно или принимало желаемое за действительное, или правительственная печать сознательно говорила неправду.

Согласно самиздатским материалам, несмотря на огромное давление, часто сопровождавшееся плохо завуалированными угрозами лишить работы несогласных, в одной только Праге 10% избирателей воздержались от участия в голосовании, в самых крупных промышленных районах по крайней мере 11% рабочих проголосовали против линии партии и 20% всех голосовавших выразили личное недоверие Гусаку⁶⁵. Данные результаты побудили власть к витку новых репрессий. «Заигрывание» с коммунистами-реформаторами, а уж тем более с теми, кто видел социализм по-другому, прекращалось.

Акцию, несмотря на это, нельзя назвать неудачной. «В широкие массы чехословацкого общества, — пишут Я. Каван и Я. Даниел, — проникло сознание, что существует социалистическая оппозиция, и это имело неоценимое моральное и политическое значение»⁶⁶. Западная печать уделила этому факту внимание только благодаря арестам и судебным процессам, но многочисленные сообщения все же «помогли напомнить забывчивому миру о судьбе Чехословакии; среди западных левых и некоторых коммунистических партий раздались голоса солидарности»⁶⁷.

Между выходом Обращения и выпуском листовки деятели СДЧГ проявляли заметную активность, которая не могла не привлечь внимание властных структур и репрессивных органов. В середине октября 1971 г. состоялась встреча Тесаржа, Непраша, Кинцла и Гюбла. Предметом переговоров явилось объединение оппозиции и выработка манифеста Чешского фронта национального освобождения, который предполагалось выпустить к годовщине 28 октября 1971 г. Уже на первой встрече свои возражения высказал Тесарж, а во время второй встречи ее участники решили, что из-за недостатка времени не представляется возможным вовремя распространить манифест и опубликовать его за рубежом.

Тем не менее попытки сплочения чехословацкого оппозиционного движения не прекращались. Так, Тесарж продолжал контакты с брненской оппозицией экс-коммунистов вокруг Я. Шабаты, который в свою очередь поддерживал связь с группой бывших чехословацких социалистов. На встрече в Брно в октябре 1971 г. продолжились дискуссии о сотрудничестве и объединении оппозиции. Тогда же Шабата ознакомил Тесаржа с «Малой программой действий СДЧГ», которая, по всей видимости, и должна была стать основой программы объединенной оппозиции.

27 ноября органы госбезопасности арестовали Я. Шабату и И. Мюллера, а позднее Тесаржа, Гюбла и др. Позднее, во время процессов летом 1972 г., прокурор утверждал, что под СДЧГ скрывался М. Гюбл, бывший член ЦК КПЧ, ректор Высшей политической школы, в прошлом один из идеологов Пражской весны, оказавшийся «отщепенцем»; за подписью «Коммунисты в оппозиции» — Я. Шабата и его единомышленники; а под названием «Революционное движение — Ян Палах» — Я. Тесарж⁶⁸.

СДЧГ активно протестовало против арестов на рубеже 1971–1972 гг. Преследования оценивались участниками движения как месть за Пражскую весну, но вместе с тем они предостерегали от открытой борьбы, которая считалась в тех условиях напрасной и могла бы привести к дальнейшим потерям. Авторы листовок анализировали итоги политики нового руководства КПЧ и государства, парализовавшей все общество, которое в своем большинстве «реагирует на это положение отрицательным молчанием, аполитичностью и бегством в себя, причем углубляется политический, идейный, экономический и нравственный кризис»⁶⁹.

В рамках СДЧГ действовали еще несколько групп. Одна из них, объединившаяся вокруг бывшего секретаря городского комитета КПЧ в Праге Я. Литеры, выпустила в период с января по май 1971 г. четыре номера нелегального ежемесячника «Покрок» как оппонента официальной прессы. К третьей годовщине ввода в Чехословакию войск в стране в количестве 300 экз. распространялась листовка «Граждане Чехословакии» (21 сентября). Вместе с другими группами она готовила, тиражировала и распространяла оппозиционные и эмигрантские материалы. Не прекратили они своей активности и после волны арестов конца 1971 г. Так, в феврале 1972 г. в самиздатском издании «Народне новины» появилась передовая статья «Красный террор», представившая детальную информацию об арестах и допросах. В ней обращалось внимание на утрату иллюзий даже у последних из «железобетонных», веривших, что Гусак, вспоминая свой собственный тюремный опыт, помешает новым политическим процессам. Оппозиционеры поняли, что «нельзя верить ни одному его слову»⁷⁰.

В том же номере «Народне новины» опубликована листовка СДЧГ, в которой говорилось: «Именно такое развитие событий имеет свою логику, с которой мы давно знакомы и которую кто-то назвал логикой рас-

кручивающегося жернова. Не только вокруг тех, кто открыто выражает свое несогласие с режимом, сжимается кольцо. Это может произойти с каждым гражданином, случайным, включая и тех, которые сегодня находятся у власти, или тех, кто объединился с ними в тщетной надежде, что сохранит спокойствие хотя бы для себя и своей семьи. Мы знаем, что открытое сопротивление в этой ситуации безнадежно и привело бы только к дальнейшим потерям. Но терпеливо смотреть на все — означало бы разделять вину за происходящее, так что однажды кто-нибудь скажет нам, что все мы несем свою долю ответственности. Каждый из нас имеет хоть какую-то возможность помешать уничтожению друзей, знакомых, сотрудников и соседей...»⁷¹.

И все же СДЧГ прекратило свое существование в качестве организованной оппозиционной силы. Катов репрессий оказался неостановимым и всеподавляющим.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: *Belda J.* Op. cit. S. 99.
- 2 Возникновение и деятельность этого движения М. Отагал реконструирует прежде всего на основе обвинений и приговоров политических процессов летом 1972, которые собрал Ф. Коуделка и которые хранятся в Архиве Института современной истории. См.: *Otáhal M.* *Opozice, moc, společnost...* S. 23.
- 3 «Малая программа действий СДЧГ» опубликована в сборниках документов: *Pelikán J.* *Socialist Opposition in Eastern Europe...* P. 135–156; см. также: *Pelikán J.* *Sozialistische Opposition in der CSSR...* S. 133–150.
- 4 *Pelikán J.* *Socialist Opposition in Eastern Europe...* P. 41.
- 5 *Ibid.* P. 41–42.
- 6 *Otáhal M.* *První fáze opozice...* S. 26; *Idem.* *Opozice, moc, společnost...* S. 22.
- 7 *Pelikán J.* *Socialist Opposition in Eastern Europe...* P. 42–43.
- 8 *Ibid.* P. 43.
- 9 *Ibidem.*
- 10 *Otáhal M.* *Opozice, moc, společnost...* S. 25.
- 11 *Socialistické hnutí čs. občanů // Listy.* 1971. Leden. Č. 1. S. 3.
- 12 *Ibidem.*
- 13 *Ibid.* S. 4.
- 14 *Ibidem.*
- 15 *Ibid.* S. 5.
- 16 *Ibid.* S. 4.
- 17 *Ibid.* S. 5.
- 18 *Ibidem.*
- 19 *Ibidem.*
- 20 АВП РФ. Ф. 138. Оп. 51. П. 154. Д. 14. Л. 140–144.

- 21 Там же. С. 140, 142–143.
- 22 Там же. С. 143–144.
- 23 «Наша государственность, — подчеркивалось в манифесте, — никогда не преследовала эгоистических целей, была полна стремлений ликвидировать напряженность в мире и в частности в Европе, основываясь не на борьбе, а на добрососедских отношениях. Нашим великим соседом является Советский Союз, играющий огромную роль в Мире. Подавляющее большинство чехословацкого народа не по своей вине питает к нему отрицательные и даже враждебные чувства. День 21 августа является самым черным днем в чехословацко-советских отношениях, но оккупировать Чехословакию решил не советский народ, не демократическая Россия, символом которой является СОЛЖЕНИЦЫН, генерал ГРИГОРЕНКО, ученый САХАРОВ (выделено в оригинале. — Э. З.). Верим в силы этой России, в интернационалистические силы народов Советского Союза, в которых видим своих союзников и являемся их союзниками. Мы не националисты, законченными националистами и шовинистами являются те, кто считает, что любое государство может обеспечить дружбу и соседские отношения с помощью танков, воинских гарнизонов и поддержкой горстки бездарных с темным прошлым людей у власти. Поэтому Советскому Союзу, его гражданам будем постоянно напоминать, что ценность для него может представлять лишь равноправный союзник. Не можем, не хотим и не будем терпеливо ждать изменений в Советском Союзе. История наших народов учит: чем больше мы надеялись на то, что наши проблемы решат другие, тем чаще мы становились жертвами этих надежд. Будущую Чехословакию нельзя отделить от международного развития, но только от нас зависит, как мы используем существующие возможности». См.: АВП РФ. Ф. 138. Оп. 51. П. 154. Д. 14. Л. 141.
- 24 Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 58.
- 25 См.: *Pelikán J. Socialist Opposition in Eastern Europe...* P. 146.
- 26 *Kusin V.V. Political Opposition in Czechoslovakia...* P. 40.
- 27 На прошедших в июле–августе 1972 г. судебных процессах сторона обвинения упоминала несколько версий «Малой программы действий СДЧГ», циркулировавших в кругах социалистической оппозиции, по которым велись дискуссии. См.: *Pelikán J. Socialist Opposition in Eastern Europe...* P. 135.
- 28 Копия документа на чешском языке под названием «Малая программа действий социалистической оппозиции (Социалистического движения чехословацких граждан)» любезно предоставлена автору М. Отагалом. Эта версия программы в английском переводе опубликована в: *Pelikán J. Socialist Opposition in Eastern Europe...* P. 136–156.
- 29 Ibid. P. 135.
- 30 См.: Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 58.
- 31 *Pelikán J. Socialist Opposition in Eastern Europe...* P. 146; см. также: Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 59.
- 32 *Malý akční program socialistické opozice (Socialistického hnutí československých občanů). Třetí verze z února 1971. S. 204.*
- 33 Ibidem.

- 34 Ibid. S. 205.
- 35 Ibid. S. 213.
- 36 Ibid. S. 205.
- 37 Ibid. S. 207.
- 38 Ibidem.
- 39 Ibid. S. 208.
- 40 Ibidem.
- 41 Ibid. S. 209.
- 42 Ibid. S. 210
- 43 Ibid. S. 211.
- 44 *Kusin V.V. Political Opposition in Czechoslovakia...* P. 40.
- 45 *Otáhal M. První fáze opozice...* S. 25.
- 46 *Malý akční program socialistické opozice (Socialistického hnutí československých občanů)...* S. 214.
- 47 Ibid. S. 215–216
- 48 Ibid. S. 217.
- 49 См.: Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 291–297.
- 50 *Malý akční program socialistické opozice...* S. 217.
- 51 Ibid. S. 217–219; 220–221.
- 52 Ibid. S. 222.
- 53 Ibidem.
- 54 В числе других самиздатовских изданий можно отметить бюллетень «Из-за завесы цензуры», который давал подробную информацию из-за рубежа, из «социалистического лагеря», включая КНР, Латинской Америки и Африки. Редакция в первом номере просила извинения у читателей, что не может вознаградить их за все недочеты официальной печати, но уверяла, что будет сообщать то, о чем чехословацкие средства массовой информации умалчивают. «У нас, — отмечалось в нем, — нет другой программы, чем поиски правды. Мы призываем вас участвовать в этом». Четко просматривались симпатии издателей к движению Че Гевары в Латинской Америке и к некоторым аспектам политики китайских марксистов. Эти бюллетени выходили редко, чаще можно было найти другие, например, «Политический еженедельник» или позже «Национальная газета» и т. п. См.: Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 62.
- 55 Там же.
- 56 Цит. по: *Pelikán J. Socialist Opposition in Eastern Europe...* P. 135–136.
- 57 Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 62–63.
- 58 Опубликован в: *Listy*. 1972. № 1. Leden. S. 7–8.
- 59 *Otáhal M. Opozice, moc, společnost...* S. 24.
- 60 Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 63–64.
- 61 Там же. С. 64.
- 62 Позже судья объявил, что не удалось выявить всех тех, кто стоит за всеми группировками. Тем не менее удалось обнаружить, что за подписью «Коммунисты в оп-

позиции» скрывался Я. Шабата и его помощники, а под названием «Революционное движение — Ян Палах» — Я. Тесарж. См.: Там же. С. 64–65.

63 Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 334. Единственным известным Отагалу итогом сотрудничества между главными оппозиционными группами является листовка «Призыв», выпущенная к выборам в ноябре 1971 г., автором которой являлся И. Мюллер. Инициатива, по мнению Отагала, шла от Я. Тесаржа и группы «Революционное движение — Ян Палах», которые установили сотрудничество с Я. Шабатой и его структурой «Коммунисты в оппозиции». С акцией была знакома и участвовала в ней и брненская группа вокруг М. Шилгана. Количество изданных листовок составляло тысячи, если не десятки тысяч, а для их тиражирования и распространения подключились несколько групп и отдельных лиц в Праге и Брно. Вся эта акция и участие отдельных групп в распространении листовок отражена в приговорах судебных процессов лета 1972. В вынесенном Я. Тесаржу приговоре утверждалось, что речь шла о листовке под названием «Граждане». Однако римское периодическое издание «Листы» под этим названием опубликовало листовку, которая была выпущена в феврале 1972 г. и касалась арестов рубежа 1971–1972 гг. См.: Listy. 1972. № 2. Březen. S. 1–2. В действительности же листовка «Граждане» распространялась в ЧССР в ноябре 1971 г.

64 Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 65.

65 Там же. С. 66.

66 Там же.

67 Там же.

68 Там же. С. 65.

69 Там же.

70 Там же. С. 67.

71 Там же.

§ 3. ЧЕХОСЛОВАЦКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

Помимо экс-коммунистов важную роль в оппозиционном движении в 1969–1970 гг. играли социалисты — группа бывших членов Чехословацкой социалистической партии (до февраля 1948 г. — Чехословацкая национально-социалистическая партия) в г. Брно. Ее активисты, возглавлявшие горком ЧСП с осени 1968 г., были исключены из партии в начале 1970 г. за активную прореформаторскую позицию в период Пражской весны. Так, в марте 1970 г. в ходе развернувшихся «чисток» ряды ЧСП пришлось покинуть М. Шилгану, Й. Подседнику и А. Шулику; Я. Цана «вычеркнули» из партии. В конце марта 1970 г. из состава идеологической комиссии ЧСП выведены Я. Мезник и П. Вурм, а 10 апреля с поста члена президиума НФ ЧСР отозван председатель брненского горкома ЧСП Я. Шопф. Городской комитет ЧСП в Брно в итоге был распущен. Целый ряд членов бывшего президиума горкома ЧСП — М. Шилган, Я. Шопф, П. Вурм, А. Выроубал, З. Покорны, Э. Килианова и др. — лишились возможности заниматься общественной деятельностью, но они от нее не отказались и стали собираться на конспиративных квартирах. Круг участников этих встреч постепенно расширялся, трансформируясь в организованную группу. Ее деятельность вынужденно носила — учитывая нарастающую в ходе «нормализации» волну репрессий в обществе — конспиративный характер¹. Так началось организационное становление новой нелегальной оппозиционной структуры брненских социалистов, которая в середине 1971 г. получила наименование Чехословацкое движение за демократический социализм (ЧДС).

На встречах составлялись протесты против роспуска горкома ЧСП, велись дискуссии о перспективах деятельности социалистов в условиях «нормализации». В дальнейшем внимание концентрировалось на вопросах внутри- и внешнеполитического развития ЧССР; обмен информацией, почерпнутой из западного радио- и телевидения, а также из зарубежной прессы; обсуждение издававшихся чехословацкой эмиграцией материалов и пр.

Примерно с середины 1970 г. М. Шилган установил контакты с действовавшим в Брно нелегальным СДЧГ. Важно отметить, что сотрудничество здесь части экс-коммунистов и социалистов стало приобретать более интенсивный характер со второй половины 1970-х гг. Встречи Шилгана и Шабаты проходили на частных квартирах членов брненской социалистической группы — П. Вурма, А. Выроубала, Я. Шопфа. Знаменательной следует назвать встречу на рубеже осени–зимы 1970 г., в которой приняли участие социалисты (Я. Шопф, П. Вурм, М. Шилган) и экс-коммунисты (Я. Шабата, А. Черны), на которой принято принципиальное решение о совместной нелегальной деятельности против «режима нормализации»².

Брненские социалисты получали от Я. Шабаты запрещенные в ЧССР журналы: «Листы», выпускавшийся в Риме И. Пеликаном, а также «Сведетви», издававшийся в Париже П. Тигридом, и занимались их распространением. В начале 1971 г. они взяли курс на расширение количественного состава, привлекая в свои ряды единомышленников не только из рядов ЧСП. Количественный рост нелегальной группы, а также ужесточение репрессивной политики нормализаторов послужили поводом перехода в целях конспирации на горизонтальный принцип формирования организационной структуры. Помимо руководящей «группы А», осуществлявшей внутренние контакты на постоянной основе, стали создаваться небольшие подразделения, именовавшиеся «группой Б», поддерживавшие эпизодические контакты лишь с отдельными группами; существовала и третья структура — «группа Д» («Друзья»)³. Работу первых двух групп, которые занимались тиражированием и распространением материалов преимущественно эмигрантских печатных органов, нелегально доставлявшихся в ЧССР, курировал З. Покорны. В 1971 г. брненские социалисты распространили нелегальные материалы (работу советского диссидента А. Амальрика, материал «Что происходило в Польше», протоколы Высочанского съезда КПЧ, информационный бюллетень «Факты...», «Манифест 28 октября 1970 г.», «Манифест к выборам», «Беседы с Яном Масариком» и др.). Большая часть текстов распространялась в Брно и Праге. В 1971 г. с нелегальной структурой социалистов сотрудничали члены Клуба молодых социалистов в Брно (И. Пернес, Я. Грох), который после запрещения также перешел к нелегальным формам деятельности, в частности, приступил к изданию подпольного журнала «Альтернатива», занимался распространением фотокопий книги М. Джиласа «Новый класс» и др.⁴

В начале 1971 г. Я. Шабата передал Шилгану для ознакомления «Малую программу действий СДЧГ» и попросил брненских социалистов высказать по ней замечания и дать свои предложения. Большая часть брненских социалистов после знакомства с разработанной экс-коммунистами программой выразила свое несогласие с целым рядом ее пунктов и сочла необходимым доработать текст с учетом высказанных в кругу единомышленников замечаний и пожеланий.

П. Вурм, которому поручили эту работу, завершил корректировку документа примерно к середине 1971 г. и назвал его «Малой программой действий ЧДДС». Несмотря на то, что брненские социалисты оставили предложенное бывшими коммунистами-реформаторами название документа, явно претендовавшего на преемственность с Программой действий КПЧ периода Пражской весны, на этом исключительно внешнем сходстве аналогии заканчиваются. После доработки документ принял принципиально иную идейную направленность по сравнению с представленным экс-коммунистами вариантом.

После завершения работы над текстом «Малой программы действий ЧДАС», которую дополнительно провел З. Покорны, документ передали пражской группе экс-коммунистов — М. Гюблу и Я. Тесаржу. М. Отагал пишет, что Тесаржа с «Малой программой действий» которая, очевидно, должна была стать основой совместной программы оппозиции, ознакомил на встрече в Брно в октябре 1971 г. Шабата⁵.

Документ состоит из трех частей⁶. Первая из них «Необходимость, генезис и политический профиль объединенной социалистической оппозиции» (с подзаголовком «Памятный акт о дискуссиях некоторых инициативных групп о возможностях формирования объединенного, авангардного социалистического движения в Чехословакии») включала семь разделов: посленварское развитие; новая ситуация; о необходимости авангарда; отрицание режима; барьеры внутри социалистической оппозиции; потенциальная база оппозиционных сил; формирование объединенного авангарда. Сверхзадачей документа объявлялось создание идейной платформы для объединения разрозненных течений перешедшей после начала «нормализации» на нелегальное положение чехословацкой социалистической оппозиции.

Несмотря на значительную гетерогенность «потенциального блока» социалистической оппозиции, его единая политическая направленность, по мысли лидеров ЧДАС, могла стать общей платформой сплочения — отрицание режима и борьба за «новую модель социализма, соответствующую чехословацкой демократии, гуманистическим традициям и специфическим общественным условиям». Во главу угла своей деятельности ЧДАС ставило именно «радикальное устранение режима». «Мы, — подчеркивается в документе, — ведем борьбу за отрицание режима, а ни в коем случае не за его сохранение в какой-либо улучшенной, „демократизированной“ форме»⁷. ЧДАС выдвигало четкую задачу ликвидации «режима нормализации», формулируя бескомпромиссно требования борьбы с ним. Брненские социалисты сразу же поставили все точки над «i», назвав себя «оппонентами бюрократического социализма» и объявив борьбу за свержение «сформировавшегося в ЧССР тоталитарного режима». «Ни у кого, — заявляло ЧДАС, — не должно оставаться ни тени сомнения в том, что никто из нас не желает кокетничать с режимом. Отрицание режима нельзя избежать ни половинчатыми формулировками нашей позиции сегодня, ни тем более в периоде, о котором мы размышляем, половинчатыми действиями»⁸.

Обосновывая необходимость разработки программы, представители ЧДАС подчеркивали: «Сегодня крайне необходимо иметь продуманную и обоснованную программу, принятую всеми составными частями формирующейся социалистической оппозиции (курсив мой. — Э. З.)». Разработка такой программы не представлялась возможной без

преодоления диффузного характера социалистической оппозиции. В документе неоднократно отмечались факты ее «плюрализма», «различного генезиса инициативных групп социалистической направленности — от марксистских трактовок, чешского социализма масариковской ориентации до христиански мотивированного социализма»⁹. Именно поэтому в качестве важнейшего условия на пути к разработке «актуальной, конкретной программы стратегии и тактики оппозиции» ЧДДС считало «успешное завершение периода необходимого идейного и мировоззренческого сближения» всех ее составных частей. Смысл всех предпринимавшихся оппозицией шагов сводился к следующему: ускорить формирование новой политической силы, которая «в определенной фазе могла бы выступить с программой демократического социализма, разработать его позитивную (рабочую) политическую программу, могла представлять ее в качестве реальной репрезентативной силы и которая была бы полна решимости и готова добиваться реализации этой программы всеми революционными средствами, которыми располагает малый народ против сильных мира сего»¹⁰. Следовательно, «Малая программа действий ЧДДС» должна была, по замыслу своих творцов, выполнить главную миссию — создать условия для объединения «демократической социалистической оппозиции» против «режима нормализации» на общей платформе.

Чехословацкая социалистическая оппозиция, по мысли составителей документа, «должна так или иначе формироваться как *новое политическое движение* (выделено в документе. — Э. З.), нетрадиционное как в идейном, так и в организационном плане». Что же собой представляла идейная платформа, на которой предполагалось проводить объединение? С одной стороны, «Малая программа действий ЧДДС» отдавала дань Пражской весне, оценивая ее как «один из периодов, достойных того, чтобы сегодняшняя социалистическая оппозиция из него исходила». В то же время социалисты указывали на «слабые стороны, ошибки и иллюзии» Пражской весны, считая именно их «непосредственным источником» всех своих «принципиальных размышлений»¹¹. Задачу тем самым они видели в учете и преодолении в своих программных установках негативного опыта Пражской весны.

ЧДДС ставило в вину лидерам Пражской весны в первую очередь то, что чехословацкое послелянварское движение «не сумело стать антибюрократической революцией»¹². Это движение не смогло «объединить на новой основе все решающие антибюрократические силы», «провести жесткое разграничение фронтов и акторов нового исторического конфликта». Своей половинчатостью оно «в конце концов даже способствовало переходу некоторых значимых составных частей революционного движения в состояние пассивности»¹³. Можно утверждать, что в документе со-

держится полемика с «Малой программой действий СДЧГ», попытка преодоления разногласий по целому ряду принципиальных вопросов, одним из которых являлась оценка Пражской весны, попытка выработки общих программных установок. Не случайно свою «Малую программу действий» брненские социалисты назвали «программой идейного объединения авангардной социалистической оппозиции»¹⁴, т. е., будучи названной одинаково с документом СДЧГ, она выражала претензии на более широкую перспективу.

Выход из создавшегося положения «Малая программа действий ЧДДС» видела не в преемственности с идеями Пражской весны, а в «новой авангардной ориентации», подразумевая под «авангардом» * такое движение, которое «может возникнуть лишь как итог сконцентрированного политического усилия определенного характера и которое могло бы стать носителем ценностей, наполняющих смысл чехословацкой истории». Его можно по-новому актуализировать как «борьбу за суверенитет государства, суверенитет культуры и языка, суверенитет в определении общественного характера наших публичных дел. И даже если в привычку ликвидаторов этих ценностей входит разгром в первую очередь авангарда народа, мы знаем, что это все же не приведет к гибели народов — их лишь заставляют замолчать. Со временем авангард сформируется снова и превратится в реальную политическую силу»¹⁵.

В документе сформулированы организационные принципы чехословацкой социалистической оппозиции. «Нынешнему тоталитарному режиму, — указывается в нем, — нельзя нанести поражение иначе, как революционным выступлением организационно объединенного, дееспособного движения, представленного новой, нетрадиционной политической формацией». Такой «нетрадиционной политической формацией» в документе назван «новый авангард» — Чехословацкое движение за демократический социализм, задача которого заключалась в «интеграции всех эмансипированных прогрессивных сил, проявляющих заинтересованность в подобного рода тесном сотрудничестве». Вместе с тем «новый авангард» должен с уважением относиться к различным идейным концепциям, чтобы каждый имел право на «свое собственное лицо». «Интеграция на этой основе, — говорится в «Малой программе действий», — некое „единство в многообразии“, как оно сформулировано итальянскими коммунистами, нельзя было бы назвать слабой стороной чехословацкой социалистической оппозиции»¹⁶.

Тем самым на первой фазе борьбы против «режима нормализации» ключевая роль отводилась общенародной мобилизации и откры-

* Из «Малой программы действий», представленной СДЧГ, Вурм позаимствовал термин «авангард», вкладывая в него совершенно иной смысл. См.: Pernes J. Op. cit.

той борьбе за власть, организационному единству революционных сил. В ходе второй фазы (после внутреннего и внешнеполитического обеспечения итогов антибюрократической революции) планировалось формирование — уже в демократических условиях — политической системы, но при этом ЧДДС категорически выступало против заведомого предопределения его модели. Возврат в этой фазе к политическим партиям тоталитарного периода либо первых послевоенных лет квалифицировался в документе как «нелогичный и слишком сентиментальный шаг в прошлое, которое безвозвратно утрачено»¹⁷.

Задача конституирования новой политической силы и сама цель отрицания режима требовала, по мнению лидеров ЧДДС, создания в относительно краткий срок инициативных групп, которые могли бы принять предложенную концепцию нетрадиционного авангарда в качестве «временного, но уже вполне дееспособного руководящего центра». Цель создания «антибюрократического центра» — координация позиций и деятельности сил, которые «могли конституироваться и спонтанно присоединиться к оппозиционной деятельности нового авангарда и одновременно активно и продуманно пробуждать к жизни все потенциальные очаги свободной политической деятельности во всех значимых центрах — городах и заводах».

«Малая программа действия ЧДДС» намечала следующие стадии развития социалистического движения: заключение идейного соглашения, которое позволит преодолеть разногласия и объединить социалистическую оппозицию, разработку «Актуальной программы», которая после соответствующих уточнений и корректировок должна стать некой прелюдией к созданию «Позитивной политической программы», работу над которой можно вести, как подчеркивается в документе, лишь в демократических условиях суверенного, свободного государства¹⁸.

Вторая часть «Малой программы действий» названа «К вопросу о формулировке общих программных целей» и состоит из введения и шести разделов. В форме декларативных тезисов в ней представлены программные установки, которые составляют содержание генерального идейного соглашения: суверенитет и нейтралитет государства; внешнеполитические отношения, новая культурная ориентация, христианство в демократическом обществе; социализм; политическая демократия. В разделе «Социализм» в свою очередь выделены следующие параграфы: а) социализм — демократия во всех сферах; б) равенство условий — социальная защита; в) национализация; г) принятие совместных решений, самоуправление — профсоюзы; д) эффективность экономики. «Социализм для нас, — подчеркивается в документе, — перманентное стремление к такому устройству общественной жизни,

которое создает оптимальный простор для наиболее полного развития человеческой личности. Этой цели должны быть подчинены все факторы, регулирующие политические, экономические, социальные, психологические и культурные условия самореализации — говоря словами Маркса — цельного человека». «Мы отличаемся от несоциалистических политических направлений тем, что намереваемся реализовать демократические принципы не только в сфере политической системы, но и в общественной жизни в целом. Демократия для нас не заканчивается перед воротами заводов: она должна проводиться в жизнь повсюду, где трудящийся человек создает материальные и духовные ценности современной цивилизации. Следовательно, социализм является в первую очередь этическим взглядом на человека и на современный мир»¹⁹. Тем самым, в отличие от бывших коммунистов-реформаторов из СДЧГ, социализм для брненских социалистов не являлся идеологией или закрытым общественным строем²⁰.

Необходимость динамичного развития экономики, в первую очередь возрождение отстававшей от развитых западных стран чехословацкой экономики, по мнению составителей документа, «будет предъявлять повышенные требования к социальной защите трудящихся». При этом общественная собственность на решающую часть средств производства названа в документе «незыблемой исторической реальностью»: «то, что было национализировано, отобрано или „добровольно“ передано, уже никогда не будет возвращено собственникам». Вместе с тем «Малая программа действий ЧДАС» утверждала, что национализация — не самоцель и не формальная реальность. «Бюрократический социализм, — подчеркивалось в документе, — не изменил отношения непосредственных производителей к заводам, на которых они работают. Необходимо по-новому урегулировать взаимоотношения народных предприятий и государства, обеспечив эффективное влияние занятых на структуру и работу заводов». В связи с этим планировалось создание во всех сферах народного хозяйства органов самоуправления в качестве высшего представительства трудящихся, ответственных перед ними и ими избранных. «Эти „Советы трудящихся“, — подчеркивалось в программе, — не должны ради собственных интересов (это следует закрепить в уставе) ни замещать, ни вмешиваться в профессиональное руководство предприятиями. На состав и деятельность этих органов большое влияние должны оказывать профсоюзы. Однако данные органы должны оставаться представителем коллектива рабочих и никоим образом не зависеть от решений, например, вышестоящих профсоюзных органов. Профсоюзы не должны быть ответвлением некоей партийно-политической формации. Смысл их деятельности — всесторонняя защита интересов трудящихся, осу-

ществование общегосударственной координации в качестве независимой общественной силы». Следует особо отметить, что сходные мотивы критики бюрократического социализма и упования на Советы трудящихся звучали в документах не только СДЧГ, но и ДРМ.

В программе ставится проблема повышения эффективности экономики, которая может быть достигнута «на пути создания новой модели управления народным хозяйством, синтеза рынка и плана, в котором будут преобладать элементы экономического давления на производителя»²¹. «Новая организация, — отмечалось в документе, — научной, исследовательской и проектной деятельности, как и новый тип управления предприятиями должны обеспечить экономическую рентабельность, гибкое и своевременное реагирование производства на нужды рынка и перманентное введение различного рода инноваций». Подчеркивалась значимость инициативы не только в государственном секторе, но и ее влияние на развитие «кооперативного сектора и частного предпринимательства там, где данная форма экономической активности представляется рентабельной и полезной для общества». Речь шла также о создании условий для развития трех форм собственности в экономике, а также о правовой гарантии их деятельности, которая должна в свою очередь подлежать общественному контролю²².

Не менее интересен раздел «Политическая демократия», включающий параграфы: а) гражданские права и свободы; б) парламентская демократия и контроль власти; в) отношение политических партий к другим организациям. В нем отмечается, что главной потребностью современного человека является «совокупность свобод» — свобода объединений, свобода печати, свобода убеждений и слова, свобода передвижения. Акцент в нем ставился на превращении Чехословакии в правовое государство с объективной и независимой судебной системой, конституционными гарантиями гражданских прав²³. Обеспечение гражданских свобод непредставимо без парламентской демократии. Вместе с тем, по мнению составителей программы, ее система «на развалинах полицейского государства не может быть построена немедленно и непосредственно». В документе говорится, что «в первой фазе антибюрократической революции не избежать сверхмощного, авторитарного и также невыборного правительства, которое будет создаваться внепарламентским путем из революционных организаций. Его компетенция будет временно ограничиваться обеспечением внешней безопасности республики и восстановлением нормального хода экономики»²⁴.

Поднимается в документе и вопрос о том, что принятие решения о публичных делах не может быть отдано на откуп лишь политическим партиям: «В свободном и современном обществе должно быть гарантировано влияние неполитических организаций, т. е. сословных, профес-

сиональных, местных и др. Установленные конституцией полномочия органов самоуправления и сословных организаций, как и широкая децентрализация административного управления на уровне первичных территориальных единиц, должны развиваться в направлении нового типа управления государством и обществом». Разумеется, разъяснялось в документе, политическим партиям нельзя будет запретить оказывать определенное влияние на эти организации, однако введение правовых гарантий не позволит превратить эти организации в зависимые ответвления партийной политики.

В заключительной части программы «К некоторым вопросам организации и тактики» отмечалось, что процесс формирования действительно «нового политического движения» будет тем успешнее, чем больший вклад внесут инициативные группы и чем больше сами они «будут превращаться в открытое в мировоззренческом отношении, недоктринальное объединение активных людей»²⁵. И. Пернес обнаружил в программе ЧДДС определенный поворот от социалистических ценностей к ценностям плюралистической демократии.

В целом «Малую программу действий ЧДДС» можно охарактеризовать как довольно эклектический набор идей и установок, в которой тем не менее просматривается магистральный курс — попытка не только выйти из порочного круга бюрократического социализма, но и противопоставить ему качественно иную модель. Данная модель, как представляется, являла собой нечто среднее между идейными принципами, главным образом практикой Пражской весны (Советы трудящихся и др.), и доктриной дофевральской ЧНСП, инспирировавшей, по-видимому, ряд положений, разделявшихся частью брненских социалистов. Однако дальше разработки программы дело не пошло, конкретная деятельность ЧДДС вплоть до его разгрома ограничивалась распространением материалов оппозиционного содержания и эмигрантских изданий. Главная цель, которую ставили перед собой социалисты, — оказать влияние на менталитет чехословацкого общества и найти в нем поддержку своей программе²⁶.

31 января 1972 г. были арестованы Я. Мезник, М. Шилган, Я. Шопф, З. Покорны, А. Выроубал, П. Вурм, Я. Потмешилова, О. Швенда. Политический процесс против них стал неотвратимым, укрепляя логику противостояния в стране.

Таким образом, фракция Гусака устранила из позиций власти представителей реформистского крыла КПЧ, укрепив «режим нормализации» (правда, все были убеждены в том, что она могла победить только при поддержке СССР и оккупационной армии). Поскольку большинство населения не соглашалось с политикой «нормализации», сразу же начала формироваться оппозиция, которая в тех условиях могла действо-

вать лишь нелегально. Ее социальную базу составляли политически активные граждане 1968 г.; среди них самыми многочисленными являлись экс-коммунисты. Вместе с тем в чехословацком оппозиционном движении выкристаллизовывались и другие направления с иными, нежели у бывших коммунистов-реформаторов, программными установками.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Pernes J.* Op. cit. S. 132.
- 2 *Ibidem.*
- 3 *Ibid.* S. 133.
- 4 *Ibid.* S. 140–141.
- 5 *Otáhal M.* První fáze opozice... S. 27.
- 6 Текст документа был впервые опубликован М. Отагалом в 1995 г. См.: *Otáhal M.* Malý akční program... S. 378–398. По его словам, имеются две версии «Малой программы действий ЧДДС», незначительно отличающихся друг от друга. Одна из них, хранящаяся в архиве Чехословацкого документального центра в Шейнфельде, была передана ему В. Пречаном; вторую версию Отагал получил от П. Вурма 22 ноября 1994 г. Подробнее см.: *Otáhal M.* Malý akční program... S. 376–377.
- 7 *Otáhal M.* Malý akční program... S. 384
- 8 *Ibidem.*
- 9 *Ibid.* S. 378, 382
- 10 *Ibid.* S. 379.
- 11 *Ibidem.*
- 12 *Ibid.* S. 380.
- 13 *Ibid.* S. 381.
- 14 *Ibid.* S. 390.
- 15 *Ibid.* S. 381.
- 16 *Ibid.* S. 385.
- 17 *Ibid.* S. 383.
- 18 *Ibid.* S. 390–391.
- 19 *Ibid.* S. 393.
- 20 *Ibid.* S. 376.
- 21 *Ibid.* S. 395.
- 22 *Ibidem.*
- 23 *Ibidem.*
- 24 *Ibid.* S. 395–396.
- 25 *Ibid.* S. 396.
- 26 *Otáhal M.* První fáze opozice... S. 22.

§ 4. РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ОППОЗИЦИИ: МАСШТАБЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Сутью «режима нормализации» являлся возврат к советской модели социализма. Поэтому руководство Гусака поначалу считало самым опасным противником именно оппозицию, которая являлась сторонницей идей реформистского социализма и объединяла в первую очередь экс-коммунистов. Ее ликвидация стала важным условием «наведения порядка»; примерно по такой же логике действовали «твердокаменные» большевики, наиболее злостными врагами которых считались «мягкотелые» меньшевики; остальным «врагам» при этом уделялось второстепенное внимание.

Избавиться от оппозиции новая правящая группа могла только административными и силовыми методами, поэтому политические процессы стали неизбежными. Расправа «режима нормализации» с социалистической оппозицией в 1971–1972 гг. и последующая ее дезинтеграция привели к тому, что она стала терять статус ведущей силы в борьбе против «режима нормализации».

Значительные отличия существовали между двумя оппозиционными волнами и относительно их характера. Так, до 1972 г. оппозиция носила ярко выраженный политический характер, поскольку цель ее заключалась в устранении «режима нормализации». В качестве средства достижения выдвигавшейся цели объявлялась борьба с режимом. Что касается других независимых инициатив, то в качестве главного стратегического инструментария они избирают диалог с властью, требуя от нее выполнения законов чехословацкого государства.

Оппозиция в 1971–1972 действовала в период, когда не имелось объективных причин для ее деятельности: «Граждане, — по словам М. Отагала, — капитулировали и приспособлялись к новым условиям. За долю в экономической стабилизации они отказались от активного участия в общественных делах. Ни программа реформаторского социализма, ни призывы к политическим акциям, какими являлся бойкот выборов, уже не могли оказать влияние на их позицию. С этой точки зрения деятельность оппозиции в значительной мере проходила без надежды на успех»¹. Несмотря на неблагоприятные объективные условия, оппозиция своей деятельностью попыталась приостановить процесс деморализации населения, доказать стране и миру, что в Чехословакии имеются силы, не смирившиеся с поражением и готовые бороться за свободу, даже если за это придется заплатить высокую цену.

Удар по оппозиции в 1972 г. явился самой масштабной акцией «режима нормализации» со времени августа 1968 г. против недовольных граждан. 47 человек, которые в июле–августе предстали перед судом, были осуждены в общей сложности на 118 лет лишения свободы.

М. Гюбл получил 6,5 лет лишения свободы, Я. Шабата — 6,5 лет, Я. Тесарж — 6 лет, И. Мюллер — 5,5 лет и т. д. Многих авторов нелегальных материалов отправили в тюрьму за участие в их распространении, но некоторые, правда, оставались на свободе, поскольку, как следовало из материалов суда, они (например, И. Мюллер, Я. Йира) отказались сообщить имена своих соратников. Полученные заключенными большие сроки являлись, по словам Гавела, «актом политической мести: режим по праву чувствовал в них свою оппозицию, знал, что они не сдались, он расправлялся с ними, как с людьми, потерпевшими поражение, но отказывающимися вести себя в соответствии с этим. После серии процессов над этими людьми дальнейшие процессы не последовали, и все свидетельствовало о том, что заключение останется лишь крайней угрозой и что властям удалось изобрести более тонкие инструменты манипуляции обществом»².

Следует особо подчеркнуть, что процессы прошли после XIV съезда КПЧ и после выборов в представительные органы в ноябре 1971 г., которые, согласно утверждениям пропаганды, явились выражением единства коммунистической партии, ее руководства и общества. Трагичным для оппозиции было то, что, хотя итоги выборов могли быть сфальсифицированы, все же в целом они подтвердили: большая часть чехословацкого общества постепенно приспособилась к новым условиям. Она жила «при социализме», не заботясь особо об идеалах социализма — даже «с человеческим лицом».

Тем не менее сам факт существования граждан, не смирившихся с «режимом нормализации», не выглядел от этого менее устрашающим, а то, что даже перед судом некоторые обвиняемые отрицали ценности не только коммунизма, но и социализма, внушало властям дополнительную тревогу. Действительно, когда Я. Тесарж на суде заявил, что он является «противником коммунизма», а Я. Мезник объяснял свои поступки тем, что «считал безнравственным терпеть без сопротивления правительство, которое он считал несправедливым»³ — это выглядело как потрясение основ. И хотя оппозиционное движение представлялось небольшими группами, влияние которых на население было незначительным, власти считали их серьезным препятствием на пути к полной и окончательной «нормализации».

Цель политических процессов — сломить любое сопротивление, вызвать страх у населения и окончательно покончить с оппозицией — была практически достигнута: преследованиям ведь подверглись в первую очередь бывшие «свои» и сравнительно небольшая часть «чужих», т. е. некоммунистов.

Были осуждены люди самых различных политических взглядов и гражданских позиций: экс-коммунисты, например, бывшие члены

ЦК КПЧ М. Гюбл, Я. Шабата, А. Черны; члены обкомов КПЧ Я. Литера, З. Пржикрыл, К. Кинцл, А. Русек; один из лидеров Клуба беспартийных активистов (КАН) Р. Баттек; историки Я. Тесарж и К. Бартошек; представители Евангелической и Чешско-братской церкви (например, патер Дус), философ Л. Гейданек; активисты студенческого движения И. Мюллер и Я. Йира, а также дети Я. Шабаты; члены Чешской социалистической партии (представители ЧДДС), объединенные вокруг М. Шилгана. Если рассматривать участников процесса в социальном разрезе, то на скамье подсудимых оказались рабочие, студенты, интеллигенция — представители всех слоев чехословацкого общества.

Разоблачая антидемократическую суть процесса, журнал «Листы» приводил речь одного из его участников. В ней подчеркивалось, что законы Чехословакии — «это не законы социалистической страны, а законы тоталитарного государства. Их целью является сохранить власть для правящей группы. Должно быть ясно сказано, что это относится и к Чехословакии: судить по законам, которые находятся в противоречии с интересами народа, с его нравственным чувством, — это преступление. Нарушать такие законы, ускорять их отмену — это право, а может быть, и обязанность граждан. Положительные стороны социализма нельзя обеспечить закрытыми границами, тюрьмами, лагерями, глушением иностранных радиостанций, страхом перед информацией. Только такой социализм имеет смысл, который не боится обо всем информировать своих граждан, а они имеют полное право участвовать в развитии общества». Именно такой социализм считали приемлемым даже те осужденные, которые придерживались несоциалистических позиций⁴.

В январском номере «Политического ежемесячника» за 1973 год были опубликованы речи Мюллера перед судом⁵, а в самиздате появилась его поразившая всех своей смелостью жалоба в ФС ЧССР о нарушениях закона тюремным начальством⁶. В этом же номере вышел текст петиции писателей от 4 декабря 1972 г., в которой 39 известных писателей обращались к президенту республики Л. Свободе с требованием проявить великодушие по отношению к политическим заключенным. Оно «не может ослабить авторитет государственной власти, а наоборот, свидетельствует о ее гуманизме. Поэтому, г-н Президент, мы обращаемся к вам в это рождественское время с просьбой, чтобы Вы объявили амнистию для политических заключенных»⁷.

Все же даже эту петицию, написанную в лояльных выражениях, вновь образованный Союз писателей объявил «антигосударственным намерением нескольких индивидуумов, скомпрометированных активным участием в подготовке к контрреволюционному перево-

роту», «полных нечеловеческой ненависти к социализму». Официозный журнал по вопросам культуры «Творба» назвал подписавших эту петицию «фалангой воинствующих реакционеров». Четверо из подписавших ее (Климент, Клима, Гавел и Вацулик) в течение нескольких часов подвергались допросу. Просьба об амнистии для И. Мюллера, Я. Тесаржа и Я. Шабаты, А. Русека и М. Гюбла, отправленная президенту в апреле 1975 года 15-ю интеллектуалами, из которых многие являлись известными политическими деятелями, тоже не удостоилась ответа.

Не молчали по поводу процессов и активисты так и не разгромленного окончательно СДЧГ. В своей Декларации СДЧГ, которая вышла к 21 августа 1973 г. — в период, когда его лидеры находились в заключении, — оставшиеся на свободе заявляли о своей приверженности процессу возрождения 1968 г., но ставили уже больший акцент на демократизации, правовых гарантиях основных свобод граждан. Без них, как утверждалось в документе, «нельзя реализовать социалистическую и демократическую национальную и государственную программу, разделяемую большинством чехов и словаков». Безусловно, авторы Декларации понимали, что положение за прошедший с момента учреждения СДЧГ период ухудшилось. Они подчеркивали, что «страна представляет мрачную картину общества молчащих, равнодушных людей, запуганных высокомерием власти, презирающих их молчание, полицейским произволом и полными тюрьмами»⁸.

И все же законспирированные деятели СДЧГ попытались дать ответ на вопрос: что делать в этой ситуации. «Мы знаем, — говорилось в документе, — все накопившиеся в течение лет проблемы нельзя разрешить одномоментно. Мы отвергаем тех, кто не хочет ничего решать, потому что кроме преследования других они ничего не умеют. Однако мы не согласны и с теми, кто выдвигает максималистские требования, хотя все сразу и в полезных компромиссах людей видят предательство идеи. Мы убеждены, что любое, в том числе и частичное, решение наших проблем лучше, чем бездействие, если оно, конечно, не является целью ради цели, но средством к формированию лучшего взаимопонимания и понимания проблем других». Дух Декларации — просьба о взаимопонимании, необходимом для всех. Опираясь на разного рода соображения, авторы документа допускали возможность создания условий для постепенного возвращения исключенных и активистов 1968 года в экономическую, научную, культурную и политическую жизнь, что принесло бы стране огромную пользу. Однако иллюзорность подобного рода надежд в 1973 г. была очевидной.

Характерно, однако, что и они, подобно вышеупомянутым деятелям культуры, считали «чехословацкий вопрос» важнейшей междуна-

родной проблемой, поскольку стагнация и «умерщвление внутреннего развития» препятствовали формированию доверия в мире, которое связывалось с улучшением отношений между СССР и США и успешным началом деятельности Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), а также переговорами о снижении численности войск в Центральной Европе.

Политические процессы и дальнейшие преследования должны были также не допустить сотрудничества внутреннего оппозиционного движения и политически активной эмиграции. Во многом отсюда происходит несоразмерность «преступления» (выпуск листовок, манифестов, заявлений и пр.) и наказания (большие тюремные сроки). Тревожил власть и новый виток становления радикальных левых в Чехословакии, основной составной частью которых стали студенты, испытывавшие влияние «новых левых» на Западе.

Политическая эмиграция стремилась поддерживать оппозицию всеми силами и средствами. Эмигрантские журналы «Листы» и «Сведетви» публиковали важные документы оппозиции, комментировали положение внутри страны и предоставляли место для отечественных авторов. Эмиграция укрепляла связи с политиками и институтами на Западе, мобилизуя западное общественное мнение в поддержку чехословацкого оппозиционного движения.

Однако в целом международные условия не являлись благоприятными для оппозиции. Хотя часть западных коммунистических и социалистических партий критиковала политические процессы в странах «социалистического содружества», отношения между США и СССР выглядели более значимыми. США и Западная Европа выступали с протестами, но не оказывали какого-либо давления ни на СССР, ни на «режим нормализации», поскольку считали события в Чехословакии внутренним делом советского блока⁹.

И все же преследования оппозиции вызвали бурные протесты сил самой различной направленности: они не отличались массовостью, но голос их звучал очень громко. Протестовали отдельные представители коммунистических партий Италии, Великобритании, Австралии, Швеции, Норвегии, Швейцарии. Подняла свой голос в защиту преследуемых Международная конфедерация свободных профсоюзов и др. Нарушение прав человека в Чехословакии резко осудили французские социалисты, а лейбористы-депутаты в этой связи направили запрос правительству Великобритании. Даже из Москвы 37 интеллектуалов направили открытое письмо ФС ЧССР, в котором требовали помимо прочего пересмотра приговоров.

Ряд известных западных интеллектуалов (Р. Гароди, Ф. Марек, М. Теодоракис и др.) призвали к созданию Международного суда, ко-

торый бы «на основе как можно большего числа доказательств пролил свет на методы и цели репрессий в современной Чехословакии, взял на себя защиту обвиняемых и предъявил обвинения обвинителям»¹⁰.

Подобная реакция не могла не насторожить чехословацкие власти, но в целом международное давление не положило — и не могло положить — конец преследованиям оппозиции. Более важно, что западноевропейские коммунистические партии четче поняли суть политики «режима нормализации», а на надеждах возродить в стране «социализм с человеческим лицом» поставили окончательный крест.

«Режим нормализации» упрочил свое положение и уже мог использовать против оппозиции любые силовые и административные средства, причем без опасения встретить сопротивление общества или хотя бы его значительной части. Большинство граждан начало приспосабливаться к жизни в реальном социализме, отказалось от участия в общественных делах и устремлялось в частную сферу.

Политические процессы лета 1972 г. завершили первый этап «нормализации». Действительно, после избрания Гусака (апрель 1969 г.) первым секретарем ЦК КПЧ легальные протесты общества постепенно смещались в нелегальное оппозиционное движение, которое оставалось раздробленным. «Режим нормализации» стремился не допускать массовой оппозиционной деятельности, целью которой являлась борьба против нового политического руководства, ключевую роль в которой играли экс-коммунисты. Именно они считались главным врагом, поэтому политические процессы были ориентированы преимущественно против них. С этого времени подобные процессы стали составной частью активности режима, являя собой продолжение и завершение чисток в партии. В данном аспекте он становился авторитарным, а оппозиция могла действовать в нем лишь нелегально.

Статья «Эмиграция и оппозиция», опубликованная в журнале «Сведецтви» в октябре 1975 г. и суммировавшая опыт предшествующих лет, выявила две тенденции не только в среде коммунистов-реформаторов, но и в оппозиционном движении в целом. С одной стороны, проводившаяся правящим режимом политика предоставления «коллаборационистам» привилегированного положения служила причиной возникновения серьезных различий в обществе, которые выражаются и в идеологической дифференциации. С другой же — не потеряло своей действенности политическое мышление массового движения 1968 года, которое проявлялось в попытке оппозиции объединиться идеологически и организационно. «К сожалению, — сетовал автор статьи, — мы не можем подробно ознакомить вас со взглядами отдельных групп внутри коммунистического движения и

вне его, потому что не каждая группа публикует свои программы на Западе, и, видимо, не каждая группа выпускает столько листовок, как Социалистическое движение чехословацких граждан, и к счастью, только изредка прокурор может обнаружить какую-нибудь известную личность в качестве члена конкретной оппозиционной группы (к тому же он может ошибаться). Кроме того, *все большее распространение получает убеждение прагматической оппозиции, что в настоящий момент „программы не стоят на повестке дня“* (курсив мой. — Э. З.)»¹¹. Действительно, период приобретавших широкое публичное звучание «программ» уходил в прошлое, наступали времена политики «малых дел».

Дальнейший ход событий показал, что подавление оппозиции в 1971–1972 гг. оказало существенное влияние не только на ситуацию в стране в целом и отношение граждан к режиму, но и на логику развития оппозиционного движения. После тюремного заключения, которому подверглись многие экс-коммунисты — деятели «социально близкой» оппозиции (а их преследовали как раз поэтому более яростно, чем прямых противников — по аналогии с ситуацией, когда наибольшими врагами большевиков являлись социалисты-меньшевики), в движении возник некий вакуум. В последующем его начали заполнять интеллектуалы, которые никогда не являлись членами какой-либо партии, тем более КПЧ. Таковых было немного, но тон задавали именно они.

Экс-коммунисты лишались «ведущей» роли в оппозиции, хотя их идейное влияние все еще проявлялось. Вплоть до начала 1989 г. они не выступали в качестве самостоятельной силы, активно участвуя в оппозиционной деятельности в сотрудничестве с другими независимыми инициативами. Попытки «списать» их с исторической сцены, предпринимающиеся не только коммунистами-«властными», но и некоторыми лидерами оппозиции в прошлом и настоящем, вряд ли правомерны.

Стали качественно меняться и программные установки оппозиционного движения. Со временем социализм в какой-либо форме переставал быть составной частью программ ряда его независимых структур, а на первый план в связи с внутренней и международной обстановкой выходила проблема прав человека и гражданина. Все меньше представителей антинормализаторских течений, за исключением части раздавленных режимом коммунистов-реформаторов, в своих программах или воззваниях позиционировали себя сторонниками социализма. Более того, некоторые из них, напротив, стремились к его преодолению с акцентом на демократию и плюрализм в политической и экономической сферах.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Otáhal M. První fáze opozice... S. 33.*
- 2 *Вацлав Гавел. Заочный допрос: Разговор с Карелом Гвиждялой. Перевод с чешского. М., 1991. С. 129–130.*
- 3 Цит. по: *Otáhal M. První fáze opozice... S. 31.*
- 4 Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 69.
- 5 Там же. С. 247–277.
- 6 Там же. С. 229–245.
- 7 *Listy. 1973. № 2. Duben.*
- 8 Цит. по: *Otáhal M. Opozice, moc, společnost... S. 24.* Текст Декларации частично опубликован в: Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 67–68.
- 9 *Otáhal M. Opozice, moc, společnost... S. 32.*
- 10 *Otáhal M. První fáze opozice... S. 31.*
- 11 Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 59–60.

ГЛАВА 3. АНТИНОРМАЛИЗАЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ. НАЧАЛО 1970-Х — СЕРЕДИНА 1980-Х гг.

§ 1. ПЕРЕХОД К НОВЫМ ФОРМАМ ПРОТЕСТА

Прошедшие летом 1972 г. в Чехословакии судебные процессы подвели черту под периодом нелегальной деятельности организованных структур оппозиции. Собственно, с этого момента можно говорить о начале нового этапа в истории чехословацкого оппозиционного движения. Он связан с отходом даже от нелегальных форм политического протеста и поиском новой протестной активности, связанной с появлением диссидентской его составляющей в ответ на ужесточившуюся реакцию властей.

После 1972 г., когда остаточные явления оппозиции были ликвидированы в ходе репрессий (хотя и не столь жестоких, как при и даже после Сталина), наступил жесткий идеологический прессинг. Однако вскоре, уже в 1973 г., в Европе начинаются интенсивные процессы разрядки, связанные, в частности, с Совещанием по безопасности и сотрудничеству (СБСЕ), продолжавшиеся вплоть до принятия Заключительного акта в 1975 г. в Хельсинки. В силу этого протестное движение в Чехословакии стало получать мощную поддержку извне.

Естественно, оно носило не только социалистическую направленность, даже несмотря на то, что партии соответствующей ориентации господствовали в странах Западной Европы. Более того, оно зачастую характеризовалось демонстративным отсутствием любой идеологической окраски, а его носители начали активнее выступать за права человека на основе существовавших в Чехословакии законов. Одним из важнейших пунктов переговорного процесса в рамках СБСЕ были как раз права человека, а это значит, что протестному движению пришла мощная поддержка из-за рубежа.

Как уже отмечалось, не прошли мимо судебных процессов и западные СМИ, акцентировавшие внимание «на невыносимых условиях жизни интеллектуалов, особенно писателей, в ЧССР». Они, по заявлениям западных аналитиков и публицистов, бездоказательно объявлялись главными врагами пра-

вящего в стране режима и к ним явно применялась лишь политика кнута, политика же весомого «пряника» проводилась по отношению ко многим слоям чехословацкого общества. По мнению лидеров КПЧ, это якобы привело страну к чаемой стабилизации. Но голоса из-за рубежа утверждали, что политика «нормализации» опирается на шаткую основу.

Вспоминались и сталинские чистки — на фоне мнимого «народного единства». Правда, западной общественности, у которой еще далеко не прошло очарование Пражской весны, данная ситуация казалась в чем-то преувеличенно катастрофичной, однако метафора возвращения сталинизма при этом извлекалась на свет все реже. Активнее начало использоваться данное французским писателем Л. Арагоном (1897–1982) — сюрреалистом, а затем последователем коммунистической идеи, отвергнувшим ее после оккупации Чехословакии в 1968 г. — определение «Биафры духа»* в ЧССР. Выражение «Биафра духа» впервые прозвучало из уст Арагона для описания гонений в Чехословакии, обрушивавшихся на инакомыслящих и ведущих к полной изоляции от общества всех интеллектуалов, не согласных с политикой КПЧ в 1972 г. На Западе после серии открытых писем активно использовалась и метафора западногерманского писателя Г. Бёлля о том, что современная интеллектуальная жизнь в Чехословакии является «кладбищем культуры». Своими симпатиями к оппозиционно настроенным деятелям культуры ЧССР отличался и известный американский драматург А. Миллер. И все же наиболее удачной оказалась метафора «Биафры духа». Она звучала в зарубежных радиопередачах, возникала на страницах газет, обсуждалась на встречах интеллигенции. «Режим нормализации» в какой-то степени мог чувствовать удовлетворение: репрессии хотя бы частично достигли своей цели. Организованной оппозиции — даже в полулегальных и нелегальных формах — в стране не было.

Однако для создававших режим «идеологической Биафры», как часто бывает в истории, «враг» начал появляться и там, где его не ожидали. Всматривание в пятилетие с 1973 по 1976 г., на первый взгляд, не позволяло обнаружить и малых признаков политической жизни, а тем более объяснить, откуда взялась Хартия 77. А они были, и оппозиция, отказавшись от старых форм противостояния правящему режиму, обрела новые.

Бесконечные чистки и проверки сделали невозможными для коммунистов — представителей реформаторского течения легальные формы протеста, а процессы на длительное время вообще исключили их из общественного деяния. Экс-коммунистические функционеры в

* За 5 лет до этого в Нигерии возникли волнения с целью создания на востоке страны Республики Биафра. В течение трехлетнего их жестокого подавления погибли миллионы граждан, а словом «Биафра» с того времени обозначалась политика ничем не сдерживаемых репрессий.

очередной раз перестали играть уже хотя бы заметную роль в оппозиции, впрочем, не уходя из нее вообще. Но образовавшийся в результате этого вакуум начали заполнять представители других слоев, в первую очередь интеллектуалы, ориентированные на диссидентство. Сменились не только носители сопротивления против «режима нормализации», но и их программы. Выходом из кризиса представлялся не социализм, даже с «человеческим лицом»: на первое место выдвинулись права человека и гражданина. «Оппозиционное движение, — пишет М. Отагал, — утрачивало и свой политический характер, его целью не столько являлась борьба за отстранение руководства Гусака, сколько диалог с властью на других основаниях»¹.

Все четче вырисовывались контуры того, что несколько позднее было названо «неполитической политикой» и представляло собой совершенно новое явление в антинормализационном движении в Чехословакии. Период, в котором оно действовало, не выглядел благоприятным и для этих новых видов активности. Политические процессы, которые завершали этап «завоевания и упрочения власти», не встретили активного сопротивления общества. Все же это не означало, что с ним все согласились и что народ уже окончательно «безмолвствует». Стали появляться группы граждан, которые не смирились с реальным социализмом, тормозили процесс деморализации общества, выдвигали новые инициативы. Опыт, который они получили в пятилетие с 1972 по 1976 г., мог использоваться в диссидентском движении в дальнейшем.

Что же поддерживало «режим нормализации» и сдерживало массовое недовольство в Чехословакии? Почему социалистическая и любая иная оппозиция утрачивала свой напор — ведь в соседних Польше и Венгрии она оставалась весомой силой: стимулируя движение «Солидарность» в первой и давая импульсы реформам даже внутри правящей партии во второй? Ответ на этот вопрос заключается в успехе политики экономического патернализма. Чехословакия перестала выдвигать амбициозные проекты форсированной научно-технической революции, одобрявшейся в прошлом многими коммунистами-реформаторами, и становилась «витриной социализма» в плане потребления.

Правящий режим решил политический кризис силовыми методами. Это позволило ему после 1972 г. приступить в относительно более благоприятных условиях к «нормализации» жизни общества с опорой на экономическое благосостояние, которое определяло и стабильность в политике. Конечно, эта «благородная» цель определилась и получила благословение Москвы не от хорошей жизни. Она явила собой стратегию на «большой гуляш» (если вспомнить метафору о характере социализма в Венгрии) да еще с добрым дешевым пивом... Поскольку политическое руководство не имело массовой поддержки населения,

оно не могло позволить пойти на меры, приводившие к падению социального и жизненного уровня.

Уже в конце 1969 г. народнохозяйственная комиссия в качестве непосредственной цели экономической политики провозгласила «обновление снабжения населения, обеспечение стабильности экономических отношений и социальных гарантий». Более широкая цель — создание предпосылок для дальнейшего повышения производства и использования национального дохода в интересах повышения жизненного уровня и расширения социальных гарантий населения — обосновывалась уже с начала 1970-х гг., а главное — небезуспешно реализовывалась.

Правда, эта линия проходила непросто. Отказавшись от экономической реформы, начало которой положила Пражская весна, «режим нормализации» вернулся к административно-командной системе управления и планированию экономики по советской модели. Экономические трудности разрешались в основном административными мерами. Хотя производительность труда удалось повысить в результате улучшения трудовой дисциплины, усиления материальной заинтересованности и обновления различных форм соревнования (причем она росла быстрее, чем зарплаты, за исключением тяжелой промышленности)², экономика ощутимых подъемов не испытывала. Однако ее стабилизации хватало для того, чтобы приступить к построению потребительского социализма. В 1969–1975 гг. выросли доходы, личное и общественное потребление, смягчились некоторые социальные проблемы, например, положение пенсионеров, улучшилось положение молодых семей и семей с детьми, получавших средства на устройство домашних хозяйств.

Не менее важным для укрепления стабильности и усиления потребления явилось то, что для части населения после чисток и выезда почти 130 тыс. высококвалифицированных сотрудников в эмиграцию открылись новые возможности. На освободившиеся места в политическом и государственном аппарате, экономических, культурных и научных институтах, образовании, СМИ и других сферах пришли менее квалифицированные, но более амбициозные люди, в основном молодые работники, перед которыми неожиданно возникла перспектива карьерного роста. Этот слой служил одной из опор «режима нормализации».

Стабилизационные мероприятия в экономике способствовали ослаблению недовольства населения. В итоге уже в середине 1973 г. коммунистические функционеры констатировали: «Достигнутые благоприятные итоги в развитии экономики упрочили доверие населения в правильности экономической политики, складываются благоприятные условия для повышения политической, трудовой и гражданской активности и тем самым укрепляются предпосылки для повышения инициативы при решении

ключевых экономических проблем»³. При всей нескритичности данного заключения момент успокоенности оно все же зафиксировало.

Тактика центральной власти давала определенную возможность населению реализовать себя в экономической и социальной сферах. Население сосредоточилось на удовлетворении своих материальных интересов, на ведении домашнего хозяйства, в большем количестве стали строить дома на одну семью, возрос интерес к дачам («халупам» — далеко не в русском значении этого слова, именно в них в дальнейшем скрывались некоторые представители оппозиции и собирались для обсуждения проблем) и коттеджам (рост со 128 000 в 1970 г. до 250 000 в 1980 г.). Возросло число легковых автомобилей, о которых также надо было заботиться, что отнимало много времени — не только личного, но и трудового.

Предполагалось, и небезосновательно, что большинство населения откажется от демократии, от борьбы за гражданские права и предпочтет материальные ценности, для приобретения которых должны прилагаться немалые усилия. Можно говорить о том, что правящий режим заключил с гражданами некий общественный договор: он избавил их в определенной мере от части бытовых забот, обеспечил достаточно высокий жизненный уровень (в масштабах «социалистического содружества») и предоставил социальные гарантии. В обмен требовалась аполитичность, отказ от участия в общественной и политической жизни — эта сфера должна была стать исключительно делом номенклатуры.

В отличие от Венгрии с лозунгом Кадара: «кто не против нас, тот с нами», — в Чехословакии Гусак основал этот договор на негласном принципе: «кто не с нами, тот против нас». Естественно, что и «гуляш» при этом должен быть пожирнее. Договор, результатом которого было превращение гражданина в потребителя, мог иметь силу лишь до того времени, пока его удавалось проводить при централизованном планировании, но подходящей политике цен, зарплат и дотаций, благоприятных для всего общества. В результате граждане оставались более-менее сытыми и не проявляли страсти к социальным потрясениям, как в Польше. Оппозиционеры в таком обществе неизбежно выглядели некими «чужаками».

Однако ценой высокого жизненного стандарта и уверенности, не подкреплявшихся сдвигами в реальном повышении эффективности экономики, явилась стагнация, а вследствие этого — резкое отставание жизненного уровня граждан Чехословакии от такового в развитых странах. Общественный договор подобного рода рано или поздно должен был потерпеть крах, и оппозиционеры, и в первую очередь формирующиеся диссиденты, это ощущали, но на первых порах благоразумно молчали.

Естественно, что после процессов лета 1972 г. характер оппозиционного движения менялся вследствие всех упоминаемых факторов. Оно ушло с

поверхности как пересыхающая река, но не исчезло вовсе. Более того, оно приобрело качественно новые формы, аккумулируя опыт в первую очередь гражданского неповиновения. И даже изобрело такой феномен, как «неполитическая политика». Идеалы социализма «с человеческим лицом» и без оного в нем не исчезли, а преобразились; все же они неуклонно оттеснялись на периферию протестного движения.

В целом оппозиционеры выражали недовольство государством, но они не высказывали политических протестов публично. Члены небольших групп в большинстве своем состояли из друзей, собирались частным образом, дискутировали о ситуации и задумывались над тем, что делать. Одна из групп сгруппировалась вокруг И. Динстбира. Не создавая формальной организации, она представляла собой свободное объединение друзей. Обсуждались актуальные внутривнутриполитические вопросы, а один из ее участников М. Рейман представил в письменном виде материал, в котором попытался проанализировать положение в СССР. Многие участники других групп являлись бывшими коммунистами (включая З. Млынаржа), сохраняя реформистско-социалистические взгляды, однако на другие группы все большее влияние оказывали идеи либерализма.

Другие неформальные группы возникали на сугубо профессиональной основе. Так, в 1973 г. в Праге и Остраве организовывались литературные вечера или чтения. Наряду с писателями стали собираться, например, историки, которые обсуждали прежде всего профессиональные проблемы, публиковавшие результаты своего труда в самиздате. В рамках театральной жизни все четче оформлялась группа собственно диссидентов, лидером которых стал драматург, автор «пьес абсурда» В. Гавел.

В Словакии в этот период сформировалась группа художников ДП (Дегенерированное поколение; DG — *Degenerovaná generace*). Активизировалось здесь и движение за права человека. Однако более важным стало возникновение небольших сообществ, составлявших базу «тайной церкви»⁴ — ядра будущих массовых религиозных движений в республике.

Переход к «точечным» проявлениям индивидуальных протестов — отличительная черта диссидентского движения в Чехословакии в период 1973–1976 гг. Индивидуальные противостояния «режиму нормализации» приобретали самые различные формы, но встречали одинаковый отпор властей. Одной из наиболее распространенных из них явились открытые письма, которые адресовались партийно-государственному руководству ЧССР, публиковались в самиздате либо же передавались для публикации за рубежом.

С 1973 г. возрастает количество ранее молчавших писателей и интеллектуалов, ученых и религиозных активистов, которые адресовали свои письма, петиции и заявления главным образом социалистическим

и коммунистическим партиям Западной Европы, а также западным деятелям культуры. В числе открытых писем, прокламаций и других форм индивидуального протеста, а также протеста малых групп против прошедших летом 1972 г. политических процессов следует назвать письма известного чехословацкого ученого, специалиста в области ядерной физики Ф. Яноуха. Он был исключен из КПЧ в апреле 1970 г. по обвинениям в оппортунизме, после увольнения Яноух стал безработным и сделал этот факт достоянием гласности, предъявив иск к Институту ядерной физики по поводу незаконного увольнения с работы. По его свидетельству, председатель суда вел первое заседание объективно. Но представитель Института не смог назвать какие-либо причины, оправдывавшие его увольнение с работы, и заседание пришлось отложить. Второй «нормализованный» судья судила не по закону, а по желанию сверху. Обвинения были шаткие. И все же после четырех заседаний и полугодового разбирательства суд подтвердил правомочность увольнения.

В дальнейшем Яноух работал переводчиком технических текстов с русского на чешский язык, не прекращая протестной активности, в частности, рассылкой писем, копии которых (как и стенограммы процесса по увольнению) попадали за рубеж. Ряд писем он направлял инакомыслящим и в другие страны Европы. Кроме этого Яноух написал письма советским академикам Арцимовичу, Боголюбову, Зельдовичу, Леонтовичу, Понтекорво, Тамму, Флерову и Фоку, в которых освещалось положение безработного физика. Первым ответил академик А. Сахаров, который в письме от 10 января 1971 г. писал: «Дорогой товарищ Яноух! Вы, очевидно, забыли вложить письмо в конверт, который я получил пустым. С уважением А. Сахаров, член Комитета прав человека». Второе письмо от Сахарова, отправленное 10 марта 1971 г., было таким: «Дорогой Франтишек Яноух! Я получил Ваше письмо от 15 января вместе с копией первого письма. Простите, что не ответил сразу, но я был последнее время очень занят... Я узнал, что Леонтович предпринимает определенные шаги, чтобы помочь Вам... Если Ваша ситуация не улучшится, то напишите мне снова. Начнем обдумывать дальнейшие шаги. С уважением Андрей Сахаров»⁵. С тех пор контакты Яноуха с А. Сахаровым и Е. Боннер не прекращались⁶.

В конце 1972 г. Яноух адресовал свои письма председателю Верховного суда Чехословакии, а также известным в стране специалистам в области юриспруденции с предложением внестиправки в законодательную систему государства, поскольку «некоторые законы или полностью, или частично не уважают конституционные права граждан»⁷. Он также проинформировал министра образования ЧР о незаконных действиях ректора Карлова университета, запрещавшего публикацию научных работ студентов и преподавателей, исключенных из партии или изгнанных

из университета по политическим мотивам. В письме на имя Генерального прокурора он назвал подобного рода действия антиконституционными и призвал его принять соответствующие меры. Естественно, что это была борьба за право на труд в соответствии с конституционными нормами. Но власти утверждали, что речь идет о подрыве основ социалистического общества, и подобное противоречие явно бросалось в глаза.

1973 год — время вовлеченности Яноуха в кампанию по защите А. Сахарова. 16 сентября газета «Таймс» напечатала его письмо, ориентированное на политические и научные круги. Апеллируя к авторитету Н. Бора и его идеи открытости мира, Яноух утверждал: «Андрей Сахаров дополняет призыв Бора: открытый мир не может стать реальностью без защиты основных человеческих прав, без глубокой демократизации общества. И эту постепенно познаваемую правду профессора Сахаров защищает со всем своим пылом, моральным авторитетом и мужеством, присущим лишь большим мыслителям и настоящим гражданам. Нельзя не согласиться с академиком Сахаровым, что мир в Европе, без поддержки основного решения третьей „корзины“ хельсинкских проблем, дополненной проблемой человеческих прав и демократизации (собственно, некоей боровско-сахаровской „корзины“ проблем), был бы построен на песке и стал бы опасной иллюзией. Мысли академика Сахарова, его глубоко гуманистические послания и призывы к человечеству являются с точки зрения нашей цивилизации жизненно важными. Поэтому считаю предложение присудить Андрею Сахарову Нобелевскую премию мира полностью правильным и поддерживаю его»⁸.

Письмо получило широкий резонанс, но и вызвало очередные нападки на Яноуха. Ситуация для него осложнилась тем, что Европейское физическое общество, получившее приглашение от Чехословацкой академии наук провести в Праге 3-й Европейский физический конгресс в 1975 г. с участием почти тысячи ученых, отказалось от данного замысла. Наука смыкалась с политикой, авторитету же страны наносился урон, с чем власти смирялись уже с большим трудом.

В конце 1973 г. Яноух (вместе с В. Шилганом и Л. Вацуликом) подвергся угрозе уголовного преследования. На эту угрозу он ответил очередным письмом на Запад. Письмо возникло в ходе дискуссий в больнице со смертельно больным Й. Смирковским, который написал и отправил летом 1973 г. свое письмо Брежневу⁹. Позднее Яноух сделал запись своих бесед со Смирковским, в результате чего возникло последнее из семи уже написанных им писем, в которых ученый старался охарактеризовать положение с правами человека в Чехословакии. В 1974 г. все эти письма Ф. Яноуха вышли на Западе анонимно в виде книги на немецком, итальянском, голландском, русском, чешском и иврите.

В самом конце 1973 г. семья Яноухов эмигрировала из Чехословакии. 4 февраля 1975 г. он был лишен чехословацкого гражданства. Одна из главных причин — нападки на социалистический строй в ЧССР и выступления в западных СМИ. В ответ Яноух заявил: «1. Все мои публичные выступления основывались на фактах, правдивость которых я могу документально подтвердить. Мои комментарии и ответы были максимально трезвыми, сдержанными и деловыми. Напоминаю, что, согласно чехословацкому Уголовному кодексу (например, § 112 Угол. код.), только распространение за границей ложной информации о ситуации в ЧССР может служить поводом для судебного преследования. Ваше министерство даже не пытается вникнуть в содержание моих выступлений с точки зрения их правдивости. 2. Мое выступление на отчетном годовом собрании „Амнести интернэшнл“, происходившем 1.6.1974 (довожу до Вашего сведения, что „Амнести интернэшнл“ является международной организацией, признанной ООН и ЮНЕСКО), основано исключительно на документах, которые я в 1970–73 гг. посылал официальным путем нашим официальным органам и которые были частично, без моего согласия, опубликованы за границей. Эти материалы не были использованы ни для уголовного преследования, ни для применения каких-либо административных мер по отношению ко мне. 3. Ваше утверждение, что 4.10.1974 я выступал по радиостанции „Свободная Европа“, неверно. Я не давал „Свободной Европе“ интервью и вообще никогда не выступал по этому радио. Я обратился к дирекции „Свободной Европы“, чтобы она сама это подтвердила. Ответ дирекции я пришлю Вам отдельно»¹⁰. Решение отменено не было.

Деятельность Яноуха являлась лишь одним примером протестной активности в Чехословакии в труднейшие времена укрепления нормализационного режима. Ее особенностью можно назвать акцент на необходимости соблюдения прав человека и апелляции к мировому сообществу в их защиту. Как вспоминает сам Яноух, такая деятельность находила молчаливую поддержку коллег внутри страны, несправедливость же по отношению к нему ощущалась даже со стороны тех, кто вынужден был его преследовать. В целом воспоминания Яноуха передают, насколько тяжелая атмосфера в стране довела над всеми ее гражданами и как трудно было выступать в ней с какими-либо протестами. Однако они не прекращались.

К. Бочек, бывший генеральный менеджер чехословацкой урановой промышленности, в своем открытом письме на имя Г. Гусака назвал лживым его заявление о том, что в Чехословакии не проводятся политические процессы. К. Косик, И. Ледерер и Р. Сланский в конце 1972 г. протестовали против обысков на квартирах и конфискации полицией книг и рукописей¹¹. В 1973 г. писатели Л. Вацулик и П. Когоут в интервью западным журналистам в Праге (западногерманской газете

«Цайт», а также западногерманскому и австрийскому телевидению) открыто говорили о притеснениях в стране деятелей культуры и литературы. Когоут также направил открытое письмо министру культуры ЧР по этому вопросу, где, в частности, говорилось: «Заявления ведущих европейских писателей, таких как, например, Генрих Бёлль, а также многих коммунистов, таких как Арагон, о том, что плоды творческого труда в нашей стране разрушаются, а их авторы преследуются, являются правдой»¹². Историк Я. Тесаржу, одному из политических заключенных, удалось передать из тюрьмы письмо на имя председателя Верховного Суда, в котором он связывал свой конкретный случай с подавлением гражданских свобод в стране в целом¹³.

Характерной чертой этого периода являлось то, что протесты внутри страны, как правило, проходили практически параллельно с акциями за рубежом, которые устраивались с одной стороны — чехословацкими эмигрантами, а с другой — представителями различных слоев западной общественности, включая известных политиков и деятелей культуры. Эти шедшие во встречном направлении акции взаимно дополняли друг друга; складывается даже впечатление об их определенной координированности. При этом в течение периода 1972–1976 гг. можно говорить о значительно расширявшемся их круге как внутри страны, так и за рубежом. На Западе они становились все более масштабными и эффективными, что, конечно же, не случайно.

В качестве примера можно привести утверждение радиостанции «Свободная Европа», которая 30 октября 1973 г. информировала слушателей о развязанной в ЧССР кампании против интеллектуалов, что, собственно, и вынуждало преследуемых апеллировать к европейской и мировой общественности для защиты своих элементарных гражданских прав. Другие западные СМИ считали профессиональным долгом насыщать свои сообщения из страны очередным репортажем о репрессиях, обоснованность и тяжесть которых не всегда подвергалась проверке — доставало упоминания указанной «Биафры».

В начале 1974 г. наметилась активизация протестного движения в ЧССР, связанная с двумя событиями — пятилетней годовщиной саможжения Я. Палаха и смертью Й. Смирковского в январе 1974 г. В это же время, несмотря на разгром в 1972 г. СДЧГ, отдельные представители этой, казалось, прекратившей существование структуры, находясь в глубоком подполье, давали знать о себе, продолжая вносить тем самым свой вклад в критический настрой части чехословацкого общества в целом. Так, весной 1974 г. СДЧГ выступило с Заявлением по случаю пятилетия прихода к власти Г. Гусака. Летом 1974 г. 30 бывших политзаключенных передали письмо в Союз правозащитников и юристов ЧССР в связи с протестом Союза против поправок к конституции в Чили после путча и

свержения правительства С. Альеде. Чехословацкие политзаключенные выразили солидарность и поддержку прогрессивным чилийцам, однако при этом отказывали в праве Союзу выступать с аналогичными заявлениями. «Мы не знаем, — говорилось в письме, — ни одного примера выступления Союза в защиту прав человека, гражданских прав и соблюдения законности в нашей собственной стране»¹⁴. Авторы письма требовали рассматривать свою петицию как «часть общих усилий по гуманизации и демократизации»¹⁵.

Практически параллельно с «точечными» выступлениями инакомыслящих внутри страны или же с определенным интервалом во времени проходили получавшие широкий резонанс акции на Западе. Так, в конце февраля 1974 г. в Париже состоялся коллоквиум об опыте Пражской весны, на котором с докладом выступил западногерманский писатель социал-демократ Г. Грасс. Его выступление содержало поддержку идей демократического социализма, отрицание марксизма-ленинизма, а также призыв к демократическим силам отказаться от сотрудничества с коммунистами-нормализаторами. Помимо Грасса в коллоквиуме участвовали чехословацкие эмигранты Э. Гольдштюкер, И. Пеликан, З. Гейзлар, выступления которых вызвали живой отклик западных СМИ. Участники коллоквиума сошлись во мнении, что в восточных странах не существует свободы, и приняли воззвание, в котором приравнивали Чехословакию к Чили и потребовали вывода советских войск из ЧССР. Особо подчеркивалось, что западные левые силы не только поддерживали демократическую оппозицию в восточноевропейских странах, но и связывали с ней надежды на обновление социализма во всей Европе¹⁶. С подобными взглядами выражали солидарность и набравшие вес еврокоммунисты.

Западные аналитики и журналисты не только предавали огласке акции инакомыслящих в ЧССР, но пытались через их позиции проводить анализ состояния чехословацкого общества. Так, в мае–июне 1974 г. в передачах радиостанции «Свободная Европа» население ЧССР характеризовалось как «дегенерирующее общество», в котором «живет искра надежды» на перемены и лучшее будущее по образцу 1968 года; при этом реальное состояние экономики, социальной сферы и т. п. в стране во внимание не принималось. В частности, в передаче от 2 июня 1974 г. заявлялось, что от чехословацких граждан «не требуется самостоятельного мышления, а только повторение избитых фраз»; что «характерной чертой современности является равнодушие людей»¹⁷. Эти обвинения во многом походили на идеологические клише, которыми была богата жизнь того времени.

Более конкретные попытки определения состояния чехословацкого общества, в первую очередь позиции молодежи, предпринимались

социологическими службами ЧССР. Так, 30 августа 1974 г. консульство СССР в Карловых Варах в документе «Информация о результатах социологического опроса студентов первых курсов высших учебных заведений г. Пльзень» представило весьма любопытные результаты. В нем отмечалось, что в середине 1973–1974 учебного года по заданию идеологического отдела и комиссии по высшим учебным заведениям западночешского обкома КПЧ группа работников провела социологическое исследование в высших учебных заведениях г. Пльзень (в Институте электротехники и машиностроения, а также педагогическом и медицинском вузах).

На вопрос о том, какой общественной системе они отдают предпочтение, 82% студентов высказались за социалистический строй; 86,3% студентов считали, что социализм предоставляет больше по сравнению с капитализмом возможностей для преодоления социального неравенства между людьми; 12,2% опрошенных высказались по этому вопросу неопределенно и лишь 1% отдали предпочтение капитализму. В то же время лишь 46,8% из них считали необходимым формирование у людей научного мировоззрения¹⁸. Достоянием широкой гласности подобные сведения, конечно же, не становились. А «Биафрой духа» такой разброс мнений считать затруднительно: число негативных или уклончивых ответов на вопросы, по которым можно было бы ожидать определенной репрессивной реакции, составляло от 12 до 25%. Поэтому многие протесты и мнения приходилось как бы «дотягивать» до некоего весьма неопределенного стандарта анти-«Биафры» уже непосредственно в западных аналитических центрах и органах печати.

Во второй половине 1974 г. в передачах западных СМИ по-прежнему превалировала тенденция внушить своим слушателям мысль об апатии чехословацкого населения к политике и его склонности к потребительскому образу жизни и безразличии к современной политической жизни. Так, радиостанция «Свободная Европа» утверждала: «Народ безоговорочно поддерживает политику КПЧ, которая создается в Кремле путем нарушения прав человека и превращения его в марионетку путем запугивания»¹⁹. При этом шла речь о «подсознании» чехословацких граждан, в котором сохранялись идеи Пражской весны. Не имея возможности опровергнуть реальные факты, западные аналитики были вынуждены констатировать: «Внутриполитическая ситуация в ЧССР стабильна и режим держит власть в своих руках». Далее признавались «определенные успехи» в чехословацкой экономике, особенно в области повышения жизненного уровня людей. Однако в этом случае западные СМИ утверждали, что жизненный уровень повышается «ценой ограничения свободы и демократии».

Во второй половине 1974 г., когда набирал силу процесс в рамках СБСЕ, в ряде материалов западных СМИ появились прямые высказы-

вания о возможном перевороте в ЧССР (а в конечном счете и в СССР) из-за так называемого «внутреннего разложения, которое усиливается вследствие разрядки напряженности»²⁰. При этом ставка делалась на внутреннюю эрозию в социалистических странах посредством собственного идеологического воздействия в рамках международной разрядки и сотрудничества.

Но это вряд ли впечатляло большинство граждан ЧССР. Рассчитывать на внутреннюю эрозию в социалистических странах посредством собственного идеологического воздействия в рамках грядущей международной разрядки и сотрудничества тоже не приходилось. Поэтому загнанным в подполье и подвергавшимся репрессиям оппозиционерам рекомендовалось не обращаться к населению организовать какие-либо антисоциалистические акции, их призывали к пассивному сопротивлению существующему строю. Главной целью «тихого сопротивления» становилась пропаганда мысли, что «демократический» социализм «с человеческим лицом» является залогом успешного развития общества, а не только достижения материального благосостояния. Подобные идеи высказывали чехословацкие эмигранты И. Пеликан, С. Вольный, Гохман, О. Филип, Л. Пахман и др., доказывая, что идеалы и события 1968 г. не забыты ни в Чехословакии, ни за рубежом. Именно они на первый план стали выдвигать идеалы свободы и демократии, которые, по их утверждению, имели место в Чехословакии только в период Пражской весны и которые подавлялись в условиях «Биафры».

В декабре 1974 г. американский еженедельник опубликовал цикл статей под названием «О современном положении в Чехословакии»²¹. Они представлялись как голос оппозиции, хотя можно обнаружить, что их содержание составлено по лекалам специалистов по ведению «холодной войны». В передачах, которые велись на чешском и словацком языках, в самых мрачных тонах описывалось положение в Чехословакии и еще в более худшем виде рисовалось ее будущее, говорилось, что в стране якобы существует фашистский режим, именуемый социализмом. «Исчезла, — говорилось в еженедельнике, — демократия Млынаржа, экономическая реформа Шика, гуманные идеи Свитака, народная политика Смрковского и дальновидная политика Дубчека. Советское военное присутствие в ЧССР уничтожило эксперимент социализма с человеческим лицом». При этом добавлялось: 50–70% населения страны настроено явно отрицательно к существующему режиму, следующие 20% — пассивны, аполитичны, занимают выжидательную позицию, надеясь на лучшие времена. Надо заметить, что приведенные американцами данные социологических опросов скорее выдавали желаемое за действительное, но можно согласиться с тем, что, к примеру, пятая часть несогласных — достаточное поле для протестного движения.

1975 год открывает новую страницу в развитии движения противостояния «режиму нормализации» в ЧССР. С одной стороны, это был год подписания Заключительного акта СБСЕ в Хельсинки, что, собственно, служило юридическим обоснованием для выступлений инакомыслящих. С другой стороны, в западных СМИ появились документы таких пользовавшихся международным признанием авторитетных лидеров Пражской весны, какими являлись А. Дубчек и Й. Смирковский.

Заявили себе и представители «традиционного» протестного движения, связанного с Пражской весной, — коммунисты-реформаторы. Они существовали латентно, так как «режим нормализации» подавлял любые попытки какого-либо «улучшения» социализма, пересмотра его догматов и др. Надо было заниматься поиском иных опорных точек сопротивления, иных форм протеста. И их появление не заставило себя долго ждать.

В начале 1975 г. на Западе широкой гласности были преданы идеологически ориентированные материалы двух ведущих представителей Пражской весны: «Воспоминания» Й. Смирковского (февраль), которые расценивались как политическое завещание ушедшего из жизни в январе того же года видного коммуниста-реформатора, а также письмо А. Дубчека Федеральному собранию ЧССР и Словацкому Национальному совету (апрель). Распространение на Западе этих материалов, конечно же, не было случайным и связывалось, скорее всего, с такими событиями, как приближение решающей фазы в работе Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (июль–август 1975 г.), а также проводившиеся консультации по подготовке Конференции европейских коммунистических и рабочих партий в Берлине (июнь 1976 г.).

«Внутренняя» эмиграция А. Дубчека продолжалась целых 20 лет, но все эти годы он не оставался «молчащей фигурой», направляя письма-протесты в ФС ЧССР, СНС, прокуратуру, другие инстанции. Чешский исследователь А. Бенчик зарегистрировал около 100 различных проявлений активности А. Дубчека в 1969–1989 гг.: письма и статьи, адресованные партийно-государственным органам ЧССР и стран ОВД, итальянским и др. представителям, интервью корреспондентам зарубежных СМИ и т. д.²² В ряде своих посланий в адрес представителей власти он приводил многочисленные конкретные примеры нарушения своей личной свободы и законности в стране в целом. Так, 31 мая и 29 июня 1970 г. он отправил протест Г. Гусаку, который лишь спустя долгое время ответил ему, что приведенные в письме факты проверены, и было установлено, что МВД никаких мер против него не принимало и не принимает. 8 октября 1970 г. А. Дубчек написал заявление на имя министра внутренних дел, но ответа не последовало. 6 января 1973 г. он направил жалобу генеральному прокурору, но ответа так и не получил.

Однако 14 июля 1973 г. его официально вызвали в МВД Словакии, где в течение трех часов «убеждали» подписать заявление о том, что он проинформирован о лживости и неподтвержденности фактов, приведенных им в жалобе генеральному прокурору. «Разумеется, — пишет А. Дубчек, — я отказался подписать. Такова была судьба моей жалобы Генеральному прокурору. Как можно увидеть из этого письма, органы Министерства внутренних дел не только не прекратили мероприятия, направленные против меня, но продолжают и дальше интенсивно предпринимать их»²³.

В письме от 24 октября 1974 г., адресованном ФС ЧССР и СНС, А. Дубчек протестовал против ограничения свободы личности и выступал в защиту прав человека в ЧССР²⁴. Письмо, распространявшееся в Чехословакии в тысячах самиздатовских копий, оказало глубокое влияние на политическую атмосферу в ЧССР и огромную моральную поддержку самым широким слоям населения. В апреле 1975 г., в шестую годовщину прихода к власти режима Г. Гусака, тайными каналами оно было переправлено на Запад, получив там широчайшую огласку.

Письмо А. Дубчека состоит из двух частей. В первой из них речь шла о личных его ощущениях в условиях постоянного преследования органами госбезопасности и других формах «несправедливости и придинок», приводились многочисленные факты слежки. Во второй — аналитической — части отстаивалась послеянварская политика 1968 г. и проводился критический анализ «режима нормализации». А. Дубчек выводит уроки развития партии и общества в годы «нормализации» или, по его словам, «уроки для будущего»: «Все это может иметь только один результат: моральный и идеологический застой нашего общества и деградация человеческой личности (курсив в оригинале. — Э. З.)». Письмо заканчивается словами: «Паутина опутала всю жизнь нашей страны. И те, кто ее плетут, нуждаются в поддержке и оправдании. Я не могу назвать это иначе, нежели теми словами, какие это явление заслуживает: *это злоупотребление властью и нарушение принципов социализма и принципов партии. Это нарушение прав человека* (курсив в оригинале. — Э. З.)»²⁵. Несомненно, А. Дубчек являлся моральной поддержкой для инакомыслящих, а будущая политика Хартии 77 формировалась в русле неоднократно высказывавшихся им требований, связанных с защитой прав человека и гражданских прав.

Как и следовало ожидать, ответ Дубчек не получил и 1 февраля 1975 г. написал еще одно письмо. В марте 1975 г. он направил послания лидерам ГДР, ПНР и Итальянской коммунистической партии (ИКП) с просьбой обсудить положение в ЧССР в июне 1976 г. на Берлинской конференции европейских коммунистических и рабочих партий. После этого последовала бескомпромиссная и жесткая реакция чехословацких властей: на совместном заседании Центральные Комитетов НФ ЧССР, ЧСР и ССР 16 апреля 1975 г. Г. Гусак осудил подобного рода акции, на-

правленные против руководства страны, и предложил Дубчеку выехать на Запад. При этом предполагалось, что за рубежом он был бы забыт и его ожидала бы судьба других эмигрантов, по крайней мере, письма его не получали бы такого резонанса.

В свою очередь, западная пресса отреагировала на это выступление Г. Гусака, которое в большинстве случаев характеризовалось как «весьма острое». По сообщению ряда западноевропейских агентств, «неожиданная острота и почти ультимативный тон в речи Гусака позволяет сделать вывод, что письмо Дубчека не было единственной акцией против нынешнего руководства». Многие западные газеты писали о кампании против Дубчека в Чехословакии (со ссылкой на «Руде право» и выступления К. Гофмана, Я. Обзини и В. Биляка), при этом сообщалось, что вопрос о ее продолжении и характере будет вынесен на повестку дня пленума ЦК КПЧ.

Мемуары Й. Смирковского и письмо А. Дубчека послужили детонатором нового витка развернувшейся на Западе кампании по гальванизации идей Пражской весны. Выдержки из письма, часто сопровождавшиеся фотографиями Дубчека и комментариями, публиковались на первых полосах западной прессы под кричащими заголовками. Так, эмигрантский журнал «Листы»^{*} не только опубликовал документы, но и подверг их тщательному анализу. Публикацией указанных материалов преследовалась главная цель — доказать ошибочность проводившегося «режимом нормализации» курса. Политический вес мемуарам и письму придавал тот факт, что в обоих случаях речь шла о точках зрения старых коммунистов, которые в западной интерпретации «остались верными идеалам социализма и даже не выступают в своей критике с антисоветских позиций».

О письме Дубчека западногерманский еженедельник «Шпигель» проинформировал своих читателей в конце февраля 1975 г. Помимо его текста западные радиостанции («Свободная Европа», «Голос Америки», «Немецкая волна», «Канада» и др.) передавали комментарии, рассуждения, обзоры печати и др. В комментирование письма Дубчека широко привлекались чехословацкие эмигранты. Так, Штрёбингер в интервью радиостанции «Немецкая волна» 22 апреля 1975 г. заявил, что Дубчек «открыл методы притеснения в ЧССР всему миру»²⁶. По утверждению этой же радиостанции, письмо А. Дубчека вызвало в ЧССР цепную реакцию: в его адрес пришло более 5 тыс. писем, в которых выражалась солидарность с ним и т. п. Гусак, по ее мнению, должен был принимать замечания и со сто-

* В 1970-е гг. сокращенная версия письма появилась (не считая самиздата в ЧССР) в выходившем каждые два месяца в Риме журнале чехословацкой социалистической оппозиции «Листы». См.: Listy. 1975. № 3. Обширные выдержки из письма публиковались во всех крупных странах мира. См.: Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 93.

роны представителей других компартий, «так как семь лет спустя после вступления войск Варшавского договора не удалось сломить широкую политическую оппозицию, активность которой постоянно растет»²⁷.

Конечно, в подобного рода передачах желаемое нередко выдавалось за действительное. Однако остается фактом, что в данный период письма стали одним из ведущих жанров, использовавшихся диссидентами.

Письмо явилось важнейшим стимулом интереса к чехословацким диссидентам со стороны видных западных политиков и деятелей культуры. Так, свой громкий голос в защиту Дубчека подал премьер-министр Швеции социал-демократ У. Пальме, вступивший в полемику с Гусаком. На Западе широко использовались заявления исполкома компартии Великобритании в защиту Дубчека²⁸. Неоднократно к документам обращалась итальянская пресса, в том числе печатные органы коммунистической и других левых партий. Газета «Унита», в частности, неоднократно напоминала о неизменности точки зрения руководства ИКП на события 1968 г. в ЧССР²⁹. Подобная же позиция отстаивалась французскими и испанскими коммунистами.

Активизировались и чехословацкие эмигранты (И. Пеликан, Ф. Яноух, О. Филип), а также представители диссидентства, находившиеся в ЧССР (Л. Вацулик). По их мнению, реформистские идеи Дубчека продолжали жить, а сам он пользовался поддержкой у большинства населения; отсюда и страх режима перед возвращением его к политической жизни. Они считали, что письмо Дубчека Федеральному собранию зафиксировало нарушения основных прав и свобод, гонения на чехословацкую научную и творческую элиту. Как раз в это время Яноух получил от Сахарова сведения о репрессированных в Чехословакии правозащитниках и через него же пересылались из банка Ротшильда, где находились финансовые средства Фонда помощи детям политзаключенных, сведения о том, в какие семьи надо перевести деньги³⁰.

Примером активности западных СМИ являлась западногерманская газета «Генерал Анцайгер», которая в комментарии «Дубчек и Женева» заявляла, что письмо может служить в качестве предупреждения Западу накануне заключительной фазы Европейского совещания о ситуации на Востоке. С ее учетом «было бы лучше, если бы совещание закончилась безрезультатно, нежели Запад должен был бы проглотить пилюлю во имя кажущегося бумажного успеха»³¹. Подчеркивался, однако, «просоветский» характер Дубчека, а также «страх режима перед возвращением его к политической жизни»³².

Западными аналитиками приводились и иные аргументы в пользу доказательства нарушения прав человека в ЧССР. В январе 1975 г. на вопрос о том, кто поддерживает «режим нормализации» в ЧССР, они представили дифференцированные ответы со ссылкой на трудно

фиксируемые социологические опросы. 15% населения, на их взгляд, активно поддерживают «режим», однако в большинстве случаев из «низменных, нечестных побуждений»; большинство — около 60–70% населения — в основном интересовались зарплатой, ценами на рынке, семьей, квартирой, дачным домиком, автомашиной; 15–20% населения, в том числе около 500 тыс. чел., которые были исключены, «вычеркнуты» или вышли из рядов КПЧ, составляли так наз. «потенциальную оппозицию». Лишь малая часть, по их мнению, осмеливалась что-нибудь предпринимать против режима, и только совсем небольшое количество людей (несколько десятков человек) «набирается смелости высказывать свои взгляды перед всем миром»³³.

А поводы к подобного рода выступлениям появлялись все чаще. Именно в 1975 г. на пост президента ЧССР ввиду длительной болезни Свободы ФС ЧССР единогласно избрало Г. Гусака, что свидетельствовало о сращивании партийной и государственной власти — но и выставляло их единого носителя в качестве адресата многих протестов.

Появились новые моменты в содержании «чехословацкого вопроса», связанные с политикой КПЧ в сфере культуры и положением в чехословацкой культуре в целом. Содержание «чехословацкого вопроса» сводилось к следующим моментам: деятели культуры и искусства, занимавшие в кризисный период 1968–1969 гг. продубчекские позиции, подвергались преследованиям со стороны руководства КПЧ и ЧССР, лишались какой-либо возможности творческой деятельности и даже само их существование подвержено опасности. Поскольку же чехословацкая культура находилась в «состоянии упадка», а существующий режим оказался неспособным привлечь на свою сторону художников высокого уровня и тем самым заполнить пробелы, вызванные чистками, то «Биафра духа» является фактом. Высокий ранее уровень чехословацкого художественного творчества представляли в этот период лишь авторы, находившиеся в эмиграции или подвергавшиеся преследованиям внутри страны³⁴. Подобного рода заявления постоянно тиражировались западными СМИ.

Пропагандистская активность Запада усилилась в ходе заключительной фазы СБСЕ. Она являлась и частью отклика на письма, которые инакомыслящие направляли лидерам Чехословакии, а также в западные СМИ и др. К уже известному пакету «чехословацких документов» было подвешено и письмо В. Гавела Г. Гусаку. Письмо, датированное 8 апреля 1975 г., «прорвало молчание интеллигенции, парализованной кровавым концом Пражской весны»³⁵. 13 апреля 1975 г. радиостанция «Свободная Европа» сообщила, что копию этого письма получили корреспонденты западных агентств в Праге.

Главная тема письма В. Гавела — констатация падения страны, которое нельзя скрывать за фасадом спокойной жизни, и мера ответствен-

ности за это руководства. В основе власти, подчеркивалось в письме, цели которой ограничиваются самосохранением путем насильственно навязанного единства, лежит недоверие ко всякому разнообразию, сопротивление неведомому, стремление к однообразию и косности, непреодолимое влечение к статус-кво. «Вопреки всем привлекательным фактам, — писал Гавел, — внутренне наше общество не только вовсе не консолидировано (разрядка в оригинале. — Э. З.), но наоборот, погружается во все более глубокий кризис, который в чем-то даже опаснее всех тех кризисов, какие памятливы нам по нашей новейшей истории»³⁶. После исторических потрясений, продолжал он, и того, как в стране утвердилась нынешняя система, люди как будто утратили веру в будущее, в возможность исправления положения вещей, в смысл борьбы за правду и право. Особенно неприемлемым считался для него «ордер на арест культуры», что может привести и к гибели нации. В заключительной части письма Гавел напрямую обращался к президенту: «На данный момент вы выбрали самый удобный для себя и самый опасный для общества путь, то есть путь внешней видимости ценой внутреннего упадка, путь нарастания энтропии ценой истребления жизни, путь защиты своей власти ценой углубления духовного и нравственного кризиса общества и систематического унижения человеческого достоинства»³⁷. Письмо и отвечало настрою времени общественного разочарования, и опережало его. Гавел вскрыл всю губительность для общества так называемой «нормализации», оно выражало решимость самым радикальным образом противостоять всеобщей апатии. Письмо получило широкий резонанс в стране и за рубежом, его передавали западные радиостанции, сравнивавшие Гавела с А. Солженицыным, ранее призывавшим «жить не во лжи».

Данный и другие документы комплексно излагались в серии передач радиостанций «Свободная Европа» и «Немецкая волна» под общим названием «Письма из Праги» (конец 1974 г. — январь 1975 г.). Подчеркивалось, что автором писем является «бывший функционер КПЧ, бывший профессор университета, ныне — рабочий», что его критика основана на «последовательных марксистско-ленинских позициях» и т. д. Автор, однако, оставался анонимным, что заставляло сомневаться в их подлинности. В эфир была запущена также серия передач «Чехословацкие общественные науки в зеркале консолидации».

В начале 1975 г. в передачах радиостанций «Свободная Европа» и «Немецкая волна» слушателям в Чехословакии рекомендовалось «дальнейшее пассивное сопротивление» и «перезимовка». При этом оппозиция призывалась действовать и внутри партии, что выглядело весьма проблематичным и едва ли возможным после проведенных в КПЧ чисток. Хотя Запад и не допускал возможности «коренного пово-

рота отношений», но стремился вызвать у слушателей представление о возможности постепенных изменений. Какие-либо векторы подобных изменений при этом не упоминались. Зато — и на это надо обратить внимание — наряду с призывами преобразований в духе «социализма с человеческим лицом» все более настоятельно начинает звучать требование «либерализации режима» и «свободы информации».

Рост протестных акций в ЧССР зафиксирован С. Вольны в «Письме друзьям», в котором доказывалось, что впервые в истории международного рабочего движения именно в Чехословакии имеются силы внутреннего сопротивления, которые, опираясь на идеи марксизма, создали там большую угрозу существующему строю. Автор письма стремился внушить своим адресатам, что непобедимость идей «социализма с человеческим лицом» за прошедшие семь лет убедила даже тех, кто после 1968 года встал на сторону властей.

Западными СМИ активно использовались высказывания чехословацких эмигрантов (Яноух, Филип) и представителей оппозиции, находившихся в ЧССР (Вацулик). Так, чехословацкая эмиграция способствовала распространению сведений «о нарушении основных свобод», «гонении на научную и творческую элиту» и якобы связанном с этим «упадке» науки и культуры в ЧССР. Ф. Яноух после пресс-конференции в Вене выступил по австрийскому телевидению по вопросам «идеологического, культурного и морального кризиса в ЧССР». О. Филип убеждал в силе чехословацкой оппозиции, подчеркивая, что она состоит не только из интеллигенции³⁸.

На Западе активно обсуждались и непрекращавшиеся преследования инакомыслящих внутри страны. Так, философ К. Косик написал письмо Ж.-П. Сартру, в котором сообщал о конфискации рукописи его нового философского труда объемом в тысячу страниц. П. Когоут упомянул об этом же в своем открытом письме Г. Бёллю и А. Миллеру. Писатель Л. Вацулик направил открытое письмо Генеральному секретарю ООН, который прибыл в апреле 1975 г. в Прагу на торжественное присвоение звания почетного доктора Карлова университета. Историк В. Пречан отправил XIV Всемирному конгрессу исторических наук в Сан-Франциско письмо, написанное в июле 1975 г., с целью привлечь внимание мировой общественности к более чем сотне имен чехословацких историков, которым была запрещена научная, преподавательская и любая другая деятельность по их специальности³⁹.

Три открытых письма в связи с набиравшим обороты процессом разрядки международной напряженности и ее кульминацией в Хельсинки направили чехословацким лидерам бывший министр иностранных дел И. Гаек, историк Карел Каплан и три ветерана-коммуниста — Ф. Кри-

гель, Г. Секанинова-Чакртова и Ф. Водслонь⁴⁰. Все подобные акции не ускользали из поля зрения западных СМИ.

Письма носили достаточно индивидуализированный и профессионально ориентированный характер. Но они были теми небольшими каплями, которые успешнее точили камень, чем некоторые идеологические заявления. Не в малой степени они повлияли и на выдвижение в качестве одной из ключевых проблем международного коммунистического и рабочего движения на Западе «чехословацкого вопроса». Эволюция «чехословацкого вопроса» в период 1973–1977 гг. такова: до 1975 г. его содержание сводилось к проблематике подавления Пражской весны, гальванизации ее идей и требованиям вывода войск из ЧССР, а примерно с середины 1970-х гг. акцент ставился на анализе внутреннего развития страны и поиске альтернативных моделей и вариантов ее развития. Для этой цели использовались главным образом «чехословацкие документы» — письма Дубчека, Гавела, Косика и др. Именно в этот период итальянские коммунисты намеревались добиваться включения «чехословацкого вопроса» в повестку дня Конференции европейских коммунистических и рабочих партий в Берлине. Более того, «чехословацкий вопрос» представлялся в качестве «основной причины разногласий в рабочем движении»⁴¹. Особо подчеркивалось, что актуальность чехословацких экспериментов еще более возросла в связи с необходимостью обоснования идей еврокоммунизма. Провозглашался тезис, что вмешательство стран Варшавского договора в августе 1968 г. нанесло ущерб международному рабочему движению, с одной стороны, потому что дискредитировало западноевропейские компартии в глазах потенциальных избирателей и политических союзников (т. е. социалистов), с другой — потому, что оно свелось к «яблоку раздора» в подготовке конференции компартий.

1 августа 1975 г. мир подвел итоги Второй мировой войны. Эксперты из 35 государств-участников впервые в истории вступили в многосторонние переговоры «Восток–Запад», увенчавшиеся выработкой Заключительного акта СБСЕ. Он был подписан 35 главами государств и правительств в ходе третьего этапа Сопещения, который состоялся в Хельсинки 30 июля — 1 августа 1975 года.

В тот же день принят Заключительный акт в Хельсинки, и очередная — седьмая — годовщина подавления Пражской весны проходила уже под знаком этого документа, сыгравшего особо важную роль в организационном оформлении чехословацкого антинормализационного движения. Хельсинкский Заключительный акт включал три основные группы рекомендаций, которые принято называть «корзинами». Первая группа рекомендаций («первая корзина») касалась военно-политических аспектов безопасности; в нее входили принципы, которые

ми государства-участники должны руководствоваться в своих двусторонних и многосторонних отношениях (так называемый «декалог»), и меры укрепления доверия в военной области. Вторая группа («вторая корзина») посвящалась сотрудничеству в целом ряде областей, включая экономику, науку, технику и окружающую среду.

Особый интерес представляет третья группа («третья корзина»), затрагивавшая «сотрудничество в гуманитарных и других областях». Эта формулировка охватывала вопросы прав человека в рамках таких подразделов, как «контакты между людьми», «информация», «сотрудничество в области культуры» и «сотрудничество в области образования».

Следует напомнить, что проблема прав человека, долгое время являвшаяся запретной в отношениях между Востоком и Западом, превратилась с принятием Заключительного акта в законный предмет диалога. Исходя из того, что в международных отношениях должно присутствовать «человеческое измерение», приносящее непосредственное благо людям, обязательства в этой области были признаны представляющими законный интерес для всех государств-участников, а не относящимися исключительно к внутренним делам того или иного государства.

Хельсинкский процесс оказал прямое влияние на жизнь народов Европы. Сотни граждан СССР и восточноевропейских стран объединились в группы по наблюдению за выполнением положений Заключительного акта и начали спрашивать со своих лидеров за отступление от принятых обязательств. Таким образом, СБСЕ помогало держать права человека в центре всеобщего внимания и увязывать с прогрессом в этой области сотрудничество по более традиционным вопросам безопасности. Любые примеры проявления противостояния «режиму нормализации» отныне жестко увязывались с вопросами соблюдения принципов Заключительного акта и «сверялись» с ним. В этот период основное внимание западных СМИ стало концентрироваться на необходимости контроля за выполнением обязательств, взятых странами в Хельсинки, и перспективах последствий подписания Заключительного акта. К этому, в частности, призывали бывший премьер-министр Великобритании Д. Хьюм, один из ведущих итальянских коммунистов Дж. Боффа и многие другие.

В целом речь шла о необходимости проведения в Чехословакии либерализации не только по отношению к представителям Пражской весны и оппозиционным интеллектуалам, но и во всей сфере науки и культуры в духе положений Заключительного акта общеевропейского Сопровождающего совещания. В этой связи можно говорить о появившихся новых тенденциях в период после подписания Заключительного акта. СБСЕ возникло в соответствии с постановлением хельсинкского Заключительного акта от 1975 г. и стало одной из форм для проведения дискуссий о нарушении

прав человека. Западные делегации из нейтральных стран и из стран-членов НАТО на встречах в Белграде, Мадриде и Вене и других форумах занимались проблемами нарушения прав человека в ЧССР и требовали их соблюдения. Был принят принцип, согласно которому вопросы прав человека не являются делом внутренней юрисдикции отдельных стран, а предметом международного интереса и темой для международных дискуссий. Дебаты концентрировались вокруг возможностей отдельного лица действовать в защиту своих прав. Цель дебатов — поддержка в различных странах групп, занимавшихся правами человека, в том числе позднее и Хартии 77.

«Чехословацкий вопрос» в августе 1975 г. стал часто использоваться в комментариях западной печати, в которых утверждалось, что Заключительный акт якобы аннулировал т. н. «доктрину Брежнева». Западные СМИ с помощью этого тезиса пытались доказать, что если бы Заключительный акт был принят до кризиса 1968 г. в Чехословакии, то акция интернациональной помощи ЧССР стала бы невозможной и, таким образом, не приостановилось проведение пражских реформ⁴². Итоги Совещания в Хельсинки, по утверждениям западных аналитиков, вызывали потребность в пересмотре формулировок «Уроков кризисного развития», обосновывавших необходимость интернациональной помощи. Они полагали, что в перспективе подобные акции во взаимоотношениях между социалистическими странами будут значительно затруднены⁴³. Конечно же, такого рода утверждения ободряли часть инакомыслящих в Чехословакии, по-прежнему сохранявших веру в идеалы Пражской весны. Допускались даже ее возможные рецидивы не только в ЧССР, но и в других соцстранах. Так, по мнению некоторых западных комментаторов, в ГДР и СССР также могут появиться со временем собственные «Дубчеки»⁴⁴.

Отдельные передачи западных радиостанций можно даже расценивать как определенные инструкции относительно того, как диссидентству следует использовать положения третьей части Заключительного акта, подписанного в Хельсинки, для получения большей свободы. Подобные шаги предпринимались, в частности, еще и потому, что, по утверждению радиостанции «Свободная Европа», чехословацкие граждане никогда не увидят полный текст Заключительного акта. Поэтому в своих передачах она передавала полностью его содержание, несмотря на то, что газета «Руде право» опубликовала полный текст документа.

В этой связи особый интерес вызвал трактат бывшего министра иностранных дел ЧССР И. Гаека, в котором доказывалась противоправность августовской акции с точки зрения принципов Варшавского договора и Устава ООН. «Вмешательство войск СССР при участии Польши, Венгрии,

Болгарии и ГДР в дела Чехословакии 21 августа 1968 г., — писал И. Гаек, — было и остается актом чрезвычайным и далеко идущим не только в истории всей мировой социалистической системы, международного рабочего движения и международных отношений вообще. В тот день встали вопросы, что такое вообще международная социалистическая система, какой характер носят отношения между социалистическими странами, какие нормы для них являются действующими и каково соотношение этих норм с всеобщими принципами и отношениями между народами?».

По мнению Гаека, даже спустя 7 лет не появился удовлетворительный ответ на данные вопросы. Он напомнил слова Генерального секретаря ООН, который назвал интервенцию в Чехословакию «акцией военного превосходства одной из двух сверхдержав, поддержанной своими четырьмя союзниками, против малого государства, которое в сущности было верным членом ее блока»⁴⁵.

20–21 августа 1975 г. радиостанция «Свободная Европа» передавала поэму чехословацкого эмигранта Й. Шнайдера «21-е число под крышкой третьей корзины», в которой акцентировалось внимание на разногласиях между принципами Хельсинкских соглашений и сложившимся в годы «нормализации» положением в Чехословакии. Развивая данную идею, К. Ездинский признавал, что выходом из сложившейся к середине 1970-х гг. ситуации в стране «ни в коем случае не является возвращение к прошлому, не контрреволюция, а реформация или самая действенная революция». В этой связи он утверждал, что принципы чехословацкой весны были перенесены в идеологические постулаты некоторых более трезво мыслящих компартий⁴⁶.

После Хельсинки акции по написанию писем приобрели второе дыхание: они получили в чем-то легальные основания. Чехословацкие диссиденты в них обвиняли в недемократичности уже сам социальный строй в Чехословакии, требуя либерализации по отношению не только к представителям Пражской весны и «оппозиционным интеллектуалам», но и ко всей области науки и культуры.

Но письма не отменяли и другого рода обращений. Так, объемный труд З. Млынаржа адресовался проводившейся в июне 1976 г. в Берлине Конференции коммунистических и рабочих партий. В ней подтверждался тезис о наличии существенных разногласий во взглядах коммунистических партий Восточной и Западной Европы, в первую очередь итальянской и испанской, не исключавших возможности вынесения дискуссии по «чехословацкому вопросу» в связи с тем, что Заключительный акт в Хельсинки самой сутью должен был аннулировать «доктрину Брежнева». «Антиуроки» Млынаржа оказались услышаны лидерами европейских компартий, побуждая их активнее ставить под сомнение политику «нормализации».

С учетом этого усилилась критика «режима нормализации». Так, в комментариях к выступлению Г. Гусака в Хельсинки западные СМИ называли генсека КПЧ и президента страны «представителем режима, установленного путем советского вмешательства против реформистского движения», деятелем, «способствующим усилению советской оккупации Восточной Европы»⁴⁷.

После Хельсинки громче зазвучали требования М. Кундеры и математика Я. Чулика о разрешении на выезд из ЧССР, при этом выражалось сожаление, что речь в Заключительном акте идет не об обязывающем договоре, а всего лишь о совокупности добрых намерений, моральных обязательств и обещаний, что даже включение гуманитарных и культурных вопросов в повестку дня Совещания — результат усилий прежде всего западных стран.

В сентябре 1975 г. к кампании протестов подключились всемирно известные чехословацкие путешественники М. Зикмунд и И. Ганзелка, организовавшие нелегальную пресс-конференцию с пражскими корреспондентами зарубежных газет и сделавшие на ней соответствующее заявление.

20 октября 1975 г. историк К. Каплан направил открытое письмо в адрес президиума ЦК КПЧ, ФС ЧССР и федерального правительства, в котором для реализации предлагались следующие восемь пунктов: расширить экономическое сотрудничество с западными странами и восстановить роль Чехословакии в международном разделении труда; освободить и полностью реабилитировать политзаключенных, прекратить преследования, разрешить свободное продвижение по службе по собственному усмотрению и внести соответствующие поправки в уголовное право; выдавать паспорта всем гражданам и отменить специальные разрешения на выезд из страны; прекратить цензурирование и снять препятствия в международном культурном обмене по политическим и идеологическим причинам, отменить политические дискриминации в области создания и распространения культурных и литературных ценностей внутри страны; положить конец дискриминации деятелей науки, сделать доступной всем научную информацию, гарантировать свободу публикаций внутри страны и за рубежом, разрешить международные научные контакты; отменить государственную монополию в сфере информации, отменить цензуру, разрешить свободное пользование иностранной прессой, прекратить глушение радиостанций; до сокращения расходов на вооружение уменьшить численность вооруженных сил и сократить срок службы в них, демократизировать внутреннюю жизнь в армии, при гарантии гражданских прав и свобод государство перестанет нуждаться в их составной части — полиции. Письмо заканчивалось призывом аннулировать или пересмотреть все юридическо-политические акты, последовавшие после вторжения в 1968 г.⁴⁸

Накануне визита в СССР партийно-правительственной делегации ЧССР во главе с Гусаком на Западе было опубликовано коллективное письмо Ф. Водслоня, Ф. Кригея (который отправил поздравительную телеграмму А. Д. Сахарову по случаю присуждения ему Нобелевской премии, физик же Яноух в числе весьма немногих гостей присутствовал на церемонии его заочного награждения), а также Г. Секаниновой в ФС ЧССР с осуждением августовских событий 1968 г. Бывшие депутаты Национального собрания Чехословакии требовали от ФС ЧССР ратификации двух конвенций ООН по политическим, экономическим, социальным и культурным правам, которые были подписаны 7 лет назад. Они ратифицировались лишь в декабре 1975 г.⁴⁹ Далее они предложили ФС ЧССР в свете принятых в Хельсинки принципов начать переговоры с СССР о выводе советских войск, освобождении всех политических заключенных, прекращении репрессий и преследований, а также внесения поправок в законы, противоречившие Заключительному акту, Декларации по правам человека, конвенциям ООН и Конституции ЧССР.

В интервью корреспондентам шведского радио и телевидения в Праге в октябре 1975 г. З. Млынарж и И. Гаек изложили свои оценки политики КПЧ и обвинили чехословацкое руководство в невыполнении положений Заключительного акта СБСЕ. Они выделили три идеи, впоследствии сыгравшие важную роль в создании Хартии 77: Заключительный акт признает уважаемое государственной властью право каждого на место в обществе; принятые на международном уровне принципы сохраняют силу закона внутри каждого государства — участника хельсинкского процесса; Заключительный акт признает наличие общеевропейских культурных ценностей и гуманитарных традиций. «Сотни тысяч человек, — отмечалось в интервью, — которые отстаивали эти принципы перед лицом военной интервенции, остаются исключенными не только из политической жизни, но им запрещена также и работа по специальности... Сложилась курьезная ситуация: генсек КПЧ торжественно ставит свою подпись под теми самыми принципами, за которые другие были исключены из его партии и из общества»⁵⁰. Эти и другие протесты поддерживались выступлениями в печати эмигрантов. Так, в ФРГ часто публиковались Л. Пахман и О. Филип (газета «Франкфуртер альгемайне цайтунг» поместила его роман «Поединки»); здесь же вышла книга О. Шика «Коммунистическая система власти». Западными СМИ широко рекламировалась книга И. Пеликана «Если меня убьют», в которой прогнозировалось неизбежное столкновение двух течений социализма (догматического и демократического), которое «проявится или в их изменении, или в поражении одного другим»⁵¹. Тем самым движение диссидентов получало более широкий международный резо-

нанс, западной печатью оно именовалось «не только отличной школой отваги, но также и школой национального сознания и международной солидарности»⁵².

Примечательной формой указанной «отваги» стала совместная организация культурных мероприятий, не поддерживавшихся официальными властями. Это художественные выставки, на которых выставлялись картины модернистов, рок-концерты «для своих», постановки новых пьес на камерных сценах, в небольших Домах культуры и т.п. Одной из акций такого рода стало представление в зале ресторана «У Челиковских» в Горних Почерницах 1 ноября 1975 г. «Оперы нищих» Гавела, которую власти разрешили в качестве непубличного мероприятия. Представление прошло беспрепятственно, хотя, как свидетельствовал М. Рейман, некоторые присутствующие в зале узнали своих следователей. Лишь позже против Гавела и актеров была развязана кампания и их преследовала госбезопасность. На это Гавел реагировал 25 декабря 1975 г. новыми протестами⁵³, подчеркивая неизбежность защиты права на культурное самовыражение.

На подобных встречах все чаще собиралось ядро будущих диссидентов и хартистов. Власти же лишь задним числом поняли, что подобные акции могут стать предлогом для собрания людей, не согласных с режимом. Так, их интерес привлекла статья в журнале «Шпигель», в которой представление оценивалось как некая оппозиционно-демонстративная акция. При этом, как позже считал Гавел, она надеялась «смыслом, которого по сути не имела»⁵⁴. Есть основание утверждать, что подобного рода мероприятия все же вызывали и политический резонанс, а соответствующий смысл придавало им не только внимание со стороны западных печатных изданий. Этот смысл заключался в поиске новых протестных форм загнанного вовнутрь протестного движения. Безобидная по форме рассылка писем или постановка пьес зондировали: до каких пределов может доходить несогласие с режимом? Какую степень ненормальности можно обнаружить в «режиме нормализации», опираясь на пьесы театра абсурда (по всей видимости, выбор их жанра диктовался Гавелу не чисто эстетическими соображениями)? Как много может собрать слушателей полуразрешенный концерт рок-музыки, даже проводившийся посредственными музыкантами? Однако поначалу такие акции оставались ограниченными небольшим кругом лиц, которые были недовольны правящим режимом. Позднее они фактически адресовались более широким кругам общественности, которая «расшифровывала» в пьесе, песне язык социального протеста, наделяя его, может быть, и излишними смыслами.

Так подходил к концу 1975 год — сложный, при самой высокой степени «умиротворенности» для властей, и обнадеживающий, не-

смотря на жесткие преследования для протестной части общества. Слово «Хельсинки» выступало раздражителем для одних и паролем неизбежности изменений для других.

1976 год явился временем политической активизации деятелей культуры и искусства, занимавших в кризисный период 1968–1969 гг. продубчевские позиции, а с этого времени обнаружившие, что этого мало в свете новых задач, особенно связанных с защитой прав человека. Они постоянно подвергались контролю со стороны руководства КПЧ, часто заявляли о невозможности творческой деятельности и даже об угрозах своему существованию. Действительно, культура находилась в кризисе, а пробелы, вызванные чистками, ощущались.

Однако считать, что высокий ранее уровень творчества присущ лишь авторам, находившимся в эмиграции или преследуемым внутри страны, тоже было бы неправильным. Более того, создалась ситуация, когда даже надуманные преследования выступали неким «знаком качества» представителей культуры. С середины января 1976 г. внимание на Западе привлекло письмо В. Гавела, адресованное первому секретарю пражского горкома КПЧ А. Капеку и приматору Праги З. Зуске, в котором затрагивались подобные сюжеты. В письме Гавел отрицал политическую направленность своей интерпретации «Оперы нищих» и обвинял в необъективности присутствовавших на спектакле представителей чехословацких органов безопасности. Письмо трактовалось как очередной вызов «режиму нормализации» диссидентством.

Эту же линию продолжили дискуссии по поводу вышедшего в свет специального чехословацкого номера эмигрантского журнала «Континент». Во вступлении, написанном А. Солженицыным, подчеркивалось, что отныне «интеллигенция Восточной Европы говорит единым голосом, голосом страдания и познания», понимая под «страданием» отсутствие свободы слова и либерализма. А Пахман писал о самостоятельной борьбе народов Чехословакии и обращался к прогрессивным силам в Европе с просьбой об оказании помощи и выражении солидарности с борьбой чехословацкого народа. В журнале публиковались материалы ведущих представителей Пражской весны — А. Дубчека, И. Гаека и других инакомыслящих, а также выдержки из литературных сочинений, как подчеркивалось, «подавляемых представителей чехословацкой культуры» — Я. Сайферта, И. Кишмы, В. Гавела, М. Кианского, В. Черны, Б. Грабала, З. Ротрелка, А. Вацулика и др.

Издателями журнала являлись чехословацкий писатель-эмигрант О. Филип и шеф-редактор журнала «Сведецтви» П. Тигрид. По их словам, специздание «Континента» призвано было сыграть роль «окна, открытого в несвободный, разнородный мир нынешней Чехословакии»⁵⁵. Оно также должно сыграть роль «документа, свидетельству-

ющего о том, как живет при так называемом „гуляшевом социализме“»⁵⁶. Специальный выпуск «Континента» преследовал цель — показать «широту духовного и душевного опустошения, которое как чума пожирает Чехословакию»⁵⁷. Журнал активно поддерживал бывших представителей Пражской весны, вдохновлял их на выступления против «режима нормализации».

В августе 1976 г. на Западе с опорой на авторитет Г. Бёлля и Г. Граса планировался выпуск еще одного журнала, пропагандировавшего демократический социализм и ассоциировавшегося со взглядами лидеров Пражской весны, которые ощущали поддержку и со стороны Социалистического Интернационала. Именно по его инициативе в связи с восьмой годовщиной августовских событий 1968 г. были организованы акции-протесты в Нью-Йорке, Стокгольме, Брюсселе, Женеве и других западных городах. Число участников в них было невелико, и закончились они демонстрациями перед зданиями посольств ЧССР. Эта поддержка воодушевляла не только бывших социал-демократов в Чехословакии, но и вызвала интерес к потенциалу идей и инициатив современной социал-демократии.

В акции ставших традиционными августовских протестов вклинивались и внедрялись и мотивы, ориентированные на предстоящие в ЧССР в октябре 1976 г. парламентские выборы. Поле деятельности выглядело весьма широким. Так, радиостанция «Свободная Европа» в течение всего августа призывала чехословацкую молодежь бойкотировать выборы, стремясь убедить ее в том, что и «в Чехословакии настанут времена свободы, если против заправил в ЧССР выступит молодежь путем отказа участвовать в голосовании».

Не прошел мимо предстоящих выборов в ЧССР и ряд политических деятелей Запада. Так, президент США Дж. Форд в одном из своих выступлений во время предвыборной кампании в Нью-Йорке восхвалял «свободные выборы» в своей стране, отметив «трагическую избирательную формальность в ЧССР». Председатель ХДС Г. Коль утверждал: «Уроки Праги забыты. Коммунизм не изменился и выборы в ЧССР также ничего не изменят до тех пор, пока не поднимем в международном масштабе общественное мнение против жесткости коммунистов в ЧССР...»⁵⁸.

В конце августа — начале сентября 1976 г. радиостанция «Свободная Европа» организовала передачу под названием «Очерки А. Мюллера» «Общество, идеология и культура», обличавшего «режим нормализации». Для него, как подчеркивалось в «Очерках», характерны все более углубляющийся моральный и духовный кризис, аполитичность населения, рост числа верующих среди старших и средних возрастов, уход в мистику более молодых граждан, проявление потребительского отношения к обществу как следствие роста мещанских настроений. Все это ведет к не-

заинтересованности народа социалистических государств в политике; углублению недоверия населения социалистических стран к реальности социализма; росту недоверия к коммунистам. Указанные мнения отличались смелостью, имевшей мало аналогов в оппозиционном движении. Мюллер связывал кризисные процессы с неустрашимым в принципе застоём экономики социалистических стран и ростом дороговизны. Более того, он отметил глубокие проявления экономического кризиса также в Польше и ГДР. Автор прогнозировал рост политического кризиса в названных странах, о чем свидетельствовали уже имевшие место забастовки и демонстрации.

Какова же была позитивная программа Мюллера? Выходом из кризисного положения, по его мнению, являлся «гуманный социализм». Именно для его осуществления назревала ситуация в странах Восточной Европы. Однако для этого, по убеждению Мюллера, требовалась большая поддержка и решительность со стороны Запада. Эта решительность должна проявляться через вмешательство с использованием недовольства населения и тесного сотрудничества с теми, кого Мюллер именовал «настоящими коммунистами», а также с эмигрантскими кругами Запада. Западные СМИ неоднократно устраивали трансляцию и перепечатывание очерков.

Большое внимание на Западе уделялось и издававшимся там книгам чехословацких эмигрантов, в популяризации которых активное участие принимали СМИ. В этом ряду значились: книга бывшего директора чехословацкого радио, эмигранта З. Гейслара «Реформный коммунизм в Чехословакии в 60-х годах», изданная в ФРГ, а также написанная бывшим шеф-редактором запрещенного журнала «Репортёр» И. Гохманом книга «Еврокоммунизм», выпущенная в США. В ней получили освещение идеи «третьего пути», призванные оптимально решить вопросы развития человечества. Отмечалось также, что положения «еврокоммунизма» переняли некоторые западные компартии, включившие их в свои программные документы, а Конференция европейских коммунистических и рабочих партий в Берлине (июнь 1976 г.) вынуждена была принимать это во внимание. В связи с этим говорилось и об обнадеживающих перспективах приверженцев демократического социализма, считавшихся в ЧССР «сторонниками ревизионизма и правого оппортунизма». С ними связывалось и «возвращение в Европу», которое «прекратит незаконную оккупацию Чехословакии».

Особенно громко зазвучали подобные идеи в комментариях радиостанции «Свободная Европа», с которыми выступали Ездинский, Вольны, Едличка, Селуцкий, Заградник, Пеликан. Следует отметить, что с ними солидаризировались и некоторые советские диссиденты — Амальрик, Горбаневская, Литвинов, а также публиковавшийся на Западе дис-

сидент из ГДР Гавеман. Советские эмигранты Литвинов и Шрагин отмечали влияние идей чехословацких ревизионистов на либеральные тенденции в СССР. Они говорили и о нелегальном распространении здесь чехословацких памфлетов через самиздат, а также выражали надежду на серьезные изменения режима в обеих странах, за чем последует вывод советских войск из ЧССР. Создался, таким образом, некий диссидентский интернационал, в рамках которого чехи и словаки играли далеко не последнюю роль.

Ездинский отмечал, что взгляды руководителей западноевропейских компартий — Ж. Марше, С. Каррильо и Э. Берлингуэра — созвучны как раз идеям Пражской весны, идеям «социализма с человеческим лицом». Речь, по его словам, шла о закономерном процессе, который подтверждал историческое значение «чехословацкого вызова». Вольны и Селуцкий утверждали, что идея демократического социализма постоянно укрепляется и является ведущим тезисом еврокоммунизма. З. Млынарж в это время повторял свою мысль о том, что Пражская весна — лишь первый шаг к действительной ревизии марксистского социализма, и рекомендовал идти дальше по этому пути, отвергая ленинизм в целом. Суммируя эти взгляды, итальянская пресса писала, что «еврокоммунизм не мог возникнуть без чехословацкого эксперимента»⁵⁹.

Редактор «Свободной Европы» Заградник считал носителями новых идей молодых членов КПЧ, которые, по его словам, составляли 1/4 ее членов. Он говорил об оживлении идей демократического социализма в некоторых западных компартиях, утверждая, что они подспудно сохраняются и в ЧССР. Из этого делался вывод о двойственных последствиях вступления молодежи в КПЧ. «И хотя, — утверждала «Таймс», — при поверхностном взгляде в Чехословакии наблюдается покой, наступающий экономический кризис мог бы все это изменить»⁶⁰.

С 1976 г. наблюдался дальнейший рост влияния на Западе идей еврокоммунизма. На этом фоне 14 бывших членов ЦК КПЧ, предвестников ряда его идей, подписали петицию с требованием освобождения политических заключенных. «Граждане, — говорилось в петиции, — которых мы требуем освободить из заключения, были осуждены за то, что публично подчеркивали связь между социализмом и политической демократией, т. е. придерживались взглядов, очень близких программам французской, итальянской и др. коммунистических партий»⁶¹. З. Млынарж в открытом письме «коммунистам и социалистам Европы» утверждал, что ряд политических концепций, которые проводятся в жизнь «режимом нормализации», «ставят под угрозу развитие социализма» не только в Чехословакии, они несут серьезную угрозу перспективам социализма в Европе в целом⁶². В письме подразумевалось, что еврокоммунисты должны более активно заботиться о родине своих идей и преследуемых их разра-

ботчиках. Однако идеи, продуцируемые коммунистическими партиями Западной Европы, не пользовались, мягко говоря, поддержкой Москвы. Поэтому надежды оппозиционных течений опереться на старые связи и так или иначе оказать определенное влияние на официальные структуры власти оказались беспочвенными. Согласно Млынаржу, политически активные коммунисты-реформаторы — хранители идей Пражской весны — представляли собой весомую политическую и организационно оформленную силу численностью более 10 тыс. чел. во всем государстве. Есть основания говорить о явном преувеличении: речь могла идти всего о тысяче сочувствовавших, которые группировались вокруг десятка-другого коммунистов-реформаторов⁶³.

В целом к 1976 г. создалась структура ячеек, которые интересовались политическими проблемами и занимались поиском форм публичного проявления своей активности. Для протестного движения важно, что оно в это время не отказалось в полной мере и от преемственности с уже устоявшимися формами. Одной из них стала акция писем, которая ранее возникла спонтанно, а на новом витке стала обретать некоторую организованность. Она началась отправкой индивидуальных писем партийным и государственным органам, в которых выражалось несогласие с попытками лишить исключенных коммунистов академических званий. Позже начали отправляться коллективные письма и резолюции. Под одним из них удалось собрать 34 подписи бывших коммунистических интеллектуалов и политиков, их подписали также беспартийные Я. Паточка и В. Гавел. Одно из обращений оппозиционеров-интеллектуалов от 26 марта 1976 г. требовало провести публичную дискуссию по книге З. Млынаржа «Чехословацкая попытка реформы»⁶⁴, другое требовало академических свобод, третье осуждало преследования журналистов и др.

Несмотря на полицейские преследования и судебные процессы, в ЧССР формировалось новое ядро антинормализационного движения. Предысторию его создания можно связать с активностью части членов редакции журнала «Тварж» — литературно-художественного и ориентированного на молодежь ежемесячного издания. В 1965 г. членом редколлегии этого журнала, вскоре запрещенного, стал 29-летний В. Гавел. В 1968 г. издание журнала возобновилось, но его ориентация с этого времени становится культурно-политической. Редакция журнала не отличалась гомогенностью, объединяя фактически два течения, различные подходы которых к решению актуальных задач чехословацкого общества в чешской историографии трактуются как «реализм» и «радикализм». Так, «реалистическая» группа Э. Мандлера ориентировалась на стратегию «политики возможного» и стремилась исходить из существующих условий, хотя и не ценой беспринципного компромисса. «Радикальный» же подход заключался в «полити-

ке невозможного», поскольку Гавел требовал отстаивать истину в каждой ситуации и любой ценой⁶⁵.

Б. Долежал позднее оценивал развернувшиеся дебаты как «спор об ориентации журнала». По его словам, группа Мандлера считала своей задачей выпуск профилированного политического журнала, проводившего в жизнь свою определенную линию: Гавел же рассматривал «Тварж» как художественно-политическое издание, в котором могут высказываться различные взгляды. В 1969 г. Гавел вышел из журнала, считая ошибкой некоторое его «внутреннее сектанство»⁶⁶. Следует отметить, что в проходившей в журнале жаркой полемике стало проявляться двойственное понимание политики: «политика реалистическая» и «неполитическая политика». Уже тогда в этом виде просматривалось противоречие между политическим и неполитическим подходами, усугубившееся к середине 1970-х гг. Важнее другое: «социализм с человеческим лицом» не пользовался авторитетом у носителей обоих подходов.

Идеология «неполитической политики» приобрела законченный вид позднее, в середине 1970-х гг., в письме В. Гавела Г. Гусаку, а затем в Хартии 77, когда проявились черты морального радикализма, вылившиеся в требование «жить в правде». В свою очередь Мандлер и его приверженцы исходили из демократических традиций, идей Палацкого и Масарика, подчеркивая: «Нет у нас никакой другой традиции, которая была бы столь либеральна, столь общественно позитивная и национально и государственно конструктивна»⁶⁷. В целом, дистанцируясь как от марксистских течений, так и от отказа от политики, Мандлер и его единомышленники проповедовали идеи национального, демократического и либерального толка в рамках чешской традиции политического мышления, олицетворявшегося прежде всего Т. Г. Масариком.

После августа 1968 г. главные представители «реалистической» группы Э. Мандлер, Б. Долежал и К. Штиндл ушли с политической сцены. Однако с середины 1970-х гг. они снова стали участвовать в общественной жизни. В отличие от профессиональных групп (писатели, историки и др.) они отказались замкнуться в своей «специальности», устраивали дебаты о положении, в котором находилось общество, и занимались поисками выхода из него. Они вернулись к идее «малых дел»: издание самиздатовских сборников, организация семинаров, в которых принимали участие как диссиденты (П. Питгарт), так и отдельные «представители структур» (Т. Ежек, Я. Страски и др.). На семинарах обсуждались ключевые общественные и исторические проблемы, причем акцент в этот период ставился скорее на теоретических аспектах, нежели на практической политике. «Мы, — отмечал Б. Долежал, — хотели создать определенную базу для политической деятельности, то есть обратиться к тому европейскому ду-

ховному наследию, на которое должна опираться любая целенаправленная общественная активность: к христианской традиции и произрастающей из нее традиции европейского и чешского либерализма»⁶⁸.

Впоследствии они стали называть себя «конструктивной группой», которая «с одной стороны, ищет и формулирует выход в направлении улучшения жизни общества, а с другой — не стремится к формированию политической оппозиции, вступающей в конфронтацию с политической властью в государстве»⁶⁹. В тот момент задача ликвидации системы еще не ставилась, поэтому «конструктивисты» дистанцировались от политики прямой конфронтации. Однако позднее, начиная со второй половины 1980-х гг., они все рельефнее стали проявлять себя в качестве политически профилированной группы с определенной политической программой и политическими целями⁷⁰, которую с полным правом можно назвать оппозиционной. «Конструктивисты» и в более поздние времена действовали помимо главного диссидентского течения, представленного В. Гавелом, а из ее представителей Хартию 77 подписал только один из ее руководителей — Б. Долежал.

Свой вклад в движение протеста несоциалистической направленности внесли и христиански ориентированные группы в Чехии, которые вели борьбу в основном за религиозную свободу. Сначала их лидеры не имели своих собственных представлений о путях социальных преобразований, они придерживались демократических концепций других направлений или же ориентировались на носителей христианско-демократических идей в странах Запада. Значимой фигурой при этом был В. Бенда, который проявил заметную политическую активность при возникновении Хартии 77, сыграв важную роль в интерпретации ее проекта для религиозно ориентированных граждан страны.

В целом предхартистский период антинормализационного движения в Словакии характеризуется непрекращавшейся активностью здесь церковных кругов. Политические амбиции многих некоммунистических оппозиционеров здесь были удовлетворены с 1 января 1969 г., чего нельзя сказать о духовно-культурных запросах верующих словаков⁷¹.

Можно утверждать, что основной чертой диссидентского движения рассматриваемого периода являлась его организационная раздробленность. Отдельные инициативные группы, которые стремились к сохранению и развитию самостоятельного мышления и стремились выработать более общие подходы к реальности, не знали друг о друге, что затрудняло выработку целостной программы, которая могла бы их объединить.

Создавалось впечатление, что импульс к совместным выступлениям мог быть получен лишь извне, но и для этого не было условий. Изоляция и мировоззренческая раздробленность выглядела слишком заметной, и правящие силы в стране могли считать «нормализацию» некой уста-

новившейся нормой. Примером может служить следующая ситуация: в ходе всеобщих выборов, состоявшихся 22–23 октября 1976 г., со стороны критически настроенной части общества предпринимался ряд акций, заключавшихся в срывании списков кандидатов в депутаты, а также лозунгов и плакатов. Инакомыслящие собирались на частных квартирах и предлагали меры по бойкоту выборов, распространяли слухи о повышении цен на продукты питания и т. п. И это на фоне столь богатого прошлого опыта оппозиционного движения, когда всего 7–8 лет тому назад проходили манифестации, собиравшие многие сотни тысяч участников, а позже на фоне других протестных акций, участники которых не боялись репрессий. «Биафра» и представлялась в этих условиях нормой, но только на поверхности. Жизнь «параллельной культуры» не прекращалась.

В сложившейся тягостной для диссидентства ситуации в чем-то неожиданным импульсом к совместным массовым выступлениям и каналом выражения сформировавшегося независимого общественного мнения стала поддержка так называемого андеграунда *. Музыкальные группы новых жанров появились уже в 1960-е гг., они заметно активизировались к середине 1970-х гг., когда на них обратили внимание государственные органы. Андеграунд не был политическим движением с программой, которая сознательно нацеливалась против политического режима. Его аудиторией являлась вузовская и школьная молодежь, но слушатели этих групп в основном проявляли недовольство истеблишментом как таковым и выражали протесты против ценностей общества потребления.

После ликвидации в 1972 г. организованной политической оппозиции выражение протестных настроений в форме гражданского протеста взяло на себя новое поколение: в конфронтацию с режимом вступили молодые люди без политического прошлого, но с собственным видением будущего, расходившимся с официальными пропагандистскими установками. Одна из необычных форм протеста — полуподпольная деятельность рок-музыкантов.

Коллективы андеграунда выступали на публичных, первоначально разрешенных концертах или на частных представлениях, на свадьбах, различных торжествах. Они строили программы в соответствии со своими представлениями и пристрастиями, то есть совершенно свободно. Хотя «режим нормализации» не мог оставлять какую-то сферу без контроля, но преследовать музыкантов поначалу казалось нецелесообразным и трудно объяснимым. Однако в песнях музыкантов все чаще слышалось то, что «не положено».

* Андеграунд (анг. underground — «подземелье», «подполье») — общепринятый в мире термин для обозначения «неофициального», социально независимого искусства, не ангажированного ни коммерческой сферой, ни государственной властью.

И вскоре выяснилось, что опасность гораздо серьезнее, чем предполагали власти. Такого рода конфронтация, по словам Гавела, «была по своему более серьезной и более опасной, чем процессы начала семидесятых годов: теперь расправлялись не с политическими противниками, которые должны были в какой-то степени понимать, что они рискуют, сейчас это уже не имело ничего общего с какой-либо борьбой двух политических альтернатив». Это было гораздо хуже: атака правящего режима «на саму жизнь, на саму свободу и целостность»⁷². Волна репрессий против музыкантов началась с ареста одного из теоретиков андеграунда И. Йироуса, которого в 1973 г. приговорили к 10 месяцам лишения свободы за скандал⁷³, а по сути, за апологию антиправительственной линии.

В 1975 г. процессы против музыкантов прошли в Пльзени и других городах. В сентябре 1976-го в Праге перед судом предстали члены самой известной группы этого жанра — «The Plastic People of the Universe». В переводе на чешский язык, который в своем названии группа почему-то проигнорировала, название выглядело достаточно абсурдным: «Пластиковый народ Вселенной». По более поздним заключениям, эстетически группа ничего особенного не представляла. Это, конечно же, не были музыканты ранга «Битлз», но политический резонанс от их выступлений оказался очень громким. Ирония истории заключалась в том, что силовые акции и судебные преследования против этих музыкантов-абсурдистов выливались в реальные судебные дела, а борьба за свободу их, может, и неперворазрядного творчества приобрела политический характер.

Дух неповиновения ощущался правящим режимом достаточно четко: именно за него, а не за выпуск неразрешенных пластинок, аресту и суду в 1976 г. и подверглись члены рок-группы. Группа давала полуподпольные концерты, на которых исполнялись песни полуфилософского-полурелигиозного содержания. Строения, где они выступали, подвергались поджогам, а члены группы испытывали притеснения. Именно арест группы послужил одним из побуждений к организации Хартии 77⁷⁴.

Однако данная группа была далеко не единственной и преследовались не только ее участники. Так, согласно С. Рамет, еще в 1964 г. в одной только Праге было 165 рок-групп, а во всей стране к 1985 г. их насчитывалось более 1000⁷⁵. Они постоянно запрещались, но концерты андеграунда продолжались — именно на них все чаще начали встречаться близкие к Хартии 77 люди и молодежь. Здесь в оглушающем шуме музыки и прорастало чувство недовольства «режимом нормализации».

Официальные власти полагали, что процессы не привлекут внимания общества, поэтому молодых музыкантов выдавали за хулиганов: они обвинялись в скандалах, в использовании в песнях вульгаризмов, критиковалась их неопрятная внешность и длинные волосы, нарочито

неряшливая одежда. Распускались слухи, что это просто алкоголики и «чудаки». Хотя в обществе процесс с андеграундом не привлек внимания, он вызвал резкий протест интеллектуалов, особенно тех, которых Гусак, по его словам, якобы загнал «на свалку истории». Они восприняли всю акцию как атаку на свободу творчества, а заодно и на гражданские права, что считалось ими нераздельными по сути.

Уже 16 августа 1976 г., когда процесс готовился в Праге, поэт Я. Сайферт, а также И. Черны, Я. Паточка, К. Косик, В. Гавел, И. Клима, П. Когоут написали письмо Г. Бёллю. В нем обращалось внимание на то, что члены группы будут преданы суду за стремление сохранить «личную и творческую идентичность»⁷⁶. Судебный процесс с точки зрения права подвергли критике профессиональные юристы, в том числе З. Йичинский, который в 1969 г. занимал пост зампреда ЧНС, О. Кадерка, бывший руководитель международного отдела ЦК КПЧ, В. Клочок, бывший декан юридического факультета университета в Брно и депутат ЧНС, а также З. Млынарж. В дополнение к этому В. Гавел написал фельетон, а Я. Паточка поделился размышлениями о феномене свободы творчества⁷⁷.

Более важным оказалось то, что преследования андеграунда дали импульс к некоему объединению всех, казалось бы, уже потерявших свой авторитет протестных течений. До середины 1970-х гг., по словам Гавела, «отсутствовали какие-либо попытки объединиться, действовать сообща, достичь взаимной солидарности отдельных изолированных групп и группок, каждая из которых, культивируя свободу мысли и духа и занимаясь тем самым своего рода политической работой, шла своим независимым путем»⁷⁸. Как писал Гавел, в зале суда встретились самые разные люди. Именно там находилось все «духовное подполье», а точнее, поле «параллельной культуры» — базы, из которой несколько позднее возникла Хартия⁷⁹. Действительно, всех соединило участие в защите прав человека, в данном конкретном случае — права на свободу творчества, которое перерастало в возмущение с политическим подтекстом. Образовалось некое поле неприятия официоза и одобрение всего ему противоположного. «Последовал любопытнейший процесс, — вспоминал в 1979 г. Гавел, — когда разнообразные и до сих пор изолированные группы вдруг стали осознавать, что свобода неделима, что удар по молодым и мало кому известным музыкантам есть „показательный“ удар по всем тем в нашем государстве, кто еще не смирился и не покорился власти, что остальных — писателей, политиков и прочих — защищает лишь их относительная известность, а этих молодых людей арестовали только потому, что они малоизвестны, в надежде, что их арест не вызовет скольконибудь заметного отклика как внутри страны, так и за ее пределами»⁸⁰. В этот момент «изолированные группы и инициативы поняли, что удар

по музыкантам — это удар по всем, по самому главному, по попытке искренне самовыражаться и жить по правде, а потому они должны вступить за этих молодых музыкантов»⁸¹.

Именно в этом поле акции протеста и солидарности, казалось бы, по второстепенным поводам, оказали влияние наряду с неоправданностью мер вмешательства органов безопасности, превратили эту группу в политическую силу. Многие из ее членов стали первыми подписавшими Хартию 77, придавая группе дополнительный авторитет в глазах в первую очередь молодых людей.

Не менее важным явилось то, что преследования музыкантов вновь сфокусировали внимание на Чехословакии международной и в первую очередь западной общественности. Средства массовой информации ставили акцент на том, что нарушения прав человека несовместимы с провозглашенными принципами «социалистической демократии», что в стране подавляется свобода любого творчества, что «нормализация» несовместима с обязательствами, которые уже взяла на себя Чехословацкая социалистическая республика.

Действительно, в 1975 г. на Совещании европейских государств, США и Канады был принят Заключительный акт в Хельсинки, который содержал так называемую «третью корзину» о правах человека и гражданина. И годом позже в поле зрения средств массовой информации, а также политических деятелей Запада не могли не попасть музыканты из Чехословакии, права которых попирались с особой и излишней брутальностью. Начались непрерывные переговоры о степени нарушения этих прав, о других незаконных действиях властей Чехословакии, о статусе законности.

Уже в ноябре 1976 г. в Кодексе законов и постановлений ЧССР был опубликован текст соглашений Объединенных народов о гражданских, экономических и социальных правах, подписанный представителями Чехословакии 7 октября 1968 и ратифицированный в 1976 г. Естественно, предполагалось, что их надо соблюдать, о чем в дальнейшем напоминала Хартия 77.

В 1977 г. должна была состояться встреча в Белграде, на которой предполагалось рассмотреть и вопрос о реализации положений Заключительного акта. К этому времени группы защитников прав человека появились в СССР и Польше, где эти акты сыграли весомую роль в их поддержке. Однако именно Чехословакия оказалась той страной, где движение в защиту прав человека приобрело наиболее выраженные формы. Соответствующую и до сих пор не встречавшую организационную миссию на себя взяла в этом плане Хартия 77. Она поставила себе задачу изжить атмосферу «идеологической Биафры» в стране. Если же вернуться к этой метафоре, то надо вспомнить оценки ситуа-

ции духовной жизни в ЧССР, прозвучавшие много лет спустя, в 1984 г., из уст В. Гавела — явного лидера диссидентского движения в ЧССР. Он, в частности, отмечал, что период 1972–1976 гг. не являлся столь одиозным, по крайней мере, в плане духовной и культурной жизни, как это представляла западная интеллигенция и чехословацкие эмигранты. В своем очерке «Шесть заметок о культуре» он так характеризовал атмосферу в стране в середине 1970-х гг.: «В свое время кто-то образно назвал чехословацкую ситуацию „Биафрой духа“. Позже многие авторы, и в их числе я сам, размышляя о том, что произошло в чехословацкой культуре после 1968 года, сравнивали ее с кладбищем. Признаться, недавно, когда я где-то в очередной раз встретил это сравнение, что-то во мне против него восстало». Тем самым, метафора и Арагона, и Грасса (поддержанная ранее Гавелом) вряд ли вполне справедлива. Конечно, отмечает он, действия властей в сфере культуры и тогда, и в середине 1980-х гг. сводились к следующему: все время что-то где-то запрещают, все время почти ничего не дозволено, закрывались журналы, учреждения культуры управляются сверху.

«Но то, — продолжал Гавел, — что верно по отношению к произволу властей, не обязательно свидетельствует о реальном духовном потенциале общества. Как бы ни загоняли его в подвалы общественной жизни, как бы ни замалчивали и ни давили, он все же каким-то образом еще существует. Как-то где-то живет. И решительно не заслуживает того, чтобы его объявляли трупом». Истоки такой жизни начинались как раз в первой половине 1970-х гг., породив во второй половине этого десятилетия новые формы протеста.

Таким образом, количество протестных акций привело к рождению и нового качества, которое олицетворило собой движение Хартия 77. Это — очередная и, пожалуй, одна из наиболее ярких страниц истории антинормализационного движения в Чехословакии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Otáhal M. Opozice, moc, společnost... S. 29.*

2 *Ibid. S. 32.*

3 Цит по: *Ibidem.*

4 Подробнее см.: *Kmeř N. Op. cit. S. 187; Vaculík L., Kadlečík J. Poco rubato. Bratislava, 1994; Šimulčík J. Zápas o nádej. Z kroniky tajných kňazov. 1969–1989. Prešov, 2000.*

5 Яноух Ф. Нет, я не сожалею... Малая мозаика периода «нормализации» // Иностранная литература. 1990. № 4. С. 212.

6 Как отмечала в феврале 1990 г. Боннер, сначала было знакомство по письмам, не всегда легально пересекавшим границу, позже — лично: «Франтишек был гостем на церемонии вручения Нобелевской премии мира Андрею Сахарову. Премия по дове-

ренности принимала я. Самого лауреата в Осло не пустили „по соображениям секретности“». «Во время церемонии, — писала Е. Боннер, — и особенно на долгой, трудной пресс-конференции, под десятками юпитеров и шквалом вопросов и нескольких сотен представителей всей мировой прессы, я часто направляла взгляд к правой стороне зала, где сидели „свой“. А на один из „физических“, боясь быть неточной, попросила ответить Франтишка». Иностранная литература. 1990. № 4. С. 189–190.

7 Kusiň V.V. From Dubček to Charta 77... P. 282.

8 Иностранная литература. 1990. № 4. С. 226.

9 См.: Приложение. С. 328–334.

10 Иностранная литература. 1990. № 4. С. 240.

11 Kusiň V.V. From Dubček to Charta 77... P. 282.

12 Ibidem.

13 Ibid. P. 283.

14 Ibidem.

15 Ibid. P. 284.

16 АВП РФ. Ф. 138. Оп. 55. П. 163. Д. 14. Л. 72–73.

17 Там же. Л. 136.

18 Там же. Ф. 138. Оп. 55. П. 20. Д. 164. Л. 118–119, 121.

19 Radio Free Europe/Radio Liberty (далее RFE/RL). 1974.4.VIII.

20 АВП РФ. Ф. 138. Оп. 55. П. 163. Д. 15. Л. 59.

21 Там же. Ф. 138. Оп. 56. П. 166. Д. 15. Л. 35.

22 Benčík A. Listopadový come back Alexandra Dubčeka // Úloha Alexandra Dubčeka v moderných dějinách Československa. Praha, 2002. S. 70; см. также: Benčík A. Utajovaná pravda o Alexandrovi Dubčekovi...

23 Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 111–112.

24 См.: Benčík A. Utajovaná pravda o Alexandrovi Dubčekovi... S. 75–89.

25 См.: Приложение. С. 357–358.

26 АВП РФ. Ф. 138. Оп. 56. П. 166. Д. 16. Л. 16.

27 Там же. Л. 17.

28 Там же. Ф. 138. Оп. 57. П. 169. Д. 12. Л. 68.

29 Там же.

30 Там же.

31 Там же. Ф. 138. Оп. 56. П. 166. Д. 16. Л. 12.

32 Там же. Л. 13.

33 Там же. Ф. 138. Оп. 56. П. 166. Д. 15. Л. 37.

34 München Merkur. 1976.21.VIII.

35 См.: Пирошко Ф. Штрихи к портрету Вацлава Гавела...

36 См.: Приложение. С. 359.

37 Там же. С. 383.

38 АВП РФ. Ф. 138. Оп. 56. П. 166. Д. 16. Л. 5.

39 Текст письма см.: Prečan V. V kradeném čase... S. 541–548.

40 Kusiň V.V. From Dubček to Charta 77... P. 285.

- 41 АВП РФ. Ф. 138. Оп. 56. П. 166. Д. 15. Л. 65.
- 42 Там же. Л. 87–88.
- 43 Там же. Л. 88.
- 44 Там же.
- 45 Там же. Д. 16. Л. 68, 73.
- 46 Там же. Л. 66–67.
- 47 Там же. Л. 88.
- 48 *Kusin V.V. From Dubček to Charta 77...* P. 294–295.
- 49 *Ibid.* P. 295.
- 50 *Ibid.* P. 294.
- 51 RFE/RL. 1975.27.XI.
- 52 *Die Welt.* 1975.30.X.
- 53 См.: *Havel V. O lidskou identitu...* S. 173–180.
- 54 *Ibid.* S. 176.
- 55 АВП РФ. Ф. 138. Оп. 57. П. 169. Д. 13. Л. 40.
- 56 Там же.
- 57 RFE/RL. 1976.23.VI.
- 58 *München Merkur.* 1976.21.VIII. Отточие в оригинале.
- 59 *Corriera della sera.* 1976.25.VIII.
- 60 *The Times.* 1976.21.VIII.
- 61 Цит. по: *Kusin V.V. From Dubček to Charta 77...* P. 285.
- 62 *Ibidem.*
- 63 *Otáhal M. Opozice, moc, společnost...* S. 34. Pozn. 5.
- 64 См.: *Mlynář Z. Socialistou na volné noze.* Praha. 1992. S. 19–20.
- 65 *Čas Demokratické iniciativy...* S. 6.
- 66 «Но фактом, — утверждал В. Гавел, — остается то, что в журнале была „парти-группа“ (узкий кружок Эммануэля Мандлера — его духовного отца), которая все решала заранее и порой безбожно манипулировала заседаниями редколлегии; что в журнале шли свои процессы, были свои еретики, существовала своя дисциплина, свои догмы и многое другое. Я сам дважды порывал с журналом „Тварж“. После первого разрыва я с ним помирился и даже стал председателем редакционной коллегии, а второй разрыв, в 1969 году, был окончательным». См.: *Вацлав Гавел. Заочный допрос...* С. 91–92.
- 67 *Čas Demokratické iniciativy...* S. 58.
- 68 *Ibid.* S. 235.
- 69 *Ibid.* S. 7.
- 70 *Ibid.* S. 235.
- 71 Подробнее см.: *Lesňák R. Op. cit.*
- 72 *Вацлав Гавел. Заочный допрос...* С. 130.
- 73 *Skilling H.G. Charter 77 and Human Rights in Czechoslovakia...* P. 8.
- 74 В последующем В. Гавел уделял особое внимание группе и способствовал ее восстановлению после 1989 г., когда многие входившие в нее музыканты вернулись в стра-

ну из-за рубежа. В 2006 г. группа давала концерты в Москве и Нижнем Новгороде; о ней создаются не только легенды, но и ставятся пьесы.

75 Ramet S. Social Currents in Eastern Europe. The Sources and Meaning of the Great Transformation. Durham and London, 1991. P. 223.

76 Письмо опубликовано в английском переводе Г. Скиллингом Указ. соч. С. 199–200.

77 См.: Гавел В. Гостиница в горах... С. 146–151; Skilling H.G. Op. cit. P. 205–207.

78 Гавел В. Гостиница в горах... С. 120.

79 Гавел В. Заочный допрос... С. 53.

80 Гавел. Гостиница в горах... С. 120.

81 Там же. С. 121.

§ 2. ХАРТИЯ 77 И ЕЕ ЦЕЛИ

В 2007 г. отмечалось 30-летие с момента создания Хартии 77, и на столь длительной временной дистанции может показаться, что она появилась как бы из ничего. Но современные исследования, в первую очередь анализ архивных материалов, свидетельствуют, что оппозиция диссидентской направленности просматривалась и раньше. Это нетрудно заключить: «режим нормализации» предполагал наличие того, что следовало нормализовать, в том числе и «некоммунистическую» политическую жизнь, которая не была ни отменена Пражской весной, ни обрублена вторжением. Тем более, что репрессии в ходе нормализации носили явно не сталинистский характер, а общество еще не только не забыло процессов над несоциалистами или «врагами народа», но помнило и осуждение сталинистов.

А главное — вирус диссидентства оказался неплохо привитым новым поколениям оппозиционеров. При этом следует учитывать разницу и в выборе ими методов борьбы в отношении к структурам власти (например, готовность пойти на некоторые тактические компромиссы, не уступая в стратегическом плане), и в изменении их представлений о том, какое, собственно, будущее ожидает «нормализованную» социалистическую Чехословакию, как она должна быть устроена, каковы будут взаимные отношения всех слоев населения. Коммунистическое будущее являлось при этом отнюдь не безальтернативным...

Причины и обстоятельства, связанные с появлением Хартии 77, получили достаточно обстоятельное и детальное освещение как самими ее участниками и деятелями, так и чешскими, словацкими, английскими, американскими и немецкими исследователями. Поэтому в начале XXI в. можно даже говорить о сложившейся историографии этой проблемы¹.

Прежде чем приступить к анализу первых шагов принципиально непобедимой оппозиции — Хартии 77, надо отметить, что права человека стали самым слабым местом во всех странах «социалистического содружества». Парадоксальность ситуации заключалась в том, что их нарушение могло угрожать процессу разрядки напряженности между Востоком и Западом, а это была высоко значимая цель скорее даже для Востока. Неудивительно, что политика в чем-то агрессивной защиты прав человека стала одним из важнейших инструментов администрации Д. Картера и что властные структуры всех стран «социалистического содружества» в один голос твердили об их соблюдении, а оппозиционные силы в них — соответственно о нарушении.

Как раз на переломе 1975 и 1976 гг. в числе поборников прав человека активно выступили бывшие коммунисты-реформаторы. Более

того, они поддержали совместную линию, пойдя на ряд пока не координируемых, но успешных совместных действий в этом направлении даже с несоциалистическими силами.

И все же внешним импульсом к появлению Хартии 77 и ее программы явилось подписание 35 странами, в том числе и Чехословакией, 1 августа 1975 г. Заключительного акта в Хельсинки. Многие его положения должны были стать составной частью чехословацкой правовой системы. Эти события, по словам Отагала, «привели формирующееся диссидентство к выводу, что защита прав человека и гражданина тем самым приобрела легитимный характер»². Подобным шансом надо было воспользоваться, хотя нельзя утверждать, что за обладание им наметилась борьба.

К этому времени на взгляды экс-коммунистов оказали существенное влияние итоги Конференции коммунистических и рабочих партий Европы, прошедшей в июне 1976 г. в Берлине. На ней обсуждалась политика, связанная с подписанием Заключительного Хельсинкского акта. Предполагалось, что здесь могут прозвучать новые мотивы в связи с признанием такназываемой «третьей корзины» — мер по укреплению гуманитарного сотрудничества. Допускалось даже, что будет выражено критическое отношение к КПЧ³ и осуждение августа 1968 года в Чехословакии. Однако противоречивые оценки событий 1968 года, согласно Млынаржу, показали на ней, что «существующее понимание борьбы против нормализации так, как его трактовала реформаторско-коммунистическая диссидентская группа, зашло в тупик».

Выход из создавшегося тупика виделся в объединении экс-коммунистов с другими протестными течениями, представленными либерально-демократически ориентированными интеллектуалами, которые после подавления политически и социалистически ориентированной оппозиции в 1972 г. стали выходить в антинормализационном движении на лидирующие роли.

Именно борьба за права человека и гражданские права явилась объединяющим фактором изолированных лиц, что и продемонстрировал судебный процесс над рок-группой «Пластиковый народ Вселенной». На суде, как вспоминал Гавел, встретились самые разные люди: двадцатилетние длинноволосые парни, бывшие члены президиума ЦК КПЧ, передовые художественные теоретики, профессора, писатели и многие другие. «Публика, — писал Гавел, — собравшаяся в зале суда, была прообразом „Хартии 77“; атмосфера равенства, солидарности, сердечности, общности и самоотверженного желания взаимно помогать, вызванного сознанием общего дела и общей опасности, была не только атмосферой в этом здании суда, но и атмосферой первых месяцев „Хартии“»⁴.

Экс-коммунисты волей-неволей начали ставить более жесткий акцент на правах человека и искать принципиально новые возможности в

плане оппозиционного движения. Инициативу же совместных протестов против преследования различных протестных групп проявили именно молодежные круги движения в защиту андеграунда. Однако их требования носили общий характер и, собственно, не содержали программы в защиту гражданских прав; она привносилась в эти круги извне.

Качественный сдвиг произошел с возникновением Хартии 77, которая появилась после дискуссий на трех встречах. В них приняли участие представители различных, до сих пор изолированных групп: бывших высокопоставленных политиков (И. Гаек, З. Млынарж) *, писателей (Л. Вацулик, П. Когоут, В. Гавел), людей других творческих профессий и несколько других групп; молодежь встречалась редко.

На встречах не стоял на первом месте вопрос об идейном кредо, координировали свои действия представители всего мировоззренческого спектра: поклонники андеграунда и коммунисты (включая троцкистов), католики и протестанты. По мнению В. Гавела, кажущаяся неразборчивость в идейном плане не мешала эффективности совместных действий, что явилось новым в протестном движении не только в Чехословакии, но и в других странах региона; в целом это и поставило в тупик правящие силы. По сути, формировались контуры «неполитической политики», настораживавшей именно своей идеологической неангажированностью. Участвующих можно было объявлять «врагами социализма» — и с этим некоторые из них согласились бы, но протестных движений не прекращали, даже если в движении оказывались и «друзья социализма». Акцент ставился, однако, на защите провозглашенных социалистическим государством прав и свобод реальных людей.

Первая встреча будущих хартистов состоялась 11 декабря 1976 г.⁵ По свидетельству Гавела, бывшие коммунистические функционеры, собиравшиеся вокруг Млынаржа, и ранее не исключали возможности основать некий комитет по соблюдению прав человека или хельсинкский комитет (председателем которого мог, к примеру, стать И. Гаек) по образцу тех, которые возникали в СССР. Однако это название им не подошло, и они остановились на «гражданской инициативе»⁶. Название «Хартия» предложил П. Когоут, а предложение о трех лидерах (а не одном спикере или глашатае) внес П. Ул. Первые три спикера — экс-коммунист И. Гаек, философ Я. Паточка и писатель В. Гавел — выражали «плюралистический характер» Хартии. При этом Хартия 77 выдвигала на первое место этические аспекты и приоритет нравственных позиций перед политическими.

Появление Хартии 77 связано с подготовкой на рубеже 1976 и 1977 гг. документа, требовавшего от властей соблюдения прав челове-

* А. Дубчек не подписал Воззвание Хартии, но он поддерживал ее деятельность и протестовал против репрессий. Подробнее см.: Uher J. Alexander Dubček. Život a doba. Košice, 1999. S. 70–71.

ка, точнее, указывавшего на их несоблюдение. Основным автором текста был Гавел; части о роли Хартии 77 как неформальной гражданской инициативе без прочной определенной организационной структуры сформулировал бывший коммунист-реформатор З. Млынарж; П. Когуот дал интерпретацию инициативы как широкого движения, к которому постоянно могут присоединяться новые члены и которое нельзя понимать всего лишь как комитет по правам человека. Позднее Гавел так скромно отмечал свою роль в рождении Хартии 77: «Я хочу, чтобы Вы меня поняли: „Хартия“ — дело всех хартистов, и несущественно, кто из них ее подготовил. Если я и говорю здесь об этих встречах, я делаю это впервые и только потому, что память слабеет и однажды какой-нибудь добросовестный историк может упрекнуть нас, что мы так долго утаивали эти дела, что все забыли. Каждый из нас предварительно все обсуждал в своем кругу, так что и в этой начальной фазе об этом уже знало много людей»⁷.

Между Рождеством (конец декабря 1976 г.) и Новым годом подготовленное Воззвание Хартии 77⁸ подписал 241 человек⁹. Из словаков первыми подписали Хартию Д. Татарка, М. Кусы и Я. Млынарж¹⁰. По словам В. Гавела, «подписавшие Хартию такие же люди, как и остальные; различие состоит лишь в том, что они произносят вслух то, о чем остальные думают»¹¹. Службы госбезопасности узнали об акции уже в первый день, когда ее инициаторы начинали собирать подписи, но у них не было текста Возвания. Аксию диссидентов они недооценили и вмешались лишь 6 января, когда В. Гавел вез документ для передачи государственным органам, и задержали его.

Из анализа 978 подписей, появившихся под Возванием Хартии до 24 апреля 1978 г., следует, что 79% подписавших документ составляли мужчины, а 21% женщины. По социальному составу подписантов, согласно Г. Скиллингу, 40,8% принадлежало рабочим профессиям или так наз. «белым воротничкам» (их число резко увеличилось, так как в самом начале было всего 8% рабочих), ученых — 14%, деятелей культуры (писателей, журналистов) — 13,4%, священников — 3,4, студентов — 1,7%, бывших политиков и политических деятелей — 2,1%¹². Остальные из подписавшихся — пенсионеры, домохозяйки или те, профессиональную принадлежность которых установить не удалось. Причиной того, почему среди новых подписавшихся оказалось относительно мало интеллектуалов, мог быть следующий факт: пострадавшая за общественную активность интеллигенция свои подписи поставила уже в первых двух или трех волнах Хартии, но с позицией хартистов соглашались уже и те, кто пострадал меньше и подписались позже¹³.

В протестном движении сохранилось и идейное течение, черпавшее свои идеи из реформистских представлений экс-коммунистов. Многие

бывшие коммунисты, поставив подпись под Хартией 77, окончательно порвали с коммунистической идеологией, но часть придерживалась идее еврокоммунизма и была внутри Хартии лучше всего организована. Их называли «вторничниками», так как они регулярно собирались по вторникам, а лидером вплоть до отъезда в эмиграцию являлся З. Млынарж, который в политическом плане являлся самым опытным деятелем. К ним относились М. Гюбл, который занял место лидера после Млынаржа, а также И. Гаек, М. Гаек, З. Йичинский, Р. Сланский. В Хартии они были очень активны и почти всегда один из них занимал место спикера. Нужно отметить, что из 35 человек, которые в 1977–1989 гг. меняли друг друга на этом посту, 14 — бывшие члены КПЧ. Детальный анализ документов и первого Воззвания Хартии выявляет, что они оказывали существенное влияние на формирование Хартии 77. Позднее, в начале 1989 г., часть из них выступила перед общественностью с собственной политической программой, сформировав новую независимую структуру — Клуб за социалистическую перестройку — Возрождение. Весьма любопытно, что спикерами Хартии в первый и последний (предреволюционный) годы ее деятельности явились два человека, ставшие впоследствии активными членами этого Клуба, — И. Гаек (1977 г.) и М. Гаек (1988 г.)¹⁴.

Социалисты в Хартии были количественно слабее и представляли два течения. Одно из них возглавляли Р. Баттек, который в 1968 г. являлся одним из лидеров КАН, историк Я. Мезник (группа бывших чехословацких социалистов), историк Я. Тесарж и бывший студенческий лидер И. Мюллер. Все они с самого начала являлись противниками «режима нормализации», вели против него активную борьбу в рамках нелегально действовавших в 1969–1972 гг. оппозиционных структур, за что были арестованы и в течение ряда лет находились в заключении. Хотя они имели контакты с главным редактором социал-демократической эмигрантской газеты «Право лиду», однако не в полной мере считали себя социал-демократами. Выражая приверженность традициям демократического социализма, они считали коммунистическую систему неререформируемой в принципе и поэтому отвергали ее в любой форме. Критическую позицию они занимали даже к еврокоммунистам и их представителям в Хартии 77¹⁵.

С революционными социалистами, которых возглавлял П. Ул и к которым относились также и некоторые представители бывшего ДРМ, сблизился Я. Шабата. Они заявляли о своей поддержке программы самоуправляемого социализма, а их целью стала антибюрократическая революция. П. Ул являлся одним из ведущих активистов в Хартии и принимал активное участие в ведущихся в ее рамках дискуссиях.

Движение хартистов стало средой, где достаточно четко выкристаллизовывались политические предпочтения христианских акти-

вистов. Католическая церковь в Чехословакии, в отличие от Польши, не стала ни моральной, ни политической опорой оппозиционного движения и не выступала в защиту прав верующих. Наряду со священником В. Малы в Хартии важную роль играли католики-миряне В. Бенда, И. Немец, Д. Немцова, И. Медек. Это течение не выступало в движении с ярко выраженной политической программой и с самого начала боролось за религиозную свободу.

Представители евангелической церкви проявляли к коммунистическому режиму с самого начала большую лояльность. Однако некоторые евангелические интеллектуалы принимали участие, например, в распространении листовок к парламентским выборам в 1971 г. и были подвергнуты репрессиям. Некоторые из них стали первыми подписантами Воззвания Хартии, а религиозный философ Л. Гейданек участвовал в формировании ее концепции.

Во введении к Воззванию от 1 января 1977 г. его авторы ссылались на Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, которые в Чехословакии вступили в действие в 1976 г. Важнее другое: и внешнее давление, и внутренние расхождения — как это ни парадоксально — не столько ослабляли Хартию 77, сколько укрепляли ее. В функционирование данной структуры был заложен механизм ее расширенного воспроизводства, что представляло собой некую неожиданность не только для ее противников, но и приверженцев. Эта самовоспроизводящаяся сила Хартии 77 получала отражение и в дальнейших заявлениях. Дело в том, что Хартия постоянно подчеркивала: она не стремится к политическим или общественным реформам, но добивается конструктивного диалога с политической и государственной властью. Ее цель — указывать на конкретные нарушения гражданских прав, предлагать различные проекты, нацеленные на их углубление, и действовать в качестве посредника в возможных конфликтных ситуациях. Тем самым, Хартия должна была стать своего рода «группой мониторинга», которая контролировала бы действия чехословацких властей в сфере прав человека и которая протестовала против их нарушения¹⁶. Она тем самым репрезентовала себя в качестве «помощника» власти, а не ее «противника» — даже если та ей не верила и отвечала репрессиями.

Программы Хартии 77 и способы их реализации подтверждают: родилось движение этического протеста, которое принципиально отличалось от оппозиции 1969–1972 гг., имевшей ярко выраженный политический характер, поскольку ее цель — крушение «режима нормализации». Хартия же отказывалась от политики как инструмента общественных преобразований и технологии власти. Поэтому и общественное явление, которое с нею появилось, начало называться соб-

ственно диссидентством, характерной чертой которого становилась «неполитическая политика»¹⁷.

Но не выглядели ли ее конкретные требования собственно политическими? Хартия 77 в своем учредительном Воззвании от 1 января 1977 называла себя «свободным неформальным и открытым сообществом людей разных убеждений, разных вероисповеданий и разных профессий, которых объединяет воля индивидуально и вместе добиваться соблюдения прав гражданина и человека в нашей стране и в мире. Тех прав, которые за человеком признаются двумя узаконенными международными актами, Заключительным актом Хельсинкской конференции, многочисленными другими международными документами против войн, насилия, а также социального и духовного угнетения и которые в общем виде выражает Всеобщая декларация прав человека ООН». Хартия 77, как говорилось в том же Воззвании, «не является базой для оппозиционной политической деятельности. Она стремится служить общим интересам подобно многим таким же гражданским инициативам в различных странах на Западе и Востоке. Таким образом, она не намерена выдвигать собственную программу политических или общественных реформ или изменений, но вести в сфере своего влияния конструктивный диалог с политической и государственной властью, прежде всего в том плане, что будет обращать внимание на различные конкретные случаи нарушения прав человека и гражданина, готовить на них документацию, предлагать решения, предъявлять различные более общие проекты, нацеленные на расширение этих прав и их гарантий, действовать в качестве посредника в возможных конфликтных ситуациях, которые могут быть вызваны бесправием и др.»¹⁸.

Два года спустя данную стратегию подтвердил словак М. Кусы: «Мы не требуем смены власти, не предлагаем выдвигать альтернативную политическую программу, мы не являемся и не хотим быть политической оппозицией. Мы выдвигаем лишь то самое минимальное требование, которое можно легально предложить в рамках умеренного прогресса в рамках закона, — соблюдение данного закона»¹⁹. Если поместить эти требования и установку на диалог в контекст тогдашней жизни в условиях «нормализации», то они не могли не выглядеть именно политическими.

Соответствующая направленность обнаружилась почти сразу после возникновения Хартии и встретила сдержанное отношение со стороны оппозиционеров старого закала, в частности, членов бывшей «реалистической» группы журнала «Тварж». Э. Мандлер, К. Штинда и некоторые другие не подписали Хартию 77, считая главным ее недостатком некий «нравственный радикализм», неприемлемый для большинства населения. Они также утверждали, что выдвигаемые Хартией требования весьма далеки от реальности, с которой сталкивались про-

стые люди. Одной из ключевых проблем чехословацкого общества являлось наличие большой группы неравноправных граждан. По мнению оппозиционеров-неподписантов, содержание Воззвания игнорировало требование вернуть им такие же права, какие имели остальные граждане, в первую очередь право работать по своей специальности, право их детей на учебу и др. Они полагали, что таким образом сформулированные требования могли бы получить большую поддержку со стороны пострадавших граждан²⁰.

Но важнее другое: Воззвание Хартии вызвало значительное беспокойство в партийном и государственном руководстве. «Режим нормализации» поначалу интерпретировал его как собственно политическую акцию, несмотря на то, что хартисты позиционировали себя как неполитическое движение в принципе. Поэтому власти по инерции инстинктивно приняли решение использовать все средства, чтобы это свободное волеизъявление почти 250 граждан подавить в зародыше. В первую очередь режим пытался изолировать эту небольшую группу от остального населения, вызвать у людей опасения и настроить их против подписантов, а саму Хартию разложить изнутри. Подобного рода тактика уже была проверена на примерах ряда нелегальных политических движений в предшествующие годы.

Первая атака нацеливалась против ее спикеров: Гавел был арестован, Паточка подвергся допросам, И. Гаек остался в одиночестве, его преследовали, но он не сдался и в самые трудные времена оставался деятельным представителем Хартии. Наиболее тяжелая судьба выпала философу Я. Паточке, которого можно считать идеологическим вдохновителем Хартии, наметившим моральные векторы общественных изменений. Никто из свободомыслящих философов Европы конца XX в. не оказывал столь существенного влияния на идеологические изменения, как Паточка, за исключением, может быть, А. Зиновьева. В Хартии он далеко не был свадебным генералом, а являлся скорее генератором идей. В связи с тем, что в отечественных исследованиях его фигуре уделено недостаточное внимание, изложим контуры его биографии.

Родился Паточка в 1907 г., изучал философию в Карловом университете в Праге, а также славянскую филологию, продолжил обучение в Париже, Берлине и Фрайбурге, где сблизился с Э. Гуссерлем и М. Хайдеггером (как известно, первый испытал преследования со стороны нацистов, а второй какое-то время с ними сотрудничал). По возвращении в Прагу в 1933 г. он являлся секретарем Пражского философского кружка, преподавал и в годы войны, а после февральских событий 1948 г. вынужден был уйти из университетов в Праге и Брно. В 1950–1956 гг. работал в Институте Т.Г. Масарика и в научно-исследовательских институтах. В 1966 г. возобновил преподавание в Брно, а с 1968 г. — в Кар-

ловом университете. Но в 1972 г. последовало второе его отлучение от преподавательской деятельности. После чего он создает семинар для оппозиционных интеллектуальных кругов, названный Университетом Паточки. В своих исследованиях ставил акцент на моральном измерении человека в противостоянии времени, которое на него оказывает давление. В последних своих трудах он обратил внимание на проблемы философии истории и политики, исходя из призыва «жить в правде» (коррелирующего с известным «жить не по лжи» А. Солженицына). Естественно, такие взгляды не могли не привести его к сближению с представителями оппозиционного движения, включая диссидентские круги. И высоколобый профессор, ученик Гуссерля и Хайдеггера, последователь этических взглядов Коменского и Масарика, выступил в качестве защитника музыкального ансамбля «Пластиковый народ Вселенной». Едва ли его вдохновляло творчество этой, как признают сейчас, заурядной группы, но право на самовыражение и противостояние всеподавляющему духу времени детерминировало эту позицию.

В качестве одного из трех первых спикеров Хартии 77 Паточка ратовал за права и других отверженных; именно он выразил протест против ареста В. Гавела и других хартистов. В условиях, когда на подписантов оказывалось сильное давление, важной задачей становилось усиление их духовного единства. Задачу интерпретации смысла и целей Хартии в этом аспекте взял на себя Паточка, в трудах которого звучали идеи о необходимости преодолеть бесправие и создать общество с предпосылками для морального роста людей²¹. В своем эссе, датированном 7 января 1977 г., «О значении, нравственном смысле и задаче Хартии 77» он писал о моральной подоплеке правозащитной деятельности, не оставляя широкого пространства для маневра своим идеологическим противникам²². Свою последнюю статью «Что мы можем ждать от Хартии» (8 марта 1977 г.) он написал в той же тональности. «Словом, — утверждал Паточка, — от Хартии можно ожидать, что в нашу жизнь входит новая идейная ориентация, которая никоим образом не противостоит ориентации социалистической, обладавшей до настоящего времени исключительной монополией, позволявшей ей рекламировать свое преимущество даже в очевидно недостаточной форме, — ориентация на основные права человека, на нравственный элемент в политической и частной жизни: Хартия без устали будет напоминать, что наша жизнь — должник этих прав, которые законно принадлежат нашим гражданам, она будет непрестанно это напоминать нашей и зарубежной общественности, каким бы высоким ни являлся риск этой деятельности»²³. Интерпретация Паточкой Хартии как морального, а не политического акта не препятствовала внутренним дискуссиям, нацеленным на ее практическую деятельность, особенно тогда, когда органы власти постепенно отошли от публичных кампаний и перешли к тактике умалчивания Хартии. Но

некоторую растерянность в их рядах она вызвала. Да и для зарубежных наблюдателей акцент на этических ценностях оказался чем-то относительно новым.

Паточку продолжали вызывать на допросы, но он не прекращал своей активности, не считаясь ни с возрастом, ни со здоровьем. Так, немецкая газета «Цайт» за три дня до смерти Паточки получила его интервью, в котором отмечалось, что хартистов поддерживали социал-демократы В. Брандт и Б. Крайский и еврокоммунисты Э. Берлингуэр, С. Каррильо и Ж. Марше²⁴. Западная же пресса вскоре известила о том, что 70-летний профессор философии привлекался к допросам и вследствие эмоциональных потрясений на одном из них 13 марта 1977 г. наступила его смерть.

Похороны Паточки вылились в молчаливую демонстрацию против «режима нормализации». Идеи же его повлияли на чехословацкую и чешскую мысль конца XX в., став одной из интеллектуальных опор Хартии 77. После его смерти в самиздате вышли 27 сборников его трудов, которые были переизданы в 1990 г. Не следует забывать, что европейски признанный философ Паточка и его, можно сказать, мученическая смерть позволяли оценить моральную глубину и самоотверженность многих действий хартистов. Были и другие трагедии, но только эта получила столь широкий резонанс. Протесты в связи со смертью Паточки выразили десятки, а то и сотни интеллектуалов на Западе, которые с этого времени уже не выпускали из поля зрения деятельность Хартии 77.

Власть в чем-то была обескуражена, но репрессии не прекратились, несмотря на уже тогда выявившуюся их особенность, заключавшуюся в том, что они не достигали цели. Как пишет английский исследователь Дж. Кин, власти допустили две стратегические ошибки в своей кампании против Хартии. Во-первых, они назвали деятельность Хартии происками западных антикоммунистических и сионистских центров. Во-вторых, не учли того, что Хартия ориентировалась не столько на подпольную активность, сколько наоборот — делала предельную ставку на публичность²⁵. Сообщения МИД ЧССР и партийных органов по поводу международного резонанса от деятельности Хартии отличались некой неопределенностью, поэтому и обвинения ей оказались беспочвенными и безадресными: контрреволюционной деятельности Хартия не вела, а открытые письма, выступления, интервью стали не столько тактическим, сколько стратегическим ее оружием.

Такой тренд в деятельности Хартии не всегда одобряли и сами хартисты. Так, писатель Л. Вацулик, автор знаменитого манифеста 1968 г. «Две тысячи слов», отмечал, что деятельности хартистов присущ чрезмерный морализм, стремление идти на жертвы ради самих жертв и отсутствие конструктивных действий, а в целом — быть героями, не

совершая героических поступков. Однако, как представляется, все это в условиях «режима нормализации» становилось не столько недостатком, сколько преимуществом: хартисты репрезентовали ту ситуацию, когда слово уже есть дело и представляет собой героический поступок. Поэтому их преследовали со всей жесткостью и серьезностью. Действительно, поводы для их активности — та же защита «Пластикового народа Вселенной» — были не столь весомы. Однако за них приходилось расплачиваться заключениями и преследованиями.

Охота на ведьм в связи с деятельностью Хартии 77 приобрела новое качество. Надо особо подчеркнуть: Гавел и впервые подвергшиеся заключению хартисты встретили мощное давление государственной машины, которое привело к сильным психическим срывам в связи с возможной провокацией. Однако в ходе этих преследований было найдено и некое противоядие — это в основном утверждение, что ничего противозаконного хартистами не предпринимается. Данная установка помогла избежать многих ошибок и провокаций.

Уже в ходе заключения каждый шаг Гавела отслеживался иностранными средствами массовой информации, а вести о его освобождении становились новостями дня. На свободе же встречи с иностранными журналистами не прекращались ни на день. Неповиновение властям приобретало при этом такие формы, что привлекать к ответственности хартистов становилось все труднее. Аресты хартистов шли непрерывно, нормализаторы считали возможным таким путем полностью искоренить данное движение. Даже сами хартисты, например, В. Бенда (подвергшийся заключению вместе с И. Динстбиром в мае 1979 г.), считали, что движение может быть задавлено в самом его начале, как это уже происходило с другими оппозиционными группами. Однако документы свидетельствуют, что оно было в состоянии оправиться от любых ударов, более того — аресты и суды привлекали все новые силы в защиту преследуемых.

Все хартисты, и в первую очередь спикеры, находились под постоянным надзором, ряд из них подверглись осуждению условно — над каждым висела опасность прямого заключения. Но документы Хартии свидетельствуют, насколько тщательно и скрупулезно, можно даже сказать, педантично отслеживалась ситуация с учетом того, что соответствующие сигналы порождали большой резонанс на Западе.

Интерес к деятельности Хартии вызывался еще и тем, что она задала некую матрицу перманентной протестной деятельности. Действительно, обоснованная ее лидером В. Гавелом «неполитическая политика» отличалась одной особенностью — всегда быть ориентированной на поиск нарушений прав и свобод человека, гарантированных Конституцией ЧССР, а конструктивное сотрудничество «режим нормализации» кате-

горически отвергал. Важна была и другая особенность: если ряду оппозиционных движений на начальном этапе «режима нормализации» (в августе 1968 — декабре 1972 г.) удавалось сломать хребет, то с Хартией 77 этого не происходило, поскольку такового у нее и не было.

Хартия 77, таким образом, предстала как качественно новый тип протестного движения. Это диссиденты, которые не ставили прямую цель свержения режима, в отличие от оппозиции. Гавел ввел для подобного рода активности и новый термин: «неполитическая политика». Основанная на ней модель взаимоотношений власти и общества оказалась достаточно успешной для целей протестной деятельности. Не случайно внешне безобидная Хартия вызвала столь мощное неприятие «режима нормализации», обернувшееся репрессиями, с одной стороны, и поддержку силами в странах Запада — с другой. Тем самым планы подавить хартистское движение в зародыше потерпели крах. Хотя первых из подписавших Хартию допрашивали, у многих провели дома обыск, силам госбезопасности не удалось сломить волю и рядовых ее членов: подписей никто не отзывал, за исключением одного случая.

Кампания, которая должна была ориентировать общество на отвержение Хартии, началась 12 января 1978 г. со статьи «Самозванцы и банкроты» в газете «Руде право»²⁶. Хартия в ней называлась «делом международной реакции, которая пытается создать видимость некоего широкого международного фронта». Отмечалось, что она якобы возникла по заказу «антикоммунистических и сионистских центров». Подписанты назывались группой людей «из рядов потерпевшей крах чехословацкой буржуазии, а также из рядов обанкротившихся организаторов контрреволюции 1968 года». Воззвание характеризовалось газетой как «антигосударственный, антисоциалистический, антинародный и демагогический пасквиль, который грубо и лживо клеветает на Чехословацкую Социалистическую республику и революционные достижения народа. Его авторы обвиняют наше общество, что в нем жизнь не устроена по их буржуазным и элитаристским представлениям»²⁷. Предъявлялся практически стандартный набор обвинений, «нестандартной» оказалась ситуация: Хартия не ослабляла своего влияния.

Истерическая кампания не помешала другим гражданам присоединиться к Хартии — за два месяца число подписавших документ выросло почти на 400 чел. Она, напротив, способствовала расширению информации о ее существовании, хотя о ее целях среди широких слоев населения мало что было известно. Важную роль в ее поддержке сыграли зарубежные радиостанции, в первую очередь «Голос Америки» и «Свободная Европа», хотя их глушили.

Вскоре после создания Хартии в Париже образован «Международный комитет в защиту Хартии 77 в Чехословакии», в состав кото-

рого вошли видные деятели мировой культуры. В июне 1977 г. он выпустил объемное издание под названием «Белая книга о нарушении прав человека в Чехословакии» («White Paper on Czechoslovakia»), а с 1979 г. ежегодно присуждал премию Яна Палаха отдельным лицам или группам за выдающиеся достижения в сфере независимой литературы, искусства, науки, издательской или гуманитарной деятельности²⁸. Благодаря этой и другим организациям, занимавшимся проблемой нарушения прав человека (например, Международная амнистия), Хартия 77 почти сразу приобрела широкую международную известность.

Что касается чехословацкой эмиграции, то она также немедленно и всячески поддержала Хартию. Созданные по ее инициативе структуры — «Фонд Хартия 77» в Швеции, «Агентство Палах пресс» в Лондоне и издательская служба Ивана Медека в Вене — распространяли за рубежом материалы хартистов и предоставляли информацию о Хартии мировым СМИ. Печатные издания, например парижский журнал «Сведетви» или «Листы», выходивший в Риме, публиковали диссидентские материалы из ЧССР, оказывая влияние на менталитет чехословацких граждан. В политической сфере Хартии открыто симпатизировали в основном издания, издававшиеся эмигрантскими чехословацкими политическими партиями — Чехословацкой социал-демократической (газета «Право лиду») и Чехословацкой национально-социалистической (газета «Ческе слово») партиями. Моральную поддержку оказывал ей и американский «Комитет свободной Чехословакии», репрезентовавший ряд эмигрантских политических течений дофевральского периода²⁹.

Не без учета повышенной активности всех этих групп и организаций, а также общественного мнения за рубежом кампания правящего режима против Хартии приняла новые очертания: утверждалось, что само государство заботится о реальных правах граждан, которые для хартистов якобы безразличны, поэтому на них не стоит обращать внимания. Хартисты поставили задачу постоянно опровергать эти домыслы.

Вскоре после издания учредительного документа Хартии 77 — Воззвания — внутри появившейся диссидентской структуры начались споры о понимании задач ее деятельности. С одной стороны, на хартистов оказывали давление органы власти, с другой — наблюдалось расхождение идейно-политических ориентаций активистов, проявлялись и различия поколений, групповых и индивидуальных позиций, опыта и ценностных оценок. Споры между их носителями порой выливались в попытки навязать Хартии какой-то особый характер. «То это была идея политического движения, — отмечает В. Пречан, — которое посредством давления снизу могло бы привести властные структуры к переменам; то концепция альтернативного антипотребительского закрытого сообщества; порой это была тактика действий, основанная на

убеждении, что смысл имеет только такая активность, которая ведет с властью переписку и избегает конфронтации с ней»³⁰. Единодушным, однако, оставалось отношение к проблеме прав человека.

Положение осложнялось еще и тем, что в дальнейшем в рядах ее приверженцев, строивших планы относительно перспектив деятельности Хартии, четко обозначились две тенденции³¹. Представители первой полагали, что Хартия 77 может действовать только в определенных внутри- и внешнеполитических условиях, которые после выхода учредительного Воззвания изменились. Поэтому, не ставя задачу о свертывании ее деятельности, в сложившейся ситуации считалось желательным привести ее в некое «состояние покоя». При этом предполагалось, что отдельные идеологические течения будут продолжать свою деятельность, поддерживая связи между собой. Хартия 77, по мысли ряда участников движения, могла продолжать свою деятельность в виде своего рода общественной инициативы. Однако к серьезной реализации своих программных требований в сфере прав человека и гражданских прав ей надлежало вернуться лишь при условии создания благоприятных обстоятельств для наступательной критики режима. Неполитичность при этом трактовалась в собственном смысле данного выражения, а моральное сопротивление оказывалось самодовлеющим.

Представители второй тенденции, напротив, склонялись к позиции активизма. Хартия понималась ими как форма политического движения, поэтому она должна ориентироваться на переход к действенным методам, а ее деятельность проявляться в ежедневных оппозиционных акциях по всем направлениям. Тем самым она являла бы собой некоторый аналог политической программы и должна была выявлять конкретные примеры нарушения гражданских прав, уделять внимание внутренней самоорганизации и побуждать спикеров решать актуальные проблемы. Иногда некоторая из этих тенденций становилась преимущественно определяющей в течение краткого или длительного времени. «Чаще всего, — полагает В. Пречан, — мы находим в Хартии все вместе: поиск политического выхода из кризиса системы реального социализма и нежелание заниматься этим как не подобающим Хартии делом (у одних), неактуальной и преждевременной (у других), либо же совершенно несущественной (например, у молодежи из андеграунда). Именно поэтому в Хартии присутствуют одновременно как совершенно конкретный, адресный протест против бесправия, так и философская медитация и историческая рефлексия „неподкупного поиска правды“ и то, что само себя именует „поиском выхода из патологии ненависти, ставшей инструментом политической власти“...»³².

Уже после смерти Паточки и тюремного заключения Гавела возник важный вопрос: надо ли называть новых спикеров, которые, по

всеобщему мнению, не пользовались авторитетом первых? Группа революционных социалистов, для которых политически понимаемая активность была само собой разумеющейся уже с периода 1969–1971 гг., назвала «запасных спикеров» — Л. Гейданека и М. Кубишову. Линия на активизм побеждала, тем более что уже с осени 1977 г. и особенно к весне 1978 г. стал меняться состав подписавшихся. Значительной ее составной частью становилась молодежь. Вместо Гаека место спикера занял один из бывших лидеров СДЧГ Я. Шабата, стремившийся политизировать движение. Хартия активизировалась и под давлением снизу, а наряду с изданием документов начали использоваться и иные формы протеста, например голодовки.

В мае 1978 г. В. Бенда в статье, направленной спикерам и подписавшим Хартию 77, размышляет над вопросом, что делать дальше. Он писал, что Хартия достигла значительных успехов, поскольку она объединила людей с различными политическими взглядами. Но она «с самого начала оказалась в некой шизофренической ситуации». С одной стороны, хартисты соглашались с критической оценкой системы и функционирования политической власти, с другой — действовали так, как будто бы считались с утверждениями политической власти о ее добрых намерениях и законообразных мерах. Возник вопрос: живут хартисты по реальным законам страны, всего лишь скрывая этот факт за сугубо пропагандистской ширмой, или они оппозиционеры по своей сути?

Сама постановка данного вопроса свидетельствовала о трудности идентификации Хартии 77. Что касается ответа на него Бенды, то он сводился к выдвиганию концептов идей «параллельного общества», «параллельного полиса», «второй культуры» и т. п. Тем самым властям как бы заявлялось: мы не враждуем с вами, мы просто живем по-другому — и так будет жить большинство граждан Чехословакии. Ответ тем самым нагружался смыслами, которых он, возможно, и не намеревался придавать своим соображениям.

Действительно, проект Бенды вызван проблемой изоляции, в которой пребывала Хартия. Выход из нее виделся в объединении граждан для решения конкретных задач, итогом чего явилась бы инфраструктура «параллельного полиса»: параллельная наука, параллельное образование, параллельная экономика, параллельная внешняя политика и др. Конечно, помимо людей непосредственно пострадавших, большинство населения не видело необходимости в подобных параллельных структурах, так что и этот проект мог и не вести к преодолению изоляции диссидентского движения³³. Однако число небезразличных увеличивалось, а государство с ними традиционными методами давления ничего не могло сделать.

П. Ул дал радикальное толкование идеи Бенды, заменив слова «параллельное общество» на «альтернативные структуры» или «альтерна-

тивный полис», идентифицировав их как «революционный авангард»³⁴. Его не устраивало и словосочетание «гражданские инициативы», взамен которого предлагалось «альтернативное сообщество»³⁵. Преимущество с программными установками ДРМ его бывшего лидера ощущается в следующем утверждении: «В условиях бюрократической диктатуры я вижу *революционный авангард общества* (курсив мой. — Э. З.) в альтернативных сообществах независимых от государства, в их соединении и объединении, как в национальном, так и международном масштабах, в улучшении их качества и расширении, в их стремительном размахе и включении всего общества в начало революционного процесса»³⁶.

В 1979 г. он отмечал, что католик и революционный демократ Бенда в целом выдвинул проект формирования и деятельности параллельных структур, но поскольку по существу речь шла о независимой от государства деятельности, то данный проект напоминал концепцию «альтернативных форм» общественной жизни, которые в политическом и социальном спектре капиталистического общества, где они возникли, носят амбивалентный характер. Этот проект в условиях бюрократической диктатуры, по словам Ула, ориентировал многие альтернативные структуры на действия революционного характера даже помимо воли их представителей³⁷.

Тем самым в концептуально-теоретические искания Хартии 77 могли привноситься идеологемы самого разного рода, в числе которых радикально-революционные занимали далеко не последнее место. И все же нужны были и другие ответы, поскольку проблема «что дальше?» отличалась не только теоретическим измерением. На его практическую значимость обратили внимание другие хартисты, которые решительно вмешивались в решение конкретных проблем, конфликтуя с властью и мобилизуя приверженцев различной идейно-политической направленности³⁸. Эта позиция выражена В. Гавелом в известном эссе «Власть безвластных»³⁹, в котором давался по сути политический анализ «режима нормализации» — речь ведь шла о власти. Эссе написано в 1978 г., когда контуры и сила Хартии 77 определились в достаточной мере. Поэтому и начальные его слова: «По Восточной Европе бродит призрак, который на Западе называют „диссиденты“»⁴⁰, (с явным намеком на слова Манифеста компартии) — звучат обнадеживающе. Они — не бессильны, они пока безвластны, это нужда, представляющая из себя добродетель. Ибо в условиях «диктатуры политической бюрократии над нивелированным обществом»⁴¹ к власти диссидентов не допускают. В грядущем же «пост-тоталитарном обществе»⁴² она, может, не будет нужна. А уж тем более не нужна будет идеология, фальсифицирующая настоящее и будущее, ибо исчезнет ее опора — ложь⁴³.

В. Гавел дал новые интерпретации Хартии, которые оказали влияние на все диссидентское движение и активизировали его деятельность.

Кризис общества Гавел рассматривал в первую очередь как моральную деградацию личности. Результатом внешнего приспособления населения к жизни в реальном социализме явились равнодушие, утрата веры в будущее, бездумное использование возможности работать не на благо общества, а на удовлетворение собственных материальных интересов. Прекратилась борьба за правду и права, одновременно наблюдалось бегство в частные сферы. Режим поддерживал эти тенденции и вынуждал граждан заниматься не политикой, а только сугубо своими личными делами, ориентировал на то, чтобы они молчали, работали и потребляли.

Суть кризиса, по Гавелу, заключалась в противоречии между действительной реальностью, как ее воспринимает человек, и реальностью, созданной режимом. Последнюю он называл «миражом, видимостью, воображением», находившимися в противоречии со «здоровым смыслом». Так, политические представители утверждали, что социалистическая демократия является самым совершенным политическим устройством, в то время как ежедневно гражданин убеждался, что не имеет ни малейшего влияния на принятие решений в общественных делах; то же происходит и в сфере прав человека. Это противоречие и являлось, по мнению Гавела, источником конфликта с властью.

Согласно Гавелу, характерной чертой «режима нормализации» являлось то, что власть не требовала от гражданина, чтобы он верил ее идеологии, отождествлял себя с нею или публично присягал ей. От него требовалось соблюдать определенные ритуалы, т. е. принимать участие в публичных акциях, например демонстрациях 1 мая и др. Признавая эти требования, он побуждал и других поступать так же, помогая тем самым укреплять систему. В «режиме нормализации» человек, как полагал Гавел, был не только объектом манипулирования, но и субъектом действия. В этом, собственно, и заключалась причина стабильности режима⁴⁴. Если же человека принуждают «жить во лжи», то выходом из кризиса должна быть «жизнь в правде». А если этому препятствует официальная политика, то надо выражать приверженность «неполитической политике», заключает Гавел. «Моральный радикализм Гавела, — пишет Отагал, — ставил граждан перед неразрешимой дилеммой: либо жить „в правде“ и подвергаться преследованиям, либо же жить „во лжи“ и сохранить тем самым соответствующее существование»⁴⁵.

Подобная политика и стала программной для Хартии 77. Обосновывая ее с идейных позиций, Гавел убеждал: лишь после отказа гражданина выполнять ритуалы официальной политики и попытки преодолеть противоречие между «реальным» и «кажущимся» он начнет жить аутентично. Борьбу за нее должен вести каждый человек, при этом линия фронта проходит внутри него, а не между «нами» и «другими». Лишь через изменения личности станет другим и общество в

том смысле, что позволит каждому «жить в правде». Конечно, такой призыв по видимости дистанцирует гражданина от политики: самосовершенствование — во многом неполитическое дело. Но политический резонанс оно может получить — и получило — немалый. Поэтому и репрессии против хартистов не прекращались.

Гавел сформулировал основные характеристики концепции «неполитической политики», предлагая только их как высшую жизненную ценность диссидентам. С точки зрения логической, это выглядело парадоксом. Но оказалось, что такой демонстративный уход от политики предстал как лучшая из наиболее действенных политик в условиях «нормализации». Режим с каким-то ожесточением набрасывался на носителей подобного рода идей, не зная даже, какие по сути обвинения им предъявлять.

Концепция «неполитической политики» Гавела предстала как единственно возможная реакция интеллектуала на «нормализацию», который не мог реально влиять на политическую ситуацию. И все же она была воспринята всего лишь частью диссидентов, не доходя до умов рядовых граждан.

Косвенно полемизировал с Гавелом известный словацкий мыслитель и диссидент М. Шимечка. Он также допускал, что реальность противоречит здравому смыслу, но сознавал, что критика режима не спровоцирует массу на ежедневные политические акции, а приведет лишь к раздражению⁴⁶. По его мнению, мотивация основной позиции гражданина скрывается более глубоко и «имеет мало общего со здравым смыслом. Она дана их сущностным включением в систему, их экономической и собственно комплексно человеческой зависимостью от тотального всемогущества государства реального социализма»⁴⁷. Этим объективным условиям жизни Гавел как раз не уделял достаточного внимания.

После первых атак на Хартию 77 власти успокоились или сделали вид, что успокоились, тем более что сам лидер хартистов призывал не к массовому неповиновению, а к личному самосовершенствованию. Это не значит, что Хартию и ее лидеров выпускали из поля зрения. Однако факты были таковы: отклики в обществе на Хартию оказались незначительными, и до ноября 1989 г. к ней присоединилось лишь около 2000 граждан. Конечно, власти платили за подписи преследованиями подписантов, но причины игнорирования кроются и в самой Хартии.

На официальных мероприятиях граждане единодушно голосовали против Хартии, в частном же порядке они выражали хартистам симпатию («наконец хоть кто-то сказал правду»), даже оказывали семьям преследуемых материальную помощь. В глазах рядовых граждан, в частности молодых, Хартия демаскировала игру между властью и большинством народа, однако она не вошла в массовое сознание своей

позитивной программой. Игра, согласно М. Кусы, заключалась в том, что граждане голосовали за резолюции, с которыми внутренне не соглашались, или принимали участие в манифестациях, которые им были безразличны. Однако они не перенапрягались в труде и могли унести с работы практически все, что хотели. Так было и в других странах «социалистического содружества», а «жить не во лжи», как уже отмечалось, призывал не только В. Гавел, но и А. Солженицын.

Конечно, хартисты не ожидали, что их призывы поднимут среди населения протестные настроения. Но отсутствие к себе интереса народных масс заставило их пересмотреть некоторые свои первоначальные установки и попытаться разобраться, почему молодежь больше интересуется «Пластиковым народом Вселенной», а не реальным состоянием граждан собственной страны, равно как и защитой их прав и свобод. Оказалось, общество не было готово «жить в правде», отдавая предпочтение удовлетворению непосредственных, преимущественно материальных потребностей. Тем более они не стремились, отбрасывая ложь, ставить под угрозу существование своей семьи и брать на себя риск возможного ареста, предпочитая пользоваться «благами социализма»⁴⁸. Хартия могла поэтому стать своего рода закрытым сообществом морально «чистых» людей, а диссидентство по собственной воле оказаться в гетто. П. Питгарт писал, что его стену возводила не только полиция, но сами диссиденты: «У нас менталитет секты, секты оппозиции против сектантства власти»⁴⁹.

Разумеется, каждая оппозиция в авторитарной системе воспринимается политически, а любое несанкционированное публичное воззвание как антипартийное. И требование реализации прав человека угрожало авторитарной системе, разжигая неприязнь правящих кругов, что и доказала кампания против Хартии. Однако выявилось, что она отражала интересы небольшой группы пострадавших интеллектуалов, а не большинства населения, что массового движения она не вызывает, даже что она адресовала свое первое Воззвание вовсе не гражданам, а органам власти и призывала к диалогу именно их⁵⁰.

«Кажется, нет сомнений в том, — писал В. Пречан, — что вопреки всему Хартия обогатила чехословацкую действительность и наше познание, но после четырех лет ее существования исчезла одна иллюзия: а именно, что она может дать импульс общественному движению более широкого масштаба»⁵¹. Однако то, что Хартия провозгласила борьбу за права человека, что она объединила идейно и политически разрозненные независимые инициативы, что она в период отсутствия политической оппозиции во всеуслышанье говорила правду, привлекло к Чехословакии широкий интерес в западном мире. Поддержка с его стороны диссидентского движения и защита многих его активистов

от полицейского и судебного преследования стали куда весомее. Хартия открыла путь и для возникновения новых гражданских инициатив (Комитет в защиту несправедливо преследуемых), разоблачавших нарушения прав человека и гражданина в Чехословакии, отслеживавших соблюдение прав верующих граждан и др.

Хартия стала реакцией на специфические условия в Чехословакии, где в результате чисток возникла большая группа неравноправных граждан, но не появилось массовое оппозиционное движение. Здесь основой и ведущей силой диссидентства вновь становились интеллектуалы, которые в общественно-политическую жизнь вносили свои собственные представления об условиях и нуждах общества. «Неполитическая политика» хартистов казалась неубедительной по своим результатам и на фоне движения «Солидарности» в Польше — там интеллектуалы не столько задавали тон социальному протесту, сколько стремились влиться в него. И оказывалось, что такая «неполитическая политика» (потому что призыв создавать независимые профсоюзы по видимости тоже неполитичен) куда более действенна, чем диссидентский ее вариант.

После неудавшегося диалога с властями (который для ряда хартистов продолжился в тюремных камерах), после суда в ноябре 1977 г. над четырьмя лидерами нужно было искать новые формы активности. Хартия 77, во-первых, обратила большее внимание на внутренние проблемы (положение верующих и национальных меньшинств в Чехословакии, вопросы образования и экологии); во-вторых, уделяла больше внимания демократической традиции в межвоенный период, призывая не манипулировать историей; в-третьих, выражала поддержку диссидентским движениям в других странах. Кроме этого она активнее вовлекалась в организацию непубличных концертов и выставок, образовательных программ и независимых гражданских инициатив.

Надо сказать, что конец 1970-х — начало 1980-х гг. — время активизации не только хартистов. К примеру, андеграунд защищался и самостоятельно. Так, в 1980 г. было запрещено проведение 15-тысячного джаз-фестиваля в Праге из-за опасений «публичных беспорядков»⁵². Протестовавшая против этого секция джаза⁵³ объявлялась «диссидентской организацией» после ее приема в Международную федерацию джаза. Наконец секция (насчитывавшая 7 тыс. членов вместо разрешенных в 1971 г. 3 тыс.) была распущена, а джазмены начали собираться полулегально. Их преследовали, многие музыканты выехали за рубеж, но все же провокативная лирика и ирония трудно выводились на «чистую воду». Музыканты-панки часто выступали в студенческих клубах, был составлен «черный список» из 37 рок-групп, а музыкальные издания подверглись подозрениям за аполитичность. «Ничто не имеет значения. Это может стать лозунгом молодого поколения» — так писала одна из партийных газет⁵⁴.

К началу 1980-х гг. Хартия 77 продолжала существовать как свободное и неформальное сообщество людей разных убеждений, разной веры и профессий, а защита прав человека и гражданина в Чехословакии стала ее наиболее важным делом. Она продолжала разоблачать злоупотребления «режима нормализации» со ссылками на необходимость соблюдения уже имевшихся законов. Несмотря на преследования хартистов, число подписавших ее увеличивалось, а отказавшихся от подписей были единицы. К концу 1977 г. ее подписали 840 чел., к концу апреля 1978 г. — 978 чел., а в течение 1980-х гг. число подписавших достигло 2000 чел.

Хартия, не будучи организацией и не имея организационно обусловленного членства, все же выступала как специфическая форма оппозиции, являя собой неполитическое общественное движение. Формальные с большим неформальным авторитетом ее лидеры (спикеры, глашатаи), менявшиеся ежегодно три человека, осуществляли контакты с государственными и иными организациями, а также чехословацкой и мировой общественностью. Ее эксперты вырабатывали и предавали гласности документы. Подобная ротация помимо прочего способствовала тому, что в 1980-е гг. в рамках Хартии не сложилось оппозиционной элиты, или контрэлиты, которая с большой интенсивностью складывалась в Польше в структурах «Солидарности».

Лидерство в Хартии 77 по-прежнему оставалось за диссидентами и в первую очередь В. Гавелом, П. Пигартом, А. Лисом и др. Но переходило и к экс-коммунистам (И. Гаек, З. Йичинский, Р. Сланский и др.), независимым социалистам (Р. Баттек и др.), революционным социалистам (П. Ул и др.) и даже христианским деятелям (католический священник П. Малы, В. Бенда, философ-евангелист А. Гейданек); два последних были спикерами дважды. В Хартии представлены интересы многих групп, что приводило к кризисам единства и не позволяло ей стать основой для развертывания широкой оппозиционной деятельности. Правда, больше этому «помогли» репрессии 1980-х гг.

Хартия 77 отстаивала права человека в разных сферах жизни чехословацкого общества: это были конкретные права в сфере образования, экономике и социальной сфере, религии и др. Данная установка просматривалась в аналитическом материале Хартии 77, появившемся уже в конце января 1977 г. под названием «Дискриминационные ограничения права на образование молодежи в Чехословакии» — в ответ на директиву министерства образования «К вопросу о классификации претендентов на обучение в вузах» в соответствии с политическими критериями. Материал от 8 марта «О состоянии экономических и социальных прав в Чехословакии» полностью концентрировался на социальной сфере, а материал от 22 апреля 1977 «О свободе вероиспо-

ведения и религиозных правах в Чехословакии» рассматривал статус церквей в стране и положение верующих.

Как подчеркивалось в справке посольства СССР в Чехословакии от 6 марта 1978 г., «Хартия 77 в трактовках западных СМИ представляла собой продолжение „исторической тенденции соединения социализма со свободой“, но уже не путем борьбы за „изменение общества“, а путем борьбы за „выполнение Конституции и принятых международных соглашений о правах человека“»⁵⁵. Из большинства комментариев западных СМИ в первой половине 1978 г., как указывалось в документе, следовало, что «„хартия-77“ считается на Западе „наследником пражской весны“, доказательством „живучести ее идей“ и некой определяющей моделью для „возможных изменений общественной структуры в будущем“»⁵⁶. В годовщину создания Хартии 77 в публиковавшихся на западе материалах «хартисты по-прежнему представляются как герои („Нью Йорк таймс“ назвала их „гуситами сегодняшнего дня“»)⁵⁷.

16 июля 1978 г. Хартия направляет благодарность организации «Культурфронт» в Стокгольме за подготовку манифестации по случаю оккупации Чехословакии, в защиту Хартии 77 и политзаключенных. В этом документе события августа 1968 г., официально трактуемые партийными и государственными органами ЧССР как «интернациональная помощь», открыто названы словом «оккупация». А уже 12 августа 1978 г. Хартия 77 выступает с Воззванием к 10-й годовщине вооруженной интервенции в Чехословакии. Данный материал не содержал требований или положений демократизации, смены власти, ухода с высших государственных и партийных постов «нормализаторов» и др. Тем не менее в нем впервые прямо и открыто в незавуалированном виде события 1968 года назывались «вооруженной интервенцией», которая к тому же квалифицировалась как «противоправный акт». Для партийной и государственной элиты Чехословакии, стоявшей у истоков «режима нормализации», признать это — значит подписать себе приговор с неизбежным уходом и смещением с политической сцены. Этого официальная Прага, разумеется, допустить не могла и не хотела, продолжая яростное сражение за сохранение властных позиций. При этом ей не только приходилось внутри страны сражаться с набиравшей силу и усиливавшей свое давление оппозицией, но и сопротивляться постепенно усиливавшемуся нажиму относительно проведения демократических преобразований из-за рубежа.

В документе от 12 августа 1978 г. Хартия практически выступила с политическими требованиями. Она выдвинула их в момент, когда действовала «доктрина Брежнева», а до перестройки в СССР было еще очень далеко и вряд ли кто тогда в нее верил. При этом 1978 год — время не только заявлений, но и политических акций хартистов. Так, по

инициативе членов Хартии 77 24 апреля 1978 г. был создан Комитет в защиту несправедливо преследуемых (КЗНП). Он информировал общественность о случаях незаконного преследования граждан и распределял материальную помощь семьям пострадавших. В 1979 г. аресту подверглись его 10 активистов, но Комитет оказался неистребимым политическим инструментом оппозиции. Он издал несколько совместных с Хартией 77 документов, сотрудничал с организацией «Международная амнистия», а в декабре 1978 г. стал членом Международной федерации по правам человека, действовавшей в Париже. В период с 1978 по 1986 г. КЗНП представил более 500 коммюнике о преследованиях инакомыслящих в Чехословакии. Власти подвергли в мае 1979 г. аресту 6 его лидеров, а в октябре осудили их, но деятельность Комитета не ослабла, а лишь усилилась. К 1989 г. КЗНП имел 31 члена, 6 членов принимали участие в его деятельности за рубежом.

В год 10-летия Пражской весны кроме Хартии и КЗНП обозначили свою активность другие независимые структуры. Так, в начале 1978 г. по инициативе М. Дюрая на конспиративной основе создан Комитет по защите прав венгерского национального меньшинства, деятельность которого в 1984 г. легализовалась. В конце 1980-х гг. активизировались группы либерально ориентированной венгерской молодежи, основавшей оппозиционный ПЕН-клуб венгерских писателей в Словакии и принявшей «Меморандум-1988» с требованиями демократизации политической системы Чехословакии и включения страны в процессы европейской интеграции⁵⁸.

Уже в первый год своего существования Хартия стремилась не только приобрести известность, но и наладить связи с оппозиционными группами в других странах «социалистического содружества». С этого времени развивала свою деятельность неформальная группа «Польско-чехословацкая солидарность», получившая статус организации в 1981 г.

Документ от 12 августа и созданный КЗНП явились своеобразным отчетом о первом годе деятельности Хартии, а заодно — об антинормализационной деятельности за 10-летний период. Подчеркивалось, что многие действия Хартии носили плюралистический характер и в них содержался план, который мог объединить оппозицию, а в определенной мере реализовать требования «реформистов» и «радикалов». При этом уже через год оказалось, что такого рода план ведет с неизбежностью к конфликту с политической властью, а иллюзии о выходе из данного состояния с помощью «косметического ремонта» развеялись⁵⁹. Тем самым он не являлся чисто «просветительским» и политически наивным делом. Когоут писал, что Хартия 77 обязана своим возникновением защите другой культуры и в значительной мере нацеленности на «гуманизирующую» интерпретацию

системы законодательства⁶⁰. Й. Вогрызек назвал Хартию «актом самообороны», но такой, которая вызвала острую реакцию со стороны властей как раз отсутствием открытой враждебности⁶¹.

Ежегодно Хартия 77 готовила несколько десятков документов, выражавших протестную реакцию на различные общественные проблемы, способствовала выходу многих публикаций в самиздате (включая 280 документов по актуальным проблемам современности). К 1978 г. относится начало выхода в Праге в самиздате периодического сборника «Гисторицке студие». В Словакии получил широкое развитие религиозный самиздат⁶².

Однако радикальных изменений в программе и направлении деятельности Хартии не наблюдалось, а «режиму нормализации» удавалось держать оппозиционное движение в изоляции вплоть до 1985 г. — начала перестройки в СССР. Этот внешний побудитель оказался весьма мощным для всех. И если до 1985 г. компромиссное объединение носителей разных разнородных инициатив в рамках Хартии 77 позволило оппозиции выжить в условиях «нормализации», то после него диссидентство начало выходить на новые пути активности.

В конце октября 1979 г. состоялся суд над шестью хартистами: Гавелом, Улом, Бендой, Динстбиром, Беднаровой и Немцовой. Позицию зарубежных СМИ нетрудно было предвидеть, осуждали процесс и многие правозащитные организации. Руководители Московской Хельсинкской группы, сами будучи в положении преследуемых, выступили против неоправданной жестокости, направленной против обвиняемых. Они призывали поднять волну протестов против суда во всем мире и выражали солидарность с преследуемыми.

В Заявлении от 1 февраля 1980 г. Хартия 77 в очередной раз подтвердила свой отказ от ориентации на деятельность в «сфере политической, которая выходит за рамки существования Хартии», но одновременно прокламировала солидарность с теми гражданами, которые «незаконно находятся в поиске политического выхода чехословацкого общества из нынешнего положения»⁶³. Неполитичность Хартии 77, переносившей решение политических вопросов в нравственную сферу, заключалась в том, что она «отказывается быть „технически политической“; она не указывает иного пути к выполнению своей миссии кроме морального обращения к гражданской ответственности, человеческой солидарности; она апеллирует к правительству, чтобы оно соблюдало свои собственные законы, предлагает ей диалог; ведет многолетнюю «педагогическую» работу (Паточка)». Это противоречие между политичностью и неполитичностью Хартии, попытка решить политическую проблему неполитическими методами явилось одним из обстоятельств, «лимитировавшим шансы Хартии стать ведущим фактором в общественном движении более крупного масштаба»⁶⁴.

Ставившая одной из своих целей диалог с правящим режимом, Хартия в первой половине 1980-х гг. в своем Открытом письме вынуждена была признать: за период с января 1977 г. по сентябрь 1982 г. «со стороны властей не пришел ни один официальный ответ на письма и документы, которые Хартия адресовала и адресует тем или иным представителям властных структур». Вместе с тем в письме подтверждалось кредо гражданской инициативы: Хартия ведет диалог не с анонимным аппаратом власти, хотя адресатом многочисленных документов являются соответствующие официальные органы, а с каждым гражданином Чехословакии, иными словами, она не ведет диалог лишь «с властью», а в первую очередь «с совестью каждого нашего гражданина»⁶⁵.

Надо подчеркнуть, что хотя «режим нормализации» не прислушивался к Хартии 77, ее слышали в обществе. Функционировали десятки периодических изданий по самым различным отраслям знания, включая журналы по «параллельной» социологии и философии, политические газеты, экологические бюллетени и др. Так, с 1972 г. по инициативе Л. Вацулика издательством «Эдице Петлице» публиковались самиздатские материалы (250 названий до закрытия в 1983 г.), издательством «Кварт» по инициативе Я. Владислава — книги (120). В эти годы активно работало издательство «Эдице Экспедице», созданное В. Гавелом, а также различные религиозные издательства. По свидетельству И. Пеликана, общее число названий, нелегально выпущенных в 1985 г. в самиздате, превысило число легальных⁶⁶.

Деятельность Хартии послужила значительным стимулятором активности деятелей независимой науки и культуры в ЧССР⁶⁷. Стало появляться все большее число публикаций в самиздате, получавших их одобрение. Молодежь начала интересоваться зарубежными философскими и литературными течениями, предпочитать «неофициальное» искусство и т. д.

Развитие независимой литературы и преследования авторов независимых литературных произведений привлекали внимание зарубежных писателей и ученых. Положение интеллектуалов в Чехословакии становится темой дискуссий и предметом протестов на международных форумах, в частности на всемирных конгрессах историков, социологов, экономистов. Британские, французские и голландские ученые — представители этих и других наук — выступали на квартирных семинарах в Праге, поддерживали тем самым интеллектуальные контакты со своими чехословацкими коллегами. В сотрудничестве с другими лицами они в начале 1980-х гг. создавали в своих странах, а также в Канаде и США специальные фонды, например «Фонд Яна Гуса», в задачу которого входил сбор финансовых средств для оказания поддержки независимой литературной и научной деятельности. В ряде вузов (университеты в Торонто и Констанце, Гарвардский университет), а также в Чехословацком центре

независимой литературы в ФРГ создавались архивы документов Хартии 77. Этот центр, как и ряд других организаций, переправлял в ЧССР западную литературу и журналы, а на Западе распространял чехословацкие независимые публикации. Некоторые западные научные журналы посвящали специальные номера политологическим, историческим и социологическим работам, которые выходили в чехословацком самиздате. Ряд издательств в ФРГ, Франции, Австрии и других странах издавали произведения ведущих деятелей Хартии и других независимых авторов в переводах на иностранные языки.

Склонявшиеся к еврокоммунизму партии на Западе, а также Всемирная федерация профсоюзов и французская Всеобщая конфедерация труда, которые возглавлялись коммунистами, выражали свои симпатии Хартии и выступали с резкой критикой «режима нормализации» за его политику подавления свободы. Однако со временем интерес этих партий к Хартии заметно ослабевал. Вместе с тем Социалистический Интернационал и некоторые западноевропейские социал-демократические партии (немецкая, французская, австрийская и шведская) выражали ей свои симпатии, выступая за освобождение жертв преследований, например независимого социалиста Р. Баттека.

Следует также подчеркнуть, что Хартия 77 стала важным фактором международных отношений. Известные деятели (президент Австрии Б. Крайский, бывший канцлер ФРГ и председатель Социнтерна В. Брандт) требовали освобождения чехословацких политзаключенных. Крайский предложил политическое убежище всем хартистам, которые приняли решение эмигрировать в Австрию и остаться там. К середине 1980-х гг. стали традиционными встречи государственных деятелей западных государств (например, президент Франции, министры иностранных дел Франции, Великобритании, Голландии и др.) в ходе их официальных визитов в Прагу со спикерами Хартии. Некоторые западные посольства поддерживали тесные контакты с хартистами, приглашая их на приемы и различные встречи, оказывая им моральную поддержку. Дипломаты в залы суда, конечно, не допускались, но вместе со сторонниками обвиняемых принимали участие в демонстрациях солидарности.

В Вашингтоне была создана Комиссия по безопасности и сотрудничеству в Европе, входившая в компетенцию как американского Конгресса, так и правительства США. Она готовила материалы для конференций СБСЕ, издавала информации о случаях нарушения Заключительного акта и преследованиях диссидентов. Представители неправительственных организаций совместно с эмигрантами из восточноевропейских стран указывали на неудовлетворительное положение дел в области прав человека, проводили во время конференций СБСЕ демонстрации. Во время работы европейского культурного форума СБСЕ в октябре 1985 г.

в Будапеште на частных квартирах прошла фактически контрконференция, на которой венгерские диссиденты, западные деятели культуры, а также чехословацкие эмигранты обсуждали притеснения в области культуры. Все делегаты получили экземпляры изданной на английском языке книги под названием «A Besieged Culture» («Культура в осаде»), которую издал «Фонд Хартии 77» в Стокгольме и Международная Хельсинкская федерация по правам человека. Согласно авторам этой книги, преследование писателей и отсутствие возможности свободного самовыражения и творчества являлось прямой атакой на духовную целостность и идентичность чешской и словацкой культуры⁶⁸.

В 1980-е гг. были налажены связи с диссидентами ГДР, представителями «Солидарности» в Польше, другими оппозиционными силами стран региона. Один из польских активистов даже утверждал, что «Солидарность» возникла благодаря идеям, сформулированным в чехословацком самиздатовском сборнике «О свободе и власти» и работе В. Гавела «Власть безвластных»⁶⁹, хотя вряд ли такое утверждение можно принимать безоговорочно. Чехословацкий опыт оказал значительное воздействие на развитие независимых групп и самиздатовских журналов в Венгрии. Еще в 1978 г. А. Сахаров направил чехословацким и польским борцам за права человека письмо, в котором указывал на общность взглядов восточноевропейских независимых инициатив и активистов и подчеркивал необходимость координации их деятельности⁷⁰.

Значительных успехов достигло сотрудничество поляков, чехов и словаков, которые стали проводить встречи на Дороге дружбы на границе Чехословакии и Польши. На основе этих встреч укрепилась группа Польско-чехословацкой солидарности, которая организовывала совместные акции и поддерживала контакты между независимыми инициативами двух стран. С 1987–1988 гг. начал выходить сначала польский, а затем чешский Информационный польско-чехословацкий (чехословацко-польский) бюллетень солидарности. Сотрудничество достигло кульминации в июле 1988 г., накануне 20-й годовщины вторжения, когда участники встречи осудили агрессию и потребовали вывода из ЧССР советских войск. Одновременно они требовали уважения прав человека и гражданских прав и потребовали от стран Варшавского договора подписать соглашение, гарантировавшее право на самоопределение⁷¹.

С середины 1980-х гг. международное сотрудничество диссидентских групп интенсифицируется. Примером их совместных действий явился коллективный Призыв чехословацких, венгерских и восточногерманских гражданских инициатив (позднее их поддержали румынские диссиденты), приуроченный к 30-й годовщине венгерской революции.

В первой половине 1985 г. западные государства поддержали инициативу Хартии 77 в организации общеевропейской дискуссии о мире

и правах человека. В «Пражском призыве» Хартии (март 1985 г.), адресованном международной конференции в Амстердаме, утверждалось, что искусственное разделение Европы — военное, политическое и культурное — главная причина отсутствия европейской безопасности. «Свобода и достоинство отдельных граждан, — декларировалось в документе, — ключ к свободе и самоопределению наций. Только полноправные народы могут превратить Европу в сообщество равноправных партнеров, которые не будут угрожать тотальной ядерной войной, а их отношения станут реальным мирным сосуществованием»⁷². Тем самым ставился вопрос о воссоединении Европы и создании сообщества свободных и независимых народов на европейском континенте. Документ, подписанный спикерами Хартии и 45 другими хартистами, требовал вывода иностранных войск из всех европейских стран, объединения Германии и ликвидации «господства сверхдержав»⁷³. Нужно подчеркнуть, что репрессии первой половины 1980-х гг. несколько снизили число и интенсивность подобных контактов. Хартисты ощущали поддержку скорее на расстоянии и от интеллектуальных кругов Запада, а не от соотечественников.

Следует отметить, что в это время в ЧССР разрабатывались официальные проекты реформирования чехословацкой экономики, которые зиждились на незыблемой основе — социалистической собственности. Что касается представителей чехословацкого оппозиционного движения, то оно однозначно оценивало экономическое положение в стране как состояние глубокого и всестороннего кризиса. Именно после начала советской перестройки Хартия 77 стала смелее выступать с альтернативными проектами реформирования разных сфер жизни чехословацкого общества, включая народнохозяйственную сферу. Так, 14 ноября 1985 г. Хартия 77 предложила свой альтернативный проект «О необходимости экономической реформы», в котором обращает на себя внимание, с одной стороны, лексика советской перестройки, а с другой — признаки отхода от социалистической экономики, поскольку в документе фигурируют такие термины, как «рыночные отношения» и «индивидуальное и мелкое предпринимательство».

В документе наряду с признанием «некоторых позитивных результатов» в чехословацкой экономике указывалось на ее «хронические недуги и кризисные явления», а также на «неспособность нынешней административно-директивной централизованной распределительной системы реагировать на настоятельные требования эффективности, технического и экологического развития». «Нельзя закрывать глаза, — подчеркивалось в нем, — перед существенными причинами продолжающейся экономической стагнации и углубляющегося отставания нашей экономики от развитых стран, иными словами — перед необходимостью

фундаментальных структурных изменений и коренных экономических реформ... В системе экономического управления так наз. реального социализма преобладает чрезмерная централизация принятия решений и директивность приказов, связанная с прямым административным контролем за их выполнением».

В документе отмечалось, что экономическая реформа, проводившаяся во второй половине 1960-х гг. в Чехословакии, «совершенно очевидно оздоровила отношения в нашей экономике и заложила некоторые значительные тенденции для ее долгосрочного процветания. Масштабные преобразования, в которых участвовали экономисты предприятий, центральные органы и теоретические центры, были политически осуждены так наз. нормализацией и управление нашей экономикой в семидесятые годы вернулось к устаревшим директивным и административным методам»⁷⁴.

По мнению хартистов, переход от централизованной к децентрализованной системе управления не являлся исключительно экономическим делом, имея значительные политические и общественные аспекты. Хартия предлагала устранить вмешательство политических органов в прямое экономическое управление, ликвидировать так наз. кадровый потолок для беспартийных, которым разрешается занимать лишь самые низшие руководящие должности, хотя «многие из них имеют профессиональную и нравственную квалификацию, чтобы руководить предприятиями». В этой связи высказывалась необходимость отменить законы, преследовавшие индивидуальное предпринимательство как подлежащую наказанию деятельность, и разрешить мелкое предпринимательство в установленных законом границах⁷⁵.

Далее в качестве первого шага к оздоровлению экономических отношений и управления экономикой, которое затрагивало всех граждан республики, Хартия 77 предлагала «политическим и властным органам, а также редакциям газет и других средств массовой информации провести широкую общественную дискуссию о необходимости, целях и ориентации экономической реформы, о необходимости структурных преобразований чех[ословацкой] экономики. В этой связи опубликовать анализ реального состояния нашей экономики и во многом в более широком масштабе нежели до сих пор опубликовать опыт управления экономикой в Венгрии, Советском Союзе, Китае и других странах с другой экономической системой и не ограничивать заранее дискуссии идеологическими или какими-либо другими рамками». Далее высказывалась идея выработать на основе результатов этой дискуссии конкретные предложения по «исправлению функционирования хозяйственного механизма, структуры и системы управления чех[ословацким] народным хозяйством»⁷⁶. Следует отметить, что, охватывая широкий круг проблем, по которым шла выработка концептуальных установок,

Хартия 77 уделяла крайне недостаточное внимание урегулированию отношений между чехами и словаками как государствообразующими нациями на демократических основаниях⁷⁷.

Однако хартисты были сильны не столько своими экономическими программами, сколько активностью в культурной жизни. В уже упоминавшейся статье «Шесть заметок о культуре» Гавел писал, характеризуя ситуацию первой половины 1980-х гг. и критикуя по отношению к ним метафору «Биафры духа». «Я, — утверждал он, — видите ли, не думаю, что мы все умерли. И вокруг себя замечаю отнюдь не только одни кресты и могилы. Даже в большей степени, чем сотни книг, выходящих в „самиздате“, десятки машинописных журналов, частные или полуофициальные выставки, концерты, семинары и т. д., об этом говорит — во всяком случае на мой взгляд — кое-что еще. Театры, переполненные людьми, благодарными за каждое сколько-нибудь осмысленное слово и бурно аплодирующими каждой ехидной усмешке актеров. (О, если бы такая публика была в начале шестидесятых годов! Наверное, ни один спектакль театра, в котором я тогда работал, не был бы сыгран до конца!) Очереди на всю ночь у касс некоторых театров перед началом продажи билетов на следующий месяц. Очереди у книжных магазинов, когда должен поступить (искромсанный цензурой) Грабал*. Чуть ли не стотысячный тираж дорогой книги по астрономии (та же книга в США вряд ли нашла бы столько читателей), поездки молодых людей на другой конец страны ради концерта, который может и не состояться, и т. д., и т. п. Неужели все это и в самом деле кладбище? В самом деле „Биафра духа“?»⁷⁸. Гавел не только зафиксировал факт конфронтации между «кладбищенскими устремлениями власти» и «неистребимым культурным голодом живого организма общества», но и спрогнозировал дальнейший подъем «параллельной культуры», а вслед за ним — пробуждение всего общества.

Все же звучали и другие, пессимистические голоса, в первую очередь в эмиграции. Так, в январе 1985 г. М. Кундера писал в одной из своих англоязычных статей, вспоминая ввод войск в 1968 г., о «насильственном конце западной культуры»: «В маленькой западной стране я испытал конец Запада. Это было величественное прощание»⁷⁹. Но на этом основании он отбрасывает и творчество Достоевского, якобы тоже манифестирующее собой угрозу европейской цивилизации.

Комментируя этот пассаж, другой эмигрант — из СССР — И. Бродский отметил: «Звучит возвышенно и трагично, но это чистой воды театр». Кроме этого он утверждал относительно позиции чешской интеллигенции: «Кундера, что вполне естественно, стремится

* Имеются в виду произведения Б. Грабала (1914–1997), написанные в стиле «потока сознания».

быть европейцем больше, чем сами европейцы». Однако подобные позиции грешат, по мнению Бродского, излишним рационализмом. Он все же прославляет Яна Палаха, спасавшего западную культуру эмоциональным поступком, которая «строилась прежде всего на идее человека, который принял за нас смерть»⁸⁰.

За этими культурологическими спорами была видна глубина отчаяния, охватившего часть чехословацкой интеллигенции. Один из источников этого отчаяния — полное отвержение европейского Востока и его культуры (по сути, всечеловеческой, а по истокам — западноевропейской), поскольку оттуда «с утомительной регулярностью прибывают войска и танки»⁸¹. Бродскому оставалось заметить, что за 30 лет до этого «вторжение пришло с Запада»⁸², имея в виду 1938 год.

Ясно видно, что мнение Кундеры отличалось от мнения Гавела, который оказался в большей степени прав. Это продемонстрировали заявления и события в связи с юбилеем Хартии 77. Характеризуя ее как независимую гражданскую инициативу, лидеры Хартии продолжали ориентироваться на концепцию «неполитической политики», уточняя и развивая отдельные ее элементы.

В написанном в октябре 1985 г. предисловии к памфлету словацкого писателя Д. Татарки (1913–1989) «Демон согласия» В. Гавел уточняет свою позицию о «неполитической политике», утверждая в этом плане, что политикой может стать все, в том числе и художественное творчество. Это касается в особой мере писателей в тоталитарных государствах, которые даже специально дистанцируются от политики. Гавел полагал, что соответствующее звучание приобретает и нарочитое умолчание о ней: «Ведь у нас, образно говоря, даже описание шума леса более политично, чем в иных литературах»⁸³.

Хотя памфлет Татарки был написан в 1963 г., он не утратил своего звучания и после 1968 г., тем более, что он хотя бы внутренне не смирился с «нормализацией». Его художественное творчество носило диссидентский для Словакии характер, книги распространялись нелегально или выходили за рубежом. Гавел написал в предисловии к французскому изданию «Демона согласия» под контрастирующим заголовком «Возглас прозрения», что правдивость художественного произведения — залог его политичности и что это характерно не только для творчества Татарки. Публикуя предисловие, Гавел тем самым фиксировал и факт усиления связей между чешскими и словацкими диссидентами⁸⁴.

Десятилетний юбилей Хартии 77 в 1986 г. дал новые импульсы диссидентскому движению в стране. Стало ясно, что сила хартистов — в их декларируемой аполитичности, а о том, что она именно декларируема, догадывались все. Целый год на страницах многочисленных изданий, в передачах за-

падных СМИ, в дискуссиях в «халупах», то есть на дачах, подводились итоги этого десятилетия и подчеркивалось, что оппозиционные силы набирают новое дыхание. «Хартия, — убежденно писал В. Гавел в марте 1986 г., — не является ни левой, ни правой не потому, что находится „где-то в центре“, а по более глубоким причинам: она не относится к тому или иному полюсу политического спектра, поскольку не имеет с этим спектром ничего общего и по самой своей сути находится вне его. Как не определившаяся политически и разрабатывающая конкретную политическую программу гражданская инициатива — если можно так выразиться — находится где-то „над“ всем этим, или говоря более скромно: вне всего этого»⁸⁵. В конце 1986 г. он подчеркивал, что появление Хартии диктовалось вовсе не желанием противопоставить одной политической или идеологической программе другую; она не хотела становиться политической силой, конкурирующей с той, которая правит; она не выступала в качестве лучшей альтернативы тем, кто находился у власти⁸⁶. В поле битвы превращались другие сферы жизни: борьба за права человека и создание «параллельной культуры», и здесь противостоявшие партийные силы никакими преимуществами не обладали.

Развивая мысль Гавела, Л. Гейданек утверждал в конце апреля 1986 г., что масштаб деятельности и требований Хартии 77 изначально трактовался и формулировался как в значительной степени ограниченный. «Хартия, — писал он, — не рассматривала и не рассматривает саму себя как организацию (у нее нет никакого устава или организационной структуры, нет у нее и членства) и не хочет быть базой оппозиционной политической активности». Более того, она «даже не помышляет выдвигать какие-либо собственные программы политических или общественных реформ или преобразований, но заявляет лишь о своей готовности вести с политическими и государственными представителями и с органами конструктивный диалог»⁸⁷.

В сентябре 1986 г. М. Поволны в статье «Хартия 77 и чехословацкая оппозиция» подтвердил именно этот заложенный в Хартии смысловой каркас: она не является политической оппозицией, если принять определение оппозиции в более узком, традиционном смысле слова, как его использует классическая демократия. В классической демократии оппозиция не только признается, но и приветствуется как необходимая сила и является не только организованной, но и институционализированной и легитимной альтернативой данному правительству, с гарантированными правами и с обязанностями, которые определены соответствующей политической культурой⁸⁸. Однако, как резонно подчеркивал автор статьи, в таких государствах, как Чехословакия, оппозицию нельзя рассматривать лишь в узком смысле слова. «Можно также, — по его словам, — говорить об оппозиции в более широком смысле. Миссия такого рода оппозиции — не входить во власть, поскольку существующие условия

исключают подобного рода альтернативу, а критиковать, предостерегать и воспитывать, иными словами, формировать альтернативную политическую культуру в противовес политической культуре правящих»⁸⁹.

С точки зрения режима, деятельность Хартии, по мнению автора, являлась политической и оппозиционной. Хотя, писал он, этот вопрос в Хартии не дискутировался, известно, что некоторые хартисты выражали более критический настрой не только по отношению к фактам нарушения законов, но и к их конкретной формулировке. Об этом, в частности, говорили П. Ул и Я. Тесарж, в то время как другие, например Л. Гейданек, считали, что вопрос об оппозиционности «Хартия 77 может легко обойти, если четко заявит о том, что она не хочет быть оппозицией»⁹⁰.

К 1987 г. оказавшаяся — точнее, казавшаяся — «слабым» противником «режима нормализации» Хартия 77 развивала свою деятельность на основе максимальной толерантности. Главной формой ее деятельности оставался ежегодный выпуск документов, касавшихся важнейших проблем общества: ущемления гражданских, политических, социально-экономических прав человека, условий жизни, проблем потребителей, образования, культуры, науки и т. д. Эта деятельность приобретала в первой половине 1980-х гг. в чем-то рутинный характер.

Таким образом, хартистское движение «взошло на политический подиум в период значительного идеологического смирения, политической апатии и нравственного нигилизма народа»⁹¹. Хартия 77 сыграла важную роль в проведении подготовительной и рекультивационной работы для будущих политических преобразований. «Импульс к переменам, — пророчески утверждал В. Пречан, — придет откуда-то из другого места, а не из движения за права человека и гражданские права; то есть они не станут результатом непосредственного влияния и деятельности Хартии, КЗНП, независимой литературы разного рода. Однако качество этих перемен в будущем будет определяться в том числе и результатами подготовительной работы, проводившейся в период окостенения и омертвления, кажущегося вакуума, который на самом деле явился временем, наполненным сохраняющими, регенерационными и рекультивационными усилиями. Оно будет определяться и итогами поисков тех, кто не сдался вчера и сегодня, кто отказывался по причине несовместимости со своей совестью или по иным причинам жить во лжи, кто избрал свой путь гражданских прав и обязанностей. Даже если большинству современников это казалось лишь опасными поступками горстки безумцев»⁹².

Десятилетний опыт деятельности в достаточной мере подтвердил данный прогноз. И уже вторая половина 1980-х гг. стала временем, когда осознание неотвратимости перемен ширилось среди всего общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: Charta 77: Dokumenty 1977–1989. Sv. 3... S. 421–475.
- 2 *Otáhal V.* Charta 77... S. 42.
- 3 *Skilling H.G.* Op. cit. P. 14.
- 4 *Вацлав Гавел.* Заочный допрос... С. 134.
- 5 Подробнее см.: Ke vzniku Prohlášení Charty 77 a prvného seznamu jeho signatářů // Charta 77: Dokumenty 1977–1989. Sv. 3... S. 1.
- 6 Charta 77 očima současníků... S. 18.
- 7 *Вацлав Гавел.* Заочный допрос... С. 134.
- 8 Выведем в свет в 2007 г. фундаментальном трехтомнике документов приведены три версии Возвзвания Хартии 77: первая, обсуждением которой начались дискуссии инициаторов Хартии, была выработана 16 декабря 1976 г.; вторая от 17 декабря содержит ряд поправок и третья, окончательная, датируется 18–19 декабря 1976 г. В книге содержится и своеобразная инструкция В. Гавела собирателям подписей от 20 декабря 1976 г., а также алфавитный список первых подписантов. См.: Charta 77: Dokumenty 1977–1989. Sv. 3... S. 4–24.
- 9 Ibid. S. 19–24.
- 10 *Žatkuliak J.* Op. cit. S. 78.
- 11 Charta 77. 1977–1989. Od morální k demokratické revoluci... S. 83.
- 12 *Skilling H.G.* Samizdat and an Independent Society... P. 41.
- 13 По мнению Отагала, число рабочих представляется относительно большим, но трудно сказать, кого к ним надо относить. Рабочие профессии приводили часто и те, кто раньше имел другую профессию, но по политическим мотивам вынужден уйти в сферу производства и зарабатывать на жизнь физическим трудом.
- 14 *Obroda — Klub za socialistickou přestavbu...* S. 11.
- 15 *Otáhal M.* Opozice, moc, společnost... S. 39.
- 16 Charta 77. 1977–1989. Od morální k demokratické revoluci... S. 185.
- 17 *Otáhal M.* Opozice, moc, společnost... S. 40.
- 18 См.: Приложение. С. 393–394.
- 19 Charta 77. 1977–1989... Od morální k demokratické revoluci... S. 61.
- 20 *Čas Demokratické iniciativy...* S. 7–8.
- 21 *Jan Patočka a Charta 77 // Charta 77: Dokumenty 1977–1989... Sv. 3. S. 33.*
- 22 Ibid. S. 36–38.
- 23 Ibid. S. 63.
- 24 Ibid. S. 63–65.
- 25 См.: *Keane J.* Václav Havel. A Political Tragedy in Six Acts. London, 1999.
- 26 *Ztroskotanci a samozvanci // Rudé právo. 1977.12.1.*
- 27 Ibidem.
- 28 Charta 77. 1977–1989. Od morální k demokratické revoluci... S. 186; см. также: *Prečan V.* Charta 77 jako československý a mezinárodní fenomén // Charta 77: Dokumenty 1977–1989... Sv. 1. S. XIV–XVI.
- 29 Charta 77. 1977–1989. Od morální k demokratické revoluci... S. 188.

- 30 Ibid. S. 114.
- 31 Подробнее см.: *Mlynář Z.* Ideologické a Politické Richtungen innerhalb der Bürgerrechtsbewegung in der heutigen Tschechoslowakei. Sonderveröffentlichung des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien. Köln, 1978. Oktober. S. 47–50.
- 32 Charta 77. 1977–1989. Od morální k demokratické revoluci... S.114.
- 33 *Otáhal M.* Opozice, moc, společnost... S. 43.
- 34 Charta 77. 1977–1989. Od morální k demokratické revoluci... S. 81.
- 35 Ibid. S. 82, 87
- 36 Ibid. S. 88.
- 37 Ibid. S. 83.
- 38 Ibid. S. 5.
- 39 Книга в переводе на русский язык опубликована в 1991 г. в Минске под названием «Сила бессильных».
- 40 *Гавел В.* Сила бессильных. Минск, 1991. С. 11.
- 41 Там же. С. 12.
- 42 Там же. С. 16.
- 43 Подробнее см.: *Задорожнюк Э.Г.* Вацлав Гавел: Драматургия президентства // Кентавр. М., 1995. № 5. С. 18–20.
- 44 См.: *Гавел В.* Сила бессильных...
- 45 Charta 77: Dokumenty 1977–1989... Sv. 3. S. 260–261.
- 46 *Šimečka M.* Obnovení pořádku. Příspěvek k typologii reálného socialismu. Köln, 1979. С. 171.
- 47 Ibidem.
- 48 *Otáhal M.* Opozice, moc, společnost... S. 47.
- 49 Ibidem.
- 50 Charta 77. 1977–1989. Od morální k demokratické revoluci... S. 60.
- 51 Ibid. S. 116.
- 52 *Ramet S.* Op. cit. P. 107.
- 53 Секция джаза — легально образовавшаяся еще в 1971 г. группа в рамках Союза композиторов Чехословакии — поначалу казалась властям безобидной группой любителей западной музыки. Но вскоре у властей появились подозрения в связи с тем, что рост ее превысил 3 тыс. чел., что в ее бюллетенях поднимались вопросы, касавшиеся не только музыки, что ежегодные джазовые фестивали проходят с политическим подтекстом. Среди них крепло убеждение, полушутливо выраженное в одной из песен, популярной среди советской молодежи: «Сегодня парень любит джаз, а завтра родину продаст...».
- 54 Tribuna. 1983. 23.III.
- 55 АВП РФ. Ф. 138. Оп. 59. П. 175. Д. 15. Л. 32.
- 56 Там же. Л. 31.
- 57 Там же. Л. 85.
- 58 November 1989 a Slovensko... S. 254–256.
- 59 Charta 77 očima současníků... S. 45.
- 60 Charta 77. 1977–1989. Od morální k demokratické revoluci... S. 45.

- 61 Ibid. S. 64.
- 62 Подробнее см.: *Lesňák R.* Op. cit.; *Kmeř N.* Op. cit. S. 194–196.
- 63 Charta 77. 1977–1989. Od morální k demokratické revoluci... S. 115.
- 64 Ibid. S. 112.
- 65 Ibid. S. 118.
- 66 Across Frontiers. 1985. Winter 1985; см. также: *Ramet S.* Op. cit. P.III; *Prečan V.* *Nezávislá literatura a samizdat v Československu 70. a 80. let.* Praha, 1992; *Gruntorád J.* *Samizdat // Za svobodu a demokracii...* S. 145–155.
- 67 Подробнее см.: *Skilling H.G.* *Samizdat and Independent Society...*
- 68 Charta 77. 1977–1989. Od morální k demokratické revoluci... S. 193.
- 69 Ibid. S. 193–194.
- 70 Ibid. S. 194.
- 71 Ibidem.
- 72 Ibid. S. 159–160.
- 73 Ibid. S. 196.
- 74 Charta 77: Dokumenty 1977–1989... Sv. 2. S. 743.
- 75 Ibid. S. 744.
- 76 Ibidem.
- 77 Подробнее см.: *Задорожнюк Э.Г.* Чешско–словацкие отношения... С. 22–23.
- 78 *Гавел В.* Гостиница в горах... С. 125–126.
- 79 New York Times Review of Books. 1985.6.1.
- 80 *Бродский И.* Почему Милан Кундера несправедлив к Достоевскому // *Бродский И.* *Сочинения.* СПб. 2001. Т. VII. С. 95–96.
- 81 Там же. С. 91.
- 82 Там же. С. 92.
- 83 Иностранная литература 1990. № 4. С. 5.
- 84 Остается добавить, что памфлет был переведен на русский язык еще в 1964 г., его выпуск в СССР готовился до «бархатной» революции, а помощь в этом оказывал еще один активист 1989 г. профессор М. Кусы, друг Татарки, работавшего после 1968 г. лесорубом.
- 85 Charta 77. 1977–1989. Od morální k demokratické revoluci... S. 129.
- 86 Ibid. S. 162–163.
- 87 Ibid. S. 131.
- 88 Ibid. S. 146.
- 89 Ibidem.
- 90 Ibid. S. 149.
- 91 Ibid. S. 58.
- 92 Ibid. S. 116–117.

ГЛАВА 4. ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ ОППОЗИЦИЯ В ПРЕДДВЕРИИ «БАРХАТНОЙ» РЕВОЛЮЦИИ: ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СТРУКТУР И РОТАЦИЯ ЦЕЛЕЙ

§ 1. Первые шаги по консолидации чехословацкой оппозиции

В апреле 1987 г. в Чехословакию с визитом прибыл генеральный секретарь ЦК КПСС М. Горбачев. С ним связывались самые разные надежды и «властных», и «безвластных». Первые ожидали полного одобрения своей политики, направленной на «нормализацию», предпочитая не замечать, что это противоречит уже происходившим изменениям в политике самой КПСС. Лозунги «перестройки», заменивший в начале 1987 г. лозунг «ускорения», а также «гласности» даже фактом своего провозглашения ко многому обязывали. Но тогда же обнаружились и противостояния активных реформаторов и консерваторов в руководстве КПСС, результатом чего стала отставка 20 ноября 1987 г. Б. Ельцина. Естественно, Горбачев, не становясь однозначно на сторону первых, избегал и поддержки вторых, а критика «режима нормализации» могла бы стать одним из сигналов такой поддержки.

Однако он не поддержал и оппозиционные настроения в Чехословакии, не принес извинений за подавление Пражской весны, не поинтересовался судьбой А. Дубчека. Более того, на состоявшейся 10 апреля 1987 г. в Праге встрече М. Горбачева с членами Президиума и секретарями ЦК КПЧ вопрос о 1968 г. поднимался предельно сжато и в одном ключе. «После 1968 г. — подчеркнул советский руководитель, — чехословацкие товарищи проделали большую работу, вывели страну из кризиса. У вас есть чем гордиться. Но возникают новые проблемы, и чтобы их решить, нельзя останавливаться». В ответе чехословацкого лидера прозвучало: «Михаил Сергеевич, Вы сами видели, как люди реагируют на 1968 год — спокойно и правильно. Хочу вернуться к вопросу январского Пленума (имеется в виду январский — 1987 г. — пленум ЦК КПСС. — Э. З.)»¹. На этом, судя по записи, которую вели Г. Шахназаров и М. Кузнецов, обсуждение 1968 г. закончилось. Излагая основные вопросы хода советской пе-

рестройки, Горбачев не преминул заметить: «Не бездействуют ревизионисты. Ваши правые утверждают, будто Горбачев делает то, что они в свое время хотели сделать. В действительности они вели дело к тому, чтобы и Варшавский Договор порушить, и социализм в Чехословакии подорвать. Еврокоммунисты со своей стороны говорят, что, мол, перестройка — это повторение их концепций. Все это ерунда. Мы идем своим путем, обновляем социализм, придаем ему новый облик, и прогрессивные силы уже выигрывают от перестройки. Мы говорим: больше социализма, больше демократии». Далее он остановился на роли единства партии для успешного руководства процессом перестройки: «Если бы на таком боевом этапе ее руководство оказалось рыхлым, это было бы крайне опасно. И ваш опыт, и наш показывают, что партия должна смело решать назревшие вопросы. Если же она не способна это сделать, появляются на свет разного рода инициативные группы, клубы и т. д.»².

В заключение М. Горбачев сказал: «КПЧ провела после кризиса большую работу, вывела страну из кризиса. Это заслуга руководства. Но почивать на лаврах нельзя, надо прибавлять. Тем более, что Чехословакия имеет все возможности. Конечно, есть в вашем обществе какие-то остатки 1968 года, но западная пропаганда зря их переоценивает. Тут пустили даже слух, будто Горбачев отложил визит, поскольку не мог договориться с Гусаком относительно своей встречи с Дубчеком. Сколько пишут такого о Горбачеве! Но я привык не обращать внимания. У нас, коммунистов, есть что сказать миру и нам нечего стесняться»³.

В целом визит был ориентирован на то, чтобы убедиться, в каком состоянии находятся страны «социалистического содружества» и какую роль они смогут сыграть в утверждении «нового мышления», связанного с деидеологизацией внешней политики.

Для оппозиции итоги данного визита оказались мало утешительными. Выявилось, что надежды на «экспорт перемен» не оправдались. Это вызвало разочарование почти всех антинормализационных течений. Хартия 77 отметила, что вопрос о правах человека практически не поднимался, экс-коммунисты уяснили, что перемены в Москве в духе Пражской весны весной 1987 г. в Чехословакию извне не экспортируются. В связи с этим создание в сентябре 1987 г. новой оппозиционной структуры — Демократической инициативы (ДИ), на наш взгляд, можно считать своеобразным ответом на апрельский визит Горбачева. Инициатива снизу, а не извне, демократическая, а не социалистическая независимая структура на основе гражданских инициатив, а не формальная организация — таков ответ чехословацкого антинормализационного движения на неоправдавшиеся ожидания перемен в связи с визитом Горбачева, имя которого, надо сказать, весьма редко упоминается и в документах оппозиции. Избегали обращения к нему позже

даже экс-коммунисты из Клуба за социалистическую перестройку «Возрождение», хотя влияние идей М. Горбачева на него никакому сомнению не подлежит.

В целом конец 1980-х гг. характеризуется обострением конфронтации правящего режима и антинормализационного движения, что видно из анализа позиций противоборствующих сторон в их оценке состояния и перспектив развития Чехословакии. Особенно интересен этот анализ на уровне концепций, программ и политических заявлений, что позволяет полнее характеризовать конкретные инициативы и предложения по выходу страны из кризиса.

В этот период, несмотря на новый виток инициированной чехословацкими официальными структурами мощной пропагандистской и репрессивной кампании, Хартия 77 не прекратила свою деятельность, конкретизировав ряд ее направлений⁴. В ЧССР в целом резко возросло количество нелегальных изданий, которые частично публиковались за рубежом; часть из них издавалась (нередко в виде рукописных журналов и газет) внутри страны. Огромную работу по сбору такого рода подпольных периодических изданий, количество которых превышало 50, а также нелегальной литературы проводил Чехословацкий документальный центр независимой литературы.

В стране продолжалась дифференциация гражданских инициатив по проблемам экологии, правосознания, международных отношений, прав человека, защиты мира и др. Тем самым шел процесс формирования структуры относительно самостоятельных и независимых объединений с собственными идеями и членской базой. Безусловно, мощным стимулом для этого послужила советская перестройка, но и логика внутреннего развития побуждала Хартию 77 более четко проявлять свое политическое лицо.

В приуроченном к 10-й годовщине создания Хартии 77 «Слове к согражданам!» от 6 января 1987 г.⁵ отмечалась появившаяся к концу 1980-х гг. неизбежность вектора перемен — «в направлении к большей демократии». Однако, как указывалось в «Слове», в представлениях о том, что это конкретно означает, какими темпами и в каком направлении двигаться, существуют большие различия. В итоге подчеркивалось: «Мы уверены, что *ненасильственное сопротивление* против всего плохого, *толерантность* (выделено в документе. — Э.З.), порядочность, открытость правде и другому мнению, а также терпение и выдержка — вот те наилучшие инструменты, которые может применить наше общество в приближающейся борьбе за свою эмансипацию, за общественное обновление и демократический порядок»⁶. Хотя акцент в документе, как и во всех предшествующих, ставился на методах «неполитической политики», некоторые исследователи склонны видеть в «Слове» «знак поворота Хартии 77 к политике»⁷. И для такого заклю-

чения есть достаточные основания, поскольку Хартия 77 сыграла роль борца за «нравственное возрождение общества», которое является «условием и предпосылкой демократического политического возрождения»⁸. Более того, со второй половины 1980-х годов она передавала эстафету другим гражданским движениям с отчетливо выраженной политической направленностью.

З. Йичинский в 1987 г. назвал десятилетнюю деятельность Хартии 77 «совершенно новым и чрезвычайным явлением в последний период чешского национального развития главным образом в том, что она является проявлением политической жизни в обстановке всеобщей „безжизненности“. Ее значение состоит и в том, что ее возникновение и деятельность послужили импульсом для ряда новых инициатив, которые важны для сохранения национальной идентичности, для поддержания и настоящего развития чешской национальной культуры». Однако даже такого рода деятельность вызвала подозрения. Не случайно еще в конце 1970-х гг. министр внутренних дел ЧССР Я. Обзиня заявил, что если бы власти не предприняли срочных мер, Хартию подписали бы сотни тысяч человек⁹.

Хартия прорывала густые фильтры «режима нормализации» и поддерживала чувствительность «живой ткани» чехословацкого общества. Но к 1987 г. этого оказалось мало. Дело в том, что «руководство КПЧ, в котором его консервативное ядро упрочило свои позиции, находится в особом противоречивом положении. Оно хочет продолжать проводимую им политику нормализации, с которой связано своим возникновением и всем своим „брежневским“ существованием, но вместе с тем внешне стремится притворяться сторонником реформ, когда после определенных колебаний вербально поддержало советскую перестройку»¹⁰. Действительно, не реагировать на перестройку верхушке КПЧ было нельзя — но как отвечать на эту реакцию оппозиции?

То, что Хартия 77 и другие неформальные гражданские инициативы констатировали противоречивость написанной конституции и фактически действующей практики, критиковали способы реализации власти, связанные с нарушением прав человека и гражданина, за что автоматически объявлялись «враждебными, антисоциалистическими и антигосударственными» — было уже недостаточным. Партия же и правительство, с одной стороны, декларативно провозглашали демократию, что означало возможность принимать участие в общественной жизни, а также плюрализм (хотя и только в рамках взглядов и институтов существующего Национального фронта под руководством КПЧ), а с другой — фактически продолжали политику «нормализации». Признавая формально, что конституция и международные пакты о правах человека и гражданина являются составной частью чехословацкой правовой системы, «режим нормализа-

ции» не обеспечивал гражданам прав и свобод. Разумеется, изменений в этом плане избежать было нельзя, но не менее ясно и то, что должно было измениться и само антинормализационное движение. Его трансформация проходила по двум направлениям: количественный рост неформальных образований и качественные изменения программных установок в плане усиления антирежимных акцентов.

Что же за структуры возникли в 1988 г.? Помимо наиболее крупных и авторитетных (о них речь пойдет ниже) стала формироваться сеть небольших неконформистских объединений. Это общества за открытый диалог в сфере искусства (например, Открытый диалог), музыкальные (Клуб за мир Джона Леннона), пацифистские (Независимое объединение за мир — инициатива за демилитаризацию общества), религиозные (Мир на земле) группы, Ассоциация Масарика и Общество Масарика, а также такая группа, как «Чешские дети».

Если говорить об идейных исканиях этих весьма скромных по количественному составу неформальных групп, то их разброс выглядит предельно широким. Так, возникшее в мае 1987 г. Общество друзей США, которое в феврале 1988 г. было переименовано в Сообщество друзей США, подчеркивало роль США в создании в 1918 г. независимого чехословацкого государства, а также значение этого государства для чешской культуры. Лидеры Сообщества — П. Бартош, П. Юнгман и Б. Коутны.

Независимое объединение за мир — инициатива за демилитаризацию общества (НОМ), созданное 16 апреля 1988 г., провозгласило себя «свободным объединением». Его лидеры (Т. Дворжак, Г. Марванова) своей главной задачей считали борьбу за мир как основное право человека.

Группа «Чешские дети», основанная 28 мая 1988 г., ставила, по словам их лидера П. Плацака, перед собой цель возрождение Чешского королевства как гарантию для бедных и противостояние сильным и богатым, выступала за возвращение имущества церкви и др. С самого начала она объявила себя «свободным духовным сообществом», не выдвигавшим политические программы. В манифесте, принятом объединением, полностью игнорировался чехословацкий истеблишмент, а диалог с ним категорически отрицался из-за отсутствия, как подчеркивалось в документе, «достойного партнера».

Наряду с хартистами развивали свою деятельность и протестные течения, не разделявшие идейные установки Хартии 77 и формировавшие иные концепции решения общественного кризиса. Так, скажем, конструктивисты, как и хартисты, утверждали, что чехословацкое общество находится в глубоком кризисе, однако выход из него виделся ими по-разному. Согласно Гавелу, сутью кризиса являлся кризис индивидуума, а главная проблема заключалась в возрождении идентичности человека. Кризис рассматривался им исключительно в моральной плоскости, а акцент ста-

вился на «неполитической политике». «Конструктивная группа» в свою очередь продолжала настаивать на том, что речь идет о политической проблеме, которую следует решать методами «политической политики»¹¹.

Не случайно на рубеже 1986–1987 гг. конструктивисты разработали перспективную политическую программу перехода к демократической политической системе, которая, на их взгляд, могла послужить основой преодоления дезинтеграции разнородных протестных течений. Подобного рода объединительная платформа должна была заинтересовать и привлечь внимание не только настоящих и будущих единомышленников конструктивистов, но и тех, кто по тем или иным причинам не разделяли идейные установки. Программа была передана для ознакомления представителям интеллектуальных кругов, с которыми «конструктивная группа» поддерживала прямые или косвенные контакты. Параллельно с теоретическими разработками конструктивисты постепенно переходили к практическим шагам. Так, к весне 1987 г. относится их первая политическая акция, связанная с выступлением премьер-министра ЧССР Л. Штроугала, в котором они увидели признаки либерализации, хотя и весьма ограниченной. Данное выступление конструктивисты рассматривали как симптом значительного разложения системы и попытались организовать подписную акцию в поддержку назревших в стране перемен, однако собрать достаточное количество подписей в то время им не удалось¹². Тогда же на выходившие в самиздате сборники конструктивистов обратил внимание Гавел, которого в тот момент заинтересовали некоторые их креативные идеи.

Осенью 1987 г. представители «конструктивной группы», не отказавшиеся от своих планов, предприняли очередную попытку объединения разнородных протестных течений на общей платформе. 18 сентября 1987 г. Э. Мандлер, Я. Штерн, М. Штенгл и К. Штиндл от имени 50 чехословацких граждан инициировали отправку первого письма депутатам ФС ЧССР с требованием начать процесс демократизации общественной и политической жизни. Письмо подписали хартисты (В. Гавел, П. Питгарт, М. Палоуш, Р. Баттек, Р. Сланский), конструктивисты (Б. Долежал и др.) и другие граждане (в том числе Анна Масарикова, Герберта Масарикова и др.), разделявшие сформулированные в письме предложения и требовавшие реализации пяти конкретных пунктов, которые представлялись в качестве условия начала «общественной перестройки». Первые два пункта письма содержали требования, направленные на внесение существенных коррективов в молодежную политику государства. Требовалось и коренное изменение кадровой политики, включая правдивое познание прошлого чехословацкого государства, включая историю первой республики. В этих двух положениях, как представляется, просматриваются отголоски

прежней деятельности части конструктивистов в журнале «Тварж», а также попытки обратить внимание на межвоенный период истории Чехословакии, включая, разумеется, ее духовное и идейное наследие, связывавшееся с именами Ф. Палацкого и Т.Г. Масарика.

Третий пункт заострял внимание на разработке «новых критериев в деятельности Национального фронта», заключавшихся в «последовательной реализации элементов самоуправления», а четвертый касался экологических проблем, включая радикальную программу улучшения жизненной среды столицы чехословацкого государства. Пятый пункт связывался с призывом соблюдения прав человека и гражданина, в частности, с настоятельностью формирования общества равноправных граждан, которые не подвергаются дискриминации по национальным, политическим либо религиозным мотивам.

Письмо призывало депутатов объявить амнистию для всех чехословацких граждан, которые осуждались или подвергались судебным преследованиям по политическим мотивам¹³. В документе первоочередной задачей дня и главным условием начала демократической перестройки в стране названо «восстановление доверия между правительством и населением». Для этого следовало «провести постепенные, хорошо взвешенные персональные изменения (разрядка в оригинале. — Э.З.)». «Мы считаем, — говорилось в письме, — весьма важным, чтобы как можно раньше начался этот процесс обновления высших органов и чтобы в них в обозримое время приступили к работе такие новые лица, имена и деятельность которых не связаны с прошлым и которые были бы способны самостоятельно решать важные вопросы нашей общественной жизни»¹⁴. Перечисленные в письме положения, включая сформулированные в достаточно корректной форме требования обновления высших органов власти, свидетельствовали о некотором движении навстречу друг другу двух полярных течений чехословацкого протестного движения в их оппозиционной и диссидентской ипостасях. Эти импульсы рождали определенные надежды на организационное сплочение чехословацких неконформистских течений, исповедовавших политическую и неполитическую парадигмы борьбы с «режимом нормализации».

Несколько позднее конструктивисты предприняли попытку развить и конкретизировать отдельные положения первого письма. 23 октября 1987 г. по их предложению в адрес ФС ЧССР направляется второе письмо представителей 50 граждан с двумя приложениями. В одном из них, «Инициатива к разработке законов, поддерживающих гражданское равноправие», детализированы первый и пятый пункты первого письма (кадровая политика, соблюдение гражданских прав, амнистия) с перечнем вопросов, которые предлагалось учитывать при разработке соответствующих законов и правовых норм¹⁵.

Наконец, в третьем письме (с двумя приложениями), датированном декабрем 1987 г., которое подписали уже около 200 чел., в качестве упрека властям прозвучали слова о том, что единственным ответом на два предыдущих письма явилось молчание депутатов. «Вполне очевидно, — говорилось в нем, — что ситуация, когда депутаты не реагируют на серьезные инициативы тех, чьи интересы они должны представлять, является составной частью общего неутешительного положения, сложившегося в чехословацком обществе»¹⁶. Первое приложение к письму апеллировало к демократическому прошлому Чехословакии. «В период, — подчеркивалось в нем, — когда в европейских социалистических странах усиливаются требования демократических реформ, задачей юбилейного 1988 года является знакомство чешской и словацкой общественности с демократическими традициями наших народов с особым акцентом на развитии домюнхенской республики и личности первого президента Томаша Г. Масарика». В связи с этим законодательным органам вменялось в обязанность принять ряд постановлений: о государственном празднике ЧССР, которым рекомендовалось считать 28 октября; о знакомстве граждан с жизнью и деятельностью первого президента Чехословакии (восстановление Общества Масарика и Института Масарика; доступность трудов Масарика в публичных библиотеках; издание в ближайшее время его избранных трудов; восстановление выпуска «Сборника Масарика»; учреждение правительственной комиссии по восстановлению памятников Т.Г. Масарика). Конструктивисты одними из первых обратили внимание на потенциал политического наследия Масарика, даже допуская, что в полной мере использовать его удастся не скоро. Но нужно признать, что кроме них мало какая другая из оппозиционных групп опиралась на идеи первого президента. Изменился тип политической активности и его соотношение с началами нравственности.

Вторая главная миссия юбилейного года, по мнению авторов письма, заключалась в непредвзятом изложении послевоенной истории Чехословакии, включая события 1968 г., оказавшие влияние на судьбы всего чехословацкого общества. В следующем приложении речь шла о необходимости принятия нового закона об объединениях, поскольку, как указывалось в письме, демократическое возрождение немислимо без реального воплощения в жизнь принципов свободы собраний и объединений¹⁷.

Таким образом, в ответственные моменты идейные разногласия не становились препятствием на пути сближения позиций хартистов и конструктивистов по целому ряду вопросов или при проведении совместных акций. Важнее другое: идеи «конструктивной группы», не терявшей надежды на интеграцию оппозиционного движения¹⁸, способствовали оформлению новой оппозиционной структуры с отчетливо выраженной

политической направленностью. Она стала называться Демократической инициативой (ДИ); это название впервые встречается в документе от 18 января 1988 г.¹⁹, хотя датой учреждения ДИ принято считать 18 сентября 1987 г., когда она предложила отправить в ФС ЧССР коллективное письмо. Степень схожести положений данного письма с идеями конструктивистов достаточно заметна. Однако более значимой явилась ориентация нового неформального объединения как раз на «политическую политику». К этому обязывали многие вновь возникшие обстоятельства. Внутри страны они связаны с активизацией ряда гражданских инициатив, стремившихся воспроизвести или создать нормы демократической жизни, инициатив достаточно диффузных, но активных. Обращение к имени Т.Г. Масарика здесь явилось неплохим индикатором. Однако важнее внешнее воздействие: во-первых, лозунги перестройки требовали хотя бы декоративного соблюдения ряда демократических процедур, во-вторых, общественные сдвиги в соседних странах — Польше и Венгрии — оставляли Чехословакию, страну с глубокими демократическими традициями, в статусе догоняющей.

Сформировался запрос на новый тип организации — и ДИ не только его правильно «угадала», но и полностью удовлетворила. При этом она стремилась аккумулировать опыт совместных акций различных оппозиционных и диссидентских структур, который, как считали их лидеры, пригодится уже в ближайшем будущем. «Учитывая различную ориентацию, — отмечал Б. Долежал, — в дальнейшем наблюдалась значительная напряженность в отношениях между нами и „первоначальным“ традиционным диссидентством вокруг Гавела. Разумеется, в годы коммунистической диктатуры эта напряженность в отношениях никогда не выливалась в открытый конфликт — обе стороны с учетом обстоятельств не считали полное расхождение желательным или возможным. То, что мы пытались проводить определенную политическую концепцию, несколько отличающуюся от традиционных диссидентских концепций, не мешало нам в конкретных делах относительно тесно сотрудничать с той или иной группой»²⁰.

В целом требования демократизации общественной и политической жизни, ликвидации кадровой номенклатуры, формирования плюралистической модели общества и др. выдвигались ДИ в русле либерально-демократических традиций. Это было первое, хотя и косвенное предостережение «режиму нормализации», которое по мере развития событий и степени их накала могло приобретать более конкретные и жесткие формулировки, трансформировавшиеся в итоге из требования «персональных изменений» в более категоричные призывы к отставке. Данная формула «постепенных персональных изменений» зафиксирована в 1987 г. и в других документах ДИ²¹.

Пражские власти почти сразу обеспокоились возможностью слияния разнородных потоков антинормализаторского движения. В информации федерального МВД для президиума ЦК Коммунистической партии Словакии (КПС) от 1 марта 1987 г. выделялись новые его тенденции. «В деятельности внутреннего противника, — указывалось в документе, — подчеркивается стремление к объединению и согласованию действий с антисоциалистическими элементами в ССР, в первую очередь с „хартией“, и о формировании единой платформы, на которой в ССР могли бы объединиться антисоциалистически ориентированные бывшие члены КПС, представители венгерского национализма и реакционного крыла римско-католической церкви. Цель — формирование более широкой и дееспособной базы для фактической деятельности оппозиции»²².

Что можно сказать о восприятии перестройки внутри Чехословакии в целом? Официальные оценки изменений во внутривнутриполитическом положении СССР со стороны «режима нормализации» носили поверхностный и официозный характер. Вместе с тем нельзя сказать, чтобы партийных и государственных лидеров чехословацкого государства эти вопросы вообще не затрагивали. Однако беспокойство было своеобразным, и оно заключалось в требованиях и просьбах к Горбачеву не менять оценки событий 1968 г. Это аморфное предостережение фиксировало скорее атмосферу, пригодную для появления новых политических сил оппозиционного характера, нежели сигнализировало об их организации. Кроме этого оно выражало опасения партийных инстанций в связи с перестройкой в СССР. Достаточно четко позиция официальной Праги просматривается в ходе переговоров с Горбачевым лидеров Чехословакии в период 1984–1989 гг. При этом обеспокоенность была характерна и для Гусака, и для его преемника на посту генсека ЦК КПЧ (с декабря 1987 г.) М. Якеша, и для Л. Адамеца, сменившего Л. Штроугала в 1988 г. на посту федерального премьера, и для ряда других политических деятелей из числа «властных».

Объективные обстоятельства, связанные с началом советской перестройки, побуждали к большей активности и неформальные независимые структуры. Однако шаги и со стороны власти, и со стороны оппозиции — какими бы серьезными ни были — уже не являлись достаточными для разрешения той ситуации, которая складывалась в Чехословакии с 1968 по 1988 г. Тем и другим хотелось чего-то «большого», чем обещали лозунги перестройки. Для власти это «большее» — желание удержать ситуацию под контролем с опорой на «нормализаторские» установки. Власти догадывались — в отличие от радикализировавшегося «большого брата» — СССР, что любой шаг к отходу от них является возвращением уже не просто к ситуации 1968 г., но и к ситуации до февраля 1948 г. Таким образом, «большее» для них — это как можно меньше перестройки.

Со своей стороны, антинормализаторские силы тоже не удовлетворяли цели, задаваемые перестройкой: их «большее» — это отказ от самих идеалов социализма.

Более того, поскольку для Чехословакии экономические преобразования теснейшим образом переплетались с политическими, «режим нормализации» предпочитал ограничиваться мерами исключительно хозяйственного характера. При этом соответствующие преобразования (как и в СССР) строились на социалистической базе, не было даже речи о каких-либо отступлениях от нее в народнохозяйственном развитии страны. Официальные власти ЧССР попали в ситуацию своеобразного клинча и не могли поддерживать, скажем, требований плюрализма форм собственности в экономике, составлявших основу реформаторских установок Пражской весны, поскольку именно их «режим нормализации» клеймил как оппортунистические и ревизионистские, как угрозу реставрации капитализма в Чехословакии. Антирежимным же течениям представился шанс выдвинуть свою альтернативу преобразований как в контексте концепций перестройки, так и вне их, и они все активнее начали пользоваться им.

Между тем приближался 1988 год — время 70-летнего юбилея Чехословакии, 50-летия Мюнхена, 40-летия февральских событий 1948 года и 20-летия поражения Пражской весны и время нового перелома. Менялся количественный состав и характер протестных движений. И если еще весной 1987 г. налицо были лишь две гражданские инициативы — Хартия 77 и КЗНП, действовавшие на постоянной основе, то к концу 1988 г. существовала уже целая сеть независимых инициатив, обладавших собственной информационной базой и внедрявших свои идеи в общество с помощью самиздатовских органов, а также через зарубежные радиостанции. Росло не только количество участников данных гражданских инициатив, но происходила и явная политизация их программ, вплоть до внесения в последние требования об участии в отправлении властно-управленческих функций. В ряде программных заявлений гражданских инициатив или их представителей отрицался принцип так наз. руководящей роли компартии как несовместимый с принципом равенства граждан и с кодексом гражданских и политических прав²³.

Чехословацкую молодежь в аполитичности упрекали все — и власти (за недостаточную вовлеченность в дело «строительства коммунизма»), и диссиденты (за слабую поддержку протестных акций), и рядовые граждане (как это делают все взрослые по отношению ко всем молодым). Но ее недовольство существующим положением вещей увеличивалось и принимало своеобразные формы выражения. Одна из них — увлечение новейшими музыкальными формами, ведущими к контркультуре (в отличие от официальной и даже «параллельной»), в оценках которых слы-

шалось и политическое звучание. Не «параллельно», а «против» — такова одна из основных ее установок, против во имя индивидуализации, эмоциональной раскованности, ценностей свободы. Молодежь — и особенно студенческая — не ориентировалась в этом плане лишь на правозащитную активность. Можно даже допустить, что ценностям хартистов она поэтому предпочитала ценности ДИ, тем более что в рамках именно этой оппозиционной структуры была учреждена молодежная секция. И все же справедливее будет сказать, что она формировала ценности собственного политического активизма.

«Режим нормализации» вину за мнимую аполитичность и бездумность молодежи возлагал на музыкантов. На эти обвинения молодежь и общество отвечали протестами; последовала новая волна репрессий, завершившаяся запрещением рок-фестивалей, но, конечно же, дело было не только в музыке. И 1988 год, и самое начало 1989 года продемонстрировали это с достаточной определенностью: события шли по нарастающей, а участие в них молодежи, в первую очередь студенчества, отмечалось этой же тенденцией.

Прежде чем перейти к их анализу, нужно рассмотреть некоторые особенности оппозиционного движения в Словакии. Характеризуя диссидентское движение в целом, С. Рамет отмечает, что до середины 1980-х гг. оно почти не развивалось в Словакии. «Почти все организованные диссидентские группы были по сути чешскими группами», — пишет она²⁴. Аналогичные мнения высказываются и словацкими историками, отмечавшими пассивность, с какой словацкое общество приняло «режим нормализации»²⁵. Действительно, антинормализационное движение в Словакии отличалось значительной раздробленностью, вплоть до ноября 1989 г. у него отсутствовала общая платформа.

Количество словацких подписантов Хартии 77, включая словаков, проживавших в чешской части государства, составляло 36 чел.²⁶, т. е. примерно одну пятидесятую часть всех подписавших документ. Из 45 спикеров четверо родились в Словакии, но собственно словаком можно назвать М. Легкого, родившегося в Брно, остальные три жили и работали в Чехии. Данный своеобразный исторический грех (но не следственно-причинная связь) — непривлечение к Хартии словаков — сыграл немаловажную роль в распаде страны в дальнейшем. Это не значит, что словаки игнорировали данную форму протеста, но они предпочитали развивать протестный процесс в других направлениях. Так, в Словакии широкий размах приобрели религиозные движения, а во второй половине 1970-х гг. получили распространение структуры тайной или, как ее еще называли, «катакомбной» церкви²⁷. Еще в начале 1980-х гг. в Словакии (особенно после избрания Иоанна Павла II в 1978 г.) оформилась кампания по сбору подписей в защиту ре-

лигиозных свобод, а также (летом 1983 г.) за визит папы в Чехословакию (петиция собрала 28 тыс. подписей)²⁸. 70 священников и мирян, в основном в Словакии, подверглись в 1968–1988 гг. арестам²⁹. И это свидетельствует, что «катакомбная» церковь, наряду, к примеру, с секцией джаза, также трактовалась «властными» как разновидность диссидентской организации.

Хартию 77 в Словакии поддерживали Я. Чарногурский, Ф. Миклошко, Д. Татарка, М. Кусы, М. Дюрай, Х. Поницка, Т. Перрживы, М. Стрыко, Й. Яблоничский, Я. Стринка, Г. Кочтух, А. Мюнцова, Я. Млынарик, В. Чех, М. Чехова, а также католические священники Р. Гомбик и В. Зайичек и др. Наибольшим авторитетом, подобно Гавелу, пользовался М. Шимечка. Гражданские объединения в Братиславе и других городах выпускали самиздатовские публикации (всего около 10 наименований), а католическое движение во главе с Чарногурским — газету «Братиславске листы».

Со второй половины 1980-х гг. формирование независимых объединений и групп в Словакии активизировалось. Некоторые из них получили импульс от перестройки в СССР, другие же — исходя из внутренних условий и возможностей демократических подвижек. В первую очередь здесь следует назвать Комитет по защите прав человека во главе с Э. Выдрой.

В октябре 1987 г. независимые экологические структуры выступили с публикацией «Братислава во весь голос» тиражом в 2 тыс. экз., потребовав начать открытую дискуссию о качестве жизни³⁰. На рубеже 1987–1988 гг. в Словакии имелось около 30 тыс. копий этой публикации, распространявшихся нелегально. Наконец, еще раньше, с конца 1970-х гг., в Словакии начала формироваться художественная оппозиция (писатели, артисты, историки, журналисты), в частности, возникло объединение SLNOVRAT (И. Хоффман, П. Михалович и др.).

Во второй половине 1980-х гг. возросла активность церковной политической и неполитической оппозиции в Словакии, продолжала деятельность структура тайной («катакомбной») церкви. Церковная оппозиция в это время — феномен исключительно словацкий, его аналога в Чешских землях практически не было. Проходили многотысячные шествия: в марте 1986 г. в Шаштине (около 50 тыс. верующих), в июле в Левоче (около 250 тыс.) и Габолтове (около 100 тыс.). В ответ на провозглашение папой Иоанном Павлом II Марианского года (7 июня 1987 г. — 15 августа 1988 г.) тайная церковь в Словакии организовала публичные манифестации, которые в 1988 г. прошли в Братиславе (100 тыс.). Кульминацией конфронтационных тенденций церковных структур по отношению к государству стало проведение демонстрации верующих граждан 25 марта 1988 г. в Братиславе, получившей название «мирного шествия со свечами», так как ее участники держали в руках зажженные свечи³¹. За два дня до на-

чала шествия австрийское радио, предвеляя события, оценило планировавшуюся акцию как «...самую масштабную конфронтацию между государственными органами и частью населения со времен пражской весны...»³². Это дало основание партийному руководству утверждать о планах превращения данного религиозного шествия в «спонтанное выступление чехословацких католиков за религиозную свободу и права человека»³³ и расправиться с манифестантами силовыми методами³⁴. Власти обвиняли словацкую тайную церковь в связях с людовской, националистической и клеро-фашистской эмиграцией. В целом неформальные течения создавали базу для формирования в Словакии гражданского общества, выступавшего важнейшим фактором процесса демократизации в стране. Они служили зародышами новых политических партий и гражданских инициатив, преобразивших после «бархатной» революции словацкий политический ландшафт до неузнаваемости³⁵. Завершило Марианский год в Словакии шествие верующих 13–14 августа 1988 г. в Нитре. В последующие годы общее число участников религиозных шествий достигало полумиллиона человек.

В целом к концу 1980-х гг. в Словакии располагали массовой базой лишь христианская оппозиция и экологическое движение³⁶; меньшим влиянием пользовались хартисты и экс-коммунисты.

Что касается Чехословакии в целом, то к началу 1980-х гг. начались разговоры о «крахе правозащитного движения»³⁷. Вполне естественно, что во второй половине 1980-х гг. эти разговоры не прекращались, а активность других антинормализационных структур не могла не получить новых импульсов с объявлением перестройки и лозунга демократизации в СССР. Действительно, вторая половина 1980-х гг. характеризовалась кардинальными изменениями в странах тогда еще Восточной Европы, именуемых «восточным» или «советским блоком». В них шли поиски демократических путей развития — с ориентацией на соответствующие преобразования в СССР, связанные с декларировавшейся там перестройкой. Однако уже тогда было ясно, что их трансформация пойдет по другому алгоритму, и характер политической жизни в Польше или экономических преобразований в Венгрии свидетельствовал об этом с достаточной полнотой.

Правящие режимы, взявшие курс на либерализацию еще в конце 1970-х — начале 1980-х гг., вынуждены были пойти на переговоры даже с той частью оппозиции, которая ставила во главу угла отнюдь не совершенствование социалистической модели развития, а принципиальный отказ от нее. Тем самым в указанных странах формировались политические силы, которые отрицали социалистическую парадигму развития общества — или же видели ее в новом свете, то есть с приоритетами рыночной экономики и политического плюрализма.

Чехословакия, в отличие от соседей, с гораздо большей осторожностью шла по этому пути: она вплоть до 1989 г. так и не прошла фазу либерализации коммунистического режима во многом потому, что попытки пройти ее в 1968 г. закончились поражением реформаторского течения в самой КПЧ.

Вот почему чехословацкий «режим нормализации», пришедший к власти в августе 1968 г., в результате вооруженной интервенции пяти стран Варшавского договора, продолжал ориентироваться на советскую «доперестроечную» модель социализма, которую считал «нормой», даже когда она решительно отбрасывалась в соседних странах. Как свидетельствуют документы, тактика и стратегия борьбы с «антисоциалистическими силами», чехословацкое руководство вместо того, чтобы извлечь выводы из опыта соседних стран и сконцентрировать внимание на решении неотложных экономических задач перестройки, продолжало придерживаться уже дискредитировавшей себя политики «нормализации».

Советская перестройка и декларируемое лидерами КПСС новое видение социализма отнюдь не входили в планы и расчеты пражского руководства, с тревогой воспринимавшего шедшие из СССР новые веяния. Более всего оно боялось при этом опасного для себя сходства идей перестройки с идеями раздавленного танками в августе 1968 г. «социализма с человеческим лицом»: в противном случае пребывание у власти «нормализаторов» становилось нелегитимным в самом своем основании. «Заморозки» Пражской весны не могли не длиться до поздней осени 1989 г.

В силу этого партию можно было лишь свергнуть, но не преобразовать — и понимание данного обстоятельства стало постепенно выкристаллизовываться в условиях доминирования в антинормализационных кругах установки на ненасильственные действия, или «неполитическую политику»³⁸. Вот почему оппозиция в Чехословакии обречена была входить в режим диалога столь трудными путями, причем не только потому, что не было сил с противоположной стороны, ориентированных на подобный диалог. Лозунги «неполитической политики» в подобных условиях могли стать и барьером к диалогу, который с каждым годом становился все более неотвратимым.

В этом плане возникает достаточно острый вопрос: были ли пражский режим и оппозиция столь монолитны: первый в своем сопротивлении советской перестройке, а вторая в своих призывах лишь к «неполитической политике», как это представлялось в отечественной историографии? На этот вопрос нужно дать отрицательный ответ. И хотя противоречия между этими противостоящими силами выявлены достаточно полно, расхождения внутри них обнаруживаются лишь в ходе пристального анализа, в результате которого можно прийти к вы-

воду: «бархатная» революция — не чудо, а готовившиеся исподволь неизбежные перемены, несовместимые с «режимом нормализации», становившимся тормозом на всех направлениях общественного развития. Это осознавалось не только чехословацким обществом, но и его правящей элитой, к тому времени тоже далеко не монолитной, — осознавалось, но громко не декларировалось.

Одной из главных характеристик чехословацкого общества к моменту «бархатной» революции оставалась непреходящая память о Пражской весне 1968 года. «Нормализация», целью которой, по мысли пришедших к власти новых лидеров КПЧ, являлась консолидация страны на принципах марксизма-ленинизма, обществом принята не была. По этой причине чехословацкая оппозиция предельно обобщенно разделила чехословацкое общество на «властных» и «безвластных». В 1987 г. лидеры констатировали более жесткое разделение чехословацкого общества на две части: партийное меньшинство и беспартийное большинство³⁹, подчеркнув наличие глубокого противоречия между ними.

Следует подчеркнуть, что в течение всех 1980-х гг. указанный критерий дифференциации оставался актуальным, о чем достаточно убедительно говорил 10 января 1988 г. снова попавший в категорию одного из лидеров «безвластных» А. Дубчек в интервью итальянской газете «Уни-та». Он еще раз напомнил о том, что даже чехословацких коммунистов разделил август 1968 г., когда внутренние чехословацкие проблемы решались методом военного вмешательства. «Правда, — продолжал он, — раскол партии и после этого вмешательства еще не был окончательным... Он свершался по мере усиления внутреннего и внешнего давления, связанного с отказом от ориентированной на процесс возрождения политики и Программы действий КПЧ»⁴⁰.

По утверждению Дубчека, сначала произошел раскол партийного руководства, вслед за которым произошел раскол партии, а затем и всего чехословацкого общества — по принципу падающего домино. Вердикт лидера Пражской весны был следующим: «Следовательно, результатом „консолидации“ стало не объединение, а разъединение»⁴¹. Это признавалось и «властными», использующими иную лексику для обозначения противников «режима нормализации»: «внутренний противник», «антисоциалистические силы», «незаконные структуры» или «незаконные политические группы»⁴².

Выступление Дубчека в зарубежной печати с открытой публичной критикой «режима нормализации»⁴³ квалифицировалось секретариатом ЦК КПЧ как «импульс к развязыванию масштабной кампании, направленной против КПЧ и ее современной политики»⁴⁴. И такая констатация стала тем, что именуется «самоосуществляющимся про-

рочеством»: подобного рода выступления и другие акции заметно увеличились и усилились.

В годовщину февральских событий 1948 года ДИ обратилась в адрес ЦК КПЧ с письмом, включавшим пять разделов, в котором требовалось проведение коренных демократических преобразований в жизни чехословацкого общества⁴⁵. По оценкам одного из его авторов, этот документ был «достаточно острым», представлявшим собой «относительно далеко идущую программу общественно-политических преобразований»⁴⁶.

Оппозицией использовались «акции давления», ставившие целью в условиях «разрядки в процессе перестройки» собрать как можно большее число верующих для проведения массовой манифестации по призыву пражского архиепископа кардинала Ф. Томашека⁴⁷. Ее проведение планировалось на 6 марта 1988 г. во время торжественной мессы в соборе св. Вита на Пражском Граде, посвященной празднику Благословенной Анежки. В торжестве, по планам организаторов, должны были принять участие более 100 тыс. чел., что, как считали партийные органы, имело целью «продемонстрировать массовый протест верующих против социализма под ширмой „борьбы за религиозную свободу“»⁴⁸. Однако в результате принятых органами госбезопасности превентивных мер в акции приняли участие около 5 тыс. чел., включая туристов и случайных посетителей Пражского Града.

Надо отметить, что год спустя (6 марта 1989 г.) руководство МВД ЧССР разгадало «маневр» верующих — последние якобы пришли к выводу, что «открытая конфронтация с государственной властью не приведет к цели. В настоящее время более эффективными формами борьбы они считают организацию религиозных шествий и различных петиций с политическим подтекстом»⁴⁹.

Как видно, первая четверть нового 1988 г. — время резкой активизации ранее молчавших оппозиционных движений. Но «властные» как бы делали вид, что этого не замечают. Доказательством является то, что в «Письме и информации секретариата ЦК КПЧ членам КПЧ об активизации деятельности враждебных сил в процессе перестройки и демократизации» от 6 мая 1988 г. главным орудием антисоциалистических устремлений называлась не столь уж массовая и политически активная Хартия 77⁵⁰. Фактически это был очередной призыв ко всем рядовым коммунистам со стороны партийного руководства мобилизоваться на идеологическую и политическую борьбу против чехословацкой оппозиции⁵¹, но форма донесения этого сигнала оставалась прежней.

Партийным организациям на местах предписывалось руководствоваться содержащимися в циркулярах ЦК КПЧ установками и недвусмысленно указывалось: «Перестройка и демократизация, вытекающие

из ленинского понимания социализма, не подразумевают демобилизацию в идеологической и политической борьбе»⁵². Коммунистов призывали вести свою работу среди граждан так, «чтобы организаторы антисоциалистических акций — а это в своем большинстве одиночки — оставались изолированными в своих намерениях. Мы никому не позволим извлекать выгоды из процесса перестройки и демократизации»⁵³. То есть по-прежнему использовалась терминология 50-х гг. на фоне происходившей в соседних с ЧССР странах — Венгрии и Польше — радикальной трансформации.

Еще одной «головной болью» партийного руководства стали заметно активизировавшиеся в 1968 г. бывшие члены КПЧ, рассматривавшие, как указывалось секретариатом ЦК КПЧ, советскую перестройку в качестве «удобного момента для оправдания своих позиций и своей бывшей деятельности, которые нанесли вред партии и обществу. Политику „пражской весны“ они выдают в качестве прообраза нынешней политики советских коммунистов, пытаясь тем самым добиться своей реабилитации»⁵⁴.

Лето 1988 г. в Чехословакии прошло относительно спокойно, за исключением того, что в начале августа 1988 г. ДИ в Обращении по случаю 20-й годовщины вступления в Чехословакию войск пяти стран Варшавского договора, называя вещи своими именами, говорила о введении в Чехословакии после августа 1968 г. «жесткого авторитарного режима», о «тяжелой политической летаргии», в которой пребывает чехословацкое общество⁵⁵. В связи с этим к советскому руководству предъявлялось требование отказа от обоснованности августовской интервенции 1968 г., что «необходимо и неизбежно как для наших национальных интересов, так и для свободного развития народов Центральной и Восточной Европы»⁵⁶.

В качестве политических требований ДИ выдвигала также: отмену документа «Уроки кризисного развития в партии и обществе»; полную реабилитацию А. Дубчека и его руководства; «отставку из политической жизни нашей республики Густава Гусака и Василя Биляка, которые более всего олицетворяют введенный после августовского (1968 г.) вторжения авторитарный режим и приход новых политических деятелей, не отягощенных участием в подавлении свободного развития Чехословакии в 1968 году»⁵⁷.

Указанные требования — одна из первых серьезнейших заявок части чехословацкой оппозиции на выработку альтернативной политической программы демократических преобразований. Новое усиление они получили после того, как 15 сентября 1988 г. ДИ в специальном «Извещении» заявила о себе как об «общественно-политическом движении»⁵⁸, а также единении оппозиционных сил без идеологических разделительных линий, поскольку ДИ придерживалась принципа по-

литического плюрализма. Следует особо выделить содержащееся в документе требование реабилитации А. Дубчека, что, как представляется, не могло не предполагать и возможного возврата к идеям «социализма с человеческим лицом».

Надо подчеркнуть, что еще с начала января 1988 г. представители неформальных структур предпринимали шаги по объединению различных сегментов чехословацкого оппозиционного движения на приемлемой всеми политической платформе, которые из-за жестких преследований и прессинга властей реализовать не удавалось. Хартия 77 даже выступила с инициативой создать новое движение, декларировавшее политические цели и знаменовавшее переход к «открытой политике».

Хартия с момента своего возникновения занималась преимущественно проблематикой нарушения прав человека и гражданских прав, однако с этого времени она стала концентрировать внимание на все более широкой палитре проблем чехословацкого общества — экология, экономика, образование, культура, здравоохранение, социальная защита и др. Хартистами был учтен негативный опыт нелегальной деятельности в первой половине 1970-х гг.; они отказались от организационных форм деятельности, поручив работу ротируемой группе спикеров в составе трех человек с предельно ограниченным кругом единомышленников. Поэтому попытки хартистов перейти к объединительным акциям не удавались. Так, органам безопасности удалось пресечь проведение планировавшегося на 17 января 1988 г. третьего форума Хартии 77. Власти небезосновательно считали форумы Хартии 77 «попыткой создания политической платформы ее [Хартии. — Э. З.] подписантов и приверженцев», т. е. отхода от принципа только «неполитической» политики.

Вскоре после разгона январского форума у ряда хартистов возникла идея основать новое независимое движение «Общество за демократию», которое могло бы позиционировать себя как исключительно политическое. Пример ДИ ставил эту задачу в качестве первоочередной: без политической активизации Хартия могла превратиться в агентство по констатации нарушения прав и свобод и потерять свой авторитет. В ходе подготовительных работ название новой инициативы изменилось и она стала именоваться «Движение за гражданскую свободу» (ДГС). Главным организатором ДГС стал социолог Р. Баттек, исполнявший в дни Пражской весны обязанности заместителя председателя Клуба беспартийных активистов (КАН). Баттек — соавтор манифеста «Десять пунктов» (1969 г.) и манифеста независимых социалистов (1978 г.) — трижды привлекался к судебной ответственности за свою оппозиционную деятельность и провел в заключении в общей сложности девять лет. К работе по созданию новой структуры и ее учредительного манифеста «Демократию для всех» Баттек приступил в январе 1988 г.⁵⁹, а к сентябрю по-

сле серии встреч и консультаций подготовил семь версий манифеста. 16–17 сентября 1988 г. текст его окончательной — восьмой — версии обсуждался на даче у В. Гавела в Градечке. В ходе дискуссии, в которой принимали участие Р. Баттек, Кантурек, Л. Лис, П. Науман, Р. Палоуш, Я. Шабата, Я. Штерн и А. Вондра, текст был в очередной раз отклонен, и манифест вызвался составить Гавел.

После очередного круга консультаций, в том числе и зарубежных, текст документа наконец получил одобрение 25 сентября 1988 г. в Праге, а 11 октября, после финальной гавеловской литературной редакции, был полностью готов его окончательный вариант. Манифест приурочен к 28 октября 1988 г. — юбилейной дате образования независимого чехословацкого государства. Документ, включавший 12 разделов, подписали 126 человек с указанием конкретных адресов. 15 октября он получил огласку на родине (в Праге, Брно и Братиславе) и за рубежом (его полный текст на чешском и английском языках опубликовал в Риме журнал «Листы»).

ДГС первым из независимых инициатив потребовало отмены 4-й статьи чехословацкой Конституции о руководящей роли КПЧ. Один из важнейших пунктов манифеста — путь к экономическому процветанию: радикальная экономическая реформа с плюрализмом различных форм собственности с акцентом на поддержке частного предпринимательства средних слоев. Специальный раздел посвящен новой чехословацкой Конституции и восстановлению правового порядка с акцентом на основных гражданских правах и свободах. Декларировалась свобода духовной жизни, свобода вероисповедания, создание независимых профсоюзов, демилитаризация общества, вывод советских войск, национальная самобытность и возвращение Чехословакии в Европу. Важное место уделялось проблемам экологии. Тем самым манифест сформулировал предпосылки для создания открытого общества, в котором можно реализовать программу гражданской демократии и ее главные принципы — гуманизм, гражданственность и свобода.

Особый интерес представляет его второй раздел. «Как приверженцы демократии, — говорится в нем, — мы против закрепления в конституции руководящей роли КПЧ либо какой-либо другой политической партии или объединения, присваивающих себе право выступать от имени всех»⁶⁰. Не менее интересна часть документа, требовавшая принятия Конституции, которая должна «вести институт референдума по ряду вопросов, имеющих принципиальное общественное значение; усилить полномочия президента республики; ввести всеобщие президентские выборы; учредить административную юстицию»⁶¹.

Таким образом, манифест, являвшийся «политической модификацией Хартии 77»⁶², намечал контуры общественного переустройства

страны, включая впервые открыто декларировавшееся требование ликвидации руководящей роли КПЧ путем отмены 4-й статьи Конституции ЧССР⁶³. Не случайно изложенные в нем политические ориентиры, включая политический плюрализм и отмену монопольного положения в обществе КПЧ, произвели эффект разорвавшейся бомбы, а власти сразу же объявили манифест «контрреволюционным памфлетом»⁶⁴.

Возглавлял ДГС Временный координационный комитет (ВКК) с представителями Праги, Брно, Братиславы. В каждом пражском округе и во многих других городах республики возникали группы ДГС, которые регулярно собирались и поддерживали контакты с ВКК. Члены ВКК — Р. Баттек, В. Бенда, П. Братинка, Я. Чарногурский, Т. Градильек, Я. Конечны, А. Лис, И. Машек, П. Науман, И. Румл, Ф. Ржеганек, Я. Шабата, М. Шимечка, Я. Штерн. В июне 1989 г. возник Пражский комитет с филиалами в южной и западной Чехии, а также в Моравии.

В Словакии ДГС учреждено 11 ноября 1988 г. Ко дню прав человека оно выпустило первое самостоятельное Заявление ДГС в Словакии, которое подписали Я. Чарногурский, М. Шимечка, В. Ковачик, А. Селецкий, М. Шимко.

ДГС издавало два самиздатовских печатных органа — «Zpravodaj NOS» («Вестник ДГС») (члены редколлегии — Баттек, Лис, Науман), который выходил с февраля 1989 г., а также «Alternativa — revue pro nezávislou politiku» («Альтернатива — ревью независимой политики») (ответственный редактор Кантурек), члены редколлегии — П. Братинка, Р. Баттек, П. Науман и М. Палоуш (Прага), М. Елинек (Брно), Я. Шебеста (Йиглава), М. Шимечка (Братислава). Всего до 17 ноября 1989 г. ДГС выпустило 68 документов (28 из них — вместе с другими гражданскими инициативами).

Следует отметить, что вокруг манифеста развернулась бурная полемика. Так, П. Ул выражал недовольство тем, что в манифесте не было ни одного упоминания о социализме и что документ дистанцируется от всего социалистического. Он утверждал, что социализм в модифицированном виде, как форма общенародной демократии, включая экономическое и политическое самоуправление, может стать оптимальной моделью развития общества. Активное участие в дискуссии принимали М. Шимечка, Я. Мезник, Р. Баттек, П. Науман, Я. Штерн, П. Ул и др.⁶⁵

Одна из особенностей полемики — сопоставление позиций ДИ и ДГС. Первая выпустила свое приобретенное широкий резонанс Обращение в феврале 1988 г., второе начало готовить манифест с января. Обращение ДИ в августе 1988 г. обладало политической остротой и содержало импульсы к объединению, как и окончательный вариант манифеста ДГС 11 ноября.

Представители ДИ не поставили под манифестом «Демократию для всех» свои подписи (за исключением Б. Долежала), продемонстрировав тем самым нежелание по целому ряду соображений поддержать ДГС в роли «объединителя» всех оппозиционных сил. Действительно, попытка сплочения разрозненных антирежимных течений на основе провозглашенных в манифесте принципов ДГС по большому счету не удалась, а носителем интегрирующего начала оставалась ДИ. Как утверждал Мандлер, специфика ДИ заключалась в следующем: «Мы высказывались по одним и тем же общественным проблемам, как, например, и Хартия 77, но совершенно с иной точки зрения — не общественно-нравственной, а именно политической. Это направление нашего развития привело к тому, что в течение одного года, когда было создано Движение за гражданскую свободу, возникли две различные концепции общественной и политической деятельности»⁶⁶. И скорее ДИ давала обществу уроки политической активности, чем ДГС.

В то же время именно манифест «Демократию для всех» вызывал ожесточенные нападки властей, которые квалифицировали его как «комплексную политическую программу», сопоставимую по своей идейной направленности с «контрреволюционным памфлетом 2000 слов кризисных времен»⁶⁷. Это можно объяснить феноменом «привыкания к врагу» со стороны «властных»: новых сил в антинормализационном движении они не замечали.

Между тем они появлялись раз за разом. Так, в октябре 1988 г. была создана еще одна оппозиционная структура — Инициатива социальной защиты, которая не провозглашала политические цели. В ее учредительном документе указывалось на недостатки в соблюдении прав человека и гражданина, а деятельность нацеливалась на помощь гражданам, которые подвергались дискриминации в различных социальных сферах: работа, бытовые проблемы, образование, здравоохранение и др. Среди членов объединения — С. Деваты, М.Р. Крижкова, Я. Литомиский.

5 ноября 1988 г. со значительным опозданием по сравнению с другими странами появился Чехословацкий Хельсинкский комитет. В заявлении Комитета выдвигались требования диалога с федеральными органами власти, соблюдения принципов Заключительного акта Хельсинкского Соглашения. В момент создания Комитет насчитывал 20 членов, в основном активистов независимых инициатив. С декабря 1988 г. — член Международной Хельсинкской федерации по правам человека. В начале 1989 г. насчитывал более 1 тыс. членов, которые являлись активистами уже существовавших независимых инициатив. Он имел свой печатный орган — «Zpravodaj Ās. Helsinského vŷboru»

(«Вестник Чех[ословацкого] Хельсинкского комитета»), его председателем стал И. Гаек.

Учрежденный в декабре 1988 г. Мирный клуб Джона Леннона акцентировал внимание на значимости мира, подчеркивая неотделимость борьбы за мир и за права человека. Его лидеры О. Веверка, С. Пенц, Г. Хромы главной сферой своей деятельности считали культуру (организация концертов, выставок и др.).

В конце 1988 г. в качестве преемника Комитета защиты Г. Марвановой, Л. Выдры, Т. Дворжака и Т. Твароха, осужденных за диссидентскую деятельность, возник Комитет защиты активистов за мир. С февраля 1989 г. Комитет был «открыт для каждого, кто своими конкретными шагами стремится помочь активистам борьбы за мир, которые подвергаются преследованиям за свои убеждения». Все названные неформальные структуры реагировали на неблагоприятное положение в стране и критиковали КПЧ.

Таким образом, 1988 год явился временем образования независимых гражданских инициатив — от небольших, часто экзотических, до крупных структур, ставших зародышами будущих Гражданского форума и Общественности против насилия. Осенью 1987 г. появилось политическое движение ДИ, задав тем самым образец для организации других движений, в 1988 г., согласно Г. Скиллингу, их появилось 13; до ноября 1989 г. вдвое больше — 26. В этом плане реализовалось предвидение Гавела, что 1988 год станет не только временем юбилейных событий, значимых для истории Чехословакии, но и временем возрождения таких инициатив⁶⁸. Оно стало своего рода самоосуществляющимся пророчеством.

Если обратиться к трактовкам Гавела понятий «перестройка» и «демократизация», то они отличались большой направленностью на то, чтобы не допустить «сохранения существующих тоталитарных структур любой ценой», а «идея плюрализма сводится к тому, что не должно быть идеологии, доктрины или политической силы, априорно и на все времена (например, посредством конституционных законов) доминирующей над другими, и каждый имеет равное право на достижение политической власти»⁶⁹. Конкретизируя этот тезис, Гавел более четко связывал его с деятельностью ДГС.

Таким образом, 1988 год стал временем количественного роста протестных структур и интенсификации деятельности чехословацкого оппозиционного движения, а независимые массовые демонстрации указывали на переход чехословацкого общества из стадии латентного противостояния правящему режиму к фазе открытой конфронтации. В чехословацком оппозиционном движении стали выкристаллизовываться и течения, ставшие во главу угла конкретные политические цели и задачи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Архив Горбачев-Фонда. Ф. 1. Горбачев М.С. Оп. 1. 87apr 10doc
- 2 Там же.
- 3 Там же.
- 4 Подробнее см.: *Jechová K. Lidé Charty 77. Praha, 2003; Vilímek T. Srovnání vývoje, specifických odlišností a podobností opozice v ČSSR a NDR 1968–1989 // Bolševismus, komunismus a radikální socialismus v Československu. Sv. II / Eds. Z. Kárník, M. Koreček. Praha, 2003. S. 277–278.*
- 5 *Charta 77: Dokumenty 1977–1989... Sv. 2. S. 823–827.*
- 6 *Ibid. S. 826.* Хотя акцент в этом документе, как и во всех предшествующих документах Хартии, ставился на методах «неполитической политики», некоторые исследователи склонны видеть в «Слове» «знак поворота Хартии 77 к политике» (См.: *Hnutí za občanskou svobodu... S. 9*). И для такого заключения есть достаточные основания, поскольку, по словам В. Пречана, Хартия 77 сыграла роль борца за «нравственное возрождение общества», которое является «условием и предпосылкой демократического политического возрождения» (См.: *Charta 77. 1977–1989. Od morální k demokratické revoluci... S. 112*), а со второй половины 1980-х гг. она передавала эстафету другим гражданским движениям с отчетливо выраженной политической направленностью.
- 7 См.: *Hnutí za občanskou svobodu... S. 9.*
- 8 См.: *Charta 77. 1977–1989. Od morální k demokratické revoluci... S. 112.*
- 9 *Jičínský Z. Charta 77 a právní stát. Brno, 1995. S. 73.*
- 10 *Ibid. S. 108.*
- 11 *Ibidem.*
- 12 *Hnutí za občanskou svobodu... S. 257.*
- 13 *Čas Demokratické iniciativy... S. 22.*
- 14 *Ibid. S. 21.*
- 15 *Ibid. S. 25.*
- 16 *Ibid. S. 28.*
- 17 *Ibid. S. 29.*
- 18 «Гавел, — вспоминал впоследствии Э. Мандлер, — принимал очень активное участие, он считал акцию составной частью коммуникации с другими группами, но предполагал, что мы будем подчиняться хартистскому руководству. Поэтому, видимо, когда этого сделать не удалось, они прекратили сотрудничество с нами. Постепенно нас покидали и другие хартисты». См.: *Ibid. S. 251.*
- 19 *Ibid. S. 30.*
- 20 *Ibid. S. 238.*
- 21 *Ibid. S. 24.*
- 22 *November 1989 a Slovensko. Chronológia a dokumenty (1985–1990) / Eds. J. Žatkuliak, V. Hlavová, A. Sedliaková, M. Štefanský. Bratislava, 1999. S. 224.*
- 23 *Charta 77. 1977–1989. Od morální k demokratické revoluci... S. 30.*
- 24 *Ramet S. Op. cit. P. 109.*

- 25 См.: Štefánský M. Invázia, okupácia a jej dôsledky... S. 183.
- 26 Charta 77: Dokumenty 1977–1989... Sv. 3. S. 393.
- 27 См.: Лаврик Э.Г., Лопаткин Р.А. Государство и церковь в Чехословакии. Аналитический обзор. М., 1982.
- 28 Ramet S. Op. cit. P. 109.
- 29 История Словакии... С. 358. Что касается Чехии, то здесь усилилась активность кардинала Томашека за деидеологизацию церкви, направленная против поддерживавшейся властями пацифистской группы священников *Racem in terris*, а также на защиту религиозных свобод.
- 30 Подробнее см.: Mlynárik J. Ekológia po slovenský. Praha, 1994; Bratislava / Nahlas po desiatich rokoch. Bratislava, 1998; Центральноевропейские страны на рубеже XX–XXI веков... С. 160.
- 31 См.: Kováč D. Dejiny Slovenska. Bratislava. 1998. S. 310; Dubovský P. Sviečková demonštrácia v Bratislave // Moc versus občan. Úloha represie a politického násilia v komunizme. Bratislava, 2005. S. 219–231. В книге «История Словакии» ошибочно указана дата 28 марта. См.: История Словакии... С. 358.
- 32 Vedení KSČ o disentu a opozici... S. 23–24.
- 33 Ibid. S. 23.
- 34 November 1989 a Slovensko... S. 217–219.
- 35 Центральноевропейские страны на рубеже XX–XXI веков... С. 160.
- 36 Подробнее см.: Žatkuliak J. Čo otvoril November 1989... S. 80.
- 37 Ramet S. Op. cit. P. 105.
- 38 «В современной ситуации, — писал З. Йичинский еще в 1975 г., — руководство КПЧ, в котором его консервативное ядро упрочило свои позиции, находится в особом противоречивом положении. Оно намерено продолжать проводимую им политику нормализации, с которой оно связано своим возникновением и всем своим „брежневским“ существованием, но вместе с тем оно внешне стремится казаться приверженцем реформ, когда после определенных колебаний вербально поддержало советскую перестройку».
- 39 Čas Demokratické iniciatívy... S. 33.
- 40 November 1989 a Slovensko... S. 206.
- 41 November 1989 a Slovensko... S. 206; см. также: Alexander Dubček: Od totality k demokracii. Prejavy, články a rozhovory výber 1963–1992 / Eds. J. Žatkuliak, I. Laluha. Bratislava. 2002. S. 265.
- 42 Vedení KSČ o disentu a opozici. Dokumenty z ledna 1986 — října 1989 / Ed. F. Koudelka, A. Nosková, V. Prečan. Praha, 1999. S. 5, 30.
- 43 Ibid. S. 200–209. См. также: Alexander Dubček: Od totality k demokracii... S. 265–278.
- 44 Vedení KSČ o disentu a opozici... S. 23.
- 45 Подробнее см.: Čas Demokratické iniciatívy... S. 32–37; См. также: Deset pražských dnů... S. 612.
- 46 Deset pražských dnů... S. 612.
- 47 Vedení KSČ o disentu a opozici... S. 23.
- 48 См.: Chronologie zániku komunistického režimu...

- 49 Vedení KSČ o disentu a opozici...
- 50 November 1989 a Slovensko... S. 221.
- 51 Ibid. S. 224.
- 52 Vedení KSČ o disentu a opozici... S. 19.
- 53 Ibid. S. 21.
- 54 Ibid. S. 22.
- 55 November 1989 a Slovensko... S. 245.
- 56 Čas Demokratické iniciativy... S. 60; см. также: November 1989 a Slovensko... S. 245.
- 57 Čas Demokratické iniciativy... S. 61; см. также: November 1989 a Slovensko... S. 246.
- 58 Čas Demokratické iniciativy... S. 64.
- 59 Hnutí za občanskou svobodu... S. 10.
- 60 November 1989 a Slovensko... S. 248.
- 61 Ibid. S. 249.
- 62 Hnutí za občanskou svobodu... S. 11. В январе 1989 г. был создан временный координационный комитет, в который вошли: В. Бенда, Р. Баттек, Л. Лис, Т. Градилек, П. Братинка, П. Науман, Я. Шабата, И. Машек. По словам П. Братинки, он оценивался как «политическая коалиция демократов самого разного рода политических оттенков. По сути речь шла о трех течениях: социал-демократическое, христианско-демократическое и нечто вроде общедемократического». См.: *Deset pražských dnů...* S. 572.
- 63 Hnutí za občanskou svobodu... S. 26. Следует отметить, что Манифест ДГС порозному оценивался представителями чехословацкого оппозиционного движения. Так, в мае 1990 г. один из лидеров ДИ Э. Мандлер призывал, что глобальность формулировок манифеста давала возможность объединить на единой платформе широкие оппозиционные силы. Тем не менее, по его словам, в манифесте не говорилось о том, как конкретно должна решаться данная задача. «Но нам ведь нужен был не общий манифест, нам нужна была политическая программа», — заключил он. См.: *Deset pražských dnů...* S. 613.
- 64 Hnutí za občanskou svobodu... S. 11.
- 65 Страсти вокруг оценки манифеста не утихали и в более позднее время. Так, данная Э. Мандлером в 1991 г. характеристика сводится к следующему: манифест являл собой «комбинацию представлений о том, как может выглядеть общество в будущем», являясь «стопроцентным манифестом, а не политической программой». «На отдельных людей, — подчеркивал Мандлер, — он оказал инспирирующее воздействие своими идеями и представлениями, но помимо этого, к сожалению, еще и степенью реализуемости этих представлений — поскольку в нем не указывалось, как, когда, при каких обстоятельствах и с помощью каких средств можно их реализовать — порой походивших на мираж...». См.: *Čas Demokratické iniciativy...* S. 249. Он отмечал, что Манифест ДГС являл собой «политический филиал Хартии 77», поскольку из 122 чел., подписавших манифест, лишь один не был хартистом.
- 66 *Deset pražských dnů...* S. 611.
- 67 November 1989 a Slovensko... S. 270.
- 68 *Lidové noviny*. 1988. 1. XII.
- 69 *Havel V. Cards on the Table // Civic Freedom in Central Europe. Voices from Czechoslovakia*. London, 1991. S. 131–132.

§ 2. НА РУБЕЖАХ ПРЯМОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Преддверие «бархатной» революции — время полного «окаменения» «режима нормализации», введенного в стране после подавления в августе 1968 г. Пражской весны, окаменения перед крушением. Период «нормализации» был метко назван чехословацкими диссидентами «эрой неподвижности» (М. Шимечка), временем «сплошного бесформенного тумана» (В. Гавел). Это был период, когда достаточный «мороз из Кремля» все еще продолжал свое разрушающее действие. Тем не менее признаки пробуждения уже давали о себе знать¹, особенно с учетом того, что конец 1980-х гг. — время перестройки в СССР и кардинальных перемен в соседних с ЧССР странах — Венгрии, Польше, а затем и ГДР.

Признавая неизбежность перестройки для Чехословакии на словах, представители «режима нормализации» в своем большинстве цеплялись за прошлое, отказываясь принять новые реалии жизни и сопутствующие им идейные течения. Они составляли в чехословацком партийно-государственном руководстве *консервативное течение*, приверженцы которого (В. Биляк, А. Индра, Я. Фойтик, М. Якеш и др.) выступали яростными сторонниками сохранения правящего режима с некоторыми формальными уступками новым веяниям времени². К числу консерваторов ряд исследователей относит и совмещавшего до декабря 1987 г. в одном лице должности президента ЧССР и генерального секретаря Президиума ЦК КПЧ Г. Гусака. Однако эта несколько упрощенная оценка корректируется в последних работах зарубежных авторов, склонных причислять Гусака к «реалистическому центру» в руководстве компартии³.

Прагматическое течение, которому не были чужды некоторые идеи коммунистов-реформаторов 1968 года, особенно в сфере экономики, в конце 1980-х гг. небезосновательно связывалось, во-первых, с именами глав федерального кабинета министров Л. Штроугала** и Л. Адамеца, занявшего этот пост 12 октября 1988 г., а во-вторых — с секретарем ЦК КПЧ Р. Гегенбартом и генералом А. Лоренцем, шефом госбезопасности, а с 1985 г. — первым заместителем министра иностранных дел ЧССР⁴. Главное различие между двумя названными представителями прагматиков заключалось в том, что Гегенбарт и Лоренц, признавая настоятельность перемен в стране

* Некоторые исследователи относят М. Якеша, Я. Фойтика и М. Штепана к неоконсервативному течению, понимая под таковым не линию на признание перемен, но лишь оппортунистическое следование ей. См.: Колесников В.А. Трансформация политической и конституционно-правовой системы Чехословакии (80-е — начало 90-х годов). Воронеж, 2001. С. 19–20.

** Л. Штроугал возглавлял федеральный кабинет министров с 1985 г. по 10 октября 1988 г.

в рамках социалистической парадигмы, исключали какие-либо контакты с представителями чехословацкого оппозиционного движения. Адамец же, по словам чешского историка М. Отагала, «являлся единственным высшим должностным лицом, пришедшим к выводу о том, что в решении кризиса каким-то образом должно принимать участие и диссидентство»⁵.

Весьма показательным, что на своей первой встрече с М.С. Горбачевым 2 ноября 1988 г. в Москве в качестве федерального главы правительства Адамец, указав на «огромный интерес» в Чехословакии к советской перестройке, заметил: «Правда, не все симпатизируют вашей политике, в том числе есть такие и среди руководства. Думаю, это те, кто раньше жил хорошо, спокойно и не хочет никаких перемен. Есть такие, кто идеализирует перестройку, ждет, что сразу появится много товаров, а вот о том, что для этого надо поработать, предпочитают не думать. Есть, наконец, такие, кто считает, что перестройка в ЧССР идет слишком медленно, и критикуют за это руководство. Лично я — на их стороне и в деятельности правительства намерен делать упор на конкретные дела»⁶.

Адамец признавал, что его сторонники составляют меньшинство — в центре и на местах. «Откровенно говоря, аппарат не симпатизирует перестройке», — так обобщил он отношение «режима нормализации» к поставленным самой жизнью переменам⁷. Что касается низовых партийных организаций, то они, по словам чехословацкого премьера, руководствовались «старочешским подходом»: «все бурно одобряют перестройку, но никто ничего не делает»⁸. Вместе с тем в свой первый приезд в Москву Адамец был настроен весьма оптимистически: «Я уверен, что эти проблемы мы преодолеем, и в Президиуме ЦК КПЧ утвердится прочное единство в вопросах поддержки советской перестройки»⁹.

Как показали последующие события, этот оптимизм едва ли можно было назвать обоснованным, поскольку линии разлома внутри партийно-государственного руководства с самого начала 1989 г. становились все более глубокими, а пражский режим оказывался во все большей изоляции. О том, что к весне расхождения еще больше усилились, достаточно убедительно свидетельствуют архивные документы.

В этом плане особый интерес представляет встреча В.В. Загладина 1 апреля 1989 г. в Праге с советником Л. Адамца по внешнеполитическим вопросам Я. Седлаком. Охарактеризовав проходившую в начале 1989 г. в целом в стране поляризацию, он отметил: «Имеются группы людей, которые хотели бы просто вернуться к 1968 году, причем не к первой его половине (когда было много позитивного), а ко второй, когда события пошли „не туда“. Таких — очень немного, но они активны. Другая часть — и это гораздо более значительная группировка людей, — считает, что нужно взять все позитивное, что было в 1968 году, на этой базе идти вперед, использовать опыт перестройки в СССР. Тре-

тью — таких большинство — хотят настоящей перестройки в ЧССР. Наконец, четвертые — но это *многие представители руководства* (курсив мой. — Э. З.) — боятся и возврата к 1968 г., и перестройки. И даже неизвестно, чего они боятся больше»¹⁰. Именно данная категория — «многие представители руководства» — и в конце 1980-х гг. продолжала жесткий курс на социалистическую, в ленинско-сталинском ее варианте, парадигму развития Чехословакии, причем менявшуюся уже и в самом СССР.

На то, что консерваторы из руководства КПЧ ужесточили свое противостояние импульсам перестройки, стали указывать, начиная с января 1989 г., и советские политические деятели¹¹. Необходимость прогнозировать события в этот крайне сложный для «судеб социализма» год определила их усиленное внимание к представителям прагматического течения в чехословацком партийно-государственном руководстве, не отягощенным репрессивными деяниями периода «нормализации». Избегая политической риторики, эта группа, во главе с негласным лидером Адамецем, неоднократно, начиная с 1988 г., заявляла о необходимости углубления в первую очередь экономической реформы.

В аналитической записке, подготовленной в конце августа 1989 г. для Политбюро ЦК КПСС, В.В. Загладин* подчеркивал: «Л. Адамец, как говорили товарищи (кроме М. Штефаняка), занимает наиболее решительную позицию, стремится критически осмыслить прошлое и на этой базе выработать программу на будущее. Однако этот подход не разделяется многими другими членами руководства, не склонен поддерживать его (хотя иногда и колеблется) т. Якеш»¹².

Не противоречат этой констатации и оценки самого Адамеца, данные им уже после «бархатной» революции. Так, 19 июня 1990 г., оценивая свою деятельность накануне ноябрьских событий 1989 г., Адамец вспоминал: «К убеждению принципиально изменить политический курс, основанный на сохранении старых переживших себя структур и методов работы, я постепенно приходил еще до XVII съезда КПЧ, в 1986. На нем я выступил с предложением проведения глубоких

* 7–28 августа 1989 г. В.В. Загладин во время и после завершения лечения встречался в Карловых Варах «на неофициальной основе» с заведующим Международным отделом ЦК КПЧ М. Штефаняком, советником председателя правительства ЧССР Я. Седлаком, бывшим помощником Г. Гусака по ЦК КПЧ Я. Мачеком, руководителем правительственного ведомства по церковным делам В. Янку, генеральным секретарем Международной организации журналистов Д. Ульчаком и др. Официально был принят заместителем председателя ФС ЧССР, председателем Чехословацкой социалистической партии Б. Кучерой. См.: Архив Горбачев-Фонда. Ф. 3. Загладин В.В. Оп. 1. z89avg07doc. Такой диапазон его собеседников свидетельствовал, что Кремль интересовался ситуацией в стране во всех ее аспектах и проявлениях.

общественных преобразований... На последующих пленумах ЦК КПЧ требования радикальной экономической реформы все более решительно связывались мною с неизбежностью преобразования политической системы, преодоления бюрократических деформаций и нравственной отсталости всего общества»¹³. Далее Адамец подчеркнул, что его «критические замечания и конструктивные предложения вызвали у большинства бывшего партийного руководства враждебность, подозрения и несогласие». Вместе с тем от рядовых граждан, независимо от их политической принадлежности, он «получил множество проявлений симпатии и поддержки. На заседаниях ЦК и на съезде эти взгляды находили положительный отклик»¹⁴. Естественно, что данная позиция раньше или позже должна была привести Адамеца к прямым контактам с оппозиционными силами внутри Чехословакии.

1989 год становился в этом плане «моментом истины» и эти контакты начали осуществляться. Но барьеры между «властными» и «безвластными» оказались чрезмерно высокими, а прагматик Адамец в конечном счете так и не достиг статуса коммуниста-реформатора, как его коллеги в Венгрии.

Большую активность в установлении контактов с оппозицией проявили словацкие коммунисты. Это свидетельствует, что из Братиславы четче виделись перспективы неизбежности перемен, чем из Праги. Словацкий историк М. Барновский указывает на процесс дифференциации, затронувший и Коммунистическую партию Словакии (КПС), в рамках которой постепенно выкристаллизовывалось течение в поддержку перестройки, общественного диалога, демократических преобразований в обществе (П. Вайс, П. Канис, А. Баллек, В. Минач, В. Плевза)¹⁵. Многие словацкие коммунисты шли на контакты с представителями словацкого оппозиционного движения, в частности с группой философа Б. Залы (в будущем одного из лидеров Социал-демократической партии Словакии)¹⁶. Она разработала политическую программу «Основы политической реформы и гуманизации общества». Текст ее обсуждался и консультировался с другими оппозиционными течениями в Словакии, которые, как полагал Зала, должны были объединиться «на базе широкого консенсуса с целью перехода словацкого общества к демократическим отношениям (ликвидация монополии КПЧ, свободные выборы, возрождение демократии)»¹⁷. Тем самым в Словакии шел процесс кристаллизации левого спектра оппозиционного движения, во многом смыкавшегося с установками пражского Клуба «Возрождение», считавшего, что идеи Пражской весны применимы и для наступающих времен.

Попытки объединения усилий предпринимались в Словакии и бывшими коммунистами-реформаторами, однако их неформальное объединение «Клуб словацкого возрождения 68–69» появился лишь

в конце 1989 г. *¹⁸. Они акцентировали внимание на критике режима нормализации, сотрудничестве с Хартией 77 и пражским Клубом за социалистическую перестройку. Со второй половины 1980-х гг. в Словакии стало формироваться оппозиционное объединение (А. Дубчек, И. Лалуга, Г. Кочтух, Я. Угер и др.), придерживавшееся идеи демократического социализма, «социализма с человеческим лицом»¹⁹. Надо отметить, что крупнейшая оппозиционная сила в Словакии — католическое движение — особых инициатив в этом плане не проявляло. Его лидеры, осознавая неизбежность перемен, коммунистов в качестве участников возможного диалога не признавали, поскольку те и в марте 1989 г. не избегали истерических обвинений церкви в «клерофашизме». В это же время Я. Чарногурский признавал: политический кризис неизбежен и надо готовиться к его разрешению в пользу кардинальных демократических перемен.

Что касается политической базы консервативного течения чехословацкого партийно-государственного руководства, то с самого начала 1989 г. она суживалась весьма ощутимо; это проявлялось в ходе движений протеста, которые стали приобретать массовый характер — и сдерживать которые «властные» могли, уже прибегая лишь к силовым акциям²⁰.

Следует особо подчеркнуть, что с середины 1980-х гг. начался процесс дифференциации и в среде «безвластных», чехословацкое оппозиционное движение под влиянием ряда факторов подвергалось явному структурированию. Здесь к началу 1989 г. более четко определились некоторые демаркационные линии, что видно из анализа динамики изменения концептуальных положений и программных заявлений их лидеров и участников.

Одна часть представителей чехословацкого оппозиционного движения — умеренно-эволюционное течение — была готова налаживать диалог с прагматиками из числа коммунистов, взяв при этом курс на «переговорную» модель демонтажа сформировавшейся во время «режима нормализации» системы; есть основания утверждать, что именно в их среде в целом преваляровала известная установка на «неполитическую политику».

Другая же часть оппозиционеров — радикальная — придерживалась линии на преобразования, суть которых заключалась в отрицании диалога с какой-либо частью «властных» и в требованиях полной и безоговорочной отставки чехословацкого партийно-государственного руководства страны, незамедлительного проведения свободных выборов и формирования новых демократических органов власти исключительно на основе их итогов.

* Официально зарегистрирован в январе 1990 г. См.: November 1989 a Slovensko... S. 46.

Следует подчеркнуть, что противостояние между «властными» и «безвластными» было всегда, о рельефном же проявлении размежевания можно говорить лишь относительно событий 1988 г. — проходивших в ЧССР в этом году массовых движений, связанных с юбилейными датами, а также с активизацией словацкой политической католической оппозиции. 40-летие февральских событий в стране прошло незаметно. Компартия мало и тихо говорила о «победе революции», а оппозиция — об окончательном «поражении чехословацкой демократии». Но 21 августа в Праге состоялась массовая демонстрация протеста против 20-летней оккупации ЧССР войсками пяти стран Варшавского договора; протестные акции состоялись и 28 октября — по случаю 70-й годовщины образования независимой Чехословакии. Наконец, 10 декабря 1988 г. в Праге прошла демонстрация в День прав человека. Эта и прошедшие ранее демонстрации заканчивались разгонами и арестами, а итогом последней стало принятое 22 декабря решение официальных властей впредь не допускать их вообще²¹. Если поставить вопрос о том, что больше побуждало граждан к участию в демонстрациях — память об исторических событиях или неудовлетворенность современным положением, то однозначный ответ на него получить затруднительно. В целом «властные» оказывались в состоянии справиться с массовыми движениями и традиция судьбоносных перемен в стране в годы, заканчивавшиеся на цифру «8», в этот раз продолжения не получила. Решающие столкновения сдвинулись на следующий год.

Можно ли было верить в действенность запретов массовых демонстраций в 1989 г.? Ответа на данный вопрос пришлось ждать недолго: бурный ход событий, несмотря на жесткие действия властей, уже в его начале стал приобретать не контролируемый сверху характер. В свои права вступала «улица», а в качестве ведущего политического актора начало выступать студенчество, мало обращавшее внимание на запреты сверху, но и на советы избегать «политической политики» со стороны ряда диссидентов. Ибо в целом лидеры студенческого движения ориентировались не столько на защиту прав, сколько на их реализацию путем прямого противостояния. Но важно и другое: эти события не только разводили по разные стороны баррикад «властных» и «безвластных», они по-своему дифференцировали все более радикализирующихся последних.

1989 год в Чехословакии начинался беспокойно. В первой половине января вспомнилась годовщина подписания «Хартии 77»; некоторые оппозиционные неформальные объединения выступили с более резкими политическими заявлениями; активизировалась католическая церковь, причем и в Чехии, и в Словакии²². ДИ в своем втором программном документе от 5 января 1989 г. подчеркнула, что чехословацкий «авторитарный режим» по причинам внешнего и внутреннего характера был существенно ослаблен и «переход к более демократическому способу

правления» не заставит себя долго ждать. ДИ выступила в поддержку широкого общественного диалога о демократическом развитии общества²³. Данные призывы находили гораздо более широкий отклик, чем годом ранее.

15 января по призыву оппозиционных групп на Вацлавской площади в Праге должен был состояться митинг — в память о пражском студенте Яне Палахе, свершившем в январе 1969 г. акт саможжения в знак протеста против вторжения в страну войск пяти стран Варшавского договора. Власти запретили его проведение, но несмотря на это на прилегающих к площади улицах начались спонтанные выступления. Полиция применила против участников акции силу, а некоторые из них, в том числе В. Гавел, подверглись тюремному заключению.

«Неделя Палаха» — семидневное (15–24 января 1989 г.) противостояние «властных» и «безвластных», поддерживаемых католической церковью* — побудило представителей чехословацкого оппозиционного движения более четко определить и сформулировать свои позиции. 20 лет память о жертвенном подвиге чешского юноши не умирала, и события января подтверждали это. Студенчество при этом начало выступать как организованная сила, ставившая себе цели и задачи самостоятельно.

Уже 16 января на полицейские репрессии отреагировала ДИ в письмах, направленных президенту ЧССР Г. Гусаку и в президиум ФС ЧССР с призывом к чехословацким государственным и партийным органам начать в стране процесс демократизации. В числе предъявленных «властным» требований фигурировали: отмена политических и кадровых привилегий; реальное равенство граждан перед законом; начало реализации последовательных демократических реформ в политической и экономической сферах; освобождение всех узников совести и др.²⁴. Примечательно, что в письмах не только повторяется формулировавшееся в более ранних документах ДИ требование аннулирования документа «Уроки кризисного развития...», но в нем также впервые и, что следует подчеркнуть особо, адресно декларировалась необходимость ухода «скомпрометировавших себя лиц из политической жизни республики»²⁵. 21 января кардинал Ф. Томашек в письме на имя премьер-министра ЧССР Л. Адамеца выразил решительный протест в связи с репрессиями против мирных демонстрантов²⁶.

Откликнулась на жесткие действия пражского режима и Хартия 77. Один из оставшихся на свободе ее ротируемых руководителей 22 ян-

* 20 и 21 января кардинал Ф. Томашек направил письма главе федерального кабинета министров Л. Адамецу с осуждением действий официальной власти против демонстрантов, в которых призывал руководство страны «встать на путь честного диалога государства с церковью и всеми гражданами, причем немедленно!». См.: Hlasý občanské společnosti... S. 54.

варя 1989 г. подписал документ «К январским событиям в Праге». В нем хартистами впервые открыто ставился вопрос об отставке тех представителей государственной власти, «которые несут ответственность за плачевное состояние чехословацкого общества» и замене их «политиками, способными начать широкий общественный диалог»²⁷. Однако ее явный дрейф, как заметил К. Дурман, в сторону «политической активности»²⁸ сопровождался оговорками: Хартия-де «не является политической организацией» и не может «предложить конкретные модели политического устройства». «Ее опыт, — отмечалось в документе, — это опыт возможного плюрализма и диалога (курсив мой. — Э.З.) различных политических и общественных позиций, убеждений и идейных ориентаций; его она могла бы предложить в качестве своего скромного вклада в неизбежный и охватывающий все общество диалог»²⁹.

Тем самым Хартия 77 в очередной раз позиционировала себя как «неполитическое» неформальное объединение и настойчиво предлагала правящему режиму свою «помощь» в организации диалога, который, учитывая требование отставки скомпрометировавших себя представителей правящей верхушки, не мог не носить политического характера. Отсюда и очередной пароксизм репрессивности со стороны «властных», вызвавший широкий резонанс за рубежом³⁰.

Не менее определено по сравнению с хартистами выразило свою позицию в связи с январским противостоянием ДГС. В Заявлении от 26 января 1989 г. содержались требования немедленно освободить задержанных в дни проведения «Недели Палаха» граждан и всех остальных политзаключенных, создать федеральную парламентскую комиссию по расследованию действий полиции, прекратить репрессии и начать равноправный диалог и переговоры³¹. В аналогичном ключе прозвучали и призывы неформальной группы «Инициатива деятелей культуры» в письме на имя премьер-министра Л. Адамеца от 26 января³².

Пражский режим достаточно точно уловили кардинальный перелом в деятельности чехословацкой оппозиции. Так, в письме от 1 февраля 1989 г., направленном секретариатом ЦК КПЧ низовым партийным организациям с информацией о деятельности независимых гражданских инициатив, говорилось о сформировавшемся в стране некоем союзе нелегальных групп³³. «Нелегальные группировки, — указывалось в нем, — перешли от позиций „моральных и демократических обновителей социализма“ к открытым призывам деструкции социализма и его замены политической и экономической системой по образу буржуазных обществ»³⁴. За этим последовали предписания официальных властей ужесточить административные меры против оппозиции.

6 февраля 1989 г. Президиум ЦК КПЧ направляет по телетайпу в низовые партийные организации письмо о мерах против деятельности

независимых гражданских инициатив. В шести его позициях расписаны сферы предполагаемой деятельности нелегальных структур; контроль за каждой закреплялся за ответственными партаппаратчиками, определялись даты их отчетов о проделанной работе *³⁵. Письмо тоже призывало органы власти к мобилизации на местах.

События зимы 1989 г. побудили к появлению еще одного весомого центра оппозиционного движения, идеологически вдохновленного памятью о Пражской весне 1968 г., а политически — инспирируемого перестройкой в СССР, набравшей весной 1989 г. обороты день ото дня. Экс-коммунисты (исключенные из КПЧ либо «вычеркнутые» из партии) четко ощутили подвижку в настроениях чехословацкого общества. В ответ на нее в середине февраля 1989 г. участниками реформаторского движения периода Пражской весны учрежден Клуб за социалистическую перестройку — «Возрождение» (КСП). Его создатели выступали за демократический социализм, поддержку реформ в СССР, ставили цель приведения конституционных и правовых норм в соответствие с международными обязательствами ЧССР.

Следует отметить, что в феврале 1989 г. возникла еще одна, близкая по духу Клубу, независимая структура — Общество по изучению демократического социализма (ОИДМ). Лидеры Общества — Б. Недбалек и С. Пошуста, поддерживавшие через М. Гаека постоянные контакты с КСП, выступали за развитие политического плюрализма на базе социализма, объявив себя сторонниками социал-демократической идеи³⁶.

Интересна предыстория создания Клуба «Возрождение». Она восходит к 1986 г., когда в январе–феврале по инициативе Ч. Цисаржа (бывшего члена Секретариата ЦК КПЧ) и М. Гаека (бывшего директора Института марксизма-ленинизма ЦК КПЧ) образовалась группа, которая сформулировала свое послание в адрес делегатов XXVII съезда КПСС. Ими были также составлены: письмо участникам конференции по случаю 70-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, переданное посольству СССР в Праге, а также письмо М.С. Горбачеву от 3 октября 1986 г., которое подписали экс-коммунисты М. Гаек, И. Литера, А. Когоут, В. Курал, В. Менцл, И. Сладек, Й. Штеглик и Р. Зукал³⁷. Лейтмотивом этих посланий являлись перестройка и вопрос об осуждении вторжения в ЧССР в августе 1968 г. войск стран Варшавского договора. Письмо особого отклика не получило.

* В частности, пятая позиция предписывала: «С целью более эффективно противостояния распространению различных нелегальных печатных изданий принять соответствующие меры». Особо следует подчеркнуть, что в числе ответственных за данное мероприятие указан один из главных будущих участников диалога с Гражданским форумом М. Чалфа. См.: Vedení KSČ o disentu a opozici... S. 36.

С осени 1987 г. стали проводиться дискуссии о создании на организационной основе независимой структуры с социалистической программой. Инициаторами этой идеи являлись экс-коммунисты М. Гаек, Ч. Цисарж и В. Менцл (бывший ректор Военно-политической академии в Праге), проводившие подготовительную работу. Первыми практически шагами стало образование подготовительного комитета «Клуба возрождения социализма» (КВС) — так сначала планировали назвать новую оппозиционную структуру. В это время сторонники инициативной группы участвовали в ряде совместных акций вместе с другими неформальными инициативами, в частности, в составлении и отправке писем в СССР: М.С. Горбачеву накануне его визита в ЧССР в апреле 1987 г., Конференции коммунистических и рабочих партий в Москве в ноябре 1987 г., делегатам 19-й Всесоюзной конференции КПСС в июне 1988 г. Эти документы содержали в первую очередь призывы переоценки событий 1968 г.

Впоследствии зарождавшуюся новую независимую инициативу решили назвать «Возрождение 68–88», причем предполагалось, что она должна впервые выступить публично в январе 1988 г. с Заявлением, приуроченным к 20-й годовщине январского пленума ЦК КПЧ. Однако от плана учреждения новой структуры пришлось отказаться, хотя Заявление все же было составлено; его подписали 53 чел., в том числе Л. Когоут, М. Гаек, И. Гаек, В. Менцл, В. Шилган, В. Врабец, З. Урбан³⁸. В нем подчеркивалась необходимость «бороться за такое понимание перестройки, которая означает последовательное и необратимое прогрессивное развитие социализма в ЧССР» и декларировалась преемственность с «живыми и славными традициями Пражской весны»³⁹. В течение практически всего 1988 г. продолжалась работа по созданию новой неформальной инициативы, сформирован ее подготовительный комитет. «Властные» сдерживали эти организационные усилия, ряд же лидеров «безвластных», и в первую очередь хартисты, уже тогда выражали недоверие инициативам коммунистов — хотя и бывших. Но таковых было много и из исторической памяти чехословацкого общества они не выпали.

В начале февраля 1989 г. подготовительный комитет впервые публично выступил с программным заявлением, положив тем самым начало деятельности новой независимой структуры под названием Клуб за социалистическую перестройку — «Возрождение» (КСП). Председателем подготовительного комитета стал В. Менцл, его заместителем — Й. Доманский. 6 февраля 1989 г. лидерами КСП направлена просьба в МВД ЧССР о регистрации⁴⁰, а 15 февраля 1989 г., несмотря на отсутствие какой-либо реакции министерства, появилась официальная информация лидеров новой независимой инициативы о создании Клуба. В первый период деятельности КСП насчитывал 118 членов; его печатный орган — журнал «Диалог».

В программном заявлении КСП продекларировал свою приверженность гуманным, нравственным и социальным ценностям социалистического общественного устройства: демократическое самоуправление свободного народа, эффективная плюралистическая экономика, свободный от эксплуатации труд, равенство граждан и справедливость, пакет социальных гарантий, правовое государство, развитие образования, культуры, духовных ценностей, национальных и интернациональных традиций, гармония природы и деятельности человека⁴¹.

Заявление Клуба как «открытого каждому социалистически мыслящему гражданину сообщества» сформулировано достаточно широко. КСП провозглашал курс на политику диалога и сотрудничества со всеми слоями общества и вновь возникавшими независимыми демократически и социалистически ориентированными гражданскими инициативами. «Поэтому, — подчеркивалось в Заявлении, — мы решили создать „Возрождение“ — Клуб за социалистическую перестройку, в котором социалистически и демократически мыслящие граждане без различия партийной принадлежности могли бы найти среду для свободного обмена взглядов о положении и развитии нашего общества, о содержании и формах его неизбежных преобразований»⁴². Одной из важнейших целей КСП считал содействие заключению национального соглашения всех общественных классов и групп, идейных и идеологических течений с целью создания благоприятной для проведения перестройки атмосферы. КСП стремился «со своей социалистической альтернативой перестройки политики, экономики и культуры» оказать помощь в преодолении накопившихся в обществе противоречий и «найти приемлемую концепцию демократического устройства государства, которая была бы воспринята всеми прогрессивно мыслящими гражданами»⁴³. Идеи демократического социализма в его политической платформе просматривались достаточно четко, был учтен и потенциал идей уже развернувшегося в Западной Европе «еврокоммунизма».

Агрессивное отношение верхушки КПЧ к новому независимому образованию и распространение в обществе порочащих его сведений заставило лидеров уточнить ориентацию Клуба. 6 февраля 1989 г. в адрес Президиума ЦК КПЧ направлено программное заявление КСП, в сопроводительном письме к которому В. Менцл счел необходимым разъяснить отдельные положения документа. В частности, акцент ставился на том, что КСП «не является зародышем какой-либо новой политической партии». «КСП — Возрождение, — писал В. Менцл, — является добровольной организацией, объединяющей граждан ЧССР, которые хотят активно поддерживать дело социалистической перестройки в нашей стране. Цель организации — содействовать тому, чтобы в нашем обществе сформировался творческий плюрализм взглядов и были найдены средства, благодаря

которым социалистическое развитие могло встать на путь прогресса»⁴⁴. В письме подчеркивалось, что членом Клуба может стать любой совершеннолетний гражданин, разделявший принципы социалистической перестройки. «Следовательно, ни в коем случае, — писал Менцл, — речь не идет об организации, объединяющей лишь бывших членов КПЧ и тем более лишь ее функционеров 1968 года». В числе главных форм деятельности Клуба перечислялись открытые дискуссии, свободный обмен мнениями, а также поиск разумных научно обоснованных путей выхода из кризиса.

В статье М. Гаека «Почему возникло Возрождение», написанной 19 февраля 1989 г., раскрывались причины создания новой независимой инициативы. В ней еще раз подчеркивалось, что программой КСП является демократический социализм. Основатели КСП считали необходимым заявить о своем отношении к полярным полюсам чехословацкого общества — оппозиции и КПЧ. «Мы, — писал М. Гаек, — выражаем солидарность с Хартией 77 и другими демократическими инициативами и организациями. Что касается нашего отношения к КПЧ, мы приветствуем ее как сторонницу демократизации и поддерживаем любой реальный шаг в данном направлении. Однако мы оставляем за собой право на критику и считаем, что в реформировании политической системы почти ничего не сделано»⁴⁵. Однако и с ДГС, и с ДИ тесных контактов экс-коммунистам наладить не удавалось.

Весной–летом 1989 г. продолжались дискуссии, которые сводились к трем основным проблемам: организационная форма (дискуссионный клуб, движение или политическая партия); идейная направленность КСП; диалог с КПЧ. Большинство склонялось к мнению, что КСП должен быть не политической партией, а политическим клубом, идейная направленность которого — социализм, причем идеи Пражской весны по-прежнему оставались исходным пунктом. Составной частью тактического репертуара КСП являлось стремление к равноправному диалогу с органами компартии и прямое обращение к ее рядовым членам.

Следует отметить, что документы КСП пронизаны духом толерантности, стремлением к сотрудничеству максимально широких слоев чехословацкого общества, а попытки диалога с представителями руководства КПЧ выглядят в рамках этого курса совсем не случайными⁴⁶. Именно КСП в большей степени, чем ДГС и ДИ, понимал, что грядущие перемены вряд ли наберут обороты без привлечения к диалогу реформистски ориентированных сил в КПЧ и даже в ее руководстве. Свообразным паролем уже тогда звучала фамилия Адамеца.

18 мая состоялось второе заседание подготовительного комитета в расширенном составе, на котором принято заявление, в котором впервые в категорической форме поставлен вопрос о монополии КПЧ на власть. «Монопольная власть одной партии, — говорилось в докумен-

те, — в новых условиях перестройки становится анахронизмом и тормозом развития, ставящего на повестку дня новый тип политического плюрализма, который соответствует демократическому социализму и глубоко дифференцированному обществу с разнообразием потребностей и интересов, взглядов и позиций граждан, слоев и групп»⁴⁷.

Весьма характерно, что данный документ появился вскоре после письма одного из экс-коммунистов Ч. Цисаржа секретарю ЦК КПСС А.Н. Яковлеву. Цисарж сообщал 9 мая 1989 г. Яковлеву: «Диалог представителей клуба (председатель проф. В. Менцл, д. и. н.) с КПЧ (заведующий отделом ЦК КПЧ Я. Боухал) показал помимо прочего, что руководство КПЧ рассматривает перестройку как исключительно свое дело, а все остальные должны принимать и поддерживать его концепцию, однако большая часть общественности и наш клуб имеют к ней серьезные претензии»⁴⁸. КПЧ, как полагал Цисарж, могла сохранить свою инспирирующую и организаторскую миссию, но не в статусе монополюбно правящей силы, а как «демократически сформированная и подчиняющаяся политической конкуренции составная часть плюралистического спектра социалистического общества»⁴⁹. Встречи с представителями КПЧ лидеры Клуба рассматривали как попытку начала широкого диалога между официальными органами и всеми независимыми объединениями.

Выработка согласованных и конкретных позиций по целому кругу вопросов позволила летом 1989 г. поставить вопрос о тезисах программы Клуба, работа над которыми велась с декабря 1988 г.⁵⁰. «Проект тезисов программы КСП» опубликован в первой декаде июня в четвертом номере журнала «Диалог» и представлен в качестве промежуточного варианта, предназначенного для дискуссий. Он состоит из преамбулы и восьми разделов (1. Демократия — основа общественных преобразований; 2. Современный социализм; 3. Политическая система; 4. Социально-экономическая система; 5. Экология; 6. Интеллектуальная сфера; 7. Международные отношения; 8. Цели и деятельность Клуба «Возрождение»), включавших 85 пунктов. Публичная дискуссия по «Проекту тезисов программы КСП» открылась на заседании Клуба 17 июня 1989 г. на квартире Я. Урбана.

В 18-м пункте третьего раздела содержится достаточно четко сформулированное требование отделения партии от государства и ликвидации монополии КПЧ на власть. Монополюльное положение КПЧ в обществе названо «полным попранием демократии», политическим анахронизмом и одной из причин общественного кризиса⁵¹; в документе определены абрисы правового государства.

Достаточно детально изложены экономические цели с ориентацией на многосекторную социалистическую рыночную экономику с развитием государственного и кооперативного секторов, а также частного и индивидуального предпринимательства (пункты 37, 39, 40 четвертого

раздела)⁵². Переход к регулируемому планом денежно-рыночному механизму наряду с неизбежными структурными изменениями считался единственной альтернативой грозящей хозяйственной катастрофе.

«Свой вклад в эти устремления, — декларировалось в проекте, — мы хотим реализовать в форме диалога с гражданами, гражданскими инициативами и неформальными объединениями, с представителями всех политических партий, представителями государственной власти и управления, а также с зарубежными левыми социалистическими силами. В клубе мы создадим атмосферу для свободного обмена мнениями о состоянии и развитии нашего общества, содержания и формах его неизбежных преобразований»⁵³. В заседании в качестве гостей приняли участие А. Вондра (Хартия 77) и Р. Палоуш (ДГС), приглашенные представители ЦК КПЧ и НФ ЧССР на заседание не явились.

17 июня 1989 г. учреждены руководящие органы КСП: исполнительный комитет, председателем которого стал М. Гаек, его заместителями избраны В. Менцл и Й. Доманский, а секретарем — В. Колмистр. Членами исполкома КСП являлись: В. Курал, Й. Стеглик, Ч. Цисарж, М. Грегр, З. Градилек мл., К. Немец, В. Шилган, Я. Урбан и В. Врабец. Летом и осенью 1989 г. в работе Клуба принимали активное участие около 500 человек. Помимо Праги и Брно отделения КСП создавались в ряде других чешских и моравских городов. Руководящее ядро КСП составляли коммунисты-реформаторы 1968 года. Примечательно, что в состав его руководства вошли избранные на высшие партийные посты Высочанским съездом КПЧ Ч. Цисарж, В. Кабрна, В. Колмистр и В. Шилган, а также другие коммунисты, принимавшие участие в его работе. Но лидерами Клуба становилась и представители молодежи (З. Градилек, Я. Урбан, К. Немец), не являвшиеся членами КПЧ. Весьма любопытно, что в рядах руководителей КСП было немало историков (А. Бенчик, М. Гаек, В. Курал, В. Менцл, Я. Урбан, В. Врабец)⁵⁴.

Так называемая братиславская группа Клуба «Возрождение» учреждена в мае 1989 г. Уже 29 мая 1989 г. она направила в ЦК КПЧ и КПСС письмо с предложением исключить из Конституции ЧССР статью о ведущей роли КПЧ и распустить компартию Словакии, которая является «лишь лишним звеном между центром и первичными организациями». В нем также подчеркивалось, что новая независимая инициатива не сотрудничает ни с А. Дубчеком, ни с пражским Клубом «Возрождение». Правда, несколько позднее контакты с Прагой все же были налажены, но словацкий Клуб «Возрождение» с момента возникновения считал себя совершенно независимой организацией. После падения «режима нормализации» его члены в ноябре 1989 г. основали в Словакии Партию демократического социализма (ПДС)⁵⁵.

Крупные политические акции КСП как третьего оппозиционного центра пришлось на осень. 2 октября 1989 г. КСП выступила с «От-

крытым письмом» к рядовым коммунистам Чехословакии. Призывая к идейному и политическому обновлению КПЧ, лидеры Клуба «Возрождение» подчеркивали, что в Чехословакии проявились два основных подхода к реформам: бюрократический, когда предпринимаются попытки создать лишь видимость реформ, устранить только видимые всем недостатки в системе управления обществом, сохраняя при этом суть диктатуры. Второе направление — демократическое — нацелено на перестройку политической и экономической системы, устранение верховной власти партийно-государственной бюрократии, на диалог всего общества и формирование демократического управления и самоуправления гражданского общества⁵⁶.

Осенью 1989 г. представители КСП вместе с другими независимыми структурами подписали большую часть важных совместных оппозиционных документов, в том числе и призыв к проведению демонстрации 28 октября. Существенное сближение позиций КСП и большинства остальных оппозиционных групп, скорее всего, связано с изменениями в руководстве Клуба в июне 1989 г., когда М. Гаек сменил на этом посту В. Менцла⁵⁷.

Наиболее тесные контакты КСП установил с ОИДМ, в состав которого вошли в основном бывшие члены Чехословацкой социал-демократической партии (ЧСДП), а также так наз. социал-демократическое течение Р. Баттека в ДГС. В мае 1991 г. некоторые представители этих групп, а также ряд членов КСП вошли в состав возрожденной ЧСДП.

К осени 1989 г. вырисовывались контуры главной задачи Клуба — достижение консенсуса всех общественных групп и идейных течений с целью создания благоприятных условий для перестройки, подключая и настроенных на проведение реформ «властных». Но попытки лидера КСП В. Менцла наладить диалог с партаппаратчиком Я. Боухалом не увенчались успехом ни в феврале, ни в мае. КПЧ стояла на своем, не допуская нарушения своей политической монополии и беспощадно преследуя не только противников, но и колеблющихся⁵⁸. Слабо налаживались контакты и с Хартией, ряд лидеров которой видел в КСП своеобразного конкурента. Эти неудачи не сняли проблемы налаживания связей между всеми силами, ориентированными на перемены. Однако они все же указали на границы радикализма КСП, которые оказались в целом узкими.

Что касается 26 неформальных структур, возникших в 1989 г., то они также отличались большой разнородностью. В январе была основана Брненская инициатива с целью координации деятельности активистов в г. Брно за демократизацию и права человека. В апреле образовался Брненский форум, ставивший акценты на защите окружающей среды; в августе была создана Чехословацкая ассоциация анархистов, а

в сентябре появился североморавский экологический клуб — Зеленый клуб. Примерно тогда же появилась организация «Гавличкова молодежь», названная в честь Карела Гавличка Боровского и ставившая задачу культурного просвещения, альтернативного ССМ (Союз социалистической молодежи). Примерно те же задачи ставили перед собой Европейский культурный клуб, Независимая студенческая ассоциация и Независимая ассоциация современной молодежи (октябрь 1989 г.). Профессиональную направленность имел Клуб юридической помощи (февраль 1989 г.) и Чешский центр ПЕН-клуба (август 1989 г.).

Если вернуться к хронологии событий, то надо отметить, что в ответ на принимавшиеся правящим режимом контрмеры, 15 февраля Хартия в документе «Новое издание учредительного Воззвания Хартии 77» еще раз подтвердила свою ориентацию на «неполитическую политику». Хартисты подчеркнули при этом, что они не стремятся быть «ни политической оппозицией, ни идейной платформой подобной оппозиции»⁵⁹. Анализируемый документ ограничивался требованием наладить диалог со всеми слоями общества, однако конкретная программа диалога хартистами в этот раз уже не предлагалась. Подобный шаг мотивировался соображениями тактического характера. В умеренности данных предложений, как представляется, не последнюю роль сыграли массированные контрмеры, принимавшиеся официальными структурами власти против оппозиции. К тому же к этому времени некоторые политические функции были предусмотрено переданы Хартией 77 другим независимым гражданским инициативам. В этом плане уместно привести замечание чешской исследовательницы Б. Цисаржовской о том, что ДГС являлось «своего рода политической модификацией Хартии 77»⁶⁰.

Свою версию выхода из сложившегося в стране положения предложило ДГС в документе «Пути к демократии» на следующий день после хартистов — 16 февраля. Представители ДГС требовали «ухода в отставку тех представителей политического руководства страны, которые несут ответственность за сложившееся в обществе положение, которые продолжают ограничивать возможности для диалога и препятствуют проведению коренных политических и экономических преобразований»⁶¹. ДГС провозглашало себя «сторонником широкого общественного диалога как единственного средства восстановления доверия и инициативы в обществе». При этом широкий общественный диалог трактовался как «разговор всех со всеми о пути к демократии», из которого «никто не может быть исключен»⁶². Здесь содержится некоторое противоречие, поскольку из формулы «никто не может быть исключен» документом все же отсекалась часть верхушки государственно-партийного руководства, для которой иной альтернативы, кроме отставки, документом не предлагалось.

Важнейшей формой проявления роста гражданского неповиновения стал новый виток подписных акций: некий аналог жестких к позиции «властных» коллективных писем в январе–феврале 1989 г. против действий полиции во время мероприятий, посвященных памяти Яна Палаха; позднее — в поддержку освобождения из тюрьмы В. Гавела⁶³. Один из таких документов — «Петиция чехословацких граждан к событиям 15–21 января» — адресовался ФС ЧССР, президенту, председателю правительства ЧССР, Комитету чехословацкой общественности по правам человека, Чехословацкому телеграфному агентству и редакции газеты «Руде право». Знаменательным ее мотивом явилась не только констатация протеста «безвластных» против незаконных действий официальных властей во время «Недели Палаха», но и переход к изложению «программы действий». «Решительно требуем, — говорилось в сопроводительном письме от 2 февраля 1989 г. к Петиции, — немедленно начать открытый широкий общественный диалог о причинах и возможностях прекращения и предотвращения экономического и морального распада, затронувших в последние десятилетия чехословацкое общество»⁶⁴. Следует подчеркнуть, что к 15 февраля 1989 г. Петицию подписали 3367 человек⁶⁵, а к 30 апреля — 5066 человек⁶⁶. Как и следовало ожидать, реакция партийно-государственного руководства на подобные действия была предсказуемой — они квалифицировались как «подрыв власти».

И все же «Неделя Палаха» примечательна другим — она явилась импульсом активизации не только организационно оформленных оппозиционных сил, но и широких кругов общественности, в частности студенчества. Двадцать лет — время вхождения в общественную жизнь нового поколения, и, как показали дальнейшие события, память о трагической гибели студента Палаха стала источником стремления по-новому устроить жизнь, не доверяя власти, а также не позволила в полной мере довольствоваться трудно понимаемым и воспринимаемым лозунгом «неполитической политики»*. Можно утверждать, что в Чехословакии прологом ноябрьских (если вспомнить известную метафору Т.Г. Эша) «десяти дней» стали январские «семь дней».

События зимы 1989 года получили разные оценки за границей, в первую очередь в СССР. В одной из аналитических записок В.В. Загладина для Политбюро ЦК КПСС, составленной им по итогам официального визита в ЧССР во время Совещания по общеевропейскому дому в

* С появлением организованных группировок в молодежной среде ускорились процессы политизации, затронувшие в первую очередь студенчество. Подробнее см.: *Bartuška V. Polojasno. Pátrání po vinících 17. listopadu 1989. Praha, 1990; Benda M., Benda M., Klíma M., Dobrovský P., Pajerová M., Pánek Š., Kříž R. Studenti psali revoluci. Praha. 1990; Otáhal M., Vaněk M. Sto studentských revolucí Studenti v období pádu komunismu — životopisná vyprávění. Praha, 1999.*

Праге 30 апреля* — 2 мая 1989 г., подчеркивалось, что его многочисленные встречи с чехословацкими коллегами — а это были как раз представители «властных» — «настраивают на очень серьезный лад»⁶⁷.

Положение в Чехословакии характеризовалось собеседниками Загладина настораживающе: «Говорим о перестройке, но делаем мало, особенно в плане демократизации» (член секретариата ЦК КПЧ Р. Рогличек); «Страна быстро движется навстречу каким-то серьезным событиям. Процесс этот идет сам собой, стихийно. Мы им не управляем и управлять не умеем. По словам собеседника, таково мнение и Л. Адамеца» (советник премьер-министра Я. Седлак); «Очень серьезное положение, выхода пока не видно, концепции нет»⁶⁸ (кандидат в члены Президиума ЦК КПЧ, первый секретарь пражского горкома КПЧ М. Штепан — одна из самых одиозных фигур партаппарата в скором будущем). Получалось некое расщепление сознания: перемен хотели все и все их боялись. Важнее другое: боялись их (хотя и не признавались в этом самой себе) и оппозиция. Не выявив для себя четких политических ориентиров, та же Хартия 77 не знала бы, что делать в случае наступления времен реальной перестройки. Однако таковой не допускали коммунисты у власти, особенно представители консервативного течения КПЧ. Москва об этом знала и поддерживать его не намеревалась.

В политическом плане, как указывал Загладин, практически все его собеседники, хотя и в разных формах, поднимали три проблемы: отсутствие перестройки в партии, которая продолжает работать по-старому; трудности в руководстве партии и государства; слабая работа в массах. «Что касается первого, — писал Загладин, — то, как отмечали собеседники, здесь действует „синдром 1968 года“, с которым соединяется „синдром перестройки“»⁶⁹. Далее констатировалось, что те, кого «называли в 1968 году „здоровые силы“, спешно покидают свои старые позиции, из просоветских деятелей становятся антисоветскими. Таким уже стал В. Биляк, — хорошо, что он ушел, — но влияние на М. Якеша еще сохраняет. Сейчас ту же эволюцию проделывают А. Индра и Я. Фойтик. Они фактически тормозят перестройку в ЧССР, не переставая бросать тень сомнения и на перестройку в СССР. Тов. Якеш с этой линией не согласен, он хочет перестройки, хочет идти вперед, но, как говорили многие, он недостаточно тверд, да к тому же „в осаде“, — окружение на него влияет сильно и весьма противоречиво»⁷⁰. Однако и в то время, и позднее Якеш избегал влияния других сил в руководстве КПЧ, связанных с именем Л. Адамеца, а уж тем более сил оппозиционных. Он скорее ориентировался на статус охранителя.

1 апреля 1989 г. Загладин встречался с Я. Пудлаком, весьма трезво мыслящим партфункционером, признававшим, что его страна пережива-

* В тексте документа ошибочно указана дата 31 апреля.

ет глубокий морально-политический кризис, который может быть сравним с тем, который предшествовал 1968 году. «Отличие в том, — подчеркивал собеседник Загладина, — что ныне материальное положение масс значительно лучше, чем в 1967 г., что для чехов значит много. К тому же в Словакии достигнут большой прогресс, там это очень ценят. Однако эти позитивные факторы — на грани исчезновения. Экономически страна переживает большие сложности, фактически застой, сопровождаемый предкризисными явлениями»⁷¹. На его взгляд, имелись три проблемы, требовавшие безотлагательного решения: отсталая структура экономики, отсталость технической базы, бюрократизм системы управления (несмотря на реформу). «В случае если это положение будет сохраняться, — утверждал Пудлак, — неизбежно снижение жизненного уровня масс и тогда могут возникнуть широкие массовые движения»⁷².

Оценивая состояние чехословацкого общества в целом, Я. Пудлак пришел к следующему выводу: «В массах, причем во всех слоях общества, но прежде всего в среде рабочего класса, интеллигенции и молодежи, накопился большой заряд недовольства. В значительной мере оно вызвано, помимо осознания неблагополучности положения, разрывом между громкими лозунгами о перестройке и пассивностью в их реализации»⁷³. Далее Пудлак обратил внимание на формирование в Чехословакии «широкой оппозиции», указав на ее неоднородность. «Если бы, — продолжал он, — действовали только враждебные группы типа „Хартии“ или „Обновления“^{*}, это было бы полбеды. Но наряду с ними существует значительная (до полумиллиона человек) группа бывших членов партии, которые, не примыкая к оппозиции (за исключением единиц), выражают активное недовольство и собственным положением, и положением в стране»⁷⁴. Естественно, такая оценка взрывного потенциала в обществе не могла не внушать беспокойства в Москве. Сигнал о неизбежности перемен ею был получен как раз весной 1989 г.

Не менее тревожным Пудлак считал следующее: «Одновременно настроения неудовлетворенности охватили немалое число членов партии, комсомола. И беспартийные волнуются. В случае серьезных осложнений вся эта масса может на той или иной основе объединиться»⁷⁵. Слова почти пророческие! Пудлак с обеспокоенностью говорил также о том, что помимо явной даже якобы «неполитической» оппозиции ряды «безвластных» пополнялись другими сегментами общества, что вело к их количественному росту. Он выражал также опасения относительно неизбежного объединения всех категорий недовольных в их противостоянии официальным властям, что, естественно, не могло не вызывать тревоги и беспокойства партфункционеров.

* Имеется в виду Клуб за социалистическую перестройку-«Возрождение», созданный опальными коммунистами-реформаторами в середине февраля 1989 г.

В беседе с Загладиным Пудлак пронизательно заметил, что непродуманные действия властей приводили к обратному эффекту — консолидации оппозиции. «Выступления, которые имели место до сих пор (события на Вацлавской площади)», отнюдь не были просто результатом организованных действий „Хартии“. И участвовало в них немало простых людей, желавших таким образом выразить свои настроения. Однако реакция руководства на эти выступления была неадекватной. Разгон демонстрантов полицией, носивший жестокий характер, вызвал в публике разговоры, в ходе которых руководству страны давались крайне отрицательные характеристики. Молодежь сравнивает действия властей с действиями „фашистов“, — подчеркнул он⁷⁶. Складывалось впечатление, что «властные» ничего другого делать не умели, да и не могли и Москве приходилось с этим считаться. Уже с ноября 1988 г. в поле зрения руководства КПСС столь же часто, как и Якеш, попадал Адамец, о чем свидетельствуют и приводимый, и другие документы.

По мнению Пудлака, который ссылался на то, что такой же точки зрения придерживаются очень многие коммунисты (и это, как утверждает Загладин, подтвердилось в ходе других его встреч), «руководство не проявило умения „рассчитывать на несколько ходов вперед“»⁷⁷. Можно утверждать, что уже с данного времени, т. е. с января 1989 г., намечается изоляция консервативной части руководства партии и госаппарата не только от политически активизирующихся граждан страны, особенно молодежи, но и от рядовых коммунистов. Однако, как свидетельствуют архивные документы, часть партаппарата в канун «бархатной» революции все же осуждала неадекватность реакции консервативно ориентированных «властных», эскалацию полицейских методов борьбы с оппозицией.

Какие же альтернативы предлагались прагматически ориентированной частью правящих структур? «Сейчас, — констатировалось собеседниками Загладина, — особенно важно действовать политическими методами, „загнуть“ недовольство в дискуссии, умело их вести (курсив мой. — Э. З.). Нельзя „трагедизировать“ происходящее, надо все эти процессы „банализировать“ и таким путем спустить на тормозах. Но умения сделать это пока нет»⁷⁸. Нельзя не заметить: подобного «умения», как покажут дальнейшие события, «властные» не проявили и позже, в ноябре 1989 г.

В данной части архивного документа важно выделить слово «дискуссия», которое, как представляется, указывало на понимание ориентиро-

* Имеется в виду «Неделя Палаха», проведенная в январе 1989 г. на Вацлавской площади, которую, как отмечали собеседники В. Загладина, «практически повсюду стали называть „курорт Якеша“: сверху холодный душ, внизу — массаж дубинками». Архив Горбачев-Фонда. Ф. 3. Оп. 1. z89avg07doc

ванной на реформы частью партийного аппарата необходимости и неизбежности диалога с недовольной частью чехословацкого общества. Однако ее трактовка слова была, мягко говоря, довольно своеобразной и сводилась исключительно к попыткам лишь «загнать» бурно растущее недовольство в дискуссии, принципиально не решая тем самым накопившиеся в стране кричаще злободневные проблемы. Эта стратегия предполагала и изоляцию оппозиционных сил самой различной направленности.

Итак, среди партийной верхушки в целом следует отметить полное отсутствие — даже немногим более чем за полгода до «бархатной» революции — понимания необходимости полноценного и равноправного диалога с набиравшей силу и все более громко заявлявшей о себе оппозицией. В.В. Загладин, как видно из приводимого документа, зафиксировал данный момент и, надо полагать, проинформировал свое партийное руководство об отнюдь не простой ситуации в одной из стран «социалистического содружества». Но события в связи с состоявшимися 26 марта 1989 г. первыми альтернативными выборами делегатов съезда народных депутатов СССР, на которых официальные кандидаты от КПСС потерпели поражение во многих округах, отодвинуло данную информацию на задний план. Проблемы «разморозки» влияния Кремля «властным» в Чехословакии приходилось решать самостоятельно, а это были далеко не простые проблемы.

Правда, весной 1989 г. власти насторожились, отмечая в аналитической справке о положении в стране*: «Внутренние враги при всесторонней поддержке из-за рубежа продолжают взятый ими с середины прошлого (т. е. 1988 г. — Э. З.) курс на конфронтацию»⁷⁹. Следует отметить, что в конце 1988 г. в ЧССР насчитывалось около 22 различных объединений⁸⁰; в целом в стране в августе 1989 г. развивали свою деятельность уже 39 независимых инициатив⁸¹, следить за которыми властям становилось все труднее. Лидеры КПЧ вполне логично отреагировали на ситуацию созданием 18 мая 1989 г. так называемой координационной рабочей группы по борьбе с антикоммунистическими силами⁸². Призывы различных неформальных структур к диалогу с КПЧ в очередной раз завершились ужесточением над ними контроля.

Чехословацкими партийными аналитиками проведена типологизация чехословацкого оппозиционного движения и выделены два формировавшихся в нем течения: радикальное и реформистское. Радикальное течение, по их оценкам, было представлено Хартией 77, «неполитичность политики» которой, пожалуй, небезосновательно ставилась ими под сомнение, а инициативы хартистов по налаживанию диалога отвергались. Родственны-

* Документ «Информация секретариата ЦК КПЧ о деятельности „внутренних и внешних врагов“ для местных партийных организаций, кандидатов в ЦК КПЧ и других партийных и государственных деятелей».

ми Хартии в документе названы НОМ, Общество друзей США, «Чешские дети», ДИ и ДГС. Главным в их деятельности секретариат ЦК КПЧ назвал курс «на проведение конфронтационной линии по отношению к КПЧ и государственным органам с ориентацией на массовые антиобщественные выступления. Они ориентируются в своей деятельности на интеллигенцию и молодежь, в первую очередь вузовскую, где уже проявляются стремления создать структуры, которые могли бы заменить ССМ»⁸³.

Партийные аналитики весной 1989 г. в целом верно подметили смену тактики Хартии 77: «Подтвердилось также предположение, что главное вражеское объединение „Хартия“ останется в тени, а всю инициативу по подготовке провокационных акций она возложит на свои сателлитные так наз[ываемые] независимые инициативы»^{* 84}.

При этом имелось в виду не только ДГС, но вновь возникавшие неформальные структуры. В то же время, справедливо подчеркивая попытки оппозиции вовлечь в свои планы молодых людей и студентов, секретариат ЦК КПЧ, как показал последующий ход «бархатной» революции, переоценивал возможности хартистов. Студенты приняли решение об организации демонстрации 17 ноября 1989 г. самостоятельно, принципиально не подключая к подготовке данной акции «профессиональных революционеров», как они иронично их называли⁸⁵. Большим авторитетом среди молодежи пользовались представители радикальной ДИ: в конце октября — начале ноября 1989 г. была создана ее студенческая секция, которую возглавил М. Семин⁸⁶. Чрезмерно всматриваясь в деятельность Хартии 77, «властные» не замечали активности новых сил.

Ко второму течению в чехословацком оппозиционном движении, согласно партийной градации, относилось «реформистское», состоявшее из «части бывших деятелей КПЧ, исключенных за свои правые взгляды, а также бывших правых членов социал-демократической партии». Говорилось о намерении представителей данного течения, объединившегося в Клубе «Возрождение» «сформировать „левый оппозиционный блок“, способный при определенных обстоятельствах оказать влияние не только на бывших и нынешних членов КПЧ, но и на часть рабочего класса»⁸⁷.

Но этот «враг» был во многом создан искусственно. Анализ документов КСП показывает, что в них подобную «крамолу» обнаружить трудно — «перестройщики» вне КПЧ скорее намечали перспективу реформирования партии, а не полного ее дезавуирования⁸⁸. Но если вспомнить пословицу «у страха глаза велики», то окажется, что «властные» видели в качестве опасных противников и своих по-

* Об этом же говорилось и в письме М. Якеша от 18 октября 1989 г. См.: Vedení KSČ o disentu a opozici... S. 55.

тенциальных, но так и несостоявшихся союзников. Более того, руководство КПЧ даже считало Клуб «Возрождение» своим «самым большим конкурентом»⁸⁹. В целом принципиальное неприятие «режимом нормализации» КСП, то есть в основном бывших «своих», чем-то, как представляется, напоминало отношение большевиков к меньшевикам в ходе Октябрьской революции: их ненавидели зачастую сильнее, чем «просто контрреволюционеров». Важно и другое: на тесный контакт с КСП не стремились идти и хартисты, их, так сказать, «внебрачные дети». Следует особо подчеркнуть, что пражский режим упорно продолжал проводить разграничительные линии в чехословацком оппозиционном движении по критериям «левых» и «правых», причем даже там, где их уже быть не могло просто по определению.

Таким образом, партийный анализ, мягко говоря, не совсем точно отражал истинное положение дел в стане «безвластных», поскольку реальная дифференциация проходила здесь по совершенно иным критериям и параметрам: главным при этом становился уже не вопрос о смене «режима нормализации», считавшийся оппозицией предрешенным, а о путях и формах реализации его демонтажа. Линия размежевания уже весной проходила по следующим критериям, предполагавшим два варианта развития событий: 1) умеренно-эволюционная или компромиссная модель (приверженцы «неполитической политики», причислявшиеся аппаратчиками к «радикалам») в режиме диалога с прагматиками из «властных»; 2) радикальная или бескомпромиссная модель, ориентированная на полную и безоговорочную отставку правящего режима, безотлагательное проведение свободных демократических выборов и формирование на основе их итогов новых демократических органов законодательной и исполнительной власти. Лето, как показывала устоявшаяся практика политической жизни в Чехословакии, отводилось скорее на заявления и переговоры. Осень же обещала быть бурной. К ней готовились и «властные», и «безвластные», четче разделяясь по степени радикализации своих позиций.

Действительно, в чехословацком оппозиционном движении уже давали о себе знать своими решительными заявлениями некоторые независимые объединения, в первую очередь — ДИ, которая, на наш взгляд, без достаточных на то оснований была, как показывает вышеприведенный документ, включена в число «сателлитов» Хартии 77. В начале апреля 1989 г. лидеры ДИ разработали документ «Петиция гражданской последовательности» с требованием организации в стране публичных дискуссий, диалога, руководствуясь при этом документами ООН и СБСЕ о правах человека⁹⁰. А 26 мая они вышли уже с проектом политической программы «Хельсинкская инициатива к демократизации Чехословакии и созданию правового государства»,

в котором предлагались конкретные действия в следующем порядке: а) до 28 октября 1989 г. — даты образования независимой Чехословакии — одобрить Конституционный закон о завершении к 1 января 1990 г. деятельности ФС ЧССР, о выборах на переходный период в Учредительное собрание и о подготовке новой демократической Конституции; б) до мая 1990 г. провести выборы в Учредительное собрание; в) до 1 января 1991 г. разработать новую Конституцию и новый избирательный закон; г) завершить к 1 мая 1991 г. дискуссии; д) до 28 октября 1991 г. предложить Конституцию и избирательный Закон о выборах в федеральный парламент на всенародное голосование; е) в январе 1992 г. провести выборы в новое Федеральное собрание⁹¹. Звонком тревоги в этом проекте звучали конкретные предложения и четкие даты их реализации, а Учредительное собрание мыслилось отнюдь не буферным органом для КПЧ.

Один из составителей документа Э. Мандлер, давний соратник/соперник Гавела, подчеркивал, что сам характер документа предполагал и вопрос о ликвидации монопольного положения в стране правящей КПЧ. «Смысл наших устремлений, — указывал Мандлер, — заключался в проведении народной политики, которую могли бы реализовать конституционные органы, полностью лишив тем самым КПЧ руководящей силы: ей следовало занять такое же положение, какое занимала любая другая организация»⁹². В окончательную версию документа прямое требование отмены монополии КПЧ не было включено, однако его положение о «запрещении монополии в политической, экономической и профсоюзной жизни», бесспорно, распространялось в первую очередь на компартию как политического монополиста в Чехословакии. Опыт начавшихся преобразований в Москве в связи с подготовкой и проведением первого съезда народных депутатов вселял уверенность в осуществимости данной программы.

В своем очередном, третьем по счету, программном документе под названием «К чему стремится Демократическая инициатива», разработанном в мае 1989 г., еще раз акцентировалось внимание на необходимости проведения в стране глубоких реформ во всех сферах жизни общества. Вместе с тем в документе впервые констатировалось, что «приоритет однозначно принадлежит реформам политическим (выделено в оригинале. — Э. З.)»⁹³. Речь шла о предъявляемых к КПЧ требованиях «обеспечить плюрализм» в культурной, идейной, религиозной и политической сферах⁹⁴. «Что касается непосредственного отношения к КПЧ, — отмечалось далее в программе, — мы требовали в первую очередь ухода в отставку политически дискредитировавших себя лиц из партийных органов; мы хотим также, чтобы она аннулировала „Уроки кризисного развития“...»⁹⁵. В качестве непосредственных

целей ДИ выделялись три направления: создание условий для проведения свободного диалога всего общества, профсоюзное самоуправление и плюрализм⁹⁶.

22 июня принята Программа действий ДИ, в которой ставилось требование немедленного провозглашения переходного демократического периода. Далее акцентировалось внимание на проведении такого рода действий, как демократические выборы в Законодательное собрание, главными задачами которого провозглашались: «а) разработать в течение краткого периода времени проект новой демократической конституции и предложить ее народу на референдуме; б) предложить на референдуме также законопроект о свободных выборах в ФС ЧССР»⁹⁷. Одним из главных условий демократического периода, по мысли составителей документа, должно стать начало диалога всего общества. В качестве его предмета предлагалось обсуждение следующих проблем: принципы новой демократической конституции; 1968 год и вооруженная интервенция стран Варшавского договора; проведение экономической реформы (на основе опубликования аналитических разработок и предложений Института прогнозирования ЧСАН; гражданские свободы и права человека в современной Чехословакии; современная экологическая обстановка; возможность демилитаризации государства — полувоенные и полицейские элементы в гражданской жизни ЧССР»⁹⁸.

Таким образом, четко просматривается эскалация требований данной организации, побуждавшая и других участников стана «безвластных» активнее определять свои политические позиции. И более того — консолидировать эти позиции, что и произошло неделю спустя после выхода в свет последнего документа.

29 июня 1989 г. радиостанция «Свободная Европа» и другие зарубежные СМИ передали адресованное чехословацким властям воззвание «Несколько фраз», ставшее символом гражданского неповиновения в ЧССР. Его подписали хартисты, некоторые деятели культуры и науки (в том числе из Словакии), а также представители словацкой политической католической оппозиции. Официальные власти ЧССР сразу же объявили Воззвание «манифестом контрреволюции»⁹⁹, аналогом документа «Две тысячи слов» 1968 г. 30 июня 1989 г. газета «Руде право» в статье «Кто сеет ветер» назвала «Несколько фраз» проявлением «петициомании» нескольких десятков антисоциалистически ориентированных лиц¹⁰⁰. Нетрудно было предположить, что число подобных документов будет множиться.

Тогда же массовый характер начала приобретает кампания по сбору подписей в поддержку воззвания, в котором содержались призывы к властям начать диалог с оппозицией о демократических преобразованиях. К ноябрю 1989 г. этот документ подписали около 40 тыс. человек. В ком-

мунистической прессе воззвание характеризовалось как конфронтационное по отношению к социалистическому общественному строю.

В целом воззвание не содержало прямых требований отставки чехословацкого партийно-государственного руководства, но отрицало легитимность «режима нормализации», введенного в стране в результате подавления Пражской весны. «Властные» дали указание собирать подписи под своего рода антиманифестом, осуждавшим воззвание «Несколько фраз». «Но дело, — как отмечал в одной из своих аналитических записок в августе 1989 г. В.В. Загладин, — шло туго; по существу никто из видных, широко известных стране деятелей науки и культуры поставить под ним свои подписи не захотел»¹⁰¹. Тем самым призывы «властных» противостоять петициям уже не воспринимались основной массой населения в качестве директив и прямых инструкций к действиям. Воззвание же «безвластных», напротив, получило массовую поддержку: к середине ноября 1989 г. количество подписавших его достигло 40 тыс. чел.¹⁰².

С начала июля наметились и совместные акции еще большего числа различных структур чехословацкой оппозиции. Так, 3 июля 1989 г. представители десяти из них (Хартия 77, ДИ, НОМ, Клуб правовой поддержки, Клуб за мир Джона Леннона, Чехословацкий Хельсинкский комитет, ДГС, Общество друзей США, «Чешские дети», Христианский союз за права человека) обратились к главам правительств и парламентам пяти стран Варшавского договора с призывом официально дистанцироваться от военной интервенции в ЧССР в августе 1968 г.¹⁰³. Предположительно в этот же день * ДГС и ДИ в совместном обращении выступили против запрета властями реализации петиционного права граждан, гарантированного чехословацкой Конституцией и международными обязательствами ЧССР. В обращении правящий режим подвергся резкой критике за отношение к возванию «Несколько фраз» и к тем, кто его подписал¹⁰⁴.

Следует отметить, что в июне 1989 г. в Польше прошли парламентские выборы, принесшие победу «Солидарности», а в Венгрии интенсивно шли переговоры между оппозицией и властвующей партией. Что касается Москвы, то там сравнительно недавно прошел первый съезд народных депутатов СССР, расколовший страну на «перестройщиков» и «антиперестройщиков» (обычно не признававшихся в этом). Первых же в свою очередь — на умеренных и радикальное крыло (Межрегиональную депутатскую группу), которое стало первой в истории советского государства легально оформленной оппозицией. Так что тревожный резонанс от создававшего широкий оппозиционный фронт обращения КПЧ испытывала отнюдь не безосновательно.

Ответная реакция правящего режима на подобного рода действия оппозиции последовала незамедлительно, хотя аналитическая «Ин-

* Отсутствует дата.

формация о деятельности независимых инициатив» от 3 июля 1989 г. во многом повторяла выводы майского партийного документа. В нем, с одной стороны, констатировался факт «стремительного роста и активности нелегальных групп», а с другой, утверждалось, что «независимые инициативы в ЧССР не составляют единый блок». В документе снова повторялся вывод о кристаллизации двух основных направлений. Одно из них — «более радикально ориентированные подписанты „Хартии“ и члены сателлитных групп проводят конфронтационный по отношению к КПЧ и государственным органам курс с ориентацией на массовые антиобщественные выступления. Их влияние направлено на интеллигенцию и молодежь, в основном вузовскую, где уже проявляются попытки организовать параллельные структуры, которые могли бы заменить ССМ»¹⁰⁵. Второе течение — реформаторское — составляли бывшие функционеры КПЧ, исключенные из партии за свои правые позиции, а также бывшие представители правого крыла социал-демократов. Эти лица, констатировалось в Информации, объединившиеся прежде всего в Клубе «Возрождение» и Обществе по изучению демократического социализма, намерены сформировать «„левый блок оппозиции“, способный при определенных обстоятельствах оказать влияние не только на бывших и нынешних членов КПЧ, но и на часть рабочего класса»¹⁰⁶.

Следовательно, главную опасность социалистическим устоям правящий режим по-прежнему видел не в реально формировавшемся правом блоке чехословацкой оппозиции, уже взявшем курс на отказ от социалистической идеи, а в ее гипотетической левой фракции. Новым в аналитическом документе явилось то, что «внутреннему противнику» инкриминировались попытки активизировать группировки экологического характера «с явным намерением не только дискредитировать деятельность партийных и государственных органов в данной сфере, но и создать базу для учреждения партии зеленых в ЧССР»¹⁰⁷.

В это же время в связи с поспешно готовившейся властями «за закрытыми дверями» новой Конституцией ЧССР Хартия 77 поставила вопрос о монополии КПЧ, в определенной степени повторив майские положения более радикальной ДИ. В документе «О подготовке новой Конституции и так наз[ываемой] руководящей роли КПЧ», датированном 10 июля 1989 г., Хартией вносилось конкретное требование референдума по основным статьям будущей новой Конституции. Более того, намечалось проведение «действительно свободных выборов» и формирование по их итогам «чрезвычайного Законодательного собрания, которому следовало поручить разработку новой Конституции»¹⁰⁸. Решение ряда других проблем предлагалось в рамках устоявшихся в демократических государствах конституционных процедур. Возрождение гражданского общества, плюралистической политической системы и правового государства в Чехословакии

неразрывно связывалось хартистами в этом документе с «ликвидацией конституционно канонизированной руководящей роли партии и смиренной рубашки Национального фронта»¹⁰⁹. Тем самым Хартия 77 вышла на уровень выдвижения конкретных политических требований, включавших неотъемлемые атрибуты демократических процедур смены государственной власти, включая проведение свободных парламентских выборов. Данное заявление во многом отличалось от предшествующих акций своим радикализмом. Оно свидетельствует, что если раньше Хартия 77 была лидером, на которого ориентировались другие структуры, то к середине лета 1989 г. ей пришлось довольствоваться ролью «догоняющей».

В это время другие гражданские инициативы не прекращали попыток консолидации антинормализационного движения. Так, на прошедшей 11 июля в Брно встрече представителей ДИ, ДГС и НОМ прозвучало предложение о создании в стране «Чехословацкого гражданского комитета», на который возлагалась миссия стать первым шагом на пути к организационному объединению чехословацкой оппозиции¹¹⁰.

Подобные действия оппозиционеров, разумеется, не оставались незамеченными. И в том же июле 1989 г. партруководство было вынуждено, на наш взгляд совершенно справедливо и самокритично, признать: «Имеющийся опыт показывает, что различные оппозиционные группы достигают успеха прежде всего там, где выдвигаемые самой жизнью проблемы общества не решаются вовремя либо же отсутствует последовательность в их решении»¹¹¹. «Режим нормализации» демонстрировал понимание накопившихся в стране сложных проблем, однако его представления о путях выхода из приобретаемого угрожающий размах внутривластного кризиса сводилось исключительно к разного рода рекомендациям по модификации существующей «нормализации». При этом отношение партийного руководства к «безвластным», которые можно трактовать как конфронтацию и отказ от любой формы диалога, выстраивалось в прежнем ключе даже на фоне происходивших в соседних с ЧССР странах радикальных трансформаций.

«Специфика Чехословакии, — по словам чешского историка В. Пречана, — заключалась в конфронтации между коммунистическим истеблишментом и очагами гражданского общества, из которых постепенно выкристаллизовывалась демократическая оппозиция. Отказ от предложений этой оппозиции начать диалог по вопросам демократизации системы, а также продолжение политики враждебности по отношению ко всем, кто не желал подчиняться диктату компартии, продолжали определять сущность руководства КПЧ уже после падения Берлинской стены, после того, как в Польше правительство возглавил представитель „Солидарности“, а в Венгрии было признано право правящей ВСРП на свободное формирование политических партий и подписано соглашение о проведении

свободных выборов»¹¹². Столкновения при подобном раскладе сил избежать было нельзя, но КПЧ во многом держала оборону, как раз имитируя перестройку. Оппозиция же, не соглашаясь с этим, все же ожидала, что положение изменится само собой.

Приближавшаяся годовщина вторжения, хотя и не была «круглой», но от этого не становилась политически острой: «властные» и «безвластные» ощущали, что могут выйти из нее преобразенными в самих своих основах.

Активисты ДИ и ДГС выступили с призывом к чехословацким гражданам принять участие в акции протеста, которую планировалось провести 21 августа в пешеходной зоне в центре Праги, не нарушая движения транспорта и общественного порядка. Следует отметить, что мнения представителей различных течений чехословацкого протестного движения по вопросу о проведении в годовщину вторжения войск пяти стран Варшавского договора в ЧССР акции протеста резко разошлись. Так, категорически против ее проведения возражал В. Гавел, опасавшийся, что «режим нормализации» может использовать акцию протеста как повод для окончательной расправы с оппозиционерами. Он настаивал на проведении такого рода акции 10 декабря — в Международный день прав человека. В развязанной властями кампании истерии, эскалации в обществе страха некоторое колебание проявили и другие диссидентские группы, заявления которых П. Братинка называет «перестраховочными»¹¹³. Итак, с одной стороны, радикальное заявление в июле, с другой — опасения за исход реального дела в августе и возложение надежд на декабрь. Такая непоследовательность настораживала многих оппозиционно настроенных граждан страны, особенно молодежь. Потолок возможностей диссидентской составляющей антинормализационного движения представлялся в этом плане невысоким.

Несмотря на неоднозначное отношение акция все же состоялась. Следует отметить, что опасения Гавела относительно вмешательства полиции, сопровождавшегося арестами, оправдались. Однако массовое неповиновение уже приобретало трудно контролируемый характер.

Годовщина августовской интервенции отмечалась не только в Праге, но также в Брно и других городах Чехословакии¹¹⁴. Ее инициаторами стали ДГС, ДИ и Общество Т.Г. Масарика, призвавшие своих членов и приверженцев к проведению «мирного и неконфронтационного протеста»¹¹⁵. Эти события позволили представителям оппозиционных течений еще раз взвесить свои силы и прийти к важным выводам. Вот как оценивался ход акции в принятом после 21 августа 1989 года «Воззвании независимых инициатив»*. «Двадцать первого августа, — говорилось в документе, — борьба за формирование демократического плюралистического общества *вступила в новую фазу* (курсив мой. — Э. З.). На этом этапе общественного развития решающее значение бу-

дет иметь единство независимых инициатив»¹¹⁶. Единство, которое на последнем этапе антинормализационного движения по-прежнему оставалось достаточно сложно технически реализуемой задачей.

Внутренняя консолидация достигалась с трудом, зато в этот период заметно интенсифицировались контакты представителей чехословацкой оппозиции с польскими и венгерскими коллегами. Показательной в этом плане является прошедшая 26 августа 1989 г. встреча лидеров Венгерского демократического форума (З. Бери и др.) и ДИ (Э. Мандлер, К. Штиндл и Б. Долежал), на которой был создан Комитет чехословацко-венгерского демократического сотрудничества¹¹⁷. Чаще стали встречаться чехословацкие оппозиционеры и с поляками. Тем самым можно говорить об активизации контактов чехословацких независимых структур на международном уровне.

Относительно спокойное (по сравнению с уже прошедшей зимой и еще не наступившей осенью) в политическом отношении лето 1989 года в Чехословакии, по видимости, мало кого успокаивало. Примечателен в этой связи тревожный тон уже приводившейся выше аналитической записки В.В. Загладина (7–28 августа 1989 г.). Менее чем за три месяца до начала «бархатной» революции в документе акцентировалось внимание на «широко распространенных среди простых людей (и высказываемых вслух) настроениях разочарования, неуверенности», о проявлявшемся в среде интеллигенции «чувстве безысходности, отсутствия перспективы»¹¹⁸. «Если судить по общему настрою людей, — писал Загладин, — по рассказываемым грубым, направленным против руководства анекдотам и т. д., то обстановку можно сравнить с ситуацией примерно 1966–1967 гг. (которую я хорошо помню)»¹¹⁹. Сложившуюся в конце лета 1989 г. ситуацию в ЧССР, как указывает Загладин, «собеседники (вне зависимости от их положения) характеризовали как „предкризисную“, а некоторые — как „скрытый (замаскированный) кризис“ (Я. Мачек), который проявлялся во всех сферах жизни общества. Наиболее оптимистично держался М. Штефаняк (близкий к В. Биляку), но и он, многозначительно заявив, что „социализм мы разваливать не собираемся“, также говорил о „нарастающих трудностях“»¹²⁰. Иллюзия Штефаняка заключалась в том, что «мы» для него — лишь консервативно ориентированные члены руководства КПЧ. С коммунистами, придерживавшимися прагматических ориентаций, Загладин, судя по документам, не встречался.

* Документ не был подписан, поэтому, как полагают составители сборника документов, речь могла идти о черновике. Кроме того отсутствие под документом подписей затрудняет установление его авторства: неизвестно, была ли это идея ДИ либо же он стал плодом коллективного творчества ДИ, ДГС и Общества Т.Г. Масарика. См.: *Čas Demokratické iniciativy...* S. 168. Pozn. 2, 3.

Комментируя настроения в обществе, собеседники Загладина отмечали, что «люди чувствуют себя обманутыми». Объявленное еще в конце 1987 г. намерение нового лидера ЦК КПЧ М. Якеша, сменившего Г. Гусака на посту генсека ¹²¹, приступить к перестройке и демократизации «вызывало волну надежд». Но уже к середине 1989 г. стало очевидно, что эти «надежды не оправдываются. Заметных перемен не произошло, а те, которые имели место, носили во многом формальный или чисто словесный характер, противоречили реальным действиям руководства» ¹²². Так, «именно под аккомпанемент общих разговоров о демократизации участилось применение жестких административных мер против оппозиции и шире — всех несогласных. Предпринимавшиеся поначалу попытки начать диалог с интеллигенцией и молодежью иссякли — нет умения вести диалог (об этом с большой горечью говорил Б. Кучера). Экономическая реформа идет медленно и ощутимых перемен, в особенности для рабочего класса, не приносит. Отсюда — разочарование, апатия, рост недоверия к руководству КПЧ (что теперь иногда проскальзывает и в прессе, и через письма читателей), учащаются случаи выхода из партии, прежде всего — рабочих и молодежи» ¹²³.

Что касается готовившейся чехословацкими официальными властями реформы Конституции — важного поля столкновения правящего режима и его оппонентов, равно как и возможной платформы для их плодотворной дискуссии, то участвовавшие в этой работе Б. Кучера и В. Янку свидетельствовали: поправки незначительны, фактически они, в большинстве своем, фиксировали то, что уже реально имело место. В начале 1989 г. много велось разговоров о реформе избирательной системы (состязательность кандидатов), о чем на пленуме ЦК КПЧ говорил М. Якеш. «Но после выборов в СССР, — замечает Загладин, — соответствующее место из публикации его доклада было изъято, а на местах партийные работники прямо говорят: состязательность „подорвет их позиции“. Б. Кучера рассказывал, что все это со временем вызовет крайне негативные настроения в Федеральном собрании. После съезда народных депутатов СССР там ширятся разговоры о том, что парламент должен играть более активную и независимую роль, не просто „штамповать“ чьи-то решения» ¹²⁴. Для «властных», таким образом, от Кремля веяло не морозом, а оттепелью, что грозило поставить власть КПЧ под большое сомнение: перестройка в Чехословакии в большей мере могла обернуться «переустройством», чем в СССР. И документ отражал соответствующие настроения.

В целом, по словам собеседников В.В. Загладина, «имеет место своего рода раскол общества. Б. Кучера весьма определенно говорил о необходимости его преодоления, сплочения людей. Затяжка этого процесса может быть пагубной — она способна привести к объединению значительной и прежде всего интеллектуальной части общества, а так-

же части рабочего класса на платформе, враждебной руководству»¹²⁵. Приближение кризиса «властные» видели не так, как оппозиция, но ощущали его и первые, и вторые одинаково. А если учесть, что в ряде стран, введших 21 год тому назад свои войска в Чехословакию, радикальные преобразования проходили гораздо более быстрыми темпами, то осень 1989 г. обещала стать весьма и весьма жаркой. Выход из кризиса представлялся «властным» в следовании проторенными в годы «нормализации» путями. Вместе с тем некоторые из них уже критиковали ситуацию, утверждая, что борьба «против идей и действий правых ведется старыми, в основном милицейскими методами»¹²⁶.

В. Загладин обращал внимание на следующее: «Собеседники не были едины в том, нужны такие методы или нет (так, М. Штефаняк решительно „за“; В. Янку считал, что они только вредны, ибо „создают фальшивых героев“, и т. д.). Но все сходились на том, что в конечном счете их применение не дает нужных результатов». «Во многом потому, — продолжал Загладин пересказ суждений своих партнеров, — что они не дополняются активной работой в массах, конструктивным диалогом с теми, кто недоволен ситуацией в целом или какими-то ее сторонами, но не примыкает к правым или лишь частично разделяет их позиции. Идеологическая работа подменяется повторением старых схем и голословным по существу осуждением всех несогласных или критикующих»¹²⁷.

Неготовность к изменениям партийной верхушки была зафиксирована с достаточной определенностью, равно как и тот момент, что она не понимала: а на что, собственно, ориентируются оппозиционные движения? Действительно, мощной и главное — сплоченной, подобно польской «Солидарности», силы они собой не представляли. И хотя авторитет Гавела рос не по дням, а по часам — до Валенсы ему было далеко. В любом случае на вопросы о том, как совладать с изменением массовых настроений, разбухенных перестройкой, и кто является главным ее врагом — не могли дать однозначного ответа ни «властные», ни «безвластные».

Из документа следует, что часть партаппарата не исключала «конструктивного диалога» с недовольной частью общества, однако он, по убеждению «властных», ни в коем случае не мог распространяться на «правых», то есть представителей чехословацкого оппозиционного движения. И иного выхода из сложившейся ситуации, кроме как активизации «работы с массами», «режим нормализации» накануне «бархатной» революции, пожалуй, себе просто не представлял и едва ли мог представить.

Загладин в начале августа 1989 г., т. е. практически за два с половиной месяца до начала ноябрьских событий, еще раз подтвердил наличие по-

лярных течений в партийном руководстве: «...большинство нынешнего (т. е. чехословацкого. — Э. З.) руководства категорически против любых коррективов в отношении прошлого. Психологически это можно понять: ведь если такие коррективы вводить, то многим придется уходить»¹²⁸. По его оценкам, если говорить о количественных характеристиках консервативного течения пражского режима, оно, во-первых, составляло большинство, а во-вторых, стремилось любыми путями сохранить в ЧССР статус-кво. «Получается так, — констатировал Загладин, — что представители „самых здоровых сил“ 1968 года занимают сейчас наиболее консервативные, а в чем-то и антисоветские позиции»¹²⁹.

Поэтому столь внимательно прислушивался Загладин к тем, кто в принципе мог бы взять на себя задачу реформирования общества. В их числе был, к примеру, Я. Седлак, советник председателя федерального правительства Л. Адамеца. Формулируя свою личную оценку политической ситуации в ЧССР, он характеризовал ее как «затишье перед бурей»¹³⁰. По его мнению, «единственное, что пока что сдерживает проявление активного недовольства, — сравнительно благополучное социально-экономическое положение. Продовольствия хватает, положение с промтоварами, хотя и несколько хуже, чем в недавнем прошлом, но все же, в сравнении с другими социалистическими странами, благополучное»¹³¹.

В. Загладин приводит мнения экономистов — сотрудников Института прогнозирования ЧСАН (в то время там работали В. Клаус, В. Длоуги, М. Земан, Т. Ежек и др.), который возглавлял В. Комарек. Они указывали, в частности, на архаичность структуры экономики, нуждавшейся в корректировке, которая «пока не осуществляется (отчасти в силу опасения, что структурные перемены, могущие затронуть 200–300 тыс. рабочих, вызовут в стране серьезное недовольство. Эта проблема становится тем более острой, что предстоит конверсия военного производства)»¹³². Говорилось также о медленном обновлении производственного аппарата, вследствие чего усугублялась отсталость технической базы промышленности, указывалось на рост разрыва в техническом и технологическом уровне с Западом. «В результате стремления, исходя из политических мотивов, во что бы то ни стало поддерживать высокий уровень жизни, доля накоплений недопустимо снизилась, — идет „проедание“ экономической базы страны», — констатировали собеседники Загладина¹³³. По оценкам Института прогнозирования, «еще два-три года даже при подобном развитии экономика „может продержаться на плаву“. Но затем, если не принять серьезных мер, наступит кризис и в производстве, и в снабжении населения»¹³⁴.

Собеседники В.В. Загладина подчеркивали, что для разработки мер по выходу из существующего положения нужен серьезный кри-

тический анализ, что якобы встречало понимание в правительстве. Однако, как прямо отмечалось во время встреч, предпринимавшиеся чехословацким кабинетом министров попытки провести такой анализ на реалистической основе встречали «противодействие со стороны руководства партии (не желающего акцентировать проблему ошибок и просчетов недавнего прошлого)»¹³⁵.

В целом, говоря об экономических проблемах, все собеседники Загладина не скрывали своих сомнений в будущем, а некоторые — открытого пессимизма¹³⁶. В аналитической записке утверждалось: «Постепенный рост напряженности в экономике ощущает население, что заметно не только по разговорам. Повседневные опросы (результаты которых публиковались лишь частично) показывали: примерно две трети людей считали, что их экономическое положение не улучшается, а около трети — констатировали его ухудшение. Респондентами отмечалась также и „неясность перспектив“»¹³⁷.

Что касается позиции «безвластных», то о ней посланцу Кремля было известно куда меньше. Можно предположить, что уже само отсутствие такой позиции становилось проблемой, а ламентации о правах человека превращались (как и во многих других случаях) в дымовую завесу, скрывавшую обострение реальной ситуации.

Делая выводы о проблемах внутреннего положения ЧССР и отношении страны к советской перестройке, Загладин выделил несколько разных уровней подхода. «Что касается руководства, — утверждал он, — то отношение к перестройке в целом, как можно судить по словам товарищей, по существу отрицательное. Но прямо, вслух, тем более в беседах с советскими людьми, об этом не говорится. Мои собеседники, в том числе некоторые рядовые сотрудники партийного аппарата, включая работников ЦК, с осуждением говорили о двойственности или даже тройственности суждений в отношении перестройки со стороны руководства:

— нам напрямую говорят о поддержке перестройки; в последнее время высказывают и озабоченность в связи со встречающимися трудностями и негативными процессами;

— в своем кругу считают наши действия отходом от марксизма и принципов социализма;

— публично (выделено в оригинале. — Э. З.) в самой Чехословакии общие фразы в речах и в печати в поддержку перестройки сопровождаются все более частой и открытой, хотя и анонимной, критикой наших идей, „нового мышления“, некоторых наших оценок международного положения (например, тезиса о постепенном размывании „образа врага“ на Западе, чему была посвящена специальная статья в „Руде право“). В печати активно воспроизводятся любые сообщения о наших

трудностях и негативных явлениях, тогда как позитивного материала крайне мало»¹³⁸.

Вместе с тем «на другом уровне — рядовые граждане, ученые, журналисты — в большинстве своем (хотя люди и обеспокоены негативными явлениями, просят разъяснения) искренне и с глубоким сочувствием относятся к перестройке, по-прежнему связывают свои надежды на лучшее будущее с ее успехом. Нередко можно было слышать: „Если увас перестройка сорвется, и нам конец“. Правда, в определенной части общества, которую можно назвать мещанской (работники торговли, сферы обслуживания), отношение к нам скептическое, часто недружелюбное, даже враждебное»¹³⁹.

Следует подчеркнуть отмеченные Загладиным оценки чехословацким партийно-государственным руководством крушения коммунистических режимов в Венгрии и Польше: «Оценки (сверху) однозначные: реставрация капитализма. Говорят: Чехословакия „попала в клещи“. Беспокойство товарищей можно понять. Однако, к сожалению, полагают, что ход событий в Польше и Венгрии — результат нашей перестройки, которая-де содействует „размыванию“ социализма»¹⁴⁰. Следовало бы добавить, что «клещей» не могло избежать и оппозиционное движение: и у его лидеров не было четкого представления, как сложится ситуация со сменой власти и каковы возможные сценарии ее разрешения.

Свой аналитический материал Загладин заканчивает так: «Конечно, имеющиеся трудности не следует преувеличивать; руководство партии и государства пока держит ситуацию в руках, возможности для решения существующих проблем есть. Но вопрос в том, чтобы не опоздать с таким решением. Кстати, об опасности запоздания в решении назревающих задач говорили и многие чехословацкие друзья. Анализируя опыт Польши и Венгрии, они ссылались, в частности, на то, что корни возникшей там ситуации во многом именно в запоздании с решением давно назревших или запущенных проблем, которые, постепенно накапливаясь, и создали опасную ситуацию. Б. Кучера сформулировал одну из ближайших задач так: необходимо преодолеть „постоянное опаздывание“»¹⁴¹. Во многом предсказанные в данном архивном документе кризисные процессы не заставили себя долго ждать, но Москве было не до них — близились более важные события внутри и КПСС, и СССР.

Если вернуться к ситуации внутри антинормализационного движения, то надо отметить, что начало осени 1989 г. стало временем очередного витка его радикализации. Так, 15–16 сентября 1989 г. состоялась учредительная конференция ДИ, которая стала называться Чехословацкой демократической инициативой (ЧДИ). За изменением названий просматривалась необходимость: во-первых, резко активизировать ее деятельность, а во-вторых, развивать ее в общегосудар-

ственном направлении. Это и отразилось в программном заявлении ЧДИ от 15 сентября, в котором содержится развернутая характеристика кризисного положения чехословацкого общества и намечены пути выхода из него. В документе определены причины, которые привели к «глубокому кризису правления (vládnutí)»: они видятся авторам документа в «монополии на власть КПЧ (так наз. ведущая роль партии)»¹⁴². Главный акцент в этом пространном документе, состоявшем из трех разделов (Характер современного кризиса; Путь преодоления кризиса; Программа гражданского сосуществования), ставится на «постепенной, но бескомпромиссной реализации права граждан на представительство (выделено в оригинале. — Э. З.) в законодательных органах (и национальных комитетах всех уровней). Конституцию, демократический правовой строй, переход к рыночной экономике — это все не могут реализовать парламент и правительство, представляющие номенклатуру, а только истинные представители народа»¹⁴³. Отмечалась и настоятельность перехода к «плюралистическому демократическому обществу», для чего следует «заменить существовавший до настоящего времени формальный избирательный акт проведением в первую очередь хотя бы частично демократических выборов (в переходный парламент для разработки новой конституции), а затем проведением свободных выборов (выделено в оригинале. — Э. З.) при участии многих политических партий»¹⁴⁴. В третьей части документа ЧДИ предельно четко заявила о том, что переход от авторитарного государства к демократии «может быть реализован в Чехословакии — как программа гражданского сосуществования — только при помощи сильного народного движения (выделено в оригинале. — Э. З.)»¹⁴⁵.

Как представляется, ЧДИ, учитывая опыт прошлых лет, продолжала делать ставку на массовые движения протеста. При этом независимым инициативам, на взгляд авторов документа, необходимо позаботиться о том, чтобы «народное движение имело свои реальные цели, своих собственных представителей, элементарную организацию и добровольную дисциплину. Чехословацкая демократическая инициатива предлагает сотрудничество при обсуждении и организации этих важнейших вещей; при существующей в настоящее время значительной структурированности независимого движения итоги соответствующих переговоров должны отвечать главным интересам нашего населения»¹⁴⁶.

ЧДИ выдвигала конкретные предложения о переходе к демократическому государству: достижение принципиальной согласованности гражданских инициатив по вопросам масштаба и значимости настоятельных политических преобразований и разработки программы экономического возрождения; концентрация народного движения на

двух актуальных принципах гражданского сосуществования. «Согласно первому из них, — говорилось в документе, — чехословацкие законы должны безоговорочно интерпретироваться лишь в соответствии с высшими правовыми нормами, а именно: Конституцией, международными соглашениями и Заключительным актом совещания СБСЕ. В соответствии со вторым актуальным принципом, нынешним представительным органам, которые назначались сверху, отказывалось в праве представлять граждан в жизненно важных вопросах перехода к демократии и рыночной экономике (разработка демократической конституции, принятие политических и экономических реформ и др.). Необходимо завершить их деятельность и избрать новые органы, в первую очередь законодательное собрание»¹⁴⁷. В любом случае предполагалось, что выборы должны были происходить, как в Польше или, по крайней мере, как съезда народных депутатов в СССР. Это принципиально новый мотив в деятельности оппозиции.

Реализация двух вышеуказанных принципов и новой стратегии выборов, как подчеркивалось в заявлении, практически невозможна без диалога, переговоров с властью. Однако в документе предельно четко определен предмет этих переговоров, который носит достаточно ограниченный характер: легализация независимого гражданского движения и выработка принципов его участия в выборах в Законодательное собрание; временные законы о свободе слова, собраний и свободе передвижения и путешествия; закон о гуманизации уголовного законодательства; создание и легализация независимого печатного органа; обеспечение участия независимых движений в работе СМИ¹⁴⁸.

Что касается более кардинальных задач, то они возлагались на народное движение, которое должно было добиваться принятия чрезвычайного закона о выборах в Законодательное собрание (лучше всего на двухлетний срок). На основе этого закона каждый, кто получит поддержку квалифицированного, установленного законом количества граждан ЧССР, может иметь возможность добиваться места в парламенте. После выборов, как указывалось в документе, вновь избранное Законодательное собрание развернет работу по разработке проекта демократической конституции и демократического избирательного закона по выборам в Федеральное собрание ЧССР. Новому составу предстояло утвердить и переходное правительство, на которое возлагался ряд задач, в том числе выработка предложений, а также реализация политических реформ, необходимых для перехода к демократической плюралистической системе¹⁴⁹. Как следует из документа, не оставалось сомнений в том, что ЧДИ настаивала на бескомпромиссном решении вопроса о власти в стране путем проведения свободных парламентских выборов. Ключевое слово было произнесено. Для его реа-

лизации оставалось скоординировать все силы, ориентировавшиеся на неизбежность коренных перемен. И через неделю после заявления в общем открытом письме от 22 сентября ЧДИ и ДГС призывали соотечественников активизировать проведение дискуссий по самому широкому кругу вопросов. «По мере того, — констатировалось в нем, — как партийная и правящая власть отрицают диалог и ввергают себя во все более углубляющуюся общественную изоляцию, возрастает внутриполитическая напряженность». Это происходит в дни, когда стоит задача совместного поиска путей проведения необходимых системных и структурных преобразований, в первую очередь политических и экономических¹⁵⁰. Перемены в статусе антинормализационного движения в свете подобного рода заявлений представлялись неизбежными. Оставалось гадать: откуда они появятся — из Кремля (отсюда давно уже не «веяло морозом», а, напротив, шли оживляющие воздушные потоки перестройки) или же внутри страны. Образцы новых решений конфликта между властью и обществом в этом плане уже имелись, и один из них — организация «круглых столов» в Польше и Венгрии.

Но создавалось впечатление, что появлявшиеся как грибы после дождя оппозиционные структуры ориентировались скорее на толерантный протест, а не на активный конструктивный диалог с целью разделить ответственность на уровне власти. Однако избежать такого диалога — даже если бы не было коренных изменений ситуации, к примеру, массовых демонстраций, не представлялось возможным.

20 октября 1989 г., т. е. меньше чем за месяц до «бархатной» революции, три оппозиционные структуры (ДИ, ДГС и КСП) огласили еще одно совместное заявление в связи с годовщиной образования Чехословакии. В нем говорилось: «Мы будем выступать с требованием широкого общественного разговора в качестве первого и необходимого шага на пути к формированию правительства национального доверия»¹⁵¹. «Настоящее оздоровление отношений, — по мнению составителей документа, — может проводить только правительство, сформированное на основе свободных демократических переговоров и свободных выборов. Спасти республику невозможно без правительства национального доверия»¹⁵².

Тем самым, как полагали представители трех независимых инициатив — ДИ, ДГС и КСП — сложившееся в стране положение уже не могло быть изменено существующим правительством, задача выведения страны из кризиса возлагалась на новое правительство национального доверия, которое следовало сформировать по итогам свободных парламентских выборов¹⁵³. Таким образом, в заявлении впервые четко формулировалась программа действий основных независимых чехословацких инициатив с различными, а порой и полярными установками, по формированию новых органов исполнительной власти.

Ряд структур антинормализационного движения приступил к подготовке мирной демонстрации. Инициаторами подготовки акции стала так наз. Консультативная группа, включавшая представителей ЧДИ, ДГС и КСП. 17 октября — ровно за месяц до решающих событий — ее представители Р. Баттек и Л. Лис поставили в известность окружной национальный комитет Праги-7 о том, что 28 октября на Летне будет проведено торжественное собрание членов и сторонников ЧДИ, ДГС, КСП и НОМ, посвященное годовщине образования Чехословакии.

Однако эта инициатива не получила поддержки со стороны Хартии 77, лидеры которой в свою очередь с конца сентября 1989 г. самостоятельно вели переговоры с Пражским национальным комитетом, добиваясь разрешения на аренду помещения для проведения торжественных мероприятий. Хартисты мотивировали предпринимавшиеся самостоятельные шаги тем, что в противном случае они не могут поручиться за ход спонтанных торжеств на Вацлавской площади и избежать тем самым возможных провокаций. Данное заявление строилось по уже известной и стремительно изживавшей себя логике, в соответствии с которой угроза страшнее нападения...

Глубинными причинами спора по данному вопросу являлись различные взгляды на перспективы деятельности независимых структур, вытекавшие из различной оценки сложившейся в стране ситуации. Так, ЧДИ и КСП к этому времени практически завершили процесс трансформации в политическую оппозицию, не теряя шанса сформировать ее координационный орган из представителей различных оппозиционных режиму групп. В то же время Хартия 77, полагавшая, что период «классического диссидентства» завершается, тем не менее по-прежнему утверждала: время для вступления диссидентов на почву «реальной» политики еще не пришло¹⁵⁴. В итоге все же компромисс в очередной раз был найден и 23 октября 1989 г. в совместном обращении Хартия 77, ДГС, ДИ, КСП и НОМ призвали граждан к мирным акциям в день годовщины возникновения Чехословакии. Подписал его и В. Гавел¹⁵⁵. Таким образом, несмотря на возникавшие по самым различным поводам дезинтеграционные тенденции, лидерам противостоявших «режиму нормализации» структур удавалось добиваться сплоченности и согласованности позиций.

Следует подчеркнуть, что этими акциями намерения представителей чехословацкого антинормализационного движения по объединению своих усилий и выработке общей программы действий не ограничились. Следующим шагом в этом направлении явилось заявление от 23 октября * ряда оппозиционных объединений (ЧДИ, ДГС, НОМ

* Документ не датирован; дата определена составителями сборника документов. См.: *Čas Demokratické iniciativy...* S. 195. Pozn. 1.

и КСП), в котором шла речь о намерении представителей ряда независимых инициатив «объединить свои действия с тем, чтобы добиться преобразования современной авторитарной Чехословакии в плюралистическое демократическое государство с процветающей рыночной экономикой, справедливой социальной политикой и гарантированными гражданскими свободами»¹⁵⁶. В черновом варианте *Обращения об учреждении Координационного комитета чехословацкой политической оппозиции*, датированном первой половиной ноября 1989 г., планировалось в максимально сжатые сроки учредить «репрезентативный Национальный и гражданский комитет, объединяющий представителей всех слоев населения, способный формулировать, отстаивать и добиваться реализации своих интересов»¹⁵⁷.

Координационный комитет чехословацкой политической оппозиции намеревался «регулярно вести консультации о концепции своей деятельности с „круглым столом“ оппозиции, объединяющим все независимые группы. Вместе с тем он хотел бы сотрудничать с отдельными лицами и деятелями в официальных учреждениях и структурах, если эти деятели и отдельные лица проявят интерес к подобному сотрудничеству»¹⁵⁸.

Комитетом предполагалась подготовка заявления высшим государственным органам, содержащего требование разработки действительно демократического проекта новой Конституции¹⁵⁹, а также составление предложений, нацеленных на вывод страны из глубокого кризиса. Проект намечал контуры радикальных демократических преобразований в Чехословакии. При этом в *Обращении* тезис о свободных выборах, в отличие от совместного заявления от 20 октября, уже не фигурировал.

Следует отметить, что некоторые чешские исследователи рассматривают предложения по созданию конкретных руководящих организационных форм чехословацкого оппозиционного движения в качестве протоструктуры и прообраза Гражданского форума¹⁶⁰. Представляется, что оппоненты правящего режима, принимавшие участие в нелегальном оппозиционном движении в 1969–1972 гг. (СДЧГ, ЧДАС и др.), переносили опыт борьбы тех лет и свои отдельные программные установки по консолидации антинормализационного движения на иную почву и иные условия, внося в них корректировки, соответствующие новой конфигурации сил. Важнее, однако, другое: идея Комитета содержала мощный мобилизационный импульс не только для всех противостоявших режиму сил, но и для тех «отдельных лиц», которые также были готовы к переменам.

При такой мощной идеологической и организационной подготовке дата 28 октября отмечалась относительно спокойно. В документе КПЧ «Внутрипартийная информация № 84 о положении в краях 27–29 октября 1989 г.» говорилось о состоявшемся 28 октября 1989 г. на Вацлавской площади в центре Праги митинге, в котором приняли участие от 800 до

1000 чел., скандировавших лозунги «Хотим новое правительство!», «Хотим свободу!», «Да здравствует Хартия!», «Да здравствует Масарик!», наконец, «Да здравствует Гавел!». Последний лозунг являлся своеобразным свидетельством того, кто есть первый в оппозиции. По данным руководства КПЧ, всего в этот день в Праге в подобных акциях участвовали до 3000 чел.; при этом западные СМИ называли гораздо большее количество участников¹⁶¹. Партийный документ оптимистически констатировал, что «по существу эти выступления не находили поддержки граждан, наблюдавших за происходящим»¹⁶², и допускал дальнейшее умиротворение ситуации.

Однако это было затишье перед бурей. В начале ноября активизируются акции писем. Так, примерно 6 ноября 1989 г. исполком КПЧ направил письмо депутатам съезда народных депутатов СССР с призывом осудить августовскую (1968 г.) военную интервенцию в ЧССР¹⁶³. Аналогичная просьба, но уже в совместном письме Хартии 77, ДГС, ДИ, КПЧ и НОМ направлена 16 ноября 1989 г. участникам заседания Совета Европы с призывом добиваться изменения позиции СССР в вопросе военной интервенции в Чехословакию в августе 1968 г.¹⁶⁴.

Примерно в это время лидеры КПЧ разработали проект письма членам ЦК КПЧ о конкретных шагах, направленных на последовательное преобразование политической жизни, о преодолении охватившего все общество кризиса и с предложением немедленной разработки своего рода программы действий с перечислением ближайших и неотложных задач. Предполагалось освобождение всех политзаключенных; существенное расширение до принятия новой Конституции прав на свободу слова, собраний и информации; принятие закона о политических партиях; публичное заявление правительства о том, что будущие выборы будут свободными и будут проводиться с соблюдением буквы закона. Обращает на себя внимание предложение о необходимости принятия новой конституции и выборов президента на основе всенародного голосования¹⁶⁵. Все перечисленные в документе предложения, по мнению лидеров КПЧ, могли внести в общество разрядку и веру в оздоровление политических отношений в стране. При этом предлагалось проведение диалога всего общества при участии «действительно всех тех, кому есть что сказать по этому поводу и тем самым создать конструктивную среду и атмосферу предметности и активности на благо социалистического развития нашей родины»¹⁶⁶.

Казалось бы, начался всего лишь очередной круг согласований, увязываний, надежд... Тем более, что подготовительная работа по созданию Координационного комитета чехословацкой политической оппозиции затягивалась и в итоге до 17 ноября 1989 г. он так и не появился. Причины — не только в непрекращавшихся репрессиях, но

также и в расхождениях в самой оппозиционной среде по целому ряду тактических вопросов¹⁶⁷. За ними ощущался и дефицит единой стратегии, которая подспудно вырабатывалась «улицей» и в первую очередь студенческой молодежью.

Какова же на данном фоне позиция «властных» в предреволюционное время? Партийные круги готовились не к переговорам, «круглым столам» или диалогу. В циркуляре от 18 октября 1989 г., переданном практически за месяц до начала «бархатной» революции по телетайпу, генсек ЦК КПЧ М. Якеш извещал первых секретарей краевых (местных), районных (окружных) комитетов КПЧ и КПС о внутривластном положении страны и деятельности «внутреннего противника»¹⁶⁸. В нем обращалось внимание на следующее: «Так наз[ываемые] независимые группы и их представители во главе с Хартией 77 пытаются в настоящее время объединить свои силы и создать „единую оппозиционную партию“»¹⁶⁹. Кроме того, как указывалось в документе, «нелегальные структуры при активной поддержке зарубежной пропаганды» готовят на 28 октября 1989 г. «открытую конфронтацию с государственной властью»¹⁷⁰. Что же в этой ситуации делать? Всемерно, как рекомендовал Якеш, им противостоять. Тем самым правящий режим по-прежнему твердо и бескомпромиссно придерживался линии на конфронтацию и, казалось, не замечал нарастания степени напряженности.

Общий тон большинства партийных документов того времени — страх и боязнь, неумение выйти за рамки штампов и догм, но одновременно и надежда, что ситуация как бы разрешится сама собой, если умело использовать административные рычаги. Действительно, ведь так уже не раз было в течение более чем 20-летней «нормализации»...

Констатация правящим режимом кризисного положения в обществе в чем-то объективна и сходна с оппозиционной. Однако пути выхода из этого положения — диаметрально противоположные и кардинально различающиеся. Если партийное руководство делало ставку на приведение в действие административных рычагов, одновременно «обвиняя» себя в недостаточной активизации работы с массами, то оппозиция уже осознанно ориентировалась на коренные политические преобразования: одна ее часть — в радикальной, другая — в эволюционной форме. «Делиться» властью со своими идеологическими противниками по примеру польской или венгерской «братских партий» пражский режим по-прежнему не хотел, а большинство верхушки КПЧ не желало идти на малейший компромисс с оппозиционными силами.

Конечно, ряд представителей прагматического течения в государственно-партийном руководстве чувствовали, что надо что-то делать за рамками «нормализационного поля». 27 июня 1989 г. и 30 октября 1989 г. Адамец, по его словам, направлял генеральному секретарю ЦК

КПЧ М. Якешу письма, в которых выражал несогласие с медленным ходом и половинчатостью реформ, указывал на невозможность реализации радикальных перемен в управлении экономикой без параллельной перестройки политической системы, на необходимость принципиальных кадровых изменений в руководящих партийных органах. «Я, — утверждал Адамец, — высказывался за конструктивный диалог с обществом в поиске выхода из углублявшегося и становившегося все более опасным кризисного развития. Приверженность идее широкого диалога со всеми, кто заботится о благе родины, я демонстрировал в ходе многих встреч с представителями различных политических сил и идейных ориентаций»¹⁷¹. И если в конце июня стремление к диалогу выглядело всего лишь намерением, то в конце октября это стало неизбежностью.

Но Адамец не ограничился только письмами. Он признал настоятельность прямого разговора с мыслившими иначе, чем жесткие «нормализаторы». Еще летом 1989 г. Адамец предпринял в данном направлении конкретные шаги. Так, на свой страх и риск, через своего советника О. Крейчи * он установил контакты с группой «Мост», которую представляли рок-музыкант М. Коцаб и журналист М. Горачек, поддерживавшие связь с В. Гавелом **¹⁷². О настоятельности предотвращения конфликтов государственной власти с протестующими гражданами и необходимости начала диалога Адамеца, по его словам, убедили в 1989 г. январские и другие демонстрации на Вацлавской площади.

Опыт Варшавы и Будапешта был учтен из всей партийной верхушки, пожалуй, им одним. «Огромной ошибкой бывшего руководства партии, — подчеркивал Адамец, — я считал сектантское отношение к разного рода инициативам, догматический подход к социалистическим и демократическим идейным течениям, который и привел к изоляции КПЧ». Под такими словами подписались бы коммунисты-реформаторы 1968 г. На ряде заседаний президиума ЦК КПЧ он призывал партийное руководство к «неформальному диалогу, в частности с клубом Возрождение и другими»¹⁷³. «Однако, — констатировал Адамец, — я не только не нашел поддержки, но периодически подвергался личным нападкам, подозрениям и недоверию, которые привели меня к решению отказаться от необходимости разделения ответственности за тяжелые последствия подобной политики для будущего нашей страны»¹⁷⁴.

* О. Крейчи, по словам М. Горачека, в июле 1989 г. утверждал: «Одно вам скажу четко. С Гавелом за один стол? Никогда!». См.: *Deset pražských dnů...* S. 591.

** Первое письмо было передано О. Крейчи представителем Хартии 77 Кржижаном. Горачек и Коцаб встречались также с В. Могоритой, В. Комарек и заведующим отделом культуры ЦК КПЧ Чейко. См.: *Deset pražských dnů...* S. 581.

Встречное движение пока «властных» с еще «безвластными» отслеживалось самыми разными наблюдателями. Готовность к диалогу при этом считалась присущей лишь отдельным представителям руководства партии и государства.

К примеру, соответствующая позиция Адамеца достаточно детально отражена в телеграмме американского посольства в Праге от 15 ноября 1989 г., адресованной Госдепартаменту США. В ней обращалось внимание на рост в стране «риторики политических реформ». В связи с этим Адамец, как указывается в документе, «не только напрямую связывал успех экономической реформы с политическими изменениями, но и доказывал, что политическая трансформация в настоящее время должна иметь лидирующий характер, хотя при этом и не уточняется, что конкретно он имел в виду»¹⁷⁵. В телеграммах также отмечалось, что в переданной 14 ноября в ФС ЧССР информации Адамец «связывал политические и экономические преобразования, хотя и пытался представить их как свое „личное“ мнение»¹⁷⁶. «Он (Адамец. — Э. З.), — говорится в документе, — сказал, что является сторонником диалога, в котором могут подниматься „правильные и неправильные“ точки зрения, однако он квалифицирует его со ссылкой на проведение данного диалога в рамках Конституции и при сохранении общественного порядка»¹⁷⁷.

М. Горачек, один из представителей оппозиционной группы «Мост», сыгравшей роль посредника в начавшихся до 17 ноября 1989 г. и продолжившихся уже непосредственно в ходе «бархатной» революции переговорах главы федерального кабинета министров с оппозицией, возвращаясь к роли в тот период Адамеца, подчеркивал в апреле 1990 г.: «Сегодня никто не признает, что он рисковал абсолютно всем»¹⁷⁸.

Необходимо отметить, что представители ЧДИ, ориентируясь на безоговорочную отставку правительства, выступали против диалога в формате «Моста»¹⁷⁹. Однако дело, пожалуй, было даже не в инициативе «Моста», а в специфике ситуации: диалог становился абсолютно неизбежным.

Радикальной частью чехословацкого оппозиционного движения был сделан и первый шаг на пути к созданию реальной многопартийности в ЧССР. 11 ноября 1989 г., т. е. за неделю до начала «бархатной» революции, ЧДИ представила в МВД ЧССР просьбу о своей регистрации в качестве независимой политической партии. В прилагавшейся программе ЧДИ содержались следующие требования: формирование переходного правительства национального сосуществования, завершение к 1 февраля 1990 г. деятельности ФС ЧССР и проведение свободных выборов в переходный представительный орган, на который возлагалась разработка новой Конституции¹⁸⁰. Скорее безоговорочная отставка правительства, а не диалог или переговоры с ним или с его частью — та-

кова суть концептуальных установок данного наиболее радикального с 1988 г. неформального объединения.

Левый спектр антинормализационного движения предпринял попытки объединения протестных течений. Так, в подготовленном до 17 ноября, но появившемся уже после начала «бархатной» революции документе «Проект призыва» КСП заявил о необходимости объединения демократических левых сил с целью трансформации Чехословакии в демократическую и социально справедливую республику. В нем выражены: намерение Клуба «всеми силами содействовать формированию единой демократической левой» и призыв ко «всем демократически и социалистически мыслящим гражданам начать предметный диалог»¹⁸¹. Следуя ЧДИ в плане инициативы, КСП призывала при этом сохранять свое идейное лицо; на это ориентировался и ряд других движений.

Конечно, до 17 ноября 1989 г. эти попытки играли одну роль и имели не столь большой вес. Сразу после начала «бархатной» революции все смешалось в некий идеологический конгломерат, но их рассмотрение важно для отслеживания истоков будущей структуры политического процесса с устоявшимися партиями. Пока же на политическую сцену неудержимо выходила «улица», ведомая в первую голову студентами.

Конец октября — начало ноября 1989 г. — время радикализации студенческого движения. Во второй половине октября, в связи с 71-й годовщиной образования Чехословакии, появляется независимое студенческое движение «Stuha» («Лента»), требовавшее участия студентов в демократизации общества, создания студенческих организаций вне рамок официального Союза социалистической молодежи (ССМ), ликвидации дискриминации при поступлении в вузы, восстановления академических свобод¹⁸². 19 октября в своей листовке его лидеры выступили с призывом отдать дань памяти трагическим событиям 17 ноября 1939 г. Листовка начиналась словами «Приносите цветы и свечи!»¹⁸³.

В середине ноября, независимо друг от друга, активизировались другие студенческие движения в Праге и Братиславе¹⁸⁴. 15 ноября 1989 г. состоялся актив студентов Театральной академии музыкального искусства, на котором объявлено об упразднении факультетской организации ССМ, которая, как обосновывали участники заседания свое решение, не имеет права представлять всю молодежь¹⁸⁵. При этом звучали требования отмены преподавания марксизма-ленинизма в вузах страны¹⁸⁶ и ликвидации руководящей роли КПЧ¹⁸⁷. Братиславские студенты накануне Международного дня студентов — 16 ноября — организовали мирную демонстрацию¹⁸⁸.

Анализ реакции пражского режима на ожидавшиеся акции независимого студенчества содержится в телеграмме посольства ГДР в Праге от 17 ноября (до начала спонтанной демонстрации), направленной в адрес генсекретаря СЕПГ Э. Крэнца в связи с его запланированным на 21

ноября, но так и не состоявшимся визитом в ЧССР. В телеграмме, в частности, указывалось на «большое внимание» партийных и государственных руководителей, с которыми они следили за развитием событий в ГДР. «Они, — говорится в телеграмме, — поражены скоростью и размахом событий, а также происшедшими в прошлом месяце изменениями и их все больше и больше беспокоит, какое влияние окажут проходящие в нашей стране процессы на ЧССР»¹⁸⁹. Первым «практическим выводом» из событий в ГДР для ЧССР явился следующий: позиция пражского руководства по отношению к «студенческой молодежной демонстрации, которая ожидается в эти выходные и в последующие дни, будет сходна с нашей». В телеграмме зафиксировано внимание на появлявшихся в рядах КПЧ моментах дифференциации. «В качестве итога оценки наших мер по этому вопросу (т. е. проведения демонстраций), органы безопасности получили приказ не использовать в будущем водометы и дубинки. Эту директиву поддерживают не все функционеры на местах, опасющиеся подстрекательских действий представителей Хартии 77 и других оппозиционных групп, направленных против КПЧ»¹⁹⁰. Масштабы демонстрации предусмотреть было трудно, широкий резонанс от нее представлялся само собой разумеющимся.

Тем временем «властные» все больше становились похожими на «генералов без солдат»¹⁹¹, постоянно твердивших о своей готовности вести непрерывную войну «единым фронтом», которого фактически не существовало, а инициативные, по-новому мыслящие люди оттеснялись в руководстве партии и государства на задний план. Адамец же сохранял свою позицию готовности к диалогу, чего бы это ни стоило для него лично.

Оценивая ситуацию в целом, надо признать: фракции партийно-государственного руководства (консерваторы и прагматики), равно как и сегменты чехословацкого оппозиционного движения (политические и исповедующие принцип «неполитической политики») вплоть до 17 ноября 1989 г. так и не смогли достичь хотя бы предварительных договоренностей и пойти на диалог. Важно и другое: взаимоприемлемый компромисс не достигался в их отношениях не только между собой, но зачастую и внутри себя. Так, если не трагедией, то драмой грядущей революции стало взаимное отторжение хартистов и КСП. Накопившиеся противоречия усугублялись в канун «бархатной» революции и решались уже в ее ходе. При этом отсутствие консенсуса в чехословацком оппозиционном движении послужило причиной отсутствия сплоченности в выработке программных установок и конкретных шагов уже на этапе построения основ демократического общества, когда возникали различные, зачастую даже казусные ситуации, которых при наличии согласованных действий можно было бы избежать.

Итак, к 17 ноября 1989 г. в Чехословакии «властные» с тревогой ощущали, а «безвластные» признавали неизбежность кардинальных политических перемен. Причем одна часть «властных» — консервативная — видела способы их сдерживания на путях ужесточения «режима нормализации» и упрочения такого «развитого социализма», от которого отказывались даже в СССР. Другая же — прагматическая — признавала, что одной модернизацией экономики обойтись уже невозможно, а альтернативой для нее представлялся диалог с «безвластными». Имя ее лидера Адамеца не сходило со страниц донесений американского посольства в Праге в Госдепартамент США, в которых отмечалось отсутствие у него поддержки среди носителей высшей власти в ЧССР. Это и привело к тому, что коммунисты остались лишь в парламенте, в котором их единогласное волеизъявление оказалось суперпарадоксальным: президентом страны был избран диссидент В. Гавел. Наш анализ позволяет объяснить глубинные истоки этого и ряда других парадоксов чехословацкой истории после 17 ноября 1989 г.

Чехословацкое антинормализационное движение тоже не представляло собой некоего монолита. Оно было едино в главной цели — демонтаже правящего режима — но не в средствах и путях ее достижения. При этом одна их часть — приверженцы «неполитической политики» — до событий 17 ноября (да и долгое время спустя) предполагали осуществлять этот демонтаж в форме диалога с прагматическим течением государственного руководства страны, ориентируясь на умеренно-эволюционный путь развития ЧССР. Есть основания утверждать, что его лидеры, включая в первую очередь В. Гавела, превалярировали. Именно их тактика, элементы которой просматривались еще до студенческих демонстраций, обеспечили «бархатность» революции в стране.

Представители второй части чехословацкой оппозиции — сторонники радикальной (бескомпромиссной) модели трансформации чехословацкого общества — выступали с требованиями отставки правящего режима, безотлагательного проведения свободных парламентских выборов и формирования на основе их итогов новых демократических органов власти. Вышедшие на улицы студенты охотнее прислушивались как раз к ним. Студенты в большей мере руководствовались все же своим «революционным инстинктом». Этот «инстинкт», а не быстро старевшие — часто даже не в течение недель, а дней — программы оппозиционных сил, задавал темпы революционным изменениям в стране. На первый план вышло то, что именовалось классиками марксизма «революционным творчеством масс»¹⁹².

Проведенный анализ показывает, что история оппозиционного движения — это во многих отношениях история будущего Чехословакии, перешедшей от мрака «нормализации» к распаду единого государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Подробнее см.: *Волков В.К.* Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000; *Задорожнюк Э.Г.* Революции 1989 года и поворот к новой региональной идентичности восточноевропейских стран (по материалам Архива Горбачев-Фонда) // *Славяноведение*. 2000. № 3. С. 3–15; *Новопашин Ю.С.* Восточноевропейские революции 1989 г.: проблемы изучения // *Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие*. М., 2001; *Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие*. М., 2001; *Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века*. Т. III. Ч. 1–2. М., 2002; *Prečan V.* V kradeném čase... S. 156–163; *Prečan V.* Středoevropský kontext demokratického převratu v Československu roku 1989 // *November 1989 na Slovensku. Súvislosti, predpoklady a dôsledky...*; *Tůma O.* Mezinárodní souvislosti kolapsu komunistického režimu v Československu // *Deset let soudobých dějin* / Eds. J. Kocian, O. Tůma. Praha, 2001.
- 2 *Barnovský M.* Vedenie KSČ a KSS — od nástupu M. Gorbačova po November 1989 // *November 1989 na Slovensku...* S. 30–44; см. также: *Československá cesta k demokracii. Chronologie událostí 1985–1989*. Praha, 1999; *Chronologie zániku komunistického režimu v Československu 1985–1990* / Eds. J. Suk, J. Cuhra, F. Koudelka. Praha, 1999.
- 3 *Žatkuliak J.* Op. cit. S. 79.
- 4 *Otáhal M.* Opozice, moc, společnost... S. 81–83.
- 5 *Ibid.* S. 84.
- 6 Архив Горбачев-Фонда. Ф. 1. Горбачев М.С. Оп. 1. 88 nov02 doc.
- 7 Там же.
- 8 Там же; см. также: *Горбачев М.С.* Жизнь и реформы. Кн. 1–2. М., 1995. С. 352–364.
- 9 Архив Горбачев-Фонда. Ф. 1. Горбачев М.С. Оп. 1. 88 nov02 doc.
- 10 Там же. Ф. 3. Загладин В.В. Оп. 1. z89arg01b doc.
- 11 *Горбачев М.С.* Указ. соч. С. 352–364; *Медведев В.А.* Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». М., 1994. С. 136–154; *Черняев А.С.* Шесть лет с Горбачевым. М., 1993. С. 268; *Шахназаров Г.Х.* Цена свободы. М., 1993; *Durman K.* Útěk od praporů. Kreml a krize impéria. 1964–1991. Praha, 1998. S. 424; К vývoji sovětské politiky vůči státům Varšavské smlouvy. Dokumenty a materiály 1989–1990 / Eds. Z. Sládek, V. Prečan. Praha, 1999. S. 74–122; *Prečan V.* Svědectví o rozpadu «socialistického společenství». Ukázky z memoárů Michaila Gorbačova, Vadima Medvedeva a Valerije Musatova // *Soudobé dějiny*. 1998. № 4. S. 509–554.
- 12 Архив Горбачев-Фонда. Ф. 3. Загладин В.В. Оп. 1. z89avg07doc
- 13 *Deset pražských dnů...* S. 557.
- 14 *Ibid.* S. 557.
- 15 Подробнее см.: *Barnovský M.* Sovietska «perestrojka», vedenie KSČ... S. 7–18; см. также: *November 1989 a Slovensko...* S. 47; *Verejnosť proti násiliu. 1989–1991. Svedectvá a dokumenty* / Ed. I. Antalová. Bratislava, 1998. S. 27.
- 16 Подробнее см.: *Zala B.* Lavý disent: Mocenské pomery v kontexte novembra'89 // *Cesty k novembru...* S. 128–135.

- 17 November 1989 a Slovensko... S. 47.
- 18 Подробнее см.: *Autrata O. Poznámky k vzniku Klubu Obroda Slovenska // Cesty k novembriu... S. 87–91.*
- 19 November 1989 a Slovensko... S. 46; см. также: *Marušiak J.* Op. cit.; *Laluha I. Alexander Dubček a november 1989: Poznámky k vývoju A. Dubčeka a reformátorov z roku 1968 v období tzv. normalizácie, o ich aktivitách proti totalite a cesty k novembrovej zmene // Cesty k novembriu... S. 19–33; Štefanský M. Protesty Alexandra Dubčeka proti tzv. normalizačnému režimu // Cesty k novembriu... S. 44–50; Uher J. Dubčekove pookupačné protestné listy proti moci a jej zneužívaniu v rokoch 1969–1989 // Cesty k novembriu... S. 51–86.*
- 20 См.: *Československá cesta k demokracii...; Chronologie zániku komunistického režimu v Československu...*
- 21 *Československá cesta k demokracii... S. 36.*
- 22 *Ibid. S. 37–38.*
- 23 *Čas Demokratické iniciatívy... S. 83–84.*
- 24 *Ibid. S. 85.*
- 25 *Ibid. S. 86.*
- 26 *The Democratic Revolution in Czechoslovakia: Its Precondition, Course and Immediate Repercussions. 1987–1989. Briefing Book / Eds. V. Prečan, D. Paton. Prague, 1999. Doc. 10. P. 49.*
- 27 *Charta 77: Documenty. 1977–1989... Sv. 2. S. 353.*
- 28 *Durman K.* Op. cit. S. 426.
- 29 *Charta 77: Documenty. 1977–1989... Sv. 2. S. 354.*
- 30 Некоторое время спустя, уже в ходе «бархатной» революции этот вариант развития событий будет реализован, правда не самой «Хартией 77», а инициативой «Мост», сыгравшей роль посредника в налаживании диалога между оппозицией и главой федерального кабинета министров Л. Адамецем.
- 31 *Hnutí za občanskou svobodu... S. 86–87.*
- 32 *Hlasy občanské společnosti... S. 56.*
- 33 *Vedení KSČ o disentu a opozici... S. 27.*
- 34 *Ibidem.* В документе, в частности, говорилось: «Антисоциалистические нелегальные формирования паразитируют на существующих проблемах нашего общества, вытекающих из отставания нашей экономики от мирового научно-технического развития, низкого роста производительности труда, недостатков в производственно-потребительской сфере, неудовлетворительных темпов развития социалистической экономической интеграции с точки зрения требований нашего общества. Они используют в своих целях также экологические проблемы, недостатки в сфере обслуживания и снабжения внутреннего рынка, в нашем здравоохранении, образовании и др. Они пытаются неопытным и политически незрелым людям внушить, что эти и другие проблемы можно решить у нас лишь в том случае, если мы свернем с пути социалистического строительства». См.: *Ibidem.*
- 35 *Ibid. S. 36.*
- 36 См.: *Obroda. Klub za socialistickou přestavbu...*
- 37 *Ibid. S. 118. Pozn. 1.*

- 38 Ibid. S. 27. Pozn. 1.
- 39 Ibid. S. 26–27.
- 40 КСП официально зарегистрирован лишь 8 декабря 1989 г. См.: Ibid. S. 185–186.
- 41 Ibid. S. 48–51.
- 42 Ibid. S. 50.
- 43 Ibidem.
- 44 Ibid. S. 57.
- 45 Ibid. S. 63.
- 46 В первой половине 1989 г. (21 февраля и 4 мая) по инициативе КСП состоялись встречи председателя исполкома Клуба В. Менцла с руководителем отдела ЦК КПЧ по общественным организациям Я. Боухалом. См.: Ibid. S. 64–69, 89–91.
- 47 Ibid. S. 100.
- 48 Ibid. S. 94–95.
- 49 Ibid. S. 101.
- 50 В декабре 1988 г. появилась 36-страничная версия документа, автором которой предположительно являлся Ч. Цисарж. Весной 1989 г. по предложению М. Гаека сформировалась редакционная комиссия (М. Барта, И. Кратохвил), которой была поручена подготовка сокращенного варианта текста. В работе комиссии принимали участие также Ч. Цисарж, В. Менцла, В. Курал, В. Шиаган, Й. Доманский, В. Врابع.
- 51 Obroda. Klub za socialistickou predstavbu... S. 108.
- 52 Ibid. S. 111.
- 53 Ibid. S. 116.
- 54 Ibid. S. 12.
- 55 Ibid. S. 97–98. Pozn. 3.
- 56 Ibid. S. 145.
- 57 Ibid. S. 14.
- 58 Ibid. S. 72–78.
- 59 Charta 77: Dokumenty 1977–1989... Sv. 3. S. 1083.
- 60 Hnutí za občanskou svobodu... S. 11.
- 61 Ibid. S. 93; *Vladislav J., Prečan V. Horký leden 1989 v Československu. Praha, 1990. S. 131–132.*
- 62 Hnutí za občanskou svobodu... S. 93; *Vladislav J., Prečan V. Op. cit. S. 132.*
- 63 *Prečan V. Чехословакия на пути к демократической революции // Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие. М., 2001. С. 30.*
- 64 *Vladislav J., Prečan V. Op. cit. S. 123.*
- 65 *Op. cit. S. 130.*
- 66 *Otáhal M. Opozice, moc, společnost... S. 58.*
- 67 Архив Горбачев-Фонда. Ф. 3. Загладин В.В. Оп. 1. z89apr31doc
- 68 Там же.
- 69 Там же.
- 70 Там же.

- 71 Там же. z89apr01a doc Документ частично опубликован в переводе на английский язык. См.: *The Democratic Revolution in Czechoslovakia: Its Precondition, Course and Immediate Repercussions. 1987–1989...* Doc. 18. P. 87.
- 72 Архив Горбачев-Фонда. Ф. 3. Загладин В.В. Оп. 1. z89apr01a doc
- 73 Там же.
- 74 Там же.
- 75 Там же.
- 76 Там же.
- 77 Там же.
- 78 Там же.
- 79 Vedení KSČ o disentu a opozici... S. 39.
- 80 Ibidem.
- 81 *Otáhal M. Opozice, moc, společnost...* S. 70.
- 82 *Obroda-Klub za socialistickou přestavbu...* S. 128. Pozn. 5.
- 83 Vedení KSČ o disentu a opozici... S. 39.
- 84 Ibid. S. 40.
- 85 *Deset pražských dnů...* S. 593.
- 86 Ibid. S. 616. См. также: *Čas Demokratické iniciativy...*
- 87 Vedení KSČ o disentu a opozici... S. 39.
- 88 См.: *Obroda-Klub za socialistickou přestavbu...*
- 89 *Otáhal M. Opozice, moc, společnost...* S. 68; см. также: *Krejčí O. Proč to prasklo aneb Hovory o «sametové revoluci».* Praha, 1991.
- 90 *Čas Demokratické iniciativy...* S. 113–115.
- 91 Ibid. S. 132; см. также: *Hlasy občanské společnosti...* S. 67.
- 92 *Deset pražských dnů...* S. 615.
- 93 *Čas Demokratické iniciativy...* S. 138.
- 94 Ibidem.
- 95 Ibidem.
- 96 Ibidem.
- 97 Ibid. S. 147.
- 98 Ibid. S. 148.
- 99 Архив Горбачев-Фонда. Ф. 3. Загладин В.В. Оп. 1. z89avg07 doc
- 100 См.: *November 1989 a Slovensko...* S. 292.
- 101 Архив Горбачев-Фонда. Ф. 3. Загладин В.В. Оп. 1. z89avg07 doc
- 102 *Československá cesta k demokracii...* S. 55.
- 103 *Čas Demokratické iniciativy...* S. 151–152.
- 104 Ibid. S. 153–154.
- 105 *Obroda-Klub za socialistickou přestavbu...* S. 127.
- 106 Ibidem.
- 107 Ibid. S. 128.
- 108 *Charta 77: Dokumenty 1977–1989...* Sv. 3. S. 1140.
- 109 Ibid. S. 1141.

- 110 Čas Demokratické iniciativy... S. 154.
- 111 Vedení KSČ o disentu a opozici... S. 43.
- 112 См.: Пречан В. Указ. соч. С. 34.
- 113 Deset pražských dnů... S. 572.
- 114 Čas Demokratické iniciativy... S. 168.
- 115 Ibidem.
- 116 Ibidem.
- 117 Подробнее см.: Ibid. S. 169.
- 118 Архив Горбачев-Фонда. Ф. 3. Загладин В.В. Оп. 1. z89avg07 doc
- 119 Там же.
- 120 Там же.
- 121 Подробнее см.: Koudelka F. Husákův pád 1987. Dokumenty k oddělení funkcí prezidenta ČSSR a generálního tajemníka KSČ a k nástupu Miloše Jakeše do čela KSČ // Soudobé dějiny. Praha, 2000. № 3. S. 473–525; Plevza V. Vzostupy a pády. Gustáv Husák prehovoril. Bratislava, 1991.
- 122 Архив Горбачев-Фонда. Ф. 3. Загладин В.В. Оп. 1. z89avg07 doc
- 123 Там же.
- 124 Там же.
- 125 Там же.
- 126 Там же.
- 127 Там же.
- 128 Там же.
- 129 Там же.
- 130 Там же.
- 131 Там же; см. также: Turek O. Podíl ekonomiky na páde komunismu v Československu. Praha, 1995.
- 132 Архив Горбачев-Фонда. Ф. 3. Загладин В.В. Оп. 1. z89avg07 doc
- 133 Там же.
- 134 Там же.
- 135 Там же.
- 136 Там же.
- 137 Там же.
- 138 Там же.
- 139 Там же.
- 140 Там же.
- 141 Там же.
- 142 Čas Demokratické iniciativy... S. 173.
- 143 Ibidem.
- 144 Ibidem.
- 145 Ibid. S. 174.
- 146 Ibid. S. 175.
- 147 Ibidem.

- 148 Ibidem.
- 149 Ibidem
- 150 Ibid. S. 182; см. также: Hnutí za občanskou svobodu... S. 215.
- 151 Hnutí za občanskou svobodu... S. 229; Obroda-Klub za socialistickou přestavbu... S. 153.
- 152 Hnutí za občanskou svobodu... S. 229.
- 153 Ibid. S. 17.
- 154 Obroda-Klub za socialistickou přestavbu... S. 154–155. Pozn. 1; S. 155–156.
- 155 Čas Demokratické iniciativy... S. 193–194; Hnutí za občanskou svobodu... S. 232–234; Obroda-Klub za socialistickou přestavbu... S. 155–156.
- 156 Čas Demokratické iniciativy... S. 194. См. также: Hnutí za občanskou svobodu... S. 242.
- 157 Hnutí za občanskou svobodu... S. 242.
- 158 Ibid. S. 241–242.
- 159 Ibid. S. 242.
- 160 Hnutí za občanskou svobodu... S. 17.
- 161 Подробнее см.: *Týma O. Zítřa zase tady! Protirežimní demonstrace v předlistopadové Praze jako politický a sociální fenomén.* Praha, 1994.
- 162 Vedení KSČ o disentu a opozici... S. 58.
- 163 Obroda-Klub za socialistickou přestavbu... S. 161–163.
- 164 Ibid. S. 165–166.
- 165 Ibid. S. 167.
- 166 Ibid. S. 168.
- 167 Hnutí za občanskou svobodu... S. 15–18.
- 168 Vedení KSČ o disentu a opozici... S. 54–58.
- 169 Ibid. S. 55.
- 170 Ibid. S. 55.
- 171 Deset pražských dnů... S. 557–558; Poslední hurá. Stenografický záznam z mimořádných zasedání ÚV KSČ 24.–26.11.1989. Praha, 1992.
- 172 См.: *Horátek M. Jak pukaly ledy.* Praha, 1990.
- 173 Ibid. S. 558.
- 174 Ibidem.
- 175 The Democratic Revolution in Czechoslovakia... Doc. 47. P. 157.
- 176 Ibid. P. 158.
- 177 Ibid. P. 159.
- 178 Deset pražských dnů... S. 588; см. также: *Horátek M. Op. cit.*
- 179 Deset pražských dnů... S. 616.
- 180 Čas Demokratické iniciativy... S. 200.
- 181 Obroda-Klub za socialistickou přestavbu... S. 169.
- 182 *Benda M., Benda M., Klíma M., Dobrovský P., Pajerová M., Pánek Š., Kříž R.* Op. cit.; Československá cesta k demokracii... S. 69; *Rychlík J. Rozpad Československa. Česko-slovenské vztahy 1989–1992.* Bratislava, 2002. S. 68.

- 183 Benda M., Benda M., Klíma M., Dobrovský P., PajEROVÁ M., Pánek Š., Kříž R. Op. cit. S. 39; См. также: Deset pražských dnů... S. 15.
- 184 Rychlík J. Rozpad Československa... S. 68.
- 185 Ibidem.
- 186 Otáhal M. Opozice, moc, společnost... S. 92.
- 187 Rychlík J. Rozpad Československa... S. 68.
- 188 См.: Kováč D. Op. cit. S. 310; см. также: Vyhlásenie k 16 novembra 1989 // Proglas. Bratislava, 2000. № 3–4. S. 41; История Словакии... С. 359.
- 189 The Democratic Revolution in Czechoslovakia... Doc. 49. P. 163.
- 190 Ibidem.
- 191 Ort A. Perestroika and Czechoslovakia // Soviet Perestroika. 1985–1993. Russia's Road to Democracy. N. Y. 1995. P. 160.
- 192 Подробнее см.: Задорожнюк Э.Г. «Бархатная» революция в Чехословакии: настоятельность новых интерпретаций // История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа. М., 2007. С. 193–279; Она же. «Бархатная» революция в Чехословакии глазами американских дипломатов // Славяноведение. 2006. № 6.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История чехословацкого оппозиционного движения и его важнейшей составной части — диссидентства, охватывающая более чем 20-летний период, отличалась крайней неоднородностью. Это отнюдь не линейный процесс, характеризовавшийся равномерными подъемами или спадами. Ему в значительной мере присущи смена форм, появление непредвиденных, на первый взгляд, точек роста, поиск принципиально новых видов протеста, а также определенный, задаваемый как внешними, так и внутренними факторами и параметрами, алгоритм эволюции.

Если использовать метафору «социализма с человеческим лицом» 1968 года — идеи, оказавшей влияние на всю последующую историю страны, то и «лицо» оппозиции оказалось крайне живым, а потому переменчивым. Начавшись в недрах КПЧ и охватив известную часть ее верхушки, движение за обновление социализма в один день оккупации превратилось в оппозиционное. Парадоксальным явилось то, что социализм в Чехословакии пришлось защищать от социализма, навязываемого извне и имевшего внутри страны не столь мощную основу.

В антинормализационном движении можно выделить несколько этапов, **первый** из которых длился с 21 августа 1968 г. по апрель 1969 г. После ввода в ЧССР войск стран Варшавского договора протестные настроения охватили большую часть чехословацкого общества, хотя они носили достаточно диффузный характер; конкретные структуры движений — помимо реформаторски настроенной части коммунистов — обнаружить довольно трудно. Ведущей силой оппозиции могла бы выступить и выступала реформаторская фракция КПЧ, которая провела свой нелегальный XIV (Высочанский) съезд на следующий после вторжения день. Его решения поддерживало большинство членов партии, считая возможным и под оккупацией придавать легитимность «социализму с человеческим лицом». Это расходилось с целями руководителей коммунистов не только стран, которые ввели свои войска, но и значительной части членов ЦК КПЧ. Они видели, что в Высочанах партия зашла слишком далеко и на повестку дня мог встать

вопрос об отказе КПЧ от советской модели социализма. Однако в целом даже несоциалистически настроенные группы творческой интеллигенции и часть студенчества находились при этом под своего рода идеологическим зонтиком коммунистов-реформаторов; преобразования по инерции продолжались, а А. Дубчек в чем-то оставался надеждой «социализма с человеческим лицом» во всем мире.

Все же логика оккупации исключала логику оппозиции, которая в массовой форме, да еще во главе со многими членами Президиума ЦК КПЧ, включая его первого секретаря, должна была исчезнуть, что, собственно, и произошло. Но не исчезла сама оппозиция. Она приняла новые формы, и вполне естественно, что ряд ее направлений начал уже отходить от идеи социализма с любимым его обличьем.

Возвратной точкой в этом плане можно считать избрание в апреле 1969 г. на пленуме ЦК КПЧ первым секретарем партии Г. Гусака. Новое партийное руководство провозгласило курс на «нормализацию», а несогласные с ним коммунисты автоматически попадали в число оппозиционеров, которым перекрывались все пути для легального занятия политикой. Но, конечно, не следует переоценивать силы в КПЧ оппозиционно-реформаторского импульса. Обмен партбилетов в январе 1970 г. зафиксировал следующую ситуацию: несмотря на выход по самым разным причинам из партии более одной пятой части членов КПЧ, она продолжала оставаться массовой, объединяя в своих рядах 1100 тыс. коммунистов. С опорой на «молчаливое большинство» «режим нормализации» окончательно свернул оппозиционное движение в рамках КПЧ.

На второй этап (апрель 1969 — 1972 гг.) приходится становление и деятельность нелегальных организационных форм оппозиционного движения, самыми известными из которых стали Социалистическое движение чехословацких граждан (СДЧГ) и Чехословацкое движение за демократический социализм (ЧДАС). Действовавшее в те же годы Движение революционной молодежи — Революционная социалистическая партия Чехословакии (ДРМ) представляло собой организованную силу сопротивления правящему режиму, во многом характеризовавшуюся переходным — от легального к нелегальному движению — статусом.

Примечательным для данного этапа антинормализационного движения явилось то, что социалистический идеал разделялся уже далеко не всеми его участниками. Это можно увидеть на примере программных установок ДРМ, а также выступлений студентов, деятельности рабочих советов, ориентировавшихся на создание независимых (несоциалистических) профсоюзов, протоструктур диссидентства и т. п. Все это вызывало невротическую реакцию со стороны властей,

завершившуюся рядом судебных процессов против оппозиционеров в 1972 г., после чего наступило пятилетие «идеологической Биафры».

Все же третий этап (1972–1977 гг.) не выглядит некоей беспросветной «ночью нормализации», как стремились это представить и коммунисты — апологеты данной политики, и их противники, считавшие, что лишь с появлением Хартии 77 можно говорить о возникновении собственно оппозиционного движения. Если в предшествующий период даже действовавшие в подполье оппоненты режима (в первую очередь СДЧГ и ЧДДС) поднимали вопрос о смене власти ради укрепления социализма, то в последующие годы наметилось подспудное с ним прощание, а отдельные представители оппозиции уже начали обвинять социализм во всех кризисных явлениях (подавление свободы, ухудшение материального положения и др.). Правда, гораздо меньшая часть оппозиции продолжала считать, что кризисы возникают как раз из-за игнорирования идеалов «социализма с человеческим лицом».

В этот период происходит отказ от политических методов борьбы и возникают новые — точечные — формы антинормализационного движения. Разнородность протестных импульсов в данном отношении исследована далеко не в полной мере, а главное — она поддается зачастую односторонним (а в чем-то и мифологизированным) интерпретациям. Так, документы показывают, что в палитре оппозиционных движений социалистические краски не исчезали практически никогда.

Учреждение Хартии 77 фактически положило начало четвертому этапу антирежимного движения (1977–1984 гг.), лидирующие позиции в котором стремились занимать и занимали именно диссиденты. Существующие вплоть до сегодняшнего дня в историографии суждения о том, что до Хартии 77 был некий вакуум, носят во многом мифический характер, поскольку ее появление не следует трактовать как «творение из ничего». В создании новой неформальной структуры важную роль сыграли как внешние факторы (Хельсинкский процесс, Заключительный акт СБСЕ), так и внутренние силы, хотя и загнанные в глубокое подполье (а ряд их лидеров — в тюрьмы).

Деятельность Хартии 77 знаменовала два важных момента: во-первых, невозможность ликвидации антинормализационного импульса в принципе, во-вторых, отход от акцентов на каком-то одном «лице». В течение последующих 12 лет имена диссидентов не сходили со страниц западной прессы, а сами они подвергались как выглядевшими немотивированными преследованиями — вплоть до тюремного заключения, так и неожиданным освобождениям. В целом Хартии 77, подвергавшейся систематическим репрессиям, все же не удалось стать массовым движением. Однако новые формы антирежимного движения свидетельствовали: «нормализация» превращается скорее в благое пожелание, чем в дости-

жимую цель. На наш взгляд, идеи Хартии 77 выступили, подобно идеям «социализма с человеческим лицом» Пражской весны, своеобразным зонтиком для самых разнонаправленных сил. Фактически составные компоненты антинормализационного движения были очень разными и, к примеру, движение словацких католиков трудно сопоставлять с движением чешских поклонников рок-музыки. Все же главное здесь другое — первая половина 1980-х гг. XX в. отличалась диверсификацией не только идейных установок, но и тактико-организационных шагов противников правящего режима. Этот период характеризуется усиливавшимся давлением властей на хартистов, которые декларировали приверженность концепции «неполитической политики».

1985 год взбудоражил антирежимные настроения во всей Чехословакии. Начался пятый этап антинормализационного движения (1985–1989 гг.), который характеризовался появлением новых его структурных элементов. Поэтому, если две трети из 12-летнего срока активности Хартии 77 приходилось на период, когда политике «режима нормализации» не виделось никакой альтернативы, то лозунги советской перестройки изменили ситуацию коренным образом. В ряды оппозиционеров снова вернулась часть коммунистов, включая тех, кто еще в 1968 г. занимал высокие посты. С этого времени история оппозиционного движения носит крайне запутанный характер, а мифологическая составляющая ее трактовки усугубляется до высших пределов. Собственно диссиденты взяли на себя миссию представительства всего спектра движения, хотя факты показывают, что они были лишь одной из составных его частей, а по ряду вопросов занимали далеко не ведущие позиции. Не только хартисты со своей концепцией «неполитической политики» выступали против существующих порядков, хотя они, возможно, и пытались в чем-то монополизировать право на выражение единой воли оппонентов правящего режима.

Именно в этот период появляются новые независимые гражданские структуры (Демократическая инициатива, Движение за гражданскую свободу, Клуб за социалистическую перестройку — «Возрождение» и др.), ориентировавшиеся уже на сугубо политические цели — своего рода «политическую политику». Будучи готовыми к переменам в духе перестройки и поднимая вопрос о демонтаже «режима нормализации», они от политических рычагов как раз не отказывались. Оппозиция выходила на новые рубежи своего развития, вызывая необходимость конструктивного к себе отношения; возрождались и, казалось бы, навсегда угасшие надежды приверженцев идеи «социализма с человеческим лицом».

В 1987–1988 гг. фокус стал постепенно смещаться с терявших свою актуальность внутренних противоречий антирежимного движения

(поляризация взглядов, концептуальные противостояния, различия в методах, формах и путях достижения общей цели и пр.) к его мобилизации в предстоящей схватке с коммунистическим истеблишментом. **Магистральной** явилась тенденция к интеграции как исторических, так и вновь образованных независимых инициатив, попытки выработки общей платформы действий против правящего режима как оппозиции, так и диссидентства, что на фоне уже сложившихся идейных разногласий, казалось, безусловно, сверхсложной, но вовсе не бесперспективной задачей. Неопровержимое тому доказательство — финал интеграционных усилий всех оппонентов «режима нормализации», завершившихся крушением коммунистической системы советского типа и конституированием в первые дни чехословацкой «бархатной» революции двух структур — Гражданского форума (ГФ) и Общественности против насилия (ОПН). Они объединили под своим началом практически все заявившие о себе в предшествующие годы неформальные структуры, оставившие на время в тени свои исходные программные несостыковки и идейные разногласия. Несомненно, явно запоздавшее появление ГФ и ОПН — уже «на марше» революционного процесса, а не на стадии его зарождения — негативно сказалось на транзитивных процессах в последующий период, когда приходилось решать сложные проблемы созидания демократического общества. Но осенью 1989 г. они выглядели как безальтернативные антирежимные структуры.

Мощный выброс независимых движений и неформальных инициатив в 1987 г. и особенно в 1988 г. — не единственное проявление антинормализационного движения, когда снова стала усиливаться оппозиционная его составляющая, ориентированная на реализацию сугубо политических целей. Уже начало 1989 г. явилось временем, когда все громче стали звучать голоса «улицы» — если под таковой понимать мощное студенческое движение и поддерживавшие его массовые манифестации. Документы свидетельствуют, что именно «улица», во-первых, радикализовала многие требования любого из направлений антирежимного движения, а во-вторых, поставила перед ними задачу вхождения во власть. С учетом этого и нужно трактовать заключительный этап истории оппозиционного движения в Чехословакии, этап, завершившийся 17 ноября 1989 г. — днем, когда в стране началась «бархатная» революция.

Антинормализационное движение в ЧССР, прошедшее в течение более чем 20 лет непростой путь со многими отливами и приливами, подводными течениями, со своими массовыми манифестациями (в 1968 и 1989 гг.) и подпольем, побуждает к новому видению этого феномена как важнейшей части политической истории Чехословакии. Его опирающийся на широкую документальную базу анализ позво-

ляет уяснить, во-первых, причины, истоки, а во многом и последствия «бархатной» революции; во-вторых, преемственность событий осени 1989 г. с Пражской весной; в-третьих — определить те течения в чехословацком антинормализационном движении, которые привели к власти новую элиту. И, наконец, позволяет еще раз подтвердить ту истину, что история Чехословакии последней трети XX в., в первую очередь ее постоккупационного двадцатилетия, непредставима без истории протестного движения, причем не отдельных его направлений и представителей, вошедших во власть в ходе «бархатной» революции, а всего его многообразного спектра.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документы

Из Заявления Национального собрания Чехословацкой Социалистической Республики в связи с оккупацией Чехословакии войсками стран-членов Варшавского договора

22 августа 1968 г. Прага

Национальное собрание Чехословацкой социалистической республики, избранное надлежащим образом чехословацким народом в качестве высшего государственного органа власти суверенного государства и надлежащим образом созванное президентом республики, КАТЕГОРИЧЕСКИ ВЫРАЖАЕТ СВОЙ ПРОТЕСТ ПРАВИТЕЛЬСТВАМИ ПАРЛАМЕНТАМ ПЯТИ СТРАН ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА (СССР, ГДР, ПНР, ВНР, НРБ) И ПЕРЕД ЛИЦОМ ВСЕЙ МИРОВОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ЗАЯВЛЯЕТ:

1. что ни один конституционный орган ЧССР не был уполномочен вести переговоры, давать согласие на их проведение или приглашать оккупационные части пяти стран Варшавского договора,

2. что считает оккупацию ЧССР вероломным актом насилия в международном масштабе, противоречащим принципам союзнических соглашений, которые ЧССР имеет с этими государствами,

3. что вносит резкий протест правительствам и парламентам стран, которые принимают участие в оккупации, и требует немедленного прекращения акта насилия по отношению к Чехословакии, ее населению, немедленного вывода войск и нормализации международных отношений,

4. что считает современное нынешнее положение критическим, поставившим под угрозу все заключенные до настоящего времени договоры и соглашения между чехословацким и указанными государствами,

5. что принято решение предпринять все необходимые меры для обеспечения суверенитета чехословацкого народа. Предупреждаем, что все моральные последствия оккупации, касающиеся мирового коммунистического движения, полностью возлагаются на глав правительств тех стран, которые принимают участие в оккупации Чехословакии,

6. что в качестве единственного законного правительства Чехословакии признает правительство председателя г[оварища] инж[енера] О. Черника, которому в мае оказало доверие, и требует его немедленного возвращения на свой пост.

Национальное собрание решительно предъявляет следующие неотложные требования к представителям оккупационных частей в ЧССР:

1. немедленное прекращение всех боевых акций, любое использование боевой техники, которые представляют угрозу безопасности и жизни наших граждан,

2. немедленный вывод всех оккупационных частей из ЧССР; до вывода немедленно отозвать все части из округов, городов и поселков <...>

Перевод с чешского автора.

Публикуется по: Veselý Z. Dějiny českého státu v dokumentech. Praha, 1995. S. 430–431.

ОБРАЩЕНИЕ ДЕЛЕГАТОВ НЕЛЕГАЛЬНОГО XIV (ВЫСОЧАНСКОГО) СЪЕЗДА КПЧ К КОММУНИСТИЧЕСКИМ ПАРТИЯМ ВСЕГО МИРА

23 августа 1968 г. Прага

Мы обращаемся к коммунистическим и рабочим партиям всего мира, в особенности к партиям и народам Советского Союза, ПНР, НРБ, ГДР, ВНР, войска которых оккупировали нашу страну.

В январе наша партия вступила на путь возрождения социализма. Она начала в большой мере развивать его демократические и гуманные принципы в соответствии с условиями нового этапа нашего пути. Она верила, что принципы суверенитета и невмешательства будут уважаться и все спорные вопросы будут решены путем переговоров. Из этого исходило руководство нашей партии во всех послеянварских переговорах — двусторонних и многосторонних. Эта политика, включенная в «Программу действий» ЦК КПЧ, снискала нашей партии небывалый авторитет и поддержку. Обеспечение и ускорение этого пути должно было быть предметом обсуждения на XIV Чрезвычайном съезде, подготовка к которому уже заканчивалась.

Накануне этого съезда войска СССР, ПНР, НРБ, ГДР и ВНР без каких-либо поводов и без согласия законных правительственных и партийных органов против воли нашего народа насильственно захватили нашу территорию, вызвали в стране беспорядок, сделали и делают невозможным продолжение начатого пути.

Мы стоим перед горькой правдой: войска государств, в которых мы привыкли видеть друзей, ведут себя как оккупанты. Конституционные

органы нашего государства и представители партии не могут продолжать выполнение своих функций. Они не имеют возможности обсудить возникшую ситуацию в нормальных конституционных формах. Они не имеют никакого доступа к средствам связи. Видные руководители интернированы.

Нет сомнений в том, что эти действия должны привести к пагубным последствиям для всего международного коммунистического движения.

Мы заявляем, что наш народ, а с ним и наша коммунистическая партия никогда не согласятся с такими действиями, отвергают их и делают все для обновления нормальной жизни в нашей стране.

Публикуется по: Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. Т. 2. С. 212–213.

Впервые опубликовано: Rudé právo. 1968. 23.VIII; см. также: Sedm pražských dnů. 21.–27. Srpen 1968. Dokumentace. 2 vyd. Praha, 1990. S. 97–99; The Secret Vysocany Congress. Proceedings and Documents of the Extraordinary Fourteenth Congress of the Communist Party of Czechoslovakia 22 August 1968 / Ed. J. Pelikán. N. Y., 1972. P. 90–92.

ЛИСТОВКА ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ФЕДЕРАЦИИ ЛОКОМОТИВНЫХ БРИГАД И ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА СЕКЦИИ ЛОКОМОТИВНЫХ БРИГАД С ОСУЖДЕНИЕМ ТАК НАЗ[ЫВАЕМОГО] МОСКОВСКОГО ПРОТОКОЛА

27 августа 1968 г. Прага

**ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!
ВСЕМ! ВСЕМ!**

Уважаемые друзья, члены федерации, железнодорожники и соотечественники!!!

Локомотивное депо в нашей республике выражает глубокое возмущение результатами переговоров в Москве. Наши сердца сжимаются от жалости по уничтоженным ценностям и жизням, которых люди лишились на улицах городов под пулями оккупационного оружия. С чувством стыда прослушали мы коммюнике, которое всех нас заставляет спросить:

Почему все мы работали так, чтобы поддержать представителей нашего народа, а сейчас нас заставили выслушать то, что еще несколько часов назад называлось предательством народа?! Ведь мы не можем забыть, что на улицах городов лилась кровь и раздавались выстрелы!? Еще вчера на улицах Праги звучало стаккато орудий советских солдат, а сегодня мы с ними должны обниматься как равный с равным!

Товарищи, те, кто проводил переговоры в Москве, которым мы верили, вы должны объявить народу, что подписали соглашение под давлением, вы должны заявить, увидев пражские улицы и кровь мужчин и

детей: никто из нас не может испытывать чувства благодарности к тем, кто здесь столь позорно и варварски вел себя!!! Мы пришли к следующему выводу:

Требуем немедленного вывода всех оккупационных войск из ЧССР!!!

Безоговорочно поддерживаем решения XIV чрезвычайного съезда КПЧ от 23.8 1968 и провозглашаем, что будем поддерживать лишь такое правительство и таких представителей, которые будут последовательно и беспрекословно реализовывать постановления XIV съезда КПЧ от 23.8 1968 г.

Мы настаиваем на том, чтобы вопрос о современном положении ЧССР оставался на повестке дня ООН!!!

Если эти условия не будут выполнены, локомотивное депо начнет ЗАБАСТОВКУ и призывает всех железнодорожников и других трудящихся последовать этому примеру!!!

Центральный комитет

Перевод с чешского автора.

Публикуется по: Občanská společnost 1967–1970. Emancipační hnutí uvnitř Národní fronty 1967–1970. Dokumenty / Eds. J. Pecka, J. Belda, J. Hoppe. Praha; Brno, 1995. D. 2. Sv. 2. S. 128.

Учредительный манифест

Движения революционной молодежи

2 декабря 1968 г. Прага

Мы, живущие в общественной системе, где был ликвидирован капиталистический способ производства и капиталистические производственные отношения, но где в то же время еще не началось строительство социалистического и демократического общества, намерены противостоять злоупотреблениям коммунистическими идеалами и идеями; наше право и обязанность — борьба за реализацию этих идеалов против всех тех, кто злоупотреблял ими — провозглашаем создание Движения революционной молодежи.

Мы убеждены, что путь чехословацкого народа к социализму — народов СССР и так наз. народных демократий — это путь ликвидации бюрократической машины, устранение бюрократии как слоя и введение системы самоуправления. Данную систему самоуправления необходимо ввести во всех сферах общественной жизни; на рабочих местах она должна стать выражением политической и экономической власти советов трудящихся. Система самоуправления позволит реализовать творческую активность и инициативы каждого индивида, сформиро-

вать условия для научно-технической революции, которая устранит недостаточное потребление и социальное неравенство, и в конечном счете в международном масштабе приведет к ликвидации государства и его институтов.

Прелюдией этого революционного пути явилось развитие нашей страны после января с. г. Однако этот путь был насильственно прерван войсками пяти государств — членов Варшавского договора.

Исходя из опыта, полученного нами в ходе проходившей в этом году борьбы за социалистическую демократию, в первую очередь из опыта августа и ноября, мы убеждены, что в этой борьбе решающую роль сыграет рабочий класс: однако значительная роль отводится студентам и молодежи в целом. Этот революционный путь мы рассматриваем как перманентный революционный процесс, который может сыграть решающую роль в дальнейшем развитии мировой революции. Вместе с тем мы убеждены в том, что

1. Пассивное выжидание «процесса возрождения» в СССР полностью противоречит миссии человека, общественная роль которого заключается в изменении и преобразовании окружающей его действительности, как это понимал Маркс.

2. Ограничивать общественную активность давлением руководства партии и государства — политическая близорукость; путь тотальной капитуляции перед советской правящей элитой, которая началась 26 августа с. г., ежедневно нас в этом убеждает.

В ходе борьбы в ноябре возникло невиданное единство студентов и рабочих. Вся наша деятельность будет нацелена на упрочение этого единства путем демократической конфронтации взглядов. Поэтому мы будем стремиться к расширению и углублению революционного сознания молодежи, студенчества и рабочих, добиваться единства их взглядов и действий и готовиться к схватке с реакционными силами; в этой подготовке нам сослужил службу опыт славных августовских дней и ноябрьской борьбы. Мы понимаем, что огромному военному потенциалу трудно — если не невозможно — также противопоставить военную силу; мы приобрели опыт борьбы, основанный на формах пассивного сопротивления, и убеждены, что в этой борьбе останется непобежденным не только чехословацкий народ, она приведет к тому, что будут нанесены мощные удары по бюрократическим режимам в Польше, Венгрии, ГДР и в самом СССР. Эта борьба может привести к политической революции во всем тридцатимиллионном сообществе, может освободить целые народы и открыть новую эру — построения социализма. Этот процесс будет сопровождаться революционной антиимпериалистической борьбой в западном мире и этот двойной процесс — на Востоке и на Западе — вместе с револю-

ционным движением третьего мира приведет к последующей вспышке мировой революции.

Мы учли риск, которому нас подвергает наша деятельность. Но иного пути нам не дано; альтернатива, которую нам предлагают те из доавгустовского периода, кто возглавил партию и государство и кто хотя бы частично сохранил свое лицо — безвыходная; мы считаем подобного рода альтернативу политической слепотой, граничащей с авантюризмом, которые ведут нашу страну к еще более глубокой политической, экономической и моральной деградации.

В борьбе за интересы чехословацкого народа и рабочего класса, в борьбе против всех антисоциалистических сил, которые нас связывают (войска СССР, все более растущее влияние капитулянтской части внутреннего политического руководства, правая фракция КПЧ с фашиствующими тенденциями и т.п.), мы исходим из того, что их власть и деятельность не являются легальными как с юридической, так и нравственной точек зрения.

Мы считаем необходимым для нашей деятельности:

1. Создать такую организационную структуру, в рамках которой могла бы происходить конфронтация взглядов и единство действий студентов и молодых рабочих и служащих;

2. По возможности работать в других молодежных организациях как в политической и социальной сферах, так и по интересам и т.д.;

3. Стремиться к неформальному единству, базирующемуся на конкретных политических акциях, с остальной молодежью;

Проводить политические дискуссии для широких кругов общественности;

4. Всеми средствами распространять свои взгляды и любую объективную информацию;

5. Изучать формы антиимпериалистической борьбы в странах третьего мира и в западных странах, а также изучать деятельность так наз. экстремистских левых; налаживать связи со всеми теми, кто вступает в эту борьбу;

6. Изучать также деятельность потенциальных революционных сил в СССР и в так наз. народно-демократических странах;

7. Фракциям Движения революционной молодежи предоставлять право на фракционную деятельность в рамках движения и по соглашению с остальными фракциями и за ее пределами;

8. Движение революционной молодежи является открытым для всех молодых людей, независимо от их политической принадлежности, если они в принципе разделяют установки данного манифеста.

Перевод с чешского автора.

Публикуется по: *Pažout J.* Hnutí revoluční mládeže 1968–1970. Edice dokumentů. Praha, 2004. S. 41–43.

**ДОГОВОР О СОТРУДНИЧЕСТВЕ МЕЖДУ ПРОФСОЮЗОМ РАБОЧИХ
МЕТАЛЛООБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
И СОЮЗОМ СТУДЕНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
ЧЕХИИ И МОРАВИИ**

19 декабря 1968 г. Прага

Обе стороны принимают за основу дальнейшего продвижения Чехословацкой Социалистической Федеративной Республики к социализму те события общественной жизни, которые начались с Пленума ЦК КПЧ в январе 68-го года и были прерваны интервенцией армий пяти стран Варшавского договора в Чехословакию в августе 68-го года.

Обе стороны высоко оценивают основные успехи чешского народа, достигнутые в послаянварские месяцы. К этим успехам они относят в особенности:

1. Открытое участие общественности во главе с рабочим классом в создании политики государства и КПЧ.

2. Открытый диалог общественности с руководством государства и КПЧ, осуществляемый с помощью средств массовой информации.

3. Восстановление общественной роли КПЧ, выразившейся прежде всего в Программе действий Коммунистической партии Чехословакии в апреле 68-го года, ответе Секретариата ЦК КПЧ на письмо пяти коммунистических партий из Варшавы в июле 68-го года и проведении 14-го Внеочередного съезда КПЧ в августе 68-го года.

4. Сопrotивление народа Чехословакии интервенции иностранных армий в дни от 21-го до 28-го августа 68-го года.

Чешский профсоюз рабочих металлообрабатывающей промышленности выражает свою поддержку недавней студенческой забастовке, требовавшей реализации десяти пунктов Союза студентов высших учебных заведений, и требует создания таких условий работы правительства, которые давали бы возможность профессору Кадлецу оставаться членом правительства. Союз студентов высших учебных заведений Чехии и Моравии выражает свою поддержку рабочим металлообрабатывающей промышленности в их усилиях отстранить аппаратчиков и бюрократов из ведущих органов профсоюза и создать организацию, действительно представляющую интересы рабочих. Союз студентов высших учебных заведений Чехии и Моравии присоединяется к резолюции Чешского союза рабочих металлообрабатывающей промышленности, поддерживающей товарища Йозефа Смарковского.

Обе стороны отвергают сегодняшнюю политику постоянных уступок внешнему давлению и намеренного нарушения обмена информацией между руководством государства и руководством КПЧ и общественностью.

Обе стороны протестуют против того, что высокие должности, власть и информация сосредоточиваются в руках маленькой группы ведущих представителей.

Обе стороны выражают свое несогласие с тем, что политикой в Чехии руководит не демократически избранное бюро КПЧ для работы в Чехии, и требуют немедленного созыва съезда компартии Чехии.

Обе стороны отвергают травлю культуры и высоко оценивают ее политическую ангажированность.

Обе стороны предупреждают об опасности ограничения свободной деятельности средств массовой информации.

Обе стороны возмущены постоянным откладыванием принятия принципиальных решений в экономике и откладыванием на неопределенное время общественной дискуссии и утверждения закона о социалистическом предприятии.

Обе стороны требуют, чтобы группе рабочих — представителей предприятий и чехословацких экономистов была дана возможность выработать альтернативную экономическую программу.

Обе стороны настаивают на требовании немедленного восстановления суверенитета республики и отхода иностранных войск.

Обе стороны требуют новых выборов во все представительные органы в самое краткое время.

Обе стороны будут настаивать на том, чтобы принципы, содержащиеся в Всеобщей Декларации прав человека Организации Объединенных Наций, содержались бы в новой Конституции Чехословацкой Социалистической Федеративной Республики.

Принимая во внимание эти общие взгляды, учитывая необходимость создания как можно более широкого народного фронта, поддерживающего политику руководства государством и руководства КПЧ, обе стороны намерены:

1. Регулярно обмениваться делегациями и информировать друг друга о своей деятельности, о своих позициях и взглядах на современные общественные проблемы.

2. Регулярно обмениваться полученной политической информацией.

3. Заранее сообщать друг другу о готовящихся действиях.

4. Гарантировать, что ведущие органы чешского профсоюза и Союза студентов высших учебных заведений предоставят информацию, полученную в результате взаимных связей, своим организациям на местах.

5. Обеспечить взаимную поддержку, используя возможности обеих договаривающихся сторон.

6. Постоянно расширять непосредственные контакты рабочих металлообрабатывающей промышленности со студентами высших учебных заведений.

7. Использовать все возможности для постоянного укрепления и усиления неформального содружества рабочих и интеллигенции.

8. Разъяснять точки зрения, разделяемые обеими сторонами, на соответствующих заседаниях и в соответствующих органах.

9. Очень тщательно и точно оценивать развитие политической ситуации и обсуждать ее в соответствующих органах. С помощью энергичных действий настаивать на реализации своих требований.

Договор принят 1200-ми делегатами Первого съезда Чешского профсоюза рабочих металлообрабатывающей промышленности, представляющего более 900.000 трудящихся.

Публикуется по: Социалистическая оппозиция в Чехословакии. 1973–1975. Подборка документов / Отв. ред. Я. Каван, Я. Даниел. London, 1976. С. 279–283.

Листовка «Дорогие сограждане»

Июль или август 1969 г. Прага

Дорогие сограждане!

Приближается печальная годовщина унижительной оккупации нашего славного отечества так наз. друзьями. Квислинговцы во главе с Гусаком, Индрой, Биляком, Кольдером и другими им подобными предателями пытаются обмануть чешский и словацкий народы и легализовать проведенную 21 августа оккупацию как совершенно обоснованную и необходимую акцию наших «ДРУЗЕЙ». Поэтому они должны были убрать из государственного руководства и из общественной жизни таких людей, которые ценой своей собственной безопасности вплоть до настоящего времени выступали против этих нападок. Эти новоявленные герои нашего народа во главе с д[октором] Кригелем, Пахманом, Затопеком, Павлом и многими другими гордо и бесстрашно встали в первые ряды сопротивления против своеволия клики предателей Штроугалов и Ауэрспергов и мужественно отстаивали святую правду об истинных намерениях непрошенных гостей.

Наши народы никогда не забудут жертвы наших дорогих сыновей Яна Палаха и Яна Зайица. Их самопожертвование нельзя предать забвению. Мы, рабочие и студенты, вопреки любым преследованиям будем и впредь хранить нерушимое братство, чтобы можно было информировать нашу общественность об истинном положении вещей.

Дорогие друзья, власть в нашей стране захватили гусаковцы с целью привести ее туда, куда наш народ чешский и словацкий напрасно хотели привести оккупанты 21 августа, однако они остаются в одиночестве. 14 000 000 наших граждан оставили их, сохраняя в своих серда-

цах лишь презрение к ним. Всемирный опыт уже твердо доказал, что предательство народа всегда возвращается бумерангом. Мы убеждены в том, что не так далеко то время, когда эти предатели дождутся заслуженной расплаты именно от тех, кому сейчас они столь преданно служат. Однако до прихода этого момента мы не должны бездействовать, не должны терять надежду. Всему миру мы должны показать — как это было доказано нами в дни августа — что нас не сломить ни какими бы то ни было преследованиями, ни насилием. Мы намерены и в будущем сохранять наше единство в своей ненависти к оккупантам и предателям нашего народа. В день печальной годовщины 21 августа 1969 г. мы снова должны напомнить миру позорный акт Советского Союза. У нас нет сил сражаться с оружием в руках. Поэтому нашим оружием является ненависть и безграничное презрение к московским заправилам и гусаковским прислужникам. Мы против объявления всеобщих забастовок. Предательская клика могла бы использовать их для дальнейшего вмешательства и ограничения нашей свободы. Можно и по-другому обратить внимание мира на то, что мы продолжаем борьбу за социализм с человеческим лицом. Мы решили издать инструкции, которые могут продемонстрировать всему миру, что мы не забыли День позора и что с подобного рода визитами мы никогда не примиримся. Призываем всех верных граждан наших народов руководствоваться в день 21 августа следующими директивами:

1. Не использовать по пути на работу транспортные средства (за исключением случаев, когда трудящиеся вынуждены добираться до работы поездом). Путь к работе нужно демонстративно пройти пешком. Пожилые и больные должны оставаться в этот день дома и отказаться от ненужных поездов.

2. Отказаться от посещения кинотеатров и театров. Тем самым мы дадим возможность нашим актерам не выступать в день печали в театральных комедиях.

3. Отказаться от покупок в каких-либо магазинах. Необходимые продукты надо приобрести заблаговременно.

4. По возможности украсим могилы всех жертв унижительной оккупации.

5. Не будем покупать ни газет, ни журналов.

6. Откажемся от посещения ресторанов и кафе. Танцевальные площадки должны остаться пустыми, чтобы музыкальные инструменты в день печали не играли веселую музыку.

7. Украсим памятники всех славных деятелей нашей истории.

8. В 12 часов, с боем курантов, остановить на 5 минут работу у станков и в прочих рабочих местах, чтобы почтить память жертв оккупации и нового террора.

9. Личные автомобили также остановят движение и включают фары, точно так же остановят движение и другие транспортные средства.

10. В пределах возможного сообщим нашим знакомым за рубежом о готовящихся акциях и призовем их к пропаганде подобного рода акций во всем мире.

11. Необходимо призвать всемирные общественные институты, чтобы они, используя свое влияние, добились провозглашения дня 21 августа «днем позора».

Дорогие соотечественники, чтобы сделать эту акцию действительно эффективной, необходимо распространить директивы таким образом, чтобы они попали в руки всего народа.

Цензура и вмешательства в печати не позволяют использовать эту возможность и поэтому национальной обязанностью каждого является передать эти инструкции как минимум пяти истинным друзьям.

Верим, что вы не подведете нас, как не подвели в дни августа!

Да здравствует единый чешский и словацкий народ!

ПОЗОР КВИСЛИНГОВЦАМ ВО ГЛАВЕ С ГУСАКОМ!

Вместе мы победим!

Рабочие и студенты

Перевод с чешского автора.

Публикуется по: *Тита О. а kol. Srpen'69. Praha. S. 34–35.*

МАНИФЕСТ «ДЕСЯТЬ ПУНКТОВ»

21 августа 1969 г. Прага
[Десять пунктов], адресованных федеральному правительству, Федеральному собранию ЧССР, Чешскому национальному совету, правительству Чешской Социалистической республики и ЦК КПЧ

Прошел год с того момента, как несколько наших руководящих деятелей были доставлены на неравные переговоры, итогом которых стал так наз. московский протокол. Это протокол об унижении полноправных народов, которые ни в чем не провинились, однако им не повезло, поскольку они оказались между двумя сверхдержавами, ведущими борьбу за господство в мире. Сверхдержава, направившая к нам свои войска, ссылаясь на социализм, которому у нас якобы угрожала опасность. Но опасность угрожала не социализму, а лишь положению людей, которые деформировали его в течение двадцати лет. Наш процесс возрождения в 1968 году принес практически всеобщее убеждение, что настало время исправить ошибки, устранить несправедливость с тем, чтобы снова можно было с энтузиазмом взяться за работу. Тогдашнее правительство и возрождавшаяся коммунистическая партия выбрали

верный путь, доказывая, что социализм нельзя связывать с приказами, ограничениями и нищетой; он может дать народам все традиционные свободы, завоеванные в предшествующих революциях, и на этой основе создавать общество более развитое не только в экономическом, но и нравственном отношении. Наши стремления не расходились с давними идеалами социалистического движения, которые ставили во главу угла право на свободу народа и человека, отрицали сверхдержавное насилие, тайную дипломатию и кулуарную политику. Интернациональный долг всех, кто по-прежнему признает исходные социалистические цели, заключался поэтому в следующем — не мешать нашей работе, относиться к нам достойно и предоставить чехословацкому народу право решать, как сделать так, чтобы реакционные силы внутри страны или за рубежом не навязали ему прогнивший старый строй.

Уже год мы живем в навязанных нам условиях, и за это время наша жизнь лишь ухудшилась. Снабжение скверное, цены растут, производство дезорганизовано, а истинные причины все еще не раскрыты. Многие способные люди вынуждены были уйти с работы или покинуть свои посты. Программа действий КПЧ с апреля 1968 г. пункт за пунктом ликвидирована, общественные организации насильно умерщвляются, общественность не допускается к процессу формирования государственной политики, принципиальные вопросы решаются в группах одиночек вместо того, чтобы решать их в демократических государственных органах. Ни один чешский (так в оригинале. — Э. З.) орган власти не возник по воле народа. Мандат общегосударственного парламента утрачен. Помимо прочего цензурой запрещено говорить об этом публично, что устраивает людей с ограниченным мышлением и авторитарным стилем, старых оппортунистов и новых карьеристов, поскольку они могут утверждать все, что им захочется, фальсифицировать факты, клеветать на людей и устраивать в газетах кампании, на которые им никто не может ответить. При этом они беззастенчиво твердят в глаза народу, что наконец-то теперь можно говорить и писать правду!

Однако правда вынуждена искать обходные пути, в надежности которых никто не уверен и где также могут устраиваться провокации. Сегодня преследуются уже многие люди, а некоторых из них якобы даже следует подвергнуть тюремному заключению за то, что граждане хотели выполнять свои функции, которые в цивилизованном государстве возложены на свободную прессу.

Мы не согласны с такой ситуацией и не намерены молчать, поэтому избрали способ, чтобы обратиться в законодательные органы республики, федеральное и национальные правительства, а также в ЦК КПЧ с манифестом, в котором хотели бы открыто, подвергая себя риску, получить ответ на выраженную в нем свою позицию:

1. Мы выступаем против того, что произошло год назад, поскольку это — попрание международного права, очернение слова социализм и нарушение принципов элементарного приличия. Мы за соблюдение всех международных соглашений. И, конечно же, в первую очередь между социалистическими странами необходимо образцовое сохранение суверенитета каждой из них. Мы требуем, чтобы правительства этих стран представили миру несколько более совершенный способ решения разногласий и споров. Мы считаем пребывание советских войск у нас источником беспокойства и препятствием на пути к восстановлению дружеских отношений. Мы требуем от высших государственных органов начать переговоры об их выводе.

2. Мы не согласны с политикой постоянных уступок перед угрозами, но главным образом отрицаем последствия иностранного вмешательства после апреля 1969 года, когда упрочились бюрократические методы правления, проведены чистки в государственном, партийном и хозяйственном аппаратах в пользу менее способных, но послушных людей, либо же тех, кто утратил доверие граждан. Мы протестуем против роспуска добровольных общественных организаций, деятельность которых не противоречит законам, и против попыток их раскола. Мы осуждаем запрещение координационного комитета творческих союзов на основе лживых доводов, мы отрицаем вмешательства властей в дела Союза студентов вузов.

3. Мы с презрением относимся к цензуре, введение которой отбросило нас в ряды достойных сожаления народов, которые лишены права обращаться как к себе, так и к миру. Цензура отбрасывает нас на столетие назад, не допускает обмена мнениями и информацией, делает невозможным создание информированного общественного мнения, затрудняет осуществление контроля над властью, защищает неспособных функционеров и, наконец, ведет к дальнейшей политической аморальности. Она означает шаг на пути к превращению искусства и науки в служанок власти.

4. Мы не верим заверениям, что в будущем и у нас будет соблюдаться законность, что не повторится институционализированная преступность пятидесятых годов, пока безопасность не будет поставлена под действенный и зримый контроль гражданских, в первую очередь законодательных органов. Однако вместо этого мы наблюдаем, как ослабевает или прекращается судебное преследование лиц, которые нарушали законность, а они продолжают по-прежнему занимать посты и находятся вне критики. Запрещение Общества по правам человека мы считаем плохим признаком. Нам хотелось бы ратификации и воплощения в жизнь в кратчайшие сроки международной конвенции по правам человека и конвенции по экономическим, социальным и культурным правам.

5. Мы не признаем роли коммунистической партии как органа власти, ее возвышения над государственными органами, ответственными перед всем народом. Возвышение партийности над гражданственностью является нелепостью и мы настаиваем на том, что коммунистическая партия может завоевать ведущую роль в обществе только в результате его доверия и убедительной реализации того, в чем это общество более всего нуждается. Отношения между политическими партиями в Национальном фронте могут быть только партнерскими. Некоммунисты, которые составляют большинство, не должны жить в условиях, на которые они не могут оказывать влияния. Мы уважаем тех коммунистов, которые попытались избавить партию от деформаций и видят свою миссию в служении тому, что определялось термином «социализм с человеческим лицом». Мы поддерживаем тех из них, кто настаивает на легитимности созванного в прошлом году XIV съезда партии.

6. Особенно негативно иностранное вмешательство сказалось на чехословацком народном хозяйстве. В этой сфере прервана свободная дискуссия, заторможена подготовка законов, направленных на легализацию советов предприятий, а там, где эти советы были созданы, их деятельность парализована. Снова отменяются экономические стимулы и мы наблюдаем не оправдавшие себя признаки произвольного диктата в сфере экономических отношений. Вина за постоянно углубляющийся кризис возлагается на людей, которые выступали за проведение экономической реформы, несмотря на то, что любому известно, что она не доведена до конца. Вина возлагается на рабочих за плохую работу, трудовую дисциплину и низкую сознательность. На деле, однако, рабочий зачастую пребывает в сомнении, надо ли ему вообще работать, если результаты его труда по-прежнему используются неизвестно как, поскольку частично они уходят в никуда, а частично идут на цели, с которыми он не согласен: на оплату разбухшей государственной администрации и аппарата принуждения, то есть цензуры, тайной полиции или армии, на финансирование убыточной пропаганды, прославившейся своей неэффективностью, и на коррумпированность многочисленного аппарата различных организаций. Нужно ли рабочему работать, если тем самым он помогает оставаться на своих постах людям, которые год тому назад уже собирались уходить? Должен ли он работать больше, если много денег часто ему ни к чему? Нам понятны подобного рода настроения. Ведь людям надо осознать смысл и цели своей деятельности, ежедневно убеждаться в том, что ими руководят профессионалы; они должны иметь право высказываться по экономическим проблемам как с точки зрения данной профессии, так и с точки зрения общегосударственной.

Однако за любую не сделанную и плохо сделанную работу мы наказываем как за нечто такое, в чем мы не виноваты и что нам следовало бы ис-

править. Мы требуем принятия в кратчайшие сроки закона о социалистическом предприятии, который предоставит право в первую очередь профессионалам и рабочим принимать решения, касающиеся производства, с учетом государственного плана, а также оказывать влияние на распределение и инвестиции. Мы требуем, чтобы были сохранены права профсоюзов, которые вытекают из Хартии всемирной федерации профсоюзов.

7. Мы не согласны с задержкой сроков выборов в национальные комитеты и главным образом в законодательные органы, поскольку такое оттягивание свидетельствует о сохранении обстановки, которая в настоящее время походит на чрезвычайное положение.

Мы желаем проведения выборов в соответствии с таким избирательным законом, который будет способствовать совершенствованию социалистической демократии. В законе должно отражаться право петиционных комитетов граждан выдвигать своих собственных кандидатов, а также способ отзыва их со своих постов. Выборы, которые будут походить на выборы предшествующего периода, мы заранее отвергаем и участия в них принимать не будем.

8. Мы рады, что из насыщенной программы демократизации, содержащейся в прошлом году в Программе действий КПЧ, была реализована федерализация государства. Мы желаем словацкому народу процветания, мы за соревнование и взаимодополнение наших двух экономик. Мы будем выступать против раскола, подозрений и малодушного преирательства о том немногом, что нам совместно принадлежит. Важным при этом является то, что последует в дальнейшем. И здесь обнаруживается, что процесс федерализации остановился перед ЦК КПЧ как решающим органом власти. Мы за реальную, эффективную федерацию, чтобы она не превратилась в сугубо формальное утверждение решений о наших народах узким кругом лиц, которым для реализации своей власти никакая федерализация не нужна.

9. Когда цензура закрывает рот критике, когда грубым вмешательством в состав государственных органов и гражданских организаций преследуется цель запугать людей, когда нечестные писатели в прессе низкого уровня явно готовят атмосферу для ухудшения положения, мы четко заявляем, что [право не согласиться] с главой государства и правительством издавна является естественным правом человека. Уже просвещенные монархии умели его использовать в качестве конструктивной силы. Поэтому мы спрашиваем, каким образом будет решаться этот вопрос у нас. До его решения мы оставляем за собой право на несогласие, которое проявляется в том, что мы законными средствами будем выступать против всего того, что противоречит нашему разуму и человеческой совести и наших убеждений как граждан, стремящихся к демократическому и гуманному социализму, либо находится в противоречии со славными традициями нашей

страны. Мы не хотим обращаться к нелегальным формам, однако мы используем все наши существующие организации для защиты своих взглядов. Мы будем добиваться заключения горизонтального договора между составными частями общественных организаций. Отрицая насилие в международных отношениях, мы не признаем его и в решении внутривнутриполитических противоречий, поэтому свой протест против функционеров, которых в нормальных условиях следовало бы отозвать, мы будем выражать своей ненавистью, отказом слушать их, отказом от встреч с ними или использования их служб. Мы выразим солидарность с теми, кто подвергается преследованиям за свои политические взгляды.

10. Однако не протест является нашей целью. И в самых худших условиях жизнь должна продолжаться. Мы думаем, что никакое угнетение не может совершенно заставить замолчать мысль и умертвить всякую деятельность. Мы за то, чтобы каждый гражданин делал все, что он может делать, прежде всего чтобы он добросовестно исполнял свой профессиональный долг, в первую очередь те из них, которые непосредственно служат другим гражданам, например в сфере снабжения, на транспорте, в здравоохранении, образовании, борьбе против криминальной деятельности и т. п. Работники в сфере науки, исследований, культуры никогда не могут остановить свою работу. И в дальнейшем будут появляться новые произведения, будут устанавливаться рабочие контакты. Молодые люди завершат обучение, получат не только такие знания, которые им разрешат или какие они обязаны иметь, а те, какие они сами захотят. И в условиях отсутствия политической свободы цивилизованный народ может противостоять тем, что практическими действиями неполитического характера будет отстаивать свой стиль жизни, свою жизненную философию, свой характер. Мы можем, к примеру, хотя и с трудом, но все же постепенно улучшать свои жилища и свои места обитания, оздоравливать жизненную и рабочую среду, сводить к минимуму ущерб, рачительно распоряжаться тем, что имеем. Мы можем проводить время так, как это устраивает нас и уж во всяком случае не того, с кем его мы не хотим проводить. Мы можем умножать и культивировать свои увлечения и интересы. Мы знаем, что вопрос о нашем положении не можем решать только мы, потому что мы не центр вселенной и не его главная движущая сила. Бывают времена, когда просто-напросто надо выстоять и твердо стоять на достигнутом. Мы будем стремиться к этому, будучи убежденными в том, что развитие остановить невозможно.

В заключение мы заранее отвергаем привычные обвинения, которые могут последовать. Мы выступаем за такую форму социализма, которая может иметь успех в развитых странах, и стремимся к его очищению от тех черт, которые придает ему слой сектантов-догматиков, властолюбивых карьеристов. У нас нет повода для антисоветских позиций. Мы же-

лаем успехов советскому народу. Мы будем поддерживать демократические и социалистические силы в мире борьбой за всеобщее разоружение, мирное разрешение спорных вопросов, роспуск военных блоков.

Нашу позицию мы передаем Федеральному собранию ЧССР и ЧНС, федеральному и национальным правительствам, центральному комитету КПЧ, чтобы они приняли ее к сведению.

Инж. Рудольф Баттек, депутат ЧНС

Вацлав Гавел, писатель

Доц. д-р. Любош Когоут, политолог

Карел Кинцл, журналист

Д-р Михал Лакатош, журналист

Владимир Непраш, редактор «Репортера»

Лудек Пахман, журналист

Ян Тесарж, историк

Людвик Вацулик, писатель

Йозеф Вагнер, заместитель председателя Совета союза молодежи.

Перевод с чешского автора.

Публикуется по: Občanská společnost 1967–1970. Sociální organismy a hnutí Pražského jara / Ed. J. Pecka, J. Belda, J. Hoppe. Praha; Brno. D. 2. Sv. 2. Praha, Brno, 1998. S. 399–403.

ПРОГРАММНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

РЕВОЛЮЦИОННОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (ЧЕХОСЛОВАКИИ)

Ноябрь 1969 г. Прага

(Резюме)

Система, в которой живет наше общество, является не социалистической, а централистской, бюрократической, авторитарной и тоталитарной. Трудящиеся не могут оказывать воздействия на решения, влияющие на их жизнь и труд. Решающая политическая и экономическая власть находится в руках правящего бюрократического центра. В международном плане он связан с остальными и подчинен советскому бюрократическому центру. Он опирается на бюрократию и выражает в первую очередь ее интересы: по своему социальному положению бюрократия играет ту же роль, какую играет буржуазия при капитализме. Становым хребтом бюрократии является партийный аппарат: сама же партия, как и полиция, армия, суды, телекоммуникационные системы, подчиненные партии профсоюзы, является инструментом бюрократической власти. Эти инструменты определяют характер государства как организованного насилия. Эта бюрократическо-централистская система стала тормозом и препятствием на пути экономического развития. Распоряжение тем, что

зарабатывают трудящиеся, против их интересов является основой их эксплуатации. Идеологией бюрократии, узаконивающей ее власть, является искаженная пролетарская идеология, смысл которой — удержание власти — не имеет ничего общего с марксизмом. Использование власти против интересов народа проявляется также в отсутствии свободы в сфере культуры, научных исследованиях и других проявлениях человеческого духа. С этим связаны как обуржуазивание, так и деморализация. Система побуждает к всеобщему сопротивлению человечества.

Мы всеми силами готовим антибюрократическую революцию, целью которой является не только взятие власти; она сможет победить лишь при условии, если будет создана система, обладающая следующими чертами:

Свободное общество состоит из свободных индивидов. Трудовые коллективы имеют исключительное право принимать решения о средствах производства, с которыми они работают.

Принимая во внимание необходимость координации экономической жизни в самоуправляющейся социалистической системе, следует создать органы народной власти — советы трудящихся на рабочих местах, заводах, в трудовых коллективах, местах проживания и территориальных единицах, которые будут координировать разнообразные виды решений.

Советы трудящихся несут ответственность перед трудящимися. Члены советов могут быть отозваны в любое время, они находятся под контролем и подлежат ротации, принимают участие в трудовом процессе — этим ставится заслон бюрократизации.

Экономический план создается как долгосрочное соглашение, которое трудовой коллектив заключает с остальным обществом.

Производство служит для создания потребительских ценностей. Права потребителей гарантируются органами, которые они избирают сами. Право принимать участие в общественных решениях гарантировано и тем, кто находится вне производственного или трудового процесса (труженики непромышленных отраслей и учащаяся молодежь, пожилые люди и др.).

Средства власти находятся в руках народа: каждый трудящийся имеет право быть членом военного подразделения, созданного на предприятии или рабочем месте. Ликвидируется армия и тайная полиция.

Система самоуправления исключает парламентаризм и тайную дипломатию. Политические партии наделены лишь идеологической функцией; в свободной дискуссии предлагаются различные концепции и программы.

Динамичное развитие системы устранил общественную иерархию (отношения подчиненности и подчиненных), ликвидирует государство и его институты.

Эта система не может существовать изолированно в Чехословакии, а только в тесном взаимодействии с остальными революционными народами Европы, в первую очередь восточной. Взаимное сотрудничество рабочего класса и угнетенных всего мира в борьбе за реализацию этой системы — вот истинный пролетарский интернационализм. Ведь наша общая цель — свержение существующего строя, устранение правящих классов и слоев и построение нового общества.

Поэтому необходимо создать единый фронт народного сопротивления, в котором объединятся все антибюрократические силы. Отдельные группы и организации должны проводить двойную деятельность: а) внутри — изучение, инструктаж, дискуссия, создание организации, 2) извне — листовки, плакаты, демонстрации, забастовки. Впоследствии мы не исключаем и вооруженную борьбу. Задача Революционной социалистической партии заключается не в том, чтобы возглавить эту борьбу или стремиться к управлению и руководству будущим обществом, а принимать участие в борьбе и предлагать проекты, предложения и концепции для проведения дискуссий с остальными течениями.

Обсуждено и одобрено членами РСРП в ноябре 1969 г.

(Окончательный вариант. После одобрения и возможных замечаний вернуть в течение двух недель).

Перевод с чешского автора.

Публикуется по: Pažout J. Op. cit. S. 73–75.

ЗАЯВЛЕНИЕ ОБЪЕДИНЕННОГО СЕКРЕТАРИАТА IV ИНТЕРНАЦИОНАЛА, ПРОТЕСТУЮЩЕГО ПРОТИВ АРЕСТА ЧЛЕНОВ ДРМ

26 января 1970 г. Париж
«Нормализация» положения в Чехословакии продолжается в соответствии и в интенциях логики, которая была начата в августе 1968 г. вступлением советских и других «союзных» войск стран Варшавского договора. После устранения ДУБЧЕКА от власти, после чисток в центральном комитете репрессии приобретают всеобщие масштабы, а сейчас был даже раскрыт «троцкистский заговор». В Прагу прибыли советские «историки», которые обучались в КГБ и которые в свое время готовили процесс со Сланским.

Таким образом, в своем целостном виде проявляется реакционный политический, социальный и культурный курс БРЕЖНЕВА-КОСЫГИНА и тех, кто его поддерживает как в Советском Союзе, так и во всех остальных восточноевропейских странах. Тем самым однозначно раскрывается глубинная причина вторжения, которое произошло в Чехословакии в 1968 году: здесь не существовала опасность реставрации

капитализма, здесь имел место опасный пример, ставивший под угрозу правление бюрократии во всех странах Восточной Европы и в самом Советском Союзе; это был пример людей, которые добиваются социалистической демократии и предпринимают серьезные шаги по ее воплощению в жизнь.

Обвиняемых нельзя квалифицировать как «заговорщиков», поскольку в краткий период «пражской весны», а также в последующие месяцы они действовали открыто, распространяли тексты, которые разрабатывались сначала Движением революционной молодежи, а затем Революционной социалистической партией, причем указывались как их имена, так и адреса. Если и имел место заговор, то к нему причастны не они, а те, кем готовилось вторжение в Чехословакию, а также те, кто оказывал им помощь.

Обвинение сконструировано по старой сталинской модели и включает как фальшивые отягчающие вину обстоятельства публичного права, так и политические обвинения. Не стоит распространяться о преступлениях общественно-правового порядка, проявлявшихся в московских процессах: саботаж, поджоги, сотрудничество с ЦРУ; в этой связи небезынтересно, что баснословные суммы, якобы полученные обвиняемыми, не позволяли им даже тиражировать листовки на более качественных ротаторах.

Обвинение, что они получали политический материал (книги, брошюры, газеты) от зарубежных революционных групп, предъявлялось им скорее всего теми, кто вернулся к власти после изгнания их народом из своей родины, причем не на основе использования политической пропаганды, а при поддержке полумиллионной армии, которая неожиданно вошла в страну. Это нормальное обвинение для тех, кто не может вести «идеологическую борьбу» без предварительного введения цензуры.

Остается еще вменяемая в вину арестованным политическая программа. Обвиняемые являлись приверженцами «антибюрократической революции», установили связь между студентами и рабочими, хотели заменить полицию и армию вооруженными рабочими подразделениями на предприятиях; они придерживались той точки зрения, что программа антибюрократической революции действительна и для других стран Восточной Европы, а также для СССР, они выступали за мировую социалистическую революцию. Может показаться, что это была «антиконституционная программа». Однако ни для Кремля, ни для его прислужников смена центрального комитета и правительства в «братской стране» путем вооруженной интервенции антиконституционным актом не является.

Действительно, обвиняемые в этой программе указали, что они извлекли уроки из опыта ДУБЧЕКА: нельзя рассчитывать на реформу

бюрократии, которая приведет к установлению социалистической демократии; необходимо готовиться к свержению бюрократической власти. Однако их истинное «преступление» состоит в том, что они разработали свою программу в период, когда прежде всего кремлевские представители панически опасаются того, что назревает в самом Советском Союзе.

Объединенный секретарит IV Интернационала призывает рабочих, студентов, передовую интеллигенцию, а также в первую очередь коммунистические партии, которые выступили с осуждением оккупации Чехословакии войсками Варшавского договора, потребовать освобождения арестованных в Чехословакии революционных борцов. При этом они должны понять, что преследования этих борцов положит лишь начало репрессивной волне, которая неизбежно затронет всех членов и кадровый состав Коммунистической партии Чехословакии, в первую очередь деятелей периода января — августа 1968 г., в первую очередь большую часть руководства, которое было избрано на XIV съезде КПЧ. Эти акции необходимо начать немедленно, чтобы не допустить возрождения сталинизма и оказать эффективную помощь тем, кто в СССР и в странах Восточной Европы хочет вести борьбу против бюрократии и внести тем самым свой вклад в победу социалистической демократии.

Перевод с чешского автора.

Публикуется по: Pažout J. Op. cit. S. 101–102.

Листовка «ГРАЖДАНЕ!»

9 ноября 1971 г. Прага

В конце ноября вас призовут к избирательным урнам. Агитаторы говорят нам, что каждый, кто воздерживается, но и не голосует за список заранее отобранных кандидатов, является врагом социализма. Представители режима превращают выборы в плебисцит, при котором избиратели вынуждены отдать свои голоса за официальных кандидатов и тем самым выразить свое одобрение оккупации, разрушению всяких надежд на демократию в будущем и нарушению гражданских прав.

Это не будут настоящие выборы, при которых мы сможем выбрать наших собственных представителей. Политическое руководство определяет заранее не только кандидатов, но также и какой процент избирателей должен быть объявлен избирательными комиссиями, принимавшими участие в выборах, равно как и процент голосов, поданных за режим. Выборы — обман. Результаты предрешены.

Однако не безразлично и не все равно, пойдём ли мы голосовать и вычеркнем или нет мы своих кандидатов. Каковы бы ни были официально объявленные цифры, избирательные комиссии тайно доложат

руководству, сколько избирателей бойкотировало выборы и сколько бюллетеней было зачеркнуто.

Если граждане выразят оппозицию нынешним условиям, то это будет иметь огромное моральное значение. Это будет иметь также и международный резонанс: мир будет слышать о нас только, если мы будем держаться за свои принципы и бороться за наши права.

Каждый из нас должен принять личное решение относительно своей позиции — в соответствии с личными и семейными обстоятельствами. Если вы хотите выразить несогласие или критику существующего положения, то у вас есть выбор либо бойкотировать выборы, либо вычеркнуть имена официальных кандидатов.

1. Воздержание — наиболее открытая форма несогласия. Голосование — не определяемая законом обязанность, а гражданское право. От самого гражданина зависит, как ему пользоваться правами. Его не могут судить или даже оштрафовать за воздержание. Конечно, воздержавшийся может быть наказан косвенно, под каким-либо другим предлогом.

Агитаторы не являются легальными представителями какой-либо организации: у них нет никакой власти заставить людей голосовать. От самого гражданина зависит, впустить ли их в свою квартиру или показать им на дверь как незванным гостям.

2. Если вы решите идти голосовать, помните, что голосование тайное. Закон требует, чтобы выборы осуществлялись тайным голосованием, и не предусматривает «группового» голосования.

3. В статье 34 Легального кодекса говорится о кабине для голосования («закрытое место для заполнения избирательного бюллетеня»), Поскольку выборы являются (а не могут быть) секретными, это значит, что кабины должны быть расположены так, что избиратели *должны* (а не могут) войти в них. Настаивайте, чтобы эти требования соблюдались, независимо от того, собираетесь ли вычеркнуть фамилии кандидатов или нет. Это вопрос уважения прав всех граждан.

4. Голосование признается негативным в случае вычеркивания всего полностью — фамилии и имени кандидата. Неполное вычеркивание будет считаться избирательными комиссиями, в соответствии с инструкциями, как голосование *за* (курсив в оригинале. — Э. З.) список кандидатов. Точно так же будет рассматриваться неразборчивое вычеркивание. Если написать что-либо на бюллетене, он будет засчитан как действительный голос «за», независимо от содержания написанного, разве что если вычеркивание сделано по всем правилам.

5. В небольших населенных пунктах можно голосовать за приемлемых кандидатов в местные органы власти и вычеркивать кандидатов в высшие органы. Избиратель может заменить официальный список кандидатов своим или вложить в конверт листочек бумаги с каким-либо ло-

зунгом. Избирательные комиссии безусловно поймут, например, такой лозунг: «Январь, а не август».

Подписано:

Чехословацкое движение за демократический социализм, Движение гражданского сопротивления (чешская секция), Движение гражданского сопротивления (словацкая секция), Коммунисты в оппозиции, Революционное движение — Ян Палах¹, Социалистическое движение чехословацких граждан.

Распространяйте эту листовку по адресам из телефонного справочника, опускайте ее в почтовые ящики, приклеивайте ее в лифтах и телефонных будках, передавайте ее друзьям и т. д.

Публикуется по: Социалистическая оппозиция в Чехословакии...
С. 331–335.

Письмо проф. Ярослава Шабаты Густаву Гусаку²

14 июля 1973 г. Боры³

Уважаемые товарищи!

В первой половине апреля я выразил желание встретиться с ответственными лицами, чтобы обсудить возможность политического решения противоречий, которые разделяют нас и ставят друг против друга.

На предварительной и ни к чему не обязывающей встрече, которая произошла семнадцатого мая этого года, прозвучало мнение, что диалог между правящей партией и частью оппозиции, имеющей левый уклон, в принципе возможен. Результат этого пробного разговора вызвал среди моих товарищей и друзей живой отклик. Их согласие и доверие обязывает меня развить мысль о диалоге, выразив ее этой, ко многому обязывающей формой, — письмом к самым высшим партийным органам.

Ни в коем случае мы не видим истинный смысл этого диалога в том, чтобы нас как можно быстрее освободили. Мы хотим говорить с вами не об этом. Конечно, вопрос о наших процессах существует, и наш ответ на него однозначен. Однако мы не ставим этот вопрос на первое место. Это вопрос вторичный, ни в коем случае — не основной. Он не существовал бы, если бы не существовал вопрос всеобщей важности: вопрос гражданских прав. Именно широкое ограничение этих прав было прелюдией нашего осуждения, и это объясняет, почему нас могли публично клеймить как врагов социализма, а мы не имели никакой возможности достойно и действительно защищаться. Органы юстиции и государственной безопасности, которые нас обвиняли и осудили за якобы враждебную деятельность и подрыв социализма, только завер-

шили то, что было начато политическими органами. Комплекс политических и правовых проблем, которые прямо или косвенно связаны с нашим делом, — это далеко не тот вопрос, который мы можем отодвинуть на второй план ради непосредственных интересов и конкретных результатов. И в конце концов, это было бы близорукостью. При сегодняшнем положении вещей не миновать пересмотра как процедуры ведения процессов, так и репрессивных мер. Соображения так называемой государственной безопасности могут служить предлогом для их ограничения или сокрытия от взоров общественности, но они не могут помешать пересмотру.

Мы не хотим пассивно наблюдать за всем этим. Поэтому мы предлагаем диалог. Поэтому, как основной вопрос, мы выдвигаем вопрос гражданских прав.

Может быть, у кого-то возникнет впечатление, что мы ставим этот вопрос, чтобы иметь более удобный случай для подрыва или даже ниспровержения социалистического общественного и государственного устройства, как это говорится в Уголовном кодексе. На это подозрение мы отвечаем: мы твердо стоим на стороне такого государственного устройства и четко осознаем, что хотим сказать этим заявлением и к чему оно нас обязывает. Наше несогласие и наша критика не касаются сущности социализма, но конкретных форм и методов государственного и политического управления, давно и глубоко разъеденного бюрократической язвой. Именно в этом мы видим препятствие для полного и свободного развития всех возможностей и преимуществ социализма. В этом мы видим, собственно, внутреннюю причину кризиса конца 60-х годов. Мы убеждены, что приход новой эпохи требует перемены этих форм и методов, точно так же, как мы убеждены в том, что эти перемены не будут означать гибель социализма, но будут означать его прогресс. Таким образом, если мы стоим за структурные изменения при сохранении социалистической основы, это вообще не означает, что мы отходим от социалистической идеологии.

Эти наши политические взгляды не сформировались на абстрактных рассуждениях. Мы исходим из многолетнего опыта широких масс. Мы хотим быть выразителями этого опыта, формулировать его рационально и конструктивно, не приходя к отрицательным, деструктивным выводам, и не намерены драматизировать тему.

Пожалуй, мы можем сказать, что все основное, что требует политического выражения, выразила и сформулировала линия 14-го съезда КПЧ, да и сами вы выражаете это в своих решениях, и потому излишне, чтобы кто-то создавал новую собственную политическую платформу. Разрешите в связи с этим вернуться к одной из самых важных мыслей 14-го съезда КПЧ. Мы имеем в виду тезис, который отвергает

искусственные скачки, нарушение плавного естественного развития событий и переоценку достигнутого, особенно нереальный взгляд на моральное и политическое единство народа. Напомню, что именно в этом выводе содержится самый глубокий и самый критический анализ предьянварской линии партии, особенно ее последних предьянварских съездов (в годах 1962 и 1966).

Мы можем с полным основанием спросить: разве абсолютно невозможно, чтобы в нашем обществе существовали и действовали независимые социалистические тенденции, политические тенденции, которые не совпадают с линией правящей партии? Разве это невозможно при данной степени развития нашей страны? Разве это что-то невероятное? Наоборот, не является ли абсолютно логичным, что такие тенденции существуют после столь тяжелого конфликта внутри нашей коммунистической партии?

Мы думаем, что опасения, что будет поставлена под вопрос вся политическая нормализация и консолидация, возникают лишь тогда, когда мы допускаем, что эти оппозиционные тенденции в чем-то правы и что в результате новый кризис абсолютно неминуем. Не будем развеивать опасения этого типа. Тем более что мы уверены: многое из того, что вызвало кризис, было преодолено лишь поверхностно. Если говорить более точно, причины кризиса не были устранены. Опасения, о которых я говорил выше, может быть, и небезосновательны. Они безусловно оказались бы верными, если бы политику диалога проводили нерешительные и колеблющиеся либеральные силы.

Наша позиция — это позиция не либеральная. Мы отвергаем либерализм и «бюрократический» (или же «технократический»), и «антибюрократический». Мы не либералы и не мелкобуржуазные демократы, которые стоят на позициях революционного рабочего движения. Мы убеждены, что именно революционный демократизм рабочего класса является самой серьезной движущей силой всех социалистических и демократических перемен, которые наступили в нашем столетии и которые еще наступят. Уже только с этой точки зрения нам не может быть безразлично ничто из того, что было создано на основе демократического и социалистического усилия за весь послевоенный период в нашей стране. Наши точки зрения совпадают в том, что позитивные результаты социалистического строительства важнее для нас, чем явления негативные и достойные осуждения. Мы согласимся с вами и в том, что Чехословацкая Социалистическая республика — прочное государство. В обычной, нормальной ситуации, если Вы этого захотите, мы будем вместе с вами защищать принципы, на которых это государство возникло и которыми оно руководствуется.

Таким образом, политика диалога не несет той функции, которую ей хотели бы приписать те, кто понимает борьбу за социалистические

принципы узко пропагандистски. Эта политика не должна способствовать тому, что обычно называют «идеологической диверсией». Наоборот, она должна помочь силам социализма в наступающем (качественно новом) этапе мирной конфронтации социализма и капитализма.

И, наконец, почему диалог между различными политическими силами должен вести непременно к ослаблению социализма, если эти силы социалистические? Почему позитивные отношения между силами, которые, безусловно, выражают тенденции, несомненно существующие в народе, должны вести к ослаблению единства этого народа? Именно продуманная политика диалога может сделать для единства социалистического общества больше, чем какая-либо другая политика, которая не учитывает реальное состояние вещей в обществе, и прежде всего то, что социалистическое единство еще долго будет «единством разнообразия» не потому, что различные силы хотят того или иного, а просто потому, что такова реальность.

Скажем резче: игнорирование реальности может дорого обойтись. Но подавление социалистической оппозиции как оппозиции антисоциалистической является именно таким игнорированием. Одновременно это означает не принятие во внимание импульсов к дальнейшему прогрессу, что в свою очередь подготавливает почву для новых потрясений. Мы приходим к такому выводу: самый верный способ вызвать кризис — это отвергать диалог. И наоборот, именно политика диалога, политического решения противоречий — это самая лучшая профилактика против рецидива кризиса. Это путь борьбы со всеми многочисленными источниками потенциального кризиса, симптомы которого нельзя не замечать. И, наконец, в более глубоком смысле — это путь к всестороннему развитию демократических, социалистических отношений, без которых переход к будущему свободному обществу самоуправления невозможен.

Мы знаем цену борьбе. Мы настроены радикально, но мы не экстремисты. Мы будем приветствовать каждый шаг вперед в наших отношениях, каждый шаг, который не будет противоречить духу диалога. Нас не оттолкнет, если будет отвергнута наша инициатива. Мы уверены в своей правоте и полны решимости идти ради нее на любые жертвы. Мы достаточно разумны, чтобы в случае вашего положительного ответа не увидеть в этом вашу слабость. Мы будем видеть в нем проявление и доказательство внутренней силы социалистического государства, которое первым в истории ищет свою основную и единственно настоящую опору в сознательности народа, а не в старых орудиях власти.

Мы верим в силу социализма, и было бы странно, если бы мы предположили что-либо другое в отношении вас. Поэтому мы пишем это письмо, этот призыв. Будем же говорить новым языком и помогать рож-

дению новой надежды, надежды, которая не окажется иллюзорной. Это будет приветствовать не только наш народ, но все друзья социалистической Чехословакии.

С товарищеским приветом

Ярослав Шабата.

К моей подписи присоединяются и другие представители коммунистов и некоммунистов, осужденных в прошлом году: Ян Тесарж, Милан Шилган, Ярослав Мезник, Зденек Вашичек.

P.S. Количество подписей ограничено, главным образом, по техническим причинам: крайняя изоляция осужденных делает невозможным их знакомство с текстом. Подчеркиваю, эта изоляция находится в противоречии с законом об отбывании наказания в первой исправительной группе.

Я. Ш.

Публикуется по: Социалистическая оппозиция в Чехословакии...
С. 153–159.

Письмо Йозефа Смирковского Леониду Брежневу

25 июля 1973 г. Прага

Уважаемый товарищ Брежнев!

Со времени, когда я имел возможность говорить с Вами лично, прошло пять лет. Я не могу не видеть развития событий в нашей стране и не замечать особой международной инициативы Вашей страны, Вашей партии, что в значительной мере избавляет меня от моего прежнего, я думаю, вполне понятного, скептицизма и горечи.

Я считаю, что современное развитие событий в мире и в Европе и та политическая линия, которую представляет руководство, возглавляемое Вами, ободряет и вселяет надежду. Я думаю, что надо сделать все для ее осуществления и убрать с ее пути все препятствия. В связи с этим я задумываюсь: и над судьбою нашей страны, и над той ролью, которую играл или может играть так называемый чехословацкий вопрос. Я думаю, пришло время, чтобы и этот вопрос был решен в интересах современного политического развития, в интересах прогресса и социализма как внутри нашей страны, так и в международном отношении.

Каким образом чехословацкая проблематика мешала и может и в будущем служить препятствием, мешающим добиться важных международных соглашений, насколько она усложняет ситуацию в международном коммунистическом движении и препятствует приобретению новых союзников из рядов социалистов и других прогрессивных сил — обо всем этом Вы, вероятно, информированы глубже и подробнее, чем

я в своем «заключении». По моему мнению — хотя ситуация сегодня не такая острая, как некоторое время назад, — чехословацкая проблематика, к сожалению, усложнила проведение теперешнего советского курса и еще может сыграть свою роль в связи с новыми переговорами, при наступающей скоро пятой годовщине августовского вмешательства, при преодолении противоречий в международном коммунистическом движении, в отношениях с возможными союзниками этого движения и тому подобное.

Метод решения чехословацких проблем в 68–69-м годах и позже являлся непосредственным результатом и обуславливался факторами того времени — времени последнего порыва ветра холодной войны. Чехословацкий вопрос принадлежит к ряду явлений тогдашнего международного напряжения — был еще свеж конфликт на Ближнем Востоке, достигла своего апогея вьетнамская война, было напряжение в Европе, особенно в отношениях с ФРГ, наступили осложнения на пути к советско-американскому соглашению. И всему этому отвечали и политические тенденции в социалистическом содружестве, связанные, главным образом, с людьми, которые сегодня уже не стоят на главных позициях общественной жизни в этих странах.

В новых условиях мирного сосуществования, условиях, в возникновении которых такое большое место занимает советская внешняя политика, все эти явления постепенно становятся анахронизмом. Вы лучше кого-либо другого знаете, что ни одно из этих явлений не исчезло автоматически, просто с течением времени, но должно было быть устранено с помощью активного политического усилия, с помощью переговоров, которые являются признаком нашего времени. И чехословацкий вопрос нельзя исключить из этой тенденции. Новое время приносит новые взгляды, новые точки зрения и в этом вопросе, который настоятельно требует нового подхода. То, что происходит в Чехословакии, сегодня уже нельзя объяснить доводами логики. При этом наша страна кровно заинтересована в том, чтобы в Европе был мир. Всегда в такие времена она расцветала. А если эти европейские соглашения послужат делу социализма, то интерес в нем нашей страны возрастает вдвойне. Поэтому я думаю, что наступило время превратить чехословацкий вопрос из препятствия на пути создания мирной атмосферы в Европе в один из ее стимулов, в новый источник доверия, улучшения европейских отношений. Поэтому я убежден, что чехословацкий вопрос необходимо решать, и решать его на уровне, в духе и методами современности.

Однако не менее важна в связи с этим и сегодняшняя внутренняя чехословацкая проблематика. Я, разумеется, не знаю, до какой степени Вы лично и советское руководство в целом информировано о том, что реально происходит сегодня в ЧССР. Если раньше я думал, что Вы полу-

чае информации в значительной степени одностороннюю, то теперь по личному опыту я имею ряд оснований предполагать, что советские органы имели сами и предоставили в распоряжение вышестоящих инстанций много убедительных и достоверных данных, и не только о том, что касается событий 68-го года и их причин, но и о том, что происходит в стране сегодня и как выглядит на самом деле так называемая консолидация.

Я никогда не был негативистом. Я хорошо знаю о реальных результатах, которые были достигнуты у нас в последние годы трудом миллионов наших людей. Для меня это только новое доказательство бессмертной силы социализма — то, что мы сумели преодолеть трудно разрешимые проблемы в экономике, что расцвела Словакия, наступило некоторое смягчение тяжелой для Чехословакии международной изоляции и что достигнута некоторая стабилизация внутривластных отношений, хотя именно здесь противоречия проявляются ярче всего.

И тем не менее я думаю, что внутренняя ситуация неудовлетворительна. Основные задачи (такие, как глубокое и настоящее развитие социалистической демократии; не декларируемая, на деле же силой удерживаемая крепость нашего государства; единство партии и народа; неформальные, дружеские отношения с Советским Союзом и другими союзниками; отвечающее современным требованиям развитие экономики, науки и культуры; возможность разностороннего развития личности и так далее), которые должны были быть разрешены еще пять лет назад, если социализм в такой развитой стране, как Чехословакия, хотел достичь новых, отвечающих современным требованиям рубежей, — все эти задачи решены до сих пор не были или решаются так медленно, что это не отвечает изменениям в международной ситуации и сегодняшним нуждам социализма.

Принцип, провозглашенный после апреля 69-го года (в сентябрьском докладе ЦК КПЧ в 69-м году) первым секретарем нового руководства Густавом Гусаком, что после переходного периода, необходимого для стабилизации внутри страны, начнется реализация позитивных задач, «которые не удалось осуществить после января 68-го года и решение которых для дальнейшего успешного развития нашего государства исторически необходимо», далеко не был реализован. Силы сопротивления тех, кто был против него, явно слишком велики. Вместо этого временные меры превратились в систему, экстремистам удалось навязать свой курс, который вел к политической и гражданской дискриминации и выбрасыванию из общества примерно полумиллиона коммунистов, к широкому использованию полицейских методов и к политическим процессам; к вынужденному уходу огромного количества талантливых и квалифицированных людей из хозяйства и государственной работы, из научной и культурной жизни (часто они могут получить теперь только черную работу)

и, к сожалению, к расцвету карьеризма самого скверного типа, который попросту прячется за согласие со всем, что произошло. Этот курс проводится и сегодня людьми, из которых некоторым действительно были важны принципы, другим же — только месть, а остальным — их собственное положение. Этот курс имеет, видимо, тайную поддержку тех сил, которые ставили препятствия и Вам, когда Вы создавали современную советскую политическую линию. Еще в прошлом году проходили у нас на некоторых производственных объектах дополнительные чистки. Со своих мест были уволены обычные рядовые работники, а сегодня из библиотек выброшено несколько сотен авторов и заглавий, прежде всего марксистов, даже Арагон, даже... Чехов! (если переводчиком его был исключенный из партии коммунист).

Все это имело и имеет важные последствия. Действительно, ситуация в стране стабилизировалась «основательно». Слишком много из теперешней стабилизации объясняется лишь вмешательством власти, централизмом, административным и социальным давлением, в то время как роль действительного идейного единства народа и государства, партии и масс, роль социалистической демократии — очень мала. Чехословакия, я считаю, отстает от темпов и нужд социалистических стран. Наступил серьезный упадок уровня научной и культурной жизни, лишенный многих талантливых творческих людей. И хотя широкие массы этому режиму подчинились, но внутренне по отношению к нему они находятся в оппозиции, которая — как это бывает по нашей чешской традиции — хоть и глубоко скрыта, но очень серьезна. Слишком много жизненно важных для социализма явлений стало чистой формальностью, начиная от соревнования, которым часто рабочий должен исправлять ошибки вышестоящих органов в руководстве и организации труда, и кончая внутренней жизнью общественных организаций и самой коммунистической партии. То же самое происходит и в отношении к Советскому Союзу, которое было у нас необыкновенно глубоким и эмоциональным. Вы с трудом можете представить себе, сколько сегодня в этом формальности, показухи и холодного карьеризма, и как все это организуется сверху. Сотни тысяч посетителей на великолепной выставке к 50-летию юбилею Советского Союза — это могло быть достигнуто только с помощью снижения норм, более дешевых билетов и так далее, чем воспользовались люди, чтобы сделать пред рождественские покупки в Праге. Это только один пример из многих, но у меня создалось впечатление, что в вашем распоряжении имеется достаточно информации о таких явлениях.

Наверное, хотя бы часть сегодняшнего руководства ситуацию в глубине души осознает, хотя и не говорит об этом вслух, а может быть, и пытается что-то улучшить. Не знаю, но пока что судьба таких попыток не

дает надежды достичь принципиального позитивного поворота событий, необходимость в котором возрастает сейчас прежде всего в связи с современной международной линией и ее потенциальными результатами.

Все вышеприведенные международные и внутренние причины заставляют меня думать, что в чешских делах необходим решительный шаг и что инициатива должна исходить от советской стороны. Я думаю, что это сегодня в результате создавшейся ситуации самая правильная, если не единственная возможность. Думаю, что такая инициатива была бы с облегчением принята не только подавляющим большинством сегодняшних членов КПЧ, но и действительно ответственными людьми, стоящими во главе ее, и решающим большинством коммунистов, исключенных из партии, — Вы, безусловно, знаете их взгляды, но знаете при этом, что они остались верны своим коммунистическим убеждениям. Это еще один довод, почему я считаю, что такая инициатива, особенно если она будет проявлена сегодня по собственной воле и без внешнего давления, произвела бы очень хорошее впечатление на широкую чешскую и словацкую⁴ общественность и предоставила бы новые возможности к завязыванию неформальных, дружеских связей нашего народа и Вашей страны. Позитивные международные последствия такого шага очевидны.

Наверное, сегодня существует возможность достичь европейского соглашения и без решения чехословацкого вопроса, но Чехословакии без серьезного и принципиального, пусть сегодня и трудного решения, грозит в будущем многолетняя стагнация, если не депрессия или просто маразм. В этом состоянии вряд ли могла бы Чехословакия соревноваться с Западом в условиях мирного сосуществования и его повышенных требованиях к хозяйственному уровню, политической твердости и идеологической активности. Все это дальше могло бы только хронически ухудшаться и сделало бы невозможным использование того, что Чехословакия может (и должна) сделать с ее традициями и с ее географическим положением на разделе Запада и Востока. Это приведет к нежелательной шаткости внутри страны, с чем можно бороться только силой, что безусловно серьезно повредит европейским отношениям, установления которых советская политическая линия вместе с прогрессивными и реалистически мыслящими силами Запада сознательно добивается. Я думаю — и знаю это, — что так же считают и другие товарищи, с которыми Вы лично знакомы, большинство исключенных коммунистов, да и большинство всей чешской и словацкой общественности. Весьма нежелательно, чтобы мы пришли к этим результатам, и наоборот, нам необходимо принципиальное позитивное решение. Я глубоко убежден, что, хотя путь к такому решению не будет легким, все-таки это будет менее сложно, чем оставить сегодняшнюю ситуацию как есть или сделать косметический ремонт. Действительность доказала, что самые тяжелые проблемы и самые сложные противоречия

можно решить или по крайней мере преодолеть, ко всеобщему удовлетворению, если люди сядут за стол переговоров и если участвующие стороны имеют достаточно доброй воли. Среди коммунистов и в отношениях между социалистическими странами это, безусловно, возможно.

И убежденный в этом, я обращаюсь к Вам, товарищ Брежнев, какого бы взгляда на сегодняшнюю чешскую политику Вы ни придерживались, обращаюсь к Вам как к ведущему советскому политику, как к человеку, у которого с нашей страной близкие личные отношения — идет ли речь о годах освобождения нашей страны от ига гитлеризма, незабываемых для меня самого, или о времени, недавно минувшем, или о сегодняшнем дне. Разве невозможно, чтобы советские представители вступили в переговоры со всеми заинтересованными кругами в Чехословакии, включая исключенных из партии коммунистов? Разве невозможно установить, созрела ли ситуация в нашей стране к такому решению, в чем мы лично убеждены? Разве было бы так невероятно начать вместе думать о том, как решить вышеупомянутые проблемы? Из всего развития событий и того, на что мне намекнули в различных беседах, я делаю вывод, что и в СССР такие возможности обсуждаются. Хочу вас уверить, что и у нас такие шаги встретили бы понимание и что я сам готов посвятить этому все свои силы — ведь это было бы, безусловно, лучше, чем сохранять или углублять противоречия прошлого.

Учитывая все это, я считаю, что наступил подходящий момент попытаться прийти к позитивному решению чехословацкой проблематики, к решению, которое отвечало бы современному международному развитию и послужило бы ему на пользу. Это лучше всего сделать, вернувшись к методу взаимных переговоров Черны-над-Тиссой и Братиславы, о которых я сегодня думаю, что они представляли собою, в отличие от того, что потом произошло, путь к удовлетворению давно созревших потребностей социалистического строительства в Чехословакии, что проявилось в связи с январем 68-го года, и к исправлению ошибок, которые были тогда совершены.

Вы сказали в Америке, что «прогресс человечества требует позитивной и конструктивной мысли». То же самое, безусловно, относится и к нашим проблемам. Поэтому я решил послать Вам это письмо, хотя — надеюсь, Вы это поймете — это не было для меня легко после всего того, что произошло. Однако я не мог бы оставаться один на один со своей совестью, если бы не сделал эту попытку.

Прошу Вас понять, что мое сегодняшнее положение заставляет меня, если я хочу быть хоть немного уверен, что Вы получите это письмо, использовать каждую возможность. Поэтому я посылаю Вам это письмо разными путями. О том, что я написал Вам, я поставил в известность и товарища Густава Гусака.

Я был бы Вам благодарен, если бы в той или иной форме Вы дали мне понять о Вашем отношении к этому вопросу, и чтобы не терялось драгоценное время, в течение которого различные, например случайные, события могли бы еще больше усложнить ситуацию.

С товарищеским приветом

Йозеф Смирковский

Публикуется по: Социалистическая оппозиция в Чехословакии...
С. 141–152.

Письмо Ф. Яноуха⁵

Конец 1973 г. Прага

О наших надеждах и нашей безнадежности

Это, видимо, последнее письмо, которое я смогу Вам написать. Я хотел бы поэтому сделать некоторые обобщения, выводы из создавшегося положения и изложить перспективы, которые мы видим и которые придают нашей нелегкой жизни хоть какой-то смысл.

Вопреки всем молодцеватым и оптимистическим выступлениям наших руководителей режим испытывает все более сильный и всеобъемлющий страх.

Наш режим боится всего, буквально всего. Боится живых, которые умеют думать, не желают предаваться самобичеванию, не боятся высказываться. Боится мертвых и памяти о них. Боится похорон и могил. Боится молодежи, боится старых коммунистов. Боится интеллигентов, боится рабочего класса. Боится науки, искусства, боится фильмов, театров, книг, грампластинок.

Режим боится и свободного распространения информации, например телевизионного спутника; третья программа западногерманского телевидения особенно не дает ему спокойно спать; боится чужого радио, охраняет свои границы от иностранной литературы и газет строже, чем от гашиша и марихуаны. Он испытывает страх перед поездками собственных граждан за границу и перед гостями из-за рубежа; каждый западный турист, журналист, торговец, дипломат, не говоря уже об интеллигентах, является для него потенциальным идеологическим врагом.

Режим испытывает страх и перед техническим прогрессом: типографии, печатные станки, ксероксы, телетайпы, фототелеграфы, автоматическая телефонная связь с границей — все это вызывает у него судороги страха, и федеральное Министерство внутренних дел придумывает меры, которые свели бы на нет пользу от вышеперечисленных новшеств. К тому же режим боится и совсем нейтрального технического прогресса, требующего постоянных изменений в производстве и промышленности, по-

следствия которых трудно сейчас предсказать... Он не боится, наверное, лишь прогресса в военной технике или в технике подавления (усовершенствованные дубинки, слезоточивые газы, техника подслушивания в квартирах, общественных помещениях и на открытых пространствах, техника подслушивания телефонных разговоров, контроля за корреспонденцией, слежки и т. п.), поскольку считает, что такой прогресс укрепляет его положение и усиливает его уверенность в себе. Но даже в этом нет уверенности: такая техника — дело дорогостоящее, и ее внедрение подвергает опасности с трудом поддерживаемое экономическое равновесие в стране.

Режим боится анекдотов, ходящих по рукам рукописей книг, изданных эмигрантскими издательствами, журналов «Листы», «Сведецтви» и даже самиздатовских журналов, размножаемых на пишущей машинке в нескольких десятках экземпляров.

Режим боится любой политической деятельности, боится он и осужденных на длительные сроки политзаключенных. Наверняка не случайно, что к пятой годовщине оккупации «нормализованный» режим Гусака счел необходимым ужесточить уголовный и уголовно-процессуальный кодексы, усилить бесконтрольную власть полиции, ввести подсудность гражданских лиц военному суду, ввести так называемый «судебный надзор», ограничить адвокатуру, фактически легализовать цензуру корреспонденции и ухудшить условия содержания политзаключенных. Если суммировать все эти меры, то по своим последствиям они равняются введению чрезвычайного положения и находятся в странном противоречии с официальными заверениями об окончании «нормализации». И еще для нашего режима характерно, что он боится осуществлять меры, утвержденные голосованием в парламенте и таким образом «узаконенные».

Этот режим боится и так называемых «правых» и плотоядных «левых» в своих собственных рядах. На собраниях актива КПЧ в ноябре 1973 года представители ЦК КПЧ предупреждали, что «правые» все еще сильны, что они хорошо организованы, что они лишь изменили свою тактику и заменили руководителей. «За последние месяцы деятельность правых в ЧССР сосредоточилась вокруг новых лиц, в особенности вокруг П. Когоута, Ф. Яноуха и Л. Вацулика» (указаны они были в таком порядке, очевидно, в соответствии со степенью их общественной опасности). «Вокруг этих лиц правые группируются, разрабатывают планы дальнейших действий, новые документы, точки зрения, протесты и т. д.» (хочется сказать: слава Богу, а я-то думал, что все это лежит на совести алвера, Интеллидженс сервис или КГБ).

Режим Гусака испытывает страх и перед собственной полицией: история неоднократно демонстрировала, насколько опасной может она быть даже для самых высокопоставленных представителей политических кругов. Вспомните сомнения и длительное топтание на месте

перед назначением нового министра внутренних дел Обзини⁶ на место загадочно погибшего Каски.

Режим Гусака боится также ухода советских войск. Резолюция и меморандум полковников нашего МВД (1973 год)⁷ предупреждают как наше, так и советское Политбюро о том, какие непредвиденные политические последствия может иметь необдуманный вывод советских войск из страны.

Режим боится разрядки напряженности в мире и особенно в Европе. На закрытых собраниях, на курсах для работников КПЧ референты ЦК растолковывают, что, собственно говоря, речь идет только о тактике, что на самом деле никакой разрядки не будет, что наш режим должен и далее укрепляться (читай: вооружаться), поскольку на западных границах стоят до зубов вооруженные дивизии бундесвера и НАТО, которые угрожают нашему суверенитету (?!).

Режим Гусака имеет много причин для страха: его политика — это непрерывная цепь преступлений, совершаемых против собственного народа, распродажа национального суверенитета и обнищание экономики. За пять лет, в течение которых Гусак находился у власти, наша страна стала полностью советской колонией — у нее теперь меньше политических прав, чем у оставшихся колониальных или зависимых режимов в Африке или Азии. Многочисленные открытые и тайные «соглашения» все прочнее привязывают ЧССР к Советскому Союзу. Наша страна не имеет сегодня своей собственной внешней политики — любое международное соглашение, а также ее отношение даже к менее значительным международным политическим событиям должны быть заранее одобрены Москвой. Тайные договоры обязывают чехословацкую армию сражаться бок о бок с советской даже в случае конфликта за пределами Европы. Чехословацкая СТБ находится полностью в руках КГБ, и число советских экспертов в ЧССР непрерывно растет.

Государственный аппарат в Чехословакии неэффективен, выборные органы не обладают никакой властью и находятся, так же как и выборы в них, под полным контролем партийного аппарата. Наши законы непрерывно ущемляются и изменяются в ущерб основным гражданским свободам и правам гражданина. Даже существующие законы не соблюдаются правящей кликой. Проблемы нагромождаются одна на другую и в экономической области, о которой я почти не говорил в своих письмах: рост мировых цен на нефть и сырье еще более ускорил непрерывный рост цен в нашей стране и увеличил инфляцию. Сбережения населения, которые сегодня достигают 130 млрд. чехословацких крон, превзошли все допустимые границы. Возникают проблемы в снабжении, режим не способен справиться даже с квартирной проблемой (молодожены в Праге должны ждать кооперативной квартиры 10–15 лет!).

У режима Гусака действительно есть немало причин для страха: сила его базируется на чужих штыках и танках, а политический актив отражает лицо технически, культурно и политически наиболее отсталой части населения страны.

Научно-техническая революция, которую деятели всех категорий провозглашают в речах столь же часто, как верность ленинизму и вечную дружбу с СССР, вызывает вместе с каждым, даже незначительным общественным шевелением только подозрение, недоверие и страх у нашего истеблишмента, поскольку с последствиями этой революции он справиться не в состоянии. Вместо революционного строя, основанного на философии диалектического материализма, мы имеем дело с одним из наиболее реакционных и консервативных режимов современности.

Диалектика развития, однако, неумолима: страх, испытываемый режимом, и его стремление не допустить никаких изменений ведут ко все большему его отставанию, усиливают его внутреннюю нестабильность и создают предпосылки для его изменения.

Какой характер будут носить грядущие общественные изменения? Возможно ли еще в нашей стране эволюционное, реформаторское развитие? А может, изменения произойдут путем революции, взрыва, который уничтожил бы прогнившие общественные структуры и создал новые?

И если вообще возможен эволюционный характер развития, то кто будет его носителем, его инициатором и ведущей силой?

Нелегко ответить на подобные вопросы, хотя мы и обсуждаем их между собой постоянно.

Боюсь, эволюционное развитие маловероятно. А если бы оно и имело место, то его носителем не могла бы быть КПЧ — так, как это было в 1968 году и в предыдущие годы. КПЧ ныне слишком дискредитирована политическими процессами 50-х годов, от которых она все еще не смогла как следует отмежеваться, и политическими процессами 60-х годов, одобрением оккупации, уничтожением чехословацкой науки и культуры, распродажей государственного суверенитета и многими другими непростительными грехами. Ко всему прочему, эта организация избавилась от своего мозгового центра: тех сотен тысяч социалистически настроенных интеллигентов, которые были способны мыслить независимо и критически оценивать прошлое и настоящее, обдумывать перспективы социалистического развития нашей страны.

Вне КПЧ сегодня существует сильная (численно и интеллектуально) группа бывших членов партии, которые могли бы определить и возглавить необходимые будущие общественные перемены в нашей стране. Но эти люди находятся в настоящее время на периферии общества, образуют бесправное «гетто» отверженных, и не совсем ясно, каким образом они могли бы принять участие в общественном движении и повлиять на него.

По-видимому, существует некоторая возможность возвращения этих людей в КПЧ; я уже упоминал о готовящемся «помиловании» лиц, исключенных из партии. Однако возникает вопрос, может ли это «помилование» быть достаточно широким, и главное — пойдут ли сотни тысяч исключенных обратно в эту дискредитированную политическую партию, если в ней не произойдет коренных изменений. Более вероятно, что руководящее место в будущем займет другая организация (или организации) с социалистической программой; не исключен распад КПЧ и ее превращение в другую социалистическую партию, которая еще более резко и решительно отмежевалась бы от ошибок и преступлений прошлого, чем, например, возникшая подобным образом Венгерская партия трудящихся. Подчеркиваю неустанно социалистическую программу и социалистический характер будущих изменений: социалистические идеалы настолько сильно укоренились в сознании наших людей, что программа реставрации капитализма не нашла бы существенной поддержки в нашей стране. (Социализм в моем понимании не имеет ничего общего с его бюрократическим и преступным вариантом — сталинизмом).

Несмотря на некоторую модернизацию, у нас в стране в настоящее время существует сталинистский, или, лучше сказать, неосталинистский общественный строй. Он характеризуется полным отсутствием свободы и очень ограниченной циркуляцией информации во всех направлениях. Результат: обратные связи в обществе не действуют, а если и действуют, то в очень ограниченных пределах. Социальные противоречия не разрешаются вовремя, в обществе накапливаются конфликты, что ведет к взрывам внутри этого общества. Современная история социалистических стран полна таких примеров: Берлин, Познань, Будапешт, Вроцлав, Щецин, Тбилиси, Новочеркасск⁸.

Вполне вероятно, что события в Чехословакии могут в будущем развиваться подобным образом. Поводов для взрыва может быть много, и вызваны они могут быть случайными обстоятельствами. Чехословацкое экономическое чудо — заполненные товарами витрины магазинов — не будет длиться вечно: промышленная техника устарела и поизносилась, положение с сырьем и энергетикой становится все более напряженным. Нерешенных проблем в народном хозяйстве больше чем достаточно (и наверняка уж больше, чем в шестидесятые годы). Необходимость модернизации повлечет за собой конфликты, связанные с зарплатой и работой... Нельзя исключить также национальные конфликты: борьбу чехов за национальное равноправие, которое полностью исчезло в асимметричной федерации, где с 1968 года политически главенствуют словаки. Нельзя исключить и взрыв народного гнева против советской оккупации и русской колониальной политики.

История учит нас, что изолированное развитие в одной социалистической стране обречено на неудачу, которая в нашем случае в 1968 году называлась «братской помощью».

Есть ли тогда вообще какие-нибудь поводы для оптимизма? Думаю, что есть. Одинаковое или очень похожее положение существует во всех социалистических странах, не исключая нашего «старшего брата».

Техническое отставание социалистического лагеря все более увеличивается. Стремление к технической модернизации в настоящее время проявляют все социалистические страны во главе с Советским Союзом; но все попытки в этом направлении обречены на неудачу, если модернизация техническая не будет сочетаться с общественной. В нашем обществе существует сегодня глубокое противоречие между производительными силами и производственными отношениями (боюсь, что моя терминология несколько отличается от классических определений Маркса). Производственные отношения и общественная структура в большинстве социалистических стран в настоящее время таковы, что внедрение передовой западной техники, в каких бы масштабах оно ни проводилось, окажется бесплодным, поскольку отсутствует способность к расширенному воспроизводству.

Поэтому для социалистических стран не существует другой альтернативы (если они не хотят окончательно потерять темп и постоянно занимать «почетное место» в хвосте развитых стран), кроме внутренней общественной модернизации, устранения всех тех средневековых страхов, от которых дрожит наше общество. Внутренняя модернизация общества невозможна без демократизации, без демократического социализма.

В этом, если говорить кратко и упрощенно, корни нашего оптимизма.

Тем не менее не следует понимать наш оптимизм так, будто мы собираемся сидеть сложа руки и ждать чего-то, вроде современных «рыцарей из Бланика»⁹, которые нас освободят.

Прошедшие пять лет очень способствовали нашему отрезвлению, привели к устранению многих наших суеверий и иллюзий.

Манна небесная, разумеется, не падет на нас. Чехословацкую проблему мы должны будем решать сами, с помощью широких европейских и других международных контактов.

Мы очень полагались на влияние и помощь западных коммунистических партий. С этой иллюзией мы распростились. Кроме Итальянской компартии и нескольких небольших партий, все коммунистическое движение подкуплено и находится в идеологической и финансовой зависимости от СССР. Оно не способно преодолеть сталинистскую сущность своей идеологии и программ, поэтому у него нет надежды на успех. Резолюции, высказывания и заявления западных компартий могут, по-видимому, тормозить или несколько смягчать худшие меро-

приятия нашего оккупационного режима, однако они не могут способствовать решению чехословацкой проблемы, а тем более решить ее.

«Новые левые» на Западе слабы, разобщены, неорганизованы. Хотя мы и должны быть им благодарны за то, что они постепенно все больше понимают наше положение и наши проблемы, а также за освещение последних в печати, тем не менее нельзя реально ожидать от них ни спасения, ни защиты.

Энергетический кризис лишил нас еще одной иллюзии, будто западные правительства заинтересованы в решении чехословацкой проблемы, будто они могут ее решить или хотя бы существенно этому поспособствовать. Неспособность западных правительств бороться с нефтяным кризисом, отсутствие у них единства перед лицом общей опасности, неспособность выработать альтернативные решения и объединиться для преодоления энергетического кризиса и, что немаловажно, возрастающая зависимость западного мира от энергетических источников на Востоке доказывают, что западные государства не только не способны выйти за рамки общих декларативных заявлений и решить чехословацкую (или шире: восточноевропейскую) проблему, но они в ее решении и не заинтересованы.

Остается последний внешний фактор — Китай. У нас с ним нет ни общей границы, ни общей идеологии. Мысль о китаизации нашей страны кажется еще более страшной, чем переживаемая нами насильственная советизация. Несмотря на это, однако, за последний год из Китая все чаще раздаются голоса, поддерживающие борьбу чехов и словаков за суверенитет и независимость, осуждающие советскую неокOLONIAльную политику в Восточной Европе и в особенности в ЧССР. Трезвый анализ показывает, что китайскому влиянию, очевидно, суждено сыграть наибольшую роль из всех внешних факторов, способствующих распаду советской неокOLONIAльной империи. Поэтому в конечном итоге Китай будет одним из важнейших факторов решения чехословацкой проблемы.

Однако решающими будут изменения внутри империи, в рамки которой мы входим в силу нашего исторического невезения. Нам следует подождать до более удобного случая, подождать развития процессов, происходящих в соседних государствах. Ожидание наше, однако, не должно быть пассивным. Наша деятельность может ускорить появление новых шансов, а также дать им определенное направление, причем они не должны застичь нас врасплох ни нас, ни окружающий мир.

Поэтому важно неустанно оживлять в мире чехословацкую проблему, показывать ее широкие взаимосвязи с проблемами внешнего мира и с борьбой против советской неокOLONIAльной политики.

Необходимо обдумывать программу и социалистические альтернативы развития свободной и независимой Чехословакии, чтобы быть лучше подготовленными, чем в 1968 году.

Необходимо понять, что стратегическая цель советской политики интеллектуального геноцида в ЧССР состоит в том, чтобы ослабить или уничтожить интеллектуальный потенциал страны и превратить независимость Чехословакии в несбыточный сон.

Есть лишь единственное спасение, единственный способ борьбы против такой политики: сохранить независимость мышления, развивать высокую интеллектуальную и профессиональную требовательность на всех участках нашей жизни: на производстве, в технике, в науке и культуре. Борьба за высокую требовательность и за высокий профессиональный уровень является одновременно наиболее действенной борьбой с гусаковским оккупационным режимом, который сверху до низу основан на халтуре, невежестве, моральной нечистоплотности.

Я оптимист. И мой оптимизм измеряется не неделями, не месяцами, а скорее годами. Борьба за свободную и независимую Чехословакию не будет ни легкой, ни короткой. Тем не менее история учит нас, что нет больших империй, которые существовали бы вечно. И советская империя тоже начинает трещать по швам и распадаться. Это тем более очевидно, поскольку ее владыки сами отбросили идеологию, которая скрепляла их неоднородные части. Распад советской империи не обязательно будет носить характер катастрофы; он мог бы произойти путем внутренних трансформаций и реформ, хотя нынешние руководители делают все, чтобы этот второй путь стал невозможен.

В наше время — время быстрых общественных и технических перемен, когда история ускоряет свой темп, — нет повода для опасений, что наш нынешний советский протекторат мог бы просуществовать столетия; пожалуй, не более десятилетий, но скорее всего только годы. В своем сегодняшнем виде СССР не доживет до 1984 года.

Поэтому стоит жить и что-то делать для новой жизни.

Публикуется по: Иностранная литература. 1990. № 4. С. 231–234.

Из письма Александра Дубчека¹⁰

28 октября 1974 г. Братислава
 «<...> Главное, что побудило меня написать это письмо, это то, что социалистическая демократия и законность попираются... Тоталитарный режим, система личной власти порождают атмосферу, благоприятную для злоупотреблений властью отдельных лиц или групп, для подавления принципов внутривластной демократии и демократического централизма; мнение большинства игнорируется и открывается широкое поле деятельности для злоупотребления властью и руководящим положением органов вооруженных сил, и прежде всего Министерства внутренних

дел, чье положение ставит их над остальным обществом. Сплетенная ими паутина покрывает даже суды и прокуратуру, давно потерявшие свое настоящее лицо и забывшие о своем назначении. Они полностью зависят от Министерства внутренних дел. Без независимости суда невозможно говорить о законности. По-настоящему трагично, что подобное происходит в социалистическом государстве. У меня есть все основания делать подобные выводы. Я не пишу это лишь для того, чтобы защитить себя. Я обвиняю именем всех тех, кто полностью отдан во власть этой почти невидимой и потому тем более страшной паутины».

Примерно треть письма Дубчек отводит подробному описанию того, какими способами, с помощью каких людей и автомашин Министерство внутренних дел осуществляло в течение последнего года наблюдение за каждым его шагом.

«Будь то Первое Мая или годовщина Словацкого Национального восстания, будь то пражский праздник урожая или любое другое событие, руководители партии с высокой трибуны справедливо требуют свободы для патриотов Чили и генерального секретаря Корвалана. Но как звучат подобные призывы в свете того, о чем я говорил? Ведь это происходит в социалистическом государстве, руководимом коммунистами, по отношению к другим коммунистам, интернационалистам и патриотам собственной страны и собственной партии! Будь это со мной одним, я не стал бы, вероятно, об этом писать. Но это — неотъемлемая часть системы личной власти. И это делается по отношению к сотням тысяч коммунистов с целью упрочить и закрепить старые, осужденные партией и коммунистическим движением методы, уже принесшие этому движению столько вреда. Период после августа 68-го года отличается именно тем, что под предлогом борьбы против того, что сектанты называли контрреволюцией, возникла ситуация, которую использовали, чтобы ликвидировать политическую линию, выработанную ЦК КПЧ, правительством и Национальным Фронтом. Именно это послужило причиной терроризирования не только бывших активных деятелей партии, правительства. Национального Собрания, революционного профсоюзного движения, молодежи, женского движения, антифашистских союзов Сопrotивления, организаций культуры и искусства и других частей Национального Фронта, но и сотен тысяч рядовых членов партии и самих этих организаций. Более того, официальная линия руководства партии угрожала и угрожает их социальному существованию и их гражданским правам. Официально это называется последовательным воплощением ведущей роли партии, обновлением ее влияния и ее роли в обществе. Я подчеркиваю это умышленно, потому что уже на октябрьском заседании ЦК КПЧ в 67-м году было официально признано (а потом на январском и других Пленумах 68-го года подтверждено), что партия теряла свое влияние именно вследствие нарушения ленинских

норм и принципов партийной работы и таким образом оказалась в глубоком кризисе. Простое логическое рассуждение дает возможность понять, что же именно „обновились“ <...>

Ни у МВД, ни у партийных органов не было причин преследовать меня. Я был занят работой механика государственного лесоводства и все остальное время посвящал семье и личной жизни. Но это ничего не меняло. Психологическая и общественная война продолжалась дальше, продолжалась целые годы. Мой „грех“ был признан наследственным — всех моих родственников постигла та же участь.

Должен сказать, что некролог на смерть товарища Йозефа Смирковского я написал с горечью, под горячую руку, потому что короткую телеграмму с известием о его смерти пражские власти задержали. В час его кончины я не мог молчать, ведь даже похоронить его было некому. Насколько мне известно, официальная печать по сей день не сообщила о том, что товарищ Смирковский умер. Следствием этого выражения соболезнования было пятичасовое „собеседование“ в Министерстве внутренних дел с представителями Федерального и Словацкого МВД. Но я не мог поступить иначе. Я и сегодня не отказываюсь от этого письма.

Заключительная его часть, в которой я говорю о *системе* личной власти, вызывает основные возражения и, мягко говоря, отвергается. Но мое письмо является ясным свидетельством существования такой системы, является моральным ее обвинением. С одной стороны, происходит использование определенной части органов Государственной безопасности и злоупотребление их властью для проведения в жизнь вышеупомянутой противозаконной деятельности, а с другой — внутри самих этих органов известные силы пытаются полностью взять под контроль политическую и общественную жизнь. Эти элементы вооруженной власти чувствуют себя призванными направлять свою деятельность против внутреннего „врага“ в самой партии. Не только моя лесотехническая станция, но и все наше общество опутано паутиной наблюдения, нашпиговано осведомителями. Это ведет к отмиранию основной функции партии и подменяется управлением через принуждение, парализует ее деятельность и политическую работу. Это, конечно, гораздо проще, но зато гораздо вреднее для социализма и не только в одной Чехословакии. В партии, лишенной возможности свободной дискуссии и постоянного действенного контроля, и даже в самых высших ее инстанциях, неизбежно возникает коррупция. Страх за источник существования заставляет многих членов партии поддерживать решения, с которыми они не согласны. Двуличие становится повальным: люди ведут себя по-одному — на собраниях и по-иному — дома, среди друзей. Расцветает подозрительность, лицемерие и доноительство. В подобной ситуации невозможно создать в партии *демократи-*

ческое большинство, и потому в ней нет и не может быть внутреннего движения, внутренней силы, позволяющих двигаться вперед».

Далее А. Дубчек пишет, что при отсутствии демократии руководство партии не имеет права утверждать, что выводы, содержащиеся в «Уроках кризисного развития», являются правильными и признаются правильными партией и обществом. Согласно с заключениями и выводами «Уроков» обществу внушается, диктуется. Те, кто не поддаются, объявляются врагами и изменниками.

«Мы приобрели уже достаточно опытности, чтобы понимать, что марксизм-ленинизм не является слепой догмой, учебником или азбукой, которая предписывает *один и тот же рецепт* и способ действия для всех коммунистических партий, независимо от того, где это происходит, на какой степени развития, в какой исторической, экономической ситуации, в каких условиях. Известно, что марксизм-ленинизм — это *руководство* к действию той или иной коммунистической партии, содержащее в то же время универсально верные обобщения и научные выводы. Я говорю об этом только потому, что мне тяжело переносить, когда меня бросают в одну кучу с продажными изменниками партии потому лишь, что я, как многие другие, видел иначе, нежели сегодняшнее руководство партии, как проводить политику партии на данной ступени развития, и избирал другие методы разрешения трудностей и преодоления препятствий в партии и в обществе. В условиях социализма и социалистического строительства, особенно на сегодняшнем уровне развития и с учетом истории нашего рабочего класса и социалистического движения, нельзя добиваться согласия с политикой партии и определять правильность ее решений, применяя силу, в особенности вооруженную; и уж во всяком случае призывая эту силу извне, как это было в августе 1968 года».

Далее А. Дубчек, несмотря на все преследования, которым он подвергался, снова формулирует свою политическую платформу, так же, как он формулировал ее в конце 1969 г.

«Я снова так же, как перед ЦК КПЧ, хочу сказать, что выход из кризиса партии и общества был найден после января 68-го года в политике, возникшей как следствие длительного кризиса, начавшегося в пятидесятых годах и достигшего своей кульминации в шестидесятых. Вмешательство в августе 68-го года лишь углубило кризис и наполнило его новым качественным содержанием. Но линия, которая постепенно привела к „Урокам“, однако, не была выходом из этого состояния. Выходом из критической ситуации, возникшей после августа, была ноябрьская резолюция ЦК КПЧ 68-го года. Я сказал тогда и повторяю это и сегодня, что я не мог и не хотел идти дальше, выходить за рамки этой резолюции. Я открыто сказал на осеннем заседании ЦК КПЧ в 69-м году (когда Секретариат ЦК предлагал фактически ликвидировать эту

резолуцию), что за ее пределами я вижу опасность глубокого распада партии и общества.

Поэтому против меня и других было сфабриковано обвинение „в измене партии, рабочему классу и народу“. В глазах нового руководства я представлял собой угрозу существованию социализма, социалистического содружества и попыткам консолидации. Я убежден, что ноябрьская резолюция 68-го года, в отличие от выводов январского, апрельского и майского пленумов ЦК КПЧ, *которая возникла как следствие августа, была ближе всего к возможности политического объединения абсолютного большинства партии и общества и давала возможность вывести партию из нового кризиса, который вызвали, как это сегодня уже ясно, фракционеры, желающие с помощью военного вмешательства аннулировать сами основы январской политики ЦК КПЧ.*

Ноябрьская резолюция не аннулировала политику ЦК КПЧ после января 68 г. и „Программу действий“, как это делало руководство партии в „Уроках“. Эта резолюция указывала на правый оппортунизм, но также и на сектантство, которое является не чем иным, как оборотной стороной оппортунизма. Но в то же время признавала как факт официальную политику ЦК КПЧ. Насколько я знаю, с этой резолюцией были согласны в ЦК КПЧ и те, кто потом ее полностью отвергал, так же, как и всю „Программу действий“. В новых условиях, и особенно после апрельского пленума ЦК КПЧ в 69-м году, сектантство постепенно стало главной опасностью для поянварской политики. Новое руководство партии взяло себе в союзники для выработки политики сектантский оппортунизм, с которым оно вскоре и слилось. Именно на основе сектантства и догматизма, прикрываясь борьбой против „правого оппортунизма и контрреволюции“, новое руководство партии *ликвидировало ноябрьскую резолюцию как политическую основу, как платформу объединения (в новых, послеавгустовских условиях) и встало на путь разделения, уже на новой сектантской и догматической основе, с целью аннулировать поянварскую политику ЦК КПЧ и ее принципы.* Этот путь логически вел к тому, что в их понимании представителями оппортунизма стали не силы, оппозиционные по отношению к поянварской политике ЦК КПЧ, но само руководство партии и страны, его официальная политика, основанная на реальной оценке собственной внутренней ситуации и поисках выхода из кризиса шестидесятых годов, основанная на равноправном сотрудничестве в рамках Совета Экономической Взаимопомощи и на уважении наших союзнических обязательств в рамках Варшавского договора.

И неужели на этом должна учиться Коммунистическая партия Чехословакии, наше молодое поколение? На этом должны учиться коммунисты Югославии, Италии, Франции, Испании, Швеции или Бельгии и Финляндии и другие партии международного коммунистического и

рабочего движения? Или на этом должны учиться коммунисты стран Варшавского договора, войска которых, кроме румынских, были употреблены, или вернее которыми злоупотребили для известных целей. Ведь в критические и трагичные дни августа органы Государственной безопасности не арестовали *ни одного* контрреволюционера. Однако, они задержали большую часть руководства Коммунистической партии, правительства, Национального Собрания и Национального Совета Чехии. Если вторжение армий стран Варшавского договора действительно произошло по приглашению *самозванной группы* чехословацких представителей, как утверждалось в официальном советском сообщении, то я могу лишь назвать подобные действия, мягко выражаясь, фракционной деятельностью, а последствия этих действий — позором, оскорблением, *моральным и идеологическим унижением* Коммунистической партии Чехословакии, чешского и словацкого народа. *Да, унизили и оскорбили всю партию, чешский и словацкий народы.* Этим был нанесен, хотели они этого или нет, тяжелый удар коммунистическому и социалистическому движению в мире. Этим были глубоко подорваны отношения между чешским и советским народами; отношения, имеющие старую традицию и окрашенные глубокой благодарностью за наше освобождение. Можно только сожалеть о том, что было осквернено имя многих основателей и представителей партии, друзей Советского Союза и коммунистов младшей генерации, известных антифашистов, деятелей народно-освободительного движения и преданных работников социалистического строительства, которые не только понимают, но которые на деле доказали свое отношение к нашей партии и Советскому Союзу и которых, несмотря на это, десятками, сотнями и тысячами клеймили как антисоветские элементы и которым был нанесен урон моральный, социальный и просто бытовой — в том самом социалистическом государстве, которому они отдали значительную часть своей жизни. Большие моральные и идеологические ценности исчезают сегодня в области культуры, искусства, творчества и в особенности в деятельности рабочего класса. Это не что иное, как *реваниш* за январь и его принципы, *реваниш* сторонников догматического подхода к проблеме социалистического развития и сторонников системы личной власти — тех, кто предпочитает подавлять силой демократические элементы в марксизме-ленинизме. И отнюдь не из „Уроков“, которые были провозглашены политической платформой теперешнего руководства партии, можно вывести уроки для оценки критического развития в нашей партии и обществе или уроки для будущего. Все это может иметь только один результат: *моральный и идеологический застой нашего общества и деградации человеческой личности».*

Дальше Александр Дубчек приводит доказательства, что он и ряд других членов руководства партии были исключены именно потому,

что последовательно стояли на позициях ноябрьской резолюции ЦК КПЧ 1968 г. и отказались заменить принципы постьянварской политики иными принципами.

«Речь идет о *двух взаимоисключающих линиях* в осуществлении политики партии: линии апреля 68-го года и линии апреля 69-го. Нынешняя линия победила, но недоверие к ней и сопротивление, которое она вызывает, объясняются, помимо прочего, тем именно, что победы своей она добилась не политическими средствами, как пытается утверждать нынешнее руководство, а путем насилия».

Дубчек замечает:

«Я должен подчеркнуть, что именно как полная противоположность этому, истинно политическими формами и методами, в борьбе идей родилась послеянварская политика: от октябрьского пленума 67-го года, через январский пленум 68-го, через программу апрельского пленума и майский пленум ЦК КПЧ, хотя в столь краткое время не было возможности доработать все. Но то, что происходило, происходило перед лицом всей партии и всего народа и при их активном участии. Именно поэтому народ был на стороне руководства партии и страны и защищал эту линию, считал все происходившее своим собственным детищем. К этой линии привел послеянварское руководство партии весь путь предыдущего развития нашей партии и социалистического строительства. Налицо были явные успехи, которыми наш народ по праву гордился, потому что это были результаты его труда. И трудно преуменьшить эти успехи. Даже если мы оглянемся назад и увидим, что имели место и большие недостатки, и деформации, в результате которых страна не могла достичь таких успехов в народном хозяйстве, политическом воспитании, в области искусства и творчества, какие предоставляет социализм и власть народа. Собственно, основой послеянварского развития и послеянварской политики партийного руководства было и остается глубокое противоречие между развитием производственных сил и системой руководства, организацией и системой политической власти. Главное — это полнее использовать возможности, которые предоставляет нашему обществу социализм. Главное — избавить социализм от деформации и односторонности при теоретическом и практическом воплощении принципов марксизма-ленинизма, которыми сегодня субъективистски манипулируют, чтобы оправдать теперешнее развитие событий, поднимая на щит одно и подавляя другое. Послеянварская политика ЦК КПЧ не пересматривала сущность марксизма, как утверждают сегодня на внутреннюю и международную потребу, а выявила до тех пор забытые аспекты марксизма-ленинизма и начала проводить демократизацию политической системы. Это должно было послужить основой на пути завершения социалистического строительства в нашем обществе. Наше общество было и есть к этому готово всем предыдущим развитием».

Далее А. Дубчек замечает, что «раньше или позже, постепенно или нет, — придется решать противоречия сегодняшнего кризиса». Это так же необходимо, как необходимо оказалось сегодня широко сотрудничать с несоциалистическим миром, который еще так недавно многие называли империалистическим врагом. «Гораздо более реален путь мирного сотрудничества и сосуществования и попытка на этой основе доказать народам мира притягательную силу социализма. Наклейка „ревизионисты“ абсолютно несправедлива по отношению к партийному руководству КПЧ 68-го года. Это просто отпугивающий ярлык, подобный тому, что давала когда-то церковь своим врагам, называя их еретиками. <...>

И сейчас я продолжаю отвергать обвинения всевозможных видов и выводы теперешнего руководства о ревизии ленинских принципов партийного строительства. Послеянварское руководство партии лишь применяло в теории и на практике ленинский принцип внутрипартийной демократии, без которого о партии нового типа не может быть и речи. Этот основной принцип жизни и творческого подхода партии к исполнению своей миссии подавлялся до января 68-го года. Сегодня это происходит снова. Поэтому кризис в партии все углублялся, и руководство при выработке линии социалистического строительства впадало в серьезное противоречие с основной массой членов партии, трудящихся, молодежи и студенчества, профсоюзов и женского движения. Членов партии нельзя рассматривать как слепую массу и сводить руководство к тому, что ей дается сверху уже разжеванная каша, которую она должна лишь проглотить. Партия и ее руководство сильны лишь тогда, когда способностью видеть наделены не только они, но и рядовые члены. Несогласие с новой линией в момент ее выработки или несогласие с формулировками нельзя рассматривать как антипартийную позицию и тем более нельзя за это членов партии наказывать; и уж совсем бессмысленно наказывать их ухудшением условий жизни, как это делает теперешнее руководство партии при выработке, а потом при навязывании нового внутривластного курса. Это не политический путь, это *насилие* по отношению к партии и насилие над обществом».

Однозначно и коротко (потому, что «унизительно вообще на это реагировать») отмечает Дубчек обвинение в «реставрации капитализма» в послеянварский период 1968 г. Речь шла лишь о проведении в жизнь давно подготовленных экономических реформ и в руководстве промышленностью, которые должны были усилить материальную заинтересованность предприятий, коллективов и отдельных трудящихся. Это должно было послужить развитию всего народного хозяйства и инициативы трудящихся масс. Вопреки тому, что утверждают сегодня, реформа не была направлена против государственного планирования,

но против навязанных сверху директивных указаний, удушающих всякую производственную инициативу предприятий и отдельных трудящихся. Что касается сельского хозяйства, «не было ни единого случая нарушения общественного хозяйствования в кооперативах, не было и попыток такого нарушения». Говоря о частном предпринимательстве, Дубчек добавляет: «Тогдашнему руководству ГДР почему-то не мешала обширная предпринимательская деятельность ремесленников и отдельных частников у них дома, но мелкая торговля и ремесло в Чехословакии были „отказом от социализма“. Что же в этом социалистического, если у вас протекает водопровод и некому его починить?». Больше всего внимания Дубчек дальше уделяет ложному утверждению, что послеянварская политика КПЧ была направлена на отторжение Чехословакии от содружества социалистических стран.

«Среди обвинений, содержащихся в документе, называемом „Уроки“, и высказываемых нынешним руководством партии, наиболее нелепым является обвинение в том, что существовали якобы планы отторгнуть нашу страну от социалистического содружества. Это стало частью обязательной программы любого собрания — скажем, работников коммунального хозяйства по поводу улучшения обслуживания или на промышленных предприятиях по поводу повышения производительности труда или технического развития. Это так вколачивается людям в голову, что, в конце концов, эта основная мысль нашей внешней политики обращается в собственную противоположность. Неужели никто этого не замечает? Думаю, что замечает, но формализм и показуха настолько стали нормой, что сказать что-нибудь против — означает быть обвиненным в антисоветизме. Я не решаюсь назвать это явление именем, которого оно заслуживает, и указать на последствия, которые эта демагогия, желающая создать ложное впечатление, что „заклейменные“ были против сотрудничества с социалистическим лагерем, имела и будет иметь, и на урон, который она уже нанесла делу интернационализма в нашей стране. Да, я утверждаю, что когда из революционеров-коммунистов, борцов и строителей социализма сознательно и целеустремленно делают „антисоветские элементы“, то это само по себе плодит антисоветизм.

Я мог бы привести имена известных революционеров, основателей партии, деятелей искусства, академиков, партизан, участников сопротивления внутри страны и за рубежом, писателей, работников театра и музыкантов и конкретными примерами подтвердить мое обвинение. Но где взять достаточно времени и места, чтобы составить полный список имен тех, кто был умерщвлен политически и творчески? Если это выразить цифрами, то это будут тысячи, десятки тысяч и сотни тысяч преданных борцов за освобождение республики, боровшихся бок-о-бок

с советскими солдатами и партизанами, борцов за социалистическое строительство, коммунистов и некоммунистов. Из них больше чем полмиллиона сегодня — исключенные из партии коммунисты, которые обвинены в антисоветизме. Если уж такие люди публично, на глазах тех, кто их окружает, объявляются антисоветчиками, то какие другие последствия это может иметь, кроме распространения антисоветизма в сознании других членов партии и всего нашего общества? Это распространяет антисоветизм тем шире, чем больше применяются методы насилия, навязывающие форму и содержание политики и не отвечающие сегодняшней степени развития и сознания масс, методы, изжившие себя и уже отвергнутые. Сегодня так же, как и в те дни, когда писалась „Программа действий“, я убежден (и полагаю, что так же думают и другие представители послеянварской политики партии и правительства), что ЧССР не только не может основывать свою политику на разрыве с социалистическим сотрудничеством, но, напротив, жизненно в нем нуждается, особенно в сотрудничестве с Советским Союзом, что было и будет основой внешней политики Чехословакии. Поэтому я категорически отрицаю все попытки обвинить ЧССР в желании выйти из сотрудничества социалистических стран, все фальшивые обвинения в антисоветизме, выдвинутые в мой адрес и в адрес моих товарищей, которые вместе со мной создавали и пытались осуществить программу послеянварской политики партии, правительства и Национального фронта... Мы не были ревизионистами и в области нашей внешней политики. Мы только хотели быть более активными равноправными партнерами социалистических стран и при этом сохранять право каждой партии решать свои внутренние дела в соответствии с потребностями общества и волей народа. Я не отрицаю, что в „Программе действий“ в том, что касается отношений с Федеративной Республикой Германии, мы указали на необходимость поддержки прогрессивных и антифашистских (пусть и некоммунистических) сил и течений. Я не скрываю, что мы имели в виду и социал-демократов, и особенно попытку Вилли Брандта выработать новую внутреннюю и внешнюю политику. Это вызвало явное сопротивление тогдашнего руководства партии ГДР. Кроме того, мы имели в виду ориентацию на сотрудничество с некоммунистическими левыми партиями. Деятельность коммунистических партий Италии, Франции, Испании и других, легализация компартии в ФРГ и победа (а потом и поражение) социалистов Чили, которые включили в правительство коммунистов, — все это лишний раз подтверждает, что сегодняшнее развитие социалистического движения не может обойтись без такого сотрудничества. Действительность говорит о том, что главной силой, препятствующей наступлению реваншистов и фашистов в ФРГ, являлась политика, проводимая Брандтом. Сама жизнь это полностью подтвердила».

Далее Александр Дубчек заявляет, что он далек от того, чтобы обвинять нынешних руководителей Чехословакии в предательстве и называть их врагами социализма подобно тому, как они обвиняют его и других своих предшественников. Тем не менее, он считает политику нынешнего руководства неправильной и очень вредной для партии и для обязательств Чехословакии в отношении ее союзников.

«Я заявляю свое несогласие и обвиняю их в моральном насилии, в недемократических методах, навязывании собственных концепций, необоснованность и ошибочность которых убедительно доказывают шесть последних лет. Каким критериям должен отвечать коммунист, по мнению нынешних руководителей партии, чтобы считаться марксистом-ленинцем и не быть исключенным?»

1. Согласие с действиями группы, призывавшей в страну войска пяти стран Варшавского договора.

2. Согласие с исключением из партии ревизионистского и оппортунистического руководства партии во главе с А. Дубчеком.

3. Признание официальной послеянварской политики и „Программы действий“ оппортунистическими и ревизионистскими.

4. Согласие с нынешней линией, опирающейся на „Уроки“, с линией, которая, в отличие от послеянварской, является истинно „марксистско-ленинской“, а ее создатели — истинными „марксистами-ленинцами“.

Кто согласен с этим, тот находится на „марксистско-ленинских“ позициях, а кто нет — тот является противником интересов партии и оппортунистом... Насильное и целенаправленное исключение из производственного и творческого процесса великого множества высококвалифицированных работников, которые проявили и проявляют взгляды, отличные от взглядов теперешнего руководства партии, нанесло большой ущерб стране сегодня и нанесет еще больший в будущем. Особенно глубоко задета творческая интеллигенция. Связаны руки у тех, кто может творить и писать, у тех, кто мог бы еще сегодня создавать ценности социалистического творчества и доказал это в прошедшие годы, но чьи условия жизни сейчас стали невыносимы. Я думаю, что нанесен большой моральный урон рабочему классу и его ведущей роли в обществе. Я рад был бы ошибиться, но считаю, что наш рабочий класс — самая серьезная сила и носитель власти в социалистическом государстве — чувствует, что им манипулируют. У рабочего класса отнято то, в чем он видел прогресс, движение вперед, ему была навязана другая платформа. Участие масс в делах общества и государства сведено к минимуму; если оно вообще еще существует. Самым серьезным последствием сегодняшней политики я считаю то, что народ потерял возможность свободно, без страха говорить о политике партии и решать дела общества.

Я вынужден констатировать, что нынешнее руководство уничтожило важные общественные ценности, но не смогло разрешить ни одного из противоречий, вызвавших кризис в партии и обществе в шестидесятых годах, не в 68–69-м годах, а до 68-го года».

Дальше А. Дубчек замечает, что в официальных речах выражается удовлетворение по поводу того, что народ работает и план выполняется. «Однако люди работали и план выполнялся и раньше, в любой другой период нашего развития (о качественной стороне выполнения плана, однако, ничего не говорится). В конце концов, и в капиталистических, западных странах рабочие, крестьяне и интеллигенция так же трудятся, и достаточно известно качество и продуктивность их труда и их жизненный уровень, и тем не менее они борются за социальную справедливость и за свои права. Уже давно известно, что не хлебом единым жив человек. <...>

Партия, которая хочет вести за собой людей, должна думать не только о результатах их труда, она должна думать о творческом развитии всех возможностей общества, о том, чтобы человек в обществе гармонично и всесторонне развивался, имел возможности для полного самовыражения».

Как заклинание, пишет Дубчек, повторялись слова, что «вредные последствия» чего угодно «мы видели в 68–69-м годах». Но если бы не было уже перед 68-м годом глубокого кризиса, зачем понадобилось бы движение, приведшее к январю 68-го года и ко всей поянварской политике? Так называемой «консолидацией» теперешнее руководство не вывело ни страну, ни общество из этого кризиса. «Наоборот, мы вернулись ко временам до 68-го года, но в состоянии, в котором наша партия еще никогда в своей истории не была. После апреля 69-го года партия не только не вывела из кризиса себя и общество, но очутилась в новом кризисе, глубину и возможные последствия которого она пока что даже и не может предвидеть».

Дальше Дубчек полемизирует с теми, кто считает, что «подрыв социализма — это дело империалистической буржуазной пропаганды». Эта пропаганда лишь последовательно использует ошибки и недостатки, существующие в социалистических странах. Преодолеть действенность этой пропаганды можно лишь тем, что преодолеются причины и источники тех явлений, которые она использует в своих целях. Тезис о подрыве социализма буржуазной пропагандой — вредный тезис, потому что он «отвлекает внимание партии и социалистического государства от борьбы с собственными недостатками, ошибками и искажениями и от тех внутренних причин, которые являются главными и решающими».

Дубчек недвусмысленно заявляет о своем признании универсальной правильности главных принципов марксизма-ленинизма и теории

социалистической революции для всех стран мира, защищает необходимость связей с Советским Союзом, с социалистическими странами и с международным коммунистическим и рабочим движением.

Он пишет дальше: «Я могу себе представить те серьезные последствия, какие игнорирование вышеприведенных факторов может иметь для судеб революции. Однако, у меня есть серьезные сомнения в том, что ситуация и развитие событий в Европе и в мире, и те *новые моменты*, понимание которых приходит лишь постепенно, достаточно учитываются и принимаются во внимание. Поэтому я все настойчивее ставлю вопрос, *какой опасностью для партии и развития социализма и социалистической революции вообще может быть непринятие в расчет отличий и особенностей внутренних условий в разных странах*. По собственному опыту нашей партии и нашего социалистического строительства я делаю вывод, что налицо явная недооценка, а часто и прямое игнорирование прежде всего внутренних условий и особенностей, руководствуясь которыми каждая партия проводит свою политику. Практика социалистического строительства в различных странах убеждает нас, что нарушение этого принципа может иметь и имеет весьма тяжелые последствия для партии и общества, для отношения народных масс к партии данной страны, а также для международного коммунистического и рабочего движения... Недооценка и игнорирование именно внутренних различий в деятельности различных коммунистических партий как ведущих сил общества неминуемо ведет после победы рабочего класса к постепенному ослаблению влияния партии и ее политики на массы, к падению их инициативы и первоначального энтузиазма, а главное — к постепенной потере доброй воли, с которой массы шли в революцию и социалистическое строительство. Таким образом, руководство партии удаляется от партийной массы, линия партии — от рабочего класса и народных масс как решающего фактора власти.

...Массы перестают понимать партию и руководство партии и государства, а тем не остается ничего иного, как применять силу. Именно силой насаждается уважение к линии партии, подчинение и «образцовая дисциплина» коммунистов. На этой основе начинают развиваться нарушения ленинских норм в партии (хотя верность им при этом провозглашается), либо переоцениваются одни стороны марксизма и подавляются другие (когда праздновали юбилей В.И. Ленина, не упоминалась его работа «Детская болезнь левизны»). Так начинают применять власть к социальным носителям власти».

А. Дубчек дальше указывает на неправомерность механических аналогий между условиями Чехословакии 1968 г. и, например, в Венгрии в 1956 г. Именно здесь надо принимать во внимание ряд внутренних различий и особенностей. В Чехословакии актуальные проблемы начала

решать партия, применяя политические, демократические формы; демократическим путем было избрано новое руководство партии и государства, за которым народ пошел и которое защищал как свое руководство. Линию, намеченную в «Программе действий», народ также поддерживал. Страну охватил трудовой энтузиазм. Армия, безопасность и народная милиция поддерживали линию ЦК КПЧ и создавали силу, способную помешать каким-либо попыткам подрыва социализма.

«Принцип уважения особенностей и различий в революции и в социалистическом строительстве важен не только при проведении внутренней политики, но и в *отношениях между коммунистическими, рабочими и социалистическими партиями*. Нарушение этого принципа может вести и вело ко многим ошибкам и потерям для коммунистического, социалистического, а также народно-освободительного движения.

Разве было бы правильно, если бы мы, со своей стороны, поучали польских товарищей, как они должны проводить коллективизацию земледелия, что для нас является давно решенной проблемой, а для них нет? А если бы мы еще к тому же выдвигали предположение, что этим они сохраняют капитализм и насаждают частное предпринимательство? Нет, это не было бы правильно, потому что они лучше нас знают, почему, когда и как решать эту проблему. Одновременно я должен констатировать, что со стороны руководства Польской Объединенной Рабочей Партии не было правильным в 68-м году толкать нас на бессмысленные действия при решении наших проблем, когда у них в Варшаве в это самое время были закрыты университеты, проведен буквально разгром профессуры, кипело народное недовольство их собственной политикой, что привело к таким трагическим событиям, каким была стрельба в рабочих. Наверное, тогдашнее руководство партии в Польше думало, что, выступая против нашей политики и нашего руководства, оно решит свои собственные противоречия. Разве утверждение, что Югославия не является социалистической страной, не является достаточным свидетельством нарушения вышеприведенного принципа другими коммунистическими партиями по отношению к Союзу Коммунистов Югославии? Вот куда загнали мы их своими определениями, а они в изоляции от социалистических стран выдержали жесткий экзамен, ведя социалистическую перестройку страны.

Интересно, как бы товарищи в ГДР смотрели на то, чтобы их — сравнивая с нами — упрекали в том, что они оставили такое широкое поле деятельности для мелких ремесленников и частников? Что бы они думали, если бы их уверяли, что в этом можно увидеть потенциальную платформу для возврата капиталистического частного предпринимательства? Право решать, правильно или неправильно они действуют, должно быть их правом. Возникает вопрос: правильно ли действовало

тогдашнее (1968 года) руководство партии ГДР, когда оно оказывало давление на нашу партию и предписывало, как нам действовать, включая и наше отношение (а у них оно еще не было сформулировано четко) к политике Вилли Брандта?..

Наше простое размышление о возможности небольшого займа у какого-нибудь из развитых государств было сразу же объявлено не чем иным, как опасностью впасть в зависимость от капитализма, хотя каждому разумному экономисту должно было бы быть ясно, что эти займы только помогли бы нам обновить техническую базу. Сегодня это уже само собой разумеющееся дело — не только брать займы, но и открывать иностранные банки в социалистических странах. Хочу еще вскользь заметить, что если уж принят принцип мирного сосуществования государств с различными системами, то экономическое и техническое сотрудничество и торговля между этими государствами не только необходимы, но и неминуемы.

Если отношения между коммунистическими партиями должны быть доброжелательными и прочными, то надо *на практике уважать принцип, что решение внутренних проблем партии и страны — это внутреннее дело и исключительное право только этой партии.* Я считаю, что этот принцип надо включить в резолюцию мирового или европейского форума коммунистических партий. Основанием для его формулировки может послужить решение Правительства СССР от 56-го года.

С точки зрения вышеприведенного принципа взаимных отношений между коммунистическими партиями *фракционную политику внутри другой коммунистической партии не должны иметь права поддерживать другие коммунистические партии.* Я имею в виду действия отдельных лиц или группы, которая шесть лет тому назад создала концепцию, отличающуюся от концепции ЦК КПЧ, Правительства и Национального Собрания в том, что касается решения наших внутренних проблем, и привела к такому шагу, каким было военное вмешательство некоторых государств Варшавского договора (см. официальное сообщение советского агентства печати от 21 августа 68 г. о просьбе военного вмешательства некоторых государств Варшавского договора в дела Чехословакии). Они взяли на себя слишком большую ответственность без ведома органов, призванных принимать такие решения. Хотя они сегодня отождествляют себя с ленинизмом, они выбросили за борт его принцип демократического большинства. *Они прибегли к крайности, не имеющей прецедента в коммунистическом движении, — начиная с ареста ведущих официальных представителей с помощью тайной группы людей Госбезопасности и в Министерстве внутренних дел и кончая постепенной ликвидацией принятой народом политики и использования ситуации для насильственного навязывания собственных взглядов, которые выдаются за единствен-*

но правильные марксистско-ленинские и интернационалистические. (Ах, если б Ленин мог на время воскреснуть и увидеть, чего только не освящают его именем!..).

Сегодня они кричат на весь мир, что преданы Варшавскому договору. Это обыкновенная демагогия. Разве у нас в руководстве партии и государства существовал даже вопрос об этом, разве наше руководство нарушило этот договор? Существование Варшавского договора определено необходимостью коллективной обороны ее членов в случае *нападения на одного из них*. Наше отношение к союзническим обязательствам вместе с остальными государствами-членами, включая Румынию, выражено в общих документах, и с нашей стороны не было совершено ни малейшего нарушения. Наш интернационализм был полностью подтвержден, он был доказан фактами. Точно так же было ясно, — а сегодня это еще яснее, — что существование двух стоящих друг против друга военных группировок является большим препятствием на пути человеческого прогресса. Искусственно поднимать тогда не стоявший вопрос о Варшавском договоре — это лишний способ попытаться доказать „оппортунизм“ тогдашнего руководства партии и государства.

Кроме протеста против действий Министерства внутренних дел, я высказываю здесь и некоторые свои политические взгляды. В этой атмосфере у меня нет возможности — да я и не хочу — с кем-либо консультироваться по этим вопросам. Я пишу, как говорится, в боевом запале и знаю, что некоторые вещи надо было бы уточнить, дополнить, подобрать более точные формулировки. Однако речь не идет о том, удалось ли мне точно выразить все, что я хотел сказать, или какие-то вопросы остаются недоработанными. Это письмо надо понимать в контексте времени и ситуации, когда оно было написано. Сегодня, более чем когда-либо, я убежден в том, что *система личной власти* является комплексом политических, идеологических, организационных кадровых и других орудий и мероприятий, объединенных по принципу силы. Мало согласиться со мной. Нужно сознательно бороться с этой системой, применяя легальные, законные средства, противиться ее существованию. Именно это, хотя бы частично, мы и попытались сделать. *Ведь такая система несовместима с марксизмом-ленинизмом*. Поэтому речь идет не столько об отдельных личностях, которые проводили эту систему в жизнь (хотя и это стоит внимания) под защитой правозащитного ленинизма, которому якобы угрожали разные „реформисты“; *теоретически, организационно и политически должна быть уничтожена сама идея этого метода правления*, основанного, между прочим, на манипулировании массами и на удержании их в послушании и дисциплине, „чтобы социализму не угрожали“. *Не разоблачать этот метод, вредный для социализма* („чтобы не работать на мельницу вра-

жеской пропаганды“), — означает воспитывать, особенно в молодом поколении, опасное приспособленчество и равнодушие, поддерживать мысль, что приспособиться к неправде — значит получить выгоды для себя, пусть и за счет других, нередко и за счет близкого друга или товарища. И при социализме есть большое поле деятельности для проведения в жизнь самой идеи и конкретной защиты прав человека. Носителем этой идеи должна быть прежде всего партия, а ее руководство должно быть знаменосцем.

Я изложил здесь свои политические размышления и взгляды еще и для того, чтобы доказать, что мой случай — не для Госбезопасности. То, о чем я здесь пишу, не может быть предметом агитации при случайных встречах с работниками государственного лесного хозяйства или при уличных встречах с какими-то знакомыми, которых я вижу время от времени на речке Сенце, когда иду навестить своих родных или еду на кладбище в Угровцах, где похоронены мои родители и мой брат, как это представляют себе мои стражи, которые сплели вокруг меня такую сеть. Если их интересуют мои взгляды, они содержатся в этом письме. В том, что я эти взгляды высказал, есть, таким образом, и их заслуга. Содержание этого письма определено в основном желанием показать, что моя, и не только моя, „вина“ заключается в том, что я придерживаюсь иных взглядов на развитие нашей страны, чем те, которые выражены в „Уроках кризисного периода“; в том, что у меня другая, чем у теперешнего руководства партии, точка зрения на то, как следует преодолеть углубляющийся кризис в партии и обществе. По отношению ко мне и другим товарищам, думающим так же, как и я, с помощью органов Госбезопасности совершается несправедливость (в защиту этих органов, пожалуй, правильнее было бы сказать, что ими злоупотребляют). В связи с этим стоит упомянуть, что и президент республики не случайно имел привычку, ведя различные разговоры, прежде всего поставить на подоконники включенные транзисторы. Я думаю, это не нуждается в комментариях и говорит само за себя достаточно красноречиво.

В заключение письма хочу указать на то, что занимающаяся моим делом группа в Министерстве внутренних дел носит название „Береза“. Многозначительное с точки зрения конспирации название, потому что, например, „Дуб“ было бы уже слишком прозрачно... Да, береза дерево нежное, но очень живучее и выдерживает самые тяжкие испытания... Власть определенной группы в Министерстве внутренних дел ничем не ограничена, несмотря на существование определенных законов. Власть эта использует предоставляемые ей возможности, и я думаю, в этом есть определенная закономерность.

Паутина опутала всю жизнь нашей страны. И те, кто ее плетут, нуждаются в поддержке и оправдании. Я не могу назвать это иначе, нежели теми словами, какие это явление заслуживает: это злоупотре-

бление властью и нарушение принципов социализма и принципов партии. Это нарушение прав человека» (курсив в оригинале. — Э. 3.).

Александр Дубчек

Публикуется по: Социалистическая оппозиция в Чехословакии...
С. 93–139.

Письмо Вацлава Гавела Густаву Гусаку

8 апреля 1975 г. Прага
Доктору Густаву Гусаку,
генеральному секретарю
ЦК КПЧ

Уважаемый пан доктор!

Наши предприятия и учреждения образцово работают, труд граждан приносит заметные плоды, что сказывается в постепенном повышении их жизненного уровня, люди обзаваются домами, машинами, детьми, отдыхают, одним словом — живут.

Все это, однако, еще не обязательно свидетельствует об успехе или неуспехе вашей политики: после любых общественных потрясений люди всегда рано или поздно возвращаются к будничным делам, потому что они просто хотят жить; и делают они это в конечном счете ради самих себя, а не ради того или иного государственного руководства.

Люди, правда, не только ходят на работу, в магазины и живут своей жизнью. Они занимаются и другими делами: принимают многочисленные трудовые обязательства, выполняют и перевыполняют их; все как один участвуют в выборах и единогласно выбирают предложенных им кандидатов; активно работают в различных политических организациях; ходят на собрания и демонстрации; поддерживают и одобряют все, что следует; нет даже намека на малейшее несогласие с тем, что принимает правительство.

От этих фактов уже нельзя просто отмахнуться; тут уже уместно всерьез задаться вопросом: не подтверждает ли все это, что Вам удалось успешно выполнить задачу, которую поставило перед собой ваше руководство, то есть заручиться поддержкой населения и консолидировать страну?

Ответ зависит от того, что мы подразумеваем под понятием «консолидация».

Если взять в качестве единственного критерия различные статистические данные, официальные сводки или полицейские донесения о политической активности граждан и тому подобном, то, конечно же, вряд ли можно сомневаться в том, что у нас имеет место консолидация.

Но что если мы будем понимать под консолидацией нечто большее, а именно реальное внутреннее состояние общества? Что если мы станем интересоваться также и другими вещами, более тонкими и не столь легко поддающимися учету, но ничуть не менее важными, а именно тем, что на самом деле кроется за всеми этими данными с точки зрения личного человеческого опыта? Что если задаться и такими вопросами, как, например: что было сделано для нравственного и духовного возрождения общества, для развития истинно человеческих граней жизни, для того, чтобы поднять достоинство человека на более высокую ступень, чтобы он действительно свободно и по-настоящему реализовал себя в мире? Что обнаружится, если мы переведем взгляд с чисто внешних проявлений на цепь их внутренних причин и следствий, их связей и значений, короче говоря, на тот потаенный уровень действительности, на котором эти явления только и получают некий общий человеческий смысл? Можем ли мы и в этом случае считать, что наше общество консолидировано?

Осмеливаюсь утверждать: нет. Осмеливаюсь утверждать, что вопреки всем привлекательным фактам внутренне наше общество не только вовсе не консолидировано, но наоборот, погружается во все более глубокий кризис, который в чем-то даже опаснее всех тех кризисов, какие памятны нам по нашей новейшей истории.

Попытаюсь обосновать это мое утверждение.

Главный вопрос, каким при этом следует задаться, таков: почему люди ведут себя именно так, как ведут; почему они делают все то, что в итоге создает привлекательное впечатление поголовно единого общества, поголовно поддерживающего свое правительство? Думаю, что каждому непредвзятому наблюдателю ясно: на это их толкает страх.

Из страха потерять место учитель в школе учит вещам, в которые не верит; из страха за свое будущее ученик их повторяет; из страха, что он не сможет продолжать учебу, молодой человек вступает в Союз молодежи и, будучи его членом, делает все, что от него требуют; из страха, что сын или дочь, поступая в институт, не наберут необходимого количества баллов при существующей чудовищной политической системе оценок, отец соглашается занимать различные должности и «добровольно» делает то, что от него хотят. Из страха перед возможными последствиями люди участвуют в выборах, избирают выдвинутых кандидатов, притворяясь, что считают этот ритуал настоящими выборами; из страха лишиться средств к существованию, положения в обществе и испортить себе карьеру они ходят на собрания и голосуют за все, что велено, или молчат; из страха они подвергают себя унижительной процедуре самокритики, публично каются и неискренне заполняют массу унижительных анкет; из страха, что кто-нибудь донесет, они не выражают прилюдно, а часть даже и в семье, свои истинные взгляды. Лишь

из страха перед ухудшением материального положения, из желания повысить свое благосостояние и понравиться начальству трудящиеся в большинстве случаев принимают всевозможные производственные обязательства; из тех же соображений они часто создают бригады социалистического труда, наперед зная, что их главная цель — это чтобы о них отрапортовали наверху. Из страха люди ходят на различные официальные торжества и демонстрации. Из страха, что им не дадут работать, многие ученые и деятели искусств заявляют о своей приверженности идеям, в которые они на самом деле не верят, пишут то, чего не думают или что заведомо считают ложью, вступают в официальные организации, участвуют в работе, о смысле которой они сами невысокого мнения, или сами уродуют и портят свои произведения. В попытке спасти себя многие даже сообщают властям, что другие занимались тем, чем сами доносчики занимались вместе с ними.

Страх, о котором я говорю, конечно, нельзя считать страхом в обычном психологическом смысле, то есть некоей конкретной эмоцией: как правило, мы не видим вокруг себя людей, дрожащих от страха как осинный лист, а видим вполне довольных и уверенных в себе граждан. Речь идет о страхе в более глубоком, я бы сказал, этическом смысле, то есть о более или менее сознательном участии в коллективном чувстве постоянной и всепроникающей угрозы; об озабоченности в отношении того, что поставлено или может быть поставлено под угрозу; о постепенном привыкании к этому ощущению угрозы как главной составляющей окружающего мира; о все более масштабном, естественном и искусном овладении различными формами внешнего приспособления в качестве единственного эффективного способа самозащиты.

Разумеется, страх — не единственный «строительный материал» современной структуры общества.

Тем не менее он остается основным, фундаментальным материалом, без которого бы никогда не могли быть достигнуты то показное единение и то дисциплинированное единодушие, на которых базируются официальные документы, говоря о консолидации.

Возникает вопрос: чего, собственно, люди боятся? Судебных процессов? пыток? Лишения имущества? Депортации? Казней? Конечно, нет: эти жесткие формы давления власти на граждан, к счастью (во всяком случае у нас), ушли в прошлое. Ныне такое давление имеет более рафинированные и утонченные формы, и хотя до сих пор проводятся политические процессы (кто не знает, что их организует и направляет власть?), они представляют собой уже лишь крайнюю меру, главный же упор перенесен в область экзистенциального давления. Это, впрочем, не слишком меняет сути дела: известно, что значение всегда имеют не столько абсолютные, сколько относительные размеры угро-

зы; важнее не то, что человек объективно потеряет, а скорее то, какую это играет для него — в масштабах мира, где он живет, с его иерархией ценностей — субъективную роль. Иными словами, если, например, сегодняшний человек боится, что ему не дадут работать по специальности, этот страх может быть таким же сильным и может толкать его на такие же поступки, как когда человеку в других исторических условиях грозила конфискация имущества. При этом метод экзистенциального давления в каком-то смысле даже более универсален, так как у нас нет ни одного человека, которого нельзя было бы экзистенциально (в самом широком смысле слова) ущемить; каждому есть что терять, и поэтому у каждого есть причина для страха. Спектр того, что человек может потерять, богат: это и разнообразные привилегии правящей верхушки и все особые блага, связанные с обладанием властью, это и возможность спокойно трудиться, продвигаться по службе и зарабатывать, возможность вообще работать по специальности или возможность учиться, это, наконец, возможность пользоваться наравне с другими гражданами хотя бы ограниченными правовыми гарантиями и не попасть в тот слой, в отношении которого уже не действуют законы, писанные для прочих, то есть в число жертв чехословацкого политического апартеида. Да, у всех есть что терять, даже последнего разнорабочего можно перевести на худшее, более низкооплачиваемое место, и даже он может жестко поплатиться, если на собрании или в пивной честно выскажет свое мнение.

Эта система экзистенциального давления, охватывающая все общество и каждого отдельного гражданина, в виде ли конкретной ежедневной угрозы или просто в качестве ее возможности, однако, не могла бы успешно функционировать, если бы не имела — точно так же, как преодоленные ныне более жесткие формы давления, — естественной опоры в той силе, которая обеспечивает ей универсальный, комплексный характер и власть: в вездесущей и всемогущей государственной полиции. Этот чудовищный паук оплел все общество своей невидимой паутиной; это есть та крайняя точка, в которой в конце концов пересекаются все векторы страха, последнее и неопровержимое свидетельство безнадежности любой попытки граждан бороться с государственной властью. И хотя большинство людей эту паутину обычно не видит и не может ее потрогать, даже самый что ни на есть рядовой гражданин хорошо о ней знает, каждый миг и на каждом шагу помнит о ее незаметном присутствии и соответственно себя ведет так, чтобы в лучшем виде предстать перед ее незримыми ушами и глазами. И он знает, почему: для того чтобы этот паук ворвался в его жизнь, вовсе не обязательно попасть прямо к нему в лапы. Человека не обязательно должны допрашивать, предъявлять ему обвинение, судить

его и подвергать наказанию, ведь его начальство тоже оплетено этой паутиной, и каждая инстанция, решающая его судьбу, так или иначе сотрудничает или обязана сотрудничать с государственной полицией. Поэтому уже тот факт, что государственная полиция может в любой момент вторгнуться в жизнь человека и от такого вторжения нет никакой защиты, ведет к тому, что его жизнь теряет часть своей естественности и подлинности и превращается в вечное притворство.

Итак, в основе стремления человека защитить себя и сохранить то, что у него есть, лежит страх; главной же движущей силой его желания приобрести то, чего у него пока нет, становится, как мы чаще всего наблюдаем, эгоизм и карьеризм.

Едвали когда в последнее время общественная система так откровенно и беззастенчиво предоставляла случай проявить себя людям, готовым в любое время поддержать что угодно, если это сулит им пользу; людям беспринципным и бесхребетным, могущим ради жажды власти и личной выгоды сделать что угодно; лакеям по натуре, готовым пойти на любое самоуничтожение и когда угодно принести в жертву свою честь и своих ближних, чтобы подольститься к сильным мира сего. В этих условиях не случайно, что столько общественных и властных функций выполняют сегодня отъявленные карьеристы, мошенники и те, у кого рыльце в пушку. Или просто типичные коллаборационисты, то есть люди, имеющие исключительную способность в любой ситуации убедить самих себя, будто своими грязными делами они что-то спасают или препятствуют тому, чтобы их место заняли иные, куда худшие. В этих обстоятельствах, наконец, не случайно и то, что именно сейчас достигла наибольшего за последнее десятилетие размаха коррупция среди самых разных общественных деятелей, готовность совершенно откровенно брать взятки за что угодно и, принимая решения, без зазрения совести исходить в первую очередь из того, что диктуют им разнообразные корыстные личные интересы.

Людей, искренне верящих всему, что твердит официальная пропаганда, и бескорыстно поддерживающих правительство, сегодня меньше, чем когда-либо. Зато лицемеров все больше — собственно, в какой степени каждый гражданин вынужден лицемерить.

Это безрадостное положение дел имеет свои вполне логичные причины: редко какой режим в последнее время столь мало интересовали истинный образ мыслей внешне лояльных граждан и искренность их публичных проявлений. Достаточно упомянуть хотя бы о том, что в ходе всевозможных собраний, на которых людей заставляют выступать с самокритикой и каяться, никого в сущности не занимает, делают ли они это искренне или только ради собственной выгоды; можно даже сказать — более или менее автоматически предполагается скорее второе, и никто не видит в этом ни-

чего безнравственного. Наоборот, именно личную выгоду чаще всего приводят в качестве довода, когда предлагают сделать подобное заявление: кающегося стремятся убедить не в том, что он ошибался или заблуждался, а большей частью лишь в том, что он должен покаяться, дабы спасти себя. При этом всячески расписывают перспективы, которые такое выступление откроет перед покающимся, а привкус горечи, какой у него останется после этого, объявляют химерой. И если бы вдруг нашелся чудака, который бы сделал это от чистого сердца и в подтверждение своей искренности заранее отказался от положенного ему вознаграждения, он бы, вероятнее всего, был подозрителен самому режиму.

Можно утверждать даже, что всех нас в своем роде откровенно подкупают: мол, если ты на своем предприятии займешь ту или иную общественную должность (разумеется, для того чтобы служить не остальным сотрудникам, а начальству), то мы наградим тебя теми или иными благами. Если вступишь в Союз молодежи — получишь право и средства так или иначе развлекаться. Если ты как творческая личность принимаешь участие в тех или иных официальных мероприятиях, тебе предоставят те или иные возможности для творчества. Думай, что хочешь, лишь бы ты был внешне согласен, лишь бы не мешал, лишь бы подавил в себе влечение к правде и совести — тогда перед тобой распахнутся настежь все двери.

Но если главным принципом общественной самореализации является принцип внешней приспособляемости, то какие качества мобилизуются при этом у людей и какие люди выдвигаются на первый план?

Где-то между самозащитой от окружающего мира, основанной на страхе, и желанием завоевать мир, обусловленным стремлением к личной выгоде, лежит область, которую нельзя обойти вниманием, так как она тоже в значительной мере формирует моральный климат сегодняшнего «сплоченного общества». Эта область — равнодушие и все, что с ним связано.

После недавних исторических потрясений и после того, как в стране утвердилась нынешняя система, люди как будто утратили веру в будущее, в возможность исправления положения вещей, в смысл борьбы за правду и право. Они махнули рукой на все, что выходит за рамки их будничных забот о личном благе; они различными способами бегут от действительности, перестают интересоваться высшими ценностями и своими ближними, впадают в апатию и духовную пассивность, погружаются в депрессию. А тот, кто еще пытается сопротивляться, например, отвергает принцип лицемерия как основу существования, сомневаясь в ценности такой самореализации, за которую приходится платить самоотчуждением, кажется все более равнодушному окружению

чужаком, безумцем, донкихотом — и в конце концов он неизбежно начинает вызывать раздражение, ибо он ведет себя не как все, и мало того, своим поведением заставляет других критически взглянуть на себя со стороны. Либо — другая возможность — равнодушное общество как бы исключает такого человека из своих рядов или избегает его, как это от него требуется, а втайне или в частной жизни ему симпатизирует, надеясь подобной скрытой симпатией к тому, кто ведет себя так, как само оно должно себя вести, но не может, успокоить свою совесть.

Такое равнодушие, однако, парадоксальным образом становится весьма активным общественным фактором. Не идут ли многие к избирательным урнам, на собрания, в официальные организации не столько от страха, сколько именно от равнодушия? Не определяется ли столь полная, на первый взгляд, политическая поддержка режима зачастую лишь рутинной, автоматизмом и привычкой удобно жить, за которыми кроется фактически не что иное, как всеобщее безразличие? Участие во всех этих политических ритуалах, в которые никто не верит, хотя и бессмысленно, но это по крайней мере гарантирует спокойствие — и разве неучастие в них не столь же бессмысленно? Этим ничего не добьешься, а только потеряешь покой.

Большинство людей не любит жить в постоянном конфликте с властью, тем более что подобный конфликт не может окончиться иначе, как поражением одиночки. Раз так, почему бы человеку не делать то, что от него требуют? Ведь это ему ничего не стоит, и со временем он вообще перестает об этом задумываться: тут даже и размышлять не о чем.

Ощущение безнадежности порождает апатию, апатия же — приспособленчество, привычку к рутинным поступкам (которые выдаются за доказательство политической активности масс). Все это вместе взятое создает стереотип так называемой нормы поведения, по сути своей глубоко пессимистичный.

Чем больше смиряется человек с невозможностью исправить положение дел и с отсутствием каких-либо высших ценностей и целей, то есть с невозможностью проявить себя «вовне», тем в большей мере его энергия направляется туда, где она встречает относительно наименьшее сопротивление: «внутри». Люди думают в основном о себе, о своем доме и семье; именно там они обретают покой, там могут забыть всю тупость мира и свободно развивать свои творческие способности. Они обставляют дом красивыми вещами, хотят улучшить свой быт, сделать жизнь приятнее, строят дачи, возятся с машинами, заботятся о том, чтобы лучше есть и одеваться, создать домашний уют, короче — обращают внимание в первую очередь на материальные стороны своей частной жизни.

Разумеется, такая ориентация общества имеет благоприятные экономические последствия. Под ее воздействием развиваются запущен-

ные сферы производства товаров массового потребления и услуг населению; она ведет к повышению общего жизненного уровня людей; с точки зрения народного хозяйства она представляет собой немаловажный источник динамической энергии, способной хотя бы отчасти выполнять те задачи в области материального благосостояния общества, с которыми вряд ли справилась бы неуклюжая бюрократичная и малоэффективная государственная экономика (достаточно сравнить, например, объем и качество частного и государственного строительства).

Власти такое перетекание энергии в сферу частной жизни приветствуют и поддерживают. Но почему?

Из-за благоприятных последствий, которые имеет этот процесс как стимул экономического развития? Из-за этого, конечно, тоже. Однако весь дух современной политической пропаганды и практики, незаметно, но систематически поднимающий эту обращенность «внутри» до уровня главного содержания самореализации человека в мире, отчетливо указывает, почему на самом деле государственная власть так приветствует подобное перетекание энергии: прежде всего потому, что это — уже изначально, психологически — есть бегство из области «общественного». Справедливо предполагая, что направляемые ею в другое русло силы, будь они обращены «вовне», раньше или позже не могут не повернуться против нее (или против того ее обличья, от которого она не хочет отказаться), она, не колеблясь, выдает за человеческую жизнь то, что фактически является лишь ее жалкой подменой. Поэтому ради беспрепятственного манипулирования обществом его внимание целенаправленно отвлекается от него самого, то есть от общественных дел. Приковывая все внимание человека к его чисто потребительским интересам, власть старается отнять у него способность осознавать духовное, политическое и моральное насилие, творимое над ним все в большей и большей степени. Низводя человека до уровня одномерного носителя идеалов раннего потребительского общества, власть стремится превратить его в материал, легко поддающийся массовому манипулированию. Опасность, что человек может возмечтать о какой-либо из бесчисленных и непредсказуемых возможностей, которые даны ему природой, призвана в зародыше подавить ограничение его жалким горизонтом возможностей, которые он получает как потребитель в скудных условиях централизованного рынка.

Все свидетельствует о том, что государственная власть ведет себя абсолютно адекватно существу, единственная цель которого — простое самосохранение. Стараясь идти по пути наименьшего сопротивления, она совершенно не заботится о том, что цена этого — жестокий удар по человеческой целостности, безжалостное умаление человека.

При этом та же власть с поразительным упорством провозглашает революционную идеологию, центром которой является полное освобождение человека! Но где же мы видим человека, всесторонне, гармонично и по-настоящему развивающего свою личность? Человека, освободившегося из плена отчуждающих общественных аппаратов, мифифицированной иерархии жизненных ценностей, формальных свобод, от диктатуры вещей и фетишизации власти денег? Человека, в полной мере вкушающего плоды социальной и правовой справедливости, творчески участвующего в экономике и политике, возвышенного в его человеческом достоинстве, вернувшегося к себе? Вместо свободного хозяйствования, свободного участия в политической жизни и свободного духовного развития человеку в конце концов предоставлена лишь возможность свободно выбрать, какую марку холодильника или стиральной машины приобрести.

Иными словами: за пышным фасадом великих гуманистических идеалов прячется скромный семейный домик социалистического обывателя! С одной стороны — напыщенные лозунги о невиданном расцвете всех свобод, невиданном полнокровии и богатстве жизни, а с другой — небывалая серость и пустота жизни, сведенной к д о б ы в а н и ю !

На вершине пирамиды манипулирующих воздействий, превращающих человека в тупого и послушного члена потребительского стада, как я уже говорил, стоит скрытая, но всемогущая сила: государственная полиция. Видимо, не случайно именно на ее примере можно особенно наглядно показать пропасть между идеологическим фасадом и повседневной действительностью: каждому, кто имел печальный случай узнать на собственной шкуре «рабочий почерк» этой институции, должно быть смешно официальное объяснение смысла ее существования; разве кто-нибудь может поверить, что эта мышьяная возня тысяч мелких стукачей, профессиональных шпииков, закомплексованных, льстивых, завистливых и злобных мещан и бюрократов, фальшивых алиби, жульничества, сплетен и интриг — что это почерк рабочего, охраняющего рабочую власть и ее революционные завоевания от посягательств врагов? Ведь самым большим врагом действительной рабочей и народной власти — если бы вещи не были бы поставлены с ног на голову — должен был бы быть именно этот, на все готовый и ничего не щадящий мелкий мещанин, который утешает свою хромающую совесть доносами на своих знакомых и который так ясно виден за ежедневной работой тайной полиции как истинный духовный творец ее «рабочего почерка»! Я думаю, что все это гротескное противоречие между теорией и практикой с трудом можно объяснить иначе, чем как действительный результат истинного назначения сегодняшней тайной полиции, назначения, которое не заключается в том, чтобы охранять свободное развитие человека от насилия, но, нао-

борот, охранять его насильников от угрозы, которую означает для них каждая попытка человека по-настоящему свободно развиваться.

Противоречие между революционным учением о новом человеке и новой морали и приземленной концепцией жизни как потребительского счастья вызывает вопрос: почему, собственно, общественная власть так держится за свою идеологию? Явно, только потому, что идеология — как некая условная, ритуально-коммуникационная система — обеспечивает видимость законности, полномочности и крепости и служит для придания престижа ее практическим действиям. Истинные конкретные интересы этих действий все время проглядывают через официальную идеологию: через бесконечную идеологическую фразеологию, которой общественная власть пытается постоянно действовать на человека (и которую человек из-за ее в большинстве случаев нулевой информативной ценности почти не воспринимает). Сквозь нее прорывается — как единственно настоящий, конкретный и осмысленный голос — практический совет: политикой не занимайся, это наше дело, делай только то, что мы тебе скажем, излишне не философствуй и не суй нос в вещи, до которых тебе нет дела, молчи, делай свою работу, заботься только о самом себе — и будешь счастлив.

Человек этого совета слушается. Необходимость заботиться о собственной жизни — это, в конце концов, то единственное, в чем он может без труда согласиться со своим правительством. Почему бы этим советом и не воспользоваться, особенно, если ничего другого делать нельзя!

Какие последствия имеет подобное положение дел, которое я попытался в общих чертах обрисовать? Иными словами: что делает с людьми и из людей система, основанная на страхе и апатии, которая загоняет человека в нору чисто материального существования и в качестве главного принципа коммуникации в обществе предлагает ему лицемерие? Во что ввергает общество политика, единственная цель которой — внешний порядок и всеобщее послушание, независимо от того, какими средствами и какой ценой это достигается?

Не нужно обладать особым воображением, чтобы понять, что такая ситуация с неизбежностью ведет к постепенной коррозии всех нравственных норм, к разрушению всех критериев порядочности и всеобъемлющему подрыву доверия к таким ценностям, как правда, принципиальность, искренность, бескорыстие, достоинство и честь. К тому, что бытие низводится до уровня биологической вегетации, то есть к той «глубинной» деморализации, которая обусловлена утратой надежды и кризисом смысла жизни. К новой актуализации того трагического аспекта положения человека в условиях современной технической цивилизации, который связан с исчезающим горизонтом абсолюта и который я назвал бы кризисом тождества личности. Ибо может

ли сдерживать распад тождества человека с самим собой система, столь неумолимо требующая от него быть кем-то иным, чем самим собой?

Был достигнут порядок. Ценой омертвления духа, отупения сердца и опустошения жизни.

Была достигнута внешняя консолидация. Ценой духовного и нравственного кризиса общества.

Самое скверное в этом кризисе то, что он углубляется: достаточно лишь немного подняться над ограниченной перспективой повседневности, чтобы с ужасом осознать, как быстро все мы покидаем позиции, с которых еще вчера отказывались уйти. Что еще вчера считалось в обществе неприличным, то сегодня сплошь и рядом оправдывается; видимо, завтра это будет восприниматься уже как нечто естественное, а послезавтра, может быть, даже как образец порядочности. То, о чем мы еще вчера твердили, что никогда с этим не смирится, или что просто считали невозможным, сегодня без всякого удивления принимается как факт. И наоборот, что для нас еще недавно само собой разумелось, мы сегодня рассматриваем как исключение из правил, а скоро — кто знает — будем считать недоступным идеалом.

Метаморфозы критериев «естественного» и «нормального» и сдвиги в нравственном чувстве, происшедшие в обществе за последние годы, глубже, чем могло бы показаться на первый взгляд. Рука об руку с возрастающим отупением с неизбежностью притупляется также способность это отупение осознавать.

Болезнь словно перекидывается с листьев и плодов на ствол и корни. Самые большие опасения, таким образом, внушает перспектива нынешнего положения вещей.

Общество внутренне развивается и богатеет прежде всего потому, что все глубже, шире и более дифференцированно себя осознает.

Главным инструментом этого самосознания общества является его культура. Культура — как конкретная область человеческой деятельности — влияет, хотя зачастую опосредованным образом, на общее состояние духа и в то же время сама постоянно испытывает влияние со стороны последнего.

Там, где тоталитарное манипулирование обществом тоталитарно подавляет его внутреннее развитие, с закономерностью в первую очередь подавляется культура; не просто «автоматически», как нечто, что по своей онтологической сути противоположно «духу» любой манипуляции обществом, но, так сказать, «программно»: исходя из логического опасения, что в первую очередь именно через культуру как инструмент собственного самосознания общество поймет также и то, какому насилию оно подвергается. Через культуру общество углубляет свою свободу и открывает истину — так зачем она власти, суть которой

заключается именно в подавлении этих ценностей? Ведь такая власть признает единственную «истину»: ту, которая ей в данный момент нужна. И единственную свободу: провозглашать эту «истину».

Мир такой «истины», которую питает не диалектический климат истинного познания, но лишь климат властных интересов, — это мир идейной стерильности, застывших догматов, заочневшей доктрины и прагматического произвола как ее естественного следствия.

Это мир запретов, ограничений, указаний. Мир, где под политикой в области культуры подразумеваются прежде всего действия полиции.

Немало уже было сказано и написано о том, до какой степени разрушена наша современная культура: о сотнях запрещенных писателей и книг, десятках закрытых журналов; о разгроме всех издательских планов и репертуара театров, о разрыве всех духовных связей; о разорении выставочных залов и пестрой палитре преследований и препон, чинимых в этой области; о роспуске всех существовавших ранее творческих организаций и многих научных учреждений, на смену которым пришли некие муляжи, руководимые горсткой агрессивных сектантов, известных карьеристов, отъявленных трусов и бездарных честолюбцев, использующих в создавшемся всеобщем вакууме свой единственный шанс. Не стану описывать все это вновь, а попытаюсь скорее задуматься над некоторыми глубинными аспектами данного положения вещей, связанными с темой моего письма.

Прежде всего: как бы плохо сегодня ни обстояло дело, это еще не значит, что не существует никакой культуры. В театрах идут представления, по телевизору — ежедневные передачи, выходят книги. Но всю эту легальную общественную культуру характеризует один общий признак: **поверхностность**, обусловленная ярко выраженным отчуждением от самой сути культуры как инструмента человеческого, а тем самым и общественного самоосознания, которое возникло в результате ее выхолащивания. Если и в наши дни создаются иногда несомненные ценности, например, раз уж я говорю об искусстве, блестящие актерские работы, то к ним относятся терпимо лишь потому, что они в высшей степени сублимированы и с точки зрения власти относительно безвредны. Однако и тут, как только начинает более или менее отчетливо ощущаться общественная значимость подобных произведений, власть принимается инстинктивно бороться с ними (известны случаи, когда хороший актер был запрещен по сути дела лишь за то, что он слишком хорош).

Впрочем, дело не только в этом. Меня занимает вопрос, как упомянутая поверхностность проявляется в областях, где имеются средства гораздо более однозначно отобразить человеческий опыт, а следовательно, намного более явно выполняющих функцию самоосознания общества.

Приведу пример: допустим, публикуется — как это иногда и происходит — литературное произведение, скажем, пьеса, которому нельзя отказать в мастерстве, убедительности, яркости и глубине мысли. Какими бы достоинствами такое произведение ни обладало, мы, однако, всегда можем быть уверены, что благодаря цензуре или автоцензуре, самообману, безразличию или аресту автора оно ни на сантиметр не выходит за рамки фетишей условного, банального и в сущности ложного общественного сознания. Этим сознанием за аутентичный мир принимается — и выдается — лишь видимость такого опыта, слагающаяся из череды поверхностных, обточенных и пригнанных друг к другу деталей или же из неких мертвых теней опыта, уже давно укоренившегося в общественном сознании. Такое произведение, несмотря на это (или, точнее, именно поэтому), многих развлекает, волнует, трогает и захватывает, но при этом ничего не озаряет светом истинного познания, не открывает чего-либо неизвестного, не выражает чего-либо невысказанного и не дает нового, самобытного и впечатляющего свидетельства чего-либо, ранее лишь предполагаемого. Короче говоря: имитируя реальный мир, такое произведение его по сути дела фальсифицирует. Что же касается конкретной формы такой поверхностности, не случайно, что ее чаще всего черпают из источника, который благодаря своей испытанной безвредности традиционно пользуется у нас расположением власти, как буржуазной, так и пролетарской. Я говорю об эстетике банальности, корящейся в бодряческой мещанской морали, сентиментальной философии «соседской гуманности», о «кухонном» благодушии, о провинциальной концепции мира, основанной на вере в его доброту. Я говорю об эстетике, чьим стержнем является культ разумной посредственности, которая покоится на фундаменте затхлой национальной самоуспокоенности, руководствуется принципом размельчения и приглаживания и в конце концов выдвигается в ложный оптимизм самой низменной интерпретации лозунга «Правда побеждает!».

Произведений, пропагандирующих в художественной форме официальную политическую идеологию, как Вы, конечно, знаете, сегодня очень мало, и в профессиональном отношении они откровенно плохи. Это объясняется не только тем, что такие вещи некому создавать, но, несомненно, также тем, что они в сущности, сколь бы парадоксальным это ни казалось, не особенно приветствуются. Ведь с точки зрения реальной нынешней концепции жизни, то есть концепции потребительской, подобные произведения, если бы они появлялись, были профессионально добротны и если бы их хоть кто-нибудь читал, излишне обращали бы внимание публики «вовне», излишне бередили бы старые раны, своим политизированным характером вызвали бы излишне широкую и радикальную политическую реакцию и тем самым мutilовали воду, которая должна

оставаться стоячей. Истинным интересам нынешней власти в гораздо большей степени отвечает то, что я назвал «эстетикой банальности». Ведь она куда более незаметным, приемлемым и достоверным образом расходится с правдой, куда легче усваивается общественным сознанием и в результате намного лучше выполняет задачу, которую ставит перед культурой потребительская концепция жизни: не волновать истиной и успокаивать ложью.

Творчество такого типа, разумеется, всегда преобладало. До сих пор, однако, у нас были хотя бы щелки, через которые к публике проникало и творчество, о каком можно было сказать, что оно так или иначе способствует более аутентичному человеческому самопознанию. Такому творчеству всегда было нелегко: с ним боролись не только власти, но также инерционное, склонное к комфорту общественное сознание. Тем не менее до сих пор оно загадочным способом, извилистыми путями и почти всегда не сразу, но все же доходило до человека и общества и выполняло присущую культуре роль общественного самосознания.

Речь не идет о чем-то большем, но именно это кажется мне самым важным. И именно это нынешнее руководство — как можно доказать, впервые со времен нашего национального возрождения — сумело почти полностью уничтожить: настолько отлажена сегодня система бюрократического манипулирования культурой, настолько хорошо известны все щелки, сквозь которые могли бы пробиться сколько-нибудь значимые произведения, настолько сильно боится власти искусства та кучка людей, которая держит в своих карманах ключи от всех дверей.

Вы, конечно, понимаете, что в данный момент я говорю уже не о многостраничных списках деятелей культуры, полностью или частично запрещенных, но о куда худшем «бланковом списке», в который априорно включено все, что могло бы выделиться из общей массы подлинной мыслью, глубоким уровнем познания, высокой степенью искренности, оригинальной идеей, впечатляющей формой. Я говорю о заранее выданном ордере на арест всего внутренне свободного и, следовательно, в самом глубоком смысле слова культурного. Об ордере на арест культуры, который выписало Ваше правительство.

Это опять-таки вызывает вопрос, которым я задаюсь здесь чуть ли не с самого начала: что это все на деле означает? К чему ведет? Что это, так сказать, сотворит с обществом? Приведу еще один пример. Как известно, у нас перестало выходить большинство прежних посвященных культуре журналов: если какие и остались, то их так «причесали», что о них почти не стоит и упоминать.

Что в результате этого произошло?

На первый взгляд — ничего: общество функционирует и без всех этих литературных, искусствоведческих, театральных, философских,

исторических и других журналов, число которых даже в тот период, пока они издавались, не отвечало латентным потребностям общества, но которые все же существовали и играли свою роль. Скольким людям этих журналов сегодня недостает? Нескольким десяткам тысяч их подписчиков, то есть весьма малой части общества.

Тем не менее речь идет о потере несравненно более значительной, чем могло бы показаться с чисто количественной точки зрения. Фактические масштабы этой потери, однако, остаются опять же скрытыми, и их едва ли можно измерить в каких-либо точных цифрах.

Насильственная ликвидация подобного журнала, посвященного, скажем, проблемам театра, — это не просто обеднение его конкретных читателей и не просто акт грубого произвола, направленный против театральной культуры. В то же время — и прежде всего — это ликвидация некоторого органа самосознания общества, и потому она представляет собой некое плохо поддающееся описанию вмешательство в сложный круговорот и взаимный обмен питательных соков, поддерживающий тот многослойный организм, каким является современное общество; удар по естественной динамике процессов, протекающих в этом обществе; нарушение взвешенного взаимодействия разнообразных его функций, отвечающего достигнутой обществом ступени внутренней структурированности. И точно так же, как длительная нехватка того или иного витамина, с количественной точки зрения составляющего в массе человеческой пищи ничтожную долю, может тем не менее вызвать заболевание, так и потеря одного журнала в конце концов в далекой перспективе может причинить общественному организму куда больший ущерб, чем кажется поначалу. Тем более, когда речь идет не об одном журнале, а почти обо всех.

Можно без труда показать, что истинное значение познания, мышления и творчества в многослойном мире культурного общества никогда полностью не исчерпывается тем значением, какое имеют эти ценности для круга физических лиц, которые — в первом приближении, первоначально, «физически» — с ними связаны активно или пассивно. Этот круг почти всегда узок, в науке в еще больше степени, чем в искусстве, и все же познание, о котором я веду речь, может в конечном итоге, пусть весьма опосредованно, затронуть все общество. Примерно так, как каждого из нас прямо-таки «физически» касается политика, обусловленная атомной угрозой, хотя большинство из нас «физически» не соприкасались с открытиями теоретической физики, которые привели к созданию атомной бомбы. То, что так же обстоит дело и в области гуманитарного познания, история подтверждает множеством примеров небывалого культурного, политического и нравственного подъема общества, изначальным ядром или катализатором которого был акт общественного самосознания, не только совершенный, но и

непосредственно («физически») воспринятый довольно узким кругом исключительных личностей. Этот акт даже намного позднее мог остаться за рамками восприятия общества как целого — и тем не менее он был непременным условием его подъема! Мы не можем знать, когда неприметная искра познания, появившаяся в нескольких клеточках, специализирующихся на самоосознании организма, вдруг озарит путь всему обществу; возможно, и само оно никогда не поймет, как случилось, что оно вступило на этот путь. Мало того: даже те бесчисленные вспышки познания, которым не суждено озарить путь обществу, имеют свой глубокий общественный смысл, хотя бы он заключался лишь в том, что эти вспышки вообще были, что и они уже самим фактом своего появления стали реализацией определенного круга общественных возможностей (идет ли речь о творческих силах или просто о свободах), что и они формируют и обеспечивают культурный климат, необходимый для возникновения более значимых вспышек. Короче, пространство духовного самосознания не делимо; перерезав одну нить, мы с неизбежностью разрушим всю сеть, и уже это доказывает особую взаимосвязанность всех тонких процессов в организме общества, о которой я говорил, несамодовлеющее значение каждого из них, а значит, и пагубность нарушения их связей.

Я не хочу сводить все к одному этому аспекту, к тому же довольно тривиальному. Тем не менее: не свидетельствует ли это о пагубном влиянии на общее духовное и нравственное состояние общества, какое имеет и, главное, еще будет иметь упомянутый «ордер на арест культуры», пусть даже его прямой удар приходится на ограниченное число голов?

Если в последние годы на прилавках книжных магазинов не появилось ни одного нового чешского романа, который бы явным образом расширил кругозор нашего опыта, то это, конечно, не будет иметь никаких внешних последствий — читатели из-за этого не выйдут на демонстрации и в конце концов найдут, что почитать. Но кто может оценить то, что реально означает этот факт для чешского общества? Кто знает, как эта лакуна скажется на духовном и нравственном климате будущих лет? Насколько она ослабит нашу способность осознавать самих себя? Насколько такое отсутствие культурного самопознания отразится на тех, для кого этот процесс начинается сегодня или начнется завтра? Сколько мистификаций, постепенно оседающих в общем культурном сознании, потребуются развеять и к чему при этом придется вернуться? Кто знает, кто, когда, как и откуда сможет почерпнуть силы, чтобы высечь новую искру правды, если так неумолимо исчезает не просто возможность, но и ощущение возможности этого?

Однако такие романы есть — вы не найдете их в книжных магазинах, но они ходят в списках. В данном смысле ситуация не столь безна-

дежна. Из сказанного мною выше вытекает, что даже если подобный роман за долгие годы прочтут не больше двадцати человек, само его существование играет свою роль: уже то, что такая книга есть, что она могла быть написана и живет хотя бы в узком слое культурного сознания, кое-что значит. Но как обстоит дело в областях, где невозможно работать иначе, нежели на уровне так называемых легальных структур? Как определить реальный размер ущерба, какой нанесло и еще нанесет удушение многообещающих течений в сфере театра и кино — видов искусства, имеющих особое социальнобудоражающее значение? И к чему в далекой перспективе может привести вакуум, образующийся в области гуманитарных наук, теории и практики профессиональной общественно-научной эссеистики? Кто осмелится оценить последствия того, что были насильственно прерваны разнообразные длительные процессы самоосознания на онтологическом, этическом и историческом уровнях, которые так сильно зависят от доступности материалов для изучения и от возможности периодического публичного обмена мнениями, и вообще насильственного прекращения сколько-нибудь естественного обмена информацией, идеями, знаниями, ценностями и какого бы то ни было общественного формирования взглядов?

Общий вопрос, следовательно, таков: к сколь глубокой духовной и нравственной импотенции нации приведет завтра нынешняя кастрация его культуры?

Боюсь, что пагубные общественные последствия этого надолго переживут конкретные политические интересы, которые их вызвали к жизни. Тем большей будет вина тех, кто принес духовное будущее нации в жертву властным интересам собственного настоящего.

Если главный закон вселенной — это закон возрастания энтропии¹¹, то главным законом жизни является, наоборот, возрастание структурированности и сопротивление энтропии. Жизнь борется с любой стандартностью и единообразием; ее перспектива — не в унификации, а в дифференциации; это беспокойство трансцендентного, познание нового, отрицание «статуса-кво»; основополагающий параметр ее развития — это все время воплощающая тайна.

В основе же государственной власти, цели которой сводятся к защите собственной несменяемости путем насильственного принуждения к единству и постоянному согласию с ней, лежат, напротив, глубокая подозрительность к любому различию, ко всему уникальному и трансцендентному, глубокое отвращение к неизвестному, неуловимому, ко всякому воплощению тайны, тяга к стандартности, единообразию и неподвижности, любовь к «статусу-кво». Дух автоматизма в ней берет верх над духом жизни. Ее стремление к порядку — это не открытый поиск все более высоких форм

самоорганизации общества, а наоборот, сползание в то «наиболее вероятное состояние», которое представляет наибольшую энтропию. Двигаясь по пути энтропии, такая власть идет против течения жизни.

Как известно, и в жизни человека настает момент, когда мера его структурированности вдруг начинает снижаться и он вступает на путь энтропии. Это момент, когда и он подчиняется общему закону вселенной: момент смерти.

В самой сути власти, которая движется по пути энтропии (и с удовольствием уподобила бы человека компьютеру, куда можно ввести любую программу с уверенностью, что она будет выполнена), таким образом, заложен принцип смерти. Смертью дышит и идея «порядка», проводимая такой властью, с точки зрения которой каждое проявление подлинной жизни — яркий поступок, самобытное слово, оригинальная мысль, неординарное увлечение или вдохновение — есть признак «смуты», «хаоса», «анархии».

Так и существующий у нас режим всей своей практикой, главные аспекты которой я старался один за другим описать, подтверждает, что идеи «спокойствия», «порядка», «консолидации», «выхода из кризиса», «прекращения разлада», «усмирения страстей» и т. д., бывшие с самого начала базой его политической программы, в конечном итоге наполнены для него тем же мертвящим содержанием, что и для всех «энтропических» режимов.

Да, у нас воцарился порядок: бюрократический порядок серой стандартности, искореняющей всякое своеобразие, механического автоматизма, подавляющего все неповторимое, затхлой неподвижности, исключающей все трансцендентальное. Это порядок, лишенный жизни.

Да, в нашей стране спокойно: не так ли, как в морге или в могиле?

В подлинно живом обществе все время происходят какие-нибудь события. Взаимопереплетение человеческих поступков и общественных явлений, явных и подспудных течений создает все новые неповторимые ситуации, вызывающие к очередным поступкам и порождающие новые течения. Таинственная жизненная борьба постоянного и переменного, закономерного и случайного, предсказуемого и неожиданного разворачивается во времени и выявляется в событиях. Чем более структурирована при этом общественная жизнь, тем более структурировано и время: в нем усиливается элемент исключительности, неповторимости. Это, в свою очередь, дает тем большую возможность воспринимать его в последовательности, как необратимую смену не повторяющихся ситуаций, а соответственно, лучше понимать закономерности происходящих в обществе событий. Таким образом, чем богаче жизнь общества, тем лучше оно осознает свое время, его историзм.

Иными словами, там, где есть простор для общественной жизни, открывается также простор для общественной памяти. Общество, которое живет, имеет и историю.

Если, однако, преемственность и причинные связи в истории так тесно связаны с элементом неповторимости, непредсказуемости, возникает вопрос, как истинная история — этот неиссякаемый источник «хаоса» и беспокойства, дерзкий вызов порядку — может существовать в мире, где господствует «энтропический» режим.

Ответ ясен: не может. И, по крайней мере во внешних формах, не существует — в результате искоренения жизни как таковой в подобном мире останавливается время, и история исчезает с его горизонта.

Так и у нас с некоторых пор как будто нет истории: мы медленно, но верно утрачиваем понятие о времени, забываем, что когда было, что было раньше, а что позже, что вообще было, и внутри нас нарастает чувство, что это, собственно, не важно. Общественная жизнь теряет неповторимость, а тем самым и преемственность; все сливается в одну серую картину одного и того же коловращения, и мы говорим, что «ничего не происходит». Мертвящий порядок был привнесен и сюда: общественная жизнь полностью упорядочена, а следовательно, мертва. При этом кризис чувства преемственности времени на уровне общества с неизбежностью приводит к подобному же кризису в частной жизни. Теряя осознание истории общества, а соответственно и роли личности в этой истории, частная жизнь возвращается к доисторической ступени, когда ритм времени задают уже лишь такие события, как рождение, свадьба или смерть.

Кризис чувства времени вообще как бы возвращает общество обратно в доисторическую эпоху, когда в течение многих тысячелетий человечество в своем осознании времени не выходило за рамки космометеорологического стереотипа бесконечно повторяющихся времен года и связанных с ними религиозных обрядов.

Лакуна, которую оставил покинувший нас будоражащий историзм, конечно, должна была заполниться, поэтому беспорядок в подлинной истории сменил порядок псевдоистории, творцом которого является, однако, не жизнь общества, а планирующий его чиновник. Вместо событий нам предлагают псевдособытия; мы живем от годовщины к годовщине, от торжества к торжеству, от парада к параду, от единодушно одобряемого всеми съезда к единогласным выборам и от единогласных выборов к единодушно одобряемому всеми съезду, от Дня печати к Дню артиллерии и наоборот. Не случайно, что такой эрзац истории позволяет нам получить исчерпывающие ее представление об «общественной жизни» — не только в прошлом, но и в будущем! — простым перелистыванием календаря. И благодаря тому, что содер-

жание повторяющихся ритуалов общеизвестно, полученная таким образом информация может даже сравниться с той, какую дало бы нам подлинное сопереживание.

Итак, опять-таки: полный порядок — однако ценой возврата к доисторическим временам, при этом с одной оговоркой: если для наших предков повторяющиеся обряды вновь и вновь получали глубокий экзистенциальный смысл, для нас они уже являются лишь самодовлеющей рутинной; власть держится за них ради иллюзии исторической динамики, а люди проходят эти обряды во избежание неприятностей.

«Энтропический» режим имеет единственную возможность повысить в сфере своего влияния общую энтропию: укрепляя собственный централизм, становясь все монолитнее, все туже затягивая на обществе смирительную рубашку одномерного манипулирования. Однако каждый очередной шаг этого режима с неизбежностью ведет к дальнейшему возрастанию его собственной энтропии: в стремлении сделать мир неподвижным он делает неподвижным сам себя и подрывает собственную способность противостоять чему угодно новому и даже самому течению жизни. «Энтропический» режим, таким образом, по сути своей обречен стать в конце концов жертвой собственного мертвящего принципа, причем самой уязвимой ввиду полного отсутствия какого-либо внутреннего стремления, так сказать, противостоять себе самому. Напротив, жизнь тем успешнее и изобретательнее — в силу ее неодолимого противодействия энтропии — борется с чинимым над ней насилием, чем быстрее окостеневает творящая это насилие власть.

Таким образом, губя жизнь, власть губит и себя саму — то есть в конце концов и свою способность губить жизнь.

Иными словами, жизнь можно долго и основательно корезить и искоренять, но навсегда ее не остановить. Пускай тихо, втайне и постепенно, но она идет вперед; хоть тысячу раз отчужденная сама от себя, она неизменно тем или иным образом возвращается к себе; пускай даже подвергшись самому ужасному насилию, она в конце концов переживет власть, которая чинила это насилие. Иначе и быть не может — ввиду глубоко компромиссного характера каждой «энтропической» власти, которая может подавлять жизнь лишь тогда, когда она есть, и которая всем своим существом нуждается в жизни, в то время как жизнь в ней — нет. Единственная сила, действительно способная уничтожить жизнь на нашей планете, — это сила, не знающая компромисса: всеобщее космическое действие второго начала термодинамики.

Как нельзя полностью уничтожить жизнь, так нельзя также навсегда остановить ход истории. Под тяжелой плитой неподвижности и

псевдособытий бьет ее потаенный источник и постепенно, незаметно «размывает» эту плиту. Процесс может затянуться надолго, но в один прекрасный день это должно случиться: плита, уже не в силах сопротивляться, начнет давать трещины.

И это момент, когда опять начнут происходить видимые события, подлинно новые и неповторимые события, не запланированные в официальном календаре «общественной жизни», в связи с которыми мы уже не испытываем чувства, что нам все равно, когда они происходят и происходят ли вообще. События истинно исторические в том смысле, что ими вновь заявляет о себе история.

Но как может в наших конкретных условиях заявить о себе история? Что конкретно значит для нас такая перспектива?

Я не историк и не пророк, и все же я не могу не высказать некоторых своих суждений.

Там, где существует — хотя бы до известной степени — открытая борьба за власть как единственная реальная гарантия общественного контроля за властью (и в конце концов также свобода слова), власти, хотя бы они этого или нет, вынуждены постоянно поддерживать своего рода диалог с жизнью общества, решая по ходу дела разнообразные вопросы, которые она перед ними ставит. Там же, где открытая борьба за власть отсутствует (и где с неизбежностью раньше или позже подавляется также свобода слова), что имеет место при каждом «энтропическом» режиме, там власти не адаптируются к жизни, а стараются приспособить жизнь к себе, то есть вместо того, чтобы разбираться по ходу дела с ее реальными противоречиями, требованиями и проблемами, они попросту делают вид, что их нет. И все эти противоречия и требования существуют, хотя и под спудом, накапливаются, нарастают — и однажды, когда спуд уже не может их удержать, вырываются наружу. И это именно в тот момент, когда плита неподвижности дает трещину и на сцену вновь выходит история.

Что же тогда происходит?

Хотя власти еще достаточно сильны для того, чтобы воспрепятствовать реализации давления жизненных противоречий в форме открытой дискуссии и открытой борьбы за власть, у них уже не хватает сил до конца противиться этому давлению. Поэтому жизнь врывается туда, куда может: в скрытые кулуары власти, где вызывает скрытую дискуссию и в конце концов скрытую борьбу за власть. К этому власти не готовы — сколько-нибудь серьезный диалог с жизнью им не под силу. Поэтому они впадают в панику: жизнь в их кабинетах сеет смуту и расставляет ловушки в виде личных конфликтов, интриг и соперничества и даже, если можно так выразиться, накладывает печать на отдельных их представителей: мертвенная маска безликости,

которая помогала функционерам отождествлять себя с монолитной властью, вдруг спадает, и из-под нее выглядывают живые люди, вполне «по-человечески» борющиеся за власть и друг с другом ради собственного самосохранения. Это знакомый момент дворцовых переворотов и путчей, внезапной и с трудом объяснимой смены людей на их постах и фраз в публичных выступлениях, раскрытия настоящих или выдуманных заговоров и тайных центров, обнародования истинных или мнимых преступлений и раскапывания давних провинностей, изгнания из различных властных органов, поливания друг друга грязью, а иногда также арестов и судебных процессов. И если до сих пор все носители власти говорили на одном языке, одними и теми же фразами, об одних и тех же задачах и их успешном выполнении, то теперь вдруг этот монолитный блок власти распадается на отличимые друг от друга личности, которые хотя и продолжают говорить на одном языке, но используют его для взаимных обвинений. И вот мы с удивлением слышим, что некоторым из них (тем, что проиграли скрытую борьбу за власть) провозглашаемые задачи были в действительности безразличны и они их отнюдь не выполняли, тогда как другим (тем, что выиграли) эти задачи по-настоящему дороги и только они способны их успешно выполнять.

Итак, чем рациональнее выстраивался годами упомянутый официальный календарь псевдособытий, тем иррациональнее происходит внезапное вторжение подлинной истории. Вся ее годами подавляемая неповторимость, исключительность, непредсказуемость, тайна прорывается в одночасье, и если мы годами не удивлялись ничему мелкому, повседневному, то теперь нас ждет одна большая неожиданность — но это того стоит. Вдруг рвется наружу вся «беспорядочность» истории, которая годами подавлялась искусственным порядком.

Разве нам это незнакомо? Разве мы многократно не были свидетелями подобного в нашей части света? Машина, которая годами вроде бы работала без сбоев, за одну ночь разваливается, и система, которая, казалось, будет в неизменном виде господствовать до скончания веков, ибо в атмосфере единодушных выборов и единодушного голосования не существует силы, способной противостоять ей, вдруг ломается. И мы с удивлением обнаруживаем, что все было совсем не так, как мы думали.

Момент, когда такой ураган пронесется над затхлым миром стабильных властных структур, для всех нас, находящихся вне власти, впрочем, отнюдь не забавен. Пускай косвенно, но он всегда в конце концов затрагивает и нас. Ибо не незаметное ли и длительное воздействие все время подавляемых, однако не могущих быть до конца подавленными общественных потребностей, интересов, противоречий всякий раз вызывает эти потрясения власти? И стоит ли удивляться, что об-

щество в такие моменты пробуждается. Связывает с ними свои чаяния, обостренно воспринимает их, испытывает на себе их влияние и старается ими воспользоваться! Эти потрясения почти всегда пробуждают какие-то надежды или опасения, почти всегда открывают, истинно или мнимо, простор для новой реализации различных сил и направлений жизни, почти всегда ускоряют различные течения в обществе.

Все это, однако, почти всегда сопряжено вследствие глубоко противоестественного характера таких форм взаимодействия с жизнью, каковыми являются внезапные потрясения власти, с большим и зараннее не предсказуемым риском.

Попытаюсь подробнее обрисовать один тип такого риска.

Если человек изо дня в день молча подчиняется бездарному руководителю, если он изо дня в день с серьезной миной участвует в обрядах, которые ему на самом деле смешны, если он без смущения пишет в анкете совсем не то, что думает, и готов публично отречься от самого себя, если он без труда изображает симпатию или даже любовь к тому, что ему на самом деле безразлично или противно, — все это еще отнюдь не значит, что в нем совершенно увяло одно из главных человеческих чувств: чувство унижения.

Наоборот, хотя об этом никто и не говорит, люди отчетливо ощущают, что цена их внешнего спокойствия — это постоянное унижение их человеческого достоинства. При этом, чем меньше они сопротивляются напрямую такому унижению — помогает ли им в этом способность изгнать это чувство из своего сознания и внушить себе, что ничего особенного не происходит, или просто способность стиснуть зубы — тем глубже оно внедряется в их эмоциональную память. Тот, кто в силах противиться своему унижению, быстро о нем забывает; кто же, наоборот, его долго молча терпит, так же долго его помнит. Поэтому в действительности ничто не забывается: весь пережитый страх, все вынужденное лицемерие, все тягостное и недостойное кривляние и, может быть, более всего остального ощущение проявленной трусости — все это оседает и накапливается где-то на дне общественного сознания и потихоньку делает свое дело.

Это, конечно, нездоровое положение. Нарывы вовремя не вскрываются и продолжают гноиться, гной не выходит наружу и отравляет весь организм; естественное человеческое чувство долго не может объективироваться, и длительное заточение в клетках эмоциональной памяти постепенно превращает его в нечто нездоровое, спазматическое, ядовитое — как в результате неполного сгорания образуется углекислый газ.

Удивительно ли, что в тот момент, когда плита дает трещину и лава жизни вырывается наружу, в ней наряду с разумным желанием исправить прежние несправедливости, стремлением к правде и к переменам,

отвечающим жизненным потребностям, встречаются и желчная ненависть, мстительная злоба и лихорадочная жажда получить немедленное удовлетворение за все пережитые унижения! (Безрассудный и часто не адекватный ситуации характер этих устремлений в значительной мере бывает обусловлен смутным чувством, что эта вспышка уже запоздала, что она уже бессмысленна, так как уже неактуален ее импульс и риск, с нею связанный, что это по сути дела лишь подмена того, что должно было произойти совсем в другое время.)

Удивительно ли, что представители власти, за долгие годы привыкшие к абсолютному согласию, единодушной и безоговорочной поддержке и полному единству всеобщего лицемерия, оказываются в такой момент настолько потрясены всплеском ранее подавляемого чувства, видят в происходящем столь небывалую угрозу для себя и для всего мира (поскольку они — единственные гаранты его существования), что для спасения самих себя и мира без колебаний призывают на помощь многомиллионные чужие армии!

Один такой взрыв мы недавно пережили. Те, которые годами унижали и оскорбляли человека, а когда этот человек возвысил голос, были крайне шокированы этим, сегодня называют это время периодом «разгула страстей». Но какие же страсти тогда разгулялись? Кто знает, какие длительные и глубокие унижения предшествовали этому «разгулу», и осознает социально-психологический механизм последующей реакции на такое унижение, должен скорее поражаться тому, каким относительно спокойным, деловым и даже лояльным был этот «разгул». Тем не менее за этот «момент истины» нам, как известно, пришлось дорого заплатить.

Нынешняя власть глубоко отлична от своей предшественницы, которая существовала в период того взрыва. Не только потому, что та была, так сказать, «оригиналом», а эта является лишь его формальной имитацией, неспособной понять, до какой степени «оригинал» был со временем демистифицирован, но прежде всего потому, что если прежняя власть имела реальную и весьма значительную социальную опору: доверие (хотя и постепенно падающее) части населения, и на ее стороне была реальная и немалая (хотя постепенно блекнущая) привлекательность обещанных когда-то социальных перспектив, то опорой нынешней власти выступает уже исключительно инстинкт самосохранения правящего меньшинства и страх управляемого большинства.

Ввиду этого трудно представить себе все возможные альтернативы будущего «момента истины», то есть то, в какой именно форме столь глобальное и откровенное унижение всего общества однажды потребует удовлетворения. И уж совершенно нельзя предвидеть размер и

глубину трагических последствий, какие этот момент может иметь — и скорее всего будет иметь — для наших народов.

В этой связи нельзя не поразиться тому, насколько не способна власть, выдающая себя за самую «научную» из всех, которые когда-либо существовали, понять элементарные законы своего собственного функционирования и извлечь урок и из своей собственной истории.

Как ясно из предыдущего, у меня нет опасения, что с приходом к власти нынешнего руководства в Чехословакии замерла жизнь и раз и навсегда остановилась история. До сих пор в истории каждая очередная ситуация и эпоха сменялись другой ситуацией и другой эпохой, и эти последние — на благо ли человеку или во вред ему — неизменно оказывались далеки от тех представлений о будущем, какие имели организаторы и правители предшествующей эпохи.

Я опасаясь другого. Собственно, все это письмо говорит о том, чего именно я опасаясь: бессмысленно суровых и долговременных последствий, какие будет иметь нынешнее насилие для наших народов. Я боюсь того, какую цену всем нам придется заплатить за это безжалостное подавление истории, жесткое и бесполезное заталкивание жизни куда-то в подвалы общества и человеческих душ, за очередную попытку насильственно воспрепятствовать обществу жить мало-мальски естественной жизнью. При этом, как, надеюсь, ясно из того, что я только что написал, речь идет не только о цене, которую мы все время платим в валюте ежедневной горечи унижения человека и насилия над обществом, и не только о той большой дани, которую нам придется заплатить в виде длительного духовного и нравственного упадка общества, но и о трудно исчисляемой сегодня цене того момента, когда вновь у нас вступят в свои права жизнь и история.

Ответственность руководящего политика за ситуацию в стране бывает различна, и при этом она никогда не абсолютна. Никто не правит в одиночку. Так что определенную долю ответственности несут и те, кто такого политика окружает. Ни одна страна не существует в вакууме, а следовательно, на ее политику всегда тем или иным образом влияет также политика других стран. Разумеется, за многое всегда ответственны и те, кто правил прежде и чья политика предопределила нынешнее положение страны. Наконец, за многое в ответе и граждане, каждый из них сам по себе как полноправная личность, своими ежедневными решениями влияющая на общее состояние, и все вместе как некое социально-историческое целое, определяемое условиями, в которых оно развивается, но и в свою очередь определяющее эти условия.

При всех этих ограничениях, которые, естественно, применимы и к нашей современной ситуации, Ваша ответственность как руководящего политика все же велика: вместе с другими Вы формируете климат, в котором всем нам суждено жить, и тем самым оказываете прямое влияние также на конечный размер той цены, какую придется заплатить нашему обществу за свою нынешнюю «консолидацию».

В чехах и словаках, как и в любом народе, имеются различные задатки: у нас были, есть и будут герои, и точно так же у нас были, есть и будут предатели и доносчики. Мы способны развивать свои творческие силы и фантазию, подняться духовно и нравственно до небывалых свершений, бороться за правду и жертвовать собой ради других, но точно так же мы способны впасть в полное равнодушие, не заботиться ни о чем, кроме собственных желудков, и ставить друг другу подножки. И хотя человеческие души — не бутылки, в которые любой может налить что угодно (это высокомерное представление о народе часто встречается в официальных речах, когда звучит страшная фраза о том, что то или иное «внедряется в сознание людей»), тем не менее от руководителей во многом зависит, какие из всех этих противоположных возможностей будут мобилизованы, каким из этих возможностей будет дан шанс проявиться, а какие, наоборот, будут подавлены.

Пока систематически активизируется и развивается худшее в нас: эгоизм, лицемерие, равнодушие, трусость, страх, безразличие, желание выйти сухим из воды, невзирая на последствия этого для общества.

При этом нынешнее руководство государства имеет возможность воздействовать своей политикой на общество так, чтобы дать шанс не худшему, а, наоборот, лучшему в нас.

На данный момент вы выбрали самый удобный для себя и самый опасный для общества путь, то есть путь внешней видимости ценой внутреннего упадка, путь нарастания энтропии ценой истребления жизни, путь защиты своей власти ценой углубления духовного и нравственного кризиса общества и систематического унижения человеческого достоинства (разрядка в оригинале. — Э.З.).

А ведь даже при всех ваших ограничениях у вас есть возможность сделать многое для пусть даже относительного улучшения ситуации. Этот путь, возможно, труднее и не такой благодарный, он не сразу привел бы к видимым результатам и кое у кого встретил бы сопротивление, но с точки зрения действительных интересов и перспектив нашего общества он был бы, несомненно, разумнее.

Как гражданин этой страны я открыто и публично призываю этим письмом Вас и всех остальных руководящих представителей нынеш-

него режима обратить внимание на явления и взаимосвязи, которые я Вам попытался показать, чтобы в свете этого оценить меру своей исторической ответственности и действовать сообразно ей.

Публикуется по : Гавел В. Гостиница в горах. М., 2000. С. 93–119.

Впервые на русском языке опубликовано в 1975 г. См.: Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 166–214.

**Письмо Людвика Вацулика
Генеральному секретарю ООН
Курту Вальдхайму¹²**

29 июля 1975 г. Прага

Уважаемый господин Генеральный секретарь!

В наших странах, лежащих рядом, странах, которые когда-то были единым целым, был в старину обычай начинать послания цветистым пожеланием Божьего благословения, защиты святых покровителей, выдержки перед лицом испытаний, крепкого здоровья. Я, господин Генеральный секретарь, в соответствии с деловитым духом нашего времени желаю Вам хотя бы здоровья, выдержки перед лицом испытаний и защиты святых покровителей.

Я долго размышлял, писать ли Вам. События, которые грубо задела меня, произошли четверть года назад. Уже тогда я решил написать Вам, но отказался от этой мысли, решив, что она эксцентрична. Трезвый, внутренний голос говорил мне: не сходи с ума, ведь ничего с тобой не случилось, ну, влезли к тебе в квартиру, рылись в твоей жизни, унесли твои вещи, хотя ты ничего не сделал, но хотя бы подожди! Я чувствовал себя оскорбленным, но одновременно был рад, что не произошло ничего худшего. Однако, месяцы проходят, и я начинаю понимать, что должен изо дня в день жить, ожидая, что снова придут или вызовут меня, и я должен жалко благодарить судьбу за каждый день, в течение которого ничего не произойдет.

Я пришел к решению написать Вам по следующим причинам: мой гнев и чувство нанесенного мне оскорбления не исчезли. Наоборот, они все увеличиваются. Кончился срок, который я назначил, чтобы они либо сказали мне, что я сделал, либо извинились. И вот следующее предостережение: совместный полет космических кораблей «Аполло» и «Союз».

В апреле этого года Вы были у нас в Праге. Карлов университет присвоил Вам, венскому доктору юридических наук, звание доктора права *honoris causa*. И Вы сказали: «Примерно две трети человечества живут в условиях, о которых мы в развитых странах не имеем понятия...» Вы имели в виду голод, неграмотность, болезни и войны. Наши

соседствующие страны принадлежат к развитым, а с точки зрения мировой нищеты даже избалованным странам. Это должно иногда вызывать в человеке мысль о собственной вине — по шкале Ясперса: от вины уголовной до метафизической. А тот, кто виноват, должен, как ему подобает, молчать, а не дерзко обвинять.

Поэтому я все чаще иронически говорю себе, что имею — или все мы имеем — то, что мы хотели. Что я не могу — или мы не можем — обвинять кого-то в том, что условия, в которых мы вынуждены жить, именно таковы. Как чех я, например, ощущаю свою виновность в распаде Австро-Венгрии — задолго до моего рождения. В ранней молодости я помог развязыванию Второй мировой войны. После этого я участвовал в создании и закреплении двух зон в Европе. Теперь я соучастник конференции в Хельсинки и ее последствий, до сих пор неизвестных и трудно предсказуемых. Это, я бы сказал, моя вина *метафизическая*. Как бывший член коммунистической партии я несу *моральную* ответственность за то, во что превратился фактически коллективный революционный идеал социальной справедливости — в некую «высшую народную» демократию. Но прямую *политическую* вину я никак не могу за собой обнаружить: никогда даже в партии я не пользовался доверием, мне никогда не доверили малейшей должности или задания; как журналист и писатель я принадлежал к внутренней оппозиции Его Величества рабочего класса (это зачтем в моральную вину), а *уголовную* (курсив в оригинале. — Э.З.) вину — ту я и не чувствую за собой и не ищу ее. Но именно ее и хотят мне приписать. Разумеется, я должен защищаться, я сержусь и громко протестую, но глубже, где-то внутри, если посмотреть на это с точки зрения метафизической, я, пожалуй, сержусь не очень: уж так на свете заведено, а может, так и должно быть. Но ведь на поверхности, в нашей жизни все — и они, и мы — ведем себя скорее в соответствии с нашими собственными привычными штампами, нежели лучшим, что есть внутри нас. Именно потому нам трудно жить, находясь с кем-то во вражде — я думаю, Вам это будет понятно, господин Генеральный секретарь.

Мой случай — это тяжелый случай для юриста, господин доктор. Осенью 69-го года против меня было начато судебное преследование за намерение подорвать существующий строй, что выразилось в соавторстве в написании Петиции, адресованной высшим советским органам. Петиция выражала несогласие с развитием событий после августа 68-го года. Осенью 70-го года против восьми авторов были сформулированы обвинения и отдано распоряжение о судебном разбирательстве. За день перед названной датой разбирательство было отложено на неопределенное время, а общественности объявили, что никакого процесса и не должно было быть и что это вымысел клеветников. Осенью 73-

го года против меня было начато новое судебное преследование за интервью английскому телевидению, но и оно не состоялось. Обвинение было сформулировано, но само судебное преследование до сих пор не приостановлено и не отменено, никто ничего мне не сказал, и я не знаю, каково, собственно, мое положение. Правильно ли это в правовом отношении и как бы это было в какой-нибудь более нормальной правовой стране? У меня отобрали заграничный паспорт, меня разжаловали из надпоручика в запасе в солдаты (правда, это не важно) и учредили надо мной надсмотр, в который включается контроль моих связей (почтовых, телефонных, дружеских, связей с иностранцами, сексуальных и так далее), чтобы ограничить мои социальные контакты и свести мою активность до нескольких бытовых движений, не имеющих никакого значения. Что это такое? Кроме того, там, где однажды заведено судебное преследование, может быть отдан приказ об аресте, например, по причине «продолжающейся противозаконной деятельности», то есть, если бы, предположим, я снова дал бы интервью иностранному телевидению или написал бы в Организацию Объединенных Наций. Как назвать такое положение? Существует ли для него какое-либо правовое определение и был ли прецедент, я имею в виду в мирное время?

Я подозреваю, что этот несостоявшийся процесс тогда, в 70-м году, все-таки состоялся: без публики и без обвиняемых, и не в здании городского суда, но в никому не известном помещении на пыльном пустыре, как это футуристически предсказал Франц Кафка. Там я был осужден на неизвестный срок, приговорен к неизвестному наказанию — я и мои сыновья.

Я заметил, что пока я заканчивал предыдущий абзац, на бумагу, помимо моей воли, но вполне логически сами собою легли правдивые слова о моих сыновьях. У меня их трое. И когда в эту минуту я думаю о них, я сразу успокаиваюсь и ко мне возвращается способность более глубокого понимания вещей. Я прихожу к выводу, что то, что происходит, — происходит не случайно, по чьей-то вине, а может быть, в этом есть и целесообразность и какой-то более глубокий смысл. Тогда я думаю, что это не несчастье и наказание, что дети имеют ту же судьбу, что и родители. Наоборот, быть может, хуже, когда детей отрывают от судьбы их родителей, чтобы прервать последовательность сознания в семье и в нации, в населении целого континента. Я даже думаю (ай-ай, опять злорадство!), что государство, которое исключает какого-нибудь ребенка из сферы своей опеки, поступает так, против своей воли, лучше по отношению к нему, потому что благодаря этому у его подданных сохраняется зародыш потенциального мужества и национальной чести. Или, может быть, Вы думаете, что я просто утешаю себя, утешаю по старой привычке провинившихся насмешников и скептических оптимистов? Если так, то тогда,

уважаемый господин Генеральный секретарь, я неправильно понял Вашу фразу, которую Вы произнесли здесь в Праге как доктор *honoris causa*: «Сегодняшняя ситуация в мире вызывает наше глубокое беспокойство, но порождает надежды».

В конце апреля этого года ко мне явилась группа агентов Государственной безопасности, чтобы с разрешения Генерального прокурора провести обыск в моей квартире, потому что якобы существует подозрение, что я храню у себя документы, содержание которых является достаточным доказательством уголовного преступления — намерения подрыва существующего строя. Кто совершил это преступление, сказано не было. По новому Уголовному Кодексу подозреваемым даже не должен быть я сам, чтобы у меня в доме имели право искать доказательство преступления. Можно сделать обыск в любой квартире — что-нибудь да найдут — или не найдут ничего. Возможно ли это в какой-нибудь другой стране, я имею в виду мирное время, я имею в виду страну европейскую?

После обыска у меня были изъяты различные вещи, в большинстве своем книги, журналы, мои заметки, рукописи моих друзей, корреспонденция, фотографии, магнитофонные ленты, но не было найдено ничего, что подразумевается под понятием «нелегальный печатный документ». С того времени никто со мной не говорил, но обо мне допрашивали, по меньшей мере, пятнадцать человек. Из вещей, которые были у меня изъяты, я не получил обратно ничего. Моя жалоба Генеральному прокурору по поводу нарушения закона вернулась к следователю, на которого я жаловался.

Среди вещей, которые я таким образом потерял и, быть может, навсегда, находится рукопись моей книги, над которой я работаю несколько лет. Это роман, и его неторопливое действие перемежается с моими наблюдениями о стране, о людях и истории. Я как автор подозреваю, что из этой книги не получился бы «триллер». Это должна быть книга чисто чешская, и самое большее, что я о ней предполагал, — это то, что если мне очень повезет, она могла бы заинтересовать мечтательных и задумчивых читателей, живущих на равнине между Альпами, Карпатами и Судетами. Я еще не знаю, как закончится книга, что я допишу, а что — вычеркну, но наша Государственная безопасность уже знает точно, что это будет книга вредная. Если я дам ее читать моим друзьям или даже отошлю в заграничное издательство, то тем самым я совершу уголовное преступление — подстрекательство. Это уголовное преступление уже считается совершенным, если с подстрекательским изречением или текстом были ознакомлены хотя бы две osoby. Достаточно, чтобы: 1) я дал перепечатать рукопись какой-нибудь машинистке, 2) дал ее почитать своему другу Карлу Косику (у него тоже отобрали рукопись, но философскую. Я думаю, им нелегко ее читать!). Дальше: не знаю, как у Вас

в Вене, но в Карловом университете учат, что «подготовка уголовного преступления карается по Уголовному Кодексу в соответствии с наказанием за уголовное преступление, к которому эти действия были направлены» (параграф 7, пункт 2). Если я пишу «вредную книгу», то я, разумеется, помышляю, чтобы ее кто-то читал. Я готовлюсь совершить уголовное преступление. Это не литературное преувеличение, это серьезный вывод. Литературное преувеличение Вы мне, господин доктор, разрешите сделать сейчас: если бы судьба сыграла с Вами скверную шутку и Вы в праздничном зале Карлова университета получили не невинный диплом доктора права *honoris causa*, а обычный диплом, если бы Вы просто стали у нас судьей, то сегодня Вы должны были бы со всем авторитетом шестисот лет Карлова университета осудить чешского автора за рукопись, найденную на его столе, в соответствии с § 100 к трем годам заключения. А если бы он отдал эту рукопись в типографию, тогда от года до пяти лет. В случае же, если бы речь шла обо мне — человеке с двумя незакрытыми судебными делами, то Вы мне, господин доктор, дали бы на всю катушку — простите, полный срок.

Я прошу у вас извинения, господин Генеральный секретарь, что нарисовал Вам столь гнусную картину, но по крайней мере Вы видите, каков я и чем вызвана моя раздражительность. Я хотел только подчеркнуть разницу между двумя типами докторского звания, как они сложились в этой нашей милой старой долине между Альпами, Карпатами и Судетами. Я снова прошу извинения и в знак своего доверия, уверенности в том, что Вы не смогли бы стать таким юристом и судьей, хочу сказать Вам, что в этой отнятой у меня рукописи действительно есть мысли подстрекательские, если к ним подходить с предхельсинкскими мерками. Представьте себе, ведь я писал их потому, что у меня было впечатление, что я дома, в своей квартире, что меня никто не слышит и не видит. Была, скажем, ночь, быть может, я чувствовал сожаление или испытывал гнев, и я излагал это на бумаге свободно и вольно, ну, как будто, например, до войны. Или как во времена Австро-Венгрии. Или как будто бы сейчас мирное время.

Со времени этого военного приключения в прошлогоднем апреле я не могу спокойно думать о своей книге. Стоит мне заправить бумагу в пишущую машинку, я не могу на ней писать ничего другого, кроме протеста. Мир восхищен тем, как американцы и русские проводят в космосе стыковку космических кораблей, а я, далеко под ними, жалко озабочен судьбой своих бумаг. Свои соображения, соображения юриста-дилетанта, я решил опубликовать, что и является, собственно, целью этого письма. Я прошу Вас, господин Генеральный секретарь, передать мои замечания, если Вы найдете, что во всем том, что я сказал, есть хоть капля обособности, какой-нибудь группе юристов поделикатнее наших.

Любое государство, если оно хочет появиться в приличном обществе на торжественных конференциях, считает необходимым гарантировать в своих законах свободу личности. Эта свобода неотделима от слова «Европа». Это самое большое европейское открытие, но сейчас такое время — и это не только моя точка зрения — что за судьбой этого открытия надо лучше смотреть. Например, чем завершается, чем заканчивается человеческая личность? Его носом, пяткой, рукой или, может быть, той линией, которую проводит перо в его руке? До сих пор мне казалось, что человеку разрешено перебрасывать свои мысли из одной половины черепа в другую. Однако, имеет ли он право положить эту мысль перед собою на столе, чтобы иметь возможность ее лучше оценить и выразить? В моей стране это уже спорный момент, господин доктор, и я объявляю Вам об этом, потому что, если в это не вмешаться, возникнет скверный европейский прецедент. Это нельзя исправить только тем, что кто-то вернет мне или моему другу Косику (нас таких много!) наши бумаги как ни в чем не бывало. Здесь должно произойти нечто большее, иначе я не вижу гарантий, что в интересах так называемой профилактической охраны закона в мою квартиру не придет полиция и не спросит меня: «Это о чем же вы хотите думать? А ну, пройдите!».

Отсюда будет только шаг к тому, чтобы в любой другой стране новорожденным младенцам вшивали в черепную коробку устройство, регистрирующее, как шевелятся там их зарождающиеся мысли и переливаются из левой части черепа в правую. А потом через эти устройства можно будет управлять всеми движениями населения земли, управлять с каких-нибудь двух космических кораблей, из которых один будет над Западным, а другой — над Восточным полушарием мозга. С помощью такого своевременного вмешательства уже у новорожденных младенцев — и это ничуть не будет заметней, чем прививка против оспы — можно будет — разумеется, в интересах мира и дружбы на нашей планете — устранять опасность, что где-нибудь еще на этой планете останется зернышко будущего мужества и народной чести. Уважаемый господин Генеральный секретарь, это — почти все, что я думаю. Остальное я мог бы сказать Вам как моему сотоварищу по метафизическому чувству вины. Мы, может быть, милый господин доктор, имеем оба гарантированных хотя бы по одному квадратному метру частной жизни в этой нашей старой и милой равнине.

Я буду ожидать Вашего сообщения. А пока я желаю Вам уверенности в глубоком смысле Вашей работы и успеха, а главное, чтобы не забыть, желаю здоровья, терпения перед лицом испытаний и ласковой защиты святых покровителей.

С совершеннейшим почтением.

Людвик Вацулик

Публикуется по: Социалистическая оппозиция в Чехословакии...
С. 215-226.

Воззвание Хартии 77

1 января 1977 г. Прага
13.10.1976 г. в Своде законов ЧССР (№120) опубликован «Международный пакт о гражданских и политических правах» и «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах», которые от имени нашей республики были подписаны в 1968 г., утверждены в Хельсинки в 1975 г., а с 23.3. 1976 г. вступили в действие у нас. С этого момента наши граждане имеют право, а наше государство обязанность руководствоваться ими.

Свободы и права, которые гарантируются этими пактами, являются важнейшими цивилизационными ценностями, к которым в истории устремлялись усилия многих прогрессивных людей и узаконение которых может существенно помочь гуманному развитию нашего общества. Поэтому мы приветствуем, что ЧССР к этим пактам присоединилась.

Однако их опубликование напоминает нам с новой настоятельностью, сколько основных гражданских прав действует в нашей стране — к сожалению — лишь на бумаге.

Совершенно иллюзорным является, напр., право на свободу слова, гарантированное статьей 19 первого пакта.

Десятки тысяч наших граждан лишены возможности работать по своей специальности лишь потому, что они придерживаются взглядов, отличающихся от взглядов официальных. При этом они являются часто объектом самых разнообразнейших дискриминаций и травли со стороны учреждений и общественных организаций; лишенные какой-либо возможности защищаться, они становятся практически жертвами апартеида.

Сотнями тысяч других граждан попирается «свобода от страха» (преамбула первого пакта), поскольку они вынуждены жить в постоянной опасности, что, если они выскажут свои взгляды, они потеряют работу и другие возможности.

В противоречии со статьей 13 второго пакта, обеспечивающего всем право на образование, неисчислимому количеству молодых людей запрещено учиться лишь из-за их взглядов или даже из-за взглядов их родителей. Бесчисленное количество граждан вынуждено жить в страхе, что, если бы они высказывали свое мнение в соответствии со своими убеждениями, то либо сами, либо их дети могли бы лишиться права на образование.

Реализация права «искать, принимать, распространять информацию и идеи всего вида, независимо от границы, в устной или письменной форме или печатной» либо «посредством искусства» (пункт 2, статья 19 первого пакта) преследуется не только во внесудебном, но в судебном порядке, зачастую под прикрытием криминального обвинения (как об

этом свидетельствуют помимо всего прочего как раз проходящие процессы над молодыми музыкантами).

Свобода общественного проявления подавляется централизованным управлением всех средств массовой информации, а также издательских и культурных учреждений. Никакое политическое, философское или научное мнение либо художественное проявление, лишь немного выходящее за узкие рамки официальной идеологии или эстетики, не может быть опубликовано; сделана невозможной публичная критика кризисных общественных явлений; исключена возможность публичной защиты от неправдивых и оскорбительных обвинений официальной пропаганды (законная защита от «нападок на честь и репутацию», однозначно гарантированная статьей 17 первого пакта, на практике не существует); живые обвинения нельзя опровергнуть и любая попытка добиться исправления или коррекции в судебном порядке тщетна; в сфере духовного и культурного творчества исключена открытая дискуссия. Многие деятели науки и культуры и другие граждане подвергаются дискриминации лишь потому, что несколько лет назад они легально публиковали или открыто выражали свои взгляды, которые современная политическая власть осуждает.

Свобода религиозного вероисповедания, настоятельно гарантированная в статье 18 первого пакта, систематически ограничивается своеволием властей; ограничением деятельности священников, над которыми постоянно висит угроза отказа или потери согласия государства на исполнение ими функций; материальным и другим наказанием лиц, которые проявляют свое вероисповедание словом или действием; подавлением изучения религии и др.

Инструментом ограничения, а зачастую и полного подавления ряда гражданских прав является система фактического подчинения всех ведомств и организаций в государстве политическим директивам аппарата правящей партии и решениям влиятельных лиц во власти. Конституцией ЧССР и другими законами и правовыми нормами не регулируются ни содержание, ни форма, ни формирование и применение подобных решений: они носят преимущественно закулисный характер, часто они существуют лишь в устной форме, в основном не известны гражданам и не контролируемые ими; их инициаторы не несут ответственности ни перед кем, а только перед самими собой и своей собственной иерархией, однако при этом решающим образом оказывают влияние на деятельность законодательных и исполнительных органов государственного управления, юстиции, профсоюзных, отраслевых и всех других общественных организаций, других политических партий, предприятий, заводов, институтов, учреждений, школ и других ведомств, причем их приказы имеют предпочтение и перед законом.

Если организации или граждане, говоря о своих правах и обязанностях, попадут в противоречие с директивой, они не могут обратиться к непартийной инстанции, поскольку таковой просто не существует. Всем этим серьезно ограничиваются права, вытекающие из статей 22 и 21 первого пакта (право на объединения и запрещение каких-либо ограничений на его реализацию перед законом) статьи 25 (равность права принимать участие в управлении общественными делами), статьи 26 (исключение дискриминации перед законом). Подобное положение также препятствует рабочим и другим трудящимся создавать без каких-либо ограничений профсоюзные и другие организации для защиты своих экономических и социальных интересов и свободно пользоваться правом на забастовку (пункт 1 ст. 8 второго пакта).

Другие гражданские права, включая категорический запрет «самовольного вмешательства в частную жизнь, в семью, дома или корреспонденции» (ст. 17 первого пакта), серьезно нарушаются также тем, что министерство внутренних дел самыми различными способами контролирует жизнь граждан, например, прослушиванием телефонов и жилищ, контролем почты, личной слежкой, обысками на дому, созданием сети информаторов из числа населения (полученных зачастую с помощью недопустимых угроз или, напротив, обещаний). При этом часто вмешивается в решение работодателей, инспирирует дискриминационные акции учреждений и организаций, оказывает влияние на органы юстиции, а также направляет и пропагандистские кампании средств массовой информации. Эта деятельность не регулируется законами, является тайной, и гражданин против нее не может никак бороться.

В случаях политически мотивированного судебного преследования органы следствия и органы правосудия нарушают права обвиняемых и их защиты, гарантированные статьей 14 первого пакта и чехосл[овацкими] законами. В тюрьмах к таким людям относятся способом, который нарушает человеческое достоинство заключенных, угрожает их здоровью и пытается их морально сломать.

Повсеместно нарушается и пункт 2 статьи 12 первого пакта, гарантирующий гражданам право свободного выезда из своей страны; под предлогом «охраны национальной безопасности» (пункт 3) это право обуславливается различными недопустимыми условиями. Своевольно поступают и при выдаче въездных виз гражданам других государств, из которых многие не могут посетить ЧССР, например, лишь из-за того, что они по роду своей деятельности или лично контактировали с лицами, дискриминированными у нас.

Некоторые граждане — в частном порядке, на работе или публично (что является практически возможным лишь в зарубежных средствах массовой информации) — обращают внимание на систематиче-

ское нарушение прав человека и демократических свобод и требуют в конкретных случаях их восстановления; однако их обращения остаются в большинстве случаев без ответа, или же становятся предметом расследования.

Ответственность за соблюдение гражданских прав в стране несет, естественно, прежде всего политическая и государственная власть. Но не только она. Каждый несет свою долю ответственности за положение в целом, а следовательно, и за соблюдение узаконенных пактов, которые к тому же обязывают не только правительство, но и всех граждан.

Чувство этой взаимной ответственности, вера в смысл гражданской ангажированности и воля к ней, а также общая потребность искать ее новое и более эффективное выражение привели нас к идее создать ХАРТИЮ 77, о возникновении которой мы сегодня публично извещаем.

ХАРТИЯ 77 является свободным неформальным и открытым сообществом людей разных убеждений, разных вероисповеданий и разных профессий, которых объединяет воля индивидуально и вместе добиваться соблюдения прав гражданина и человека в нашей стране и в мире. Тех прав, которые за человеком признаются двумя узаконенными международными актами, Заключительным актом Хельсинкской конференции, многочисленными другими международными документами против войн, насилия, а также социального и духовного угнетения и которые в общем виде выражает Всеобщая декларация прав человека ООН.

ХАРТИЯ 77 произрастает на почве солидарности и дружбы людей, которые разделяют заботу о судьбе идеалов, с которыми связали и связывают свою жизнь и деятельность.

ХАРТИЯ 77 не является организацией, у нее нет устава, постоянных органов и организационно обусловленного членства. К ней принадлежит любой, кто согласен с ее идеей, участвует в ее деятельности и поддерживает ее.

ХАРТИЯ 77 не является базой для оппозиционной политической деятельности. Она стремится служить общим интересам подобно многим таким же гражданским инициативам в различных странах на Западе и Востоке. Таким образом, она не намерена выдвигать собственную программу политических или общественных реформ или изменений, но вести в сфере своего влияния конструктивный диалог с политической и государственной властью, прежде всего в том плане, что будет обращать внимание на различные конкретные случаи нарушения прав человека и гражданина, готовить на них документацию, предлагать решения, предъявлять различные более общие проекты, нацеленные на расширение этих прав и их гарантий, действовать в качестве посредни-

ка в возможных конфликтных ситуациях, которые могут быть вызваны беспорядком и др.

Своим символическим названием ХАРТИЯ 77 подчеркивает, что она возникает на пороге года, который был провозглашен годом политических заключенных и в котором Белградская конференция должна изучить выполнение принятых в Хельсинки обязательств. В качестве подписантов этого воззвания мы поручаем роль спикеров ХАРТИИ 77 проф. д-ру Яну Паточке, доктору наук, д-ру Вацлаву Гавелу и проф. д-ру Иржи Гаеку, доктору наук. Эти спикеры наделены полномочиями и представляют ее как перед государственными и другими организациями, так и перед нашей и мировой общественностью и своими подписями гарантируют аутентичность их документов. В нашем лице, а также в лице других граждан, которые присоединятся, они будут иметь своих сотрудников, которые вместе с ними примут участие в необходимых переговорах, возьмут на себя часть их роли и будут с ними разделять любую ответственность.

Верим, что ХАРТИЯ 77 будет способствовать тому, чтобы в Чехословакии все граждане работали и жили как свободные люди.

Перевод с чешского автора.

Публикуется по: Charta 77: Dokumenty 1977–1989... Sv. 1. S. 1–5.

ВОЗЗВАНИЕ К 10-Й ГОДОВЩИНЕ ВООРУЖЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В ЧЕХОСЛОВАКИЮ

12 августа 1978 г. Прага

В ближайшие дни исполняется 10 лет вооруженной интервенции пяти стран Варшавского договора на территорию нашей республики, которое проведено без ведома и согласия высших государственных органов чех[ословацкого] государства — президента Республики, правительства и Национального собрания (и без ведома и согласия тогдашнего руководства КПЧ — его первого секретаря, президиума и центрального комитета).

Это вторжение войск явилось противоправным актом, противоречащим Уставу ООН, Варшавскому договору, Договору о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР и ЧССР от 12.12.1943, подписанному двумя странами и действующему вплоть до настоящего времени.

Его противоправность подтверждена и Заключительным актом Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанным в Хельсинки 1.8.1975, который в пункте VI принципов мирного сосуществования содержит обязательство безусловного отказа от какого-

либо вмешательства и в первую очередь вооруженной интервенции государства или группы государств в дела какого-либо другого государства.

Пребывание войск на территории нашей страны было дополнительно урегулировано договором между правительствами ЧССР и СССР от 16.10.1968, причем даже в этом договоре вступление войск не было легализовано.

Согласно этому договору, советские войска остаются временно на территории ЧССР, исключительно с целью обеспечения безопасности страны социалистического содружества передусиливающимися устремлениями западногерманских милитаристских сил (статья 1 договора).

Вот почему мы задаем вопрос, вытекающий непосредственно из текста договора, является ли по-прежнему действительным обоснование относительно пребывания войск в нашей стране, несмотря на то, что отношения между странами Варшавского договора и ФРГ были нормализованы договором между СССР и ФРГ об отказе от силы в их взаимоотношениях (1970) и аналогичным договором между Польской народной республикой и ФРГ, договором, регулирующим отношения между двумя немецкими государствами (1972), и договором о взаимоотношениях между ЧССР и ФРГ (1973), а также несмотря на подпись СССР под четырехсторонним соглашением о Берлине и главным образом на участие всех стран содружества Варшавского договора и ФРГ в Конференции по сотрудничеству и безопасности в Европе.

Настоятельность этого вопроса подтвердил состоявшийся в этом году визит президента ЧССР в ФРГ и визит председателя президиума Верховного совета СССР в ФРГ и их в высшей степени четкое признание мирного характера отношений нашей страны и остальных стран Варшавского договора с ФРГ, при этом нигде не было приведено упоминание об опасности, которой обосновывается в тексте договора временное пребывание войск СССР на территории нашей республики.

Из этих фактов правительства стран-участниц должны были бы сделать выводы, отвечающие не только нормализации отношений с ФРГ, но и главным образом нормализации чехословацко-советских отношений.

Пребывание войск одного государства на территории государства другого в мирное время категорически нельзя считать явлением, признанным нормальным. То, что интервенция в августе столь серьезно осложнила внутривосточное развитие и что последствия этих сложностей мы ощущаем и сегодня, этот вывод лишь подтверждает.

*Д-р Ладислав Гейданек, Марта Кубишова
Д-р Ярослав Шабата
Спикеры Хартии 77*

Перевод с чешского автора.

Публикуется по: Charta 77: Dokumenty. 1977–1989... Sv. 1. S. 162–163.

ВОЗГЛАС ПРОЗРЕНИЯ

Предисловие В. Гавела

к памфлету словацкого писателя

Д. Татарки «Демон согласия»

Октябрь 1985 г. Прага

Писатель может писать о любви, о ревности, об удачах и неудачах в жизни, о человеческой злобе, о природе, о своем детстве, о Боге, о шизофрении; может в своих произведениях философствовать, описывать сложные душевные переживания, педантично придерживаться фактов и придумывать аллегории; может исступленно предаваться самым невероятным и самым изощренным эстетическим изыскам, но он никогда не сможет, если только он настоящий писатель, уйти от одного — от истории. От общественно-политической ситуации. От своего времени. А следовательно, и от политики. Какое бы крупное литературное произведение мы ни взяли, мы всегда, в конце концов, обнаружим, что оно — пусть не прямо, пусть опосредованно — служит свидетельством определенного момента истории общества, человеческой культуры и цивилизации, духовных и общественных событий своего времени. Без этого, мне кажется, настоящее литературное произведение просто невымыслимо.

Конечно, бывают времена, когда политические события, режим и история с особой настойчивостью и бесцеремонностью вторгаются в жизнь людей; и бывают ситуации, когда просто нельзя не столкнуться с политикой и не ощутить ее всем существом. О таких ситуациях и таких временах безошибочно можно судить по литературе. Если это литература хорошая, она всегда будет откровенно политической и острокритической. Будучи выразителем человеческого самосознания, литература не может вырваться из атмосферы своего времени и места. Поэтому там, где политика явно пронизывает всю жизнь, она в большей степени чувствуется и в литературе, как бы литература этому ни сопротивлялась; сам внутренний настрой произведения и его внутренняя логика, иными словами, нечто более сильное, чем авторский замысел, придают ему в определенном смысле политическое звучание. Можно, конечно, сделать так, чтобы создавалось впечатление, будто произведение никак не связано с историческим фоном, что все в нем происходит «просто так», само по себе, но такая заданность — не важно, от кого она идет, от цензора или самого автора, — всегда заметно вредит произведению. Насилие над художественным произведением лишает его именно тех черт, которые в реальной жизни столь наступательно, агрессивно дают о себе знать, и в конечном счете лишает его всего: силы, правдивости, достоверности, красоты.

Перечитывая недавно памфлет Татарки «Демон согласия», я вновь осознал все это. Писатели в тоталитарных государствах, вероятно, инте-

ресуются политикой не больше своих коллег в других, более свободных странах, но тем не менее их произведения (я имею в виду только те, которые чего-то стоят), независимо от воли или интересов их авторов, всегда отличаются большим политическим звучанием.

Когда я читаю лучшие книги современных американских, английских или французских писателей, я, как правило, не могу не испытывать некоторой зависти: хотя контуры реальных событий там часто едва обозначены, у меня не создается впечатления, что их там нет вообще. Более тонкий способ проникновения политики, истории и цивилизации в повседневную жизнь на Западе словно бы открывает простор для широкого спектра более тонких приемов, с помощью которых история и политика проникают в литературу. Так что мне приходится завидовать не только таланту авторов этих замечательных книг, но и их большой внутренней свободе.

Правдивость художественного произведения у них не так связана с необходимостью отражать исторический момент и не столь безнадежно ею ограничена, как здесь, у нас. Ведь у нас, образно говоря, даже описание шума леса более политично, чем в иных литературах.

Известно, что в разные исторические периоды наша литература по-разному взаимодействовала с политикой, постоянно предъявляющей к ней назойливые требования и претензии.

Классическим примером одной из таких форм взаимодействия литературы и политики, примером, выражающим суть целого литературного направления, в наше время является «Демон согласия» Доминика Татарки. Речь идет о направлении, которое я — условно и только исходя из потребностей данного момента — назвал бы «литературой прозрения». Я говорю о тех, кто в большей или меньшей степени принимал идеалы, провозглашенные новым социалистическим строем (или, точнее, «системой социализма»), кто поверил в законность власти, утверждавшей, что она стремится именно к этим идеалам, кто откликнулся на призыв этой власти — отдать свое перо на службу социализму — и кто вскоре понял, что был ослеплен и стал жертвой великого обмана. А потому и сделал свой выбор в пользу правды. Ситуация этого «развода с властью» породила множество значительных произведений, отразивших не только глубокие драматические переживания, связанные с прозрением, но и стремление авторов понять и механизмы времени, и ту роль, которую им приходилось выполнять в них. Даже тогда, когда произведение носило сугубо аналитический или подчеркнуто описательный характер, в подтексте его мы неизменно чувствовали глубокое личное разочарование, которое, пожалуй, можно выразить такими словами: «Что вы с нами сделали?», «Что же это мы сами с собой сделали?», «Что же, собственно, происходит?».

Это, так сказать, произведения-возгласы, произведения — восклицательные знаки. Прозрения с восклицательным знаком.

«Демон согласия» — отчасти автобиографическая новелла, отчасти фантазия-гротеск, отчасти эссе, отчасти публицистика. Но прежде всего это возглас прозревшего человека, который хотел поверить, что король одет, но в один прекрасный день не мог не воскликнуть, что король — голый!

В чехословацкой литературе есть немало книг, которые можно было бы, не умаляя своеобразия каждой из них, отнести к этому направлению. Одни, разумеется, более правдивы, более проникновенны и в художественном отношении более совершенны, другие — менее. Однако их объединяет тот огромный и вполне объяснимый отклик, который в свое время они вызывали; отклик столь непосредственный и бурный, который вряд ли вызовет в обществе даже самое блистательное произведение, появившееся в более свободных условиях. Ведь эти книги, собственно, начали разрывать, казалось, непробиваемый панцирь лжи, сдавливавший — по крайней мере в сфере общественной жизни — все живое. И хотя в нашей стране и раньше существовала правдивая литература (то есть литература, которой не нужно было проходить такого пути к прозрению, ибо определенный трагизм происходящего она осознавала с самого начала), ее непосредственный общественный резонанс не мог идти ни в какое сравнение с воздействием этой новой литературы прозрения, уже хотя бы по причинам «техническим»; это были времена, когда те, кто был «вне», просто-напросто не могли публиковаться. Так что в сфере общественной жизни подлинный отклик имели только правдивые произведения, принадлежавшие перу тех, кто формировался «внутри» официальной или близкой к ней литературы, но разошелся с ее требованиями и заявил о своем прозрении.

Не могу судить, какое место с художественной точки зрения занимает в литературном направлении, о котором я говорю, «Демон согласия», однако я знаю, что это была одна из первых — если не первая вообще — книга этого направления в чехословацкой литературе. Д. Татарка написал ее непосредственно после XX съезда КПСС, и она сразу же стала печататься в еженедельнике «Культурни живот» и стала подлинным событием в культурной и политической жизни. Сравнивая, по прошествии времени, «Демона согласия» с другими произведениями чешской и словацкой литературы», написанными позднее, я не могу избавиться от чувства, не знаю, насколько верного: нравственный пафос этой вещи, ее публицистическая прямота и ясность, романтическая сила и страстность ее удара — все это, как ни странно, вроде бы не соответствует спокойной интонации, тонкой нюансировке и даже некоторой «вальжности», свойственным чешской литературной тра-

диции, а скорее приближает к нам энергию и прямоту, свойственную польской литературной традиции.

Я невольно вспоминаю Ч. Милоша, К. Брандыса, М. Хласко, Т. Конвицкого и других польских писателей, которые в разное время и в разной мере взволновали меня, зачастую именно своим горестным пафосом, героичностью и трагизмом, так что я, выросший в более традиционном и более «реалистичном» духовном климате Чехословакии, особенно остро воспринял их. (Здесь, конечно, необходимо отметить, что речь идет исключительно о духовном родстве, а не о прямом влиянии; большинство произведений польских писателей, с которыми можно было бы сравнивать «Демона согласия», в то время либо еще не были написаны, либо Татарка не имел возможности с ними познакомиться.)

Доминик Татарка — словак. И если он в силу того, о чем я писал выше, представляет собой во всей чехословацкой литературе явление в некоторой степени уникальное, в некотором роде одинокую вершину — я уже говорю обо всем его творчестве — то, очевидно, тем более уникальное явление он в словацкой литературе.

По крайней мере, я не знаю другого словацкого писателя его поколения, который столь бы яростно и одновременно с таким блеском отстаивал бы свои позиции — один против всех. И «Один против ночи» — так называется одна из последних его книг (вышла в 1983 году).

Нечего и говорить о том, что именно поэтому он одновременно является сегодня в Словакии самым запрещенным писателем.

Публикуется по: Иностранная литература. 1990. № 4. С. 5–7.

МАНИФЕСТ ДВИЖЕНИЯ ЗА ГРАЖДАНСКУЮ СВОБОДУ «ДЕМОКРАТИЮ ДЛЯ ВСЕХ»

15 октября 1988 г. Прага

Пришло время для работы поистине политической.

Мы вступаем в сферу, к которой люди относятся с полным недоверием по вине тех, кто его в течение десятилетий оккупирует своей диктатурой и своей некомпетентностью.

Данная сфера должна быть реабилитирована. Политика снова должна стать местом выражения и воплощения истинных интересов общества.

Итоговый баланс семидесятилетнего существования чехословацкого государства не является радостным. Мы живем во времена глубокого нравственного упадка всего общества, живем в недемократических условиях, в условиях ограниченного национального и государственного суверенитета;

приходим в упадок экономически и технологически; творческий потенциал общества в течение длительного периода удушается центральной манипуляцией; жизненная среда у нас становится все более и более отталкивающей; представители новых и новых поколений покидают разочарованные свою родину; наша страна, некогда одна из наиболее развитых в Европе, опускается сегодня до уровня самых отсталых.

Нынешняя власть осознает этот кризис, провозглашает определенные частичные реформы и готовит их. Однако она не способна преодолеть свою собственную тень и отказаться от своего тоталитарного метода правления, который является самой настоящей причиной этого кризиса.

Вот почему час вступления в политику самого общества, то есть всех нас, пробил.

Исходя из этого требования времени, основываясь на многолетних устремлениях Хартии 77 правдиво описывать положение в нашей стране и вдохновленные деятельностью других независимых инициатив в Чехословакии и в других странах советского блока, мы приняли решение создать Движение за гражданскую свободу. Мы рассматриваем его как свободное объединение свободно возникающих и никакому центру не подчиняющихся политических групп и клубов в различных городах нашей республики, в которых будут сосредоточиваться люди, которым не безразлично будущее нашей родины, которые готовы к открытому обсуждению всех политических вопросов, которые уважают принцип плюрализма и которые готовы непосредственно политически ангажироваться либо устройством дискуссионных форумов на рабочих местах или по месту жительства, продвижением различных всеобщих и местных требований, борьбой за независимую кандидатуру на выборах в представительные органы, либо иным путем. Таким образом, Движение за гражданскую свободу должно было стать отправным пунктом свободного проявления политической воли граждан и тем самым средством кристаллизации различных более конкретных ориентированных на политику либо на интересы граждан устремлений.

В качестве исходной точки размышлений, в качестве предложений для разработки либо в качестве всеобщих совместных принципов предлагаем всем нашим соотечественникам, а следовательно, и всем потенциальным участникам Движения за гражданскую свободу, несколько основных идей и целей, по которым у нас к настоящему времени выработана единая позиция.

1. Наша традиция — демократия

После исполненных страданий событий нашей недавней истории многие чехи и словаки задают вопрос, было ли разумным разрушать Австрию и создавать самостоятельное чехословацкое государство, которое — как малая страна в центре Европы — может с трудом

противостоять давлению своих более мощных соседей. Эти люди забывают, что Масарик и его соратники — чехи и словаки — рассматривали возникновение нашей республики как составную часть эпохальной демократической революции, идущую к Европе как постепенно объединяющемуся сообществу демократических государств. Их трактовки исходили из требований современного мира, в котором все общественные силы стремятся к равноправной реализации и в котором границы между народами и государствами будут терять необходимое значение. То есть данная концепция ни в коем случае не была провинциальной или шовинистической. Сколь горькой ни была бы европейская история последних десятилетий, долгосрочная концепция Масарика сегодня тем не менее находит подтверждение как наполненная содержательным смыслом; это доказывает, например, процесс все более углубляющегося объединения многообразия, которое уже в течение длительного времени проходит в западной части нашего континента. Однако большую угрозу — военную или экологическую, которой противостоят Европа и весь мир, — нельзя навсегда предотвратить, если реализация идеала демократического единства будет проходить только в одной части Европы. Поэтому все больше и больше людей на Западе и на Востоке осознают, что единственным путем для всех нас является борьба за полную демократию во всей Европе, то есть и в той ее части, в которой живем мы. Мы убеждены, что это единственно возможный путь и для Чехословакии. Мы пока не знаем, каким способом наша страна будет продвигаться к демократии и какие формы приобретет эта демократия. Простой возврат в прошлое невозможен. Несмотря на это мы полагаем, что идеалы и ценности, на которых создавалось наше государство, а также опыт — хорошим был он или плохим, — который оно приобрело в свое первое десятилетие, являют собой большое и инспирирующее наследие, на которое можно опереться.

Таким образом, о чем в первую очередь должна идти речь — это истинная демократия. То есть демократия для всех. Демократия как система, базирующаяся на духовном, политическом и экономическом плюрализме и на взаимной толерантности.

Без полного нравственного возрождения общества и нового развития его творческих способностей, то есть лишь по какой-то указке сверху, никакая демократия не возникнет — но вместе с тем без формирования демократических структур нравственная и созидательная энергия общества никоим образом никогда не может полностью развиваться и воплощаться в жизнь. Следовательно, одно должно идти рука об руку с другим: гражданская отвага отдельных лиц с формированием новых общественных отношений и структур.

2. Политический плюрализм

Как сторонники свободы духа мы хотим ратовать за то, чтобы ни одно мировоззрение не было поставлено государством выше другого и, следовательно, чтобы подобного рода возвышение не получало опору в конституции либо в других законах; единственным ограничением этого равенства мышления или же его проявления должно быть следующее: оно не распространяется на тех, кто сам его совершенно явно игнорирует и ограничивает. Как приверженцы демократии мы против закрепления в конституции руководящей роли КПЧ либо какой-либо иной политической партии или крупного объединения, которое присваивало бы себе право выступать от имени всех. Пусть правит тот, кто завоеует доверие граждан, если он его потеряет, пусть передаст власть тому, кто приобрел это доверие. По принципиальным соображениям мы отрицаем возвышение какой-либо общественной группы над группами другими. Граждане не должны быть разделены на высшие и низшие категории, номенклатура и кадровые ранги должны быть ликвидированы, ни один политический взгляд не должен заведомо кодифицироваться в качестве критерия способности к исполнению общественной функции.

3. Новая демократическая конституция

На этих принципах должна была бы основываться новая чехословацкая конституция, которая бы действительно определенно гарантировала гражданам равенство перед законом и все основные гражданские права, включая право на свободу мышления, слова, собраний, объединений и реализацию политической воли.

Эта конституция не должна подвергаться сомнению чехословацкий государственный суверенитет.

Далее она должна гарантировать всем гражданам право свободно путешествовать, оставлять свою родину и снова возвращаться; феномен эмиграции, следовательно, должен был бы потерять свой смысл. Если в ряде чрезвычайных случаев это право необходимо ограничить, эти случаи следует в конституции четко определить и следует четко запретить злоупотребления данным ограничением каким-либо иным законом, приговором или самовольной интерпретацией. Ни один гражданин без своего согласия не может быть лишен гражданства.

Конституция должна ввести институт референдума по ряду вопросов всеобщего значения; усилить полномочия президента республики; ввести его всеобщие выборы; учредить административное правосудие. Необходимо также учреждение Конституционного суда как высшего органа защиты конституционности.

Хотя будущая конституция должна в своих базовых принципах стать совершенно ясной и однозначной, вместе с тем она должна быть краткой и не должна излишней детализацией (например, в сфере

структуры государственного управления) мешать возможностям дальнейшего развития.

Одновременно с конституцией необходимо принять Отдельный закон о выборах и политических организациях, который, благодаря такого рода демократической конституции, предоставил бы свободу политической деятельности и конкретизировал методы, с помощью которых различные виды гражданской репрезентации могут добиваться расположения избирателей и участия в управлении общественными делами.

Естественным выражением членов культурного общества и естественной основой его политической жизни является и всегда была жизнь общественная. Поэтому необходимо одновременно с новой конституцией издать и новый закон о свободе собраний, который не умерщвлял бы данную сферу, а, напротив, дал ей возможность вернуться к жизни.

Разумеется, мы знаем, что, сколь бы совершенной ни была конституция, она сама по себе и автоматически настоящую демократию не реализует. Однако само продвижение к демократической конституции означало бы в наших условиях, несомненно, большой шаг вперед.

4. Восстановить правопорядок

Правовая культура, правовое сознание и правовые гарантии в нашей стране деградируют. Первым шагом на пути к их подъему должна стать постепенная перестройка всего правопорядка. Его следует упростить, пересмотреть и изъять из него все тоталитарные черты.

Для этого прежде всего следует привести всю правовую систему в безусловное, не допускающее какие-либо исключения, соответствие с принципами Всеобщей декларации прав человека, кодифицированными в пактах о правах человека и в других международных нормах, которые формально в качестве своих уже приняло наше государство.

Необходимо заново кодифицировать уголовное право, из которого нужно изъять все элементы, которыми можно злоупотреблять в политических целях и которые противоречат демократической конституции, право гражданское, экономическое и административное, причем таким образом, чтобы между индивидуальным и публичным правом складывались взвешенные отношения.

Необходимо восстановить полную независимость судов, гарантированное право защиты и общественный контроль над юридической практикой. Адвокатура должна стать автономной структурой, а защитники должны обладать перед судом теми же правами, какими наделен прокурор. С введением административного правосудия функцию прокуратуры следовало ограничить представительством государственно-го обвинительного заключения в уголовном процессе.

Необходимо разработать новый проект о тюрьмах, который отвечал бы современному уровню знаний и опыту, перевел тюрьмы в граждан-

ское управление и гуманизировал бы их. Заключение гражданина под прикрытием перевоспитания нельзя физически или духовно унижать и эксплуатировать его труд.

Внесение коррективов в закон о КНБ (корпус национальной безопасности) и воспитание всех работников КНБ позволит им вести себя как граждане, задачей которых является защита остальных, но ни в коем случае не верховенство над ними. Безопасность должна подчиняться контролю представительных органов и общественности.

Государственную безопасность, этот мощный, внушающий страх и всемогущий орган силовой манипуляции граждан, фактическая деятельность которого многократно превышает и границы всех его нынешних полномочий, следует трансформировать в необходимую антитеррористическую службу, что в итоге приведет к радикальному изменению его количественного состава.

Реформа экономической системы потребует внесения серьезных поправок в экономическое право. Множество различного рода непрозрачных законов и их новеллизаций, указов и постановлений следует заменить более простым, понятным и, насколько это возможно, стабильным правовым кодексом, который давал бы предприятиям и отдельным лицам уверенность в том, какими правилами следует руководствоваться представителям различных видов экономической деятельности.

Упростить и гуманизировать необходимо и социальное, жилищное и в первую очередь административное право: гражданина нужно избавить от страха перед чиновниками как некой современной верховной властью, а сами чиновники должны находиться под контролем представительных органов и общества; недопустимо, чтобы, к примеру, депутаты национальных комитетов являлись лишь придатком или декором их аппарата. Если национальный комитет не хочет превратиться в простую насмешку над своим названием, его аппарат не может поступать более авторитарно, чем бывшие гетманства.

5. Сохранить жизненную среду

Нашей стране и здоровью всех нас угрожает серьезная опасность. Воздух отравлен выбросами, водные пути промышленными стоками, земля и продовольствие искусственными удобрениями, наши леса проигрывают в химической войне, которая ведется против них. Они варварски уничтожаются как легкий источник сырья для деревообрабатывающей промышленности тех стран, которые берегут свои леса. Все большее число людей вынуждено жить в мрачных казарменных жилых массивах, строительство которых почти без исключения ведется на уже давно изжившей себя панельной технологии; жизнь в этих жилищных массивах приходит в запустение и множит новые социальные

проблемы. Мы строим гигантские электростанции, уничтожающие обширные территории и их экосистемы, и при этом наша отсталая промышленность занимает одно из первых мест в Европе по неэкономному ее потреблению. Хотя мы приветствуем появление любого очистительного сооружения, но очистительные сооружения сами по себе положение не исправят. Необходимо принципиально менять мышление и практику в нашей экономике в целом и в конце концов понять, что с точки зрения перспективы экологически несовершенные предприятия и с экономической точки зрения являются самыми невыгодными. Нельзя по-прежнему продолжать эксплуатировать собственное будущее, а за сиюминутный экономический эффект расплачиваться тем, что наших внуков будет окружать пустыня. Мы убеждены, что плюралистическая экономика — способная гибко реагировать на опыт людей и достижения науки — облегчит эти революционные преобразования. Она облегчит их, но не станет гарантией. Свой вклад должна внести организованная и мужественная воля всех, кто осознает гибельность сегодняшней практики. При вмешательстве в жизненную среду необходимо учитывать мнение населения соответствующей области и принимать во внимание их точку зрения.

6. Пути к экономическому процветанию

Наш опыт показал, что без политического плюрализма невозможен и экономический плюрализм и что без экономического плюрализма экономика страны отстает и деградирует. Вот почему такое преобразование политической системы, которое нами предлагается, может открыть дверь к поистине радикальной экономической реформе, которая освободит предприятия от давления центральной бюрократии. Можно творчески влиять на предприятия с помощью финансовых инструментов, целенаправленной поддержки перспективных отраслей и в первую очередь восстановлением принципа спроса и предложения, конкуренции и денежных рыночных отношений.

Мы полагаем, что естественной составной частью радикальной экономической реформы должен стать поиск новых форм общественной собственности предприятия, включая формы самоуправления. Мы также за обширную поддержку кооперативов, за плюрализм различных видов форм собственности и решений, а также за такие условия, которые позволяли бы разнообразным экономическим секторам и предприятиям находить ту форму, которая наилучшим образом соответствовала бы их специфическим потребностям, лучше всего способствовала реализации их предпринимательских способностей и тем самым наилучшим образом способствовала их процветанию.

Неизбежным является полное возрождение частного предпринимательства в сфере ремесленничества, мелкой торговли, мелких и

средних предприятий, части сельского хозяйства и в культуре. Там, где сами земледельцы отдадут предпочтение семейной ферме или долговременной аренде земли кооперативом, там следовало бы разрешить эти виды деятельности, поскольку здесь появится надежда, что их личная польза приведет в конечном счете и к выгоде всего общества. Без инициативного участия частников, мелких кооперативов и мелких самостоятельных предприятий нельзя предоставить населению удовлетворительные услуги, разнообразный ассортимент потребительских товаров, развитие изобретательства. Этой сфере надо будет оказывать масштабную поддержку, предоставляя ей на первых порах долгосрочные кредиты, а также налоговые льготы и материальную помощь. Одновременно здесь могли бы создаваться новые рабочие места для тех, кто будет их терять в ходе неизбежного сокращения непомерно разбухшей администрации и принятых решений о закрытии нерентабельных предприятий. Это предпринимательство должно располагать правовой базой, гарантирующей его участникам, что они не будут лишены плодов своего труда.

Что касается крупной промышленности, необходимо перестроить ее таким образом, чтобы в ней рентабельность не подчинялась политике, а именно: искусственной занятости или предпочтениям, вытекающим из неестественных международных экономических отношений. Чехословацкая экономика должна естественным образом включиться в мировую экономику, основанную на выгодном для всех международном разделении труда.

7. Свободная духовная жизнь

Ни одна проблема этой страны не будет решена, если о ней нельзя будет публично свободно говорить и писать. Духовная жизнь, культура и средства массовой информации являются чем-то вроде мозга или нервной тканью общества, то есть инструментом его самосознания, фокусом его познания и самопознания, местом, где открывается и формируется его моральное существование и идентичность. Следовательно, первым условием всех изменений к лучшему является свобода культуры в самом широком смысле этого слова.

Поэтому в первую очередь следует ликвидировать не только все явные и скрытые формы цензуры, но и все виды централизованной манипуляции в этой сфере. Необходимо разрешить свободное создание и деятельность независимых средств массовой информации, издательств, агентств, театров и других учреждений культуры, причем как на государственной основе, так и на основе кооперативной и частной. Никакие центральные органы или государством манипулируемые творческие союзы не могут ограничивать духовное проявление или принимать решения о его качестве; оценить его должна общественность. Управления могут лишь создавать для культуры

материальные и организационные условия: союзы могут только представлять служебные, трудовые или социальные интересы своих членов; ни один из них не может иметь априори монопольное положение и тем самым чинить препятствия созданию другого.

Необходимо провести последовательные перемены и в сфере образования, современный упадок которого является тревожным. Школа это далеко не только то место, где молодые люди готовятся к профессиям, в которых нуждается народное хозяйство, и уж тем более не может быть средством какой-либо идеологической индоктринации или моделирования податливого и неспособного к самостоятельному мышлению населения. Ему следовало бы давать поистине всестороннее образование, воспитывать свободу духа, расширять кругозор и помогать в нравственной ориентации в мире. Поэтому и в сфере образования должен проникнуть принцип мировоззренческого и институционального плюрализма. Необходимо гарантировать неприкосновенность академической сферы, необходимо устранить политические критерии при выборе педагогов, учеников и слушателей или при присвоении научных званий; везде должны решать лишь способности, профессиональная квалификация и человеческие ценности.

В науке также необходимо сделать возможным разрешить создание различных самостоятельных рабочих мест, исследовательских институтов, опытных лабораторий, дотированных государством или отдельными предприятиями, кооперативами, организациями или фондами. Абсолютно свободное движение людей и идей является в научном и университетском мире давно само собой разумеющимся; если его снова не сделать возможным, расплачиваться за это будем в первую очередь мы сами.

8. Свобода вероисповедания

Духовный плюрализм означает не только равенство и взаимоуважение людей различных взглядов, но их взаимное уважаемое право свое мышление проявлять в соответствующих институтах и публично. Поэтому мы полностью поддерживаем требование отделения церкви от государства и требование предоставить верующим такие же свободы, какими они обладают во всех цивилизованных странах. В том числе должна быть гарантирована свобода мужских и женских монастырских сообществ в соответствии со столетними традициями. В религиозной свободе заинтересованы не только отдельные сообщества, но все мы. До тех пор, пока христианин не может действительно жить как христианин, никто, включая атеиста, не может жить полнокровной жизнью, как тот, кем он себя чувствует. Государственный контроль над церквями является аморальным, поскольку вносит в общество неравенство: часть граждан подлежит из-за своей веры еще одному и непосредственно в законе закреплённому ограничению по сравнению со всеми остальными гражданами.

данами. Мы считаем с исторической точки зрения чрезвычайно важным, что в не столь отдаленные времена именно католики в таком масштабе выступили за права верующих и гражданские права.

9. Независимые профсоюзы

Трудящиеся должны иметь право создавать профсоюзы снизу, организовываться в них так, как сами они считают для себя приемлемым, и с их помощью проявлять свои истинные служебные и социальные интересы. Опыт ясно показывает, насколько важным является право на плюрализм и в профсоюзной жизни. Монопольные, управляемые государством профсоюзы, сколь бы великолепно они ни работали — не могут по самой своей сути быть ничем иным кроме как одним из инструментов тоталитарной власти. Если же государство не должно быть единственным работодателем всех трудящихся или же единственным дозволенным представителем их интересов, то уж тем более оно не может быть ими двумя сразу. Профсоюзы должны быть независимыми от государства и от работодателей, если они должны исполнять свою истинную роль, если должна функционировать здоровая экономика и если не должны все больше и больше далее углубляться латентные социальные проблемы.

10. Против милитаризации общества

Весьма актуальными по различным причинам, от моральных и социальных вплоть до внешнеполитических и экономических, мы считаем существенное сокращение сроков воинской службы, введение альтернативной службы для граждан, которым их совесть не позволяет носить оружие, снижение и обнародование военного бюджета, гуманизацию воинской службы, ликвидацию всех полувоенных организаций или запрещенных законом вооруженных формирований, а также демилитаризацию воспитания детей и гражданской жизни в целом. Существующее положение в данной сфере — реликт сталинизма. Вместе с тем мы требуем начать переговоры о выводе советских воинских частей из Чехословакии. Аргумент, что они вынуждены находиться здесь по причине стратегического равновесия, мы не признаем, поскольку это именно те части, которые своим приходом нарушили стратегическое равновесие и которые сегодня поддерживают асимметрию в сфере конвенционных сил в Европе, которая признается самим Варшавским договором.

11. Национальная самобытность

Чехословакия возникла как первое совместное и одновременно подлинное государство двух родственных народов, чехов и словаков, и вместе с тем как государство с крупными национальными меньшинствами. Двадцать лет назад оно стало по праву федерацией. Однако мы полагаем, что данная федерация утратит смысл, если по-прежнему будет оставаться лишь исключительно административной формой централистской и недемократической власти. Федерализованной тоталитарной.

литарности должна прийти на смену федерация демократическая, поскольку лишь она может функционировать как неманипулированное выражение воли наших народов к совместной государственной жизни и создавать им одновременно условия для самобытного развития, вытекающего из аутентичных устремлений. Стремление к демократическому плюрализму должно было бы сопровождаться растущим пониманием естественной специфичности общественных структур, которая будет проявляться в обеих национальных республиках и в жизни меньшинств.

Демократическое отношение ко всем национальным меньшинствам, проживающим в Чехословакии, то есть к венграм, полякам, немцам и русинам, должно было бы отличаться более глубоким уважением к тому, какие права требуют сами эти меньшинства и какими способами они сами их реализуют. У граждан цыганской и еврейской национальности следует признать их этническую индивидуальность и вытекающие из этого права.

Наше свободное государство имеет немало горького опыта с недостатком уважения к национальным различиям, независимо от того, происходило это от него самого либо же от государств, окружавших его. Уже хотя бы поэтому оно должно уделять национальному вопросу гораздо больше внимания, нежели то, какое уделяется сегодня по вине системы, господствующей в нем.

12. Чехословакия — составная часть Европы

Путь Чехословакии к демократии мы рассматриваем как интегральную часть более масштабного процесса, который с различной степенью интенсивности и в разных формах проходит сегодня в большинстве государств советского блока. Граждане начинают заявлять о своих свободах и правительства начинают осознавать, что тоталитарная система заходит в тупик.

Разумеется, мы связываем этот процесс не с желанием насильственного разрыва союзов, которые исторически сложились между нашими странами, а с желанием превратить их в союзы также демократические, основанные на равноправии и полном уважении к воле и интересам всех его участников. То есть он направлен не на дестабилизацию, неопределенность и конфликты, а, напротив, на преодоление пережитков сталинской имперской политики. Одновременно мы хотели бы покончить с пережитками холодной войны, с традиционной политикой равновесия двух сверхдержав в Европе и с сомнительным убеждением, что единственное, что можно сделать для мира, это укреплять статус-кво. Длительный и истинный мир может быть основан только на взаимодоверии полноправных народов и демократических государств. Однако такое доверие не рождается в кабинетах дипломатических переговорщиков. Там оно может воплотиться в конкретные результа-

ты, если получит развитие сначала в европейском сообществе как целом. А это может произойти лишь в том случае, если люди начнут конкретно, практически и ежедневно убеждаться в том, что растет уважение к правам граждан и народов — причем в первую очередь в той части Европы, где до сих пор его было меньше всего. Лишь при этом условии станет реальной демократическая интеграция Европы.

Следовательно, наше устремление к демократии не нацелено, как можно увидеть, против какого-либо государства или народа, но, напротив, хочет быть составной частью длительной борьбы за истинное понимание, искреннее доверие и все более аутентичное сотрудничество всех. Следовательно, борьбы, которая должна была бы вылиться в то, что Масарик некогда назвал «человечеством как дружеским целым».

Мы не утописты, нас нельзя назвать нетерпеливыми, и мы хорошо знаем, что за одну ночь Чехословакия не станет демократическим и процветающим государством. Перед всеми нами еще достаточно не легкого труда. Однако его начало дальше уже нельзя откладывать, нечего уже ждать чего-то. Слишком много опасных туч собирается над современной цивилизацией и слишком глубоким является кризис, в котором оказывается наша родина, чтобы можно было позволить себе такую роскошь.

Призываем всех наших сограждан, чтобы с помощью способов, которые сами считают наиболее удобными, они встали на путь, который мы предлагаем. Они могут это сделать не только поставив свою подпись под этим манифестом, но и любой конкретной работой за победу демократии в нашей стране.

Далее следуют подписи.

Перевод с чешского автора.

Публикуется по: Hnutí za občanskou svobodu. 1988–1989. Sborník dokumentů / Eds. R. Hlušíčková, B. Císařovská. Praha, 1994. S. 25–34.

Программная декларация подготовительного комитета Клуба за социалистическую перестройку — «Возрождение»

Февраль 1989 г. Прага

Мы являемся гражданами, убежденными в гуманных, нравственных и социальных ценностях социалистического общественного устройства. Мы считаем, что для него характерными являются в первую очередь демократическое самоуправление свободных людей, эффективная плюралистическая экономика, освобожденный от эксплуатации и от прочих чуждых несправедливостей труд, гражданское равенство и справедливость, набор социальных гарантий, гарантия правового го-

сударства, развитие образования и культуры, комплекс человеческой деятельности с природой как основой жизни, как и развитие духовных ценностей, а также национальных и интернациональных традиций.

Мы думаем, что таким образом трактуемый социализм остается вплоть до сегодняшнего дня преимущественно лишь идеалом. Практические попытки его воплощения принесли за прошедшие 70 лет обширные опыт и знания. Многие социальные прогрессивные элементы упрочились в жизни народов как неотъемлемая составная часть их жизни. Однако в то же время социалистические идеи были дискредитированы преступлениями сталинизма и бюрократическими деформациями не только в Советском Союзе, но при содействии внутренних сил и в других странах, последовавших его примеру. Не оправдались многие надежды, которые после жестокого опыта 30-х годов и после ужасов Второй мировой войны прогрессивные люди всего мира вкладывали в социализм. Попытки реформаторов вернуть социализму демократические и человеческие черты закончились неудачей и восстановлением режима неосталинского типа, опасность и безысходность которого доказана историей.

В нашей стране после освобождения 1945 г. имелись чрезвычайно благоприятные условия развития общества на основе демократического социализма. Однако главным образом после февраля 1948 г. в результате объединения внутренних и внешних сталинских сил произошел отход от этого пути и копирование «советского образца». Случай вернуться к нераздельному симбиозу национальных, демократических и социальных идеалов, которые являются нашей самой выразительной специфической традицией, привел к созданию широкого реформаторского движения 60-х годов. Однако вселявшая надежды попытка провести глубокие общественные преобразования в ходе процесса возрождения Пражской весны 1968 года была прервана военной интервенцией, а впоследствии сорвана.

Последовали два десятилетия консервативной политики, которая свергла наше общество в начале 80-х годов в состояние глубокой политической, экономической и нравственной депрессии.

Было и остается совершенно естественным, что мы приветствовали революционную демократическую перестройку в Советском Союзе и других социалистических странах. Родилась надежда, что и в нашей стране могут начаться общественные преобразования, продолжающие как прогрессивные традиции, так и политику Дубчека, сформулированную в Программе действий в апреле 1968 года, основные идеи которой до сегодняшнего дня не утратили своей инспирирующей силы.

Считаем необходимым заявить о своей солидарности и поддержке нового мышления и общественной перестройки, в первую очередь процесса демократизации во внутренней и внешней политике Советского Союза.

Этот процесс должен содействовать как динамике развития Советского Союза, так и формированию мирного демократического и совершенно равноправного сосуществования наций и государств, которые нарушались как в истории человечества, а также в нашей собственной истории.

В своих устремлениях мы хотим базироваться не только на наследии прошлого, идеях нашего демократического и социалистического процесса возрождения периода 1968 года и сегодняшней перестройки в Советском Союзе, но и на опыте и успехах, достигнутых на благо людей социалистическими, демократическими и некоторыми коммунистическими партиями в западной части нашего континента.

Происходящие процессы в сегодняшнем Советском Союзе мы воспринимаем как начало нового этапа развития мирового социализма, демократического возрождения коммунистических партий и режимов в восточной части Европы и в то же время как подающую надежды инициативу к повторному объединению всех социалистических тенденций в Европе в единое плюралистическое течение.

Демократический социализм не должен быть отдаленным идеалом, он может стать реальностью намного раньше, чем это кажется сегодня.

Прошедший 1988 год, связанный со знаменательными историческими датами и с ускорением движения в общественном мышлении, убедил нас в том, что мы вступаем в драматическую стадию развития. Мы стоим лицом к лицу с политическим, экономическим и нравственным кризисом. В поиске выхода из него мы не недооцениваем разного рода опасности, которое приносит с собой стремительное ускорение общественного движения, но также и опасности в виде изживающих себя неосталинистских тенденций и консервативных сил.

Определенным позитивным шагом в нашем положении является факт, что после длительного периода подавления реформаторского социалистического движения и после изначальных плохо скрываемых сомнений догматиков в неизбежности перестройки чехословацкие партийные и государственные органы провозгласили курс на реформы. Наша просвещенная общественность имеет все основания дифференцироваться и не доверять бюрократическому аппарату и конкретным лицам, которые привели страну к нынешнему критическому состоянию и неожиданно прокламируют желание осуществлять необходимые изменения. Их прошлое не дает никаких гарантий, что они искренни в своих намерениях и не ведут борьбу лишь за сохранение своих личных выгод.

Если перестройка будет стремиться лишь к частичному ремонту нынешней системы, сохраняя при этом безоговорочную монополию на власть коммунистической партии во всех сферах жизни общества, в этом случае — как мы убеждены — будет продолжаться стагнация и упадок

вплоть до открытого кризиса, который может привести к дальнейшей нежелательной общественной конфронтации в обществе.

Коммунистическая партия должна продемонстрировать значительно более глубокую и более демократическую инициативу не только в экономике, но в первую очередь в политике и идеологии, которые приведут к принципиальным системным изменениям. Это не простая задача и здесь не обойтись без критического анализа старой системы и отжившего политического курса, без последовательного возрождения самой партии, отсутствие готовности которой к реформаторскому курсу очевидна.

В этом плане возникает ряд актуальных вопросов. Мы считаем несостоятельной и противоречащей научному взгляду монополизацию изложения теории социализма и оценку его политической практики единственным политико-идеологическим центром, особенно таким, который демонстрирует отсутствие правдивого подхода к историческим фактам и научным изысканиям. Грубой ошибкой и политической изменой партийной идеологии является то, что вплоть до настоящего времени даже не предпринята попытка дать анализ сталинизма, неосталинизма, действующих и в нашей стране как, скорее всего, самой вредной ревизии социализма во всей его истории.

Собственно, в этом кроется причина, почему данная идеология в противоречии со здравым смыслом продолжает оттаивать своеобразный плод консерватизма — Уроки кризисного развития [в партии и обществе после XIII съезда КПЧ].

Без правдивого и очищающего слова о более отдаленном и близком прошлом, а также о современном состоянии нашего общества невозможно правильно формулировать теорию новой модели социализма, нельзя также делать правильные политические шаги в реформаторских устремлениях и получать поддержку граждан нашей республики в их пользу.

Пока же мы являемся свидетелями ухода от этих и подобных им вопросов либо их досадного извращения.

Вместо политики диалога и сотрудничества со всеми слоями общества и вновь возникающими независимыми демократически и социалистически ориентированными гражданскими инициативами мы являемся постоянными свидетелями политики подавления и нетолерантного отношения к инакомыслящим. Эти инициативы в большинстве криминализируются и считаются антиобщественными и подрывными силами.

На международной арене подобного рода политика также не обладает достаточным весом, ставя под сомнение декларируемые намерения правящих кругов. Она не может не создавать трудности и советскому руководству, которое пытается вскрыть негативные последствия брежневской политики, несущей ответственность за пагубную военную интервенцию в Чехословакию, а также в Афганистан. Она на-

носит вред и международному социалистическому движению, которое признает неприкосновенность права народа на свободу выбора.

Решающим условием успешности любых реформ, включая экономические, является глубокая демократизация всей общественной жизни в целом. Без демократии все другие изменения увязнут в песке. Лишь в условиях демократических общественных отношений и при уважении гражданских прав и свобод можно повысить моральный и политический дух людей. В этом мы видим главный смысл перестройки и поэтому публикуем эту декларацию.

Не претендуя на истину в последней инстанции и на готовые рецепты, мы хотим своими предложениями и критическим взглядом внести свой вклад в разработку предложений по оптимальному решению актуальных проблем общества и его будущего прогресса. В условиях открытой дискуссии мы намерены стремиться к тому, чтобы наша родина снова встала на путь всестороннего прогресса.

Поэтому мы приняли решение создать Возрождение — Клуб за социалистическую перестройку, в котором социалистически и демократически мыслящие граждане без различия партийной принадлежности нашли бы среду для свободного обмена мнениями по вопросам состояния и развития нашего общества, содержания и форм неизбежных в нем перемен. Нашим помощником станет журнал «Диалог» и другие формы.

Цель клуба содействовать тому, чтобы в нашей стране конституционный тезис о трудящихся как единственном инструменте власти содействовал бы развитию всех демократических форм общественной жизни и постепенному переходу государственного управления к самоуправлению. В этом смысле и в соответствии с другими гражданскими инициативами мы будем стремиться к совершенствованию конституционности и правопорядка в соответствии с обязательствами, которые содержатся в международных соглашениях и которые ратифицированы нашими государственными органами, в первую очередь в пакте о правах человека, вытекающих из принципов Всеобщей декларации прав человека.

Одной из первоочередных целей нашей деятельности мы считаем содействие заключению основного национального соглашения всех общественных классов и групп, а также идейных течений с целью создания благоприятствующей перестройке политической атмосферы. Напряжение в обществе, особенно между правящими центрами и значительной частью общественности, включая гражданские инициативы, необходимо устранить. Отсутствие диалога с неформальными объединениями и их репрессии блокируют демократическое развитие и ухудшают общественный климат. Возрождение своей социалистической альтернативой перестройки политики, экономики и культуры на-

мерено помочь преодолению противоречий в обществе и разработать соответствующую концепцию демократического устройства отношений в государстве, которую могли бы поддержать все прогрессивно мыслящие граждане. Мы также попытаемся сформулировать разумные и полезные выходы, которые удовлетворили бы обоснованные требования широких слоев общества и помогли начать демократическую перестройку политических и государственных институтов.

В этом смысле наш клуб будет поддерживать и развивать все реформаторские шаги, которые направлены на последовательное постепенное преодоление кризиса и демократическое решение проблем. Он сохранит при этом независимые позиции, критическое отношение к правительственным мероприятиям и право вносить собственные инициативные предложения, руководствуясь принципом мировоззренческого плюрализма и формирующимся общественным мнением.

В качестве важнейшей составной части своей деятельности считаем объяснение полной картины национальной истории и истории государства без каких-либо белых пятен. Наша общественность и особенно молодежь хотят знать светлые и темные стороны нашей истории и находить в ней эффективный источник правдивого урока. Только так можно добиться возрождения нашей духовной и культурной жизни, оживления патриотизма.

Мы будем стимулировать научные изыскания не только в историографии, но и в других общественных науках, в философии, социологии, экономике, науке об управлении и др. Мы намерены проводить тематические семинары, дискуссии специалистов по актуальным вопросам, вечера вопросов и ответов в русле культурных человеческих отношений, гражданской этики и толерантности.

Мы осознаем наши скромные политические возможности и технические средства, но это не мешает нам излагать и решать жгучие задачи, которые настоятельно ставит перед нами само время. Официальные правящие круги призывают к гражданской ангажированности. Мы рассматриваем данный призыв в качестве своего.

Мы понимаем перестройку как историческую задачу, нацеленную на систематическое расширение сферы творческой активности людей, воплощения в жизнь результатов свободно развивающихся наук, использовать и обогащать лучшие традиции народов нашей страны, но также все общечеловеческие ценности, в первую очередь европейской цивилизации от античности до христианства и просвещения вплоть до современного демократизма.

Социализм, который должен явиться итогом этого процесса, сможет тем самым успешно выполнять свою национальную и интернациональную миссию и предпринимать совместные шаги по формированию

всемирного экономически и экологически развитого и равноправного сообщества народов, в котором свободное развитие каждого станет условием свободного развития всех.

Подписи

Перевод с чешского автора.

Публикуется по: Obroda — Klub za socialistickou predstavbu. Dokumenty. Eds. Z. Kokošková, S. Kokoška. Praha, 1996. S. 48–51.

ХЕЛЬСИНКСКАЯ ИНИЦИАТИВА К ДЕМОКРАТИЗАЦИИ И СОЗДАНИЮ ПРАВОВОГО ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ГОСУДАРСТВА.

Из заявления Демократической инициативы

26 мая 1989 г. Прага

15 января 1989 г. чехословацкое правительство присоединилось к Заключительному документу венского очередного заседания СБСЕ. Тем самым чехословацкое государство обязалось «обеспечивать на своей территории каждому, кто находится под его юрисдикцией, права человека и основные свободы без каких-либо различий, независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национальности или общественного положения, имущественных отношений, места своего рождения или других обстоятельств» (параграф 13.7 принципов). В этой связи каждое государство-участник должно совершенствовать свои законы, административные предписания и политику в сфере гражданских, политических, экономических, социальных, культурных и других прав человека и основных свобод и осуществлять их на практике так, чтобы было ликвидировано всё то, что ограничивает права человека и человеческое достоинство, а также гарантировать соблюдение этих прав и свобод (параграф 13.1 принципов).

Государственное, политическое и правовое развитие современной Чехословакии не указывает, что ЧССР собирается следовать вышеуказанным обязательствам. «Совершенствование законов, административных предписаний и политики» в значительной степени связано с трактовкой новой конституции (май 1990). Однако нет оснований сомневаться, что данная конституция пойдет навстречу обязательствам Чехословакии в хельсинкском процессе. Более того, уже в ходе ее подготовки принимаются законы, противоречащие духу венского документа, обостряют внутриполитическое положение и фактически ухудшают правовое положение настолько, что можно без преувеличения говорить о чрезвычайном положении. В сложившихся условиях Демократическая инициатива считает необходимым высказать свою позицию по вопросам современного положения и представить свои собственные предложения.

В первую очередь, вносим свои замечания в связи с общим планом разработки и одобрения новой конституции и способом, по которому чехословацкое законодательство должно разрабатываться в соответствии с международными обязательствами. Далее мы приводим конкретные предложения наряду с проектами их решения.

1. Если конституция должна быть действительно демократической (и в любом другом случае ее подготовка является более чем проблематичной), ее разработку нельзя возлагать на комиссию, недемократически назначенную высшими органами. Речь идет об общенародной и общегосударственной задаче; ее решение в современный период принципиально должно поручаться демократическим избранным представителям населения.

2. Вот почему конституцию не может готовить ФС ЧССР, поскольку сегодня всем уже известно, что и ФС избиралось недемократическим путем на выборах, которые не были регулярными. В результате и его состав отвечает лишь запросам по административно-церемониальному одобрению решений, которые предлагают авторитарные органы.

3. Поэтому необходимо приступить к разработке и принятию *чрезвычайного избирательного закона* и на его основе избрать *конституционное собрание*. На него следует возложить задачу разработки в кратчайшие сроки проекта новой демократической конституции и вынесение ее на всенародное голосование.

Мы предлагаем следующие действия:

а) принять конституционный закон о завершении деятельности ФС ЧССР до 1.1.1990 г., о выборах в учредительное собрание и о подготовке новой демократической конституции (включая и краткую публичную дискуссию) до 28.10.1989 г.

б) выборы в учредительное собрание до мая 1990 г.

г) разработку новой конституции и нового избирательного закона с вынесением двух проектов на публичное обсуждение до 1.1.1991 г.

д) завершение дискуссии до 1.5.1991 г.

е) представление конституции и избирательного закона в ФС на всенародное голосование, референдум — завершение деятельности учредительного собрания до 28.10.1991 г.

ж) выборы в новое Федеральное собрание до января 1992 г.

4. Из вышеприведенного ясно, что с воплощением в жизнь принципов хельсинкского процесса, в первую очередь Заключительного документа венского заседания СБСЕ, новая конституция не возникнет. Напротив, необходимо реализовать принципы этого документа в нашей правовой системе как можно раньше, готовя, помимо прочего, почву для разработки и принятия демократической конституции (имеется в виду в первую очередь фактическое правовое состояние и правовое сознание населения).

Конечно, дефицит времени не позволит на стадии, предшествующей разработке конституции, подготовить или же принципиально изменить целый ряд чехословацких норм и постановлений. Поэтому мы предлагаем чрезвычайный шаг. Этим шагом является введение *переходного демократического периода* в правовой сфере, который следует продлить до разработки новых норм закона на основе новой конституции.

5. В правовом отношении демократический период нужно обеспечить принятием поправок к существующей конституции, обязывающей исполнительные органы безоговорочно принять принципы принятого в Вене Заключительного документа и руководствоваться его принципами и духом принятых заключений. (Это означает, например, немедленную отмену выездных клаузул, введение права каждого гражданина на загранпаспорт, который можно изъять у него лишь на основании решения суда либо же если указанный гражданин является носителем государственных секретов.)

Переходный период должен обеспечить последующую реализацию существующих законов в соответствии с буквой, значением и духом венского Заключительного документа (так, для прессы, объединений и собраний должна быть по-прежнему принципиально разрешена любая деятельность; ее можно запретить лишь в случае предъявления доказательств о ее проникновении духом расизма, пропагандой войн и фашизма). Следовательно, и при имеющихся законах должна существовать возможность добиваться судебных приговоров.

6. С учетом исключительной важности данной сферы конституционный закон обязан немедленно и полностью решить вопрос об *уголовных репрессиях*. Данная сфера является не только чрезвычайно чувствительной и несущей налет предшествующего авторитарного развития, но и значимой для общественной и политической жизни страны в целом <...>.

7. Как уже говорилось, специальный конституционный закон должен

а) определить дату досрочного завершения деятельности нынешнего ФС;

б) определить способ выборов учредительного собрания (чрезвычайный избирательный закон) и продолжительность срока его деятельности.

Выборы в учредительное собрание должны быть равными, прямыми, тайными и всеобщими. Кандидатом может стать любой гражданин, которого поддержит определенное количество граждан.

8. Независимо от того, как в итоге будет проходить подготовка новой конституции, мы считаем как само собой разумеющееся начать в ближайшее время *публичную дискуссию* (курсив в оригинале. — Э. З.) о принципах, на которых она должна строиться.

Демократическая инициатива считает особо актуальными следующие вопросы:

- а) равенство всех граждан, защита меньшинств, основных прав человека и свобод;
- б) обязанности граждан даны самой низшей ступенью подчиненности свободы отдельного индивидуума обществу;
- в) разделение исполнительной, законодательной и судебной властей;
- г) обеспечение свободы предпринимательства и плюралистической собственности (государственной, кооперативной, общественной и частной);
- д) учреждение конституционного суда для рассмотрения принципов, согласно которым законы действуют одинаково для каждого и высший закон диктует низшему;
- е) запрещение монополий в политической, экономической и профсоюзной жизни;
- ж) введение административного правосудия;
- з) введение референдума в предусмотренных и оговоренных конституцией случаях.

Демократическая инициатива

Перевод с чешского автора.

Публикуется по: Čas Demokratické iniciativy 1987–1990. Sborník dokumentů / Eds. R. Hlušičková, M. Otáhal. Praha, 1993. S. 131–135.

Проект воззвания об учреждении координационного комитета чехословацкой политической оппозиции

Октябрь–ноябрь 1989 г. Прага

Представители нижеперечисленных гражданских инициатив обсудили современное внутривластное положение в Чехословакии и пришли к единому мнению: в то время как в других социалистических странах развитие направлено на реализацию прав человека и создание основ демократического государственного строя, развитие в ЧССР идет в обратном направлении: в сторону усиления авторитарного, по своей сути несталинистского государства. Будучи твердо убежденными в том, что это положение и развитие находятся в резком противоречии с жизненными интересами народов ЧССР, участвующие гражданские инициативы решили объединиться с целью достичь превращения нынешнего авторитарного чехословацкого государства в плюралистическую демократию, демократическое государство с процветающей рыночной экономикой, справедливой социальной политикой и обеспечением гражданских свобод. С этой целью учреждается координационный комитет чехословацкой политической оппозиции.

К... (отточие в оригинале. — Э. З.) ноября 1989 г. в координационном комитете чехословацкой оппозиции представлены: Чехословацкая демократическая инициатива, Движение за гражданскую свободу, и Возрождение — Клуб за социалистическую перестройку. Комитет открыт для других общественных и политических объединений.

Членство в координационном комитете было также предложено двум спикерам, стоявшим у истоков Хартии 77, проф. Иржи Гаеку и Вацлаву Гавелу.

Координационный комитет чехословацкой политической оппозиции намерен проводить регулярные консультации по концепциям своей деятельности с круглым столом оппозиции, объединяющей все независимые группы. Однако он заявляет о своем желании сотрудничать также с отдельными лицами и инициативными группами в официальных органах и структурах, если эти инициативные группы и отдельные лица будут проявлять заинтересованность в такого рода сотрудничестве.

Координационный комитет будет стремиться к тому, чтобы в кратчайший срок был учрежден репрезентативный Национальный и гражданский комитет, объединяющий представителей всех слоев населения, способный формулировать, отстаивать и добиваться реализации их интересов.

С этой целью мы начнем объединять добровольные команды профессионалов и потребуем от Национального и гражданского комитета, чтобы в сотрудничестве с ними был составлен перечень проектов, направленных на разрешение глубокого кризиса нашего общества.

В политической сфере речь пойдет о проектах конституционно-правовых и политических реформ, которые должны обеспечить переход ЧССР к плюралистическому демократическому государству. С ними будет связана работа над квалифицированными проектами по выведению страны из экономического кризиса и переход к рыночной экономике, в которой разнообразные формы собственности заменят нынешнее директивное управление и централизованное планирование.

Эта работа по решению актуальных вопросов страны не может избежать как вопросов устранения принесенного жизненной среде ущерба, оздоровления загрязненной атмосферы, воды и продуктов питания, так и улучшения катастрофического состояния чехословацкого здравоохранения. Затем, но ни в коем случае не в последнюю очередь, нужно будет заниматься конкретными мерами по защите уровня жизни и социальных прав трудящихся в современный период.

Вся эта работа впереди. Непосредственным началом деятельности нашего комитета станет подготовка важного заявления в адрес высших государственных органов. Это заявление будет содержать требование принципиального изменения хода работы над проектом конституции,

чтобы можно было бы обеспечить работу над конституцией действительно демократической, а также принятие чрезвычайных законов об основных гражданских правах. В духе международных обязательств ЧССР эти законы вплоть до принятия новой конституции должны обеспечивать свободу слова, вероисповедания, объединений, собраний и передвижения.

Перевод с чешского автора.

Публикуется по: *Hnutí za občanskou svobodu...* S. 241–243.

ВОЗЗВАНИЕ «НЕСКОЛЬКО ФРАЗ»

29 июня 1989 г. Прага

Первые месяцы 1989 года еще раз четко показали, что хотя нынешнее чех[ословацкое] руководство очень часто клянется словами «перестройка» и «демократизация», фактически оно достаточно ожесточенно противится всему тому, что составляет демократию, или тому, что хотя бы отдаленно напоминает ее. Петиции и инициативы граждан, к организации которых оно не имеет отношения, правительство отвергает как «акции нажима», иные политические взгляды оно осуждает как «антисоциалистические» и «враждебные», разгоняет мирные демонстрации людей, не допускает общественность к участию в подготовке новых законов. Вместе с тем эти же месяцы показали, что гражданская общественность избавляется от летаргии и что все больше людей имеют мужество публично проявлять свое стремление к общественным преобразованиям. Тем самым движение в обществе начинает все более серьезно сталкиваться с закостенелостью власти, в обществе растет напряженность и возникла опасность открытого кризиса.

Такого кризиса никто из нас не желает.

Поэтому мы призываем руководство нашего государства, чтобы оно поняло, что пришло время провести реальные и последовательные преобразования системы и что эти преобразования можно провести; они будут успешны лишь только тогда, когда им будет предшествовать поистине свободная и демократическая дискуссия. Первым шагом на пути к каким-либо содержательным преобразованиям, начиная с новой конституции и заканчивая экономическими реформами, должно быть, следовательно, принципиальное изменение общественной атмосферы в нашем государстве, в которое надо вернуть дух свободы, доверия, толерантности и плюрализма.

На наш взгляд, для этого нужно:

- чтобы были немедленно освобождены все политзаключенные;
- чтобы были прекращены ограничения свободы собраний;

— чтобы прекратились криминализация и преследования различных независимых инициатив и чтобы наконец и правительство стало воспринимать эти инициативы так, как они в глазах общественности уже давно воспринимаются. А именно как составная часть общественной жизни и легитимное выражение её многообразия. Одновременно не следовало бы чинить преград для возникновения новых гражданских движений, включая независимые профсоюзы, союзы и объединения;

— чтобы все средства информации и вся культурная деятельность были освобождены от любых форм политической манипуляции, а также предварительной и скрытой цензуры, открыты пути свободного обмена мнениями; чтобы были легализованы средства массовой информации, которые сегодня действуют независимо от официальных структур;

— чтобы уважались законные требования всех верующих граждан;

— чтобы все планируемые и реализующиеся проекты, имеющие долговременный характер, а также вносящие изменения в окружающую среду в нашем государстве и предопределяющие тем самым жизнь будущих поколений, немедленно были представлены для всесторонней экспертизы специалистов и общественности;

— чтобы была начата свободная дискуссия не только о пятидесятых годах, но и о пражской весне 68, вторжении пяти стран Варшавского договора и последующей «нормализации». Печально, что, если некоторые страны, армии которых в то время вторглись в чех[ословацкое] развитие, сегодня уже начинают вести предметную дискуссию по данной теме, у нас она по-прежнему остается большим табу, и это лишь потому, чтобы не могли подать в отставку те представители политического и государственного руководства, кто несет ответственность за двадцатилетнюю стагнацию всех сфер общественной жизни в нашей стране.

Каждый, кто согласен с этой позицией, должен ее поддержать своей подписью.

Мы обращаемся к правительству с призывом, чтобы оно не поступило с ним так же, как до сих пор привыкло обращаться с неудобными взглядами. Тем самым оно нанесло бы настоящую рану надеждам, которыми мы руководствуемся, то есть надеждам на реальный общественный диалог как единственно возможный выход из тупика, в котором сегодня находится Чехословакия.

Без подписи

Публикуется по: Центральноевропейские страны на рубеже XX–XXI веков. Аспекты общественно-политического развития. Справочник. М., 2003. С. 137–139.

Статья В. Гавела «Время между банкротом и политиком»

7 октября 1989 г. Прага

Похоже, закончился период чего-то такого, что я для краткости, чисто условно, неточно и не слишком красиво назвал бы «классическим диссидентством». Под этим я подразумеваю эпоху, когда единственным истинным свободным гражданским голосом, который у нас звучал, был голос сравнительно небольшого и в глазах многих сограждан едва ли не самоубийственного сообщества людей, решавших высказывать вслух правду, невзирая на последствия, которыми им это грозило. Хотя эти люди пользовались симпатией известной части общества, подобные симпатии тщательно скрывались, так как немногие готовы были подставить себя под такой же удар, как «диссиденты». Прямых, явных и осязаемых политических успехов у этой независимой инициативы, конечно, было не так уж много; ее смысл — по крайней мере для меня — прежде всего лежал в нравственной плоскости: она создавала некий «нравственный горизонт», определяла некий пограничный критерий ценностей, устанавливала некую бесконечно удаленную точку, к которой можно было стремиться, протягивала в самой глухой чаще тонкий проводок преемственности, по которому от светлых полян прошлого к долгожданым светлым полянам будущего передавалась идея истинной гражданственности. Не было никаких гарантий, брезжила лишь надежда, что такая поляна однажды все же появится и что все это донкихотство когда-нибудь оценят, ибо оно позволит тем, кто шагнет на эту поляну, с чего-то начать, за что-то ухватиться. Чтобы им не пришлось строить, так сказать, в чистом поле.

Я не утверждаю, будто мы уже вышли на эту такую поляну. Мне кажется только, что виден просвет и что где-то на горизонте мы начинаем прозревать эту поляну.

Разумеется, момент прозрения — это не то же самое, что момент выхода на поляну. Наоборот, это совершенно не совпадающие одна с другой точки, отмечающие некоторую особую новую фазу, которая несет отчетливые черты временного положения дел, или переходного периода. Независимые инициативы и независимая культура уже давно не существуют лишь в строго параллельном мире, отделенном толстой стеной от жизни всего общества; короче говоря, мы уже не живем в гетто. С другой стороны, все еще отсутствует сколько-нибудь нормальная политическая культура, составной частью которой мы могли бы быть; отсутствует настоящая общественная жизнь, как естественный для всех и естественно проявляющийся феномен свободной гражданственности. Ввиду этого независимые инициативы, уже отнюдь не являясь тем, чем они были до недавних пор, в то же время еще ни в коей мере не стали (и не могли стать) тем, чем многим хотелось бы их видеть

и в качестве чего их многие уже и воспринимают. То есть реальной политической оппозицией со всеми ее составляющими, начиная от харизматических профессиональных лидеров и кончая конкретными и исполнимыми политическими программами.

Эта насквозь переходная ситуация, когда мы уже не таковы, каковы были, но одновременно еще и не такие (и не можем, а часто и не хотим быть такими), какими мы должны стать, слегка тревожна, несколько беспорядочна, но прежде всего очень трудна. Она ставит перед нами много новых задач, включая новое осмысление самих себя и необходимость участия в будущем во множестве, вероятно, весьма жарких споров о том, как эти задачи решать.

Всеобъемлющего решения не может предложить никто; само собой, нет его и у меня. По поводу предстоящих нам задач могу высказать лишь несколько личных замечаний и рекомендаций:

1. Независимые инициативы не должны были бы впадать в чрезмерную эйфорию от того, что люди выходят на демонстрации, что они не боятся вместе с ними подписывать неудобные властям петиции и что часть общества начинает воспринимать эти инициативы как реальную политическую альтернативу, связывать с ними (часто до болезненного) свои надежды и верить, что они решат за общество все то, что на самом деле обязано и может решить единственно само общество. Такое упоение от вдруг обретенной собственной значимости (после стольких лет мучительного параллельного существования) более чем понятно: новая ситуация дает нам прекрасное чувство удовлетворения и согревающее душу ощущение того, что все как будто бесполезное, чем мы годами занимались, оказалось не таким уж бесполезным. Но чем психологически понятнее такое упоение, тем важнее для нас не поддаваться ему и не потерять трезвой рассудительности. Таким образом, первое, что я рекомендую — это реализм.

2. Независимые инициативы не должны никогда вставать в горделивую, но по существу довольно сомнительную и политически абсолютно бесперспективную позу — что, мол, они как единственные праведники, которые уже пятнадцать лет назад имели мужество публично говорить то, что сегодня говорит каждый, автоматически призваны играть некую «руководящую роль»; все, что бы они ни предприняли, заведомо лучше того, что предпримут другие. И после всего пережитого ими они не вправе компрометировать себя общением с тем, кто проснулся без пяти двенадцать, ибо моральный кредит имеют они, а не он. Короче говоря, им не следует забывать о том, что они сами всегда подчеркивали: они борются не за свои интересы, а за интересы общества. Кажется, подобная позиция у нас не слишком распространена, но думаю, что не вредно будет заранее указать на такую опасность. Если мое предостережение излишне, тем лучше.

3. Новая ситуация, характеризующаяся повышенным интересом к независимым инициативам и особой популярностью, которой они пользуются, может вводить их (и порой уже водит) в искушение постоянно демонстрировать самим себе, властям и обществу свое присутствие и свой вес, выступая с множеством не слишком содержательных деклараций, которые невольно переносят акцент с того, что реально делается, на то, какой резонанс это получает. Иногда кажется даже, будто кое для кого важнее как можно более громко объявить о некотором проекте, чем провести его в жизнь. Довольно соблазнительным, но весьма опасным представляется мне и другое искушение: сосредоточить — под давлением бурной эпохи — слишком большое внимание на действиях хотя и полезных, но в конце концов лишь сиюминутных, в ущерб занятиям менее заметным и с точки зрения настоящего момента менее привлекательным, но с точки зрения будущего, быть может, более важным. Я имею в виду кропотливый повседневный труд по выработке концепций и осознанию эпохи, организационные усилия по развитию и совершенствованию искусства вести дискуссии, которое Масарик считал предпосылкой всякой демократии, и культивирование тем самым гражданской жизни. Пусть мы никогда не сможем всесторонне подготовиться к вероятному непредсказуемо лучшему будущему и не избежим в нем импровизаций, нам все же следует по крайней мере стараться быть как можно более готовыми к нему с точки зрения как конкретных проектов, так и формирования гражданского сознания, без которого даже самый достойный проект не имеет каких-либо шансов на успех.

4. Наконец, я бы подчеркнул еще самое, по моему мнению, главное. Чем активнее мы займемся реальной политикой, тем настойчивее мы должны напоминать себе об изначальных — нравственных — корнях нашей деятельности и тем зорче следить, как бы наша ответственность случайно и незаметно не начала подозрительным образом разделяться надвое: на ответственность человеческую и политическую. Ответственность бывает лишь одна; будь мы самыми униженными узниками, изгоями общества или же глашатаями народной воли, мы обязаны руководствоваться исключительно совестью — действовать иначе означало бы растоптать не только собственное прошлое, но и все наши шансы на будущее. Я всегда был и до сих пор остаюсь уверен в том, что источник всех кризисных явлений, среди которых мы живем, кроется в нравственном кризисе общества и что никакой наш кризис — экономический, политический, экологический — нельзя разрешить иначе как через преодоление нравственного кризиса, то есть преодоление той дьявольской идеологии эгоистической заботы о самом себе и человеческого и гражданского безразличия, которой так долго было насквозь поражено наше общество. Поэтому я считаю исключитель-

но важными — может быть, даже самыми важными из всего — такие проявления, как скромная «гуманитарная помощь» жителей Малой Страны беженцам из Восточной Германии, стихийный сбор средств в помощь Армении или зарождающиеся на различных собраниях, будь то демонстрации, богослужения, концерты или что угодно иное, приметы единения народа. Эти добрые человеческие проявления и есть самая лучшая социальная почва любой хорошей политики. Это и есть подлинные зародыши той истинной гражданственности, на которую должен опираться всякий, кто будет заниматься в дальнейшем политической работой, ибо без этого он окажется в вакууме, один как перст, о котором говорил недавно Милош Якеш.

Публикуется по: Гавел В. Гостиница в горах. М., 2000. С. 135–138.

**ОБРАЩЕНИЕ НЕЗАВИСИМОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
«ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ИНИЦИАТИВА»
С ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ ПО РЕШЕНИЮ КРИЗИСА В ОБЩЕСТВЕ**

19 ноября 1989 г. Прага

Ситуация в нашей стране обострилась, выйдя на этот раз уже за все допустимые пределы. Такого полицейского насилия и жестокости против мирной демонстрации мы не помним со времен пятидесятых годов. Нам не нужно, видимо, напоминать, сколь огромную ответственность за это неблагоприятное развитие несет нынешнее правительство и правящая политическая партия. Если бы мы сейчас требовали только того, чтобы из Праги были немедленно выведены дежурные отряды органов общественной безопасности и чтобы было немедленно прекращено полицейское преследование протестующих граждан и независимых активистов, мы требовали бы лишь малую толику того, что в данный момент действительно необходимо. Собственно, благоразумие и совесть нам велят, чтобы нынешнее правительство подало в отставку, но до этого сделало возможным переход к более демократическому и более гуманному способу правления.

Мы требуем от нынешнего правительства следующее:

— чтобы правительство подало в отставку до 25 ноября 1989 г.

— чтобы до этого времени были проведены переговоры и на их основе заключено соглашение о формировании правительства гражданского сосуществования.

Эти переговоры нынешнее правительство должно провести:

— с Александром Дубчеком и членами государственного руководства [возглавлявшими страну] до вооруженной интервенции 21 августа 1968 г.

— с Вацлавом Гавелом и другими представителями независимого оппозиционного движения.

— с не скомпрометировавшими себя представителями существовавшего правительства, которые еще не утратили полностью доверия населения.

Таким образом, правительство гражданского сосуществования должно быть сформировано из этих трех групп, то есть из представителей государственного руководства накануне августа 1968, из представителей независимой оппозиции и из нескомпрометированных представителей нынешнего правительства, которые еще не совсем потеряли доверие населения. Участие представителей реформистского движения с 1968 г. должно подчеркнуть преемственность демократического процесса в ЧССР, а деятельность независимых гражданских групп должна впоследствии обеспечить участие в правительстве населения.

Нынешнее правительство ЧССР еще до своего ухода в отставку должно издать конституционный закон, согласно которому до 1 декабря 1989 г. необходимо завершить деятельность Федерального собрания; кроме того оно должно также торжественно провозгласить абсолютную силу гражданских прав, содержащихся в международных пактах о правах человека и гражданина и в заключительных документах Венской конференции.

Правительство гражданского сосуществования затем в качестве одного из своих первых шагов предложит Федеральному собранию до 15 декабря 1989 г. новый, демократический закон о выборах, на основе которого до 1 февраля 1990 г. будет избрано Конституционное собрание ЧССР. Закон о выборах должен позволить выдвигать кандидатуру кандидатам независимых групп, а также всем тем, кто получит поддержку не менее 1000 чехословацких граждан.

Проведение этих шагов, на наш взгляд, является единственным приемлемым путем к тому, чтобы политическая и общественная жизнь в ЧССР вернулась в нормальное русло.

Чехословацкая демократическая инициатива предлагает с момента своего создания конкретную программу мирного перехода к демократии, которая вылилась бы в свободные выборы и формирование плюралистического общества с развитой рыночной экономикой. Недавно она учреждена в качестве независимой политической партии, которая хочет в соответствии со своим Программным обращением бороться за общую гуманизацию чехословацкого общества в рамках международных соглашений и традиций духовного и культурного наследия христианской Европы.

Президиум ЧДИ

Перевод с чешского автора.

Публикуется по: *Čas Demokratické iniciativy...* S. 205–206.

**ОБРАЩЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ФОРУМА О ЕГО УЧРЕЖДЕНИИ
И ТРЕБОВАНИЯХ**

19 ноября 1989 г.

после 22.00 час. Прага

На встрече в зрительном зале пражского Драматического клуба 19.11.1989 в 22 часа создан Гражданский форум как представитель той части чехословацкого общества, которая занимает более критическую позицию по отношению к политике современного чехословацкого руководства и которая была в эти дни глубоко потрясена жестокой расправой с мирными студентами-демонстрантами. В работе этого форума принимают участие Хартия 77, Чех[ословацкий] Хельсинкский комитет, Круг независимой интеллигенции, Движение за гражданскую свободу, Артфорум, Возрождение, независимые студенты, Чех[ословацкая] демократическая инициатива, КЗНП, Независимое мирное объединение, Открытый диалог, чехословацкий центр Пенклуба, некоторые представители Чех[ословацкой] социалистической партии, Чех[ословацкой] народной партии, церкви, творческих и других союзов, некоторые бывшие и нынешние члены КПЧ и другие демократически мыслящие граждане. Гражданский форум считает себя способным немедленно начать переговоры с государственным руководством о критическом положении в нашей стране, выражать актуальные требования общественности и вести переговоры о их решении.

Такие переговоры, которые положили бы начало всеобщей дискуссии о будущем Чехословакии, Гражданский форум хочет начать переговорами о следующих неотложных и широкой общественностью все более открыто формулируемых требованиях:

1. Чтобы немедленно ушли со своих постов те члены Президиума ЦК КПЧ, которые непосредственно связаны с подготовкой интервенции пяти стран Варшавского договора от 1968 г. и которые несут ответственность за многолетнее опустошение всех сфер общественной жизни в нашей стране. Речь идет конкретно о Густаве Гусаке, Милоше Якеше, Яне Фойтике, Мирославе Завадиле, Карле Хоффмане и Алоизе Индре. Пагубная политика этих людей, которые в течение лет отрицали какой-либо диалог с обществом, совершенно закономерно вылилась в грозные события последних дней.

2. Чтобы немедленно ушел в отставку первый секретарь ГК КПЧ в Праге Мирослав Штепан и федеральный министр внутренних дел Франтишек Кинца, которые ответственны за все вмешательства, которые полиция в последние месяцы проводила против мирно манифестирующих граждан.

3. Чтобы была создана комиссия, которая конкретно займется исследованием этих вмешательств, найдет их виновников и предложит их

наказание. В этой комиссии должны быть представители Гражданского форума.

4. Чтобы были немедленно освобождены все узники совести, включая тех, кто был задержан в связи с последними манифестациями.

5. Гражданский форум требует, чтобы данное обращение было опубликовано в официальных чехословацких средствах массовой информации.

6. Гражданский форум надеется, что его возникновение и деятельность отвечает воле 40 000 нынешних подписантов петиции «Несколько фраз» и является открытым для всех составных частей и сил чехословацкого общества, которые хотели бы, чтобы наша страна встала на путь мирных поисков пути к демократическому общественному устройству, а тем самым и экономическому процветанию.

За Гражданский форум:

Инж[енер] Рудольф Баттек, Петр Чепек, Вацлав Гавел, Милан Грушка, проф. д-р. Милан Елинек, Милан Княжко, д-р. Любомир Копецки, кандидат наук, Иржи Кржижан, Вацлав Малы, Мартин Мейштрик, Петр Ослазы, доц. д-р. Либор Паты, канд[идат] наук, Яна Петрова, Ян Румл, проф. д-р. Венек Шилган, Ондржей Троян, инж[енер] Йозеф Ваврошек, канд[идат] наук, Саша Вондра.

Перевод с чешского автора.

Публикуется по: *Sik J. Občanské fórum. Dokumenty. Listopad-prosinec 1989. Brno, 1998. D. 2. S. 13-14.*

ПЕРВОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ «ОБЩЕСТВЕННОСТЬ ПРОТИВ НАСИЛИЯ»

20 ноября 1989 г. Братислава

Возмущенные насильственными мерами против недавней мирной студенческой манифестации в Праге, встретились представители культурной и научной общественности и решили создать «Общественность против насилия».

Наша цель — содействовать прекращению насилия и проведению необходимых общественных преобразований.

Мы глубоко обеспокоены нынешним состоянием чехословацкого общества. Уже в течение длительного времени мы являемся свидетелями деформаций в общественно-политической жизни, хронических болезней в экономике, падения уровня социальной защиты и здравоохранения, образования, культуры, опустошения жизненной среды, нарастающей напряженности между отдельными группами населения, поколениями, между нациями и национальностями в Чехословакии и углубляющегося нравственного кризиса.

Старые способы решения этих проблем себя не оправдали. Растет беспокойство людей и вместе с тем нарастает равнодушие и чувство разочарования.

Неправильные оценки сложившегося положения приведут в конце концов к насилию на улицах. Мы убеждены, что нам не выбраться без активной позиции всех нас.

Включайтесь вместе с нами в борьбу за начало общественного диалога, за истинную, а не только продекларированную демократию. Мы выступаем со своей инициативой за улучшение отношений, каждый на своем месте, на работе, в школе, в обществе. Апеллируем в этом плане к общественным и политическим организациям, членами которых мы являемся. Мы все требуем, чтобы на всех уровнях нас и наши интересы представляли честные люди, которым мы доверяем.

Сегодня, на пороге последнего десятилетия этого тысячелетия, и для нашей страны открывается реальный путь к демократии, на который уже встали окружающие нас страны.

Для нас неприемлемо, чтобы наша страна со своими демократическими традициями и миллионами творческих людей оставалась островом стагнации и упадка.

Возьмем же как граждане наши дела в свои руки.

Перевод со словацкого автора.

Публикуется по: Verejnost' proti násiliu 1989–1991. Svedectva a dokumenty. Bratislava, 1998. S. 306.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 В оригинале — Революционное движение Яна Палаха.

2 Не получив ответа от Г. Гусака, Я. Шабата в августе 1973 г. отправил копию этого письма генеральному секретарю Коммунистической партии Великобритании Дж. Голлану и попросил его о посредничестве. См.: Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 152.

3 Чехословацкая тюрьма.

4 В тексте — словенскую.

5 Последнее из семи писем, в котором дается описание положения в Чехословакии. В 1974 г. эти письма на немецком, итальянском, голландском, русском, чешском и иврите опубликованы в виде книги анонимно на Западе.

6 В оригинале — Обозины.

7 Партийный актив МВД ЧССР, напуганный начавшейся в 1973 г. в Вене конференцией о сокращении войск в Европе, просил чехословацкое и советское Политбюро не допускать ухода советских войск из Чехословакии. — Прим. ред.

8 Имеются в виду события 1953 г. в Берлине, волнения рабочих в Познани и Вроцлаве в 1956 г., оккупация Венгрии в 1956 г., разгон демонстрации бастующих в Щецине

в 1970, волнения после XX съезда КПСС в Тбилиси, расстрел демонстрации в Новочеркасске в 1962 г. — Прим. ред.

9 По преданию, в горе Бланик спят чешские рыцари, которые придут на помощь стране в момент смертельной опасности. — Прим. переводчика.

10 Письмо адресовано ФС ЧССР и Словацкому Национальному Совету.

11 С помощью понятия энтропии было сформулировано второе начало термодинамики — закон, выражающий направление изменений энергии. В изолированной системе в результате изменений энергии постепенно исчерпывается способность к дальнейшим изменениям; пониженная энергия, не способная к превращению в другую энергию, накапливается до тех пор, пока энтропия не достигнет максимума — состояния теплового равновесия. Следует отметить, что в середине XX в. теория информации распространила это понятие на все дисциплины, подразумевая под ним меру (не)определенности и (не)упорядоченности системы («Краткий философский словарь») — Прим. автора.

12 В оригинале — Валдгейму.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации
- ВКК — Временный координационный комитет
- ВСРП — Венгерская социалистическая рабочая партия
- ГДР — Германская демократическая республика
- ГФ — Гражданский форум
- ДГС — Движение за гражданскую свободу
- ИКП — Итальянская коммунистическая партия
- КАН — Клуб беспартийных активистов
- КОР — Комитет защиты рабочих
- КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
- КПЧ — Коммунистическая партия Чехословакии
- КСП — Клуб за социалистическую перестройку
- НФ ЧССР — Национальный фронт Чехословацкой Социалистической Республики
- ОВД — Организация Варшавского договора
- ОИДМ — Общество по изучению демократического социализма
- ООН — Организация объединенных наций
- ОПН — Общественность против насилия
- ПНР — Польская народная республика
- ПОРП — Польская объединенная рабочая партия
- РСРП — Революционная социалистическая партия
- РФ — Российская Федерация
- СБСЕ — Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе
- СДЧГ — Социалистическое движение чехословацких граждан
- СНС — Словацкий Национальный Совет
- СССР — Союз Советских Социалистических Республик
- ССР — Словацкая Социалистическая Республика
- СЭВ — Совет экономической взаимопомощи
- ФКП — Французская Коммунистическая партия
- ФС ЧССР — Федеральное собрание Чехословацкой Социалистической Республики
- ФФ КУ — Философский факультет Карлова университета
- ЦК КПСС — Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза
- ЦК КПЧ — Центральный комитет Коммунистической партии Чехословакии
- ЦСП — Центральный совет профсоюзов
- ЧДАС — Чехословацкое движение за демократический социализм
- ЧКД — Чехословацкий транспорт
- ЧНС — Чешский Национальный Совет
- ЧНСРП — Чехословацкая национально-социалистическая партия
- ЧСАН — Чехословацкая Академия наук
- ЧСП — Чехословацкая социалистическая партия
- ЧСР — Чешская Социалистическая Республика
- ЧССР — Чехословацкая Социалистическая Республика

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Адамец Л. 225, 242–245, 248–249, 253, 259, 261, 274, 283–285, 287–288, 290
- Альенде С. 148
- Амальрик А.А. 121, 167
- Арагон Л. 139, 147, 176, 331
- Арцимович Л.А. 144
- Ауэрсберг П. 310
- Баллек Л. 245
- Балоушек Р. 48
- Барбирек Ф. 25
- Барновский М. 14, 245
- Барта М. 291
- Бартош П. 220
- Бартошек К. 132
- Баттек Р. 72, 83, 102, 132, 184, 200, 205, 221, 234, 235–236, 241, 256, 280, 318, 429
- Башта Я. 85–86, 88, 91
- Беднарова 203
- Бёль Г. 139, 147, 157, 166, 174
- Бенда В. 60, 171, 185, 190, 194–195, 200, 203, 236, 241
- Бенчик А. 151, 255
- Бергурн Ф. 13
- Бери З. 271
- Берлингэр Э. 168, 189
- Бияк В. 25, 29, 153, 233, 242, 259, 271, 310
- Блажек П. 14
- Бовуар Симона де 89
- Боголюбов Н.Н. 144
- Боннер Е.Г. 144, 176–177
- Бор Н. 145
- Боухал Я. 254, 256, 291
- Боффа Дж. 159
- Бочек К. 146
- Брандт В. 189, 205, 350, 355
- Брандыс К. 399
- Братинка П. 236, 241, 270
- Брежнев Л.И. 23, 25, 35, 51, 145, 160–161, 201, 320, 328, 333
- Бродский И.А. 209–210, 215
- Бухарин Н.И. 86
- Вавроушек Й. 429
- Вагнер Й. 72, 318
- Вайс П. 245
- Валенса Л. 273
- Вальдахайм К. 384
- Ванек М. 14
- Вацулик Л. 72, 81, 133, 145–146, 154, 157, 165, 182, 189, 204, 318, 335, 384, 389
- Вашичка З. 328
- Веверка Ю. 238
- Владислав Я. 204
- Власак Ф. 22
- Вогрызек Й. 203
- Водслонь Ф. 43, 68, 158, 163
- Волков В.К. 16, 289
- Вольный С. 150, 157, 167–168
- Вондра А. 235, 255, 429
- Вондрова Й. 36
- Воронов Г.И. 23, 25
- Врабец В. 251, 255, 291,
- Выдра Л. 238
- Выдра Э. 228
- Вурм П. 120–121, 124, 128–129
- Выроубал А. 120, 128
- Гавел В. 9–10, 16, 69, 72, 80, 131, 133, 137, 143, 155–156, 158, 164–165, 169–171, 173–174, 176–179, 181–183, 187–188, 190–191, 193, 195–198, 200, 203–204, 206, 209–211, 213–215, 220–221, 224, 228, 235, 238–239, 242, 248, 258, 270, 280, 273, 282, 284, 288, 318, 394, 396, 420, 423, 426, 429
- Гавеман 168
- Гавличек-Боровский К. 257
- Гаек И. 22, 157, 160–161, 163, 165, 182, 184, 187, 194, 200, 238, 251, 394, 420
- Гаек М. 184, 250–251, 253, 255–256, 291
- Ганес Д. 50
- Ганзелка И. 162
- Гароди Р. 134
- Гашпарик Ш. 22
- Гвижжяла К. 137
- Гегенбарт Р. 242
- Гейданек Л. 132, 185, 194, 200, 211, 212, 395
- Гейзлар З. 148, 167
- Главаты Я. 48
- Голан Г. 12
- Голлан Дж. 430

- Гольдштюкер Э. 29, 46, 148
 Гомбик Р. 228
 Гомулка В. 103
 Горачек М. 284–285
 Горбаневская Н.Е. 167
 Горбачев М.С. 216–218, 225, 239, 243–244, 250–251, 261, 289, 291–293
 Готвальд К. 69
 Гофман К. 153
 Гохман И. 150, 166
 Грабал Б. 165, 209
 Градилек З. 255
 Градилек Т. 236, 241
 Грасс Г. 148, 166, 176
 Грегр М. 255
 Григоренко П.Г. 117
 Гроссер Й. 69
 Грох Я. 121
 Грушка М. 429
 Гус Я. 204
 Гусак Г. 24–25, 28, 30, 35–36, 41, 45–46, 56, 60–61, 65, 67–68, 70–71, 79–80, 87, 97, 104, 114–115, 128, 130, 135, 140, 142, 146–147, 151–155, 162–163, 170, 174, 225, 233, 242, 244, 248, 272, 293, 297, 310, 312, 324, 330, 333, 335–337, 358, 428, 430
 Гуссерль Э. 187–188
 Гюбл М. 95, 97, 114–115, 131–133, 184
 Даниел Я. 12, 17, 35, 38, 90, 113–114, 308
 Дворжак Т. 220, 238
 Деваты С. 237
 Деймал И. 88, 91
 Джилас М. 85–86, 121
 Дзур М. 25
 Дикусенко А. 12, 16
 Динстбир И. 143, 190, 203
 Длоуги В. 274
 Долежал Б. 170–171, 221, 224, 237, 271
 Доманский Й. 251, 255, 291
 Достоевский Ф.М. 209, 215
 Дубчек А. 23–25, 28–40, 45–48, 50–51, 55–60, 62–63, 65, 67, 74, 80, 83, 86, 90, 95, 150–154, 158, 165, 182, 216–217, 231, 233–234, 246, 255, 297, 320–321, 341–342, 344, 346–349, 351–353, 358, 411, 426
 Дурман К. 249
 Дус 132
 Дымачек М. 33, 39, 45
 Дюрай М. 202, 228
 Ежек Т. 274
 Елинек М. 236, 429
 Едличка 167
 Ежек Т. 170
 Ездинский К. 161, 167–168
 Ельцин Б.Н. 216
 Завадил М. 428
 Загладин В.В. 243–244, 258–262, 267, 271–276, 291–293, 289
 Заградник 167
 Задорожник Э.Г. 16, 214–215, 289, 295
 Зайиц Я. 48, 310
 Зайичек В. 228
 Зала Б. 245
 Затопек 310
 Зельдович Я.Б. 144
 Зикмунд М. 162
 Зиновьев А.А. 187
 Зукал П. 250
 Зуска З. 165
 Индра А. 15, 29, 242, 259, 310, 428
 Иоанн Павел II 227–228
 Йира Я. 131–132
 Йироусек И. 173
 Йичинский З. 174, 184, 200, 219, 240
 Кабрна В. 255
 Каван Я. 12, 17, 35, 38, 90, 113–114, 310
 Кадар Я. 142
 Кадерка О. 17
 Кадлец 308
 Канис П. 245
 Кантурек 235–236
 Капек А. 165
 Каплан К. 157, 162
 Каррильо С. 168, 189
 Картер Дж. 180
 Каска 336
 Кафка Ф. 386
 Кашпар О. 22
 Киански М. 165
 Килианова Э. 120
 Кин Дж. 10, 189
 Кинцл К. 318
 Кинцл Л. 72, 114, 132
 Кинцл Ф. 428
 Кириленко А.П. 25
 Кишма И. 165
 Клаус В. 274
 Клима И. 133, 174
 Климент 133

- Клопочка В. 174
 Кметь Н. 14
 Княжко М. 429
 Ковачик В. 236
 Когоут А. 72, 250–251, 318
 Когоут П. 146–147, 157, 174, 182–183, 202, 335
 Колесников В.А. 12, 16, 242
 Колмистр В. 255
 Колодзей М. 37, 49
 Коль Г. 166
 Кольдер 310
 Комарек В. 274, 284
 Коменский Я.А. 188
 Конвицкий Т. 399
 Конечны Я. 236
 Копецкий Л. 429
 Корвалан Л. 342
 Корчиш В. 85, 91
 Косик К. 68, 146, 157–158, 174, 387, 389
 Косыгин А.Н. 23, 25, 51, 320
 Коуделка Ф. 116
 Коутны Б. 220
 Коуцки В. 25
 Коцаб М. 284
 Кочтух Г. 228, 246
 Крайский Б. 189, 205
 Крадохвила И. 291
 Крейчи О. 284
 Кренц Э. 286
 Кржижан И. 284, 429
 Кригель Ф. 23, 29, 30, 33, 42–43, 46, 65, 68, 157, 163, 310
 Крижкова М.Р. 237
 Кубишова М. 194, 395
 Кузнецов В.В. 32
 Кузнецов М. 216
 Кундера М. 162, 209–210, 215
 Курал В. 250, 255, 291
 Куронь Я. 86
 Кусин В.В. 12, 103, 107
 Кусы М. 183, 186, 198, 215, 228
 Кучера Б. 25, 244, 272, 276
 Лаврик Э.Г. 240
 Лакатош М. 72, 318
 Лалуга И. 246
 Латыш М.В. 16, 42–44
 Легки М. 227
 Ледерер И. 146
 Ленарт Й. 25
 Ленин В.И. 101, 353, 356
 Леннон Дж. 238, 267
 Леонтович М.А. 144
 Лесняк Р. 14
 Лис А. 200, 235–236, 241, 280
 Литвинов П.М. 167–168
 Литера И. 250
 Литера Я. 115, 132
 Литомиский Я. 237
 Лопаткин Р.А. 240
 Лоренц А. 242
 Мадры Й. 14, 57, 64, 66, 76–77
 Майоров А.М. 16
 Малинка М. 48
 Малы В. 185, 429
 Малы П. 200
 Мандлер Э. 169–170, 178, 186, 221, 237, 239, 241, 265, 271
 Мао Цзедун 85
 Марванова Г. 220, 238
 Марек Ф. 134
 Маркс К. 101, 126, 306, 339
 Марше Ж. 168, 189
 Марушиак М. 14
 Масарик Т.Г. 170, 187–188, 220, 222–224, 270–271, 282, 401, 425
 Масарик Я. 121
 Масарикова А. 221
 Масарикова Г. 221
 Махачек А. 86
 Мачек Я. 244, 271
 Машек И. 236, 241
 Медведев В.А. 289
 Медек И. 185, 192
 Мезник Я. 120, 128, 131, 184, 236, 328
 Мейштрик М. 429
 Менцл В. 250–256, 291
 Мехирж Я. 35
 Миклошко Ф. 228
 Миллер А. 139, 157
 Милош Ч. 399
 Минач В. 245
 Михайлович М. 86
 Михалович П. 228
 Млынарж З. 14, 22, 25, 30, 35–36, 43–44, 143, 150, 161, 163, 168–169, 174, 181–184
 Млынарик Я. 183, 228
 Могорита В. 284
 Модзелевский К. 86
 Мусатов В.А. 16
 Мюллер А. 166–167
 Мюллер И. 115, 119, 131–133, 184
 Мюнцова А. 228
 Навратил Я. 25, 36
 Науман П. 235–236, 241
 Недбалек Б. 250
 Немец И. 185

- Немец К. 255
 Немцова Д. 185, 203
 Непраш В. 318
 Непраш И. 72, 114
 Никольский С.В. 12, 16
 Новопашин Ю.С. 16, 289
 Обзиня Я. 153, 219, 336
 Ослазы П. 429
 Остры А. 44
 Отагал М. 14, 41, 75, 89, 96, 108, 116–117, 119, 122, 129, 130, 140, 181, 196, 213, 243
 Павел 310
 Павличек Ф. 68
 Павлаштик Ф. 68
 Пажоут Я. 14, 38
 Палах Я. 48–49, 51–52, 54–55, 66, 113, 115, 119, 147, 192, 210, 248–249, 258, 261, 310, 324, 430
 Палацкий Ф. 170, 222
 Палоуш Р. 221, 235–236, 255
 Пальме У. 154
 Паточка Я. 169, 174, 182, 187–189, 193, 203, 394
 Паты М. 429
 Пахман Л. 72, 83, 102, 150, 163, 165, 310, 318
 Пацнер К. 14
 Пеликан И. 12, 83, 89, 96–97, 103, 121, 148, 150, 154, 163, 167, 204
 Пелнарж Я. 33, 57
 Пенц С. 238
 Пернес И. 14, 121, 128
 Перрживы Т. 228
 Петрова Я. 429
 Пиллнер Я. 25
 Пирошко Ф. 12, 16, 177
 Питгарт П. 170, 198, 200, 221
 Пихоя Р.Г. 16
 Плацак П. 220
 Плевза В. 245
 Плогштедт С. 88
 Поволны М. 211
 Подгорный Н.В. 23, 25
 Подседник Й. 120
 Покорны З. 120–122, 128
 Полачек К. 57
 Полянский Д.С. 25
 Поницка Х. 228
 Понтекорво Б.М. 144
 Потмешилова Я. 128
 Пошуста 250
 Пречан В. 13–14, 41, 61, 129, 157, 192–193, 198, 212, 239, 269, 291, 293
 Пржикрыл З. 98, 132
 Прхлик В. 43
 Пудлак Я. 259–261
 Рамет С. 173, 227
 Рейман М. 143, 164
 Ржеганек Ф. 236
 Риго Э. 25
 Рогличек Р. 259
 Ротрекл З. 165
 Ротшильда 154
 Румал И. 236
 Румал Я. 429
 Русек А. 98, 132–133
 Садовский Ш. 37, 45
 Сайферт Я. 69, 165, 174
 Сартр Ж.П. 89, 157
 Сахаров А.Д. 117, 144–145, 154, 163, 176, 206
 Свитак И. 29, 150
 Свобода Л. 23, 25, 27, 31, 33, 36–37, 42, 46, 49, 65, 132, 155
 Седлак Я. 243–244, 259, 274
 Секанинова-Чакртова Г. 43, 158, 163
 Селецкий А. 236
 Селуцкий 167–168
 Семин М. 263
 Скиллинг Г. 13, 72, 179, 183, 238
 Сладек И. 250
 Сланский Р. 146, 184, 200, 221, 320
 Смирковский Й. 25, 33, 36–37, 40, 45–47, 49–50, 54, 56, 60, 66, 145, 147, 150–151, 153, 308, 328, 334, 343
 Солженицын А.И. 117, 156, 165, 188, 198
 Сталин И.В. 138
 Стеглик Й. 255
 Страски Я. 170
 Стринка Я. 228
 Стрыко М. 228
 Стыкалин А.С. 4, 16
 Сук Я. 85–86, 88, 91
 Суслов М.А. 25
 Тамм И.Е. 144
 Татарка Д. 183, 210, 215, 228, 396–399
 Тварох Т. 238
 Тёкеш Р. 13
 Теодоракис М. 133
 Тесарж Я. 72, 83, 95, 97, 102, 122, 131, 114–115, 119, 122, 132–133, 147, 184, 212, 318, 328
 Тигрид П. 121, 165

- Томашек Ф. 232, 240, 248
Троцкий Л.Д. 85–86
Троян О. 429
- Угер Я. 246
Ул П. 85–88, 182, 184, 194–195, 200, 203, 212, 236,
Ульчак Д. 244
Урбан З. 251
Урбан Я. 254–255
- Фалтян С. 45
Фелцман О. 78
Филип О. 150, 154, 157, 163, 165
Флеров Г.Н. 144
Фойтик Я. 242, 259, 428
Фок В.А. 144
Форд Дж. 166
Фридрих К. 98
Фролик Я. 88
- Хайдеггер М. 187–188
Хласко М. 399
Хоффман И. 228
Хоффман К. 428
Хромы Г. 238
Хьюм Д. 159
- Цан Я. 120
Цисарж Ч. 250–251, 254–255, 291
Цисаржова Я. 14
Цисаржовска Б. 257
Цолотка П. 45–46, 50, 56
Цугра Я. 14
- Чалфа М. 250
Чарногурский Я. 228, 236, 246
Чейка К. 98
Чейко 284
- Чепек П. 429
Червоненко С.В. 32, 59
Черник О. 24–25, 30–37, 40–41, 43, 46, 47, 49, 51, 56, 79
Черны А. 98, 112, 120, 132
Черны В. 80, 165
Черны И. 174
Черны Р. 47
Черны Э. 85–86
Чех В. 228
Чехов А.П. 331
Чехова В. 228
Черняев А.С. 289
Чулик Я. 162
- Шабата Я. 29, 75, 95, 98, 103, 112, 115, 118–122, 131–133, 184, 194, 235–236, 241, 324, 326, 395, 430
Шахназаров Г.Х. 216, 289
Швенда О. 128
Швестка О. 25
Шебеста Я. 236
Шелепин А.Н. 25
Шелест П.Е. 25
Шик О. 22, 29, 42, 46, 68, 150, 163
Шилган В. 145, 251, 255, 291, 328, 429
Шилган М. 113, 119–121, 128, 132
Шимечка М. 197, 228, 236, 242
Шимко М. 236
Шимон Б. 25
Шимуличик Я. 14
Шипф Я. 120, 128
Шнайдер Й. 161
Шпачек Й. 25, 35–36
- Шрагин Б.И. 168
Шремер П. 86, 91
Штеглик Й. 250
Штенга М. 221
Штепан М. 242, 259, 428
Штерн Я. 221, 235–236
Штефаньяк М. 244, 271, 273,
Штинда К. 170, 186, 221, 271
Штрёбингер 153
Штроугал А. 35, 37–38, 221, 225, 242, 310
Шулик А. 120
Шустрова П. 85–86, 88
- Щербакова Ю.А. 4
Эрбан Э. 33, 37, 39, 41–42
Эш Т.Г. 258
- Юнгман П. 220
- Яблоницкий Й. 228
Якеш М. 25, 225, 242, 244, 259, 261, 263, 272, 283, 284, 426, 428
Яковлев А.Н. 254
Янку В. 244, 272–273
Яноух Ф. 144–146, 154, 157, 163, 176, 334–335
Ясперс К. 385
- Andrle V. 20
Antalová I. 289
Aurata O. 290
- Barghoorn F.C. 17
Barnovský M. 18–19, 289
Bárta M. 18, 43, 62
Bartuška V. 258

- Belda J. 18, 43, 80, 90, 116, 305, 318
 Benčík A. 18, 42, 177
 Benda M. 258, 294–295
 Benda M. 258, 294–295
 Blažek P. 18–19
 Blehova B. 20
 Cigánek F. 41
 Císařovská B. 20, 410
 Cuhra J. 19, 90–91, 289
 Cysařová J. 19
 Čarnogurský J. 18
 Dahl R.A. 17
 Daniel J. 17
 Dejmal I. 44
 Dobrovský P. 258, 294–295
 Domanský J.
 Doskočil Z. 42
 Dubček A. 18–19, 42, 177–178, 182, 240, 290
 Dubovský P. 240
 Durman K. 289–290
 Eichwege W. 20
 Felcman O. 81
 Golan G. 17, 62
 Gorbačov M. 18, 289
 Gruntorád J. 20, 215
 Hanáková J. 20
 Havel V. 17, 42, 178, 213, 241
 Havelka M. 42
 Hejzlar Z. 42
 Helešič F. 42
 Hlavová V. 239
 Hlušičkova R. 410, 419
 Hoppe J. 43, 80, 305, 318
 Horáček M. 294
 Hrodek D. 20
 Humphrey R. 20
 Jičínský Z. 239
 Jakeš M. 293
 Jechová K. 18, 239
 Kadleček J. 176
 Kaiserová K. 20
 Kamiński J. 20
 Karník Z. 19, 42, 239
 Kašpar O. 42
 Kavan J. 17
 Keane J. 213
 Klima M. 258, 294–295
 Kmet' N. 19, 90, 176, 215
 Kocian J. 289
 Kokoška S. 416
 Kokoškova Z. 416
 Kołodziej M. 44
 Kopeček M. 19, 42, 239
 Kostolán A. 42
 Košický P. 42
 Koudelka F. 240, 289, 293
 Kováč D. 240, 295
 Kriegel F. 42
 Krejčí O. 292
 Kříž R. 258, 294–295
 Kundera M. 42
 Kupka J. 42
 Kusin V.V. 17, 42, 79, 117–118, 177–178
 Láluha I. 18, 240, 290
 Lesňák R. 19, 178, 215
 Madry J. 19, 61, 79–81
 Maňák J. 42, 90
 Marušiák J. 18–19, 290
 Medvedev V. 289
 Měchýr J. 44
 Mlynárik J. 240
 Mlynář Z. 19, 42, 178, 214
 Musatov V. 289
 Navrátil J. 42
 Nosková A. 240
 Ort A. 295
 Ostrý A. 44
 Otáhal M. 18–19, 80–81, 90–91, 116, 129, 137, 176, 178, 213–214, 258, 289, 291–292, 419
 Pacner K. 19
 Pajerová M. 258, 294–295
 Pánek Š. 258, 294–295
 Patočka J. 17, 213
 Paton D. 19, 290
 Pauer J. 20
 Pažout J. 19, 44, 80, 90–91, 307
 Pecka J. 41, 43, 80, 305, 318
 Pelikán J. 17, 41, 81, 90, 116–118, 304
 Pernal M. 20
 Pernes J. 19, 124, 129
 Perzi N. 20
 Pešek J. 18–19
 Petraš J. 42
 Plevza V. 293
 Povolný M. 17
 Prečan V. 17–20, 62, 177, 213, 215, 240, 289–291, 394
 Prokš P. 18
 Ramet S. 179, 214–215, 239–240
 Rychlík J. 294–295

- Sedliaková A. 239
 Skilling H.G. 17, 41, 43,
 80–81, 178–179, 213,
 215
 Sládek Z. 289
 Suk J. 289, 429
 Šimulčík J. 19, 176
 Šimečka M. 214
 Šulc Z. 18
 Štefanský M. 18, 239–240,
 290
 Tigríd P. 17
 Tökés R.L. 17
 Turek O. 293
 Tůma O. 20, 42, 90–91,
 289, 294
 Uher J. 182, 290
 Urbášek P. 18
 Vaculík V. 176
 Váchová J. 19
 Vaněk M. 18–19, 258
 Veselý Z. 303
 Vilímek T. 19, 239
 Vladislav J. 291
 Williams K. 17
 Wilson P. 17
 Zala B. 289
 Žatkuliak J. 213, 239–240,
 289

Научное издание

Э. Г. Задорожнюк

**От крушения Пражской весны
к триумфу «бархатной» революции**

**Из истории оппозиционного движения в Чехословакии
(август 1968 — ноябрь 1989 г.)**

Издательство «Индрик»

Корректор *М. В. Архиреев*
Оригинал-макет *Ю. Е. Рычаловская*

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside
Russia
and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
e-mail: nina_dom@mtu-net.ru
or by tel./fax: +7 495 959-21-03

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
(ОКП) — 95 3800 5

Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная.
27,5 п. л. Тираж 500 экз. Заказ № 2050

Отпечатано с оригинал-макета
в ППП «Типография „Наука“».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 6

ДАННАЯ РАБОТА — ПЕРВОЕ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ,
ПОСВЯЩЕННОЕ ИСТОРИИ
ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ОППОЗИЦИОННОГО
ДВИЖЕНИЯ И ЕГО ВАЖНЕЙШЕЙ
СОСТАВЛЯЮЩЕЙ — ДИССИДЕНТСТВА;
АНАЛИЗИРУЮТСЯ ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ И
НАПРАВЛЕНИЯ ОППОЗИЦИОННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ; ПРОСЛЕЖИВАЮТСЯ
ПЕРИПЕТИИ ФОРМИРОВАНИЯ
ШИРОКОГО СПЕКТРА ПРОТИВОСТО-
ЯВШИХ «РЕЖИМУ НОРМАЛИЗАЦИИ»
НЕЗАВИСИМЫХ ИНИЦИАТИВ И
СТРУКТУР; ДАНА ИХ ТИПОЛОГИЯ И
ЭВОЛЮЦИЯ ПРОГРАММНЫХ УСТАНОВОК;
ЗАФИКСИРОВАНА СМЕНА ПАРАДИГМЫ
ОППОЗИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ —
ПЕРЕХОД ОТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
АКТИВНОСТИ К КОНЦЕПЦИИ
«НЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ».

В ПРИЛОЖЕНИИ ПРЕДСТАВЛЕНЫ
ИЗБРАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ ОСНОВНЫХ
СОСТАВНЫХ ЧАСТЕЙ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО
ОППОЗИЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ.

Для историков, политологов,
преподавателей, студентов.

Э.Г. ЗАДОРЖНЮК

ОТ КРУШЕНИЯ ПРАЖСКОЙ ВЕСНЫ
К ТРИУМФУ «БАРХАТНОЙ» РЕВОЛЮЦИИ

